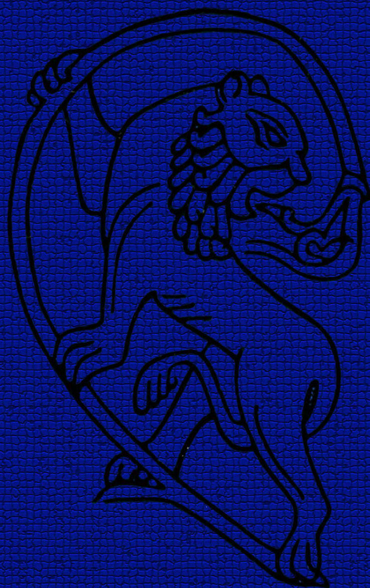
Н.И.ЩАВЕЛЕВА

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В "ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ" ЯНА ДЛУГОША



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Серия основана В. Т. ПАШУТО

Издается с 1977 г.

Редколлегия:

Академик РАН В.Л. ЯНИН (ответственный редактор),
Е. А. МЕЛЬНИКОВА (заместитель ответственного редактора),
Г. В. ГЛАЗЫРИНА (ответственный секретарь),
Т. Н. ДЖАКСОН, И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. НАЗАРЕНКО,
А. В. ПОДОСИНОВ, И. С. ЧИЧУРОВ,
член-корреспондент РАН Я. Н. ЩАПОВ

Н. И. ЩАВЕЛЕВА

ДРЕВНЯЯ РУСЬ в «ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ» ЯНА ДЛУГОША

(Книги I–VI)

Текст, перевод, комментарий

Под редакцией и с дополнениями
А. В. НАЗАРЕНКО

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2004

ББК 63.3(2)41
Щ14

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 03-01-00388д

Вступительная статья *Н. И. Щавелевой* и *Б. М. Клосса*;
составление и перевод *Н. И. Щавелевой*
под редакцией и с дополнениями *А. В. Назаренко*;
комментарий *Н. И. Щавелевой* и *А. В. Назаренко*;
отв. ред *А. В. Назаренко*

Щ14 Щавелева Н. И.
Древняя Русь в "Польской истории" Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 495 с.
ISBN 5-88451-135-3

ББК 63.3(2)41

ISBN 5-88451-135-3

© Н.И. Щавелева, 2004.
© В.Ю. Яковлев, оформление, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

* Разделы 3–4 написаны Б.М. Клоссом.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Судьба отечественной исторической науки складывалась так, что современный историк Руси и России подчас не располагает самыми насущно необходимыми пособиями и изданиями, которые давно уже являются неотъемлемым подспорьем в других национальных историографиях.

Если говорить о средневековой русской истории, в которой автор этих строк дерзает считать себя до некоторой степени специалистом, то нет у нас до сих пор, например, критической научной генеалогии Рюриковичей (при сущем половодье всевозможной литературы на эту тему, которая, однако, носит либо краеведчески-любительский характер, либо явно вторична по отношению к устаревшим справочникам Н.А. Баумгартена и А.В. Экземплярского), нет даже подступов к созданию научной просопографии средневековой Руси, нет современной критической истории Русской церкви (впрочем, *horribile dictu,* наука не располагает и сводной историей Византийской церкви!) и т. д. – этот ряд, увы, можно длить и длить.

Есть, слава Богу, области, в которых дело обстоит не столь прискорбно. Относительно неплохо положение в такой важной сфере как источниковедчески фундированное издание для целей русской истории памятников зарубежной историографии – благодаря основанному В. Т. Пашуто и выходящему вот уже много лет своду Древнейшие источники по истории Восточной Европы, а также традиционному для отечественной науки, хотя и неровному, вниманию к записками иностранцев о Руси и России. Однако и здесь продолжают зиять очевидные лакуны.

Одним из таких пробелов является, несомненно, отсутствие "русского" Длугоша. Отсутствие это столь болезненно не только потому, что Анналы Длугоша представляют собой итог польского средневекового историописания. Труд Длугоша впитал в себя огромное количество сведений по собственно русской истории, в том числе сведений уникальных. Кроме того, даже самая поверхностная попытка уяснить себе древнерусские источники этих сведений выводит исследователя на многие фундаментальные проблемы раннего русского летописания. Важность Анналов Длугоша для истории

Руси и древнерусской историографии была осознана в нашей науке давно, но попыток систематического выявления и критического издания всего корпуса Длугошевых *Rossica* не предпринималось. Между тем совершенно ясно, что без предварительного создания такого корпуса о разрешении загадки источников Длугоша по истории Руси нечего и говорить: исследование вынуждено остановиться на стадии предварительных, пусть даже порой и метких, наблюдений, на какой мы и застаем его в настоящее время.

Созданию "русского" Длугоша в последние годы жизни отдала много сил и времени известная полонистка Наталия Ивановна Щавелева (1946–2001), но длительная болезнь и преждевременная кончина не позволили ей завершить это большое начинание* Исследовательница ограничилась первыми шестью книгами Анналов, в которых история Руси охвачена до татаро-монгольского нашествия (по сбивчивой в данном случае хронологии Длугоша – до 1229 г.): очевидно, здесь автор ориентировалась на принципы свода Древнейшие источники по истории Восточной Европы, которым она следовала и в других отношениях. Но в данном случае такое ограничение соответствует и структуре самих Анналов; дело в том, что систематическое использование древнерусского летописного источника (источников?) прослеживается в них именно до VI книги включительно, хотя сведения о Руси имеются и в дальнейшем. В целом исследовательницей были завершены отбор фрагментов и перевод их на русский язык, написано введение (которое автор, несомненно, еще намеревалась совершенствовать) и начата работа над комментарием.

Важность самого предмета, безусловная ценность уже сделанного Наталией Ивановной, наконец, долг памяти перед этим светлым и бескорыстным человеком и исследователем заставляют не оставить втуне ее труда, хотя редактор отчетливо сознает, что конечный плод его усилий все равно, вероятно, не вполне соответствует той цели, которую ставила перед собой Наталия Ивановна, и уж во всяком случае является только "торсом" того, что могло бы именоваться "русским" Длугошем. Что делать, никакой самый добросовестный редактор не может заменить автора, и уже по одной этой причине его, редактора, труд требует известного самоограничения.

Итак, несколько слов об основных линиях, которыми руководствовался в своем скорбном труде редактор.

Во вводной части мы сознательно ограничили себя рамками чисто внешнего, формального, редактирования, не считая для себя позволительным вмешиваться в содержание, поскольку, увы, были лишены возможности обсудить свои несогласия с автором.

Наше участие в издании латинского текста заключалось в пополнении числа фрагментов, а также в подведении текстологичес-

---

См. некролог: ДГ, 1999 год. М., 2001. С. 460–466.

кого аппарата, который (NB) отнюдь не всегда есть только упрощенный слепок с подстрочного аппарата варшавского издания, положенного в основу настоящего тома. Явные описки (типа *Ltini* вместо *Latini*), включенные в аппарат варшавского издания, в нашем аппарате не отмечались, так же как и отличия варшавского, нового, издания от краковского, старого, которые систематически фиксируются в аппарате варшавского издания. Зато в аппарате нашего издания оговорены погрешности в латинском тексте варшавского издания, хотя без обращения к рукописи нередко бывало невозможно узнать, идет ли речь о простой опечатке или дефекте рукописи, который по недосмотру остался не отмечен польскими издателями. Пунктуация варшавского издания, когда она была, на наш взгляд, неверной, правилась нами без каких-либо оговорок. В конце каждого фрагмента указаны номер книги, а также страницы варшавского издания (то же относится и к переводу).

Переводить Длугоша непросто. Несмотря на свою славу "польского Ливия", как литератор Длугош не блещет особыми достоинствами. Язык его однообразен, описания (например, многочисленных сражений и т.п.) стереотипны. Но при этом стиль чрезвычайно напыщен (за исключением фрагментов, представляющих собой пересказ русских летописей), преувеличенно сложен, грамматические конструкции монотонны и необычайно громоздки: бесконечные вереницы *ablativi absoluti*, крайнее злоупотребление *participia futuri activi* – все это запутывает текст, что сплошь и рядом приводит к грамматическим сбоям и невольным пропускам слов, так как и сам хронист, и, тем более, переписчики теряли нить изложения. Сказанное делает работу переводчика весьма трудоемкой и в известной степени нервной.

Огрехи перевода мы поправляли без каких бы то ни было оговорок, иначе текст стал бы неудобочитаем. Продолжая ориентацию автора на оформление издания в соответствии с принципами свода Древнейшие источники, мы в некоторых случаях (когда это казалось полезным для лучшего понимания содержания) добавляли краткий пересказ контекста переводимого фрагмента. В таких случаях указания на страницы варшавского издания относятся только собственно к фрагменту, не учитывая пересказа. Иногда основное содержание главки и его заголовок не имеют никакого отношения к переводимому фрагменту; в таком случае заголовки опущены. Текстологические примечания к переводу сведены к минимуму. При передаче в переводе имен собственных мы стремились сохранять особенности написания, присутствующие в латинском оригинале за исключением чисто орфографических, вроде *Swant(h)opelk(us)* "Святополк" (причем нередко встречается и написание *Swat(h)opelk)*, *Kyg* "Кий" (лат. *g* часто выступает у Длугоша в качестве аллографа *j*, как показывают написания типа *Stryg* "Стрый" или *Jior*

"Игорь" и т. д.). Из ряда собственно орфографических вариантов выпадают такие, которые могут быть релевантны с точки зрения авторской этимологии: *Oskald* (Аскольд), *Rurek* ("ославяненное" Рюрик) и т. п. – поэтому в подобных случаях мы также прибегали к прямой транслитерации: "Оскальд", "Рурек" В хорографическом разделе I книги встречаются в большом количестве географические названия, правильная транслитерация которых возможна только в случае их идентификации. Если такая идентификация была неочевидна или требовала специального исследования, мы предпочитали приводить названия в латинской графике оригинала, оставляя решение вопроса читателю или будущему исследователю.

Сложнее всего обстояло дело с комментарием, потребовавшим большой доработки. Создание полноценного комментария, который исчерпывающе представлял бы состояние современной историографии по затрагиваемым вопросам, не только заняло бы значительно больше времени, чем то диктовал во многом мемориальный характер издаваемого труда, но и привело бы в итоге к возникновению совсем иной книги. Поэтому комментарий сознательно введен в довольно узкие рамки кратких персоналий и самых первоначальных источниковедческих наблюдений. Обстоятельства и имена, фигурирующие не в тексте, а в пересказе, не комментируются. Здесь, как и в текстологическом аппарате, дополнения редактора и его полемика с автором, которую он, впрочем, позволял себе только изредка, всегда оговорены.

Указатели составлены нами.

Feci quod potui. Errores lectore benigne ignoscas.

Москва
2004 г.

А.В. Назаренко

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

1. Ян Длугош (1415–1480): жизнь и творчество

Длугош – первый польский писатель, о жизни и личности которого мы имеем обширные сведения. Знаем, где и когда родился, имена его родителей, детали его духовной карьеры, время его смерти, знаем, наконец, где покоятся его останки. До сего дня стоит в Кракове дом, который был его местом жительства бóльшую часть жизни, сохранились автографы, книги, которыми он пользовался, около 30 его писем. Он первым дождался посмертного жизнеописания.

Будущий историк родился в 1415 г. в Бжежнице около Радомска, в не очень зажиточной рыцарской семье герба Венява. Отец его, тоже Ян, служил в королевском замке в Бжежнице, но происходил из под Серадза, где владел двумя селами, что в то время приносило небольшие доходы. Ему улыбнулось счастье под Грюнвальдом, где он захватил в плен двух знатных крестоносцев, личных врагов великого князя литовского Витовта. За это скромный рыцарь получил сначала должность в Бжежнице, а позже исполнял обязанности старосты в Новом Месте Корчине, одном из значительных городов Малой Польши. Он продал села у Серадза и купил несколько других у Корчина, одно село основал и управлял ими неплохо. Имел многочисленное потомство: 14 сыновей, не считая дочерей (от двух браков). Всех крестил Янами. Поэтому позже в краковском капитуле было два Яна Длугоша: историк, прозванный Старшим, и его брат – Ян Младший. Но для воспитания и выведения в люди многочисленного потомства рыцарской фортуны, даже поддержанной доходами корчинского старостата, не хватало. На помощь Яну Длугошу-отцу поспешил его брат Бартоломей, богатый приходской священник в Клобуке. Он также получил княжескую поддержку во время Грюнвальдской битвы – как один из королевских капелланов. Именно он в день битвы служил мессу в шатре короля.

Видимо, дядя и направил своего четвертого племянника на духовную стезю, где не очень богатому шляхтичу не очень знатного рода открывались бóльшие перспективы, нежели в рыцарском сословии. Главным условием было знание латыни, ибо это “язык

ксендза" Мальчик пошел в школу в Новом Корчине. Затем, в тринадцатилетнем возрасте Длугош поступил в единственный тогда в Польше Краковский университет.

Жил он сначала у какого-то сурового магистра, а затем ушел в бурсу для богатых, где нередко снимали комнаты преподаватели университета. Однако три года спустя Длугош оставил университет, не получив никакого звания. Можно полагать, что в университете юноша усовершенствовал свою латынь, получил возможность развить абстрактное мышление, необходимое с точки зрения средневековой схоластической дидактики. Именно на университетской скамье Длугош получил первые исторические знания, познакомился с хроникой знаменитого в Польше историографа Винцентия Кадлубка. Вероятно, он даже слушал лекции Яна Домбрувки – профессора, составившего обширный комментарий к этой хронике. Впоследствии Длугош широко пользовался сведениями Кадлубка при написании своих Анналов.

В 1431 г. Длугош поступил на службу в канцелярию знаменитого политического деятеля и краковского епископа (с 1423 г.) Збигнева Олешницкого. Столичный епископ обладал огромной властью, от его решений многое зависело в Польше, правителем которой был тогда Владислав Ягайло, а позже его сыновья. Олешницкий был канцлером Краковского университета. Он не ошибся, выбрав среди студентов себе в помощники усидчивого, способного и делового юношу. При нем Длугош состоял почти четверть века и именно здесь, при епископской кафедре, в непосредственной близости от королевского двора отточил свои знания, прошел школу дипломата, администратора, государственного деятеля, историка, писателя и, наконец, королевского наставника.

Вслед за своим покровителем Длугош не любил чужую литовскую династию Ягеллонов. Юность его протекла при короле Ягайле, а свое 25-летие будущий историк встретил уже при сыне Ягайла Казимире Ягеллончике, с которым ему пришлось идти до конца жизни, вступать в конфликты, бежать от королевского гнева, пережить репрессии и конфискацию имущества, после стать одним из приближенных Казимира, выполнять сложнейшие дипломатические миссии.

На первых порах обязанности Длугоша в качестве секретаря Олешницкого были связаны с обработкой документов и инвентаризацией имущества Краковского епископства. Судя по всему он блестяще справился с этой задачей, поскольку и в дальнейшем ему поручалось заботиться и систематизировать сокровища Краковского диоцеза. Первые записи такого рода не сохранились, зато 40 лет спустя появилась Книга владений Краковской епископии (Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis).

В тридцатилетнем возрасте Длугош замыслил сохранить для потомков материальные вещественные доказательства великих побед

поляков над Тевтонским Орденом в 1410 г. при Грюнвальде и в 1413 г. под Накло. В этих битвах в качестве трофеев были добыты прусские хоругви и повешены над гробницей высокочтимого Длугошем святого XI в. – краковского епископа Станислава. Художник Станислав Дуринк зарисовал их на пергамене, а Длугош, проявив уже талант историка, снабдил их подписями, где сообщал не только сухие данные о войсках и их предводителях, воевавших под этими знаменами, но и снабжал рисунки довольно развернутыми описаниями событий, иллюстрируя свои записи цитатами и примерами из латинских авторов (трактат Знамена пруссов – Banderia Prutenorum).

Кроме работы в канцелярии, Длугош приобретал и новые обязанности, которые поручал ему исполнять Олешницкий. Со временем тот полностью стал доверять своему молодому помощнику и сумел передать ему навыки дипломатической службы. Он постоянно возил его с собой как личного секретаря, а затем доверял и выполнение самостоятельных задач, связанных с государственными делами. Длугош сопровождал Олешницкого в Венгрию, с тем, чтобы уладить вопросы коронации шестнадцатилетнего Владислава Варненьчика. Сын Ягайла должен был получить венгерскую корону, дабы закрепить унию Польши и Венгрии.

В 1448 г. Длугош привез для Олешницкого из Рима от папы Николая V кардинальское звание. В 1450 г. Длугош опять поехал в Рим на праздник отпущения грехов по случаю юбилейного года. По дороге в Рим он заехал в Австрию, был принят императором Фридрихом III и передал письма Олешницкого пребывавшему при императорском дворе известному гуманисту Энею Сильвию Пикколомини (будущему папе Пию II), который в свою очередь в ответном письме к краковскому епископу отозвался об его секретаре чрезвычайно похвально.

Узы между Олешницким и Длугошем становились все теснее. Это была выдающаяся пара. Великий иерарх и политик с широким горизонтом, с далеко идущими амбициями, властная, даже деспотичная натура и расторопный, интеллигентный молодой работник, умевший на лету схватывать мысли своего начальника и толково выполнять его планы, одаренный выдающимися административно-хозяйственными способностями, трезвостью суждения и умением обращаться с людьми, совершенно лишенный в то же время тщеславного стремления верховодить, учтивый и способный – одним словом, идеальный помощник.

Длугош в последние годы жизни Олешницкого был больше, чем помощник, он был скорее соратником, почти родственником, защищавшим даже личное имущество кардинала. О связывавших их отношениях лучше всего свидетельствует тот факт, что Олешницкий, умирая, в 1455 г. назначил Длугоша одним из пяти своих душеприказчиков, зная, что воля его будет надлежащим образом выполнена.

Олешницкий же стал инициатором исторического творчества Длугоша.

После смерти Олешницкого Длугош оставил должность епископского секретаря, чтобы посвятить себя хозяйству и писательскому ремеслу.

Тем временем завершилась многолетняя Прусская война. Во время неустанных споров и доказательств исторических прав перед арбитражными комиссиями ученость Длугоша и его осведомленность стали чрезвычайно необходимы. Поэтому уже в 1464 г. король призвал его возвратиться к дипломатический службе. Следующие два года ушли на различные миссии и разъезды. Длугош принял участие в окончательных переговорах, плодом которых был Торуньский мир 1466 г., вернувший Польше Восточное Поморье и Вармию.

Благодаря дипломатическим путешествиям Длугош получил возможность познакомиться с хрониками крестоносцев, которые (поскольку они были написаны на немецком языке) он поспешил перевести на латынь. Этот новый приток информации оставил явные следы в его главном историческом труде.

В это время польский король Казимир Ягеллончик полностью убедился в достоинствах краковского каноника и в 1467 г. доверил ему воспитание своих сыновей, из которых старшему Владиславу было тогда 12 лет, Казимиру – 9, Ольбрахту – 8, а Александру – 7 (последний, Зигмунт, только в том году родился).

Диву даешься, как среди стольких хозяйственных, дипломатических, воспитательных занятий находил Длугош время для интенсивной литературной работы. А ведь именно в последнюю четверть его жизни была написана львиная доля его сочинений. Избранные труды, опубликованные в конце XIX в. в 9 томах, насчитывали около 5400 страниц большого формата. Бóльшую часть занимали: История Польши – 5 томов (3240 страниц) и Книга владений Краковской епархии – 3 тома (1708 страниц). Наконец, мелкие произведения, включая упомянутые уже Banderia Prutenorum, Житие св. Станислава, Житие св. Кунигунды, Каталоги польских епископов и Знаки Королевства Польского, то есть каталог гербов, признанных в Польше (последний том занимал 596 страниц). Погибло только самое раннее произведение – инвентарь имущества епископа краковского. Все остальное сохранилось до нашего времени.

Наибольший интерес вызывает История Польши – как объемом, так и содержанием (сейчас ее, по старшему списку, называют Анналами: Annales regni Poloniae). При написании Анналов Длугош заложил хронологическую картотеку, где под определенными датами были собраны заметки и документы, относившиеся к событиям этого года. Счастье, что картотека не сгорела в 1460 г. в Кракове. Видимо, Длугош забрал ее с собой.

У Длугоша был свой секретариат. Его сотрудники копировали необходимые документы, начисто переписывали его рукописи, редактировали окончательный текст. Конечно, такой труд, как Анналы, даже если отвлечься от остальных, не мог быть выполнен силами одного человека. Возник он по инициативе, желанию и под давлением Олешницкого, о чем Длугош пишет в предисловии. Однако приступил он к своему труду только после смерти Олешницкого, в 1455 г., когда освободился от обязанностей его секретаря* Он работал одновременно в двух направлениях: писал историю современную (с 1407 по 1480 г.) и древнюю (с легендарных времен по 1406 г.). Над первой работа шла быстрее. 1406 год был выбран в качестве рубежа только из-за того, что с 1407 г. Длугош имел в своем распоряжении систематически ведшиеся акты королевской канцелярии, о сохранении которых не заботились до 1406 г. С точки зрения Длугоша, первая половина правления Ягайла принадлежала давним временам, тогда как о последующем периоде имелись не только архивные материалы, но и воспоминания людей, живших 50 и менее лет назад. Деление на 12 книг возникло значительно позже, в конце работы. В первой части путем изучения бумаги, пометок, добавлений удается определить этапы работы, чего нельзя сделать со второй, автограф которой не сохранился.

После того как материал бывал в основном собран, Длугош приступал к написанию текста, то собственноручно, то диктуя своим секретарям. Обработанный таким способом отрывок кто-то из его подручных переписывал начисто, возможно, редактируя стиль и содержание. Чистовик, сложенный из несшитых страниц, еще не был окончательным. Автор дополнял или исправлял текст, включая в него дописки на основе новых источников или собственных соображений – на полях, а также над или под строкой, когда страницы уже не хватало, после чего ее переписывали набело. В конце труда Длугош сообщал, что редкая страница не перерабатывалась по шесть–семь раз.

Древнейшую часть (до 1406 г.) Длугош начал писать только в 1459–1460 гг. Несмотря на внешние условия (борьба вокруг краковской кафедры) работа усиленно продвигалась вперед и достигла завершения около 1465–1466 гг. Это была, конечно, первая редакция, впоследствии неоднократно пересматривавшаяся и дополнявшаяся. Автор переписал ее начисто уже под конец жизни, что видно по бумаге позднейшего изготовления. Часть вторая (с 1407 г.) была в первой редакции готова раньше, около 1461 г., но доведена только до 1455 г. Следующие 25 лет автор описывал события по свежим следам. В целом все огромное произведение было закончено за

---

* Применительно к следующим хронологическим вехам работы Длугоша над Анналами ср. уточнения, предложенные в гл. 3 Вступительной статьи. – *Ред.*

10–12 лет, еще до того, как в 1467 г. Длугошу было поручено воспитывать королевских сыновей. В последующие 13 лет он пересматривал раннюю и дописывал ежегодно новую историю*

(Незадолго до смерти Длугош был назначен епископом на Львовскую кафедру, но умер 19 мая 1480 г. не дождавшись рукоположения. – *Ред.*)

2. Польские источники Анналов Длугоша

Великий историк Европы был не только хронистом, достигшим высот историописания, но и стал одним из первых источниковедов польского средневековья. Не имеющая более ранних аналогов тщательность, с которой Длугош стремился к "документальной" достоверности, вынуждала его обращаться к памятникам истории разных стран и времён. Разумеется, наибольшее внимание хронист уделил произведениям польского происхождения, имевшимся в его распоряжении. А в канцелярии краковского епископа хранились документы, хроники, анналы еще с X в. Здесь и первый памятник, содержащий известия о границах древней Польши – так называемый Dagome Iudex (X в.), первые датированные сухие записи польских рочников, или, по-западному, анналов. И рукописи первых хроник, развернутое содержание которых особенно привлекало Длугоша. Хотя многие известия переходили из одной хроники в другую, автор XV в. извлекал из них наиболее ценное, дававшее, с его точки зрения, при сравнении с источниками других стран наиболее полную картину событий. Вынимая, как из русской матрешки, хронику Кадлубка (XII–XIII вв.) из Великопольской хроники (XIII–XIV вв.), а хронику Анонима Галла (начало XII в.), в свою очередь, – из сочинения Кадлубка, Длугош при описании тех или иных событий отдавал предпочтение сочинениям, современным этим событиям. Так, взаимоотношения малопольских земель с территориями Юго-Западной Руси в конце XII в. он описывал, заглядывая в Кадлубка, а о правлении Болеслава Кривоустого предпочитал писать, сверяясь с данными Галла Анонима.

Свидетельства о Древней Руси Длугош выписывал чрезвычайно подробно, обращаясь к первым анналам, среди которых были чудом сохранившиеся Рочники краковского капитула и Рочник краткий, или так называемый Рочник Свентокшиский древний.

Зарождение польской хронографии относится к первым векам существования Древнепольского государства. Географическое положение Польши, отдаленность от крупных европейских центров затрудняли проникновение латинской культуры на ее земли. Только

---

* На этом авторская рукопись 1-й главы Вступительной статьи обрывается. Сведений о конце жизни Длугоша в ней нет. Биографические данные Длугоша с указанием источников см.: *Perzanowska A.* Wiadomości. S. 293–365. – *Ред.*

в конце X в., после христианизации Польши, при дворе князя Болеслава Храброго (992–1025) возникли первые анналы. Предполагают, что они принадлежали перу некоего представителя церковной среды, возможно, продолжившего труд епископа Иордана (*Labuda G.* Główne linie. S. 805 ff.). При Болеславе Кривоустом (1102–1138) окончательно оформилась княжеская канцелярия (*Kętrzyński S.* Zarys nauki. S. 144 ff.). XII век – время быстрого освоения достижений культуры. Княжеский двор, привлекавший на службу священнослужителей, становился средоточием политической и духовной жизни страны. Отчетливо обозначилось стремление к увековечению памяти о местной династии. Оно и обусловило появление первой польской хроники, написанной приезжим монахом-бенедиктинцем Галлом Анонимом. Устные сказания о династии Пястов и Болеславе Кривоустом Галл облек в форму так называемых "деяний" (*Gesta*), распространенную в средневековье.

В Польше Галл был занят в канцелярии Болеслава Кривоустого, где выполнял скорее функции историографа (возможно, специально приглашенного), нежели писца или простого служащего, составлявшего документы. По крайней мере Галл не пользовался архивом канцелярии, расположенным в Кракове. Не прослеживается в его хронике и краковская традиция, мало внимания уделено краковским епископам. Видимо, местом написания хроники была Великая Польша – Гнезно или Любинь, где располагался бенедиктинский монастырь.

Хроника разделена на три книги. В первой изложена легендарная история Польши и еще памятные современникам события до 1086 г., до рождения героя хроники Болеслава Кривоустого. Во второй ведется рассказ о молодых годах князя и начале его правления до 1109 г. Третья книга повествует о четырех годах княжения Болеслава и обрывается неожиданно на 1113 г., что заставляет исследователей строить различные догадки по поводу судьбы самого Анонима и его творения.

Хроника была написана, по мнению многих исследователей, в 1107–1113 гг. Полагают, что Галл мог быть свидетелем событий, описанных в третьей книге. Для воссоздания неизвестной ему истории хронист пользовался документами канцелярии, возможно какими-то календарными записями. Ученые обнаруживают в хронике следы древнейших Анналов краковского капитула.

Весьма интересно, что польским современникам не удалось ознакомиться со своей первой хроникой. Впервые следы ее обнаруживаются спустя почти столетие в сочинении Винцентия Кадлубка, который заимствует ее едва ли не полностью. Только в XIV в. сочинение Анонима находит должный отклик в польской историографии благодаря подъему образования и общей культуры, увеличению интереса к науке, своей истории, происхождению государства. Цитаты из хроники Галла появляются во многих хронографических

сочинениях, основные положения Галловой истории, доказывающие мощь Древнепольского государства и его правителей, широко заимствуются дееписателями, в сочинениях которых перед изложением современных им событий, вслед за Галлом, кратко отмечаются важнейшие вехи в истории Польши, служащие славе польского народа. Большинство анналов XIV–XV вв. сообщает о завоевании Болеславом Храбрым Киева, пределах польской земли, ее соседях, пользуясь при этом произведением Анонима.

Серьезно относился к первой хронике Польши и Длугош. Вторая книга Анналов содержит много сведений, заимствованных у Галла. А события 1018 г. (1108, 1009, 1018 гг. по Длугошу) непосредственно списаны со страниц хроники и сдобрены собственными наблюдениями.

Со временем зависимость между изменениями в государственном строе и идейной направленностью исторических сочинений выражалась все очевиднее.

Начало второго этапа польской хронографии связано с именем краковского князя Казимира Справедливого (1177–1194). Время его правления отмечено значительными изменениями в социально-политической жизни страны. Ослабла княжеская власть, выросли претензии феодалов на самостоятельное правление, усилились позиции духовенства, превратившегося в крупную политическую силу. В этот период в польской историографии появилось сочинение, написанное поляком.

Точных сведений о магистре или мастере Винцентии Кадлубке, авторе Польской хроники сохранилось мало. Наиболее интересные данные, к сожалению, только в виде намеков, содержит сама хроника. Кроме того, немногие упоминания сохранились в современных Винцентию Кадлубку документах, каталогах епископов, записях, протоколирующих рукоположения; кое-что можно почерпнуть из Истории Длугоша и у более поздних авторов.

Хроника Кадлубка разделена на четыре книги. В первых трех книгах излагается история поляков с древнейших времен до 1173 г., т.е. до смерти Болеслава Кудрявого. Четвертая книга ведет рассказ о событиях 1173–1202 гг. Она снабжена самостоятельным введением, где Кадлубек представляется как автор и выражает намерение поведать о временах Мéшка Старого и Казимира Справедливого. Замыслив хронику как обширную историю своей страны с древнейших времен до современных ему событий, Кадлубек направил всю свою эрудицию на выполнение поставленной задачи. В этом смысле хроника представляет собой дидактическую компиляцию из классических авторов, из польских и славянских легенд, средневековых литературных произведений. Первый и единственный, по последним данным, комментатор хроники Ян Домбрувка, живший в XV в., составляя нечто вроде учебного пособия по хронике Кадлубка, выделил в ней цитаты из 140 произведений и ссылки на 100 авторов.

Протягивая историческую нить от древности к современности, Кадлубек последовательно защищал и обосновывал примат малопольского удела и краковской монархии. Этой цели служили династические сказания так называемого краковского цикла. Выводя династию Пястов из Кракова (в отличие от Галла, возводившего начала династии к Гнезну и Великой Польше), Кадлубек выступает не только как писатель, но и как политик.

Имея своим непосредственным предшественником Анонима Галла, Кадлубек ни разу не сослался на него, хотя в полной мере воспользовался его хроникой, дополнив и изменив кое-где ход событий. Трудно определить, какими источниками располагал Кадлубек при изложении "послегалловой" истории с 20-х годов XII в. Из письменных памятников в арсенале хрониста были польские анналы, документы, послания. Однако польские рочники, писавшиеся, как известно, при краковском капитуле, были лаконичными; такой блестящий рассказчик, как Кадлубек, мог извлечь из них лишь голые факты и хронологическую последовательность. Документы (привилегии и пожалования) не годились для дидактического повествования. Знаком был хронист с важными государственными актами, такими, как Ленчицкий статут, завещание Болеслава Кривоустого и др. Послания, проповеди и речи вплетались в канву морализаторских поучений. Фактический материал затмевался многочисленными примерами, сентенциями, нравоучениями и ссылками на римское право, которых выделено более 200.

При изучении свидетельств Кадлубка о русско-польских взаимных контактах нет оснований предполагать, что ему были известны какие-либо летописные записи. Чаще всего историк черпал сведения из рассказов людей, близких к епископской кафедре, участников походов, приближенных князя и его родственников. Четвертая книга писалась буквально по следам происходивших событий, непосредственным свидетелем, а порой и участником которых был сам хронист.

Стиль хроники, ее насыщенный метафорами изысканный язык, образная символика и учёность поставили сочинение краковского каноника, а затем и епископа в ряд лучших произведений средневековья. Как историографический памятник хроника стала образцом для подражания. Авторитет Кадлубка был непререкаем для Длугоша. Видный политический деятель, Кадлубек создал историческое произведение, глубоко национальное по своей сути. В нем нашли отражение новые политические реалии: ярко выражено стремление возвеличить сильных краковских вельмож (можновладцев), подчеркнуть значение духовенства. Хроника Кадлубка, впитавшая в себя достижения европейской культуры XII в., стала излюбленной книгой его современников и многих поколений поляков. Она неоднократно переписывалась. Выдержки из нее легли в основу средневековых школьных учебников. Ни одно последующее хронографи-

ческое сочинение в Польше не обошло творение магистра Винцентия своим вниманием.

Третий этап в развитии хронографии Польши характеризуется усилением влияния на историческую литературу происходивших в стране процессов. Неизмеримо расширился культурный горизонт образованного поляка. В конце XIII–XIV в. стали складываться предпосылки для формирования единого Польского государства. Возникла потребность в создании труда, обобщавшего свидетельства всех ранее написанных произведений. Он должен был содержать полную историю народа и государства, обосновывать необходимость централизованной власти (*Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo. S. 125).

Историческое сочинение, которое принято называть Великопольской хроникой, одно из наиболее крупных произведений древнепольской хронографии. Оно представляет собой обширнейшую хронику-компиляцию, в которой не только использованы труды предшествовавших авторов, но и добавлен значительный новый материал. Если источники, на которые опирались Галл и Кадлубек, исследователи распознают с трудом, то автор Великопольской хроники сам указывал, что именно и откуда он заимствовал. Таким своеобразным способом подчеркивалась давность историографической традиции, свидетельствующей о происхождении и процветании польского народа. Составленная из множества материалов, среди которых хроники, анналы, документальные записи, жития святых, рыцарские повести, устные предания, Великопольская хроника вобрала в себя и два основополагающих сочинения предыдущих историографов Польши: хронику Галла Анонима и сочинение Винцентия Кадлубка. Возможно, хроники Галла не было среди документов, которыми непосредственно пользовался создатель великопольского памятника. Но она вошла в сочинение Винцентия Кадлубка, ставшее его главным источником.

Хронист Великой Польши не только продолжил труд магистра Винцентия с 1202 до 1273 г., но и включил в него новые сведения, почерпнутые из других источников. Существует точка зрения, что большинство вставок не принадлежит автору Великопольской хроники, а заимствовано им из не дошедшего до нас более полного текста сочинения Винцентия Кадлубка (*Kürbis B.* [Вводная статья] P. XV). Освещая события XIII в., он использовал главным образом данные польских анналов. В основном это материал великопольских Рочников познанского и гнезненского капитулов, частично заимствованы сведения из малопольских рочников (Рочник краковского капитула). Весьма вероятно, что хронист обращался к несохранившемуся Доминиканскому рочнику. Несомненны связи Великопольской хроники с хроникой так называемого Дежвы (XIV в.) (*Banaszkiewicz J.* Kronika Dzierzwy. S. 78 ff.).

Свое отражение нашли и народные предания: великопольские легенды о началах правления первой княжеской династии Пястов,

эпические сказания, связанные с историей рыцарских родов: силезско-краковская повесть о Петре Властовиче (гл. 32) и тынецко-вислицкая – о Вальтере и Гельгунде (гл. 29). Кроме того, выявлены следы агиографической литературы: Жития св. Станислава (гл. 11, 14), жизнеописания Петра Властовича (гл. 27, 32). Из иностранных источников в первую очередь следует назвать чешскую хронику Далимила (начало XIV в.), усматривается сходство также с некоторыми немецкими и русскими сочинениями (о возможном использовании русских источников см.: *Лимонов Ю.А.* Культурные связи. С. 45 и сл.).

Получив в свои руки обширнейшую библиотеку исторических памятников, хронист подчиняет ее общему замыслу, выстраивает в русле своих намерений написать историю Польши. Не нарушая строгих норм средневековой историографии, требовавшей бережного отношения к трудам предшественников, он тактично вводит в тексты источников необходимые дополнения, расставляет даты, важные для великопольской истории. Прибегая к относительной хронологии, автор связывает легендарных предков и правителей поляков с известными героями библейских и античных времен: Александром Македонским, Юлием Цезарем, Помпеем и др.

Великопольская хроника явилась результатом нового периода развития историографии Польши, проникнутой идеологией сильного единого государства. Создание Великопольской хроники предвосхитило появление Анналов Яна Длугоша, которые по праву считаются одной из вершин латиноязычной историографии средневековой Европы. Хроника осталась незавершенной. Она обрывается на сообщении о женитьбе юного Пшемыслава II (1273). Автор не исполнил своего обещания – "деяния и подвиги" Пшемыслава остались неизвестны читателю.

Уделив так много внимания Великопольской хронике, мы отдаем дань пристрастиям самого Длугоша, для которого эта хроника была на первом месте среди польских исторических сочинений. Но в арсенале историка было также множество иных памятников.

Необычайно ценными источниками начальной истории Древней Польши представляются так называемые рочники или анналы, которыми широко пользовался Длугош. Таких польских анналов насчитывается немногим более тридцати, что, по мнению ученых, составляет лишь третью часть от не сохранившихся до сего времени. Г. Лябуда выделил три фазы в истории польской анналистики: древнейшую – до 1038 г., среднюю – до 1266 г., последнюю – до конца XV в. (*Labuda G.* Główne linie. S. 805). Благодаря многочисленным исследованиям (*Wojciechowski T* O rocznikach polskich. S. 144; *Kętrzyński W.* O rocźnikach polskich. S. 77–180; *Perlbach M.* Die Anfänge. S. 231–285; *David P.* Recherches. P. 5–58; *Budkowa Z.* Początki. S. 81–96; *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo. S. 44–70; *Labuda G.* Główne linie. S. 804–839; и др.) удается в какой-то мере восстановить исто-

рию зарождения польской анналистики, а вместе с ней и польской историографии, поскольку именно рочники, восходящие к своему древнему архетипу, дают самые ранние сведения о польской государственности.

Видимо, в 1013 г. в Польшу попала летописная компиляция немецкого происхождения, доставленная туда женой Ме́шка II немкой Риксой. Этот древнейший рочник был написан на листах пасхальной таблицы. Компиляция стала пополняться летописными сведениями о польской династии, в частности, непосредственно касающимися Риксы и ее окружения. Эти записи дали повод исследователям назвать этот памятник "рочником Риксы" Г. Лябуда считает возможным допустить наличие еще одного, более древнего, рочника, также восходившего к немецкой компиляции, уже другой, которая была передана в Польшу через чехов, а именно вместе с книгами первого польского епископа Иордана, появившегося при дворе Ме́шка I и его чешской жены Дубравки после христианизации Польши. В Гнезне рочник Иордана пополнился сведениями с 965 по 992 г., затем был продолжен уже первым архиепископом гнезненским (с 1000 г.) Гауденцием. После 1013 г. оба рочника были слиты в один памятник, который находился, возможно, в ведении пресвитера и придворного капеллана Сулы. Можно также допустить, что рочники не смешивались, а просто рочник Риксы обогатился новыми сведениями из записей Гауденция.

30-е годы XII в. разлучили Польшу со своим первым историографическим памятником, причем оба рочника были разъединены. В 1032 г. Рикса, бежавшая с сыном Казимиром в Германию, захватила анналы с собой как доказательство прав сына на польский трон. Рочник Риксы, к счастью, вернулся в Польшу вместе с Казимиром I, восстановителем польской государственности, и сохранялся с этого времени (приблизительно с 1039 г.) в Вавельской сокровищнице Кракова, где Казимир основал новую столицу. С 1040 г. рочник продолжался до 1266 г., причем записи до 1138 г. носят придворный характер, и только в конце XII в. появляются выписки, касающиеся краковских каноников. Этими анналами пользовался Аноним Галл, их читал Винцентий Кадлубек. Около 1120 г. из них были сделаны выписки, ставшие основой Древнего, или Свентокшиского, рочника, а в 1266 г. была списана более полная новая копия древнего протографа, сохранившаяся до наших дней (*Labuda G.* Główne linie. S. 836–837) и известная как Рочник краковского капитула.

Ныне большинство ученых склоняются к выводу, что этот последний рочник лучше других сохранил погибший Древний рочник капитульный, первые польские анналы, которые фиксировали события, возможно, уже с X в. Этот древнейший источник польской хронографии с середины XI в. продолжался духовными лицами столичной епископии, обогащаясь современными записями. Будучи своего

рода феноменом, Древний рочник на протяжении веков служил основой не только новым анналам, но и более крупным историографическим произведения. Вполне естественно, что из него спешили сделать выписки, включить его в состав своих компиляций последующие летописцы Польши.

Свентокшиский рочник почти не имеет сведений церковного содержания. Автора извлечения интересовали даты рождения, женитьбы, коронования, смерти польских князей. Единичные сообщения о завоеваниях и победоносных пӧходах умножаются к концу XII в. Для XI в. указан лишь киевский триумф Болеслава Храброго в 1018 г. Я. Домбровский считал, что со второй половины XIII до начала второй половины XIV в. рочник был собственностью краковского капитула, откуда попал в Свентокшиский монастырь, которому и обязан названием, присвоенным ему А. Белёвским.

Вне сомнения, Длугош использовал и агиографические источники: Житие св. Станислава, Житие св. Яцека, Житие св. Саломеи (королевы галицкой), Житие св. Кинги и др. Эти памятники он перерабатывал в соответствии со своим методом: избирал главное, добавляя сведения из других памятников, датировал, по возможности, исправлял со своих позиций государственного деятеля XV в., расширял, если имел дополнительные известия, порой корректировал, морализуя и снабжая дидактическими наставлениями.

Наряду с нарративными источниками автор Анналов просматривал государственные бумаги: коронные метрики, городские и земские книги записей, книги церковного управления, документы епископской канцелярии, протоколы соборов, регистрационные книги, финансовые документы, наконец, законодательные памятники – статуты и многое другое.

3. Кодикологическое исследование "автографа" Длугоша

О происхождении известий Истории Польши (Анналов) Яна Длугоша (в том числе – о принадлежности их самому Длугошу) не всегда можно высказать однозначные суждения. Анализ особенно затруднителен для той части Анналов, которая охватывает события 1407–1480 гг. и представлена лишь поздними списками XVI–XVII вв. Более обнадеживающей ситуация представляется для первой части Анналов, доведенной до 1406 г. и сохранившейся в так называемом "автографе" Длугоша, т.е. в рукописи, переписанной несколькими писцами, но правленной и дополненной рукой самого Длугоша.

Исследованию "автографа" посвящена замечательная работа В. Семкович-Зарембиной, опубликованная в 1952 г., но не утратившая своего значения и поныне (*Semkowicz-Zarembina W* Powstanie). В. Семкович-Зарембина провела классификацию почерков писцов и бумаги кодекса, выявила несколько этапов работы Длугоша над "ав-

тографом" По мнению исследовательницы, в рукописи выделяются три редакционных слоя: 1-я редакция – это часть, переписанная основным писцом с оставленными пробелами для последующего дополнения, датируется 1459–1463 гг.; 2-я редакция образовалась после дополнений из новых источников, работа началась после 1466 г. и продолжалась вплоть до 1480 г.; 3-я редакция сформировалась в результате последующей переписки и добавления новых листов (*Semkowicz-Zarembina W* Powstanie. S. 33–35).

В настоящее время имеется возможность уточнить выводы В. Семкович-Зарембиной и исправить некоторые погрешности ее исследования. Наши уточнения касаются, во-первых, более правильного воспроизведения филиграней рукописи и расположения на них понтюзо; во-вторых, выявления тех филиграней, которые по каким-то причинам не попали в поле зрения исследовательницы; в-третьих, более точной датировки филиграней по архивным материалам и новым опубликованным справочникам; в-четвертых, определения времени нанесения нумераций тетрадей, произведенных в XV в.; и, наконец, в-пятых – датировки помет и исправлений, принадлежащих XVI столетию.

Рукопись "автографа" труда Длугоша хранится в настоящее время в Кракове, в библиотеке Чарторыйских под № 1306. Рукопись в 1°, в постраничной нумерации (XIX в.) содержит 1077 страниц. Имеются две нумерации тетрадей, выполненные в XV (?) в. Самая ранняя нумерация, проставленная на последних страницах тетрадей римскими цифрами, делит кодекс на две части: первая часть, доведенная до 1338 г., содержала 33 тетради, вторая часть (1339–1406 гг.) состоит и теперь из 10 тетрадей. Номера видны не во всех тетрадях: в тех из них, в которых последние листы заменены позднейшими, номера отсутствуют; первые четыре тетради подверглись столь существенной переработке, что от первоначального состава почти ничего не сохранилось (вместо них теперь новые три тетради без первоначальных номеров). Вместе с тем указанные обстоятельства открывают возможность для датировки первой нумерации, исходя из анализа филиграней бумаги, на которой писался переработанный текст (что и будет выполнено ниже). Вторая, более поздняя нумерация тетрадей (также римскими цифрами) учитывает переработку текста в начале кодекса (три тетради вместо четырех) и проставлена по всему объему кодекса (всего учтено 42 тетради). Еще более поздней (XV–XVI вв.) является нумерация арабскими цифрами, нанесенная на первых страницах тетрадей – но ею пронумерованы только первые 14 тетрадей (самая первая тетрадь, лишившись начальной страницы, номера не имеет). Нумерация арабскими цифрами также учитывает переделку текста первых тетрадей и совпадает, в этом смысле, со второй римской нумерацией. В последующем изложении мы пользуемся первой (римской) нумерацией тетрадей.

Анналы Длугоша создавались на протяжении 1460–1470-х гг. На первом этапе был переписан набело текст до 1406 г., причем работу выполнял основной писец (писец В – по классификации В. Семкович-Зарембиной). Впоследствии рукопись подвергалась неоднократным переделкам, когда в текст вставлялись сведения из новых источников. Охарактеризуем более конкретно процесс создания Анналов, который подразделяется на несколько этапов.

Первый этап заключался в закупке партии бумаги для написания набело подготовленного чернового текста Анналов. Эта бумага имела водяной знак: голова быка под 5-лепестковым цветком с подвешенным снизу треугольником (два варианта – *a* и *b*). Из приводимой ниже схемы полистного строения "автографа" видно, что изложение событий до 1406 г. планировалось Длугошем в трех частях. Соответственно этому замыслу бумага первоначальной закупки (со знаком головы быка под цветком) была распределена на три примерно равные части: в настоящее время первую часть составляют тетради первого счета IV, VII–IX, XI–XVI, вторую – тетради XXII–XXX, третью – тетради второго счета I–VII. Первую часть, правда, пришлось дополнить одной тетрадью (тетрадь VI) со знаком весов.

Обратимся к датировке филиграни с головой быка под 5-лепестковым цветком с треугольником. Вариант *a* зафиксирован в делах Краковского городского архива под 1460 г. (Государственный архив в Кракове, Acta terrestinae Cracoviensis № 258. S. 275–297; Castr. Crac. № 14. S. 467–489; № 15. S. 193–216, 285–308), хотя очень близкий вариант знака появляется уже в 1459 г. (Acta terr. Crac., № 258. S. 167–180). Следует сказать, что вариант *a* (или очень близкий) имел хождение и позже (см. Архив краковского капитула, Acta Actorum. T. II – под 1464–1468 гг.; Государственный архив в Кракове, Acta castr. Crac. № 18 – под 1468 г.). А вот одновременное соединение обоих вариантов *a* и *b* выявлено нами в бумаге двух рукописных сборников из Ягеллонской библиотеки в Кракове, датируемых 1461 г.: Ягеллонская библиотека, № 614 (1°, на 74 листах) и № 758 (л. 21–24, 29–48, 51–53). Датировку бумаги первоначальной закупки 1461 годом подкрепляет также филигрань VI тетради: весы в двух вариантах, из которых первый вариант датируется по альбому Г. Пиккара (I, № 211, 212) 1461 годом, а второй по тому же справочнику (I, № 215, 216) – тем же 1461 годом.

Итак, закупку бумаги для написания набело Анналов Длугоша, по нашим данным, следует датировать 1461 г. Эта партия бумаги оказалась разделенной на три части – с учетом содержания Анналов. Первая часть была ориентирована на объем первых шести книг Анналов (с древнейших времен до 1240 г.). Вторая часть содержала текст до 1338 г. Третья часть (получившая отдельную потетрадную нумерацию) охватывала события 1339–1406 гг. Выбор 1339 г. в качестве начала третьей части знаменателен: он не совпадает с делением Анналов на книги, но в точности соответствует содержа-

нию составленного Длугошем еще в 50-х годах XV в. сборника грамот и договоров, заключенных Польшей с Орденом в период 1339–1422 гг. (Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum).

Полученные данные свидетельствуют, что ***к 1461 году черновик Анналов, доведенный по крайней мере до 1406 г., уже существовал*** и содержал три основные части: от древнейших времен до 1240 г., от 1241 г. до 1338 г., от 1339 г. до 1406 г. Следует сказать, что охарактеризованная стадия работы над рукописью "автографа" ускользнула от внимания В. Семкович-Зарембиной.

Второй этап: основным писцом переписаны первые 16 тетрадей на бумаге первоначальной закупки и тетради XVII–XIX, XXI новой партии бумаги. Так было завершено копирование первой части Анналов. Бумага, использованная для дополнения первоначальной закупки, содержала филиграни: 1) голова быка под крестом с перекрестием (два варианта) – 1-й вариант близок к опубликованному в альбоме Ф. Пикосинского, № 904 (1459 г.), 2-й вариант близок к опубликованному у Г. Пиккара, XI, № 229 (1459–1461 гг.) и Ф. Пикосинского, № 905 (1462 г.); 2) голова быка под крестом с перекрестием (другой тип, два варианта) – Пиккар, XI, № 218 (1462–1463 гг.). Если вспомнить, что Длугош в середине 1461 г. попал в опалу и находился в изгнании до начала 1463 г. (но в феврале 1463 г. он уже принял участие в заседании краковского капитула), то работу по написанию первой части Анналов следует относить ко времени около 1463 г.

Третий этап: основным писцом переписана вторая часть Анналов (тетради XXII–XXX на бумаге первоначальной закупки и тетради XXXI–XXXIII на бумаге дополнительной закупки). Бумага дополнительной закупки имела филиграни: 1) голова быка под стержнем с 6-лепестковым цветком с подвешенным снизу большим крестом – Государственный архив в Кракове, Acta castr. Crac. T. 17. S. 1000–1007 (акты 1466 г.), Пиккар, XIII, № 728 (1465–1467 гг.); 2) голова быка под стержнем с 6-лепестковым цветком с подвешенным снизу малым крестом – Пиккар, XIII, № 729 (1461–1462 гг.). Палеографические данные позволяют датировать написание второй части Анналов 1463–1465 гг.

Четвертый этап: основным писцом переписана третья часть "автографа" (тетради I–VII второго счета на бумаге первоначальной закупки и тетради VIII–X второго счета на бумаге новой партии). Бумага новой закупки содержит водяной знак: голова быка под стержнем с 7-лепестковым цветком, обвитым змеей (два варианта) – оба варианта встречаются в делах Государственного архива в Кракове, Acta terr. Crac. T. 16. S. 83–95 (акты 1463 г.), второй вариант см.: Acta terr. Crac. T. 17. S. 277 (конец 1464 г.). Таким образом, написание третьей части Анналов датируется 1463–1464 гг. (что позволяет уточнить и время написания второй части Анналов).

Последующая работа над “автографом” состояла в переделке готового текста (с привлечением новых источников), вставках дополнительных листов, в переписывании заново отдельных тетрадей. Охарактеризуем подробнее деятельность Длугоша и его секретарей в этот период.

Пятый этап представляет работу второго писца: в середину XVII тетради он вложил двойной лист, переписанный его рукой, аналогичным образом он поступил с XXII тетрадью, где был вложен двойной лист между 5-м и 6-м двойными листами; в XXII тетради он вложил двойной лист между 3-м и 4-м двойными листами; в I тетради (второго счета) один лист был подклеен к 2-му листу. В первых двух случаях использована бумага с филигранью: голова быка под крестом и 8-лепестковым цветком – Государственный архив в Кракове, Acta terr. Crac. T. 17. S. 173–175 (1464 г.); Acta terr. Crac. T. 258. S. 433–437 (1464 г.). В XXIII тетради использован лист с филигранью: голова быка под стержнем с 4-лепестковым цветком и коромыслом – Acta terr. Crac. T. 16. S. 131–135 (1464 г.); Acta terr. Crac. T. 17. S. 149, 201–209 (1464 г.); Acta terr. Crac. T. 260. S. 7–39 (1464 г.); Acta castr. Crac. T. 17. S. 421–433 (1464 г.). В последнем случае подклеен лист, на котором видна нижняя часть филиграни, аналогичной первому знаку (у В. Семкович-Зарембиной знак определен неправильно), – Пиккар, XI, № 361 (1462–1463 гг.). Таким образом, деятельность второго писца датируется 1464 г.

Шестой этап: третий писец заново переписал V тетрадь. Бумага тетради содержит филиграни: 1) голова быка под стержнем с 6-лепестковым цветком – Государственный архив в Кракове, Acta terr. Crac. T. 147. S. 389–397 (1466 г.); Ягеллонская библиотека в Кракове, № 1242, сборник 1466 г. (Л. 68–86); 2) голова быка под стержнем с 6-лепестковым цветком с подвешенным снизу малым крестом ближайших аналогий не найдено; 3) голова быка под 5-лепестковым цветком, увенчанная снизу треугольником – Архив краковского капитула, Acta Actorum. T. 2. Л. 14–21 (1464–1465 гг.), 30–35 (1466–1467 гг.), 36–43 (1468 г.). Работа третьего писца может быть датирована 1466 г.

Седьмой этап представляет работу четвертого писца: он заново переписал X тетрадь; 6 листов в середине XV тетради были переписаны, а с внешней стороны к тетради был добавлен один двойной лист; в XVI тетради внешний двойной лист был заменен новым (а текст переписан), ко 2-му листу подклеен еще один лист. Использована бумага с филигранью: голова быка под крестом с перекрестием (два варианта) – Государственный архив в Кракове, Acta castr. Crac. T. 18. S. 623–641 (1468 г.), 731–745 (1469 г.); Архив краковского капитула, Acta Actorum T. 2. Л. 44–55 (1468–1470 гг.). Деятельность четвертого писца, стало быть, относится к 1468– 1469 гг.

Восьмой этап представляет работу пятого писца: текст первоначальных трех тетрадей (где помещалась хорографическая часть)

переписан заново и размещен уже в двух тетрадях (вторая тетрадь получилась большего размера); в IV тетради писец заменил 1-й и 12-й листы (напомним, что обычная тетрадь содержала 12 листов, т.е. сложенных вдвое больших листов) и еще один подклеил ко 2-му листу; в VIII тетради были заменены 2-й и 11-й листы и дополнительный лист подклеен к 3-му листу. Писец использовал для своей работы бумагу с водяным знаком: голова быка под крестом и 7-лепестковым цветком (два варианта) оба варианта находятся в сборнике актов краковского капитула, Acta Actorum. Т. 2. Л. 8–13 (1464 г.). Тем не менее, работу пятого писца следует датировать более поздним временем: в результате переписки им была сбита нумерация тетрадей, проставленная (как увидим ниже) в 1468–1469 гг., а его метод переделки текста (целыми тетрадями) сопоставим с деятельностью шестого писца. Датируем поэтому работу пятого писца 1469–1470 гг.

Девятый этап: шестой писец переписал два двойных листа в середине VIII тетради; заменил 4-й двойной лист в XIV тетради; заново переписал XX тетрадь и увеличил ее объем (до 15 листов); в XXVIII тетради подклеил один лист к предпоследнему листу, а первый и последний листы вообще заменил. При этом использована бумага с филигранью: голова быка под 4-лепестковым цветком с коромыслом (два варианта) – Государственный архив в Кракове, Acta terr. Crac. T. 17. S. 375–383 (1466 г.), 513–519 (1468 г.), S. 597–613 (1469 г.); Acta terr. Crac. T. 118. S. 67–79 (1470 г.); Пикосинский, № 1075 (1470 г.); оба варианта представлены в сборнике Ягеллонской библиотеки, № 433 (1469–1472 гг.) на л. 162–192. Девятый этап работы над "автографом" Длугоша датируется, таким образом, 1469–1470 гг.

Десятый этап представляет работу седьмого писца: в XXXIII тетради заменены три внешних двойных листа, а ко 2-му листу подклеен еще один; в следующей (I по второму счету) тетради к листу, вставленному третьим писцом, подклеены и переписаны еще три листа. Использована бумага с водяным знаком: ключи под крестом (два варианта) – Архив Краковского капитула, № 194 (Liber Beneficiorum dioecesis Cracoviensis Яна Длугоша). Л. 140–171, 187–209, 215–226, 242–248 (ок. 1474 г.), № 196. Л. 31–68 (1476–1480 гг.) (*Jelonek-Litewska K.* Czas powstania. S. 155–159). Хотя с равной возможностью допустима датировка с середины и до конца 1470-х гг., я больше склоняюсь к последнему периоду, так как на отмеченных листах тома 196 Liber Beneficorum встречается вариант "ключей", использованный следующим (восьмым) писцом, работавшим в конце 70-х гг. XV в.

Одиннадцатый этап: восьмой писец в IV тетради заменил (и переписал) 4-й двойной лист; в IX тетради к 2-му листу подклеил еще один лист; в XXI тетради заменил (и переписал) 4-й и 5-й двойные листы; в XXXI тетради между 2-м и 3-м листами вставил двойной

лист; во II тетради (второго счета) к 8-му листу подклеил еще один лист; в IX тетради (второго счета) заменил (и, естественно, переписал) 4-й и 5-й двойные листы. Использована бумага с филигранями: 1) голова быка под крестом, обвитым змеей – Пиккар, XVI, № 125 (1478–1480 гг.); Государственный архив в Кракове, Acta terr. Crac. T. 262. S. 79–87 (1479, 1480 гг.); Acta terr. Crac. T. 18. S. 397 (1480 г.); 2) ключи под крестом – Acta terr. Crac. T. 18. S. 343, 351 (1478 г.), 375 (1479 г.); 3) голова быка под стержнем с 5-лепестковым цветком и короной – Пиккар, XV, № 229 (1480 г.). Таким образом, работа восьмого писца датируется 1478–1480 гг.

Двенадцатый этап определяется деятельностью девятого писца: в IX тетради к 7-му листу подклеен (и переписан) один лист; в XVI тетради по одному листу подклеено к 5-му и 7-му листам; в конце XXVII тетради подклеен (и переписан) один лист; к предпоследнему листу V тетради (второго счета) подклеен один лист; в VIII тетради (второго счета) к 3-му и 10-му листам подклеено по одному листу; в конце X тетради (второго счета) подклеен один лист. Использована бумага с филигранью: голова быка (деформированная) под 5-лепестковым цветком с подвешенным снизу треугольником (видна только нижняя часть знака) – в силу фрагментарности идентификация знака затруднена, но по однотипности работы с предыдущим писцом данный этап должен датироваться тем же временем (1479–1480 гг.).

На *тринадцатом этапе* последний лист XVII тетради был заменен и переписан особым почерком. Видна часть филиграни: двойной крест – наиболее близкая аналогия имеется в альбоме В. Будки (*Budka W* Papiernie), № 2 (1506 г.). Следовательно, замена листа произведена в начале XVI в.

Четырнадцатый этап характеризуется редакторской работой некоего писца, который, пользуясь в основном киноварными чернилами, оставил на полях "автографа" множество помет, написал заголовки разделов, несущие подчас дополнительную информацию о событиях. Основной массив приписок находится на с. 9–66 и 724–1043. В. Семкович-Зарембина отнесла почерк к XVI столетию (*Semkowicz-Zarembina W* Powstanie. S. 17).

Нам удалось определить данного писца: оказывается, тем же почерком писан первый том Анналов Длугоша (содержащий первые шесть книг) из Ягеллонской библиотеки, № 33/1. Рукопись в F°, на 1060 страницах. Филиграни: 1) гербовый щит с крестом (с. 1–346) – типа Брике, № 1246 (1591–1595 гг.); 2) гербовый щит под короной, под ним надпись в картуше CLAVDE DENISE (с. 347–602, 783–946, 1043–1060) – типа Брике, № 1164 (1571–1583 гг.); 3) одноглавый орел в круге под короной (с. 603–690, 947–1042) – Брике, № 207 (1573–1598 гг.), Лауцявичюс, № 135 (1586 г.); 4) гербовый щит с вазой и виноградом (с. 691–782) – Брике, № 2122 (1568–1581 гг.). Рукопись может быть датирована концом 80-х –

началом 90-х гг. XVI в. Следует отметить, что данный том содержит особую редакцию Анналов, в которую включено, в частности, жизнеописание самого Яна Длугоша.

Второй том (№ 33/2), содержащий книги VIII–XI, также представляет рукопись в F°, на 430 листах, но писан другим почерком. Основной филигранью является орел в круге – как и в первом томе. Этот знак дополняется еще другими: 1) щит с литерой М под 6-конечной звездой – типа Брике, № 8391 (1578–1579 гг.); 2) гербовый щит под короной, под щитом лигатура из букв WR – типа Брике, № 1477 (1589–1611 гг.). Следовательно, оба тома написаны в одно время. Писец второго тома назвал себя по имени (на л. 429): Inutilis Andreae Dolscii ("непотребного Андрея Долсция").

Третий том комплекта находится в Библиотеке Чарторыйских в Кракове, MN 193. Рукопись в F°, содержит 742 страницы и представляет XII книгу Анналов (1435–1480 гг.). Третий том почти целиком писан Андреем Долсцием (за исключением с. 347–348), его подпись читается на с. 742. Использована бумага первого тома (щит с крестом, орел в круге) и только на с. 347–348 (где вклинился другой почерк) оказался щит под лилией – знак из второго тома.

Определив писца, редактировавшего "автограф" Длугоша на последнем этапе, тем самым уточняем время его работы: конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в.

Мы можем теперь суммировать наблюдения о структуре "автографа" Длугоша.

Когда в 1463–1464 гг. основным писцом был переписан набело текст Анналов до статьи 1406 г. включительно, то он оказался поделенным на две неравные части: первая часть (с начала и до 1338 г.) состояла из 33 тетрадей, вторая же часть (1339–1406 гг.) содержала 10 тетрадей (самостоятельного счета). В свою очередь, первая часть представляла два блока: первый блок (тетради I–XXI) создан в 1463 г., второй блок (тетради XXII–XXXIII) – в 1463–1464 гг.

Первый блок, исчерпывающий книги I–VI Анналов и содержащий основной массив сведений по истории Древней Руси, представляет для нас особенный интерес. Процесс его написания и последующего редактирования предстает в следующем виде.

Начальные три тетради не сохранились: их текст был переделан и переписан набело пятым писцом в 1469–1470 гг. – но уже в двух тетрадях – с. 1–22 и с. 23–56 (при этом страница 56 оказалась незаполненной). Вставки на полях рукой писца имеются на с. 4, 5, 8, 9, 31, 37, вставки и исправления в тексте рукой Длугоша – на с. 6, 7, 11, 13, 14–17, 20, 40, 42, 44, 47. В оставленных в тексте пробелах сделаны дополнения рукой Длугоша на с. 12, 13, 18, 19, 21, 22, 45.

IV тетрадь (с. 57–82) в значительной степени сохранила текст 1463 г., но с. 57–60, 81–82 переписаны пятым писцом в 1469–1470 гг., а с. 65–66, 75–76 – восьмым писцом в 1478–1480 гг.

V тетрадь (с. 83–108) не сохранилась в первоначальном виде, она целиком переписана третьим писцом в 1466 г. Текст на с. 105 впоследствии был зачеркнут, на с. 90 на полях имеется вставка рукой писца. В оставленных пробелах Длугошем вписаны дополнения на с. 86, 87, 91, 92, 94, 95, 97–99.

VI и VII тетради (с. 109–132 и 133–156) сохранили первоначальный текст 1463 г., но в оставленных пробелах сделаны вставки рукой Длугоша на с. 113–115, 124, 125, 129, 135, 136, 144, 149.

В VIII тетради (с. 157–182) текст 1463 г. сохранился лишь частично: с. 159–162,179–180 написаны пятым писцом в 1469–1470 гг. (он же вписал ряд текстов в оставленных пробелах и на других страницах), с. 167–174 переписаны шестым писцом в тех же 1469–1470 гг. На с. 173–174, 176–177 текст впоследствии был зачеркнут.

IX тетрадь (с. 183–210) сохранила первоначальный состав полностью, но были дополнительно вклеены: с. 185, переписанная почерком восьмого писца в 1478–1480 гг., и с. 197 – руки девятого писца (1479–1480 гг.).

X тетрадь (с. 211–234) полностью переписана четвертым писцом в 1468–1469 гг.

Тетради XI (с. 235–258), XII (с. 259–282) и XIII (с. 283–306) полностью сохранили состав 1463 г.

В тетради XIV (с. 307–330) произведена замена: с. 313–314, 323–324 заново переписаны шестым писцом в 1469–1470 гг.; остальные листы принадлежат первоначальному слою 1463 г.

В тетради XV (с.331–358) поздними являются тексты, написанные четвертым писцом в 1468–1469 гг. более темными чернилами на с. 331–332, 339 (вклейка), 341–350, 357–358.

В тетради XVI (с. 359–386) такими же темными чернилами и тем же четвертым писцом переписаны в 1468–1469 гг. с. 359–360, 360a–360b (вклейка), 385–386. Но есть и более поздние вставки: девятым писцом в 1479–1480 гг. написаны с. 367 (вклейка), 375 (вклейка).

Тетрадь XVII (с. 387–414) в целом сохранила первоначальный состав 1463 г., но в середину тетради вставлены с. 399–402 (написаны вторым писцом и Длугошем в 1464 г.), а последний лист (с. 413–414) заново переписан в начале XVI в. (датировка будет уточнена ниже).

Тетради XVIII (с. 415–438, причем с. 421–422 оставлены чистыми) и XIX (с. 439–462) полностью сохранили текст 1463 г.

Но тетрадь XX (с. 463–492) написана позднее шестым писцом в 1469–1470 гг.

В последней тетради блока – XXI (с. 493–516) часть текста переписана в 1478–1480 гг. восьмым писцом: с. 499–502, 507–510; остальные листы принадлежат слою 1463 г.

Второй блок "автографа" содержит описание событий 1241–1338 гг. (тетради XXII–XXXIII). Охарактеризуем его состав.

В тетради XXII (с. 517–544) сохранился первоначальный текст 1463–1464 гг., но сделана вставка с. 527–528, 533–534 (в 1464 г. рукой второго писца).

Аналогичная картина наблюдается в отношении тетради XXIII (с. 545–568), где с. 551–552, 561–562 заново переписаны вторым писцом в 1464 г.

Тетради XXIV (с. 569–592), XXV (с. 593–616), XXVI (с. 617–640, на с. 636 текст впоследствии зачеркнут), XXVII (с.641–666) сохранили состав 1463–1464 гг., но один лист (с. 665–666) дополнительно подклеен в конце XXVII тетради и переписан девятым писцом в 1479–1480 гг.

В тетради XXVIII (с. 667–692) шестым писцом в 1469–1470 гг. переписаны с. 667–668, 689–690 (вклейка), 691–692.

В тетрадях XXIX (с. 693–716) и XXX (с. 717–740, на с. 722 текст впоследствии зачеркнут) сохранился состав 1463–1464 гг. Отметим, что на с. 737 рукой Длугоша вписано известие о заключении Торуньского мира, что еще раз подтверждает тезис о написании основного текста до 1466 г.

В тетради XXXI (с. 741–768) в первоначальный текст сделана вставка: с. 745–748 (восьмым писцом в 1478–1480 гг.).

Тетрадь XXXII (с. 769–792) сохранила первоначальный состав полностью.

В тетради XXXIII (с. 793–818) переделке подверглись с. 793–794, 795 (вклейка), 797–800, 813–818 (переписаны седьмым писцом в конце 1470-х гг.).

Третий блок "автографа" (с изложением событий 1339–1406 гг.) содержит тетради I–X второго счета. Они имеют следующую структуру.

В тетради I (с. 819–850, текст на с. 836 зачеркнут) сохранился первоначальный текст, который позже был дополнен: с. 827–828 (вклейка, письмо второго писца около 1464 г.), 821–826 (письмо седьмого писца в конце 1470-х гг.).

Первоначальная тетрадь II (с. 851–876, текст на с. 857 зачеркнут) содержит вставку: с. 869–870 (текст переписан восьмым писцом в 1478–1480 гг.).

Тетради III (с. 877–900) и IV (с. 901–924) сохранили первоначальный состав.

Тетрадь V (с. 925–950) содержит одну вставку: с. 947–948 (письмо девятого писца в 1479–1480 гг.).

Тетради VI (с. 951–974) и VII (с. 975–998) сохранили первоначальный текст 1463–1464 гг.

В тетради VIII (с. 999–1028) подклеены с. 1003–1004, 1015 (письмо девятого писца в 1479–1480 гг.) и с. 1023 (текст написан Длугошем).

В тетради IX (с. 1029–1052, текст на с. 1049 зачеркнут) рукой восьмого писца (в 1478–1480 гг.) переписаны с. 1035–1038, 1043–1046.

Тетрадь X (с. 1053–1077, текст на с. 1060 зачеркнут) сохранила первоначальный состав 1463–1464 гг., лишь в конце тетради подклеена с. 1077 (текст писан девятым писцом в 1479–1480 гг.; он же дописал с. 1076).

Осталось решить вопросы, связанные с датировкой потетрадных нумераций "автографа" Длугоша. По первоначальной нумерации (римскими цифрами) часть до 1338 г. состояла из 33 тетрадей, вторая часть (1339–1406 гг.) – из 10 тетрадей. Номера проставлялись в каждой тетради на последней странице в левом нижнем углу. Нумерация сохранилась на тетрадях, переписанных основным писцом в 1463–1464 гг. Кроме того, она имеется на V тетради, переписанной четвертым писцом в 1468–1469 гг., и на XV тетради, подвергшейся переделке со стороны четвертого писца в тех же 1468–1469 гг. Однако XVI тетрадь, в которой внешние листы были заново переписаны четвертым писцом, номера лишилась. Остались без номера XX и XXVIII тетради, переписанные или переделанные шестым писцом в 1469–1470 гг., XXXIII тетрадь, в которой внешние листы были заменены седьмым писцом в конце 1470-х гг., X тетрадь (второго счета), в конце которой девятым писцом был подклеен лист в 1479–1480 гг.; естественно, XVII тетрадь, последний лист которой переписан в начале XVI в., также лишилась номера. Отсюда можно сделать вывод, что *первая нумерация* тетрадей была проставлена в 1468–1469 гг.

Вторая нумерация тетрадей учитывает переработку первоначального текста и проставлена уже по всему объему кодекса. В. Семкович-Зарембина отнесла ее к XV в. (*Semkowicz-Zarembina W* Powstanie. S. 8). Следует сказать, что нумерация нанесена не ранее конца 70-х гг. XV в., поскольку значится на бывшей XXXIII тетради, внешние листы которой переписаны седьмым писцом (тетрадь получила новый номер XXXII). Но бывшая XVII тетрадь, в которой последний лист (с. 413– 414) переписан на бумаге с двойным крестом, лишилась всех номеров. Это значит, что вторая нумерация существовала до момента переделки последнего листа XVII тетради. В. Семкович-Зарембина датировала лист (с. 413–414) XV в., мы же отнесли его к началу XVI в. Но датировку можно уточнить.

В. Семкович-Зарембина обнаружила, что почерк, которым переписан текст на вставном листе (413/414) "автографа", совпадает с почерком одного из писцов так называемого Codex Calvimontanus из Национальной библиотеки в Варшаве, III.8053 (этим почерком написаны л. 224–237 об., 262–277 об., 302–337 об.). Варшавская рукопись представляет лишь 1-й том Анналов Длугоша, 2-й и 3-й тома находятся в Курникской библиотеке под № 197 и 198. Тома из Курникской библиотеки явно вышли из одного скриптория: у них одинаковые водяные знаки и совпадающие почерки. Например, одним почерком написаны в BK-197 с. 561–568 (кроме части текста на с. 564), а в BK-198 – л. 112 – 121 об. (кроме части текста на

л. 115–115 об. и л. 118–119). В обоих томах имеются общие водяные знаки с варшавским кодексом. Родственным варшавской рукописи является так называемый Codex Regius из Национальной библиотеки, III.3005. Выявленным выше почерком писаны и здесь с. 318–323, 360–363, 367–370, 373. Обе рукописи датированы В. Семкович-Зарембиной XV в., хотя в современных описаниях Национальной библиотеки в Варшаве написание кодексов отнесено к концу XV – началу XVI в. Важнейшим является наблюдение В. Семкович-Зарембиной, что Codex Calvimontanus непосредственно переписан с "автографа" Длугоша. Об этом свидетельствует точное соответствие текста некоторых тетрадей обоих кодексов, причем нумерация тетрадей Codex Calvimontanus совпадает со второй нумерацией "автографа" (*Semkowicz-Zarembina W* Powstanie. S. 8). Codex Regius В. Семкович-Зарембина признает копией Codex Calvimontanus. Если принять предположение В. Семкович-Зарембиной о нанесении второй нумерации в "автографе" рукой одного из писцов Codex Calvimontanus (*Semkovicz-Zarembina W* Przedmowa. S. 19), то время переписки с. 413–414 в "автографе" Длугоша и появления второй нумерации тетрадей зависит теперь от точной датировки указанных кодексов из Варшавской Национальной библиотеки.

Рукопись III.8053 (Codex Calvimontanus) – в 1°, на 360 листах. Филиграни двух типов: 1) голова быка под крестом, обвитым змеей (два варианта) – основная филигрань кодекса, датируется по Пиккару (XVI, № 190) 1511 г.; тот же знак является основным и в томах Курникской библиотеки, № 197 и 198, но там имеется еще один вариант: Пиккар, XVI, № 153 (1512–1515 гг.); 2) голова быка под крестом и 6-лепестковым цветком (л. 94–105) – Пиккар, Xl, № 308 (1515–1516 гг.). Таким образом, кодекс может быть датирован 1515–1516 гг.

Рукопись III.3005 (Codex Regius) – в 1°, на 1116 страницах. Филиграни трех типов: 1) голова быка под крестом и 6-лепестковым цветком (с. 3–13, 499–1113) – Пиккар, XI, № 307 (1513–1516 гг.); 2) голова быка под крестом, обвитым змеей (два варианта: с. 1, 15, 17–309, 355–497) – Пиккар, XVI, № 190 (1512–1517 гг.); 3) тиара с литерами по сторонам креста (с. 311–353) – Пиккар, XIII, № 16 (1512–1516 гг.). Codex Regius, следовательно, также датируется 1515–1516 гг. и писан в одно время с Codex Calvimontanus.

Из данных наблюдений можно сделать вывод, что вторая нумерация тетрадей в "автографе" Длугоша нанесена около 1515 г. и тогда же были переписаны с. 413–414 (тем самым более точно датируется тринадцатый этап в истории "автографа").

4. Русские источники I–VI книг Анналов Длугоша

Известия Анналов Длугоша, имеющие отношение к истории Древней Руси, давно привлекают интерес исследователей, не без основания полагавших, что источниками их являлись русские ле-

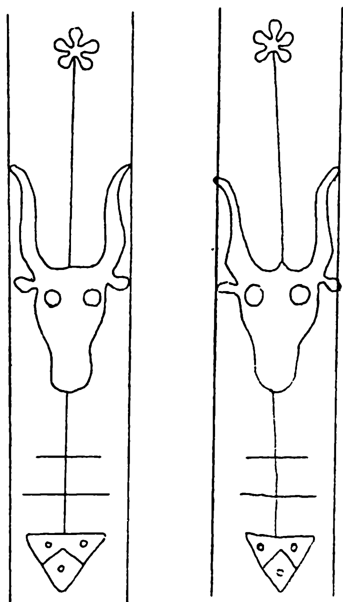


Рис. 1. Бумага первоначальной закупки

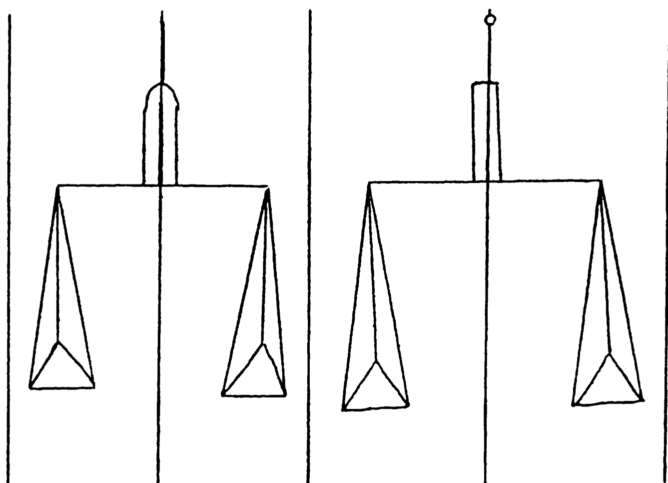


Рис. 2. Бумага первоначальной закупки (VI тетрадь)

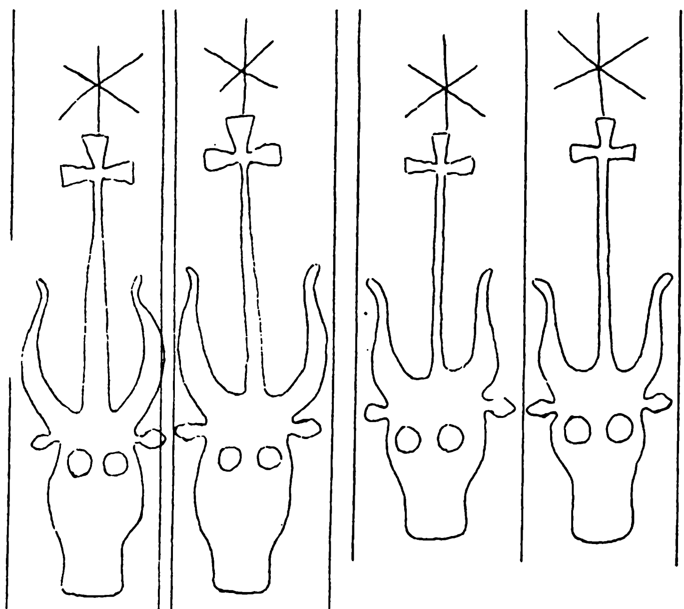


Рис. 3. Бумага первого дополнения

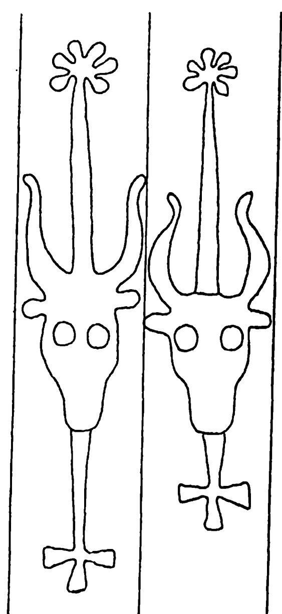


Рис. 4. Бумага второго дополнения

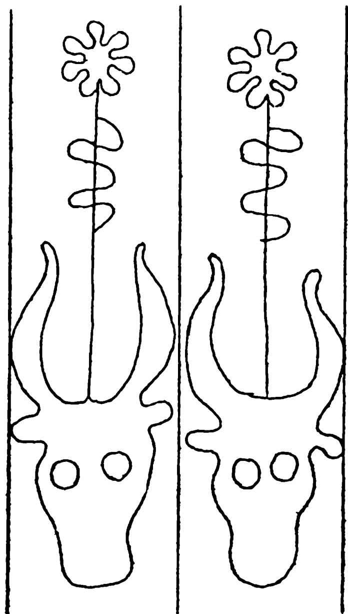


Рис. 5. Бумага третьего дополнения

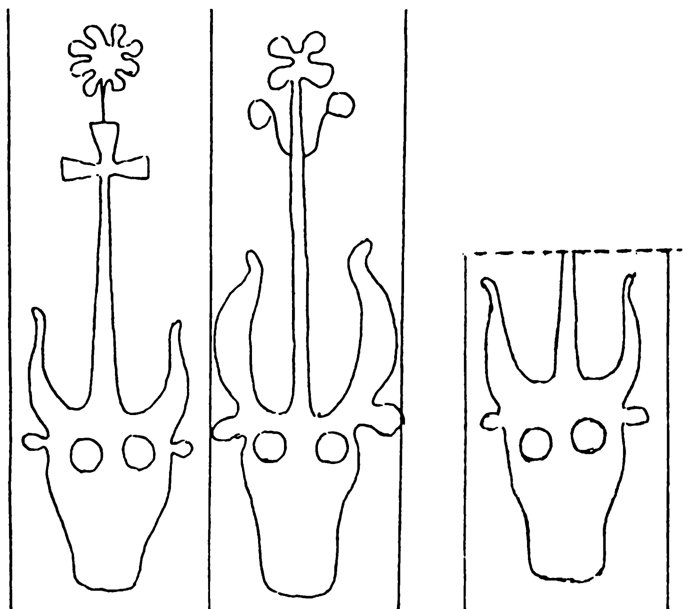


Рис. 6. Бумага, использованная вторым писцом

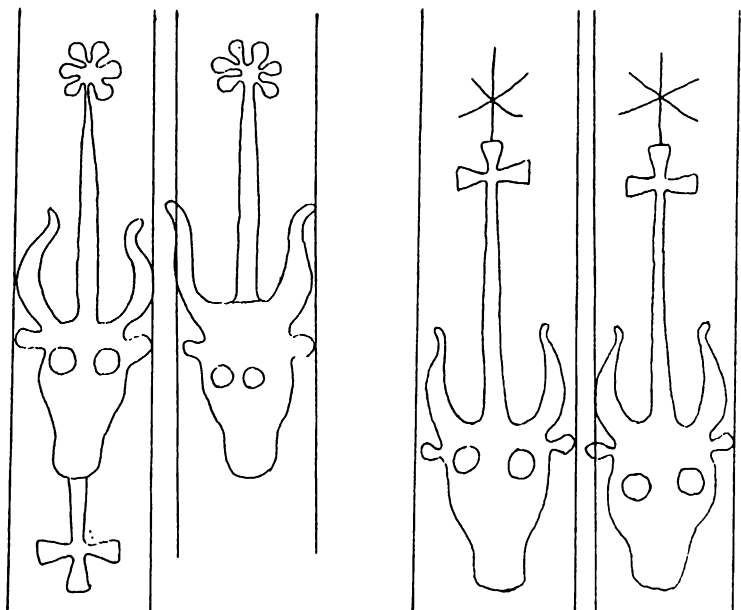


Рис. 7 Бумага, использованная третьим писцом

Рис. 8. Бумага, использованная четвертым писцом

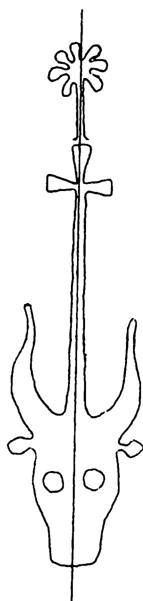
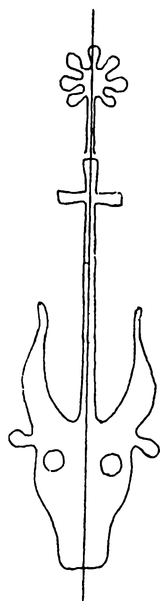



Рис. 9. Бумага, использованная пятым писцом

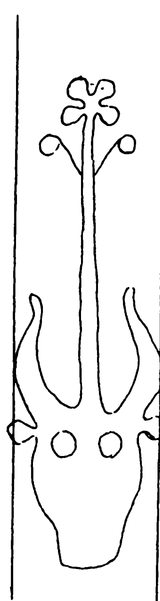
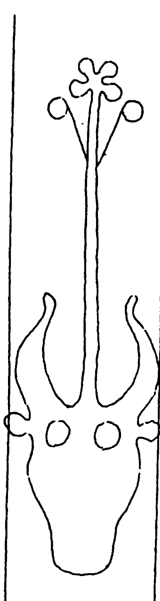



Рис. 10. Бумага, использованная шестым писцом

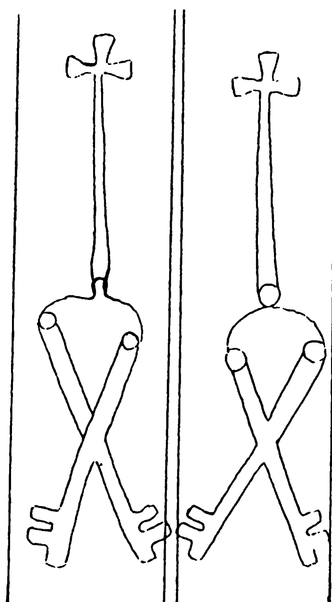


Рис. 11. Бумага, использованная седьмым писцом

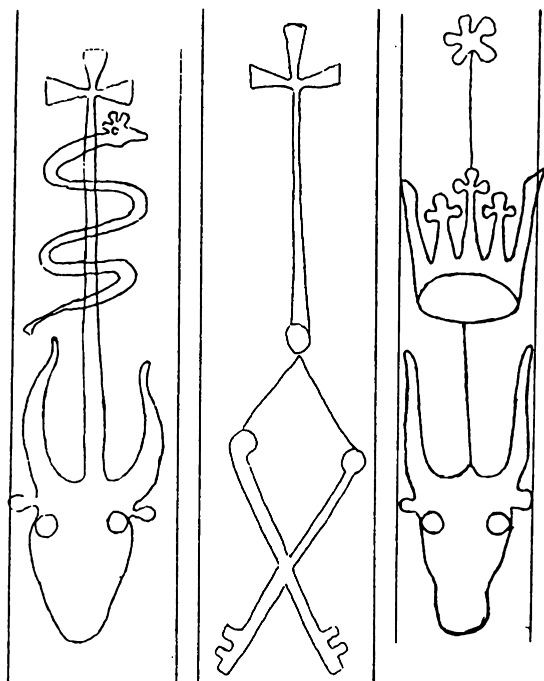


Рис. 12. Бумага, использованная восьмым писцом

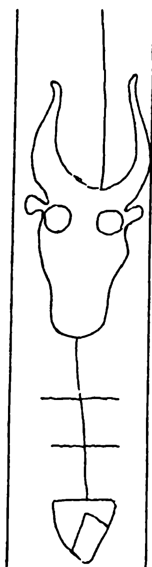


Рис. 13. Бумага, использованная девятым писцом

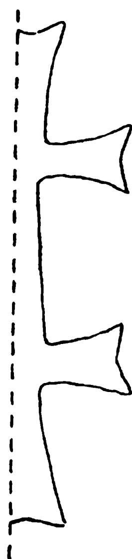


Рис. 14. Вклейка начала XVI в.

тописи. Тем не менее идентификация русских летописных памятников, бывших в руках польского хрониста XV в., до сих пор вызывает споры. Трудность проблемы определяется в первую очередь неразработанностью принципиальнейших вопросов истории русского летописания древнейшей поры. Лучше всех знал летописи А.А. Шахматов, он же проницательно (хотя и в общих чертах) охарактеризовал русские источники труда Длугоша: Свод 1423 г., особая Галицко-Волынская летопись, Западнорусская летопись (последняя в основном использована при описании событий конца XIVв.) (*Шахматов А.А.* Разыскания. С. 340–364). Е. Перфецкий попытался уточнить упомянутый южнорусский источник и охарактеризовал его как Перемышльский епископский свод 1225 г. (*Perfeckij E.* Historia Polonica); однако автор ошибочно включил в состав предполагаемого свода известия позднего происхождения, а церковный характер памятника вообще может быть поставлен под сомнение, так как речь идет в основном о междукняжеских отношениях. В.Т. Пашуто свел все многочисленные источники Длугоша к одному, который определил как Киевский свод 1238 г. (*Пашуто В.Т.* Очерки. С. 21–67). Однако ошибки в методике исследования достаточно очевидны: Московский свод 1479 г. привлекался не в списках и даже не по изданию в составе XXV тома ПСРЛ, а в передаче поздней Воскресенской летописи (публикация которой к тому же несовершенна); происхождение известий не выяснялось, причем игнорировались выводы А.А. Шахматова даже в тех случаях, когда они совершенно бесспорны. Еще один пример ошибочной методики и выборочного анализа узкого круга известий вне контекста всего массива сообщений Длугоша о русских событиях представляет собой работа М.Н. Тихомирова (*Тихомиров М.Н.* Русские летописи). Аналогичные ошибки присущи и последнему исследованию источников Длугоша, принадлежащему Ю.А. Лимонову: признается использование польским историком только одной русской летописи (близкой к Московскому своду 1479 г.); текст Анналов изучается не по латинскому оригиналу, а по польскому переводу, в котором обнаруживаются, как ни странно, неверные прочтения; при сравнении Анналов с какой-нибудь группой летописей (например, Лаврентьевско-Троицкой) в качестве образца выбирается только одна из летописей, а варианты по другим памятникам не учитываются – в итоге исследователь приходит к неверным выводам (*Лимонов Ю.А.* Культурные связи. С. 6–96). Следует сразу сказать, что предположение о привлечении Длугошем поздней летописи типа Московского свода 1479 г. не может быть принято, во-первых, по соображениям хронологическим (памятник конца 70-х гг. XV в. не мог быть использован в труде, подготовленном в основном к 1461 г. и набело переписанном и отредактированном в главных компонентах в 1460-х гг.), во-вторых, из-за того, что ряд известий Анналов не находит соответ-

ствия ни в Московском своде 1479 г., ни в летописях Ермолинской и сходных с нею.

В заключение замечу, что при изучении источников Анналов ни одним исследователем не учитывались кодикологические особенности "автографа" Длугоша. Подробного описания рукописи не существует даже в современном издании Анналов на латинском языке и в их польском переводе (введение, написанное В. Семкович-Зарембиной, содержит только суммарные данные, а ее работа 1952 г. в существенных чертах уже устарела и требует уточнений).

Наблюдениями исследователей, занимавшихся русскими источниками Длугоша, накоплен, тем не менее, содержательный материал, позволяющий высказать предварительные соображения о тех летописях, которые были доступны польскому историку. Это: 1) летопись типа Лаврентьевской; 2) летописный памятник из семейства Софийской I – Новгородской IV летописей: 3) южнорусский источник, сходный с Ипатьевской летописью.

Лаврентьевско-Троицкая группа летописей содержит несколько сходных памятников. Сама Лаврентьевская летопись, известная в списке 1377 г., отражает Владимирский великокняжеский свод начала XIV в. К той же традиции примыкает и митрополичья Троицкая летопись, доведенная до 1408 г. По новейшим данным, Троицкая летопись создана крупнейшим писателем Средневековой Руси, иноком Троице-Сергиева монастыря, исполнявшим одновременно должность митрополичьего секретаря, Епифанием Премудрым (*Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. С. 100–104, 241–255).

Летописание начала XIII в. отражают лицевая Радзивиловская летопись в списке 1487 г. (так называемый Кенигсбергский список), созданная вероятнее всего в Смоленске, Московско-Академическая летопись конца XV в. (*Клосс Б.М.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. 3-е изд. С. G–N) и так называемый Летописец Переяславля Суздальского (или Летописец русских царей), известный в двух списках 60-х гг. XV в. западнорусского происхождения (*Клосс Б.М.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. V–X). А.А. Шахматов полагал, что Радзивиловский и Московско-Академический списки независимо восходят к общему оригиналу (*Шахматов А.А.* Обозрение. С. 228– 230), однако оказывается, что большинство приведенных им примеров первичности Московско-Академического списка по сравнению с Радзивиловским порождено ошибками существующих изданий текста Лаврентьевской с вариантами по Радзивиловскому и Московско-Академическому спискам. Тем не менее, некоторые разночтения все же указывают на близость Московско-Академического списка к тексту Лаврентьевской и Летописца Переяславля Суздальского в тех случаях, когда Радзивиловский список отошел от общего протографа. Тем самым тезис А.А. Шахматова о происхождении Радзивиловского и Московско-Академического списков от общего оригинала остается в силе, хотя и с поправками.

Общий оригинал Радзивиловского и Московско-Академического списков представлял из себя Владимирский свод, доводивший изложение до 1205 г. (6714 г. в ультрамартовской датировке), но в дефектном состоянии: из-за перепутанности листов события с конца 6711 г. и по 6714 г. оказались расположенными ранее известий 6711–6713 гг. (отмеченные особенности присущи обоим спискам); кроме того, утерян лист с окончанием статьи 6714 г. А.А. Шахматов указал на существование более полного и исправного списка свода 1205 г., отразившегося в составе Львовской летописи и Тверского сборника (*Шахматов А.А.* Ермолинская летопись. С. 33–48); А.А. Шахматов определил, что список отражал "первоначальную редакцию Радзивиловской летописи", продолжался до 1205 г., но сохранился лишь в сочетании с другими источниками). В дальнейшем свод 1205 г. был отредактирован и продолжен записями до 1214 г., ведшимися при дворе переяславского князя Ярослава Всеволодовича – так образовался Летописец Переяславля Суздальского (заключительная фраза о "високосном лете" свидетельствует об окончании летописца в 6724 г., что при ультрамартовской датировке указывает на 1215 г.). Сравнение Лаврентьевской летописи с Радзивиловской и Летописцем Переяславля Суздальского приводит к выводу, что сходный текст этих летописей продолжался до 1205 г. (6714 г. в ультрамартовской датировке). Вслед за окончанием общего источника в Лаврентьевской повторен 6714 г., но уже в мартовском обозначении, и далее следует текст, отличающийся от Летописца Переяславля Суздальского; Радзивиловская же вообще обрывается на статье 1205 г. Поэтому можно считать, что с 1205 г. связан определенный этап в истории владимирского летописания. Вместе с тем из наблюдений А.А. Шахматова следует, что в основе Лаврентьевской лежал более ранний вариант свода 1205 г. (в Радзиловской и Летописце Переяславля Суздальского внесены позднейшие тенденциозные добавления имени Всеволода Большое Гнездо в известиях о деятельности его брата Михалка).

Для истории русского летописания важнейшее значение имеет памятник, давший начало семейству Софийской I – Новгородской IV летописей. Этот не дошедший до нашего времени свод первоначально был датирован А.А. Шахматовым 1448 г., но впоследствии ученый признал ошибочность своих построений (под влиянием частного письма А.В. Маркова). После этого свод стал называться Новгородско-Софийским, а время его создания А.А. Шахматов отнес к 30-м гг. XV в. (ориентируясь на окончание старшей редакции Новгородской IV летописи в 1437 г.). Источником общерусских известий Новгородско-Софийского свода А.А. Шахматов считал некий Владимирский полихрон 1423 г., существование которого в последнее время поставлено под сомнение (*Лурье Я.С.* Общерусские летописи; однако автор неудачно реанимировал идею "свода 1448 г."). В итоге остаются бесспорными лишь следующие сообра-

жения о характере летописного сборника, к которому восходят Софийская I и Новгородская IV летописи: это был явно митрополичий общерусский свод, доведенный до 1418 г. (на 1418 кончается общий текст Софийской I и Новгородской IV). Новые данные позволяют уточнить датировку свода: во-первых, ряд повестей, читающихся в составе Софийской I и Новгородской IV летописей, а следовательно читавшихся и в их общем источнике (Повести о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского, и др.), созданы Епифанием Премудрым, причем до 1419 г. (года кончины писателя); во-вторых, проявляющаяся в ряде статей свода антилитовская направленность была допустима в 1415–1419 гг., в период раскола единой митрополии Киевской и всея Руси и образования на территории Великого княжества Литовского отдельной митрополии во главе с Григорием Цамблаком (Цамблак умер в 1419 г. и после этого русско-литовские отношения стали нормализоваться) (*Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. С. 110–124). Таким образом, митрополичий свод, явившийся источником Софийской I и Новгородской IV летописей, был создан около 1418–1419 гг., и его логично назвать *Сводом митрополита Фотия.*

Свод митрополита Фотия положил начало семейству Новгородско-Софийских летописей. Нас в первую очередь интересуют их переработки, которые оказались на территории Великого княжества Литовского и, следовательно, могли быть доступны Длугошу в первую очередь.

Признано, что в Анналах Длугоша была использована западнорусская летопись, которая привлекалась при описании событий конца XIV в. Текст западнорусских летописей лучше всего представлен группой древнейших списков (Никифоровский, Супрасльский и др.). В них общерусская по содержанию летопись доведена до 1446 г. и распадается на несколько частей: до 1305 г. использована Новгородская IV летопись; в известиях 1305–1388 гг. представлена выборка из Троицкой летописи начала XV в.; часть 1383–1427 гг. основана на Софийской I и дополнена записями, ведшимися при дворе митрополита Фотия; наконец, в части 1431–1446 гг. превалируют западнорусские, а точнее – смоленские известия, что и определяет смоленское происхождение свода в целом. Погодное изложение завершается Летописцем великих князей литовских, содержащим историю сыновей Гедимина и доведенным до смерти Витовта.

Смоленский свод середины XV в., в котором начальная часть была основана на Новгородской IV летописи, мог быть использован Длугошем не только в известиях конца XIV в., но и в первых шести книгах Анналов.

Известно несколько видов Новгородских кратких летописцев, имевших распространение на территории Великого княжества Литовского. А.А. Шахматов считал, что в основе Летописца епископа

Павла, "Сказания летом вкратце" (примыкающего к Хождению Игнатия Смолнянина), Летописи Авраамки, первой части Рогожского летописца лежит сокращенная версия свода 1448 г. (*Шахматов А.А.* Обозрение. С. 231–255, 302–328). По новейшим представлениям в этих летописцах использован один из вариантов Новгородской IV летописи (*Клосс Б.М., Лурье Я.С.* Русские летописи. С. 92). Рогожский летописец, сохранившийся в списке 40-х гг. XV в., в первой своей части (до 1283 г.) основан на Новгородском кратком летописце с предшествовавшей ему хронографической компиляцией, но дополнен по суздальскому источнику. Западнорусский сборник епископа Павла также имеет в начале хронографическую подборку, но сам летописец, основанный на Новгородской IV , продолжен до 1461 г. Так называемая Летопись Авраамки (БАН Литвы, F 22–49), доведенная до 1469 г., в части до 1309 г. представляет Новгородский краткий летописец в соединении с Сокращенным общерусским сводом, известия 1309–1446 гг. изложены по Новгородской V летописи; летописному тексту предшествует хронографическая подборка, а в приложении помещены статьи из Комиссионного списка Новгородской I летописи. Сама рукопись датируется 70-ми гг. XV в., но вплетена в сборник, составленный в Смоленске в 1495 г. (в предшествующей литературе летопись ошибочно датировалась 1495 г. и неправомерно связывалась с именем Авраамки).

Южнорусскую, вернее, Галицко-Волынскую традицию отражает Ипатьевская летопись (новейшее описание списков Ипатьевской летописи см.: *Клосс Б.М.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. С. E–N). Из списков летописи только Хлебниковский (XVI в.) имеет несомненно киевское происхождение; в XVII в. Хлебниковский список положил начало новым редакциям Ипатьевской летописи.

Киевское летописание древнейшей поры в явном виде не сохранилось, но следы его проявляются в более поздних компиляциях. Среди них важнейшее значение имеет Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. Впервые А.А. Шахматов обнаружил в составе Московского свода 1479 г. (на протяжении XII в.) южнорусский источник, сходный с Ипатьевской летописью (*Шахматов А.А.* Обозрение. С. 275–281). Наблюдения А.А. Шахматова были расширены и уточнены А.Н. Насоновым (*Насонов А.Н.* Московский свод 1479 г. С. 350–385). В московском памятнике А.Н. Насонов выявил статьи южнорусского происхождения на пространстве 1118–1196 гг., но отметил, что оригинальные южнорусские известия читаются и далее: под 1210, 1212 и 1214 гг. (Там же. С. 372–373). А.Н. Насонов также установил, что южнорусская летопись была использована уже в общем оригинале Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи, который исследователь определил как митрополичий свод, составленный в 1464–1472 гг. Выводы А.Н. Насонова впоследствии были пересмотрены: 1) протограф Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи более правильно оценен как вели-

кокняжеский летописец; 2) Московскому своду 1479 г. предшествовал более ранний памятник – Свод 1477 г.; 3) составители оригинала Ермолинской летописи пользовались не только протографом Московского свода 1479 г., но и его источниками (Киевской, Софийской I и Троицкой летописями), дополнительно – Сокращенным сводом 1472 г. В таком случае создание оригинала Ермолинской летописи хронологически сближается с формированием протографа Ермолинской и Московского свода, под которым я и понимаю Свод 1477 г. (*Клосс Б.М., Лурье Я.С.* Русские летописи. С. 103–111).

К реконструкции киевского источника Московского свода 1479 г. до сих пор не привлекалась Типографская летопись. Причиной этому являлось ошибочное заключение А.А. Шахматова, будто в Типографской использован сам Московский свод 1479 г. На самом деле в Типографской читается более ранний текст (по нашему заключению – Свод 1477 г.), в котором южнорусский источник сохранил черты, утраченные в Московском своде 1479 г. Целый ряд известий Типографской сходен с Ипатьевской летописью и отсутствует в Московском своде 1479 г.: под 1089 г. – упоминание юрьевского епископа Антония в сообщении об освящении Успенской церкви Печерского монастыря, под 1112 и 1113 гг. – подробности о черниговском епископе Иоанне, под 1114 г. – о заложении Ладоги, под 1122 г. – о женитьбе Мстислава Владимировича, под 1156 г. добавлено о митрополите Климе, под 1160 г. читаются даты вокняжения Изяслава Давыдовича и его убиения (в Московском своде пропущены), под 1163 г. указано время правления митрополита Феодора, под 1164 г. подробнее рассказывается о приходе митрополита Иоанна, под 1177 г. сообщено о судьбе плененного рязанского князя Романа (пропущено в Московском своде, но воспроизведено более точно в Ермолинской). Известия о нашествии саранчи и о землетрясении в Киевской земле в Типографской, как и в Ипатьевской помещены под 1195 г., а в Московском своде – под 1196 г. (кроме того, Типографская ближе к Ипатьевской в написании даты события). Киевский источник Типографской летописи местами отличался от Ипатьевской и содержал сведения, отсутствующие в Московском своде 1479 г. и Ермолинской летописи. Так, подробнее, чем в Ипатьевской, рассказывается под 1118 г. о конфликте между Ярославом Святополковичем и Владимиром Мономахом, под 1159 г. иначе указано место расположения у Вышгорода стоянки Ростислава Мстиславича. Интересно сообщение 1174 г. о захвате Киева Святославом Всеволодовичем – с точной датой.

Количество текстов Московского свода 1479 г. (или его протографа – Свода 1477 г.), в которых заметно влияние южнорусского источника, должно быть увеличено. Напомним, что А.Н. Насонов ограничил его рамками 1118–1196 гг. Однако выясняется, что и до 1118 г. можно выявить вставки из южнорусской летописи. Так, текст

статьи Московского свода 1051 г. о Печерском монастыре, основанной на Троицкой, подвергся правке по летописи, сходной с Ипатьевской. Рассказ 1074 г. о смерти Феодосия Печерского в первой половине (до слов "обещася монастырем пещися") основан на Софийской I, а дальше – на Ипатьевской летописи. С Ипатьевской летописью сходна вся статья 1086 г., под 1087 г. – известие о походе Всеволода к Перемышлю, под 1088 г. – известие о выезде Святополка в Туров. Ближе к Ипатьевской сообщение 1089 г. об освящении Печерской церкви (лучше текст передан в Типографской). Совпадают с Ипатьевской известие Московского свода под 1101 г. о заложении Владимиром Мономахом Богородицкой церкви в Смоленске, под 1102 г. – о рождении у Мономаха сына Андрея, под 1111 г. – о смерти черниговского епископа Иоанна (в Типографской известие перенесено под 1112 г. и добавлено, что "сей же Иоан лежа болен на своей епископьи лет 25, не могий служити"), под 1112 г. – о походе Ярослава Святополковича на ятвягов и женитьбе его на дочери Мстислава Владимировича, о поставлении Феоктиста черниговским епископом (в Типографской известие перенесено в статью 1113 г. и добавлено: "И рад бе князь Давыд и вси людие и жадаху епископли службы"). Как уже говорилось, в Типографской под 1114 г. подробнее сказано о заложении Ладоги ("камением на приспе"). Из летописи, сходной с Ипатьевской, выписана также вся статья 1117 г.

Очевидно, что в основе южнорусского источника, использованного в Московском своде 1479 г. (точнее – в Своде 1477 г.), лежал Киевский свод 1198 г. Но южнорусские статьи Московского памятника не ограничиваются XII веком. Известие 1200 г. о смерти черниговского князя Ярослава заимствовано из Троицкой, а отчество ("Всеволодич") добавлено из летописи типа Ипатьевской (где читается под 1198 г.). Под 1205 г. в Московском своде помещено южнорусское известие: "Рюрик отда Белгород Олговичем, Олговичи же посадиша в нем брата своего Глеба" Ряд сообщений связан с историей Галицкого княжества: 1208 г. – об изгнании венграми из Галича Владимира Игоревича и посажении там его брата Романа; 1210 г. – об изгнании из Галича Романа Игоревича, вокняжении Ростислава Рюриковича, а затем Романа "с братом"; 1211 г. – о захвате Галича венграми и казни троих Игоревичей. Под 1212 г. читается рассказ о походе смоленских и иных князей на Киев, вокняжении на киевском столе Мстислава Романовича Смоленского. Под 1214 г. читаются подробности о вокняжении в Галиче венгерского королевича, о замене православного духовенства католическим, о приходе в Галич торопецкого князя Мстислава Мстиславича "просити себе Галича" у короля. Под 1218 г. упомянуто о кончине Ростислава Рюриковича и Константина Давыдовича – князей из смоленского "племени" Следующие известия возвращают нас к судьбе Галича: 1219 г. – об изгнании из Галича Мстислава Мстиславича и посажении там венгерского королевича; 1220 г. – об отра-

жении набега Литвы на Черниговское княжество, о походе на Галич Мстислава Романовича Киевского и Мстислава Мстиславича; 1228 г. – о болезни Мстислава Мстиславича на пути из Галича в Киев и его смерти.

Многие из указанных известий были выделены еще А.А. Шахматовым, но ученый считал, что они содержались в "древней Владимирской летописи", поскольку однородные им сообщения имеются в Лаврентьевской (*Шахматов А.А.* Обозрение. С. 274–275). А.Н. Насонов, как говорилось выше, охарактеризовал некоторые известия как южнорусские, отличающиеся от Ипатьевской летописи. Владимирских сводчиков, конечно, волновали события в Южной Руси, но у них были свои источники информации, которую они трактовали с учетом интересов владимирских князей и их родственных связей с южнорусскими княжескими домами.

Таким образом, южнорусский источник, отразившийся в Московском своде 1479 г. и родственных памятниках, в композиционном отношении выглядел следующим образом: в основание его был положен Киевский летописный свод 1198 г. (причем редакция его отличалась от Ипатьевской летописи), продолженный на протяжении первой трети XIII в. известиями о событиях главным образом на Киевщине и Галицком княжестве, в которых ведущую роль играли представители смоленского княжеского дома.

В итоге можно констатировать, что в Смоленске в середине XV в. сосредоточилось значительное количество летописных материалов: Радзивиловская летопись (в ее протографе), Смоленский свод 1446 г., основанный в свою очередь на Новгородской IV и Софийской I летописях, Краткие новгородские летописцы и, наконец, Южнорусский свод, положивший в свое основание Киевскую летопись 1198 г. и продолживший ее известиями примерно до первой трети XIII в. Перечисленные летописные памятники вполне могли быть доступны Длугошу. Определение источников Анналов поможет проверить высказанную гипотезу.

До середины XII в. основным источником Длугоша служила южнорусская летопись, сходная с Ипатьевской. Хотя из-за краткости текста характер источника не всегда можно оценить с достаточной точностью, однако удается определить, что статья 1033 г. Анналов заимствована из летописи типа Ипатьевской, с которой совпадает именование Ярослава Мудрого "единовластцем" (в Лаврентьевской, Софийской I, Новгородской IV читается "самовластец", в Радзивиловской – "самодержец"). Под 1089 г. нашествие саранчи датировано у Длугоша 28 августа – как в Ипатьевской (в Лаврентьевской – "28" без указания месяца, в Радзивиловской дата отсутствует, в Троицкой и Московском своде 1479 г. – 28 мая). Под 1094 г. сказано, что Василько ослеплен в Звенигороде – как в Ипатьевской, а по версии Лаврентьевской, Радзивиловской, Софийской I, Московского свода – в Белгороде. Известие 1112 г. (у Длугоша –

под 1111 г. – *Ред.*) о победе русских князей над половцами у Длугоша содержит фразу ("возложив всю надежду на Бога и ангелов Его"), которая находит соответствие лишь в Ипатьевской летописи. Из Ипатьевской же выписаны известия о походе Ярослава Святополковича на ятвягов, его женитьбе на дочери Мстислава Владимировича с точной датой (кстати, дата опущена в Московском своде 1479 г.). Рассказ 1117 г. о борьбе Владимира Мономаха с Ярославом Святополковичем соответствует Ипатьевской, но не совпадает с ней полностью: заключительная фраза – "многими речами наставив и наказав Ярослава" – ближе к тексту Лаврентьевской и Радзивиловской ("сварився на нь много"). Отсюда следует, что в распоряжении Длугоша находилась особая редакция южнорусской летописи, отличная от Ипатьевской. Под 1118 г. читается продолжение рассказа о столкновении Мономаха с Ярославом – сообщение представляет собой особую версию южнорусской летописи, по-разному отразившейся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Тот же источник под 1123 г. повествует о походе Ярослава и его гибели. Цикл местных известий, связанных с судьбой Володаря Перемышльского и его сыновей, читается в Анналах под 1122, 1124–1127 гг. Следует обратить внимание, что известие 1126 г. о смерти Володаря дополняется сообщениями о смерти Мономаха и вокняжении в Киеве Мстислава Владимировича, извлеченными скорее всего из летописи типа Ипатьевской. К этому склоняет ошибка у Длугоша в дате кончины Мономаха (10 мая), которую легче допустить, исходя из написания Ипатьевской ("майя в девятый на десять"), чем Лаврентьевской ("мая в 19 день").

Обратим внимание, что отмеченные заимствования из южнорусской летописи под 1033, 1089, 1094, 1112, 1117, 1118, 1122, 1124–1127 гг. находятся в первоначальном слое "автографа" Длугоша, датируемом 1463–1464 гг. (лишь статья 1123 г. оказалась в тетради, переписанной в конце 60-х гг. XV в.).

Влияние летописи типа Ипатьевской можно усмотреть еще в статьях Анналов под 1164 г. (смерть Юрия Долгорукого, вокняжение в Киеве Изяслава Давыдовича) и 1194 г. в рассказе о разгроме половцев коалицией южных князей (в перечислении князей Владимир Глебович упомянут пятым, в то время как в Лаврентьевской и Радзивиловской переяславский князь стоит третьим, а его роль в разгроме половцев представлена решающей).

В освещении Длугошем событий первой трети XIII в. ощутимо пользование источником, проявлявшим особый интерес к деятельности представителей смоленского княжеского дома (большинство известий не находит аналогий в русских летописях): под 1207 г. читается известие о походе Владимира Рюриковича со смоленскими дружинами на Литву, под 1207–1209 гг. помещено описание борьбы за Галич с участием Мстислава Мстиславича (Удалого), Владимира Рюриковича, Ростислава Давыдовича и Ростислава Мстиславича,

под 1216 г. включено известие о разгроме Мстиславом Давыдовичем со смолянами литовцев у Полоцка, под 1218 г. – о смерти Мстислава Удалого и его погребении в Киеве, о походе на Каменец черниговских и смоленских князей.

Оценивая южнорусский источник Анналов, необходимо отметить его однотипность с южнорусским источником Московского свода 1479 г. и сходных с ним памятников: в основу его также положен Киевский свод 1198 г. особой редакции (отличной от Ипатьевской летописи), события же первой трети XIII в. освещены с акцентом на деятельность представителей смоленского княжеского рода. Не исключено, что окончательное редактирование летописный свод получил именно в Смоленске.

На всем протяжении Анналов до начала XIII в. заметна цепь известий, аналогичных Лаврентьевской летописи (и сходным с нею). Специфика источника начинает явно проявляться с середины XII в. Так, под 1154 г. говорится о борьбе Изяслава Мстиславича с Владимирком Галицким, о походе Юрия Долгорукого на Чернигов. Но если по Лаврентьевской Юрий пошел "с ростовци и с суждалци и с рязанци", то в Радзивиловской "рязанци" отсутствуют – как и в Анналах Длугоша. С Радзивиловской сближается рассказ 1156 г. о борьбе Изяслава Мстиславича с Ярославом Галицким: по Лаврентьевской битва произошла на реке "Сьрт", в Радзивиловской (как и у Длугоша) – на реке Серет. К тому же источнику следует отнести известия 1158 г. (смерть Изяслава Мстиславича, борьба за киевский стол), 1159 г. (борьба Юрия Долгорукого с Мстиславом Изяславичем – хотя в списках Радзивиловском и Московско-Академическом под 6663 г. большой пропуск, но его нет в списке, отразившемся в Львовской летописи), 1162 г. (поход Юрия Долгорукого на Владимир), 1167 г. (изгнание Изяслава Давыдовича и вокняжение в Киеве Ростислава Мстиславича), 1170 г. (взятие Киева объединенной коалицией князей), 1172 г. (отражение Михалком Юрьевичем набега половцев), 1173 г. (смерть Глеба Юрьевича, занятие великокняжеского стола Романом Ростиславичем и Ярославом Изяславичем), 1179 г. (нападение на Киев Святослава Черниговского), 1184 г. (смерть Михалка Юрьевича, борьба Всеволода с ростовскими и рязанскими князьями; основа рассказа взята из Радзивиловской, но окончание – об ослеплении рязанских князей – из Софийской I летописи)*, 1202 г. (взятие Киева Рюриком Ростиславичем с половцами; в Лаврентьевской – пропуск), 1205 г. (поход южных князей на половцев, битва Ольговичей с Литвой, вокняжение в Киеве Ростислава Рюриковича – все эти известия извлечены из статьи 1205 г.

* Отметим ошибку Ю.А. Лимонова, считавшего сообщение 1184 г. близким к тексту Московского свода 1479 г. (*Лимонов Ю.А.* Культурные связи. С. 78). Между тем рассказ Длугоша входит в первоначальный состав "автографа", датируемый 1463–1464 гг.

Радзивиловской летописи, в Лаврентьевской – пропуск, Троицкая датирует их 1203 г.).

Наличие в тексте Анналов характерных чтений Радзивиловской летописи, окончание источника на 1205 г. – на том годе, где оканчивается и Радзивиловская, убеждают в том, что в распоряжении Длугоша в том или ином виде имелась Радзивиловская летопись (но не в том списке, который можно произвести из протографов Кенигсбергского и Московско-Академического). Кенигсбергский список имеет явные признаки смоленского происхождения, поэтому можно предполагать западнорусское происхождение и того списка Радзивиловской летописи, который был использован Длугошем.

Помимо Радзивиловской летописи и южнорусского источника, в тексте Анналов имеются отдельные чтения и целые известия, присущие Новгородско-Софийским летописям. Влияние этой группы летописей проявляется в известии, что древний Рюрик получил стол в Новгороде (в Лаврентьевской – пропуск, в Ипатьевской и Радзивиловской – в Ладоге); под 992 г. порядок перечисления сыновей князя Владимира (Святополк назван выше Ярослава) совпадает с Софийской I; под 1008 г. утверждается, что Болеслав увел из Киева сестер Ярослава – Предславу и Мстиславу (Предслава упоминается лишь в Софийской I и Новгородской IV); под 1051 г. в рассказе о разделе княжений между сыновьями Ярослава сообщается о выделении Игорю города Владимира (об этом читаем в Софийской I и Новгородской IV); под 1206 г. повесть о Липицкой битве излагается по Софийской I и Новгородской IV летописям (характерно в этом смысле приведенное число убитых в сражении – десять тысяч, в отличие от данных Новгородской I – "бещисльное число"); известие 1207 г. о междоусобице среди рязанских князей совпадает с Софийской I, но дополнено по Новгородской I летописи.

Характер источника отчетливо проявляется в статье 1212 г. о Калкской битве (известие переписано в составе XX тетради в конце 60-х гг. XV в.). В свое время А.А. Шахматов, анализируя текст сообщения, обнаружил, что часть известий совпадает с Ипатьевской летописью (войска соединяются у "Протолчи"), другие – с Новгородской I (при отступлении половцев смешались ряды русских полков) и Софийской I (бегство Мстислава Удалого). Из этого А.А. Шахматов сделал вывод, что источником Анналов Длугоша являлся (гипотетический) свод 1423 (*Шахматов А.А.* Разыскания. С. 344–345). Думаю, что заключение А.А. Шахматова было ошибочным, и не только потому, что существование общерусского посредника у Новгородско-Софийских летописей теперь отрицается. Протограф Новгородской IV и Софийской I – Свод митрополита Фотия – в рассказе о Калкской битве представлял собой компиляцию из трех источников: Ипатьевской, Новгородской I и Троицкой летописей. Эта комбинация наиболее точно отражена в Софийской I, Новгородская

IV летопись отошла от общего оригинала: в ней текст сокращен и переделан. В рассказе Длугоша присутствуют первоначальные чтения, характерные для Софийской I (подтверждаемые ее источниками): с Софийской I и Ипатьевской совпадают известия о встрече войск на Днепре "у Протолчи" и что такого поражения, как на Калке, "никогда не видывали и не слыхивали в Русских землях" (в Софийской I и Ипатьевской – "бысть победа на вси князи рустии, акы же небывала от начала Руской земли никогда же"); с Софийской I и Новгородской I совпадают известия, что бегство половцев смешало порядки русских войск, что Мстислав Мстиславич при отступлении велел "*иссечь* корабли" (но в Новгородской I: "отрея от берега лодье", а в Софийской I: "*сещи* и отринути от брега"). Кроме того, совпадают известия Длугоша и Софийской I об участии в битве на Калке Владимира Рюриковича, его бегстве с поля сражения, о занятии им впоследствии киевского стола (Новгородская IV, как и Новгородская I, об участии в битве Владимира Рюриковича не знает, хотя о вокняжении его в Киеве сообщает). В Анналах читается также известие, что половцы убивали отступавших русских: "всадников – ради коней, пеших – ради одежды" Известие отсутствует в Софийской I и Новгородской IV, но имеется в Новгородской I ("иных половци побиша ис коня, а иного ис порта"); данный пример мог бы свидетельствовать, что в распоряжении Длугоша имелся сам Свод митрополита Фотия, но такому предположению противоречат иные факты.

В рассказе Длугоша о Калкской битве находятся явно вторичные чтения, присущие только Новгородской IV летописи. Так, в Новгородской IV имеется не находящее соответствия в источниках (и даже им противоречащее) известие, что русские дружины двигались к реке Калке 17 дней; у Длугоша читаем: татары "в семнадцатый день" нападают на русских и половцев. Новгородская IV летопись заключает рассказ следующим образом: "То первое нахожение татарьское на Русь", соответственно у Длугоша: "То было первое поражение, которое русские потерпели от татар"

Поэтому я придерживаюсь мнения, что источником Длугоша в рассказе о Калкской битве служила Софийская I летопись, дополненная по Новгородской IV и Новгородской I (кстати, все эти летописи имелись в распоряжении смоленских сводчиков).

С Софийской I летописью сходны еще известия Длугоша 1216 г. – о походе Ярослава Всеволодовича на Литву и о гибели в сражении Давыда Торопецкого, 1228 г. – о Батыевом нашествии на Владимиро-Суздальское княжество и 1230 г. – о разорении татарами Смоленска и Чернигова. Тексты сообщений очень краткие, чтобы определенно высказываться о характере использованного летописного источника. Но фраза под 1229 г., что население "попряталось в болотистые, непроходимые и лесные места", находит соответствие в Житии Михаила Черниговского в составе Софийской I летописи: "крыяхуся в

пещерах и в горах и в лесех" (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. С. 231). В Лаврентьевской, Троицкой и Новгородской IV Жития Михаила Черниговского не имеется, поэтому с известным основанием можно считать, что источником Длугоша служила Софийская I летопись.

Статья 1229 г. Анналов позволяет ответить на вопрос о происхождении источника Длугоша. В ней говорится о нападении татар "на *Смоленскую и Черниговскую* землю" В летописях о разорении Смоленска ничего не сообщается, подробностей не содержится и в самих Анналах Длугоша. Следовательно, вставка о Смоленске принадлежит составителю того летописного свода, который оказался в распоряжении Длугоша. Обратим еще внимание, что в рассказе о Калкской битве в перечислении имен князей употреблена та же формула – "князья *Черниговские и Смоленские*", что подтверждает наличие в составе одного источника статей о Калкской битве и Батыевом нашествии. Итак, можно говорить о смоленском происхождении летописного свода, бывшего в руках у Длугоша.

Есть основания полагать, что Радзивиловская летопись (подразумевается ее список, отличный от Кенигсбергского и Московско-Академического) и Софийская I были объединены уже в составе одного свода. Об этом свидетельствует комбинация чтений обеих летописей в упоминавшейся статье 1184 г. В таком случае нахождение в одном своде Радзивиловской летописи 1205 г. и Софийской I, обрывавшей изложение на рассказе о Батыевом нашествии, является далеко не случайным: подобное сочетание источников характерно для Московско-Академической летописи, где в основание положена Радзивиловская, после чего читается фрагмент Софийской I, заканчивающийся статьей 1238 г., т.е. повествованием о Батыевом нашествии!

Итак, проведенное исследование показало, что в распоряжении Длугоша имелись *две русские летописи*: одна представляла Южнорусский свод первой трети XIII в., отредактированный в интересах смоленского княжеского дома, другим источником являлся Смоленский летописный свод, в основание которого были положены Радзивиловская (в раннем списке) и Софийская I летописи (последняя была также дополнена по Новгородской IV и Новгородской I). Обратим внимание, что уже первоначальный состав Анналов, датируемый 1463–1464 гг., содержал в себе данные русских источников, но в тетрадях, переписанных в конце 60-х гг. XV в., могли содержаться дополнительные включения из рассмотренных источников.

5. Русь и русские в Анналах Длугоша

Создавая свою Историю, Длугош ставил перед собой высокие цели. Ему надо было прославить родину, для усиления и благополучия которой он сделал так много. Территориальные приобретения,

с таким трудом узаконенные Торуньским миром 1466 г., наполняли сердце историка гордостью. Были возвращены поморские земли, столько лет находившиеся под властью Ордена. Патриотические чувства Длугоша особенно отчетливо проявились именно в годы успешных переговоров польских дипломатов с представителями Ордена. Хронист задался целью проследить историю поляков от их прародителей до современных ему правителей.

Высокообразованный историк, Длугош старался в своем труде придерживаться законов античной риторики, согласно которым история – это экземплификация подсказанных философией указаний, как надо жить. Задача историка – учить (docere) на этих примерах своего читателя, усладить его душу или заинтересовать (delectare) и побудить (movere) его к добрым деяниям. Ибо цель каждого писателя истории – нравственно воспитывать граждан, влиять на формирование их чувств, образа мыслей и мировосприятия. "История – свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины" – так говорил Цицерон, по этим правилам писал любимый античный историк Длугоша Тит Ливий. В Ягеллонской библиотеке сохранились две рукописи 20-х – 40-х книг Ливия, на которых собственной рукой Длугоша были сделаны отметки – например, изображения руки с указующим перстом. А в некоторых местах даже были маргиналии, дополнявшие текст Ливия. Именно Длугош первый привез в Польшу из Италии сочинения античных авторов (*Plezia M*. Pisarstwo. S. 27).

Труд Длугоша доказывает, что историку удалось осуществить свои намерения и воплотить требования античной историографии. Он создал небывалое до него произведение, в котором каждый раздел, каждая глава написана по законам анналистики. Писал ли Длугош историю сражений, вспоминал ли о давних временах, далеких предках или давал оценку современности, он всегда стремился не сухо констатировать события, а учить на достойных примерах и побуждать к благонравным действиям. Кроме того его рассказы составлены так интересно, что Анналы Длугоша читаются порой как литературное произведение незаурядного романиста.

Представляется интересным проследить, как Длугош достигал своих целей, описывая события русской истории. Неслучайно ему так нравились развернутые, полные драматизма рассказы русских летописей: они отвечали требованиям, которые он предъявлял к историческим сочинениям. Постараемся ответить на вопрос, как относился Длугош к русским – тем более, что этого еще никто не сделал.

Мы уже отмечали совершенно не знакомую не только для польских хронистов, но и вообще для средневековой историографии тенденцию: Длугош стремился исчерпать и использовать как можно большее число источников. Из польских – хроники Галла и Кадлубка, Великопольскую хронику, анналы, хронику Дежвы (или

Межвы) и т.д. Причем нередко Длугош для большей достоверности и информативности использовал сразу несколько памятников. Например, Хронику князей польских он дополнял сведениями из Оливской хроники, привлекая при этом и материалы из агиографической литературы (Житий св. Войцеха, св. Станислава, св. Кунигунды и др.). Весьма широко пользовался он и иностранными источниками: немецкими (хрониками крестоносцев), чешскими (хрониками Далимила, Пулкавы), венгерскими (Аноним и др.) и русскими, о которых и пойдет речь ниже. Не чурался Длугош и распространенных в его время своего рода "учебников" по всеобщей истории, вроде Хроники пап и императоров Мартина из Опавы (Троппау), Церковной истории Птоломея из Лукки или Истории церковной схизмы Теодорика (Дитриха) из Нихайма.

Русские летописи Длугош скорее всего не привозил из-за границы, как другие свои иностранные источники, ибо они в достаточном количестве имелись в его стране. Однако кириллицы хронист поначалу не знал. В письме епископу З. Олешницкому он писал: "Имея уже седую голову, я собрался учить русское письмо, чтобы полнее изложить последовательность нашей истории" Сам Олешницкий знал русский язык, за что и удостоился уважения великого князя литовского Витовта. Длугош, видимо, понимал речь галичан. Он писал, "что у поляков и русинов общий образ речи"

Длугош имел в своем распоряжении не единственную русскую летопись; исследователи считают, что их было не менее 12. При использовании иностранных источников хронист не всегда был лоялен и объективен, что приводило к переиначиванию текстов. Некоторые сведения он выбрасывал, порой добавлял текст от себя. Нередко замалчивал сведения, которые в невыгодном свете показывали поляков – например, избиение польских рыцарей во время пребывания Болеслава Смелого в 1069 г. в Киеве. Правда, объяснял он это заботой о достоверности, своим несогласием с авторами и стремлением к большей правдоподобности. Длугош приводил отдельные статьи Повести временных лет не дословно, а сокращая их и, вдобавок, увязывая с данными польских источников, тенденциозность которых была во многих случаях очевидной.

Сложности были у автора и с хронологией. Длугош стремился сочетать датировки польских хроник и русских летописей, что приводило к тому, что русские сведения не раз передвигались на несколько лет назад или вперед, и это давало дополнительные поводы к изменению текста.

Немало хлопот было у Длугоша и с русским языком. Так, например, путая древнерусское слово *прузи* (саранча) с польским названием народа *prusy* (пруссы), Длугош вместо сведений о нападении саранчи на русские земли сообщал о наезде пруссов. Трудности были и с русскими именами: историк их то полонизировал, то латинизировал, порой изменяя до неузнаваемости.

В отношении к русским сказывались представления Длугоша о Руси XV в,, западные земли которой были подчинены Польско-Литовскому государству. Историк стремится показать старшинство Польши и превосходство поляков над русскими. Например, вопреки Великопольской хронике, из которой Длугош заимствовал этнонимическое предание о братьях Чехе, Лехе и Русе, он сделал Руса не братом, а потомком Леха.

Использование Длугошем русских источников и включение сведений из них в историю Польши заслуживает признания и требует тщательного исследования. Польский автор приводит предания о Кие, Щеке и Хориве, о призвании Рюрика (полагая Аскольда и Дира потомками Кия), излагает историю Игоря, Ольги и Святослава. С 976 г. Длугош пишет о Владимире Святом. Заимствуя из летописи сказание о выборе веры Владимиром, он передает его объективно, хотя в нем речь и идет о превосходстве православия не только над магометанством и иудаизмом, но и католичеством. Точно так же Длугош не становится на сторону Святополка, женатого на дочери Болеслава Храброго, а вместе с летописцем осуждает его за убийство братьев. Обнаруживая предвзятость в изложении польско-русских войн, историк сохраняет абсолютную объективность, сообщая о внутренних делах Руси.

Подобные примеры относятся к событиям XI-XIII вв. С конца XIV в. Длугош пользуется белорусско-литовскими летописями, и его отношение к русским сообщениям несколько меняется.

Исследования русских источников Длугоша — тема отдельной главы. Кратко можно отметить основные точки зрения, закрепившиеся в отечественной историографии*

А.А. Шахматов (*Шахматов А.А.* Разыскания) считал одним из источников Анналов некий летописный свод, из которого черпали сведения составители Новгородской IV и Софийской I летописей; Е. Перфецкий (*Perfeckij E.* Historia Polonica) указывал на гипотетический перемышльский владычный свод 1225 г.; В.Т. Пашуто (*Пашуто В.Т* Очерки) видел русский источник Длугоша в Киевской летописи 1238 г.; М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н.* Русские летописи) считал, что польский хронист имел в распоряжении Киевскую летопись X в.; Ю.А. Лимонов (*Лимонов Ю.А.* Культурные связи) ищет источник русских известий Длугоша в Московском летописном своде 1480 г. Польская историография этого вопроса также достаточно обширна. (Литературу по этому вопросу см. в работах: *Лимонов Ю.А.* Культурные связи. С. 11; *Radziszewska J.* W sprawie korzystania. S. 58; *Sielicki F* Jan Długosz. S. 13–23.)

Велика заслуга Длугоша в распространении сведений русских летописных источников за пределами Руси. Заимствуя известия из

---

* Ср. этот обзор с выводами гл. 4 Вводной статьи. – *Ред.*

различных редакций Повести временных лет, из новгородского летописания, используя киевские и различные другие своды, Длугош таким образом знакомил своих читателей, а вместе с ними и жителей Европы с русским летописанием.

Искренне полагая, что история польского народа может быть полноценной только вкупе с историей соседних стран, Длугош стремился как можно более полно изложить сведения об отношениях любимой родины со славянскими Чехией и Болгарией, с близкой Венгрией, суровой Германией, далекой Византией и прежде всего с Русью, которая в XV в. частично была под властью Польско-Литовского государства и, следовательно, в глазах Длугоша изначально составляла органическую часть польских владений. Отсюда постоянное, настойчивое повторение тезиса о происхождении русских от племени поляков, о родстве эпонимических братьев Чеха и Леха, последний из которых стал предком Руса и Руси, положившим начало этой необъятной земле, так много значившей для становления Польского государства. Уделяя много внимания Древней Руси, Длугош значительно меньше интересовался "Московией", которую он отделял от Руси.

Недавно польский ученый В. Свобода упрекнул исследователей за то, что они так и не проследили отношения Длугоша к русским. Мы постараемся ответить на упрек, хотя сразу оговоримся, что такая работа затруднена тем, что Длугош стремился к максимальной объективности и прилагал усилия к беспристрастной передаче имевшихся у него источников. И все же сличение текста Длугоша со свидетельствами использованных им как польских, так и русских памятников позволяет выявить собственные добавления хрониста, его амплификации, назидательные примеры, благодаря чему вырисовывается образ Древней Руси, исторические портреты ее жителей, князей. Под пером польского анналиста они оцениваются с позиций католического каноника XV в., все сочинение которого глубоко пронизано любовью к своему народу. Вот почему Ян Длугош, может быть, не желая того, в отдельных словах, кратких замечаниях, моралИзаторских поучениях выражает свое отношение к русским соседям.

§ 1. О недостатках русских

Прежде чем говорить о недостатках русских, о которых с такой укоризной пишет Длугош, нужно вспомнить, что его сочинение долгое время не публиковалось, запрещались даже труды, которые заимствовали или хотя бы компилировали отрывки из Анналов. Происходило это по той причине, что историк, восхищавшийся своим веком и достижениями Польши, отнюдь не лестно отзывался о её правителях. Конечно, это касается, прежде всего, второй части Анналов, охватывающей период с 1406 по 1480 г., т.е. современный

автору. Но и в первых шести книгах трудно найти панегирические или нарочито хвалебные слова в адрес князей и королей Польши. Даже в тех местах Анналов, которые были заимствованы им у его польских соотечественников, Длугош опускает славословие и неумеренную лесть, заменяя их трезвыми суждениями по поводу деяний, достойных подражания.

Длугош откровенно не одобряет нравов русских и объясняет их чаще всего "недостатками, которые часто допускаются русскими священниками, не знающими божественных писаний и законов" (под 1041 г.). Особенно безобразно в глазах историка выглядят поляки, которые, поддаваясь греховному соблазну, уподобляются русским. Здесь можно привести характерный пример из статьи Анналов под 1076 г., который не имеет аналогов ни в польских, ни в русских памятниках. Это мнение самого Длугоша.

Болеслав Смелый после победы, одержанной над противниками своего двоюродного брата киевского князя Изяслава Ярославича, проводит зиму в Киеве. Длугош рассказывает, что даже побежденный Киев был "богат продовольствием, которого любому хватало по горло, изобилуя мясом, медом, рыбой и хлебом, женщины там статные, со светлыми красивыми волосами, но распутны. Увлеченные их красотой, и король, и польские воины, разгордясь к тому же от счастья победы и купаясь во всевозможном изобилии, опустились до самого последнего любострастия... Болеслав... впал в такую надменность и распущенность, что затруднил доступ к себе просителей..." "Не довольствуясь обычным любострастием, – продолжает Длугош, – он позорнейшим образом опустился до грязнейшей преступной содомии, подражая порочным нравам русских, у которых это преступление было в обычае. Побежденный пороками тех, кого победил оружием, он навлек на... весь свой род великий и длительный позор..." Средневековый анналист негодует по поводу того, что польский князь, которого он только что хвалил за дисциплинированность, щедрость, великодушие и смелость, был совращен пороками русских, и его позор может смыть "только божественное милосердие" (под 1076 г.). Болеслав, по мнению правоверного католика, нанес оскорбление "таким преступлением величию Всемогущего, который даровал ему столько побед", и был наказан презрением не только поляков, но и русских ("несмотря на то что подражал их же распущенности"). Кара пала на всех поляков: их жены, "тяготясь долгим отсутствием мужей", опустились до измены "в объятиях рабов"

Так Длугош, обвинив русских в развращении польского князя и его приближенных, дает урок нравственности читателю, исполняя непременное условие исторического сочинения – поучать.

Вскоре следует еще один упрек в безнравственности, за которым угадываются нравы знакомых Длугошу его русских современников XV в. Жестокость, с которой Болеслав Щедрый расправился

с распутными польками, с их соблазнителями и даже с простившими жен мужьями, ужасает анналиста, ибо тем король Болеслав усилил заимствованное на Руси развратное, грубое и противное природе обхождение с людьми, а не отменил его.

Вслед за своими предшественниками Длугош готов порицать в русских и лень, и хитрость, и легкомыслие. Например, при описании столкновения Ярослава Мудрого с Болеславом Храбрым в 1018 г., когда польский король застает русского князя с удочкой в руках, беспечно поплевывающим на червячка, невзирая на подступавшего врага. По свидетельству Анонима Галла, Ярослав сказал: "Раз Болеслав занимается не этим искусством, а ему привычно забавляться военным оружием, значит, Господь [сам] в его руки передал и город этот, и королевство русских, и богатства [его]" (*Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 51). Более трезв переписавший этот эпизод Кадлубек. В его хронике Ярослав, узнав о приближении Болеслава, бросает удочку и говорит: "Мы попались на удочку тому, кто не учился ловить сомов" (Там же. С. 98). А вот Длугош уже иначе трактует эту ситуацию. Ярослав произносит у него такие слова: "Ни к чему теперь эта удочка, да и рыбу ловить [не время], но следует позаботиться, как противостоять врагу, чтобы не попасться на удочку врагу свирепому, могущественному и жаждущему нашей крови" (ошибочно под 1008 г.). Отметим беспристрастность Длугоша, который не унизил русского князя, как другие польские авторы, а объяснил всю ситуацию законами войны.

И в других случаях хронист оправдывает страх и сумятицу в русском войске не трусостью, а естественным состоянием воинов, застигнутых врасплох (под 1070 и 1126 гг.).

И все же Длугош невысокого мнения о характере русских. Передавая страстную речь перемышльского князя Володаря, воспротивившегося якобы рабской зависимости от поляков, историк вторит Кадлубку, но когда заходит разговор о тайном заговоре русских, Длугош от себя добавляет: "Нрав у русских ненадежный, они легко проговариваются, и крайне редкая тайна сохраняется у них в неприкосновенности" (под 1134 г.).

Длугош находит в русских черты особой жестокости и бесчеловечности по отношению к пленным и жителям завоеванных крепостей. Под 1145 г. он рассказывает о борьбе старшего сына Болеслава III Владислава Изгнанника, рожденного от русской княжны Сбыславы Святополковны, с младшими братьями. При осаде Познани, по словам хрониста, "войско князя Владислава, а в особенности пришедшие на помощь русские, не довольствуясь добычей, грабежом и бесчисленными злодеяниями, чинили надругательства над знатными матронами и девицами, многих убивали, калечили и в варварской ярости творили прочие бесчеловечные и недостойные католиков деяния". Далее, когда Казимир Справедливый, возвра-

тившись с помощью русских князей в Краков, изгоняет оттуда старшего брата Ме́шка, русские, по описанию Длугоша, чуть ли не врываются в костел, "страстно желая разграбить имущество и сокровища церкви" (под 1191 г.). Ужасает историка и свирепость Романа Галицкого. Он повторяет рассказ Кадлубка о жестокой расправе Романа над непокорными галицкими боярами; от себя добавляет подробности осады Люблина (хотя об этом нет никаких сведений ни в русских, ни в польских источниках), собственноручно приписывая на полях автографа, как Роман, не сумевший взять осажденной крепости, приказывает "знатных женщин, жен и дочерей" взятых в плен воинов "держать, как скотину, за какой-то изгородью, разрешая своим русским бесстыдно обращаться с ними" (под 1205 г.). Мстислав Удалой, князь галицкий, "гордо злоупотребив победой, приказал своим русским не оставлять в живых ни одного венгра или поляка" (под 1209 г.). Этот факт, правда, не помешал историку привести хвалебные слова в честь Мстислава, которые с восторгом выкрикивали русские. Поскольку, как полагают исследователи, при описании событий 1182–1270 гг. Длугош пользовался, возможно, каким-то польским источником, не дошедшим до нашего времени, то современным читателям остается только благодарить анналиста XV в. за то, что он сохранил песнь-славу русскому князю.

Не чужда, по мнению Длугоша, русским и хитрость. Например, во время одного из сражений они подхватывают и высоко поднимают польское знамя, и к нему, рассчитывая встретить своих, сбегаются поляки. Их русские тут же убивают (под 1209 г.).

Но более всего возмущает Длугоша свойственные, по его мнению, русским несоблюдение присяги, попрание божественных законов, поругание союзов, скрепленных крестоцелованием. Заимствуя летописное известие 1067 г. о пленении полоцкого князя Всеслава Брячиславича Ярославичами, "движимыми сильнейшей завистью", Длугош сообщает, что они убеждают Всеслава хитростью и клятвенно присягают, что не причинят ему вреда, а сами вопреки международному праву (ius gencium), нарушив клятву, хватают его (ошибочно под 1063 г.). Впрочем, это возмущение Длугош разделяет с древнерусским летописцем. После, освободившись из темницы, Всеслав воздает славу кресту, и летописец устами Всеслава замечает: "О Крест честной! Так как верил я в Тебя, Ты и избавил меня от этой темницы"; и далее: "Бог же показал силу Креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного Креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь, и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; Крестом бывают побеждаемы силы бесовские, Крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, Крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только Креста. Если бывают от бесов видения, то, осенив лицо Крестом, их отгоняют"... (ПВЛ.

С. 212). Длугош поучает (docet) другими словами, привлекая изречение из Библии: "О, Крест святейший и верный, надеющиеся на Тебя не посрамятся (ср. Псал. 22, 6. – *Н.Щ.*), почитающие тебя не впадут в беду. Велика Твоя сила, ибо Ты побеждаешь, повергаешь и сковываешь самых сильных, кто бы ни воспротивился и ни презрел Тебя, а поклоняющихся Твоей святыне и почитающих сохраняешь и прославляешь" (ошибочно под 1059 г.). Тот же грех – нарушение "права народов" и убийство татарских послов – Длугош считает причиной поражения русских и половцев на Калке в 1223 г. (ошибочно под 1212 г.).

Еще одно: греческий обряд, схизма, расколовшая русских и поляков, которая вводит в заблуждения, разводит по разные стороны родственные, соседствующие народы. Во время правления польского князя Владислава-Германа (ум. в 1102 г.) русские будто бы "отпадают от власти поляков", по словам Длугоша, "не столько из-за несправедливого и корыстного правления, сколько из-за различия в обряде и вере" (под 1090 г.). Исследователи и издатели оставили эту статью Анналов без комментариев, поскольку в источниках нет сообщений о столкновениях Руси с Польшей Владислава I на конфессиональной почве. Следует думать, что автор в очередной раз подчеркнул существовавшее в XV в. стереотипное отношение поляков к "схизматикам"-русским, спроецировав его на события конца XI в. (*Гейштор А.* Образ Руси. С. 23).

Несмотря на разницу в вероисповедании, отношения поляков и русских развивалось неплохо. Завязывались династические связи, хотя, по соображениям Длугоша, русские княжны, выходя замуж в Польшу, должны были перекрещиваться, как это якобы сделала русская жена Казимира I Добронега, омывшись вторично в купели католического костела (под 1041 г.). Активно общались с православными князьями и представители латинской церкви, как, например, епископ краковский Фулько, видевший в Романе Мстиславиче Галицком защитника Малой Польши (под 1205 г.). Более того, ригористичный католик Длугош воздает хвалу владимирскому епископу "схизматического обряда", к которому обратился Роман, выступая в поход против своих малопольских племянников, намереваясь "истребить божественную отрасль латинян" (т.е. католический обряд). "Владимирский же епископ, презрев присланные дары, отвечает, что не благословит князя Романа, ибо поляки не раз привычно сражались за русских с варварскими народами, подвергая свои жизни смертельной опасности" И в восхищении анналист восклицает: "Величие веры, которое было бы достойно удивления даже в католическом священнике!" (под 1205 г.).

Таких примеров толерантности Длугоша к православным соседям можно привести значительно больше, нежели слов порицания в отношении "нечестивых схизматиков".

§ 2. Русские – помощники, русские – противники

Патриотизм Длугоша был обусловлен его веком. Польско-Литовское государство, теряя территории на северо-западе, приобретало земли на востоке, и задачей историка было доказать мнимую исконную принадлежность западных русских областей (как, впрочем, и всей Руси) Польше. Отсюда постоянные настойчивые напоминания о том, что земля русских была под властью польских князей Болеслава I, Ме́шка II, Болеслава II и их потомков "по отцовскому и по материнскому праву", а нередко еще якобы и по союзному договору, согласно которому русские "признавали подданство" полякам (под 1090 г.). Этим Длугош объясняет частые польско-русские столкновения, войны и битвы. Русские выходят из повиновения, жаждут свободы, а польские войска вынуждены восстанавливать status quo. Вместе с тем Длугош часто писал о русских как о помощниках поляков и одобрял их поступки и достоинства.

Безусловно, залогом взаимопомощи служили брачные союзы и договоры. После женитьбы Казимира I на Добронеге Владимировне польский князь "и королевство свое сделал спокойным и безопасным со стороны Руси, и пользовался русской помощью в войнах, которые ему приходилось вести с соседями и собственными соотечественниками...", не говоря о том, что Казимир получил от князя Руси в приданое "большое количество денег, и золотые и серебряные сосуды, и драгоценности, а также немалое количество дорогих одежд и коней, так что благодаря столь блестящим браку он и наполнил свое королевство богатствами и укрепил родством" (под 1041 г.). Именно родство князей обеспечивало наличие вспомогательных отрядов в войсках того и другого государства. Изгнанный с киевского стола Изяслав Ярославич, женатый на сестре Казимира I Гертруде, дважды искал помощи в Польше у своего двоюродного брата Болеслава Смелого (под 1059, 1070 гг.). Поддержку тот оказывал позднее и сыну Изяслава Ярополку, сражавшемуся с дядей Всеволодом (под 1078 г.). Брат Ярополка Святополк Изяславич просил помощи у Владислава-Германа. К нему же не раз спасался бегством с "множеством золота" волынский князь Давыд Игоревич и "гостил у него с женой и челядью" (под 1094 г.), за что даже получил упрек от русских князей, что он "скитается беглецом и изгнанником в чужих землях на позор себе". Но соседские связи и родственные узы были достаточно крепкими, и вот уже сын Святополка Изяславича Ярослав бежит к бывшему мужу своей сестры Сбыславы и живет в Польше четыре года (под 1118 г.). Волынского князя Мстислава Изяславича "благосклонно принимают" младшие сыновья Болеслава II Кривоустого и выходят с ним в поход против сидящего в Киеве Юрия Долгорукого (под 1159 г.). Владимиру, сыну Ярослава Осмомысла, восстановиться на галицком столе помогает Казимир II Справедливый (под 1188 г.), который позже улаживает и споры Мстиславичей.

Достаточно часто и войска русских выходят на призыв поляков. Так Владислав Изгнанник, сын Сбыславы Святополковны, борется со сводными братьями за сеньориальную власть, "стянув из всех княжеств и владений русских войска и вспомогательные отряды" Там были черниговские князья Святослав Всеволодович и Изяслав Давыдович, галицкий князь и др. (под 1145 г.). Обоюдную помощь оказывали друг другу сыновья Казимира II и Роман Мстиславич, сын Агнешки Казимировны, т.е. русские и польские внуки Болеслава Кривоустого (под 1191, 1195, 1196 гг.). Нередко польская или русская сторона выступает в качестве посредника при заключении мирных союзов (под 1123 г.).

Значительно меньше известий о войнах между Польшей и Русью. Например, война 1018 г. Болеслава I и Ярослава Мудрого, связанная с неудачным сватовством польского князя к сестре Ярослава и браком Святополка Владимировича с Болеславной (ошибочно под 1008–1010 гг.). А потом враждебные отношения складываются уже между князьями Малой Польши и Юго-Западной Руси, когда польские племянники галицко-волынского князя Романа Мстиславича Лешек и Конрад убивают при Завихвосте своего дядю и недавнего защитника (под 1205 г.). И когда Лешек приказывает повесить князя Святослава Игоревича, отца Агафии, будущей жены своего брата Конрада, справедливый Длугош по этому поводу замечает в назидание потомкам: "из-за этого преступления и сам Лестко был также убит, и род его не получил продолжения" (под 1206 гг.).

Вообще, в истории польский анналист и воспитатель королевских сыновей находил множество поучительных примеров, черпая их как из польских хроник, так и из немецких, чешских и русских источников.

Например, излагая по-своему древнерусскую легенду о призвании варягов, Длугош объяснял этот факт демократичностью и справедливостью тогдашнего общества: позвали варягов, поскольку ни одного из своих близких не хотели предпочесть другому по причине равноправия. Поучительным было и поведение Болеслава Смелого, отметившего при осаде Киева всех, кто отличился в опасных сражениях (под 1069 г.). Сильное впечатление на читателей должны были произвести заимствованные из русских летописей слова утишения и прощения князя Изяслава, обращенные к бывшему противнику (под 1076 г.), а также сила духа Владимира Мономаха, который на уговоры Святополка перебить половцев после заключения с ними мира отвечал отказом, поскольку это было "недостойно его чести и веры" (под 1089 г.).

§ 3. Драматизация "русских фрагментов"

Сочинение Длугоша, подобно произведению его излюбленного античного историка Ливия, довольно драматизировано. В нем много действия, трагических и занимательных событий, оно украшено

речами героев, сдобрено легендами и историческими повестями. И русско-польские отношения находят в этих драматических сюжетах свое место.

Чего стоит красочный эпизод похищения Володаря Перемышльского героем польской истории XII в. Петром Властовичем (кстати, женатым на русской княжне Марии Святополковне). В русских источниках об этом – лишь несколько слов, поляки же видят здесь повод потешить свои патриотические чувства. Петр, войдя к русским в доверие, похищает премышльского князя во время пира и привозит к польскому двору, тем самым сорвав антипольский заговор. Он достоин всяческой похвалы, так как рискуя головой "отвратил от родины великую войну" (под 1134 г.). Не менее драматичен и рассказ о поражении Романа Галицкого в битве при Завихосте в 1205 г.; здесь и коварство русских, и божественная помощь полякам, которые победили "великого", по словам Длугоша, Романа; и отрывки из исторической военной повести; и драматический эпизод с непокорным владимирским епископом; и перипетии битвы, бегство, погоня; наконец, вещий сон Романа, в котором щеглы воюют с воробьями; и в заключение – свидетельство о действах и песнях, которые вплоть до времен самого Длугоша разыгрывались в польских театрах, вызывая восхищение у патриотически настроенных зрителей, гордившихся своими предками, которые некогда одолели могущественного Романа.

Так хронист выполнял упомянутое выше третье правило античности: история должна быть занимательной.

§ 4. О богатстве Руси

Почетно иметь сильного друга, не менее достойно одолеть сильного врага, но неплохо иметь и богатого соседа. И вот Длугош не жалеет эпитетов для описания богатой и обширной Руси (тем более, издавна якобы принадлежавшей полякам...). Русские невесты и красивы, и с богатым приданым. Мария-Добронега принесла Польше и деньги, и золотые и серебряные сосуды, и драгоценные одежды. "Обширнейшие русские королевства" со столицей в изобильном Киеве, омываемом водами Днепра, богатом рыбой, пределами своими имеют Новгород, "богатейший и славнейший золотом, серебром и мехами..." Такой видит Древнюю Русь польский анналист XV в. из окна краковского капитула. Уже в первой книге он подчеркивает, что восточная часть польских владений "получила имя Русь" "от одного из потомков Леха, который звался Русом... Со временем она превратилась в богатейшие и обширнейшие провинции, земли и города, которые мы видим нынче, изобилующие множеством соболей, куниц и мехами других зверей, которые водятся в окрестных пущах. Жители этих земель очень богато одеваются в роскошные темные меха этих изысканных зверей, хотя сами живут скромно и убого"

Богатство Руси сказывалось и в дорогих подарках, с которыми приезжали в Польшу русские князья, расплачиваясь ими за помощь (как Изяслав Ярославич, Давыд Игоревич и др.), или платя выкуп за пленников (как Владимирко Володаревич, заплативший за своего похищенного отца 80 тыс. марок серебра). С богатыми трофеями возвращались из Руси и поляки-победители.

Богатыми и сильными изображены в Анналах Длугоша русские князья. И события, которые происходят на Руси, интересны историку, как свои собственные. Вот почему так много написано им о внутренних распрях русских, о сражениях их с половцами, о нашествиях саранчи, кометах и наводнениях. Вот почему так ценно для отечественных исследователей каждое дополнительное замечание историка к летописям, каждая обмолвка о современных Длугошу реалиях – например, об обнищании придела в честь свв. Гервазия и Протасия, устроенного в 1210 г. в Кракове после победы над Романом Галицким (под 1205 г.). Длугош стоит в одном ряду с русскими летописцами, ибо пишет о Руси так же подробно и тщательно, пусть порой пристрастно, зато порой и с гордостью.

6. Издания Анналов Длугоша

Editio princeps появилось в 1615 г. стараниями Яна Феликса Гербурта в Добромысле и известно как “добромильское издание” (*editio Dobromiliensis*): Historia Polonica *Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensis*. In tres tomos digesta / Auctoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita. Первый том содержал первые шесть книг Анналов. В течение XVIII в. вышло еще два издания – в Лейпциге и Варшаве.

В 1873–1879 гг. в Кракове, в составе 14-томного полного собрания трудов Длугоша, которое предпринял А. Пшеждзецкий (A. Przeździecki), Анналы вышли в виде пятитомника (так называемое “краковское издание”), первый том которого охватывал книги I–VI: *Ioannis Długossii seu Longini canonici quondam Cracoviensis* Historiae Polonicae libri XII / Rec. I. Ż. Pauli (Opera omnia. T. 10–14).

В 60–70-х гг. прошлого столетия в Польше было осуществлено новое критическое издание, в котором книги I–VI составили первые три тома: *Ioannis Długossii* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1964. [T. 1:] Lib. I–II / Ed. cur. et introd. scripsit I. Dąbrowski; textum rec. atque praef. instr. V. Semkova-Zaremba; comment, confec. C. Pieradzka, B. Modelska-Strzelecka; 1970–1973. [T. 2:] Lib. III–IV – [T. 3:] Lib. V–VI / Textum rec. D. Turkowska, adiutr. M. Kowalczyk; moder. M. Plezia; comment. confec. C. Pieradzka. Это издание было снабжено комментарием; оно и положено в основу настоящего издания. Одновременно стал выходить в свет и новый польский перевод Анналов: *Jana Długosza* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1964 ff. T. 1 ff.; перевод занимающих нас шести книг осуществила Ю. Мрукувна.

ТЕКСТ*

* Текст приводится по изданию: Dlug. 1–3 (полное описание см. в библиографии).
Условные обозначения:

AD так называемый “автограф” Длугоша (Mus. Nat. Cracoviae, Bibl. Czartoryciana, sign. 1306);

крак. изд. – издание в составе “Opera omnia” Длугоша А. Пшеждзецкого (см. Вводную статью, гл. 6);

(...) – части текста, которые опущены в настоящем издании;

[ ] – *курсивом* добавления или конъектуры (NB) издателей латинского текста или редактора настоящего издания;

< > – добавления и приписки к латинскому оригиналу: прямым шрифтом – авторские добавления Длугоша или добавления рукою писца основного текста, *курсивом* – сделанные другой рукой, иногда позднейшей, или имеющиеся только в других, помимо “автографа” Длугоша, списках (последнее всегда оговорено в текстологическом аппарате);

<...> – явные дефекты в латинском оригинале: пропуски одного или нескольких слов по недосмотру, а также лакуны, оставленные в тексте самим автором и впоследствии не заполненные.

[LIBER I]

Quomodo post diluvium generale circa aedificationem turris Babylon unam linguam Hebraeam, a creatione mundi usque in illa tempora durantem, Deus Optimus Maximus in septuaginta et duas linguas diviserit et qua ratione posteritas Noe, ob varietatem linguarum indeque dissidiorum subsecutam rituum altercationem, partes mundi, nempe Asiam, Africam et Europam (quarum etiam fines describuntur) impleverit

(...) Et filiis quidem Sem in viginti duas linguas divisis, filiis vero Cham in tres et triginta Affricam occupantibus, a filiis Japhet decem et septem linguas sortitis Europa universa[a] in hereditatem sempiternam accepta est.

A flumine autem Thanai, quem Poloni sua lingua Don vocant, Tarthari Edil, Europa sumens principium, hinc Tireno, inde Septentrionali et Gaditano Occeano terminatur. Ex Ripheis autem montibus Thanays oriens, adeo precipiti fluvio ruit, ut cum vicina flumina, Meothis et Bosphorus frequenter solidentur in glacies, solus ex confractuosis montibus evaporans nunquam Scithico algore [*indurescat*][b], Asie et Europe alteram partem concludens, alteram initians, famosus limes. (...) Occeanus Septentrionalis, [*qui*][c] versus septemtrionem aliquando Sarmaticum nominatur Mare, quod in littoribus suis Sarmate sive Poloni regiones et urbes possideant (ex quibus sunt ille due magis insignes, Lubyk que Polonice Bulkowyecz vocitatur, et Gdanzk, a Polonis populate). (...) Bisancium insuper, sive Constantinopolitana urbs in Europa sita est. (...)

Hi sunt filii Japheth, filii Noe, filii Lamech. Primus autem homo de genere Japheth venit ad Europam Alanus nomine cum tribus filiis suis, quorum nomina sunt hec: Isicion, Armenon, Negno. (...) Tercius filius Alani, scilicet Negno, habuit quatuor filios, quorum nomina sunt hec: Vandalus, a quo Vandali dicti sunt, qui nunc Poloni dicuntur, qui ex nomine suo fluvium, qui nunc Wysla <alias Vistula> wlgariter nuncupatur,

---

[a] *С этого места и до слов* Hi sunt filii Japhet *текст в AD отсутствует и восполнен по списку из лысогорского монастыря Св. Креста (Варшавская Нац. Библ. пr. acc. 6906; далее: cod. Calv.)*

[b] *cod. Calv.* indurescit

[c] *cod. Calv.* quod

Vandalum censuit appellari. Secundus filius Negnonis Thargus, tercius Saxo, quartus Bogorus. Sic igitur ab Isicione primogenito Alani orti sunt Franci, Romani et ceteri Latini et Alemanni. A secundo filio Alani orti sunt Gothi et Longobardi. A Negnone autem tercio filio gentes sunt diverse per totam Europam, videlicet tota Russia usque ad orientem, Polonia maxima terrarum, Pomerania, Cassubia, Swecia, Sarnia, que nunc Saxonia dicitur, et Norvegia. A filio Negnonis tercio, qui Saxo vocabatur, Bohemia et Morauia, Sthiria, Corinthia, Carniola, que nunc Dalmacia dicitur, Lizna, Croacia, Seruia, Pannonia, Bulgaria, Elisza. Itaque natus filiorum Japheth, omnium Slaworum parens, egressus de campo Sennar, transita Caldea Greciaque circa Ponticum Mare et fluvium Histrum, quem nunc Danubium vocitamus (...) cum filiis, cognacionibus et familiis suis insedit..

(I. P. 66–69)

(...)

Lech ingreditur in Poloniam et in ea consedit, cuius natura et foecunditas recensetur et quibus regionibus sit contermina

(...) Ab aquilone Polonia septentrionalis pars est Slawonie, que habet ab oriente Russiam, ab austro Hungariam, a subsolano Morauiam et Bohemiam, ab occidente Daciam et Saxoniam collaterales. (I. P. 73)

(...)

Flumina Poloniae primaria septem, quorum nomina et fontes originarii atque ostia subnectuntur

(...) Quarto Dnyesthr, cuius fons in Sarmaticis Montibus prope castrum Sabyen in terra Premisliensi, hostia in mare maius inferius Nïgrum et Album Castra. Quinto Bug; cuius fons in palude in superiore parte castri et opidi Oleszko in villa Kolthow, hostia in flumine Narew prope opidum Siraczecz et inferius Drohiczin. Sexto Nemyen, cuius fons ex silvis et paludibus opidi Kopyolow, longio spacio terrarum confecto in duos alveos prope castrum et opidum Prussie Ragnethe scinditur, et priori ac vetusto nomine deinceps amisso, fluvius unius alvei versus Liwoniam decurrens cognominatur Rossza, alter ad Prussiam spectans Lilia appellatur; tandem diverso meatu ambo prope castrum Memel in Lacum Magnum ex Occeano derivatum se infundit, qui adeo recurvis, indirectis et sinuosis circumagitur fluoribus, ut qui in illo navigant, integro die navigacione exacta, ignem a foco hesterne diei ex propinquitate loci propter alvei circulacionem frequenter sumant. Septimo Dnyepr, hic in Latino Drinus appellatur, cuius fons ex <fi>nibus Mozkwe ex silvis Wyasznya, hostia in lacu prope opidum Daszow; lacus vero, utroque flumine inflatus, Occeano se miscet. Minora eciam flumina, quorum a prefatis septem fluminibus precipuis absorbentur nomina, subnectam. (I. P. 75)

(...)

Dnyestr fluvius cum suis fluminibus

Quartus Polonicalium et Ruthenicalium regionum fluvius Dnyestr, qui in Tartarico Turlo, <in Latino vel Greco Teriszannis, alias Tiras> appellatur, cuius fons prope castrum Sobyen ex monte Byeszked et ex loco, qui appellatur Dambrouicza propter singularem quercum illic stantem, ex cuius eciam radicibus duo fluvii, quos prediximus, Dnyestr videlicet et Saan in Polonicales terras, tercius Ticia, que Cyssza in Pannonicas franguntur, circa Album Castrum exoneratur in Euxinum Mare, notabilibus fluviis eciam ex Walachia regione, que et ipsa Polonorum Regno subiecta est, et a meridie orienteque fluentibus fecundatus. Primo flumine Stryg, cuius fons in Montibus Sarmaticis prope villam Wyssoczsko, hostia circa Zudaczow opidum. Item Thyszmyenicza, cuius fons in Montibus Sarmaticis circa Pokucze, hostia circa opidum Czyeszybyeszy. Item Pruth, cuius fons in Montibus Sarmaticis, hostia in Sereth inferius opidum Thekucze. Item Bassa, cuius fons ex lacu circa villam Sthephanowcze, hostia in Pruth circa villam Pyeczora. Item Sereth, cuius fons in palude prope Oleszko castrum in villa Zarkow, hostia in Danubium inferius Tharhowyscze. Item Sbrucz, cuius fons in palude vocata Kuszmyn prope Oleschko, hostia circa Ryczywol castrum. Item Smotricz, cuius fons ex montibus Sberaskye, civitatem situ et petra admirabilem Kamyenyecz suis undis cingens, hostia circa villam Vszcze dictam. Item Lyppa, cuius fons ex paludibus Oleszko, prope villam Czeremoszna, hostia inferius Halycz circa villam Baranow. Item Sczeklo, cuius fons ex mericis Dobrestani, hostia in Wrzeszycza [...] ex silva dicta Zelyaszne Nogy, hostia in Wysznyam circa Lowczicze villam. Item Dzesza, cuius fons circa Drochun opidum, hostia prope Jaszky Targ in Pruth, alias Philistimorum Forum. Item Moldawa, cuius fons ex Montibus Sarmaticis ex monte Kyrleba, hostia in Sereth prope Romanow Targ. Item Soczawa, cuius fons ex Alpibus Sarmaticis et ex monte alto, qui vocatur Ineho supra villam Dzykowe, hostia in Pruth circa opidum <Czarnovicze>. Item alius Sereth, ex montibus Sereth, hostia in Pruth <in Valachia in villa> <...>. Item Strippa, cuius fons, ex palude et lacu circa villam <Zubowcze circa Kamyenyecz>, hostia circa villam Chmyelowa. Item Bloszwya, cuius fons ex palude Phelstin circa villam Bleszwye, hostia circa villam Dolobow. (I. P. 83)

Bug fluvius cum suis fluminibus

Quintus Polonicalium et Ruthenicalium regionum fluvius Bug, fluore fluens atro, Ruthenis omnibus abominabilis est, nam ad fluenta eius a Polonis et primo a rege eorum Magno Boleslao vires eorum universe attrite sunt; et urbis eorum atque metropolis Kyow, in eam usque diem ostendens vestigia, cedes et conquisicio[d]; his rigatur fluminibus. Primus Muchawiecz

---

[d] *фраза* et urbis   conquisicio *грамматически некорректна и не вписана в контекст, представляя собой, вероятно, не вполне удачное добавление*

cuius fons ex silvis et palude Jaroyewyszcze prope opidum Thurow, hostia circa castrum et opidum Brzeszcze. Alter Belsz, cuius fons in borra ville Przeworzk, hostia circa villam Kluschow. Item Huczew, cuius fons in silvis Grodek ville Podhorcze, hostia in villa Grodek, ubi olim antiquitus castrum Wolhin, a quo universa terra Wolinska appellabatur, que nunc Chelmensis et Luczensis nominatur. Item Ratha, cuius fons in superiori parte ville Wyrzch Ratha, hostia prope villam Schyedlicz. Item Swynya, cuius fons circa villam Drewna, hostia in Ratha inferius ville Dworcze. Item Wolczwin, cuius fons in paludibus ville Pothieschin, hostia prope villam Pozdzemyrz. Item Polthew, cuius fons in villa Zubrza non longe post Leopolim, hostia circa opidum Busko. Item Nur, cuius fons ex silvis opidi Byelsko, hostia circa villam Zaszkow. Item Lyw, cuius fons ex silvis Lukow opidi, hostia circa Mazovie Kamyenyecz. Item Cosztrzin, cuius fons ex silvis Dambrowka, hostia in Lyw circa villam Polykowo. Item Blothnya, cuius fons ex paludibus, que vocantur Baranowo Blotho, hostia circa opidum Sokalye. Item Drewnya, cuius fons in palude circa villam Dworcze, hostia circa idem opidum Sokalye. <*Item Wlodawa fluvius in palude ville Szosznowycze prope opidum Chelm in terra Chelmensi exortus, terram prefatam Chelmensem a terra Brestensi disterminat et frequenti influencia aquarum auctus fluvium Bug prope villam Szoszno illabitur.*>

(I. P. 84)

Nyemen fluvius cum suis fluminibus

Sextus Polonicalium regionum fluvius Nyemen, <*qui a Latinis Tvruntius inscribitur*>, variis, ut supra diximus, incurvatus fluxibus.

(I. P. 84)

(...)

Dnyepr fluvius cum suis fluminibus

Septimus Polonicalium et Ruthenicalium regionum fluvius Dnyepr, vocatus Latinis Drinus <alias Borzisthenes, circa Kyow urbem metropolim Russie currens>, hos autem fluvios <hab[*et*]> cadentes in se, qui in Thartarico vocatur Erzesze. Primo Przypyecz, cuius fons non longe a castro Lubomlya in villa Holowno, hostia inferius castrum Czarnobile circa villam Poohost. Item Styr, cuius fons in palude supra Oleszko in villa Yeszonow, hostia in fluvium Przipyecz non longe a Pinsko. Item Maior Slucz, cuius fons circa villam Choyewycze, hostia in fluvium Przypecz inferius opidum Thurow. Item Minor Slucz, cuius fons circa opidum et castrum Coszmin, hostia in fluvium Przypyecz circa Grodek. Item Czetrzew, cuius fons circa castrum et opidum Czudnow, hostia in fluvium Przypyecz circa villam Munuczkowicze. Item Slunew, cuius fons ex paludibus ville Szathigyow, hostia in Styr inferius Luczko <infra civitatem>. Item Rosz, cuius fons <ex paludibus prope Szmolnyany opidum>, hostia circa castrum et opidum Orsza <in D[*nyepr*]>. Item Jaszolda, cuius fons <circa Kopilow opidum>, hostia in Przypyecz, infra opidum Pinsko. Item Brzeszina, cuius

fons <ex paludibus et desertis Russie Maioris prope opidum Poloczsko, hostia in Dnyepr prope opidum appellatum Bobrugyska>; *<hic fluvius Brzezina Lithwaniam a terris Russia dividit>*. Item Swyslocz, cuius fons circa villam Porosthow in superiori parte, hostia in Breszina circa opidum Borzyschow. Item Swyna, cuius fons ex lacu Wloszka, hostia in mare prope Rygam. Item Polotha, a quo civitas et regio Poloczensis appellatur, cuius fons <prope castrum Krewa>, hostia in fluvium Dwyna <iuxta castrum Poloczsko>. Item Bog, cuius fons ex superiori parte silvae Oleszko, hostia in Dnyepr circa castrum et opidum Daschow. Item Wyzew, cuius fons in villa Nowoszedlcze, hostia inferius castrum Rathno in Przypyecz. Item Lutha, cuius fons circa villam Tremno, hostia in Wyschew non longe a Rathno. Item Bereszyna, cuius fons circa opidum Vborcz, hostia circa opidum Strzeszno. Item Brzesznicza, fluvius terram Luczensem distinguens a Lithwanis, et ille est verus limes Regni Polonie. Item Orsza, cuius fons <...>, hostia in Dnyepr circa <...>. Item Bobr cuius ortus <...> hostia in Dnyepr circa <...>. Item Borzischow, cuius fons circa <...>, hostia <...>. Item Orinya, cuius ortus circa opidum Dambrowicza, hostia in fluvium Styr. (I. P. 85–86)

Niemen inter omnes fluvios pacificus

<Notandum est autem, quod omnes fere Polonici amnes, videlicet Vistulus, Gutthalus, Vartha, Bug, Dnyepr et Dnyestr, findunt et subruunt suorum alveorum ripas, multasque arbores cum magna parte soli, frequenter eciam et vicos absorbent. Solus Nyemyen tam profundatum et ad instar caldaris rotundatum habet alveum, ut silenter decurrens, neque nemoribus neque campis nocens, suis cohercitus ripis, fluat. Omnia insuper flumina Polonie predicta et lacus moliuntur et insulas, nonnumquam quoque veteribus alveis destitutis novos alveos novasque insulas, novos insuper lacus quasi quadam alluvione efficiunt, plerumque eciam in veteres reflectuntur.>

<Dwyna amnis fluit secus civitates Russie insignes Poloczko et Wythewszko. Item ab alia parte castri Wythewsko fluit Vithba satis insignis fluvius.>[e] (I. P. 86–87)

(...)

Descriptio Poloniae a quattuor plagis et unde Russia pellibus delicatis ditissima dicatur

Universam itaque regionem, quam septem fluvii predicti et ceteri omnes, qui in eos decurrunt et dilabuntur ab eorum ortu usque in pelagum Occeani, Lech, Lechitarum seu Polonorum parens et princeps complexus, eam sui iuris fecit, et in illa per se et suos nepotes frequentibus populis hereditat et propicia Divinitate hereditabit: ab oriente quidem nulli nisi

---

[e] *добавлено почерком XVI в.*

Grecis et Mari Leonino (ad quod per silvas et nemora ducentorum et amplius miliarum spacia et plura flumina, ipsi eciam principali conditori tunc ignota, habencia, pro ea tempestate eundum erat) vicinus. Que quidem regio orientalis ab uno nepotum Lech, qui Russz vocabatur, post plures etates inhabitata et populata Russia nomen accipiens, in latissimas ditissimasque provincias, regiones et urbes, quas in presenciarum[f] cernimus, sabellionum, mardurum et aliarum nobilium pellium de animalibus, que vicine solitudines producunt, numerositate opulentas, successione temporum est derivata, quarum incolae ipsarum pellium delicatarum decora nigredine, licet tenuem et inopem habeant convictum, ditissime vesciuntur. (I. P. 87)

(...)

Qibus civitatibus Vistula, cuius est singularis commendatio; Odraque, Vartha et Dnyepr, fluvii insignes, illustrantur

(...) Licet enim Odra, cuius aque occidentem petunt, Rathiboriam, Bregam, Wrathislauiam et Frankwordiam, Wartha vero, qui medius inter eos decurrit, Siradiam, Pisdri, Poznaniam, [*Dnyepr*][g] Kyowiam, famosas urbes habeant, Visla tamen inter Polonica flumina facile precipuus amnis amplioribus nobilitatur locis. (I. P. 88)

(...)

Unde dicuntur Lechitae, Poloni, Vandali, Scythae et Germani, et de Russ opinio, a quo Russia

Quamvis autem a primo principe et conditore Lech regio Lechia et gentes eius Lechite appellate sunt, quia tamen in plerisque locis camporum planicies ad serendum apte, recenti cultorum diligencia et industria in brevi tempore excisione nemorum aucte et in similem planiciem reducte speciem naturalium quasi camporum prebuerunt: Lechite et hi presertiin, qui in campestribus habitabant, et a ceteris cognatis et familiis, qui silvis insederant, et a vicinis gentibus in circum habitantibus Polanye, id est campestres, tam frequenti usu et appellacione vocitati sunt, ut veteri nomine abolito tam gens, quam regio generali iam et usitato vocabulo Polonia eciam a scriptoribus aliquibus nominetur. Vicine tamen naciones et presertim Ruthenorum, que in suis annalibus de stirpe principis Lech ortas se esse glorientur, Polonos et eorum regiones Lechitas appellant in hunc diem; aput Slavos quoque, Bulgaros, Carwatos et Hunos eadem adhuc manet appellacio, licet et in plerisque locis a nonnullis autoribus intitulentur [et] scribantur a fluvio Vandalo, qui idem quod Visla est (quod ipsius quoque fluminis principalitatem signat) Vandalite. A veteribus autem scriptoribus

---

f (*так в Dlug – и в AD? – однако текст явно неисправен; необходимо либо предположить пропуск слов, вроде* in presenciarum dierum tempore, *либо читать* in in presencia in ea *или подобное. – Ред.*)

g (*в Dlug.* Dnyestr, *причем это расхождение с заголовком и с действительностью никак не оговорено издателями. – Ред.*)

et historiographis Sarmacia Europica appellatur, et tam Rutheni, quam Poloni Sarmate nominantur. Idque reor iustum et verum, quod Polonis et Ruthenis indidit antiquitas vocabulum: unde et Alpes, quibus conterminant, quique Poloniam et Russiam a Pannoniis disterminant, Sarmatici ubilibet scripturarum inscribuntur. Scithas plerique, nonnulli Germanos parum iusto vocavere cognomine, quod omnis ea regio, que inter Thanaim et Albam et Vistulum posita est, Scithia nominatur a scriptoribus, quam cum processu temporis Poloni et Rutheni populandam introissent, Scithe et ipsi a nonnullis vocati sunt, et quoniam Vistulus Scithie et Germanie tenens confinia, in Polonorum meditullio decurrit, et a sui fonte, sive ab ortu usque ad occasum nulla gens alia quam Polonica illum incolit atque populatur, Poloni Germani vocitantur. Asserere nonnulli conantur Rusz non Lechonis nepotem, sed germanum extitisse, et secum una atque Czech fratre tercio ex Carwacia egressum, amplissima Russorum regna, quorum Kyowia caput et metropolis est, et que Dnyestr, Dnyepr, Nyemyen, Pruth, Slucz, Stir, Szbrvcz, Smotricz, Sereth amplissimis irrigantur amnibus, populasse et terminos suos ultra Novogrod, auro, argento et pellibus ditissimam et notissimam, inter paludes et stagna sitam Russie civitatem ad fines prope terre dilatasse: que scriptorum de origine Ruthenorum varietas plus obnubilat eorum originem quam declarat. (I. P. 89–90)

Ruthenorum principem Romam et totam Italiam quatuordecim annis possidentem Theodoricus Gothorum rex necavit et regnum Italiae obtinuit

Ab eo quoque Russzone primo Russiae [*patre*] et populatore Odouacer Ruthenus stirpem ducens et progeniem, cum Ruthenorum copiis sub anno nativitatis Christi quingentesimo nono, sub Leone papa primo et Leone primo imperatore Italiam adveniens, capta Ticzinio et ferro atque igne destructa, Horestem captum capite dampnans et Augustulum, qui imperium occupare presumpserat, effugans, Romam urbem victor cum suis ingressus, tocius Italie regnum, nullo inquietare audente, possedit. Quod cum per annos quatuordecim in summa pace et ocio gubernasset, Theodoricus Gottorum rex per Bulgariam et Pannoniam in Italiam magna fatiga pertingens, dum non longe ab Aquilegia in pascuis uberrimis se et copias suas reficeret, Odouacer cum tocius Italie viribus ipsum illic invadens, a Theodorico et Gottis contritus est; qui cum paucis refugiens, Romam a populo ingredi vetitus, Rawennam se recepit, quem triennali obsidione in Rawenna maceratum et dedicionem facere coactum, Theodoricus cepit et necavit et regnum Italie a Ruthenis ereptum in se Gottosque transtulit. (I. P. 90)

(...)

Lacus terrae Chelmensis

Swythasz, lacus magnus in terra Chelmensi circa villam sui nominis consistens, quinque miliaria in girum, duo miliaria in longum, unum in

latum conficiens, et optimos pisces forcipes producens *kleszcze*. Item Szaczsko, lacus magnus terre Chelmensis binominis: alio enim nomine ab incolis vocatur Luczomir, sed propter villagium, cui est proximus, Szaczsko vulgaciori nomine appellatur, fluvium sui nominis ex se Luczomir emittens, medium miliare in longum, medium in latum conficit. Item Thvr, lacus magnus terre Chelmensis, in omnes equaliter partes, in longum duo cum medio miliaria, in latum unum miliare conficit, qui et ville deprope se consistenti nomen sui vocabuli Thur indidit. Rigatur et a flumine Luczomir in eum ex Thur[h] decurrente, qui inde egressus, et nonnullos ignobiles lacus victor pretergressus heret in Przypecz [*flumine*][i]. Item Byalye, lacus magnus terre Chelmensis in solitudine inter duas villas Radstow et Wethlye consistens, miliare unum in longum, medium vero in latum conficit, <cra>ssos adeo pisces *kleszcze* producens, ut ex illorum adipe plura vasa impleantur <arvina>. Aqua vero lacus eius in mensibus maio et aprili corpora humana nigredine tingit et fuscat, nec nisi per aliam aquam nigredo potest dilui. Item Orzechow, lacus magnus terre Chelmensis in borra vasta deprope duas villas Szamorowicze et Szczodrohoscz consistens, medium miliare in longum, quartale miliaris in latum conficit; rigatur a flumine Luczomir, qui ex lacu Thur derivatus, illum ingreditur, et exinde fundit se in lacum propinquum, qui dicitur Orzechowyecz. Item Orzechowyecz, lacus terre Chelmensis in borra deprope lacum Orzechow consistens, quartale miliaris in longum conficit et in latum, spericus enim est, equaliter se in partes omnes porrigens, qui eciam a flumine Luczomir irrigatur, et inde se evolvens Ostrowye ingreditur. Item Osztrowye, lacus terre Chelmensis deprope villam Nyewyer consistens, medium miliare conficit in longum, quartale in latum; rigatur et ipse a flumine Luczomir, qui ex lacu paululum progressus, fluvio Przypyecz se miscet. Item Mszane, lacus terre Chelmensis deprope villam Zamorowycze consistens, quartale miliaris in longum conficit et dimidium in latum, frequentissimos siliceos lapides habens in fundo, qui cum piscibus una detrahuntur in aridum. Item Polmo, magnus lacus in terra Chelmensi iuxta villam sui nominis Polmo consistens, unum miliare in longum conficit, medium miliare in latum. Item Pyaszeczno, lacus terre Chelmensis deprope villam Lubochinye consistens, miliare unum in longum et medium in latum conficiens, fluvium ex se Kremyanka emittens. Item Szinow, lacus terre Chelmensis, a villa sui nominis, iuxta quam consistit, appellatus, montibus undique septus, in latum et in longum rotundus, est enim equaliter porrectus. Item Krzemno, lacus terre Chelmensis, cui sui nominis villa Krzemno superiacet, rotunditatem pre se ferens et equales latitudinis et longitudinis partes habens, rigatur a flumine Krzemyanka, qui in illum ex lacu Pyaszeczno defluens, exinde in fluvium Przypyecz decidit. Item Lukye, magnus lacus terre Chelmensis deprope villam Dubyeczno

---

[h] *в AD читается плохо; в крак. изд.* Szaczko (*видимо, из желания придать смысл тексту, иначе непонятному. – Ред.*)

[i] *в AD* flumen

consistens, quartale miliaris in latum et in longum, quo ad rotunditatem declinat. Item Wyelykye, lacus terre Chelmensis deprope villam Polapy situs, quartale miliaris in latum et in longum propter sui rotunditatem equaliter conficit. Item Czyarne, lacus terre Chelmensis prope villam Szaczsko, quartale miliaris in longum et in latum conficiens. Item Rimacz, lacus terre Chelmensis, cui villa sui nominis imminet, medium miliare in longum conficit, quartale in latum. Item Okunyn, lacus terre Chelmensis deprope villam Ostrow situs, quartale miliaris in longum conficiens, dimidium in latum. Item Ploczicze, lacus terre Chelmensis magnus, deprope villam Wyethly consistens, medium miliare in longum, quartale in latum conficit. Item Strybosch, lacus magnus terre Chelmensis, ville Szczodrochoscze imminens, quem fluvius Przypecz rigat per dimidium illius decurrens, rotundus est et equaliter in omnes partes porrectus. (I. P. 96–98)

Lacus terrae Russiae

Nobel, lacus magnus terre Russye in districtu Pinsko consistens, quem fluvius Przypecz rigat et fecundum efficit in piscibus. Item Olbyasch, lacus magnus terre Russie in districtu Pinsko [*consistens*][k], quem idem fluvius Przipecz undis et piscibus locupletat. Item Orzechow, lacus magnus terre Russie in districtu Bresthensi, alius a priori, qui et ipse a fluvio <Krzna piscibus valde fecundo irrigatur>. (I. P. 98)

(...)

Lacus terrae Lithuaniae

Bersthy, lacus Lythwanie, medium miliare in longum conficiens, fluvium ex se gignens, qui vocatur Kothra, fecundus piscibus, ut nullus eo in Lythwania sit fecundior[l]. Item Dubycze, lacus Lythwanie, cui opidum a lacu denominatum Dubycze imminet, et quamvis quatuor videantur lacus, unam tamen habent denominacionem, quoniam etsi paludes quedam illos intersecent, unde tamen illos comittunt.

<Notandum insuper est, quod a lacu seu palude insigni triginta miliaribus supra opidum Szmolensko versus Novogrod sitto oriuntur tres fluvii, de quibus in superioribus fecimus mencionem. Primus Dwyna, qui vadit in Rigam, versus Occeanum. Alter Wolga, qui creditur esse fluvius Poricus, vadit super montem Tanais et intrat Mare Caspium, <quem Scythe Porata appellant, Greci Pireton, Poloni et Rutheni Wolgam>. *Tercius Dnyepr, qui in Latino vel in Greco vocatur Borzistenes, et intrat mare Ponticum contra Czyrnyegrod. Item Dnyestr fluvius in Latino vel*

---

[k] (*это добавление крак. изд., принятое и в Dlug., не представляется необходимым. – Ред.*)

[l] *в крак. изд. здесь добавлено по одному из списков:* Illic venationes regiae bisontium et cervorum et curia eiusdem nominis (*т. е.: "Там королевские охоты на зубров и оленей и его имение с тем же названием". – Ред.*)

Greco vocatur Therisannis et dividit Sarmaciam a Dacia, quam beatus Augustinus antiquam vocat, que quondam fuit regnum Gottorum. (...) *Illa autem Sarmatia occidentalis ortum habet a Sarmatia orientali, que est infra Mare Caspium.>* (I. P. 99–100)

(...)

Lacus terrae Belszensis

Krinnicze, lacus terre Belsensis medium miliare in longum, quartale in latum conficiens, in quo propter sui profunditatem difficilis est piscatura, singularem et ab aliis lacubus secretam habens naturam. Nam certo tempore aliquando infra triennium, aliquando infra biennium, magno edito mugitu et fluctibus intumescentibus concussus, in montem petrosum sibi continguum per cavernas occultas et subterraneas ingreditur et paucissimas undas in alveo suo relinquens multitudinem piscium facile a piscatoribus concludendam et comprehendendam relinquit. (I. P. 100)

(...)

Montes terrae Russiae

Item Kobrin, mons altus in terra Russye, quem fluvius Muchawyecz ambit, opido sui nominis Kobrin imminens. Item Chelm, mons altus, a quo terra Chelmensis denominacionem accepit, cui arx superposita est. Item Krzemyenyecz, mons altus in terra Podolye, arcem fortem habens in sui vertice, totus saxeus, silices frequentes producens, a qibus monti nomen inditum est: Poloni enim et Rutheni silicem krzemyen appellant[m]. Item Halycz, mons altus terre Haliczyensis argillosus, qui a fluvio Dnyesthr abluitur, cui arx superimposita est, qui regioni et arci nomen dedit. Lyassza (так! – *Ред.*) <Gora>, mons altus civitati Leopoliensi imminens, in terra Russye, in qua arx magna et regia, que Alta consuevit appellari. Item Pothilicz, mons altus terre Belszensis, qui a fluvio Pothiliczka abluitur et opido sui nominis imminet, in quo quondam arx notabilis, quemadmodum fossata profunda demonstrant, habebatur. (I. P. 104)

(...)

Montes Maioris Poloniae

(...)

Item Byeszkod, mons prope castrum Sobyen terras Polǫnicales a Pannonicis disterminans. In illius enim vertice situs est lapis Ruthenicis inscriptus literis et a Leone duce quondam Russye locatus, limites Regnorum Polonie et Hungarie demonstrans. Ex hoc monte et ad eius verticem hi fluvii insignes et memorabiles orti consurgunt, videlicet Dnyestr,

---

[m] *в AD далее следует описание горы Серадзской земли по имени* Chelm (*попавшее в главку* Montes terrae Russiae *скорее всего по ошибке вследствие омонимии с русским* Chelm-*Холмом. – Ред.*)*; в Dlug. оно изъято и выделено в особую главку*

Szan, Stryg et Czissa, et in subiectas regiones Poloniam videlicet, Russiam et Pannoniam diverso itinere ex ipsa montis summitate decurrentes franguntur. (I. P. 105)

(...)

Civitates et oppida Poloniae celebriora

(...) Cracouiensis urbs, etsi pluribus preemineat commoditatibus, ea tamen vel sola insignis, quod ad omnes regiones sibi vicinas, Pannoniam videlicet, Bohemiam, Moraviam, Russiam, Podoliam, Lythwaniam, proporcionabiliter porrecta, a quibus merces variarum manerierum accipit et porrigit.

(...)

Item Leopolis, tercia Polonorum metropolitica sedes, que ad illam sub Wladyslao Tercio rege Polonie ex Halicziensi urbe invecta est, duabus arcibus, que illi superimminent, insignita et plurimarum mercium, que per mare Leoninum [*invecte*][n] terrestri itinere transmittuntur ad illam, ferax, amne tamen navigabili, qui commoda augere solet urbium, indiga.

(...)

Item Przemislia, a Przemislao fundata, episcopali dignitate et arce et templo in arce ex petra quadra erecto, magis quam ulla alia re, fluvio insuper Szan subter illam decurrente insignis.

Item Kamyenyecz, petram altam, spissam et abruptam in corone modum undique habens pro muris et meniis, quam fluvius non mediocris Sereth [*undique*][o] cingit et abluit, aliquantulum, dum illam circumfluit, stagnans, tam et inusitato et raro nature solius effigiata situ, ut conspectus eius singulos in admiracionem commoveat, preruptis undique interclusa rupibus, non vallo, nec fossa, quemadmodum alie urbes, sed profundis vallata precipitiis, que intuentem horrore quodam involvunt, aliarum rupium in circuitu velut quodam vallo communita, septo quoque naturali abscondita, ut nemo prius illic urbem esse intelligat, quam in ipsam urbem fuerit ingressus. Unus tantummodo ad urbem accessus ex arce et a plaga meridionali, arduo tamen ascensu patet. Pontificali et ipsa eminencia, et arce urbi superimpendente insignis, solo melle, cera et pecore ferax.

Item Kyowia, ab uno Polonorum et gentilium principum Kyg condita et ab illius nominis proprietate vocabulum sortita, maxima quondam et famosa urbs, tricentis templis, quorum nonnulla ruinavit vetustas, honore insuper kathedrali et amne nobili et feraci Dnyepr, arce quoque in edito colle ex quercinis roboribus constructa; propinquitate insuper maris memorabilis, adeo piscium ferax, ut pisces in amne Dnyepr semiscubito minores capti feris relinquantur et bestiolis.

(...)

---

[n] *в AD* invecta

[o] *в AD* undiqueque

Item Luczsko, multa soli fecunditate nobilis et uno fluvio pulcerrimo Sthyr vocato irrigua, pontificatu et arce insignis, a Wladimiro principe condita.

Item Chelm, pontificali tantummodo honore et arce wlgata, adeo inculta et ignobilis, ut honor ille sibi detrahi debeat et in Hrubyeschow opidum culcius et magis habitatum transferri. (I. P. 109–112)

(...)

Duae res prodigiosae in Polonorum regione

Duabus rebus Polonorum regio prodigiosa et miranda est, quas Solinum cetera orbis mirabilia scrupulosius investigata disserentem admiror tacuisse et que haud immerito pro sui raritate, velut nature prepotentis opera nichilo aliis inferiora, <his que a Solino enumeraritur, possunt adiungi>. (...) Altera, quod in silvis, campis et borris opidi Pothilicze et villarum Hrabyenye et Prosznye, in terra et regione Belszensi et Chelmensi, in Chelmensi diocesi, pinaticarum arborum ea est natura et condicio, ut si earum aliqua pars, ramus vel porcio precisa vel decerpta fuerit, aut universa arbor succisa, quod lignum sub anima vegetativa fuerat, in naturam silicis post annos aliquot convertitur et transformatur, et iuxta ac naturalis silex ignem excussus producit, quantitatem et proporcionem, in qua precisum est, retinens, saxi vero silicei qualitatem et naturam. (I. P. 116–117)

(...)

Quomodo res Ruthenorum creverint, et a quibus prilncipaliores civitates et castra aedificata sint

Ruthenorum sub idem tempus principatus, Polonis civili bello sese collidentibus, et ortum et incrementum cepit, quorum regio aput oram, que hactenus Podolya nuncupatur, adeo agro perhibetur ferax, ut cum semel sata frumenta sint, recidivis subinde seminibus segetem novantibus, altere messes sine sacione proveniant. Erant aput illos tres viri, eodem patre et utero geniti, Kyg, Szczyek, Korew et quarta soror Libed, tam ingenio quam viribus prestantes, et qui facile principatum in gente consecuti ceteros redegerunt in suam dicionem: a quibus cetere naciones secundum tribus et domos suas derivate sunt. Hii tribus principalibus castris in Russia erectis sua illis indiderunt nomina: nam Kyg castrum supra fluvium [*Dnyepr*][p] a se constructum vocavit Kyow, Sczyek Sczyekawycza et Korew Korewycza. Gentilium et ipsi errorem sequuti stagna, lacus, fontes, aquas pro diis colebant. Erant et alii Polonorum duces, videlicet Radzym et Wyathko, quorum unus videlicet Radzim in flumine Szaszv (так! – *Ред.*), alter Wyathko in flumine Okka considentes, de nominibus suis regionibus et populis vocabula indiderunt: a Radzim enim Radziniczanye (так! – *Ред.*), a Wyathko Wyathiczanye vocati sunt. Qui ad fluvium Bug consederunt, Dulyebyenye

---

[p] *в AD* Dnyestr

a duce eorum Dylyeba vocitabantur, qui postea Wolhanye (так! – *Ред.*), sunt et nunc Luczanye appellati. Habebant autem naciones Ruthenorum ex Polonis descendentes in ducendis uxoribus et contrahendis matrimoniis inter sorores germanas et propinquas cognatas discrecionem, abstinendo a concubitu [*earum*][q], propter quam honestatem sorciebantur in vitam longos dies. Dvlyebyanye vero et hii, qui processerunt ex Radzim et Wyathko, habitabant more ferarum in silvis, comedentes omnem immundiciam pudoreque soluto et cognatis et alienis uxoribus, rapiendo illas, miscebantur. Absumptis deinde Kyg, Sczyek et Korew filii eorum et nepotes linea directa succedentes principabantur aput Ruthenos annis multis, donec successio huiusmodi ad duos fratres germanos, Oszkald videlicet et Dir pervenit, quibus aput Kyoviam principantibus nonnulle Ruthenorum naciones, que ex ingenti multiplicacione novas sedes quesierant, eorum principatum pertese a Varasis tres duces acceperunt, quoniam ex propriis neminem legi propter paritatem placebat. Primus autem dictus est Rurek, qui in Nowogrod, secundus Szinyev (так! – *Ред.*), qui in Byalye yeszyoro, id est aput Album lacum, tercius Trubor, qui in Sborsk sedes suas posuerunt. Hiis et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum dicioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus albus reddebatur. Duobus autem ducibus processu temporis, videlicet Szynyevs et Trubor, nulla prole relicta mortuis, Rurko in eorum principatus succedens, moriens filium nomine Jior reliquit, qui adolescenciam pertingens, Oszkaldum et Dyr Kyowienses principes nichil hostilitatis ab eo suspicatos in dolo occidit et principatus ac terras eorum occupavit. Sed neque duci Jior Oszkaldi et Dyr ducum Kyowiensium diu impunita fuit occisio. Dum enim populos, qui Drewlyanye [*vocabantur*], Ruthenici generis ducem proprium Niszkinam habentes, ad tributum fretus potencia cogeret et prima solucione, de qua inter eos convenerat, non contentus secundam in eodem anno exigeret, a Drewlyanis iniuriam non ferentibus nepharie occisus interiit. Qui missis ad suam relictam Olham nunciis, quatenus ducem eorum Nyszkinam virum acciperet et principatus uniret, summopere suadebant: illa muliebri dolo usa, primis et alteris Drewlyanorum nunciis benigne appellatis et aput se retentis, Drewlyanos cum duce eorum Nyszkina ad se venire, quasi coniugium sociatura et principatus unitura, iubet. Quibus iussa implentibus, legatis eorum, quos domi retinebat, per varies cruciatus clandestine primum enecatis, in occursum Drewlyanis procedit et ad insidias locaque iniqua, in quibus fortem exercitum collacaverat, perductos, omnem eorum exercitum ad quinque milia virorum se extendentem, occisioni mariti sui Jior parentando, delevit. Susceperat autem dux Jior ex Olha consorte sua filium unicum nomine Swyanthoslaum qui annos viriles attingens, <vir bellicosus et in armis strenuus esse ceperat; patris autem sui Jhior occisionem> ulturus, primam expedicionem in Drewlanos egit, et gravi cede domitos sub iugum mittit tributumque imponit. Transfretans autem mater

---

[q] *в AD* eorum

sua Olha Constantinopolim, imperante aput Grecos Czemisky, a patriarcha Constantinopolitano in fide Christiana edocta, supersticione gentilium relicta, baptisma accepit barbaroque nomine mutato, pro Olha Helena appellatur. Benedixit autem illi patriarcha Constantinopolitanus dicens: "Benedicta tu inter Ruthenorum mulieres et nomen tuum in omnes generaciones sit gloriosum et benedictum" Que a Constantinopoli Russiam reversa, Swyanthoslao filio fidem Christi <suscipere> deposito errore gentili <persuasit>, sed ille monita materna contempnens et irridens non acquievit. (I. P. 121–123)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEXAGESIMUS SEXTUS

(...)

Egit eo anno dux Russie Swanthoslaus in Kozaros, qui et ipsi Ruthenorum sunt populi, expedicionem et obtinuit eos bello et cepit castrum eorum Byalawyesza et facti sunt ei tributarii. (I. P. 180)

(...)

LIBER II

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEPTUAGESIMUS

Swanthoslaus Russiae dux Bulgaros sibi facit tributarios (...)

Non contentus dux Russie Swanthoslaus principatu paterno Bulgaris, vicinis suis, infert bellum et octuaginta eorum castris, que ad Danubii fluenta sita sunt, expugnatis Bulgaros cogit ad tributum. Swanthoslao autem duce Russie in Bulgarica expedicione immorante, gens Pyeczenyegorum adveniens castrum Kyow (in quo mater Swanthoslai Olha, alias Helena, cum tribus filiis Swanthoslai, nepotibus suis videlicet Jaropolko, Holha et Wladimiro residebat) vallat et impugnat. Fuisset autem dedicio castri Kyow fame Olham et viros, qui erant cum [*ea*][a], premente subsecuta, nisi nonnulli ex Ruthenis Pyeczenyegos hostes fallendo, metum illis iniecissent, suggerendo Swanthoslaum ducem cum victore [*exercitu*][b] ex Bulgaris adventare. Eo enim avisamento territi Pyeczinyczy obsidione soluta magna trepidacione discedunt, sub quo tempore Olha mater Swanthoslai moritur. (II. P. 186)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEPTUAGESIMUS PRIMUS

(...) Russiae principatus inter fratres trifariam dividitur (...)

(...)

Discidium post mortem suam Swanthoslaus Russie dux inter filios suos pro principatu Russie, se absumpto, accidere veritus, Russie principatum inter filios dividit: et Jaropolkvm quidem natu maiorem in Kyowiensem ducem prefecit, Holham vero alterum filium Drewlianis, tercium Wlodimirum Nowogrodensibus duces constituit, magna execracione

970 [a] *в AD* eo
970 [b] *в AD* execitu

quemlibet obstringens, ut sorte sua contentus ab alterius occupacione se contineat. (II. P. 187)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEPTUAGESIMUS SECUNDUS

(...) Pyeczenyegorum dux victo et occiso Russiae duce Swanthoslao ex testa capitis eius poculum fecit

(...)

Revertenti Swanthoslao Russie duci a Grecorum [*terra*], quam hostiliter invaserat, et spolia Grecorum ferenti Pyeczinyczy hostes sui, per nonnullos Ruthenos et Kyowienses avisati, cum singulis potenciis occurrunt et Swanthoslaum exercitumque suum, tum quod spoliis onustus esset, tum quod in loco iniquo pugnaret, facile vincunt. Swanthoslaus ipse pugnam restituere et suorum fedam fugam sistere sathagens in hostium manus viws venit. Cuius caput dux Pyeczenyegorum Kura vocatus precidens, testam capitis auro ornatam cyphum fecit, ex quo in signum devicti hostis [*bibere*][a] solitus triumphum suum quotidie innovabat. (II. P. 188)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEPTUAGESIMUS SEXTUS

Jaropolkus Kyoviensis dux germanum suum Olham, postea Wlodimirus frater Jaropolkum cupiditate dominandi occidit et uxorem occisi accepit sibi in coniugem

Non poterat inter filios Swanthoslai Russie ducis instituta a patre caritas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Swanthaslai secuta, quasi provincie et regiones latissime Ruthenice, a patre [*relicte*][a], anguste illis forent, contencio inter illos de principandi maioritate et preeminencia suboritur. Quam sibi Jaropolkus natu maior vendicare sathagens, castrum Warasz, in quo germanus suus Olha consistebat, conquirens, Olham interficit, et in ducatum Drewlyanorum sanguine fraterno dotatus succedit. Formidans Wlodimirus natu maior[b] Jaropolkonis tyrannidem ad se quoque aliquando perventuram, quasi fraternam necem ulturus, castrum Kyowiense et fratrem Jaropolkom in illo circumvallat, venientem quoque ad se in pace Jaropolkom[c] fratrem, suasu et consilio sui [*scelesti*][d] consil-

---

972 [a] *в AD* libere

976 [a] (*в Dlug. – а также в AD?* – relicta. – *Ред.*)

976 [b] (*так в Dlug. – и в AD? – вероятно, по недосмотру вместо* natu minor *или* natu maioris. – *Ред.*)

976 [c] *так в AD* (*ожидалось бы* Jaropolkum. – *Ред.*)

976 [d] *в AD* scelestis

iarii, nomine Blud, palatini interficit et omnes tres principatus possidere cepit. Principatibus autem sanguine germanorum quesitis non contentus, eciam uxorem Jaropolczi, Grecam genere, ex Jaropolko tunc gravidam accepit in consortem, ex qua filium Swanthopelkum nomine, duos patres, Jaropolkum et Wlodimirum habentem suscepit. (II. P. 191)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS SEPTUAGESIMUS OCTAVUS

Rutheni idololatrae Fulminis idolum constituunt adorandum

Firmato principatus sui solio Wlodimirus dux Russie ad religiones versus in montibus Kyowiensi castro proximis fana, simulacra et ydola locat templaque et delubra edificat. Inter omnes tamen sue prophane supersticionis deos Fulminis numen in precipua aput illum et cultura et veneracione habebatur, cui et ampliora templa instituit, et excellenciori illud simulacro ornavit. Nec ipse dux tantum, sed et universus Rutenorum populus detestabiles ritus huiusmodi secutus Fulminis numen prestancioribus ymolacionibus et holocaustis venerabatur. Fabricavit autem Wlodimirus deo suo principali Fulmini corpus et simulacrum ex ligno, caput ex argento, et aures ex auro, ceteris quoque diis lucos et simulacra constituit, et adducens filios suos et filias sacrificat diis et coinquinat se et terram Russie ydolis. Accepit autem Wlodimirus plures uxores: ex una generat quatuor filios, Yszaslaum, Mscislaum, Jaroslaum, Wszewoldum et duas filias, item ex Greca Swanthopelkum; item ex Bohema Wyszeslaum; item a quarta Swanthoslaum et Mscislaum, item de Bulgura[a] Borzisz et Hleb. Tenuit et plures concubinas, in ceteras quoque virgines et uxores alienas parum pudicus et temperatus, <illas devirginabat.> (II. P. 192–193)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS OCTUAGESIMUS QUINTUS

Wlodimirus Russiae dux Polonis bellum infert et certa castra occupat

(...)

Profanis religionibus Wladimirus Russie dux perfunctus ad arma animum intendit ducique Polonie Myeczszlawo et Polonis bellum primum movet, quod vario Marte gestum est nunc Polono, interdum vero Rutheno triumphos retinente. Expugnat autem Wladimirus Russie dux castra Polonorum, videlicet Przemysl, Czyrwyen et alia, expugnata occupat presidioque forti militum imposito, sue et Ruthenorum subiicit et adiicit dicioni.

---

978 [a] *так в AD*

Vadit deinde contra Radimycze, qui et ipsi a Polonis descendunt, et victis tributum imponit. Idem facit et Radimyczysz (так! – *Ред*). (II. P. 199)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS OCTUAGESIMUS SEPTIMUS

(...) Wlodimirus dux Ruthenorum perspectis Latinis, Graecis et Machometicis ritibus, Graecam fidem, que melior videbatur, suscipit

(...)

Sollicitatus Wladimirus Russie dux, primum a Machmetistis, ut ritum pseudo Machmeth, deinde a Latinis, tercio a Judeis, ut fidem et legem Ebraicam, postremo a Grecis, ut fidem Christianam assumeret, nuncios quidem, ritus prefatos sibi persuadentes, benigne tractatos, eciam remuneratos dimittit: cum suis vero Rutenis, quenam fides acceptanda esset, consultat. Placuit autem ad omnes naciones rituum predictorum nuncios speculatum mitti et cuiuslibet ritum explorari. Missi itaque in Bulgaros, Latinos et Grecos nuncii singulorum ritus, ut iussi erant, speculantur et explorant, et Machmethi quidem ritus plura habens in se feda et turpia, illico ab eis profanus et [*iniquissimus*][a] iudicatus est; Latinorum vero cerimonie parum illis religiose et templa parum ornata videbantur. Dum vero in Constantinopolim pervenissent, Basilius et Constancius Grecorum tunc imperatores, intelligentes eos speculandi ritus sui gracia illuc venisse, cetu religiosorum et sacerdotum vocato magnam solennitatem instituunt, et in splendissimis ornamentis celebritatem misse per patriarcham teneri disponunt Ruthenorumque nuncios ad ecclesiam introductos in loco eminenciori, ex quo omnes cerimonias videre possent, locant honoreque mense exceptos splendide tractant et muneratos remittunt. Qui ad ducem suum Wladimirum reversi de singulis ritibus, que viderant, disserunt, sectamque spurcissimi Machometi contempnendam prorsus et repudiandam esse persuadent, et Grecorum sectam prestanciorem quam Latinorum fore, in Grecorumque ecclesiis plura et magis culciora ornamenta, quam in Latinis consistere. Tantam insuper in missa Grecorum, cui intererant, testabantur se dulcedinem [*sensisse*][b], ut pene extra se rapti magis celesti quam terrene solennitati se putaverint interfuisse. Ad ritum igitur Grecorum suscipiendum omnium procerum sentencie inclinabant, persuadendoque Wladimiro dicebant: "Si fides Grecorum bona non foret, non avia tua Olha inter mulieres prudentissima illam accepisset" Assensit itaque Wodimirus procerum sentencie et baptisma ritu Grecorum se suscepturum promisit.

(II. P. 200–201)

(...)

---

987 [a] (*в Dlug. – и в AD? –* inquissimus. *– Ред.)*

987 [b] (*в Dlug., очевидно, вследствие опечатки,* senisse. – *Ред.*)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS NONAGESIMUS

(...)

Wlodimirum Russie ducem, dum fidem Christi suscepturus esset, caecitas opprimit; inductus tamen persuasione futurae coniugis suae, sororis Graecorum imperatoris, baptisatur et visum accipit et in baptismo nuptias celebrat

Congregata Wladimirus Russie dux gencium suarum multitudine copiosa Grecis bellum infert et castrum insigne Grecorum Korschun conqiurens vicinam ex eo sibi subiicit regionem cogitque oram illam ad tributum. Mittit deinde nuncios ad Basilium et Constantinum Grecorum imperatores, petens sororem eorum Annam suo coniugio copulari, offerens, si pociatur eius connubio, se extemplo de castro Korschun, quod quesierat, et regione, quam subiecerat, excessurum. Sed Basilius et Constantinus Grecorum imperatores respondent: non convenire sibi et sue honestati cum principe gentili et ydolorum cultura polluto affinitates iungere et germanam suam illius connubio sociare; si vero errore gentili deserto fidem Christianam profiteri vellet, non se eius peticionem abnuituros. Wladimirus autem Russie dux eisdem nunciis iterum remissis offert se prono animo fidem Christianam suscepturum; venirent personaliter sororemque suam Annam afferent et ipsum baptisarent. Adversabatur autem Anna soror imperatorum huic affinitati assumereque illam multiplici renitencia dedignabatur; sed Basilius et Constantinus fratres disserendo persuadendoque quanta bona ex affinitate huiusmodi secutura sint et quod universa Russia ex eius connubio fidem Christi sit susceptura, animum sororis expugnant pervincuntque ad consensum. Veniunt itaque Basilius et Constantinus cum sorore sua Anna in Korschun et illico Wladimirum ducem Russie oculorum cecucitas invadit; fluctuareque vario mentis estu cepit, an ritu suo gentili derelicto fidem et baptisma Christi esset suscepturus. Anna autem soror imperatorum et futura sua coniux (так! *Ред.*) docet cecucitatem, que illi acciderat, suscepto baptismate disparituram. Ab episcopo itaque Korschunensi baptisatus, illico caligine oculorum dispulsa illuminatus, nupcias cum Anna sorore imperatorum celebrat et ecclesiam in signum et memoriam tam sue conversionis quam baptismatis et illuminacionis edificat castroque Korschun Basilio et Constantino imperatoribus restituto in Russiam cum nova sponsa plenus gaudio et hilaritate redit. (II. P. 203–204)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS NONAGESIMUS SECUNDUS

Wlodimirus Russiae dux totum populum suum baptisari facit, idolisque fractis, ecclesias aedificat et eas liberaliter dotat

Sacrilegos ritus, quibus priscis temporibus Ruthenorum gens dedita erat, Wladimirus Russie dux eliminaturus, tercio, ex quo fide Christi illu-

minatus erat, anno ydola, lucos arasque et templa eorum confringit, incendit et comminuit. Simulacrum vero Fulminis, quod precipua veneracione a Ruthenis colebatur, ad caudam equi alligatum, spectante multitudine Ruthenorum, per terram trahi et in flumen Dnyepr mergi, gentilibus Ruthenis ex utroque sexu deorum et simulacrorum suorum fletu et eiulatu ingenti confraccionem prosequentibus, mandavit. Promulgat deinde Wladimirus dux edictum, ut omnes naciones et populi sibi subiecti relictis ydolis Christi fide et baptismatis caractere se insigniant, habiturus eos pro hostibus bonaque eorum confiscaturus, qui detractarent sanctis suis parere iussionibus. Qua necessitate Ruthenorum populus constrictus ad Kyow catervatim confluxit et fidem Christi professus in flumine Dnyepr ab episcopo Korsunensi et presbiteris ex Grecia adductis baptisatur et in fide ac cerimoniis eius eruditur. Audita autem est vox et eiulatus draconis in aere, querentis se ex possessione Ruthenorum diuturna non ab apostolis aut martiribus, sed ab una femina eiectum esse. Edeficavit[a] autem Wladimirus primam ecclesiam in loco, quo [*prius*][b] ydolis thura accendebantur, et eam beato Basilio dicari ordinat, sed in aliis regionibus Russie templa et sacerdotes Dei multiplicat. Edificat et alteram ecclesiam Wladimirus beate Virgini Marie in Kyow et ornat eam vasis aureis et preciosa supellectili: et tam in ea, quam in aliis ecclesiis Russie a duce Wladimiro et baronibus Russie edeficatis[c], Corschunensis episcopus ministros et sacerdotes instituit, pro quorum sustentacione Wladimirus dux predia et census largitus est et primicias ac decimas tam boyariis quam aggrestibus mandavit solvi et offerri. Baptisavit et tunc Wladimirus duodecim filios suos, videlicet Wyszeslaum, Yszeslaum, Swathopelkum, Jaroslaum, Wszewoldum, Swanthoslaum, Mszczislaum, Borzich, Hleb, Stanislaum, Poszwyszd et Sudislaum puerosque Ruthenorum applicat literis, artifices insuper ex Grecis conductos solariat et plures ecclesias ex muro petra et latere edificat. (II. P. 206–207)

(...)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS NONAGESIMUS SEPTIMUS

(...)

Dum unus de Wlodimiri Russiae ducis et alter de Polowczonum terras Russiae ingressorum exercitu conventum utrinque duellum ineunt pro omnibus, Rutheno pusillo de ingenti Pyeczenyego victoria provenit

Vastatis eo anno Wlodimirus Russie dux[a] Karwatis, infertur illi a Polowczis bellum; contra quos egressus ad fluvium Thrubyesza eos

---

992 [a] (*так в Dlug.; ожидалось бы* Edificavit. – *Ред.*)

992 [b] *в AD* quibus

992 [c] (*так в Dlug.; ожидалось бы* edificatis. – *Ред.*)

997 [a] (*надо бы* Wlodimiro Russie duce. – *Ред.)*

offendit. Cumque fluvio impediente periculosam sibi uterque exercitus dimicacionem censeret, vir altus et rare fortitudinis de castris Pyeczenyegorum egressus provocabat Rutenos, ut alium darent ad pugnam, tribus annis, si vincerentur, vastacionem sue terre perpessuri. Unus itaque ex Ruthenis, qui domi remanserat, adductus id munus suscepit, quem prodeuntem, utroque exercitu inspectante, eo quod stature mediocris esset, Pyeczenyegus despexit. Inito tandem certamine vicit Ruthenus Pyeczenyegum et continuo exercitus Pyeczenyegorum fugit, quem Rutenus persecutus multos occidit aut cepit. Wlodimirus illic castrum Pereaslaw erexit, eo quod vir, qui vicerat, ex Pereaslaw ortus esset. (II. P. 220)

ANNUS DOMINI NONINGENTESIMUS NONAGESIMUS OCTAVUS

(...) Wlodimirus Russiae dux a Pyeczenyedzis vincitur

(...)

Irruentibus eo anno Pyeczenyedzis in terras Russie et eas vehementer cede et igne vastantibus, Wladimirus Russie dux cum suarum gencium copiis occurrit illis et ingenti cede utrinque edita contritus est Wladimirus et exercitus eius a Pyeczynyedzis. Et cadentibus plurimis effugit Wladimirus, prosequentibusque illum Pyeczynyadzis, ne in illorum manus [*vivus*][a] veniret, sub pontem, qui fugienti occurrerat, se recondidit. Cuius beneficio usus, hostes se insequentes fefellit; Pyeczynyadzi autem spoliis et castris Ruthenorum potiti, predata Russie terra in regiones suas captivos et pecora ceteramque predam deducunt. Post quorum discessum Wladimirus Russie dux in signum sue evasionis ecclesiam Transfiguracionis in Kyow edificat et dotat, eo quod in festo Transfiguracionis iuxta Grecorum ritum clades illa et sua evasio contigerat. (II. P. 221)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS PRIMUS

(...)

Foedus percutitur inter Boleslaum Poloniae regem et Wlodimirum Russiae ducem

Potenciam Boleslai Polonorum regis latissime se diffundentem Wladimirus Ruthenorum dux perhorrescens et veritus, ne quandoque in se[a] et terrarum suarum periculum recideret, mittit ad Boleslaum Polonorum regem nuncios insignes, petens secum et terris suis iungi fedus. Boleslaus autem Polonorum rex amiciciam Ruthenicam intelligens reipublice Polonorum plurimum convenire, fedus Wladimiro Russie duci concessit et

---

998 [a] (*в Dlug.* virus; *очевидно, опечатка. – Ред.*)

1001 [a] (*так в Dlug. и, очевидно, в AD; следовало бы* sui. *– Ред.*)

sub equis condicionibus illud secum iure iurando firmavit ex quo utraque terra maxima quiete annis pluribus floruit. (II. P. 237)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINTUS

(...)

Wlodimiro Russiae duci, partito inter filios principatu, filius Jaroslaus rebellat, qui ex dolore moritur, filius autem rebellis per fratres Borzysch et Swatopelkum profligatur; postea Swatopelkus duos fratres causa dominandi occidere iussit

Duodecim filiis, quorum quatuor, videlicet Visoslaum, Szoslaum, Swanthopelk et Jaroslaum ex prima uxore, et octo, videlicet Wszewoldum, Swantoslaum, Msczislaum, Borzysch, Hleb, Stanislaum, Poszwyd et Sudislaum, quos ex Anna sorore germana Basilii et Constantini imperatorum Grecie, <Bulgara et Bohema et aliis> susceperat, Wladimirus Russie dux abunde beatus et felix, dum annis aliquot Russie terras tam castris quam opidis et villis vehementer auxisset, veritus, ne se obeunte inter filios dira certamina super Russie principatibus consurgant, filiis regnum dividit: et Wisoslao quidem natu maiori dat Nowogrod, Isoslao Poloczsko, Swantopelkoni Turow, Jaroslao Rosztow, sed Wisoslao fatis rapto, Jaroslao Nowogrod, Borzysch Rostow, Hleb Moronye, Swanthoslao Drewyan, Wszewoldo Wladimiriam, Msczislao Thimvtukany (так! – *Ред.*); ceteris vero filiis tribus natu minoribus, videlicet Stanislao, Poszwyd et Sudislao, Kyowiensem et Berestow principatus non nisi morte sua in eos devolvendos reservat. Verum Jaroslaus, cui Rostow cesserat, unus ex filiis, moleste ferens se a Kyowiensi principatu, quem ambiverat, sequestratum esse, venit in dolo cum gentibus suis et aliis precio conductis contra Kyow, et creditus in pace venisse castrum Kyowiense occupat et thezauros paternos in suam redigit dicionem. Quod pater Wladimirus accerbissime ferens copias ex omnibus principatibus, quos inter filios diverserat, contrahit, cum Jaroslao filio pugnaturus. Quo Jaroslaus comperto mittit et conducit Pyeczenyagos et Waraii, patri resistenciam facturus. Interim Wladimirus dux et pater ex dolore, propter filii Jaroslai rebellionem et hostilitatem proveniente, gravi languore correptus, filium Borzisch exercitui preficiens, contra Jaroslam[a] mittit, ipse morbo invalescente paucis post in castro Berestow moritur et in Kyow adductus in ecclesiam beate Virginis, quam ipse vivens edificaverat, sub marmoreo lapide sepelitur. Confluxit autem ad honestandum funerias suas magna Ruthenorum multitudo, que in sepultura sua planctum magnum edens, vociferabatur se patrem et liberatorem patrie et fidei Christiane in Russia plantatorem immature perdidisse. Ignari patrem suum, ducem Wladimirum, biduo filii Borzysch et

---

1005 [a] (*так в Dlug.; ожидалось бы* Jaroslaum. – *Ред.*)

Swantopelk e vita excessisse, certamen cum Jaroslao et gente sua ineunt et victus Jaroslaus cum Pyeczenyadzis et Waraiis adiutoribus suis fugit, Swantopelkus vero occupat Kyowiam et rapit principatum, altero fratre Borzysch paterne mortis luctu invacante. Et licet dux prefatus Borzisch magna <...>[b] militum, quatenus Swantopelko fratre pulso principatum Kyowiensem ipse possideat, urgeretur, militum tamen instancias abnuens respondit: Swantopelkonem fratrem patre absumpto patris se culturum loco nec quicquam adversi illi se unquam moliturum. Verum Swantopelkus disparem graciam Borzisch fratri referens, subornat Novogrodenses viros Belial, qui Borzisch ducem in cubili suo orantem lanceis transfodiunt, sed et armigerum eius Gregorium, Hungarum nacione, dominum suum protegentem, secum una necant. Mittit deinde Swantopelkus ad alterum fratrem Hleb in dolo, invitans eum ad se, sed a fratre Jaroslao nuper conflicto avisatus ad occisionem se vocari, presso gradu subsistit, et magno eiulatu et patris mortem et fratris necem plangit. Veniunt tandem alii viri a Swantopelkone missi et Hleb ducem, abscisso capite interficiunt. Corpora autem tam Borzisch quam Hleb in Kyow deducta in ecclesia sancti Basilii in uno sepulcro tumulantur. Colit hos duos fratres Rutenica Ecclesia Rutenicusque populus pro martiribus et sanctis, astruens illos nonnullis corruscare miraculis. Swantopelkus vero dux, parricidio duorum fratrum insignitus, in magnam erigitur superbiam, estimans se et ceteros fratres facile deleturum et universum Russie principatum occupaturum. <Principalium autem virorum, qui duces Borzisz et Hleb occiderunt, hec sunt nomina Puthsza, Talicz, Yelyovicz et Lyaszko.> (II. P. 250–252)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTAVUS

Jaroslaus Russiae dux fratrem Swatopelkonem fratricidam profligat et Kyow accipit, Swatopelkone in Poloniam fugiente

Forti frequentique exercitu ex Ruthenis et Waraiis Jaroslaus Russie dux comparato contra Swanthopelkonem fratrem hostiliter procedit, duorum germanorum coniunctim, videlicet Hleb et Borzisch, indigna nece ab eo peremptorum, mortem ulturus. Cui cum Rutenis et Pyeczenyadzis Swantopelkus circa castrum Lubyecz et flumen Dnyepr occurrit. Et flumine Dnyepr utrumque exercitum dividente, trimestri spacio stativa illic, uno alterum propter mediantes undas invadere non audente, habita sunt. Jaroslaus tandem, flumine Dnyepr cum omni suo exercitu superato Swantopelkonem et exercitum eius inter duos lacus consistentem subito et insperate invadit. Exercitus autem Swanthopelkonis hostium armatorum et expeditorum, inermis ipse, adventu perculsus, in lacus frigore hyemali con-

---

1005 [b] *в AD пропушено какое-то слово; в крак. изд. исправлено:* in agmine militum (*конъектура неудачная; скорее всего, действительно, пропущено слово вроде* prece. – *Ред.*)

gelatos ex tabernaculis diffugit; ubi glacie fragili violata plures numero sorbentur ab undis, reliqui a Jaroslao et exercitu eius aut trucidantur, aut captivantur. Swantopelkus vero vix manus hostiles evadens prepeti cursu in Poloniam effugit et ad Boleslaum Polonorum regem se conferens, supplex ferri sibi contra fratrem Jaroslaum solacia, plurima offerens, maiora policens, expeciit. Capit autem Jaroslaus Russie dux Swantopelkone et exercitu eius conflicto, castrum Kyow, tradentibus se illi Kyowiensibus, et sedit in principatu Kyowiensi habens annum vicesimum octawm. (II. P. 258)

Boleslaus rex Poloniae Swatopelkonem restituens brevi omnem Russiam conquirit, Iaroslaum bis profligat et Kyoviam acceptam Swatopelkoni restituit, Iaroslao ad Nowogrod fugiente; Swatopelkone autem imperium regis non ferente et milites Polonos clam necante, rex id resciens civitatem diripit et cum duabus sororibus Swatopelkonis ac multis Ruthenis in Poloniam triumphans revertitur, erectis tribus columnis aereis pro gadibus in flumine Dnyepr

Precipuis bellatoribus et militibus ex Polonie Regno Boleslaus Polonorum rex in grandem exercitum coactis, prefectisque, qui ordines ducerent, et millenariis, centurionibus, quinquagenariis et decanis ceterisque, qui agminibus preessent, legitimo iure ordinatis, Sethegio vero, Cracowiensi palatino, principe milicie constituto, terram Russie Swantopelkonem ducem expulsum restituturus, potenti brachio ingreditur, plures facciones, predas, spolia et iniurias, quibus Regnum Polonie Rutheni crebrius vexabant, vindicaturus. Agmen autem universi exercitus Boleslai regis et prefectorum precipua cura adeo instructum regulatumque erat, ut et stare et sequi et in ordines coire et, quicquid posceret necessitas, agere pronum esset. Russiam itaque Boleslaus Polonie rex ingressus, universas eorum civitates et opida sine [*resistencia*][a] aliqua capit et conquirit. Neque enim pro ea tempestate alique civitates munite habebantur rarusque murorum usus aput Ruthenos erat, sed etsi civitates alique principales frequenciam habebant domorum et civium, hec tamen solo nature situ aut lignorum struibus, pro muris et meniis edificatis, erant debiliter stabilite. Omnes itaque civitates Russie Boleslaus Polonie rex comprehendens et militibus tribuens in predam, arces dimittebat inconquisitas, videns illas pro sui conquisicione non modicum temporis, cuius aput eum erat magna caritas et estimacio, absumpturum. Celerrimo igitur cursu Russiam spoliis et incendiis, nullo resistente, conficiens, ad Ruthenorum terram Wolhinensem, que Luczensis nunc appellatur, pervenit. Postquam autem duci Russie Jaroslao, qui tunc voluptati et solaciis deditus, hamo pisces in fluvio Dnyepr, [*quorum*][b] fluvius ipse magnam edit abundanciam, piscaretur, adventus Boleslai Polonorum regis citus et velox denunciatus fuisset, tunc

---

1008 [a] (*в Dlug.* resistensia; *опечатка? – Ред.*)
1008 [b] *в AD* quarum

quidem subito pavore perculsus, hamo quem manu gestaverat in terram proiecto: “Nichil – inquit – hoc hamo hactenus opus est, neque, ut pisces comprehendamus, sed qualiter hosti occurramus, curandum, ne hostis infesti et potentis, effusionem sanguinis nostri sicientis, hamo involvamur”

Congregatis itaque multiplicibus ex Ruthenis, Waraiis et Pyeczenyadzis copiis, Boleslao Polonorum regi ad flumen Bug occurrit, transitum illius, si posset, prohibiturus, si minus, decertaturus. Absumptis itaque ad ripas fluminis Bug ab utroque exercitu diebus aliquot, fiebant inter exercitus excursiones et <certaminis mutua> preludia, tandem ad universe dimicacionis discrimen, <primum glebis et improperiis acta re, eo disceptacionem ex parwo, ut fit, momento excanduisse, ut iam a multis per saxa, iacula et sudes res agi cepta sedari nequiret>. Erat Jaroslao Russie duci suus alumpnus nomine Budy plurium carus et omnium consiliorum et negociorum Jaroslai consultor, moderator et director, qui in altera ripa consistens, multis improperiis Boleslaum Polonorum regem et suum exercitum irritabat, nunc meticulosum, nunc crassum Boleslaum Polonorum regem appellans, astruens se illius crassum viscus, si in aciem prodire auderet, confossurum. Quibus contumeliis Boleslaus Polonorum rex provocatus, concione advocata militum, prudenti usus oracione, ne suam et regis sui ignominiam equo animo tolerent, sed armis expeditis illico in prelium prodeant, hortatur. Universo itaque exercitu velocissime armato Boleslaus Polonorum rex primus Bug fluvium insilit, quo superato Ruthenos trepidantes et suos in arma vocantes invadit. <Mirificum hinc inde accensum est certamen, adeo ut in omnem fortune [*experienciam*][c] veniretur> et quamvis aliquantis horis fuisset hinc inde pugnatum, ad extremum tamen Jaroslaus Russie dux cum universis suis copiis contritus et conflictus est et cum quatuor tantummodo comitibus in Kyowiam effugit. Ingens cedes tunc a iusta ira edita est, sed et multi ex Ruthenis, Pyeczenyedzis et Waraiis capti, castris eciam hostilibus magne opulencie Polonus potitus. Jaroslaus dux in Kyowia consistere, ne a suis proderetur, non ausus, in paludinosa loca divertit, <futurum ut erat, ratus Boleslaum Polonorum regem se persequuturum et locum, quo se reponeret, obsessurum>.

Ab exploratoribus autem et fugitivis Boleslaus Polonie rex Jaroslaum Russie ducem ex ipsa principatus sui arce Kyowia doctus diffugisse, tanto velocius ad Kyowiam promovet exercitum et aliquot stativis illic applicans, urbem ad vada fluminis famosi [*Dnyepr*][d] sitam, situ et populo diffusam et amplissimam eaque tempestate famosam (cuius magnitudinem opulenciamque eciam nunc ruine et tricentarum vel citra ecclesiarum semidiruti muri protestantur) undique cingit et tam terrestri quam navali loco eam obsidione coarctat, providens omni studio et cautela, ne quid ad illam posset importari, sciens tante multitudini, que illic erat inclusa et que ex

---

1008 [c] (*в Dlug. – и AD? –* experigenciam. *– Ред.*)

1008 [d] *в AD* Dnyestr

pluribus Russie oris, se illic tutam consistere putans, defluxerat, alimenta propediem deesse. Impugnacionem itaque urbis levibus quibusdam infestacionibus ostendens magis quam exequens, finalem eius conquisicionem in aliquantum tempus differebat, sperans se illam vel sola fame absque periculo et interitu militum confecturum. Nec eum opinio fefellit: pluribus enim in urbe obsessa vel fame extinctis, vel inedia maceratis, traditur Boleslao Polonorum regi civitas, quam in splendore armorum eques et ense nudato cum expeditis militibus, aliquot agminibus eum precedentibus et subsequentibus, ingressurus in portam, per quam primum intrabat, et que aurea ab incolis vocabatur, in forti brachio mucronem vibrans impegit et illam in sui medio dividens et perscindens signum triumphale sue capcionis et victorie illic reliquit; ac deinde ad arcem ducalem divertens eam comprehendit et universam supellectilem et thezauros ducales adeptus, militibus pleraque in solacium dedit et Swantopelkonem ducem Russie in sedem Kyowiensem, a qua pulsus erat, restituit. Prestancioribus autem militibus circa se Boleslaus Polonorum rex relictis, ceteram omnem multitudinem (iam enim hiemps appetebat) in hiberna distribuit, Swantopelkone duce Russie Polonorum militibus affatim providente et de commeatu et de vestitu. Cognoscens autem Jaroslaus Russie dux Polonorum exercitum ex Kyow in hiberna deductum esse et Boleslaum Polonorum regem cum paucis in Kyow remansisse, congesto exercitu clandestine versus Kyow transit, Boleslaum Polonie regem quacunque arte aut ingenio occisurus. Boleslaus autem Polonorum rex, denunciato sibi Jaroslai et hostium adventu, armis correptis equum illico conscendit militesque se sequi et in ordines ire iubet ordinatoque exercitu flumineque [*Dnyepr*][e] superato Jaroslaum et exercitum eius in altera parte fluminis agentem stativa invadit, fitque acerrima pugna et vincitur Jaroslaus a Boleslao Polonorum rege et omnis milicia Jaroslai aut tunc cecidit, aut in potestatem Boleslai Polonie regis viva venit. Jaroslaus cum paucis, equos mutando, in Nowogrod fugiens pervenit, ubi ex nimio pavore et dolore consternatus, non audens consistere (Boleslaum enim Polonorum regem ad se expugnandum illuc verebatur venturum) ultra mare fugere disponebat, quem Nowogrodenses non solum retinent, sed paventem ac dubium rebus suis et spe alciori reficiunt, et ut nows ac recens exercitus contra Boleslaum Polonorum regem instaurari posset, ut quilibet agrestis quatuor mardures, nobilis quinquaginta marcas, capitaneus decem marcarum solvere debeat, decernunt. Certatim itaque magna pecunia congesta Warahos in sui solacium conducunt, Boleslao Polonorum regi nowm bellum illaturi.

<Totus tamen ille apparatus bellicus Jaroslai ex pavore recentis cladis in auras evanuit. Boleslaus deinde Polonorum rex Herculem illum fortissimum, qui in finibus Hesperie tres turres fabricaverat, expressurus, tres et ipse in flumine Dnyepr in eo loco, ubi fluvius Szula miscet se fluvio Dnyepr, ex solido ferro columpnas, que et in eam diem permanere asserun-

---

1008 [e] *см. предыдущее примеч.*

tur, pro gadibus perpetuis locat, qui in flumine Szolawa in occidente tres postea locavit, triumphales suas victorias et Polonorum terminos aput posteros testaturas.>

Sedit autem Boleslaus Polonorum rex in Kyow multo tempore, et parebant Ruthenorum nobiles proceres et universe Rutenice gentes eius imperio atque dicioni. Verum Swantopelkus Russie dux, vir parum sensatus, Boleslai Polonorum regis diuturnam moram moleste ferens, aliquos Polonorum milites <in hibernis commorantes> clam aut ipse interficit, aut interfici a suis disponit. Qua iniuria Boleslaus Polonorum rex iuste permotus, militibus suis et universo Polonorum exercitu ex hibernis revocato, civitatem Kyowiensem, Swantopelkone diffugiente, dat militibus in predam, <castra quoque Russie in suam redigens dicionem, rapinis non prius temperatum, donec omnes Ruthenorum Kyowiensiumque fortune, felicitate diuturna cumulate, per Polonos fuissent egeste. Ex eo autem tempore Kyovia, etsi per varios principes reparata sit, urbis quoque ducalis dignitatem obtineat, accepte tamen tunc ruine posteris signa prefert>. Duas deinde sorores Swantopelkonis et Jaroslai ducum Russie, videlicet Przeczslawam et Mszczislawam, item boyaros et proceres Russie magis insignes captivat et vinctos, ut obsidum essent loco, onustus Ruthenorum spoliis pluresque ordines captivorum ex Ruthenis secum ducens, in Poloniam, pluribus castris Russie forti militum Polonorum presidio imposito <locatis>[f], remeabat <preficiens thezauris suis Anastasium Ruthenum, qui se illi in dolo gratum et fidelem insinuaverat, thezaurarium et servitorem>. (II. P. 259–263)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONUS

Jaroslaum Russiae ducem cum omni potentia Regnum Poloniae ingressum Boleslaus rex per remissum exercitum strenue pugnantem profligat et onustus praeda ac spoliis revertitur illisque ecclesiam Gnesnensem et alias ornat

Ex Russia Boleslao Polonorum rege cum gravibus et insignibus spoliis in Poloniam remeante Jaroslaus Ruthenorum dux, quem armis et virtute superare desperaverat, astu et dolis vincendum credebat. Notabili enim ex Ruthenis, Plaucis, Pyeczenyadzis et Warahis ceterisque nacionibus exercitu collecto, egressum Boleslai regis cautissime observabat suaque et sui exercitus egredientis pedetentim et latenter insequebatur vestigia, in finibus terrarum exercitu Boleslai in diversas oras distracto irrupcionem facturus: arbitrabatur siquidem Polonos more condicionis humane, quod et auro, argento ceterisque spoliis quam maxime ditati et subsarcinati erant et

1008 [f] *(locatis, добавленное Длугошем, не вписывается в конструкцию фразы и грамматически некорректно. – Ред.)*

coniuges, liberos ceteraque pignora longo tempore non viderant, celeri passu domos petituros et regem cum paucis relicturos. Calido autem satis suo ingenio eciam eventus <ad spem> respondit. Boleslaus enim Polonie rex victorem se, [*Jaroslaum*][a] vero Ruthenorum ducem, qui sub tanto tempore ignaviter se in latibulis absconderat, pro victo reputans, ad fluvium Bug perveniens, exercitum, ut sua quisque loca peteret, licenciavit. Iamque amplissima pars sui exercitus defluxerat, cum Jaroslaus Ruthenorum princeps a speculatoribus cum numeroso et copioso exercitu nunciatur adesse: illic enim Boleslaum regem consecutus erat, doctus a suis exploratoribus exercitum Boleslai defluxisse et defluxurum amplius fore. Boleslaus autem Polonorum rex, ut erat vir animositatis et fortitudinis insignis et rare, nichil hostium adventu perculsus, plerosque milites, qui parum recessus confecerant, revocat et cum hostibus quantacunque potencia preditis decernere statuit; urgebatur enim Ruthenorum impetuosa invasione, fugam autem turpem sibi, turpem exercitui suo magis quam mortem execrabatur, intelligens Ruthenos fuga sua animatos, interiora regni sui penetraturos et hostiliter in universos sevituros, sed et per Ruthenorum irrupcionem claritatem et titulos [*superiarum*][b] suarum victoriarum aput gentes et naciones subactas et subigendas amarius morte ducebat fuscari et preberi illis occasionem et audaciam contra suum imperium calcitrandi; sed et in eo se loco a Jaroslao duce Russie occupatum videbat, ex quo exercitus suus residuus non nisi victor recipi posset. Prius tamen, quam ad congressum cum Rutheno veniret, alloquendos sibi milites et ad pugnam incendendos ratus, hec aput illos facit verba: “Probitatem vestram, o milites, in pluribus bellis et periculis retroactis frequencius expertus, ad certamen cum hostibus, qui nobis multo plures numero sunt, ineundum, quoniam aliud agere honestas disuadet, vos duco, verbis meis nichil quidem vestre virtuti adiecturus, verum ea, que imminent, queque verisimiliter contingere possunt commemoraturus. Hostem enim cernitis et suapte et nostris provocatum armis infestissimum, dissolucione defluxioneque exercitus nostri, qui neque colligi neque revocari absque evidenti nostra clade et periculo potest, cervicibus nostris, et de victoria gloriabundum, imminentem. Is, si vivere honeste et in libertate volumus, si penates nostros, si coniuges et liberos servare, si partis victoriis gloriari et subactas naciones sub iugo et tributo detinere, si denique Russiam ipsam tributariam nobis facere et opima spolia atque captivorum mancipia ex ea relata possidere libet, ferro armisque hostis, numero quidem magnus, sed animo imbellis et ignaws, summovendus est et inanis spes pociunde victorie, qua iam inflatus superbit et tumet, vestris dextris eripienda. Quid enim proderit Bohemos vicisse illosque et Morawos dicionis nostre fecisse ceterasque naciones in circuitu debellatas humiliasse, si Ruthenorum armis victi, et ab hoste fugaci et pavoroso debellati singulis, que virtute quesivimus, exuemur? Fines regni nostri

---

1009 [a] *в AD* Jaroslaus

1009 [b] (*в Dlug.* superiorum; *опечатка? – Ред.*)

propagaturi bellum Ruthenis intulimus; nisi tamen hinc victores evadamus, amittimus propagatos. Ego in celestium confisus auxilio, spero me vestra virtute die hodierna insignem victoriam ex hac hostium multitudine relaturum meisque superioribus victoriis famosum et clarissimum titulum huius victorie eventu adiecturum. Spe optima plenus, optime vos sperare iubeo; que si non subesset, necessitas tamen, <que maximum ac ultimum est telum>, stimulare deberet. Quocunque enim nos vertamus, o milites, ad extrema perventum est: fuge enim predas nobis presertim hostiles vehentibus nulla facultas, circumfusis hostium copiis et nos impigre observantibus; dedi vero hostibus perpetuam vilitatem, [*turpitudinem*][c] nomini nostro atque generi inureret, auxiliares vero ex Polonia prestolari copias eorum esset, qui certaminis possent declinare discrimen. At nostra paucitate hostes conspecta prepeti in prelium armantur fervore. <Dum itaque virtute non possumus, necessitate superiores evadamus.> Cura igitur mortis et vite presentis spe circumscripta, unusquisque vestrum ruat in hostem, iugulum hosti perfracturus magis quam prebiturus. Paucorum annorum accessio unumquemque vestrum non moveat: cum etsi nunc servati, expost nichilominus peste, morbo vel casu aliquo sumus morituri" Hac cohortacione incensi militum animi gloriosam mortem subire, quam ex prelio pedem referre, clamorosis vocibus devovebant. Quos ut alacres et plenos bone spei Boleslaus rex vidit, extemplo signa canere iubens ducit in hostem et pugnam conserit, equis et hastis[d] velocissimo cursu concitatis. Rutheni inferri sibi prelium, contra ut erant rati[e], plurima admiracione percelluntur, paucitatem in multitudine circumferri, primos tamen impetus sustinentes magno et ipsi animo ex spe dudum concepta bellum gerunt. Verum tempore procedente, videntes Rutheni suorum numerositatem diminui et Polonos ad extremum casum paratos maiorem quam pro numero cladem, Boleslao rege unumquemque ex nomine cohortante, edidisse, spe priori extincta (cadentibus enim primis, ad se quisque cedem non ambigebat perventuram) pedem referunt, quanta tamen possunt vi, abundante multitudine resistunt. <Audaciores pugnacioresque Polonos faciebat necessitas, cum nullam viderent nisi per ferrum tantis circumfusi hostibus spem evadendi>; verum Boleslaus territos eos perpendens, suis, si paululum adnitantur, victoriam denunciat. Nec regis atque ducis officio contentus, cum militibus, qui illum observabant, prelio se infundit aciesque hostiles sensim cedentes ad extremum perforat, prosternit et dissolvit, <manus et copias exhibens

---

1009 [c] (*в Dlug.* turpitutudinem – *вероятно, опечатка. – Ред.*)

1009 [d] (*смысл выражения* et hastis... concitatis *не очень ясен; перевод "и потрясая копьями" выбран условно; не следует ли вместо* et hastis *читать* in hostes? – *Ред.)*

1009 [e] (*В Dlug. предлагается после* rati *конъектура-вставка* viderant; *почему plusquamperfectum, непонятно: следовало бы* vident; *кроме того, конъектура представляется излишней, так как два accusativi cum infinitivo* prelium inferri *и* paucitatem circumferri *естественно воспринимать относящимися к одному сказуемому* admiracione percelluntur. – *Ред.)*

prelio et contra hostes fortiter pugnans, providenciam tamen boni ducis non omittebat, sed ubicumque consilio opus erat, accurrens, bellum et bellantes adiuvabat. Et cum Mars magis magisque crudesceret, nunc adhortacione, nunc stricto gladio, nunc feriendo, nunc sauciis recentes substituendo, dubium effecit, plusne sapientis imperatoris artibus, an fortis militis opera pro consequenda victoria uteretur> suisque celeriorem victoriam largitur triumphalemque et magnam viri fortis in ea pugna gloriam effectu maiori consecutus, quam voto: omnia enim erant tumultus, timoris, fuge plena. Dux ipse Ruthenorum Jaroslaus suos, crescente pugna, deteriori loco et in fugam versos conspiciens, insignibus ducalibus, ne proderent fugientem, abiectis equos mutando, persequencium Polonorum manus fugiendo evasit. Omnis autem illa hostilis multitudo aut prelio occubuit aut viva in Polonorum manus venit, paucis, qui in itinera magis abdita ex communi cursu diverterant, salvatis. Tanta autem Ruthenorum cedes tunc edita fertur fuisse, ut fluvius Bug occisorum inebriatus sanguine fluorem suum per certa spacia rubrum produxerat et Rutheni ex regionibus longiquis ad reperienda suorum carorum cadavera in certaminis locum advenientes planiciem universam stratam multitudine funerum et crebras congeries eorum contemplati, a querendis, quos sepeliendos advenerant, difficultate quesicionis arcebantur. <Capta aliquot signa militaria, impedimenta fere cuncta cum sarcinis, militum et equorum complura milia comprehensa et in dedicionem accepta.>

Memorabili prelio confecto et cede quam maxima in Ruthenis et ceteris, qui illis solacia tulerant, Boleslaus Polonie rex edita in Poloniam non iam solum cum predis et Ruthenorum spoliis, sed cum captivorum cuneis feliciter regrediebatur. Cui per loca transitum facienti, [*per*][f] processiones et excepciones omnium ordinum, velut glorioso athlete et victori honor exhibebatur. Ex spoliis autem Russie primum honoravit ecclesias omnes regni sui kathedrales, dando unicuique ecclesie magni ponderis clenodia; in ecclesiam tamen Gneznensem (illic enim coronacionis sue agebantur solennia, illic et regiam magis usitatam habebat) liberalitate fuit profusior: que quidem insignia et magni precii clenodia eciam in hanc diem Gneznensis ecclesia obtinet, trophea Boleslai regis per ea succedenti etati innovans et demonstrans. Deinde ex eisdem spoliis milites, quos vidit enixius in bello meruisse, de publico honoravit et cuncta huiusmodi spolia innata liberalitate distribuit, largicione huiusmodi singulos premians et animosa corda in alciora strenuitatis opera inflammans, mirator amatorque rerum excellencium, auri vero opumque fallacium, nisi pro necessitate, contemptor. (II. P. 264–267)

(...)

1009 [f] (*предлагаем эту конъектуру, так как* processiones et excepciones *не может относиться к тому же сказуемому* exhibebatur, *что и* honor. – *Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DECIMUS

(...)

Swatopelkus a Jaroslao Russiae duce bis profligatur, tandem moritur; Jaroslaus vero victor castra per Boleslaum Poloniae regem consecuta non audet repetere

Superioris anni clade aput fluvium Bụg Jaroslaus Russie dux accepta, anno insequenti nowm congerit contra Swantopelkonem ducem Russie ex propriis et auxiliaribus exercitum et vadit contra Kyow. Cui Swantopelkus occurrens <in loco, in quo suo iussu Borzisz occisus fuerat>, inito certamine vincitur et succumbit. Et non audens ad Polonorum regem Boleslaum pro sui solacio recurrere, ad Pyeczenyagos divertit et contractis celerrime copiis revertitur Swantopelkus Russiam in fortitudine magna. Et occurrit illi Jaroslaus dux cum exercitu suo, et positis stativis circa Olcham fluvium in loco, ubi a Swantopelkone occisus erat Borzisch, in alterius diei adventum differunt certamen. Quo adveniente (erat autem dies Veneris) sole oriente congrediuntur, et prevalet Jaroslaus et exercitus eius, et Swantopelkus victus fugit et venit in Brzescze, quod a Boleslao Polonie rege <[*et su*]o prefecto [*at*]que presidio> tenebatur. Exinde vero de clemencia Boleslai Polonorum regis plurimum fidens, Poloniam procedebat, nova solacia ad rescindendas suas calamitates a Boleslao Polonorum rege petiturus, sed in itinere a repentino correptus languore moritur et a comitibus suis in loco deserto et ignoto sepelitur. Post cuius mortem Jaroslaus dux pacificum aput Kyowienses tenuit principatum, et inter Russie duces prestancior habebatur, <Boleslaum Polonorum regem super castris Russie, que in potestatem suam acceperat, nullo pacto, potenciam suam pertimescens, audens quomodolibet impetere vel molestare. Possedit autem Boleslaus Polonorum rex et successores sui reges Polonie castra, opida et fortalicia tunc sub Ruthenis conquisita et ea per prefectos suos et capitaneos administravit magnamque terrarum Russie porcionem tunc armis quesitam, prope Kyow se protendentem, in suam dicionem et regni sui Polonie perpetuam potestatem subegit.> (II. P. 268–269)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS UNDECIMUS

Brzetislaus dux Poloczensis sub Iaroslao patruo suo Kyoviensi duce ducatum Nowogrodensem occupat, quem postea Iaroslaus recuperat, et singulari certamine ex pacto cum duce Koschohoriensi inito, eum sibi cum omnibus suis subiicit

Uno adversario, videlicet Swatopelkone Russie duce, fugato atque extincto, alter Jaroslao Russie duci adversarius consurgit et pro fratre nepos

succedit. Brzetislaus enim dux, filius Isaslai ducis de Poloczsko, congregato de suis Poloczensibus et Varaiis exercitu vadit contra Nowogrod et occupat illud et universo Nowogrodensi ducatu in suam dicionem et obedienciam redacto prefectis illic dimissis in Poloczsko ad sedem paternam regrediebatur. Cui Jaroslaus Kyowiensis dux hereditaria sorte, ducatu videlicet Nowogrodensi, se exutum moleste ferens, <aput flumen Sudomir> occurrit. Et certamine duro inter utrumque inito prevaluit Jaroslaus et cesis plurimis Brzetislaus victus refugit in Poloczsko ducatumque Nowogrodensem Jaroslaus recuperat <et spolia reducit>. Vadit posthec Jaroslaus dux Kyowiensis contra Rededa ducem de Koschohori, subiecturus illum sibi, et singulari certamine victum (ita enim inter duces et eorum exercitus convenerat, ut duces pocius, quam exercitus congrederentur victusque pareret victori) regionem gentis Koschohori subicit tributumque genti imponit. (II. P. 269–270)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUARTUS DECIMUS

(...)

Msczislaus dux de Thimuthrokany (так! –* Ред.*) bis Iaroslaum fratrem ducem Kyoviensem bello superat et sedem eius Kyoviensem occupat; quam postea fastidiens eidem Iaroslao fratri restituit praeter spem singulorum

Nonus filiorum Wladimiri ducis Russie Msczislaus dux de Thimvthrokany Kyowiensem sedem usurpaturus, comparato non mediocri ex Kozaris et Koschoys exercitu vadit contra Jaroslaum fratrem suum ducem Kyowiensem. Et licet Jaroslaus Kyowiensis dux in sui solacium ducem Vorahunorum Jakvy (так! – *Ред.*) accivisset, duplici tamen certamine fortuna tentata conflictus succumbit et Kyowienses in Msczislai victoris dicionem concedunt. Qui post victoriam clemencior atque modestior sedem Kyowiensem, quam quesierat, fastidire cepit missisque legatis, qui Jaroslaum fratrem promissa securitate reducerent, venientem benigne excipit et compellat. “Repete – inquit – frater, quoniam natu maior es et tibi ex frequenciori respectu debetur, sedem Kyowiensem et ea pro tuo libito quiete utero, quam iure belli quesitam victor victo equo animo restituo”. Et pacificacione reconciliacioneque huiusmodi preter spem omnium inter fratres celebrata dux Msczislaus in Czyrnyeow abiit, dux vero Jaroslaus sedem Kyowiensem repeciit, <quam tamen per se administrare non ausus, per prefectos administravit. Eodem anno nascitur aput Jaroslaum Kyoviensem ducem filius et imponitur sibi nomen Iszaslaus.>

(II. P. 273–274)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DECIMUS OCTAVUS

Iaroslaum Russiae ducem cum magno exercitu Poloniam ingredi volentem Boleslaus rex ad fluvium Bug profligat et fugat Russiamque ingressus omnia ferro atque igne vastat

Ruthenorum princeps Jaroslaus moleste terre sue et metropolis civitatis Kyowiensis vastacionem expugnacionemque superioribus annis per Boleslaum Polonie regem intemptatam ferens, se quoque et exercitum suum ad fluvium Bug grandi strage profligatum et humiliatum dolens, latens et tacitum coquebat bellum, tam proprios milites coarmans, quam alios finitimos conducens, opportuno tempore illud Boleslao Polonie regi ad detergendam cladis sue ignominiam aput Bug fluvium acceptam illaturus. Boleslaus autem, etsi iam pridem de hostili in se ducis Ruthenorum animo et a presidibus capitaneisque suis et ab exploratoribus illuc missis certus erat, aliquanto tamen tempore ab armis se continuit, ducis Ruthenorum animum existimans posse et tempore et sua paciencia sanari. Postquam vero cognovit Ruthenorum principem ad invadendum Regnum suum Polonie arma induisse et cum forti exercitu regno suo quotidianis stativis propinquiorem fore: copias et ipse suas, quas in eventum hostilis et futuri belli tenebat paratas, movet celerique passu in Russiam contendit, inferendum sibi a duce Ruthenorum bellum repulsurus. Itaque sub uno eodemque tempore et Polonus Russiam et Ruthenus Poloniam adeo propere <latenter>que ingrediuntur, ut alteri ignotus esset alterius ingressus et invasio; ad ripam tamen fluminis Bug e regione [*sua*][a] sitam uterque consedit et castris positis alter alterius adventum agnoscens de futuro certamine in crastinum ineundo consultabat. Et Boleslaum quidem Polonie regem sacratus Dominicus crastinus dies a pugna distinebat, nolebat enim ob illius celebritatem prelium eo die committere; unde et milites in castris continuit et, ne quid eo hostile gereretur, interdixit. Verum prohibicionem eius exigue rei eventus et occasio, ut plerumque in bello accidit, violavit. Media siquidem die, desuper fervente sole et milite quiescente, servi cocique Polonorum ad ripam fluminis aut equos balneantes potantesque aut occisorum pecorum carnes abluentes, primum verbis, deinde missilibus cum hostili exercitu, in altera ripa stante et illos provocante, se lacessunt. Temporis vero processu adeo crevit inter contendentes pugna, ut clamore ab utrisque sublato uterque exercitus ad arma se concitus moveret. Boleslai itaque regis universus exercitus armis celerrime correptis equisque conscensis universa acie in prelium descendebat; et quoniam hostes propter fluminis interieccionem, nisi eo vadato, adiri <non> poterant, periculo, quod illis et ab hoste et a flumine imminebat, nec quicquam attento, ut erant armati, flumen ingrediuntur; quo Divinitate adiuvante superato in hostes nondum plene armatos neque sub ordinibus consistentes, sed vario

---

1018 [a] *в AD* et

pavore hinc illincque vagantes (subitus enim eos, visis Polonorum aciebus, pervaserat pavor) irruunt ac primas acies eorum facile disrumpunt, obtruncant et prosternunt. Suorum autem strage ad Ruthenos perlata dux ipse Ruthenorum, ne viws in Polonorum manus veniret, a suis fugam capescere compellitur; quo ex prelio discedente, reliquo agmini alcior metus est iniectus, propter quod iam non prelio sed fuge intendentes Polonis victoriam concedunt. Mandante autem Boleslao rege miles suus, Ruthenos in aliquot miliaria persecutus, plures aut vivos cepit, aut gladio extinxit. Dux tamen Ruthenorum et multitudo non pauca fuga evasit: castris Ruthenicis et spoliis innumeris Polonus potitus rege Boleslao concedente ea diripuit. Tandem Boleslaus Polonie rex cum signis victricibus et infestis ad interiora Russie procedens insigniora Russie loca ferro, igne et vastacione perdomuit pluraque castra Russie aut expugnavit, aut dedicione cepit, tanto quoque discrimine Ruthenos tunc humiliavit et afflixit, ut et pacem petere a Boleslao rege et intra parietes se contınere diffisi de armis cogerentur. Boleslaus autem memorarabili victoria potitus, pecore plurimo ex hostili terra abacto, aliisque spoliis onustus in Regnum suum Polonie reversus, cum magna leticia excipitur et honores illi triumphatoris a singulis statibus et ordinibus impenduntur. <Asserunt et alii belli Ruthenici, quod anno presenti per Boleslaum gestum est, aliam causam extitisse. Dum enim Boleslaus Polonie rex ex obitu consortis sue regine Judithe viduatus procos ad ducem Ruthenorum Jaroslaum, petendo sororem suam in consortem, transmisisset et Jaroslaus propter diversitatem ritus nuncios vacuos remisisset; Boleslaus Polonie rex in magnam indignacionem actus bellum Jaroslao indixit et municionibus suis expugnatis eciam sorore Jaroslai capta pro concubina abutebatur.> (II. P. 280–281)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DECIMUS NONUS

Tributo Ruthenis imposito Boleslaus Polonorum rex cum eis pacem facit utiturque erga Ruthenos captos summa gratia

Insigni famosaque victoria Boleslaus Polonie rex ex Ruthenis relata non in aliquam insolenciam aut pompam, ut natura qualitasque victorie suggerebat, prolapsus est, sed solitum humilitatis et modestie gradum observans cunctis se exhibebat et aditu facilem et in reddenda iusticia, impendenda quoque largicione generosum et benignum. Sed et erga Ruthenos victos tunc et captos patrem se magis quam victorem egit: nam Ruthenorum principi per plures legaciones eum interpellanti et pacem, modesto imposito tributo, restituit et singulos captivos liberaliter remisit. Qua nimirum facilitate corda Ruthenorum adeo promeruit, ut virtutem eius probitatemque efferendo magnis celebrarent laudibus et maximum illum principum [*nullique*][a] comparandum, vocabulo linguarii sui Chrobri, quod

---

1018 [a] *в AD* ullique

eciam illi in multas successiones fuit et est perhenne, nominarent. Ab eo insuper tempore principes Russie et populi, pro ea tempestate locupletes et numerosi, modestia et virtute Boleslai Polonie regis magis quam armis victi perseverabant in fide et singula pacta cum Boleslao inita accurata custodia explebant, neque addiderunt Boleslao superstite, de bello innovando et iugo superimposito abiciendo quicquam moliri, universas suas artes et conatus non dubitantes Boleslaum Polonie regem prestanti virtute et animo compressurum. (II. P. 282)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS VICESIMUS QUARTUS

Boleslaus Poloniae rex filium Myeczslaum sibi successorem designat et ob egregias dotes Chrobri, vicus vero Chroberz ab eodem rege cognomen accepit

(...) Ipse quidem terminis, quos a patre et proavis athavisque susceperat, parum contentus Bohemiam, Morawiam, Russiam bello subactas et oppressas et cede multiplici, excecacione quoque Boleslai ducis Bohemie, ceteraque strage sanguinaria humiliatas Polonie adiecit fecitque sibi et Polonis tributarias et subiugales. (II. P. 288)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS VICESIMUS SEXTUS

Myeczslaus rex captis Ruthenorum obsidibus Russiam in fide tenuit (...)

Polonorum rex Myeczszlaus exacto integro anno, in quo patrem suum cum omni milicia veste mutata lugebat, ex Gneznensi castro, in quo continuum tenuerat domicilium, versus Cracowiam, ducens secum Richszam reginam, processit, ubi aliquot mensibus exactis in fines Russie cum milicie sue frequenti multitudine se contulit. Jaroslaus etenim atque Msczislaus Russie duces morte Boleslai Polonie regis audita cum magno tam militum quam popularium exercitu fines Regni Polonie invadunt castrumque Czirwyensko et alia Polonica castra oppugnant, vastatisque aliquibus regionibus Polonie captivos agrestes secum abducunt et eos super fluvium Porszy, prope Kyowiam, ad colendam terram locant. Certum insuper erat Ruthenos per patrem suum regem Boleslaum subactos secuta morte eius ad res novandas plurimum inflammatos plerasque conspiraciones clandestinas tenuisse et ad reiciendum impositum iugum animatos esse, apparebatque illos in apertam rebellionem aliquando, nisi interim daretur remediacio, prodituros. Russiam itaque Myeczszlaus Polonorum rex perveniens principaliores ex Ruthenis capit et captos in Cracowiam per castra distribuendos transmittit, quos aliquantis annis obsidum loco habuit, quo facto et glis-

centem rebellionem oppressit et Ruthenos in fide continuit eisque novandi res de cetero opportunitatem ademit. Rebus vero Russie debito ordine compositis et castris municionibusque iusto militum presidio et victualium fulcimento provisis in Poloniam remeabat. (II. P. 299–300)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS VICESIMUS SEPTIMUS

Brzetislaus filius Odalrici ducis Bohemiae Polonos persequi coepit rebellionem parans

Interim, quo Ruthenorum rebus Myeczszlaus Polonorum rex invacabat, Bohemi turpe reputantes tributa Poloniae regibus pendere, in rebellionem apertam prodeunt et Polonos, quos in Bohemia reperiunt, aut comprehendunt, aut expellunt. (II. P. 301)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS TRICESIMUS TERCIUS

(...)

Iaroslaus Kyoviensis dux Msczislao mortuo in Czirnyeoviensem ducatum succedit et se monarcham totius Russiae gerit, Pyeczenyegisque victis apud Kyow ecclesiam sanctae Sophiae voto promissam erigit

Msczislao Russie et Czirnyeowiensi duce, dum venacionibus operam daret, absumpto et in ecclesia sancti Saluatoris, quam edificaverat, sepulto, Jaroslaus Kyowiensis dux illi, quoniam non relinquebat superstitem, in principatu successit et monarcham se tocius Russie, quod lingua Ruthenica sonat *yedinowlasczecz*, gerere cepit. Jaroslao autem predicto Russie duce aput Nowogrod commoranti Pyeczenyedzorum gens in gravi multitudine adveniens Kyow vallavit. Qua novitate Jaroslaus per significacionem celeris nuncii accepta, contractis undique copiis in Kyow advenit et cum Pyeczenyedzis obviam illi euntibus congressus fortiter depugnat. Utrisque autem pro victoria adnitentibus ceduntur Pyeczenyedzi et multi, dum fugere contendunt, suffocantur in aquis, ceteri vivi capiuntur aut fugantur. <In signum autem victorie in loco certaminis ecclesiam sancte Zophie, ante conflictum votam, Jaroslaus erigit, que post honore metropolitico est insignita. Eodem anno nascitur [*Jaroslao*][a] Kyoviensi filius et imponitur sibi nomen Wyeczislaus.> (II. P. 309–310)

1033 [a] (*в Dlug.* Jaroslas; *опечатка? – Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS TRICESIMUS QUARTUS

(...)

Iaroslaus Russiae dux plura monasteria et ecclesias ac portam aureum in Kyow aedificat

A bellis ad religiones Jaroslaus Russie dux conversus plura monasteria non solum virorum, sed et feminarum pluresque ecclesias in Kyow fundat et edificat. Exstruit deinde sumptuoso muro ecclesiam sancte Zophie, cuius turrim tabulatis deauratis tegit; ecclesiam vero vasis aureis et argenteis, libris vestibusque preciosis dotat, nobilitat et exornat. Portam insuper Poloniam respicientem pro sua et urbis magnificencia demonstranda largissimo et profuso sumptu edificat, eamque auream vocari iubet, quod portas illius laminibus et cacumen tabulatis deauratis ornaverit. (II. P. 311)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS TRICESIMUS OCTAVUS

(...)

Jaroslaus Russiae dux Masoviam spoliat et praedam ingentem abducit impune

Jaroslaus Russie dux intelligens Poloniam proprio et externo bello implicatam et plurimum attritam esse, collecto forti exercitu, terrestri et navali itinere venit in Masowie oram, et eam igne cede et spoliis populatus est magnisque spoliis patratis, magno insuper hominum utriusque sexus numero capto Russiam se recepit. (II. P. 325)

(...)

LIBER III

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS

Polonorum re publica turbata, pars in loca silvestria et paludinosa se recepit, aliis in terram Ploczensem petentibus ultra Wislam, ubi Maslaus olim pincerna Myeczslai Polonorum regis per tyrannidem dominium inique occupaverat

(...) Ceteri vero predarum et bellorum diuturnitate pertesi, estimantes mala huiusmodi in tempus amplius servitura, cum fortunis et pignoribus in regiones trans flumen Wisla versus Russiam et Litwaniam sitas diffugiebant, credentes se amne transito imminens malum declinasse.

(III. P. 20)

(...)

Iaroslaus monarcha Russiae Wladimirum filium natu maiorem contra Graecos infeliciter cum exercitu mittit

Ruthenorum monarchia et universali principatu Iaroslaus Russie dux non contentus, famam et gloriam aput exteros quesiturus, finitimis Grecis bellum infert filiumque Wladimirum natu maiorem, gravis iam ipse ad sustinenda belli munera, cum exercitu frequenti in navibus contra Constantinopolim transmittit. Sed tempestate ingenti exorta franguntur naves Ruthenorum et classe dissipata milites Rutheni cum duce suo Iaroslao[a] vix semivivi continentem attingunt pedestrique itinere Russiam regrediebantur. Quos Grecorum nonnulli milites ab imperatore transmissi non desinebant particularibus certaminibus et infestacionibus lacessire[b], donec prelio inito Grecis fugientibus Rutheni evasere victores. (III. P. 30)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS PRIMUS

(...)

Kazimirus rex Poloniae Mariam filiam Jaroslai ducis Russiae in uxorem accipit, quae postea baptisata Dobrognyewa vocabatur

Sumpta regia unccione et dyademae coronacionisque solenniis ritu iusto et legitimo peractis, id inprimis pontificibus et baronibus Regni Polonie efficiendum curandumque visum est, ut Kazimirus Polonie rex aliquam

---

1040 [a] *так в AD, вероятно, по ошибке вместо* Wladimiro

1040 [b] *(так в Dlug. и, вероятно, в AD; надо* lacessere. *– Ред.)*

nobilem ex ducali genere virginem sibi matrimonio copularet, cuius coniunccione prolis fecunditas et succesio Regnique Polonie instauracio et stabilimentum ex affinitate et dote posset provenire. Obtinebat ea tempestate Russie principatum dux Iaroslaus filius Wladimiri, sororem habens germanam ex Anna sorore Basilii et Constantini imperatorum Grecie genitam, decoram et virtuosam, Mariam nomine; hanc, etsi ritus disparis esset, Kazimirus Polonie rex propter plures respectus ipsum et conciliarios suos permoventes accipit in uxorem. Nupcie quoque in apparatu et sumptu magnifico iuxta exigenciam status et principis locantis sororem et regis accipientis uxorem Cracovie celebrantur. Accepit autem Kazimirus rex Polonie a Russie principe Iaroslao et pecunie magnam quantitatem et vasa clenodiaque in auro et argento, vestium quoque et equorum non mediocrem suppellectilem in vim dotis, regnumque suum splendido huiusmodi matrimonio et diviciis implevit et affinitate stabilivit. Nam et regnum suum versus oram Ruthenicam effecerat quietatum et securum, et ad bella, que illum pro recuperando instaurandoque regno cum finitimis aut propriis gerere contigit, Ruthenorum solaciis utebatur. Multa tamen castra et regiones Russie, [*que*] avus suus Boleslaus, Polonorum primus rex, in Russia, victo et conflicto Iaroslao, quesierat et [*ipse*][a] in eam diem tenuerat, post contractam affinitatem in signum veri federis et sincere affinitatis Iaroslao restituit. Non solum autem ritum Grecorum, in quo educata fuit, Maria regina Polonie reliquit, sed de ritu katholico Romane Ecclesie et eius puritate sufficienter ab ecclesiasticis viris edocta, ritum Grecorum exosum habens, sacro baptismatis fonte denuo in Cracoviensi ecclesia in supplementum eorum defectuum, qui per Ruthenorum presbyteros scripturarum et legum Divinarum ignaros persepe committuntur, est abluta, cum ritu quoque Greco eciam nomen deposuit Dobrognyewaque extunc (id enim sibi katholico baptismate aptatum fuerat) vocitari cepit. Quam successu temporis Kazimirus rex Polonie in Gneznensi ecclesia in reginam Polonie disposuit inungi et reginali diademate coronari. (III. P. 36–37)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS SECUNDUS

Maslaum Masoviae tyrannum, cum arma contra Kazimirum sumeret, rex ipse Poloniae profligat et fugat Masoviamque acquirit

(...) Veteranorum itaque militum ex Polonia et horum, [*quos*][a] secum ex Almania adduxerat, robore tantummodo fretus, in Maszouiam descendit, iuste dedicioni illam simul cum Maslao subacturus. Cui Iaroslaus Russie dux, consortis sue germanus, cum omnibus Ruthenicis copiis in solacium advenit. (III. P. 40–41)

(...)

1041 [a] *(предлагаем эту конъектуру ввиду того, что* quesierat *и* tenuerat *явно относятся к разным подлежащим. – Ред.)*

1042 [a] *в AD ошибочно* quorum

Kazimiro Polonorum regi filius Boleslaus nascitur

Regina Polonie Dobrognyewa primogenitum filium effudit, de cuius exortu Kazimirus Polonie rex magna leticia exultans avitum illi nomen Boleslaus in baptismo imposuit gaudiumque de nativitate filii celebritate dierum sequencium monstravit. (III. P. 43)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS TERCIUS

(...)

Kazimiro regi nascitur filius secundus Wladislaus (...)

Regina Polonie Dobrognyewa ex Kazimiro Polonie rege fecundata alterum filium enixa est, nativitatem cuius Kazimirus Polonie rex singulari solennitate et leticia Cracovie celebrans nomen illi indidit Wladislaus. (III. P. 48)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS QUINTUS

Solutio denarii Sancti Petri innovatur, quae quam utilis sit Regno Poloniae ad demonstrandos illius terminos, recensetur

(...)

<Ab eo siquidem tempore usque in diem hanc omnes veteres Regni Polonici regiones omnesque Ecclesie Polonice dioceses uno et perpetuo iuris tenore usurpato et nunquam intermisso tributum denarii sancti Petri Ecclesie Romane pendunt. Optarem autem ego, ut et Ruthenice, Lithwanice Prutheniceque regiones, expost Regno Polonie unite, pari censuo nerarentur[a], futuro seculo futureque etati terminos et iura Regni Polonie testaturo.> (III. P. 52)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS SEXTUS

(...)

Kazimiro regi filius tertius Myeczslaus nascitur

Tercius filius Kazimiri Polonie regis ex Dobrognyewa alias Maria Polonie regina natus est, cui mandato paterno avitum nomen Myeszko datum est in baptismo <alias Myeczslauus.> (III. P. 55)

(...)

1045 [a] (*так в Dlug. и, вероятно, в AD; надо* nerentur. – *Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS OCTAVUS

(...)

Kazimirus rex Poloniae pacifice regnabat, omnibus subditis carus, vicinis vero formidabilis existens; cui quartus filius Otto obiit

(...) Natus quoque est illi ex Dobrognyewa regina quartus filius, quem Otthonem nominavit, ut genus Otthonum imperatorum, de quo ipse ex sanguine materno satus erat, se honorare et diligere testaretur. Infans autem prefatus Ottho paucis mensibus ab ortu supervivens immatura morte diem obiens utrique parenti maioris luctus prestitit materiam in funere, quam leticie prestiterat in nativitate. (III. P. 59)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUADRAGESIMUS NONUS

Andreas rex Hungariae Belam fratrem ex Polonia cum uxore et liberis revocat et ei tertiam regni partem assignat, sibi vero Anastasiam filiam principis Russiae matrimonio copulat

(...) Accepit autem prefatus Andreas rex principis Russie filiam nomine <Anastasiam>, ex qua nati sunt ei duo filii, videlicet Salomon et Dauid. (III. P. 61)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINQUAGESIMUS PRIMUS

(...)

Jaroslaus Russiae dux moriturus quinque filios ad concordiam mutuo servandam inducit et priricipatus dividit

Iaroslaus Russie et Kyowiensis dux gravi morbo et diuturno et qui dietim invalescebat gravatus, senciens se propediem moriturum vocatis quinque filiis, quos relinquebat, videlicet Zaslao, Swanthoslao, Wszewoldo, Gregorio et Weczeslao, longo sermone monet eos et persuasionibus et exemplis, ut morte sua secuta concordiam et unionem fraternam inter se, florentes principatus et dominia habituri, retineant, quam si sciderint, non dubitent hostes se et sua ultro invasuros. Dividit deinde Iaroslaus principatus Russie inter filios: et Zaslao quidem natu maiori Kÿow, Swanthoslao Czÿrnyeow, Wszewoldo Pereaszlaw, Gregorio Wladimiriam et Weczeslao <Smolensko> <co>mittit, mandans, ut singuli filiorum Zaslao velut magis sensato et perito pareant, Zaslaus vero ut fratres dirigat[a], protegat et eorum curam gerat. Et post hec moritur Iaroslaus <septima Novembris> anno vite septuagesimo sexto et in ecclesia Sancte Zophie in Kyow, quam edificaverat, a filiis, boÿariis et magna multitudine populi sepelitur. Sederuntque

---

1051 [a] *так в AD, но предпочтительнее представляется* diligat

filii eius in sedibus et principatibus, quas illis pater Iaroslaus moriturus designaverat. (III. P. 63–64)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINQUAGESIMUS QUARTUS

(...)

[*Wyeczeslaw*][a] filius Iaroslai dux de Smolensko moritur nulla prole relicta. Cui germanus suus Gregorius succedit in principatu, qui et ipse parvo tempore subsistens absumitur. (III. P. 69)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINQUAGESIMUS QUINTUS

Kazimiro Polonorum regi filia Swanthochna nascitur

Nova Kazimiro Polonorum regi superveniens voluptas immenso illum gaudio refecit. Consors enim sua Dobrognyewa, que iam illi quatuor masculos peperat et annis aliquot parere desinens sterilis de cetero permanere debuisse credebatur, filiam effudit. Ad cuius baptisterium Kazimirus Polonie rex prelatos et barones regni sui convocans solennem curiam Poznanie celebravit et filie nuper nate Swanthochna nomen dedit. (III. P. 70)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINQUAGESIMUS OCTAVUS

(...)

Polowczy ducem Russiae de Preaslaw vincunt et vastationem crudelissimam committunt

Gentiles et barbari, vocati Polowczy, veniunt hostiliter contra Wszewoldum ducem Russie de Pereaslaw et inito certamine vincunt Wszewoldum et exercitum eius <secundo die Februarii>, obtentaque victoria cum duce suo dicto Szekal crudelissima vastacione in ducatum suum grassantur. <Hec autem clades primarium fuit malorum, que tunc primum et expost passa est terra Russie a Polowczis>[a]. (III. P. 76)

(...)

1054 [a] (в *Dlug*. Myeczeslaw; *опечатка? – Ред.*)

1058 [a] *далее в AD следуют зачеркнутые слова:* sub idem tempus Wszeslaus dux Ploczensis hostiliter Wszevoldum ducem invadens confligitur a Wszevoldo circa flumen Nyemsza tercia Marcii quam plurimis Ruthenorum occisis. Et licet expost fuissent pacificati, Wszewoldus tamen Wszeslaum in dolo captum trusit aput Kyoviam in carcerem. Iuramento (*т. е.: "В это же время полоцкий князь Всеслав, вражески напав на князя Всеволода, поражен Всеволодом третьего мая у реки Немсы, причем было убито множество русских. И хотя затем они примирились, Всеволод все же обманом пленил Всеслава и бросил его в темницу в Киеве. Клятве"); об этих событиях, здесь изложенных с рядом недоразумений, Длугош более исправно пишет ниже под 1063 г. – Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUINQUAGESIMUS NONUS

(...)

Polowczy iterum tribus ducibus Russiae victis Russiam vastant; interea temporis de defensione petita et negata seditione inter militares et duces exorta, Zaslaus Kyoviensis dux cum uxore et liberis ad Boleslaum Poloniae regem effugit, cuius sedem Wscheslaus Poloczensis dux per milites vinculis solutus occupat; dux vero Czyrnyeoviensis parva admodum manu multitudinem barbarorum vicit

Polowczis barbaris terram Russie [*irrumpentibus*][a], cum tres duces Zaszlaw Kÿowiensis, Swantoslaus Czÿrnÿeowiensis et Wscheweoldus Pereaslawiensis vastacionem terrarum suarum prohibituri occurrissent, certamen dirum circa flumen Olcha inter se committunt et Ruthenis diffugientibus cessit barbaris victoria. Qua optenta barbari vastacionem terre Russie, quo longius possunt, extendunt et in singulas regiones, opida atque villas libera cede atque spoliacione debachantur, non existimantes Ruthenos et duces eorum animos et pugnam contra se de cetero resumpturos. Dum autem biduo duces, Zaslaw Kÿowiensis et Wschewold Pereaslawiensis, in Kÿow, Swanthoslaus vero in ducatum suum Czÿrnÿeow clade aput Olcham accepta, fugiendo devenissent, nobiles et militares Russie celebrato aput Kÿowiam conventu, duces suos Zaslaum et Wszewoldum, quatenus illis equos et arma subministrent, conveniunt, offerentes se cum barbaris, qui post victoriam per agros passim vagantur et discurrunt, felicioribus auspiciis et cum spe certe victorie ad detergendum dedecus acceptum pugnaturos. Zaslao vero et Wschewoldo militari peticioni, ne nova clades reliquias Ruthenicas deleret, non acquiescentibus, rursum milites Russie flagitare ceperunt, quatenus Wscheslaw dux Poloczensis et duo filii anno superiori in dolo capti et in eam diem vinculis alligati solverentur. Quod dum impetrare non possent, in sedicionem vertuntur. Qua duces Zaslaw et Wschewoldus perculsi et veriti, ne militaris furor grave aliquid in eos consuleret, ex castro diffugiunt. Milites vero ergastulo disrupto Wscheslaum Poloczensem ducem et filios eius solvunt, universam vero castri Kÿowiensis substanciam et suppelectilem diripiunt. Zaslaus vero dux Kÿowiensis ad extrema perventum ratus, in Russia consistere non audens, se et sua salvaturus in Poloniam ad Boleslaum Polonorum regem, fratrem suum amitalem germanum effugit, a quo benigne et humane acceptus et habitus est. Polowczÿ interim dum universas regiones spoliis et cedibus in girum affecissent, contra Czÿrnÿeow procedunt. Quibus Swanthoslaus dux Czÿrnÿeowiensis nichil superiori clade deterritus, habens tantummodo tam ex militibus quam aggrestibus tria milia virorum, obviam processit et cum duodecim milibus hostium circa

---

1059 [a] (*в Dlug.* irrupentibus; *опечатка? – Ред.*)

Sznowsko prima die Novembris pugnam committit, in qua multitudo a paucitate victa succumbit et Ruthenis animose pugnantibus sternuntur vincunturque Polowczÿ, sed et dux eorum cum primoribus vivus in potestatem Swanthoslai ducis venit et omnis preda, quam in Russie terris quesierant, excussa. Swanthoslaus vero cum magna gloria et militari favore in sedem suam Czÿrnÿeow multis hostium spoliis decorus rediit. Zaslao autem Kÿowiensi duce cum filiis suis Msczislao, Swanthopelkone, uxore et aliquibus militibus in Poloniam ad Polonorum regem Boleslaum effugiente, Wscheslaus Poloczensis dux militari favore a captivitate solutus ducatum et castrum Kyowiense occupat et illic sedem suam ponit. Intuens autem in celum hiis usus est verbis: "O crux sanctissima et fidelis, qui in te sperant, non confunduntur, qui te reverentur, periclitari non possunt. Maxima est virtus tua, tu enim fortissimos quosque tuos violatores contemptoresque debellas, sternis et debilitas, tui vero numinis devotos et observatores protegis, liberas et glorificas" (III. P. 79–80)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEXAGESIMUS PRIMUS

(...) Felicem tunc Poloniam quis asserere dubitabit, que Pannoniorum et Bohemorum <et Ruthenorum> <tres> insignes exules excepit, tractavit et confovit et, quod hiis amplius est, statum eorum dubium et prostratum suis auxiliis, ut in sequentibus narrabimus, sustentavit et erexit. (III. P. 83)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEXAGESIMUS TERCIUS

(...)

Wscheslaus dux Poloczensis a ducibus Russiae vincitur et contra iusiurandum datum captivatur

Zaslaus Kyowiensis, Swanthoslaus Czÿrnÿeowiensis, Wschewoldus de Pereaslaw duces fratres germani, invidie stimulati livore, exercitibus coadunatis vadunt contra Wscheslaum ducem de Poloczsko fratris sui patruelis Brzetislai filium, volentes illum et principatum suum sibi subiicere; et conveniunt omnium trium ducum copie circa Minsko et abinde aciebus ordinatis vadunt versus Poloczsko. Quibus Wscheslaus dux Poloczensis circa flumen Nÿemcza occurrens, confligit cum eis et cadentibus hincinde plurimis Wscheslaus victus effugit, et miserunt post illum duces nuncios in dolo persuadentes, ut conveniret cum illis fedusque iungeret, polliciti iureiurando non se illi aliquid hostile illaturos. Qui huiusmodi sponsione certificatus, cum legatis per fluvium Dnÿepr advenit, sed duces contra ius gencium iuramento temerato illum captivant et concludit eum Zaslaw dux Kÿowiensis cum duobus filiis in carcere Kyowiensi. (III. P. 87–88)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEXAGESIMUS SEPTIMUS

Boleslaus rex Poloniae Wiszeslawam filiam principis Russiae in uxorem duxit

Crebris consiliariorum ecclesiasticorum et secularium Boleslaus secundus Polonie <rex> superiori tempore persuasionibus, quatenus aliquam illustrem virginem suo connubio sociare pateretur, solicitatus, tum quoque non solicitari solum sed urgeri cepit, ut legitimo toro iniciaretur, ne stirps regia ad duos tantummodo redacta absumeretur. Excessus quoque alterius fratris ducis Mÿesz<laui> (так! – *Ред.*) anno transacto secutus et residui ducis Wladislai in eam diem celebs vita, ad hoc et quietis tempus, in quo singula in circuitu bello oppressa erant, allegabantur. Rex Boleslaus etsi nondum in eam se etatem pertigisse, que thedas maritales magnopere expeteret, satis quoque temporis ad onerandum se coniugali iugo restare, vereri insuper, ne caritas future sponse illum acrem et ad bella gerenda, inferenda aut repellenda ferocem animum efficeret languidum et remissum, responderet – ad extremum tamen consiliis suorum cedens consensit se matrimonii munus accepturum. Investigantibus deinde consiliariis, que femina tanto rege digna esset, principis Russie filia et patris sui unica, cui magna pars Russie ex successione paterna debebatur, in consideracionem accessit. Hanc Boleslaus rex ceteris, que tunc per consiliarios vicinorum regum et principum filiabus nominabantur, reiectis se ducturum consensit, quod et pulcritudine dotibusque animi et corporis [*ceteras*][a] prestabat et quod Russiam iustius subigeret, de qua invadenda, subiicienda dudum animum, ut virtutes avitas equare posset, intenderat. Missis itaque solennibus procis prefatam virginem [*Viszeslawam*][b] accipit in uxorem, nupcias quoque Cracouie pro more regio, sponsa advecta, celebrat et per dies plures ludis militaribus et hastarum instauratis solennitatem peragit nupciarum.

(III. P. 94–95)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEXAGESIMUS NONUS

Boleslao regi Poloniae nascitur filius Myeczslaus

Universis Polonorum proceribus et primis regni de suorum principum orbitate sterilitateque solicitis <Viszeslawa> regina Polonie Boleslai regis coniunx uterum nunciatur implevisse. Qua novitate et rex et proceres exhilarati, non sine animorum inter spem et metum colluctacione, futuri partus eventum ambigui operiebantur. Regina interim variis votis, quatenus et virilem fetum et incolumem illi edere contingeret, propiciacionem Divinam preveniens conceptu maturato filium Cracouie duodecima Aprilis effudit,

---

1067 [a] *в AD* ceteros (*более исправной конъектурой представляется все-таки* ceteris. – *Ред.*)

1067 [b] *в AD вместо имени княгини – пропуск, так и оставшийся незаполненным* (*хотя в дальнейшем княгиня именуется именно Вышеславой. – Ред.*)

qui in ecclesia Cracouiensi a Zula seu Lamperto Cracouiensi episcopo aqua baptismatis ablutus Mye<cz>sz<laus> avitum nomen (patre Boleslao rege id ei nomen et in avitam et in fraternam, qui nuper excesserat, memoriam adaptante) accepit. (III. P. 99)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS

Boleslaus Poloniae rex Russiam invadit

<Affinis sui Bele Hungarie regis> Boleslaus Polonorum rex meroris aculeis ex obitu <causatis eiusdem regis[a]> nondum ebetatis, animum tamen ad bellum Russie principibus inferendum et ad recuperandam universam Russiam, armis quondam Boleslai primi Polonorum regis prothavi sui subactam, intendit. Primo quoque estatis tempore omnes milites in armis esse et in expedicionem Ruthenicam copias ex universo regno tam equitum quam peditum iubet convenire, specie quidem fratrem <Y>zaslaum ducem Kÿowiensem in principatum restituturus, re vera vero Russiam sibi et Regno Polonie subiecturus. Omnia vero, que ad futurum belli apparatum noverat necessaria, et per se ipsum et per prefectos, <presertim tamen per Wszeborium principem milicie> maxima providebat cura, magnam pecunie quantitatem inter milites equestris et pedestris ordinis, quo alacrioribus prompcioribusque animis in expedicionem irent, partitus. Estuabat siquidem ferocis pectoris vir prothavi sui Boleslai primi Polonorum regis famam et gloriam in eam usque diem crebris hominum sermonibus celebratam, aut transcendere aut, si minus proveniret, equare, et gades veteres per prothavum suum in flumini<bus> Zolowa <et Dnyepr> per columpnas constitutos regno suo addicere et innovare. Stomachabatur insuper omnes terrarum Russie tractus, ad eum belli [*et materno iure devolutos*][b], per Russie principes possessos et contra ius fasque, patre suo Kazimiro rege vel consenciente vel dissimulante, occupatos esse, de quorum restitucione crebro a Boleslao moniti respondebant se nullatenus illos reddituros. Frequentibus itaque copiis ex omni regno ad regem agregatis advocata militum multitudine, priusquam in hostilem agrum ducere pergeret, ita aput illos disseruit: "Ea – inquit – maiorum nostrorum fuit virtus, ea probitas, is animus, ut quam plures vicinas provincias Regno Polonie fecerint tributarias et subiectas fluminaque Szawa, <Ossa> et Zolowa fixis etiam gurgitibus eorum columpnis terminos regni sui constituerint. Nunc ad quam angustam sedem ex collisione civili redacti sumus, videmus, cum et ipsa Russia, et gencium iure et belli dicionis nostre existens, cuius me materno et avito titulo amplior contigit porcio, imperium nostrum detractat. Eiusque ita rebellionem oppressurus et arma ipse indui et vos in armis esse iussi. Magno itaque presens capessite bellum animo, non prius coniuges et liberos ipsamque, quam nunc linquimus, patriam nostram communem,

---

1070 [a] eiusdem regis – *добавление рукой Длугоша, явно излишнее по смыслу*
1070 [b] *в AD* materno iure et devolutas

quam Russia subacta fuerit, visuri" Hec regis oracio cum ingenti militum alacritate et assensu excepta esset, altero die triplici agmine Russiam, habens in comitatu suo Zaslaum Kÿowiensem ducem et filios eius, ingressus est et pluribus quidem diebus ordinatis aciebus precedebat gradum promovendo et cohibendo milites a populacione in castris continuit, existimans Russie principes iusta acie secum congressuros. <Preerat autem summe rerum in Polonorum exercitu Vscheborius comes, dudum a Boleslao rege princeps milicie constitutus, in quem rex Boleslaus velut militaris discipline peritum magnam partem curarum cogitacionumque suarum verterat.> (III. P. 100–101)

Boleslaus Poloniae rex Kyow et Poloczsko capit

Congesserat autem Wischeslaus[c] Poloczensis dux et qui Zaslaum ex Kÿow depulerat, haut contempnendum ex Ruthenis, Pÿeczenÿedzis et Warahiis exercitum cum Boleslao Polonorum rege decertaturus. Verum dum Boleslao regi, prohibiturus suum ad interiora Russie ingressum, circa Bÿalogrod occurrisset, visa Boleslai Polonorum regis potencia concidit cor eius et non ausus confligere cum Boleslao et Polonorum exercitu (videbat enim se multo viribus inferiorem), ignorantibus suis deserto exercitu, paucis consciis et se sequentibus diffugit in Poloczsko; sed et exercitus suus fuga ducis consternatus et perculsus in varia loca abiit. Ab exploratoribus autem Boleslaus Polonorum rex cercior factus Ruthenos et ceteros hostes ad tuendas municiones dilapsos esse, gradum in ulteriora promovebat. Interim, miserunt Ruthenorum primores Kyowienses ad Swanthoslaum et Wszewoldum duces in Czÿrnÿeow legatos dicentes: "Etsi inique egerimus pellendo ducem nostrum Zaslaum ex Kÿowia, vos tamen venite et defendite castrum Kÿow a Polonis et rege eorum Boleslao, quoniam exercitus suus multus est et fortis nimis et cui nos resistere non poterimus; quod si facere contemnitis, castrum Kÿow, antequam in Polonorum dicionem concedat, igne comburrimus, soli vero cum fortunis, pignoribus et familiis nostris trans mare in Greciam migramus iugulum irato hosti subducturi" Accipiunt autem Kÿovienses a ducibus Swanthoslao et Wszewoldo responsum benignum nuncios se ad Zaslaum ducem missuros rogaturosque, ut se et Polonicum exercitum ab hostilitate contineat pacificusque ad illos sua omnia rehabiturus introeat; quod si nolit, spondent se cum potenciis suis illi occursuros prohibiturosque, ne principalis eorum et avita Kyowiensis arx et populus occupetur a Polonis et rege eorum. Quibus verbis Kÿowienses confirmati voluntate deserende patrie ommissa subsistunt. Nuncii vero extemplo ad Zaslaum ducem expediuntur, qui cum illum haud longe a Kÿow offendissent, verba aput illum et Boleslaum Polonie regem in hunc modum ducum Swanthoslai et Wschewoldi nominibus faciunt: "Incassum – inquiunt – tam fortissimum exercitum in tam remota terrarum spacia produxisti, frustra durissimos impendis conatus, cum videas Wscheslaum Poloczensem ducem hostem tuum et omnes tuos adversarios contabuisse.

1070 [c] *так в AD вместо правильного* Wscheslaus; *буква* i *надписана над строкой*

Omissis itaque Polonis quietus sedem tuam Kyowiensem (non est enim qui adversetur tibi) repete, et Polonorum gentem a nostra et Russie terrarum vexacione averte. Quod si te aliquis furor ad ulciscendum acceptam a Kyowiensibus iniuriam exagitat, ipsemet pocius ulcionem et in Kyowienses et in arcem, sine ferro, sine igne, liber, dummodo Poloni in nos et gentem nostram non debachentur, exerce" Qua legacione accepta Boleslaus Polonie rex cum Zaslao duce et expedicioribus militibus parte copiarum cum impedimentis relicta, se tamen subsequi iussa, versus Kÿow celeriori gradu procedunt. Dolum autem et fraudem in verbis legatorum veriti, Msczislaus filius Zaslai in Kyow cum nonnullis Polonie et Russie militibus Kÿow premittitur, an quiete res aput Kÿowienses essent et ne insidiis et fraudibus Kÿowienses uti possent, exploraturus atque provisurus. Qui illuc pertingens, sedicionis auctores et capita numero septuaginta partim cecat partim trucidat et sevam ulcionem, delendo etiam eos, qui habebantur insontes, exercet. Renunciante autem Msczislao omnia secura et quieta aput Kÿowienses esse Boleslaus Polonorum rex cum Zaslao duce advenit et a Kyowiensibus obviam illi ad septimum lapidem primum occursum, deinde amplissimis muneribus exceptus est. Secunda autem Maii die Boleslaus Polonorum rex Kyowiam ingressus, [*omne*][d] estatis, autumpni et hiemis tempus illuc cum universo exercitu suo deduxit. Ibernabant autem Polonorum milites in opidis et villis, Zaslao duce singulis tam vestimenta quam victualia providente. Ivit autem Zaslaus Kÿowiensis dux cum Polonorum et Ruthenorum militibus, Boleslao Polonorum rege in Kÿow remanente, contra Wscheslaum ducem in Poloczsko, qui potenciam suam et Polonorum veritus diffugit. Zaslaus vero arce Poloczensi et regione in suam dicionem redacta locat illic filium suum Msczislaum, qui dum infra dies paucos absumptus esset, alterum filium Swantopelkonem in locum eius substituens, Kyowiam regreditur. (III. P. 101–103)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS PRIMUS

Boleslaus Polonorum rex civitatem et arcem Premisliensem capit

Hibernali tempore in Kÿow exacto Boleslaus Polonie rex mature ex hibernis festinavit egredi, cum iam tempus appeteret, quo geri res possent. Maximis autem et amplissimis muneribus tam ipse quam milites sui a Zaslao honorati[a], versus Premisliam procedit et quasdam municiones et opida circa Szan fluvium consistencia partim voluntate, partim metu aut vi recipit. Cercior deinde factus Przemisliam opidum multorum Ruthenorum receptaculum esse, qui illic res et fortunas suas ex municionibus et rure, velut in locum tuciorem et presidio valido munitum contulerant, omnibus id copiis aggredi constituit. Erat eo tempore urbs valida et multitudine civium advenarumque et omni bellico apparatu instructa, fossis quoque profundis et

---

1070 [d] *в AD* omnem

1071 [a] *нередкий для языка Длугоша nominativus absolutus*

aggeribus in altum porrectis, amne quoque Szan, qui urbem a parte septemtrionali preterfluit, munita. Admovere copias ad urbem Boleslao regi paranti amnis ipse Szan imbribus plus solito auctus intumescens aliquanto tempore obstitit. Quo tandem decrescente omnes copias per fluvium, Ruthenis nequicquam rippas defendentibus, traduxit castraque non plus mille passibus ab urbe posuit; inde per occasionem nunc hac parte, nunc altera milites in hostium agros emittebat, precipiens, ut quam longissime a castris procederent inopinatosque hostes opprimerent. Qua re et hostes undique territi in silvas paludesque et invia loca diffugiebant, plerique nec iam egredi extra munimenta castellorum et municionum ad lacessenda alia castra audebant; pecoris preterea et frumenti aliorumque comeatuum magna vis excepta et intra castra regia deducta magnam omnium victualium abundanciam in regio exercitu effecerat. Levia deinde prelia sine ullo satis certo eventu per dies plures inter obsidentes et obsessos commissa; uno tamen die erumpentibus maiori caterva ex urbe Ruthenis et usque ad stativa regia discurrentibus, prope iusta pugna fuit, adeoque paventes in urbem refugiebant devicti, ut in tergis eorum plerique Poloni heserint nonnullosque ceperint aut armis exuerint. Excursionibus hostilibus coercitis, castra rex propius urbem admovit et opidum circumdari a tribus partibus (a quarta enim parte arce tutabatur) disposuit. Tribus deinde diebus urbem sine intermissione oppugnat, in plerisque locis hostes ex stacionibus per tela et sagittas summovet et exturbat partemque urbis ad plana camporum spectantem, defensoribus nudatam, in suam redigit potestatem. Quarto die, Ruthenis in arcem confugientibus, urbe potitur, cuius omnis preda militi concessa est. Spacio deinde quietis militi concesso, sub quo et saucii ad menia expugnate urbis curari possent, arcem vallari et corona cingi iubet. Quam cum enixius Rutheni tuerentur, oppugnacionem tamen illius, quamvis sibi difficilem, cum et natura loci et turribus frequentibus egregie munita fuerit, non remisit, universumque estatis tempus in arcis predicte obsidione absumpsit, ratus, quod evenit, Ruthenos ad dedicionem posse famis tedio compelli. Magna siquidem multitudo Ruthenorum cum coniugibus et pignoribus urbe deserta in arcem confugiens intolerabili fame, aque presertim penuria dietim thabescens, cuius haustus moderatus egre arcis defensores sustinebat (nullas enim arx in sublimi posita perhennes tunc habebat aquas), triste suis spectaculum cadente in dies multitudine efficiebat. Huius quoque pestis contagionem presides arcis et milites Ruthenorum veriti ad se perventuram, crescente desperacione caduceatorem ad regem Boleslaum mittunt et, ut inde cum singulis equis et rebus abire liceret, paciscuntur Boleslaoque regi die, que[b] inter eos convenerat, arcem tradunt. Boleslaus autem rex arce potitus menia, turres ceteraque loca Premisliensis urbis sua impugnacione debilitata aut diruta ordinat forcius refici et instaurari, militibusque ad hibernandum in urbem deductis ipse cum prioribus procerum et baronum in arcem se recepit. (III. P. 103–105)

1071 [b] *(так в Dlug. – и AD? надо* qua *или* quo. *– Ред.)*

Geysza dux Hungariae cum fratribus ad Boleslaum Poloniae regem fugit et auxilium contra Salomonem opera Henrici imperatoris denuo coronatum petit

(...) A duce autem Wladislao et genitrice eorum regina Dobrognÿewa benigne excepti et appellati, cum tunc Boleslaus rex bello Ruthenico occupatus esset, omnibus debitis vite necessariis abunde tractabuntur.

(III. P. 105)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS SECUNDUS

Boleslaus rex Poloniae cum exercitu ingressus Hungariam filios Belae concordat cum Salomone rege ita, quod is duas partes regni, honore fungens regio, illi vero tertiam ducali titulo possideant

Bellis duobus, Ruthenico videlicet et Pannonico, illato et inferendo, Boleslaum Polonie regem distinentibus, quid horum mallet, ad quodve se verteret, tacitus secum, deinde et in frequenti suorum consilio discurrebat. Nam neque bellum Ruthenicum et Zaslai ducis Kÿowiensis in sedem suam restitucionem secundis auspiciis hactenus inchoatum et gestum volebat ammittere, neque fratribus suis Geÿsse, Wladislao et Lamperto, omnes spes suas in suo suffragio reponentibus, deesse. Et quamvis omnium consiliariorum Polonie sentencie Ruthenicum bellum prosequendum, a Pannonico interim abstinendum, propriasque res pocius curandas quam alienas censerent, Boleslaus tamen turpe ratus fratres suos duces Hungarie in tam periculoso discrimine deserere, Ruthenica expedicione ommissa, valido presidio arci et civitati Przemisliensi imposito, ad inferendum bellum Salomoni Hungarie regi tam ducibus Geÿsse, Wladislao et Lamperto quam propriis militibus pronunciat se illaturum[a]. Delecta itaque expeditorum militum manu, novis quoque militibus in horum, quos in Premisliensi presidio reliquerat, supplementum ex Polonia accersitis, fratres suos Geÿszam, Wladislaum et Lampertum in Hungariam reducit, queque extrema pro illis tam cum Salomone quam alio quolibet eorum hoste experturus. (...) Et cum a rege et ducibus responsum esset pro pace communi nullas se condiciones honestas recusaturos, sed in pontificum potestate futuros (rex enim Polonie redire ad bellum Ruthenorum magnopere sathagens Hungaricum bellum aut sufferenciis suspendi aut pace componi estuabat), itum extemplo in Musur est et sub hiis condicionibus pax ab utraque parte conventa, ut Salomon quamvis natu iunior regio fungatur dyademate, titulo et honore et duas partes Pannonici Regni in sua dicione habeat; Geÿsza, Wladislaus et Lampertus ducalem honorem et terciam regni partem possideant; Boleslaus Polonorum rex et suus exercitus de comuni utrorumque erario muneratus abscedat. In hunc modum pace composita (in qua com-

---

1072 [a] illaturum *представляется излишним после* inferendum (*но вместо* illaturum *конструкция фразы требует инфинитива* – paratum esse *или подобного. Ред.*)

ponenda estas integra exacta est), Boleslaus cum magna gloria et utriusque partis favore (neque enim eo abnuente pax componi potuisset) in Premisliam rediit illicque hibernavit; Geÿsza, Wladislaus et Lampertus in Quinque Ecclesiis coram magna Hungarorum multitudine Salomoni imposuerunt diadema. (III. P. 107–108)

(...)

Swanthoslao et Wszewoldo ducibus Czyrnyeoviensibus contra fratrem Zaslaum ducem Kyoviensem hostiliter venientibus Zaslaus ipse ad Boleslaum Poloniae regem cum pignoribus venit, petens sui restitutionem

Levi ex causa inter Swanthoslaum et Wschewoldum duces Czyrnyeovienses ab una et Zaslaum ducem Kyoviensem partibus ab altera pro finibus terrarum et spoliis utrinque secutis contencione exorta, eciam inter illos arma excivit. Congregatis itaque exercitibus Swanthoslaus et Wschewoldus Czyrnyeovienses duces vadunt contra Zaslaum Kyoviensem ducem. Verum Zaslaus fluxam et fragilem suorum militum in se fidem perpendens, veritus, ne vivus in manus veniret hostiles, ex Kyow discedit. Swanthoslaus vero et Wschewoldus duces vicesima secunda die mensis Marcii Kyoviam ingressi occupant principatum et sedent in Kyow paterna prohibicione temerata, qui singulos filios constrinxerat, ne alter alterius usurparent principatum. Zaslaus vero Kyoviensis dux cum uxore, filiis et plerisque militibus in Poloniam ad Boleslaum Polonorum regem effugit, ducens secum aurum, argentum vasaque concupiscibilia et omnem nobilem et preciosam supellectilem, que omnia aut Boleslao Polonorum regi donavit, aut in Polonorum milites distribuit, suppliciter se in sedem suam Kyowiensem per Boleslaum Polonorum regem deposcens reponi.

Vicesima prima Decembris Swanthoslaus Czyrnyeoviensis dux, qui Kyoviensem sedem occupaverat, in Kyow moritur et in Czyrnyeow relatus in ecclesia Sancti Salvatoris sepelitur. Cui Wschewoldus frater suus in principatu Kyoviensi succedit. Reliquit autem unicum filium Hleb; hic paternum ducatum, videlicet Nowogrodek, Swanthoslao obeunte possedit. (III. P. 109)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS TERCIUS

Boleslaus rex Poloniae castrum Wolhin sex mensibus obsessum capit

Ex Przemislia (valido illic presidio, ut populares in fide continerentur, relicto) Boleslaus Polonorum rex agminibus suorum exercituum eductis, in ulteriores Russie partes Zaslaum ducem restituturus in sedem suam ire pergit et itinere, quo versus Kyowiam processisse credebatur, ommisso, in terras Chelmensem et Wolinensem (que post Wladimiriensis vocabatur, nunc utroque nomine abrogato Luczensis appellatur) divertit. Regio erat in eam diem dives et opulenta, frequentes habens vicos, et opida pauca erant muni-

ta, facilem sui expugnacionem hosti prebencia. Pleraque itaque voluntate in dedicionem venere, cetera, in quibus presidia Ruthenorum erant, parvo negocio expugnata. Castra regionis erant principalia tria: Wolin, Wladimir et Chelm, singula tamen ex ligno et trabibus fabrefacta et in collibus natura ipsa edicioribus sita; hec magna Ruthenorum militum manus tuebatur. Primum itaque Boleslaus Polonorum rex predas agere et nonnullos vicos et rura incendi iubet. Peragrata predataque regione, cum plurimum peccoris de spoliis aggrestium esset congestum, deduci illud militibus per servos in Poloniam rex [*permittit*][a]; ad castrum deinde Wolin copias admovit et illud omnibus viribus nocte et interdiu expugnare non destitit. Verum dum a Ruthenis castrum defendentibus egregie resisteretur, spes pociundi castri recidebat sepius in irritum. Dum insuper plerique Polonorum milites obsidionem ipsam deferendam persuaderent, nullo pacto persuasioni acquievit, veritus, ne castro inexpugnato dimisso animi Ruthenorum ad faciendam ampliorem resistenciam erigerentur. Sex mensibus in obsidione pertinaciter perseveranti Ruthenorum, qui castrum tutabantur, animi partim metu, partim spe ex liberalitate, quam noverant Boleslao inesse, franguntur, missisque caduceatoribus de castro dedendo aput regem sermonem faciunt condicionesque proponunt, ut singuli, quibus liberet, cum omnibus que dicionis sue essent, discederent; qui remanere elegissent, equo iure cum Polonis in castris regiis militarent, rex insuper illis duo marcarum milia largiretur. Sub hiis condicionibus dum pax convenisset, castrum Wolhin regi deditum. Boleslao autem Polonorum rege in terra Wolhinensi agente Wschewoldus dux decernere cupiens Ruthenicas copias illuc adduxerat; sed Polonorum copiis ad liquidum lustratis manifestum periculum, si belli temptaret fortunam, incisurum se videns retrorsum abiit.

(III. P. 110–111)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS QUARTUS

Boleslaus rex Polonorum totam Russiam suo imperio subiicit devicto Wszewoldo duce

Primo estatis tempore agmina suorum exercituum Boleslao Polonorum regi ex Wolhin ad conquirendum castra duo residua, Wladimiriam et Chelm, educere paranti principis Wladimirie Gregorii, cuius castra ipsa pro ea tempestate erant, nuncii adveniunt. Hii ad consilium regis introducti petunt, ut ex terris eorum copias suas deducat terrasque illas vastari et castra expugnari non admittat, principem suum Gregorium in potestate regis una cum castris et terris futuros et dedicionem facturos imperandaque expleturos asseverant. Rex Boleslaus, ut in ulteriora Russie liberius celeriusque penetraret, oblatas pacis condiciones accepturum se, si obsides

---

1073 [a] *в AD* premittit, *исправленное из* permittit

darentur, respondit. Quo accepto et induciis interim firmatis, ad principem suum reversi responsum exponunt. Grave inprimis et indignum videbatur dare obsides, molestius tamen et gravius tecta et vicos uri. Itaque princeps ipse Gregorius et sui personaliter ad regem Boleslaum veniunt dedicioneque facta obsides tradunt. Boleslaus Gregorium non solum benigne appelatum, sed eciam liberaliter muneratum domos remittens agmine citato ad caput et metropolim tocius Russie Kyow ire pergit, non aliter se bellum Ruthenicum, nisi Kyowia conquisita, ratus consumaturum. Dux Wschewoldus tunc inter Ruthenorum principes pocior et terrarum amplitudine et militum frequencia habebatur; is quoque tunc et terram et civitatem Kyowiensem ceterasque vicinas provincias sub sua dicione continebat. Qui ut ab exploratoribus et ipso rumore accepit bellum sibi a Boleslao Polonorum rege inferri et in regionem suam belli sedem transferri, omnes dicionis sue homines iubet arma expedire ceterorumque vicinorum principum plurima contrahit conquiritque solacia. Multi insuper voluntarii Ruthenorum proceres et milites, qui ex Premisliensi, Wolhinensi et Chelmensi terris per Boleslaum aut expugnatis aut in fidem receptis, diffugierant, se sibi coniungentes exercitum haud sane contempnendum effecerant. Quorum multitudine et continua acclamacione, ut extemplo ad hostem duceret, dux Wschewoldus letior factus, aciebus ordinatis ad castra Boleslai novis stativis cursu celerrimo profectus pervenit, altera quoque die suos ad pugnam educit. Boleslaus prefectis, tribunis, centurionibus et qui ducebant ordines singulisque militibus convocatis: "Decernendi – inquit – cum hoste, quod frequentibus votis optastis, nunc nobis oblata est facultas; virtutem, quam sermonibus iactabatis, nunc monstrate. Hostis quidem et numero et robore superior est, omnis spes in presidio celesti et virtute reponenda. Sepe enim hostis ipse a patribus nostris levi negocio victus fususque est et subactus, quem et hodierna[a] magno animo firmate vos fusuros maxima premia victorie, urbem opulentissimam Kyow cum <...> finium[b], quos patres nostri posuerunt, pulcherrima recuperacione habituri" Hac coartacione monitos et in aciem eductos[c] pugnam conseruit. Magna vi ab utraque parte concursum est ancipitique Marte aliquamdiu pugnatum. A dextra parte egre Polonus restabat, clamoresque dissoni ad incertos suorum eventus fugere hostes proclamancium a presenti certamine avertebant animos, turbatisque ordinibus superiores Rutheni esse ceperant, ni Boleslaus novam cohortem laboranti ale et prope fugam prospicienti submisisset. Itaque pugna restituta equis viribus et prope pari spe pugna gerebatur. Tandem Boleslao rege forciorem hostium cuneum prorumpente fuga extemplo Ruthenorum secuta est, effusosque Ruthenos victores secuti magnum illorum numerum ad castra reduxerunt. Dux Wschewoldus fuga

---

1074 [a] *ожидалось бы* hodierna die

1074 [b] (*так в Dlug. и, очевидно, в AD; следует либо читать* finibus, *либо предположить, что перед* finium *пропущено какое-то слово. – Ред.*)

1074 [c] *нередко встречающнйся у Длугоша accusativua absolutus – употребление винительного падежа в качестве самостоятельного оборота*

salvatus. Multi tunc ex Ruthenis cecidere, sed et ex Polonis prope mille desiderati[d]. In quadrigas impositis <...>[e] et his, qui ceciderant, sepultis in Poloniam spolia plurima Ruthenica referens cum victore exercitu rediit <...>[f]. (III. P. 112–113)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS QUINTUS

Boleslaus rex Poloniae iterum Kyow capit et tributa a Ruthenis exigit

Integra hieme et parte veris Boleslaus Polonorum rex in propriis penatibus absumpta, Boleslaus Polonie rex[a] maiori quam ante exercitu ex equite pediteque comparato in Russiam celeri itinere contendit et ad Kyowiam metropolim Russie accedens, ipsam obsidione vallavit. Dum autem a Ruthenis urbem tuentibus crebre fierent in castra regis excursiones, certaminibusque levibus inter partes in maius crescentibus, sepe universus regius exercitus suis, qui a Ruthenis interdum sagittis eminus emissis propellebantur, laturus auxilium velut in iustam aciem consurgebat. Fame tandem civitas laborare cepit, rarescentibusque hostilibus excursionibus castra propius urbem admovit, doctus quoque a transfugis famem et apud urbanos et aput milites invaluisse, itinera omnia obsideri, ne quid ad obsessos importari posset, summa cura et ipse providit, et milites illi negocio prefectos partim minis, partim promissionibus, ut enixius quamlibet importacionem prohiberent, oneravit. Ea enim vis animi ingeniique regi inerat, ut non grandia solum, sed eciam minima per se adiret militibusque et prefectis munera belli et obsidionis demandando pleraque ipse, priusquam a milite inchoarentur, perficeret, vigilias quoque per se adeundo et segnes corripiendo et mulctando, ne quid milites de solerti et continua diligencia, adventum regium semper suspectum habentes, remitterent, effecerat. Camporum insuper urbem corona cingencium vasta planicies, ita ut illam visiva virtus in pelagi morem terminare non queat et quelibet importacio interdiu procul poterat deprehendi, propositum regis vehementer adiuvabat. Urbs preterea Kyowiensis ea tempestate amplissima et in plures largosque vicos porrecta, nullo satis certo murorum aut roborum robore subnixa, facili capcioni, militibus presertim eam tutantibus continuis vigiliis et diuturna obsidione fatigatis, subiacebat. Universas vias Polonis stricta custodia observantibus importacionemque cuiuslibet rei prohibentibus fames horrida urbem invasit multique mortales dietim fame cadebant tabefacti. Accessit et pestilencie malum, vis quoque morbi et in locupletum

---

1074 [d] (*предлагаемое издателями, в том числе и в Dlug., добавление* sauciis *или подобное совершенно излишне. – Ред.*)

1074 [e] (*пропущено какое-то слово –* sauci *или подобное. – Ред.*)

1074 [f] *пропущено подлежащее:* Boleslaus Polonorum rex, *как добавлено в крак. изд., или подобное*

1075 [a] *так в AD: подлежащее по недосмотру повторено дважды*

et in militum corpora pervaserat[b]. Veriti, ne vivi in Boleslai et Polonorum venirent manus, legatos de urbe dedenda ad Boleslaum mittunt. Rex legatis nichil aliud, quam ut se victis mansuetum victorem prestaret et parceret fame et peste afflicte civitati, rogantibus moreque suo cervice bassas inclinaciones rogacioni adiicientibus, benigne correptis, quod tam feda in defendenda urbe passi essent, que nec irati victores victos pati coegissent, propicium se et favorabilem singulis futurum respondet. Quo ad urbem relato, non alterius diei adventu expectato, eodem die urbem regi dedunt. Quam Boleslaus cum multitudine armatorum ingressurus, gladio vibrato, conformem triumphum prothavi sui Boleslai primi Polonorum regis impleturus, in portam ferream impegit geminandoque ictus foramen verberate mucrone lamine in porta in victorie et dedicionis signum reliquit. A civibus magno honore exceptus modestissimum se, prout spoponderet, omnibus victorem prebuit et, cuius edes, corpus, vel fortune a quoquam suorum militum violarentur, plectendos violatores capite decernens effecerat. Qua una re civium Kyowiensium pectora adeo sibi devinxerat, ut amplissima munera tam regi quam exercitui suffectura sponte presentarent. Que rex, paucis sibi retentis, omnia fere in milites, eos presertim, quorum virtus aut in dimicando aut in expugnacione opidorum et castrorum aut in lacessendo hostes fuerat conspeccior, distribuit. Eo memorabili confecto Kyowyaque in dicionem subacta, cum universa Russia pacata esset, vectigalia magna instituit generisque materni propinquum principem Zaslaum summo rei prefecit et Kyowiensis ore illi attribuit gubernacionem. Magna ex singulis Russie regionibus dietim afferebatur pecunia, magne cumulabantur opes, in quibus aggregandis exigendisque residuum, quod restabat, hiemis effluxit.

Swanthoslai ducis Czyrnyeowiensis filio Hleb a suis nequiter occiso et in Czyrnyeow in ecclesia Sancti Salvatoris sepulto Swanthopelk filius Zaslai in Nowogrodensem ducatum succedit. Wladimirus vero alter filius Zaslai sedit in Szmolensko et Iaropelk tercius filius in Wyschegrod.

(III. P. 118–120)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS SEXTUS

Boleslao victoria elato et in libidines prolapso Polonorum militum uxores servis et aliis se miscent; quo audito Poloni subito domos petunt rege ibidem relicto

Ex mora, qua in civitate Kyowiensi hibernatum est, universi exercitus Polonici robur et disciplina elanguit in eamque perniciem ex voluptatibus, comesacionibus, ebrietatibus et libidinibus tam Boleslaus Polonie rex quam milites sui, paucis exceptis, deiecti sunt, ut plus nocuerit vicisse,

---

1075 [b] *(почему plusquamperfectum? ожидалось бы* pervasit. – *Ред.)*

quam victoria caruisse victoriaque <potiri> multo magis discriminis quam comodi ingessit. Omnium siquidem victualium, que cuilibet gule sufficiunt, Kyowia ferax est, carne, melle, pisce et frumento fertilissima, feminas habens statura proceres, crine glaucas et speciosas, sed lascivas. Earum pulcritudine tam rex quam Polonorum milites capti, felicitate insuper victoriarum elati et rerum omnium abundancia locupletes, in omnium libidinum sentinam corruerunt. Ipse insuper Boleslaus Polonie rex plenam fortunam in victoriis et dedicionibus civitatum, spoliis, diviciis et impensis honoribus videns sibi provenisse, tantum arrogancie et lascivie induerat, ut difficiles ad se petentibus faceret aditus et plerisque responsa et mandata per internuncios daret. Nec simplici libidinum genere contentus in spurcissimum Sodomie scelus, Ruthenorum detestabiles mores, apud quos scelus illud in usu erat, imitatus, fedissime prolapsus est; quosque armis vicerat, viciis eorum victus, universe posteritati sue, sed et regno suo et genti sue grande et diuturnum dedecus, sola [*propiciacione*][a] Divina abolendum, innexuit. Quantum autem scelere huiusmodi maiestas Omnipotentis, que illi tot victorias, tot felices successus prestiterat, offensa fuerit, eventus, qui in sequentibus narrabuntur, monstrabunt. Primum quidem rex ipse Polonis propriis, deinde et Ruthenis (quamvis eorum lasciviam emulatus esset) contemptui esse cepit estimacioque et caritas regia in pectoribus militum succisa magis quam diminuta. Nec rex solum contemptu et odio a propriis et Ruthenis, sed et Poloni verbere Divino obruti sunt. Uxores siquidem, sorores et filie eorum presertim, qui immoderacius libidinibus Kyowie inservierant, de longa absencia virorum moleste, integro prope septennio se orbas et virorum solacio prolisque fecunditate se querebantur destitutas, quas neque facinus, neque iuventus, neque muliebris condicio meliora sentire permittebat. Diuturna itaque expectacione maritorum fesse, dum insuper rumor vulgasset alios diem obiisse, alios in preliis occisos esse, alios pellicibus se permiscuisse, ad servorum convolant nonnulle amplexus, quedam vi pertracte, cetere blandiciis et falsis delusionibus et figmentis expugnate. Hec prostitucio dum passim de omnibus Polonorum uxoribus ad castra regia crebro rumore crebrisque nunciis, fama omnia in maius extollente, allata fuisset et super re ipsa ex metu et suspicione plurime fingerentur vulgarenturque opiniones manaretque et serperet in dies alio alii tradente mali ipsius contagio, tantus fremitus et indignacio in exercitu subortus est, ut limphaticorum more unus ad alterius tabernaculum suas iniurias et casus comunicaturi et questuri discurrerent. Tantas insuper nonnullos eorum invasit furor, ut rege nequicquam permittente aut consulto in Poloniam velociori, quo possent, cursu excurrerent. Paucorum exemplum magna expost multitudo ceterorum militum suas iniurias de uxoribus et servis ulcisci et inhibere anhelancium secuta est. Qui neque regia castigacione, neque blandis sermonibus poterant inhiberi, quin quibuslibet fere diebus nocte quam interdiu, ferociam regis nonnulli iam experti erant,

---

1076 [a] *в AD* propiaciacione

minus tutum erat[b], passim rege suo Boleslao in terra hostili deserto diffugiebant. (III. P. 120–122)

Poloni servos adulteros et uxores puniunt

Polonorum milites ex castris in domos non flagitacione, ut olim Scithas, sed flagiciis uxorum reversos novum et servile bellum, Deo hanc Polonis iuste immittente pro libidinibus in Kyow admissis ulcionem, excepit. (III. P. 122)

(...)

Boleslaus in milites et eorum uxores saevit, catulis ad mamillas earum appositis, nemine eum de facinore detestando castigare praesumente

Regis interim Boleslai truculencior ira non in feminas solum, que pietate virorum aut minorennitate scelerum servate erant, sed in viros ipsos grassari cepit. In Poloniam siquidem ex Russia cum raris agminibus reversus desertum se a militibus propriis, quibus multa bona largitus erat, in medio hostilis regionis et hostium expositum discrimini fremebundus et calens ira deplangit. (...) Corripi proinde milites, a quibus transfugiendi principium ortum est, iubet et capitis pena, alios, qui sequela peccaverant, carcerali molestia aut bonorum privacione mulctari, mulieribus, quibus mariti pepercerant, fetu, quem ex servis susceperant, abiecto catulos ad papillas in ulcionem admissorum stuprorum applicari. Hec cum per se detestanda essent, omnibus tamen hiis detestabilius, quod rex Boleslaus usurpatum in Russia lascivum et brutalem contra naturam usum auxisse non remisisse videbatur. (III. P. 123)

(...)

Borzisch et Olech duces Russiae, Polowczis sibi adiunctis, Wszewoldum ducem Czyrnyeoviensem vincunt et castrum eius conquirunt: quod deinde Wszewoldus Zaslai ducis Kyoviensis auxiliis adiutus recuperat, Borzisch et Zaslao ducibus praelio absumptis

Livore et maligno acti spiritu Borzisch et Olech alias Allexius (так! – *Ред.*), duces Russie, barbaros Polowczones, ut terram Russie hostiliter ingressi devastent, inducunt. Quibus Wschewoldus dux Czyrnyeowiensis vicesima quinta Augusti in loco, qui Ziczcze dicitur, occurrens prelio inito

---

1076 [b] *так в AD; текст явно испорчен; издатели Dlug. предлагают читать* quin quibuslibet fere diebus, nocte potius quam interdiu, cum id ferociam regis nonnullis iam expertis minus tutum esset (*т.е. "чтобы почти ежедневно, ночью больше, чем днем, ибо то было бы менее безопасно для иных, уже изведавших суровость короля". – Ред.*)

ab illis profligatur et vincitur. In quo conflictu miles insignis aput Ruthenos Gywan Ziroslawicz, item Tukicz, item Pokey adverso pectore concidunt. Triumpho obtento Borzisch et [*Olech*][c] Polowczonum robore freti, eciam castrum Czyrnyeow conquirunt et plurima execranda facinora fundendo sanguinem innoxium comittunt. Wschewoldus itaque cum Wladimiro filio suo et clade et sedis sue principalis perdicione angustiati et pressi ad fratrem suum Zaslaum ducem Kyowiensem divertunt gemituque et planctu ingenti edito suas illi et gentis sue calamitates et erumpnas exponunt. Qui illos benigne consolans bono animo esse iubet: "Ego – inquit – vobis in documentum sum, qui omnibus spoliatus et exutus in terris alienis stipe et favore Polonorum aliquanto tempore vixi, quorum suffragio singula expost recuperavi" Nec verbis solum, sed et rebus suis illos confirmans, pollicetur se illis solacia contra hostes Borzisch et Olech laturum. Coacervata itaque milicia vadit Zaslaw dux Kyowiensis cum Iaropolko filio suo et Wschewoldus dux Czyrnyeouiensis cum filio suo Wladimiro contra Czyrnyeow, in quod se Borzisch et Allexius duces receperant. Abnuebat autem Allexius, sed et Borzisch duci persuadebat, ne in ultime dimicacionis venirent discrimen, dicens illi: "Non pugnemus contra quatuor duces patruos et fratres nostros, quoniam forciores nobis sunt, sed missis caduceatoribus petamus equis condicionibus pacem" Et non acquievit Borzisch, sed in superbiam elatus respondit: "Non te aliqua de victoria sollicitudo teneat, sed tantummodo hilaris et spe plenus belli eventum prestolare" Et congressu facto interficitur Borzisch filius Czeslai, qui pacem abnuebat, et multi hinc inde occiderunt interfecti. Sed et dux Zaslaus Kyowiensis, dum iam in prelio confecto inter pedites securus consisteret, ab uno militum Allexii, qui se proprium fingens peditibus ingesserat, inter scapulas percussus et transfossus occiditur et Alexandro (так! – *Ред.*) et exercitu eius fugiente castrum Czyrnyeow Wschewoldus recuperat. Corpus autem Zaslai ducis in Kyowiam delatum et a filio suo Iaropolko deplanctum in ecclesia Beate Marie sepelitur. Fuit Zaslaus magnus cultor et administrator iusticie et vir excellentis corporis atque stature. Et successiit illi frater germanus Wschewoldus in Kyowiensi principatu velut natu maior, filium unum Wladimirum locans in Czyrnyeow, alterum Iaropolkum in Thurow. (III. P. 125–126)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS SEPTIMUS

(...)

Romanus Russie dux, conductis in sui solacium Polowczis venit hostiliter contra Wschewoldum Kyowiensem ducem principatum Kyowiensem occupaturus. Et licet Wschewoldus Kyowiensis dux occurrisset illi cum suis copiis circa Pereaslaw, comunibus tamen baronibus mediantibus pacificantur secunda die Augusti duces. Quod Polowczi moleste ferentes,

---

1076 [c] *в AD явно ошибочно* Hleb

sedicione in castris exorta, Romanum interficiunt, quod ipsis inconsultis pacem consumasset. (III. P. 129)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEPTUAGESIMUS OCTAVUS

(...)

Wszewoldus dux Kyoviensis sentiens Iaropolkum nepotem suum filium Zaslai olim ducis Kyoviensis contra se exercitum pro recuperando sede paterna parare, Wladimirum filium cum copiis eidem occursum mittit; interim Iaropolkus ab uno consiliariorum Wszewoldi fallaci consilio inductus ad Boleslaum Poloniae regem fugit et Wladimirus castro Luczsko conquisito matrem, uxorem et filios eius captivat; postea Iaropolkus auxilio Polonorum omnia recuperat et pacem cum Wladimiro componit, ad extremum tandem a suo familiari obtruncatur; cuius corpus Kyoviam relatum a Wszewoldo duce cum filiis boyarisque suis honorifice sepultum est

Iaropolkus dux, filius Zaslai olim Kyowiensis ducis, ad suam grandem iniuriam referens Wschewoldum ducem patruum suum in Kyowiensem principatum patre suo Zaslao obeunte successisse, comparat exercitum, per quem Wschewoldum bello impetat et de sede Kyowiensi depellat. Quod dum Wschewoldus persensisset, frequenti consilio advocato, quid facto opus sit, consultat. Consulit autem illi unus e numero consiliariorum, disserens in hunc modum: "Comparato exercitu mitte filium tuum Wladimirum contra Iaropolkum et me ante illum premitte, ego enim fallam Iaropolkum et sine armis debellabo illum" Quo consilium huiusmodi probante venit fallax consultor ad Iaropolkum et dixit ei: "Non confidas de consiliariis et militibus tuis, omnes enim cum hoste tuo Wschewoldo senciunt et spoponderunt te illi prodituros. Ausculta itaque fideli consilio meo et fuge ad Boleslaum Polonorum regem, qui quondam patrem tuum Zaslaum pulsum restituit, solacia illius postulaturus" Credidit Iaropolkus sermoni doloso et fallaci et deserta Russia fugit in Poloniam, habens omnes consiliarios suos et milites suspectos. Locat autem matrem, uxorem, filios et familias in castro Luczsko, precipiens eis, ut quam fortissime possent, quousque cum Polonorum exercitu rediret, hostibus resisterent. Quo in Polonos discedente venit Wladimir filius Wschewoldi cum exercitu ad Luczsko, cui protinus nulla facta resistencia castrum traditum est, in quo matrem, uxorem, filios et familias Iaropolci reperiens, in Kyowiam captos pertrahit et familias venundat. Boleslaus autem Polonorum rex non valens Iaropolko personale ferre solacium propter scisma inter illum et militares exortum, copias tamen de gentibus suis Polonis mittit cum illo, quorum robore stipatus primum Luczsko applicat. Et Wladimirus filius Wschewoldi, non audens illi et sue potencie resistere, missis nunciis pacificatur illi et non solum Luczsko et alia castra Iaropolkonis, que receperat, sed et omnia, que pertinebant ad Iaropolkonem, aut tunc restituit aut se

restituturum spopondit. Pace autem confecta Wladimirus sedem suam Czyrnyeow repeciit, Iaropolk vero exercitu Polonorum remunerato in Poloniam remisso, dum ex Wladimiria in Szwinnigrod vehiculo veheretur, a familiari suo Nyeradzecz vicesima secunda die Novembris quiescens obtruncatur; et fugit Nyeradzecz ad ducem Rurik. Corpus vero Iaropolczi in Kyowiam deductum est, cui obviam a Wschewoldo et duobus filiis suis, Wladimiro et Rosczyslao, item Iohanne metropolito et boyaris Kyowiensibus universisque ordinibus itum est, planctu autem magno super nece sua edito in ecclesia sancti Demetrii sepelitur. Qui vivens crebrius gerebat in votis, ut pari morte, quemadmodum prothavi sui Borzisch et Hleb, quos Ruthenorum ecclesia sanctos colit, excedere illi e vita contingeret. Vir mansuetus et fratrum amator, solvens decimas de omnibus frumentis, peccoribus, armentis et de omni substancia sua omnibus annis vite sue.

(III. P. 131–132)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS PRIMUS

(...)

Laus et vituperium Boleslai Poloniae regis

(...) Dum enim Russiam Hungariamque trophaeis suis implet, dum fines patrie propagat, dum in omnes liberalitatem depromit, Boleslaum Chabri exprimit. (III. P. 144–145)

(...)

Polonia, fugiente Boleslao rege, a duce Russiae vastatur et spolia ex ea abducuntur

Wasilko Rosczyslawicz Russie dux pro comperto habens Boleslaum Polonorum regem ex Polonia profugisse et Regnum Polonie magna comocione pessundatum esse, inducit in animum ad vastandum illud et conductis mercennariis militibus tam ex Polowczis quam ex aliis nacionibus Regnum Polonie ingressus torrenter et festine vastat illud et, aliquibus municionibus conquisitis et exustis, cum preda et spoliis Russiam reversus est. (III. P. 146)

(...)

LIBER IV

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS TERCIUS

(...)

Wszewoldus Kyoviensis dux moritur; cuius filius Wladimirus timens sibi bellum a Swanthopelkone filio Zaslai olim ducis Kyoviensis pro eodem ducatu inferri, ipsi eodem sponte cedit

Peste sevissima aput Ruthenos et eorum regiones exorta plures mortales utriusque sexus deleti sunt. Absumitur etiam epidemie morbo Wschewoldus filius Iaroslai et nepos Wladimiri, Kÿowiensis dux, tredecima die mensis Aprilis, et in ecclesia sancte Zophie in Kyow per filios Wladimirum et Rosczislaum, quos relinquebat, sepelitur; amator pauperum et spiritualium, cui pater Iaroslaus ob suam humilitatem moriturus benedixerat. Post mortem autem Wschewoldi Wladimirus filius suus natu maior ea cogitacione agitabatur: "Si accepero Kyowiensem principatum, sedem patris mei, restat michi cum Swanthopelkone filio Zaslai bellum, quoniam sedes patris sui fuit" Et disserens hec aput se, missis nunciis, Swanthopelkum accersiit et ei de sede Kÿowiensi excessit. Solus vero ivit in Czÿrnÿeow, et frater suus Rosczislaus in Pereaslaw. Swanthopelkus autem, dum in Conductu Pasche Kÿowiam advenisset, a Kÿowiensibus occursu et muneribus exceptus est et in solio patris et patrui extunc consedit. (IV P. 149–150)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS QUINTUS

(...)

Polowczy Swanthopelkum ducem Kyoviensem profligant, Rosczislao et Wladimiro ducibus nequicquam adiuvantibus; ubi etiam Rosczislaus in flumine Stuhnya naufragio periit

Frequenti exercitu Polowczy barbari Ruthenorum hostes infestissimi congesto ad vastandum terras Russie animum intendunt, presertim cum didicissent Wschewoldo mortuo Swanthopelkum Zaslai in principatum Kÿowiensem successisse. Premittunt tamen nuncios ad Swanthopelkum, qui moneant, ut pacem cum illis patrio more observet et de tributis neglectis illis respondeat. Swanthopelkus vero nuncios Polowczonum, legacionem eorum moleste ferens, captivat. Quod cum aput Polowczos percre-

buisset, versi in furorem terram Russie crudelissime vastare ceperunt. Swanthopelkus vero intelligens se nuncios Polowczonum captivando inique egisse, solutis ac remissis nunciis pacem, quam perprius respuerat, a Polowczis flagitare cepit. Que cum negaretur, milites cogebat in arma, cum Polowczis summe cupiens decernere. Et dum parum sensati milites propositum animi sui efferrent, ceteri, quibus alcior inerat sensus, dampnabant asserentes, si copiis eorum etiam octo milia pugnatorum accederent, non se tute cum Polowczis signa collaturos. Suggerentibus autem militibus mittit Swantopelkus ad Wladimirum Czÿrnÿeowiensem et Rosczislaum Pereaslawiensem duces, petens sibi succurri. Qui coadunatis exercitibus veniunt in Kyow Swanthopelkonemque ducem acriter carpunt, quod contra ius gencium nuncios Polowczonum violasset. Consiliariis vero suadentibus, ut postquam Polowczy sine cessacione terram affligerent, iurgiis aliud reservarent tempus et defensioni terrarum pocius vacarent, exercitum in campestria contra hostes educunt et primis stativis ad Kothropolÿe habitis ad flumen Stuhnÿa perveniunt, ubi militum animos, si decernere vellent, explorant. Et sentenciis diversificatis Wladimir dux suadebat transito flumine agere cum hostibus de pace. Quod cum multi probassent, Kÿowiensibus sermo displicuit, qui negabant se cum Polowczis aliquam pacem inituros. Qua sentencia ab omnibus accepta, flumine Stuhnÿa tunc aquis inflato transvadato acies ordinatas dirigunt contra hostes. Rosczislaus levum, Swantopelk dextrum, Wladimir medium cornu tenebat, et vicesima sexta die Maii pugnam committunt. Polowczÿ sagittariis ante se premissis Ruthenorum exercitus intra duo fossata consistentes invadunt. Inprimis autem Swanthopelkum et exercitum eius in cornu dextro confligunt et militibus Swantopelczy in fugam versis et ipse Swanthopelk fugientes secutus est. Irruunt deinde Polowczÿ in Wladimirum et Rosczyslaum et confligunt eos, et fugit Wladimirus et Rosczÿslaus cum militibus, qui supererant, [*periclitaturque*][a] Rosczislaus in flumine Stuhnÿa aquarum verticibus eum prementibus. Cui laturus suffragium Wolodomir (так! – *Ред.*) frater suus parum abfuit, quin et ipse aquis suffocaretur. Et suffocato Rosczÿslao et pluribus militibus, Wlodimir cum paucis tranato flumine in altera ripa constitit, flens fratrem suum Rosczislaum et milites, qui in prelio et undis secum una perierant. Exinde fugit Swantopelk in Othropol et ad vesperam usque illic commoratus sub caligine noctis subsequentis pervenit in Kÿow. Corpus Rosczislai in aquis repertum Kÿow delatum est et in ecclesia sancte Zophie in paterno sepulcro sepultum. Polowczÿ victoria potiti populacionem, quanto longius possunt, extendunt castrumque Thorcz circumsident. Et premente obsessos fame petebant sibi a Swanthopelkone succurri[b], asserentes se diucius, ni succurratur, famem non toleraturos. Et licet Swanthopelk miserit victualia, non tamen poterant ad castrum importari

---

1085 [a] (*в Dlug.* pericilitaturque. – *Ред.*)
1085 [b] (*ожидалось бы* petebant sibi Swanthopelkonem succurere. – *Ред.*)

hostibus undique observantibus vias. Quindecim autem diebus obsidione ad castrum Thorcz Polowczÿ bipartito agmine continuata, consurgit una pars et vadit contra Kÿow, altera in obsidione remanente. Exivit autem Swanthopelk Polowczis in obviam et comissa pugna multis utrimque cadentibus prevalent Polowczÿ et Swanthopelk tantummodo duobus comitatus in Kyowiensem arcem militibus suis occisis aut captis refugit. Revertuntur itaque Polowczÿ in Thorcz cum spoliis Ruthenorum et captivis et fit planctus magnus aput obsessos, postquam ex ostentacione captivorum ducem suum Swantopelkum intellexerunt succubuisse, et non valentes se ultra propter famem retinere, <dum spes de subveniendo nulla foret,> dedunt castrum Polowcziis. Quo Polowczÿ accepto succendunt illud magnumque Ruthenicum populum in captivitatem abducunt in regiones suas, ubi plures numero hiemis austeritate extincti sunt, ceteri incedunt squalidi et seminudi, factoque mutuo scrutinio, de qua stirpe, regione aut villa forent, captivitatem suam et servitutem ploratu ingenti et lamentis deplangunt. Sexta decima die Novembris Rosczÿslaus filius Msczÿslai, nepos Zaslai, moritur et in ecclesia sancte Marie in Desÿethinow sepelitur.

(IV P 153–155)

ANNUS MILLESIMUS OCTUAGESIMUS SEXTUS

(...)

Swanthopelk dux Kyoviensis cum Polowczis foedere inito filiam ducis Polowczonum ducit in uxorem; Oleh autem Russiae dux auxilio Polowczonum castrum et regionem Czyrnyeow impugnat; tandem cum Wladimiro Wszewoldowicz duce Czyrnyeoviensi pacificatur

Swantopelkus Kÿowiensis dux cladem geminato prelio acceptam utcunque integraturus, serius, quam expediebat, cum Polowczÿ[a] fedus init. Pro cuius soliditate filiam Thuhortkany ducis Polowczonum accipit in consortem. Impetrato a Polowcziis solacio Oleh Russie dux castrum Czÿrnÿeow et eius regionem impugnat et, Wlodimiro duce Czÿrnÿewiensi menia tueri contento, Oleh monasteria, ecclesias, vicos et rura in circuitu igne devastat. Wlodimir autem videns se plurimum angustiatum, missis caduceatoribus pacem cum Oleh concludit et de castro Czÿrnÿeow Oleh excedens in Pereaslaw se recipit. Nec tamen ob id Polowczÿ, Oleh permittente, a vastanda Czÿrnÿeowiensi ora quieverunt, in qua multi Ruthenorum occisi, multi capti, multi in servitutem abducti. Locuste insuper in gravi multitudine in terras Russie appulse omnia devorant et consumunt genimina <regioque Ruthenica hinc vastacione et clade barbarica, illic locustarum demolicione sub uno tempore vehementer afflicta est.> (IV P. 157–158)

1086 [a] (*так в Dlug.; ожидалось бы* cum Polowcis. – *Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS SEPTIMUS

Dobrognyewa Boleslai profugi regis et Wladislai ducis Poloniae mater fatis absumitur

Polonorum regina Dobrognyewa alias Maria, relicta olim Kazimiri primi Polonie regis et Boleslai Polonie regis et ducis Wladislai genitrix, que usque in ea tempora vixerat annis iam matura et evo, simul quoque de casu primum et ruina filii sui Boleslai Polonie regis occisoris sancti Stanislai, deinde et exilio contabescens, moritur et in ecclesia Cracowiensi Wladislao duce matris sue cohonestante exequias legitimo honore tumulatur. (IV P. 158)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS OCTAVUS

Wladislaus dux Poloniae secundum et Myeczslaus filius Boleslai exulis primum matrimonia celebrant

(...) Accepit et tunc Mÿe<cz>s<laus>[a] princeps Boleslai Polonie regis filius, epheborum etatem parum iam transgressus, Swantopellci Kÿowiensis ducis sororem <germanam Eudoxiam> nomine, Wladis<lao> patruo suo Polonorum duce ordinante uxorem, quatenus Russie regiones a patre suo subacte hac affinitate magis sinceres et devote in fide persisterent.
(IV P. 161)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS OCTUAGESIMUS NONUS

(...)

Myeczslaus Boleslai regis exulis filius moritur, summum sui apud Polonos desiderium relinquens, matre etiam, dum paucis diebus moestissima supervixisset, fatum filii sequente

(...) Miseram insuper Mye<czslavi ducis> matrem <et Boleslai Polonie regis consortem Vischeslawam continuatus> adeo privatus et publicus dolor in funere nati quam maxime potens vexaverat erumpnas suas et pro exilio gloriosi quondam mariti sui Boleslai regis et pro occasu filii ingeminantem, ut velut exanimis et mortua de ecclesia, dum funus filii conderetur, elata, sinibus quoque matronarum aliquanto tempore fota, vix tandem pontificum Polonie, qui et ipsi officio funeris aderant, aquas frigidas in ora regine exanguis et supine iaciencium ministerio compos mentis effecta est. (...) <Genitrix illius nullas consolatorias, que ingerebantur, admittens

---

1088 [a] *между* s *и* l *осталась невыскобленной буква* k

voces, mesta per omnem vitam et lugubris iuxta ac in funere, semel imposita lugubria nunquam exuit geminato vexata[a] malo, et mariti exilio et filii fato, non multo post quinto Idibus Marcii fato subtracta.> (IV P. 165–166)

Polowczy a Wladimiro Pereaslaviensi et Swanthopelkone Kyoviensi ducibus profligantur, sed rursus bellum renovant

Universis fere Russie ducibus et regionibus a Polowcziis aut vastatis aut subactis, Wladimirus de Pereaslaw dux solus restabat. Huic quoque et regioni eius Polowczÿ cum duobus ducibus, Kythano et Ythlar, inferunt bellum. Qui missis nunciis, antequam principatus suus ab hostibus vastaretur, pacem etiam sub condicionibus iniquis acceptat, obligans se Polowczis ad annui solucionem tributi. Super quo et filium suum Swanthoslaum (nec enim aliter pax convenisset) dare coactus est in obsidem Polowczis. Suggeritur interim Wladimiro duci Pereaslawiensi et a propriis militibus et a Slawatha milite Kÿowiensi, qui ad illum certa mandata perferens a Swanthopelkone Kÿowiensi nuncius venerat, ut Polowczos quietos et hinc inde dispersos opprimat et obtruncet. Qui diu reluctatus, astruens id suo honori et fidei non convenire, victus tandem acquievit et Slawathe et aliis militibus negocium demandat. Qui primum Swanthoslao filio Wladimiri obside (negligencius enim a Polowczis asservabatur) furtim sublato, Kÿthanum unum ex ducibus et omnes viros, qui secum una morabantur, interficit. Alterum quoque Polowczonum ducem Ithlar, aput unum ex boÿaris Russie Rathibor nomine hospitatum, missis aliis militibus Wladimir cum omni sua comitiva obtruncat. Ea cede expleta contrahunt Swanthopelk Kÿowiensis et Wlodomir Pereaslawiensis duces quanto maiores copias possunt, ducem insuper Olh requirunt, ut illis laturus sua contra Polowczos solacia adveniat. Quo pollicente, sed vafro ingenio in aliam divertente viam, Swanthopelk et Wlodomir staciones Polowczonum nichil hostile veritos invadunt, et pluribus, qui resistere audebant, trucidatis, ceteram imbellem turbam feminarum, impuberum, parvulorum, pecorum, camelorum et equorum captivant et in Russiam deducunt. Indignati autem vehementer duci Olh, quod promissa sua variando ferre illis suffragia distulisset, mittunt nuncios, qui eum corripiant accusentque, quod contra hostes communes et infestos in commune <rescindendum> periculum non venisset, deinde rogent, ut filium unius Polowczonum ducis Ithlar aput se asservatum, aut tradat illis, aut necet. Sed cum utrumque <non> se facturum respondisset, odium in se grave tam ducum quam militum Russie concitavit. Non quieverunt posthec Polowczy, sed novo exercitu comparato castrum Vhrow ducis Swanthopelkonis estate integra circumsident; fuissetque illis deditum, nisi Swanthopelkus missis muneribus Polowczos placatos discessionem <...>[b] effecisset. Succedunt Polowcziis Prvtheni et vicesima octava Augusti

1089 [a] *в AD* vexato

1089 [b] *так в AD; пропущено слово* facere *или подобное*

terras Russie in magna multitudine ingressi vastant illas. David Swanthoslawicz duce Novogrodensi ex Nowogrod in Smolensko discedente, Msczislaus Wlodimirowicz petentibus Nowogrodensibus venit ex Rostow et Novogrodensem occupat ducatum. (IV P. 166–167)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONAGESIMUS

Rutheni a Polonorum imperio desciscunt

Fluxam et dubiam fidem post Boleslai Polonie regis in Hungariam discessionem terris Russie, que et hereditario et belli iure sub regimine eiusdem Boleslai regis in Regni Polonie dicionem concesserant, pre se ferentibus et propter Regni Polonie mutacionem in rebellionem spectantibus, ducis Mÿe<cz>sz<lavi> morte secuta et aput Ruthenos vulgata (cui terre ille et consortis nuper traducte et paterno maternoque iure debebantur) in rebellionem prodierunt apertam, solutosque se et iugo et federe, quo vel Boleslao regi vel [*Mÿe<cz>sz<lauo>*][a] suo filio deditos ingenue fatebantur, in commune pronunciant armisque correptis capitaneos et prefectos Polonorum de castris et municionibus Ruthenicis, que sine presidio fidelium militum tenebantur, exturbant et depellunt, aliquos pecunia corruptos, alios fame maceratos, de castris et municionibus excedere cogunt. Qui vero dolo, fraudibus aut largicione pervinci non poterant, longa obsidione Ruthenorum <...>[b] Wladislao Polonorum duce vel dissimulante et negligente vel aliis bellis et rebus publicis implicato <opem> obsessis ferre[c] de dedendis castris et fortaliciis cum Ruthenis paciscuntur. Itaque sub unius anni tempore terrarum Russie iusta et continuata possessio propter principis desidiam a Polonorum dicione subducta est, Ruthenis non tam ex iniusto et avaro regimine, quam ex ritus [*et fidei*][d] disparitate Polonorum imperium quam maxime abhorrentibus. (IV P. 167–168)

(...)

ANNUS MILLESIMUS NONAGESIMUS PRIMUS

Pomerani et Prutheni rebellantes a Wladislao duce Polonorum per bellum subiugantur

Defeccio Russie a Wladislao Polonorum duce cum iniuria tolerata Pomeraniam Prussiamque in similem defeccionem pertraxit. (IV P. 169)

(...)

1090 [a] *в AD* Mye<cz>sz<lavi>

1090 [b] *в AD пропущено слово* victi *или подобное*

1090 [c] *так в AD; для исправления грамматически явно дефектной конструкции достаточно переставить* et negligente *после* implicato (*перевод дан с учетом этой конъектуры. – Ред.*)

1090 [d] (*в Dlug. и AD* in fide. – *Ред.*)

Ducum Russiae cum Polowczis ac Oleh duce Russiae perfido variae pugnae

Affliccioni terrarum Russie, quam Polowczonum illi intulerat severitas, duces Swÿanthopelk Kyowiensis et Wlodimir Czÿrnÿeoviensis provisuri, conventum aput Kÿow instituunt missisque ad Olh ducem nunciis precantur, [*ut*] et ipse illuc adveniat, arbitrio episcoporum, monachorum et boÿarorum in ordine super defensione terre Russie a Polowczis consensurus. Qui legatorum verba irridens et ostentui habens: "Non adducetis – respondet – ut episcoporum, monachorum et vilium personarum imperiis caput meum substernam" Quo responso Swanthopelk et Wlodimir duces offensi in Olh primum quam in Polowczos vertunt arma. Qui a facie eorum ex Czÿrnÿeow fugiens in Starodub se recepit, ubi a Swanthopelkone et Wladimiro vallatus et conclusus obsidionem triginta duobus diebus toleravit. Fame tandem illum et viros, qui cum illo erant, pervincente, pacem petit, offerens se in ducum Swanthopelkonis et Wladimiri potestate futurum. Qua misericordia ducum obtenta et obsidionem solvunt et, ut germanum suum David in Kyow adducat, illi precipiunt. Qui non solum obedienter, sed et iureiurando cruce deosculata obtulit se imperata facturum. Interim dux Manÿak cum Polowcziis venit contra Kÿow et multis spoliis et dampnis commissis curiam ducalem in Berestow comburit. Thuhortkan insuper, alter Polowczonum dux et Swanthopelkonis socer, venit cum Polowczis contra Pereaslaw. Sed Swanthopelkone et Wladimiro defensionem opponentibus decima nona Iulli (так! – *Ред.*) <ad flumen Trubosza> pugna committitur et victis Polowczis etiam dux eorum Thuhortkan et filii eius occiduntur. Polowczÿ autem nichil hac clade territi novo instaurato exercitu tam silenti agmine in Kÿow perveniunt, ut parum abesset, quin castrum Kÿowiense negligenter custoditum caperent. Qui spe sua frustrati templa, monasteria et rura incendunt. Prevaricato dux Olh iuramento in conventum ducalem venire fastidiens, exercitu congesto ducatum Muromosz, qui ab Isaslao filio Wladimiri ducis Kÿowiensis tenebatur, asserens illum ad se velut paternam hereditatem pertinere, invadit. Sexta autem die Septembris Isaslaus cum milicia sua Olh occurrens, confligit et utroque pro victoria adnitente Isaslao occiso cedit Olh victoria. Militibusque Isaslai in varia loca diffugientibus Olh dux in castrum a Muromensibus acceptus est, etiam Rostow castrum, dedentibus se illi Rostowiensibus et tributa pendentibus, in suam retorquet dicionem. Potenciam autem ducis Olh eiusdemque tirannidem Msczislaus alter filius Wladimiri et germanus Isaslai occisi, qui in Novogrod residebat, veritus, missis ad Olh nunciis offert se et spondet illum et patri Wladimiro duci Kÿowiensi et sibi (non obstante, quod filium Wladimiri et fratrem suum Isaslaum occiderit, cum non solum ducum, sed et regum et cesarum sepe cedes contingant) reconciliaturum. Olh autem Nowogrodensem ambiens principatum et sperans se Msczislaum ex illo facile pulsurum, nunciis Msczislai absque responso remissis hostiliter Nowogrodensem regionem invadit et Iaroslao germano suo ad specula premisso ipse in Thurow cum

exercitu consistit. Iaroslaus autem speculandi gracia longius, quam sat erat, progressus a Msczislao et eius militibus intercipitur. Quo eventu dux Olh territus secedit in Rostow, Msczislao illum persequente. Capit autem Msczislaus castrum Szuszdan et incendit illud. Olh vero sibi precavens fugit in Muromosz. Cum quo Msczislaus missis nunciis pacem componit et exercitum suum dissolvit, existimans animum suapte tirannicum et in cedes proclivum sua modestia sanaturum. Sed Oleh intelligens Msczislaum campum solvisse, venit federe violato cum suo agmine contra illum. Qui ante faciem Olh fugiens militibus in arma vocatis Olh eum persequenti occurrit. Quatuor quoque diebus congredi differens in castris se continuit, gentes ex Kÿowiensibus et Polowczis et fratrem Wÿeczeslaum in sui solacium a patre Wladimiro transmissos, de quo per nuncium avisatus erat, prestolatus. Quibus advenientibus, cum Olh militibus Msczislai pedestrem pugnam cientibus congreditur. Et pugna acerrima inter utrumque fervente prevalet Msczislaus et Olh victus fugit in Muromosz, ubi duci Msczislao, a quo conflictus fuerat, per communes milites reconciliatus, non existimans se de cetero in terris Russie post plures dolos commisos (так! *Ред.*) tutum fore, cum nonnullis militibus in Reszanos profugit. Quem Msczislaus dux persecutus et milites, qui secum una iverant, et ipsum Olh ducem verbis dulcoratis plenam spem redolentibus alloquitur: "Turpe est – inquit – tibi, turpe nobis fratribus tuis, turpe et militibus tuis, ut in alienis terris exul et calamitosus delitescas, fabulam de te hostibus et invidis, hiis quoque, aput quos commoraturus es, facturus. Revertere itaque in terram Russie, ubi securior poteris habitare. Non adeo maligni sunt fratres tui, duces Russie, ut tibi omnia mala, que in illos et terras eorum commisisti, dummodo facinorum tuorum te peniteat, non ignoscant" Quo huiusmodi verbis pellecto et acquiescente, ipsum et milites suos ex fuga reducit <et reversus Olch Msczislao permittente et favente intrat castrum Novogrod>. (IV P. 171–173)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONAGESIMUS QUARTUS

(...)

Conventionem generalem duces Russiae celebrant et concordiam inter se communem iureiurando firmant; hanc Swanthopelkus dux Kyoviensis duce Wasilkone excaecato violavit; et denuo varia bella nascuntur

Ordinem pro defensione terrarum Russie a barbaris Polowczis plurimum afflictarum posituri Swanthopelk Kÿowiensis, Wolodomir, Dauid Hreorowicz, Wasilko Rosczislawicz, Dauid Swanthoslawicz et frater <...>[a] Oleh duces Russie in Lubÿecz conveniunt et suis ambicionibus suisque passionibus increpatis, quod bello intestino se collidendo invicem barbaros

---

1094 [a] (*очевидно, пропущено – в Dlug? в AD? – слово* eius. – *Ред.*)

Polowczos efficerent victores, communi conclusione decernunt, quod quilibet paterna sorte contentus alterum in sua porcione non molestet. Sancciunt insuper, ut Swanthopelk teneat Kÿow, Wladimirus cum filio suo Iszaslaw Wladimiriam, Dauid Swanthoslawicz et frater eius Oleh Pereaslaw, Dauid Hreorowicz et Wasilko Rosczislawicz Przemisl et Trebowlÿa. Iuxta quam sanccionem fedus ictum et iuramento firmatum est: communis hostis habendus, si quis illud fuerit prevaricatus. Ingenti gaudio Ruthenorum milites exhilarati, quod duces suos in ta<m iustam et> uniformem conclusionem intellexerant convenisse, domos regrediebantur. Sed sathan illico nectit novum inter <Russie> d<uces> discordie seminarium. Swanthopelk enim Kÿowiensis dux suspectam habens Wasilkonis Rosczislawicz erga se fidem, cum Dauid Hreorowicz conspiracione facta Wasilkonem ad se in Kÿow in pace venientem primum captivat et diu lictoribus eum prementibus reluctantem, in Zwinnigrod deductum utroque oculo cecat, ratus eo incolumi non se et filios suos tute sedem Kÿowiensem possessurum. Flevit autem Wolodimir cecitatem fratris sui Wasilkonis fletu magno, asserens nunquam tam execrandum nefas aput Ruthenos contigisse. Convencione tandem Wlodimir cum Dauid et Olh Swanthoslawicz facta, mittunt nuncios ad Swanthopelkonem Kÿowiensem: "Quam grande – inquiunt – et quam horrendum facinus cecando fratrem nostrum communem Wasilkonem patraveris, perpendere te non dubitamus. Qui etsi in te quam gravissime deliquisset, coegissemus illum aput nos de delicto conventum et convictum ad iustificacionem" Qui in sui excusacionem conficto responso usus astruebat pro certa re et explorata didicisse Wasilkonem et in suam necem et in suorum principatum occupacionem conspirasse. Quo responso Wlodimir, Oleh et Dauid magis irritati quam molliti, cum copiis gencium suarum contra Kÿow et ducem Swanthopelkum procedunt. <...>[b] non sustinuisset eorum adventum, facinoris consciencia eum deterrente, Swanthopelkus fugereque in Polowczos parabat, nisi a metropolito et primis Kÿowiensium bene sperare iussus esset. Qui occurrendo Wladimiro, Dauid et Oleh ducibus et exercitibus eorum humili supplicacione deposcebant, ut armis depositis Swanthopelkoni et Dauid veniam tribuerent desinerentque in propria viscera grassari. Fracti autem et expugnati duces sermonibus tam supplicibus novo cum Swantopelkone icto federe discedunt. Cecacione autem Wasilkonis Dauid non contentus parat se ad invadendum eius principatum, sed audiens sibi a Wolodor fratre Wasilkonis, si progrederetur, tensas insidias, in Busko se recipit, ubi a Wolodor illico obsessus est. Wolodoro autem eum increpante, quod post facinus in fratre suo admissum, non ad penitenciam, sed in aliud patrandum scelus animum invertisset, omnem culpam in Swanthopelkum refundens <...>[c] astruebat se, nisi fratrem suum Wasilkonem, quem cecaverat,

---

1094 [b] (*явно не хватает начальных слов* Verebatur, quin *или подобных. – Ред.*)

1094 [c] (*здесь в Dlug. и, очевидно, в AD явно пропущено окончание предложения и начало следующего, в котором подлежащим является уже не* Dauid, *а* Wolodor. – *Ред.*)

solveret <in eum animadversurum.> Acquievit Dauid solvensque Wasilkonem cum Wolodor pacificatus est. Seditque Wasilko in Trebowlÿa, Dauid in Wlodimir se recepit. Primo autem vere venit [*Wolodor*][d] cum fratre suo Wasilkone cecato in terram Wolhinensem contra Dauid castroque Wszewolosz conquisito incendunt illud et plures numero homines in castro Wszewolosz repertos, ulciscendo facinus in Wasilkone admissum, crudelissime perimunt. Applicant deinde exercitum ad castrum Wladimiriense et obsidione illud constringunt missisque ad obsessos nunciis offerunt se omni multitudini parsuros et obsidionem soluturos, si Waszilo et Lazarus eis dedantur. Qua condicione ab obsessis accepta et impleta [*Wolodor*][e] et Waszilko obsidionem ommittunt, Waszilonem vero et Lazarum, quod causa cecacionis Waszilkonis fuisse perhibebantur, in alto suspensos frequentissimo iactu sagittarum interimunt. Sumpturus autem Swanthopelk Kyowiensis dux de Dauid, qui illum coram Wolodor, Olh et Dauid ducibus de cecacione Waszilkonis inculpaverat, ulcionem, in Brzescze se contulit et a Polonie militibus et proceribus in castri Brzescze presidio locatis ferri sibi solatia contra Dauid flagitavit. Qui illo aput se in Brzescze degere et bene sperare iusso, Polonie ducem Wladislaum, quid facere debeant, consulunt. Dauid autem dux adversarius Svanthopelkonis Polonorum suffragia preoccupaturus, quanta potest velocitate ad Wladislaum Polonie ducem ire pergit presentataque illi massa auri suppliciter orat sibi auxilium contra Swanthopelkum a Wladislao duce et Polonis impendi. At Wladislaus Polonorum dux, cui prestiturus sit suffragium ex contendentibus, plurimum fluctuans et distentus congregato exercitu ex pocioribus militibus in Brzescze <...>[f] ducens secum Dauid ducem, sperans se illum duci Swanthopelkoni reconciliaturum. Duce autem Swanthopelkone stante in Brzescze castro, Polonorum dux Wladislaus ad flumen Bug stativa ponens Swanthopelkonem cum Dauid componere et pacificare per tractatus secreto habitos laborabat. Quod dum facere nequisset (in exulcerato enim Swanthopelkonis animo odium grave contra Dauid insidebat), honoratus magnis a Swanthopelkone donis, in Poloniam revertitur, neutri ducum contendencium sua solacia prestiturus. Et Dauid[g] Wladimiriam obsidet et oppugnat[h]. Qui etsi obsidionem septem ebdomadis, sperans a Wladislao Polonorum duce solacia superventura, tolerasset, ad extremum tamen castro Swanthopelkoni dedito ad ducem Polonie Wladislaum fugiens benigne ab illo exceptus et fotus et habitus est. Castro Wlodimir conquisito Swantopelk dux Kÿowiensis exercitum contra

---

1094 [d] *в AD по ошибке* Dauid

1094 [e] (*снова в AD ошибочно* Dauid. – *Ред.*)

1094 [f] *пропущено сказуемое, вроде* pergit

1094 [g] *после* Dauid *в AD выскоблено* in

1094 [h] (*в AD очевидна утрата первоначального смысла в результате неудачного редактирования текста; правильно было бы* Et Swantopelk Dauid in Wladimiria obsidet et oppugnat *или подобное. – Ред.*)

Wolodor et Wasilkonem producit. Nec illi detractarunt pugnam, sed suis quoque copiis ordinatis quamprimum decernere statuunt. Utroque autem exercitu ad pugnam procedente mittit Waszilko nuncios, qui dicant Swantopelkoni: "Num parum existimas cecasse me, nisi et animam de corpore excludas?" Quo nichil respondente congrediuntur exercitus et utroque exercitu accerrime pugnante multis hinc inde cadentibus cessit Waszilkoni et Wolodor victoria. Swanthopelk cum duobus filiis suis, item duobus filiis ducis Iaropolkonis, item Swanthoslao filio Dauid Swanthoslawicz et aliis militibus, qui eum in prelio enixe adiuverant, non persequente illos Wolodor neque Waszilkone, neque exercitu eius (verebantur enim insidias) in Wlodimir pervenit, et Msczislao filio naturali ex concubina genito in Wlodimir locato, alterum filium Iaroslaum ad Hungaros, quesiturus eorum contra Wolodor et Waszilkonem auxilia, transmittit, ipse in Kyowiam novum exercitum agregaturus contendit. Colomannus autem Hungarie dux Iaroslai filii Swanthopelkonis tam precibus quam promissis expugnatus, venit cum octo milibus pugnatorum (duos episcopos habens secum) et castris ad flumen <Wÿar> positis Premisliense castrum, in quod se Wolodor receperat, et obsidere et expugnare cepit. Sub eodem autem tempore Dauid a Polonorum duce Wladislao (aput quem cum uxore et familiis hospitabatur) Russiam reversus, uxore aput Wolodor in Premislia relicta ad Polowczos se contulit, subsidia, que ei contra Swanthopelkonem a Polonis negata fuerant, a Polowczis petiturus. Regente autem fortuna obviam habens Polowczonum cum duce suo Bonÿak turmam, eos in subsidium Wolodor et hiis, qui aput Premisliam ab Hungaris obsidebantur, conducit. Stativis autem haud procul a Premislia positis, consurgens nocte media Bonÿak Polowczonum dux vadit in propinquiores saltus et silvas. Et ululatu edito lupis concurrentibus et vicissitudinarium ululatum reddentibus Bonÿak ad suos in castra reversus, armari illos et certam sperare ex signo, quod ex luporum ululatu acceperat, iubet <victoriam>. Alteroque die exercitu tripartito stativa et exercitum Hungarorum prima turma, duabus reliquis latentibus, invadit. Que congressu facto, dum iuxta Bonÿak ducis instruccionem victam se simulans in fugam agi cepisset, Hungarorum exercitus <...>[i] debellatum credens, effusius illam insectabatur. Tum vero Bonÿak cum Ruthenorum et Polowczonum ducibus residuis turmis in terga Hungarorum irrumpens eos confligit et prosternit. Plurimis autem Hungaris aut occisis aut in flumine <Wyar> suffocatis, ceteri dum in silvas et montes diffugiunt, a Ruthenis et Polowczis biduo illos persequentibus aut occiduntur aut captivantur. Inter quos et episcopus unus Hungarie, Kupanus nomine, et plures insignes milites desiderati sunt. Colomannus dux incolumis evasit; quatuor milia Hungarorum eo die, quatuor aliis fugientibus cesa referuntur; castris Hungarorum Rutheni et Polowczÿ potiti. Iaroslaus filius Swantopelkonis cum paucis fuga evadens, ad Polonos in Brzescze, neque enim cum Hungaris habere pro ea tempestate contubernium satis tutum

---

1094 [i] *следует восполнить* Bonyak ducem *или подобное*

putans, divertit. Dauid autem dux ex ea victoria spiritu resumpto castrum suum Wladimiriense recuperaturus obsidione vallavit. Ubi dum inter obsessos et obsidentes crebre fierent pugne, Msczislaus filius Swanthopelkonis, cui castrum Wlodimir a patre fuerat comendatum, sagittam in hostes ex castro emittens, sub ascella ab hostili sagitta percussus moritur. Cuius dum mors quadriduo celata fuisset, quarto demum morte publicata obsessi dedendum castrum Dauid neque amplius thabescendum fame decernebant. Metu tamen, ne a Swanthopelkone durius in eos animadverteretur, illos deterrente, missis ad Swanthopelkonem nunciis, in quanto et ex morte filii sui Msczislai et ex penuria victualium versentur discrimine, et ni celeriter illis succurrat, dedituros se Dauid castrum significant. Swanthopelk periculo intellecto Putatam palatinum suum ad ferendam laborantibus opem mittit. Qui Wladimiriam cum exercitu, habens in suo comitatu Swanthoscham filium alterius ducis Dauid (qui de singulis, que in exercitu Swanthopelkonis agerentur, se Dauid oportune avisaturum astrinxerat) veniens, stativis prope castrum positis, altero die silenti agmine castrum ingressus in Dauid et exercitum eius quiescentem et nichil providentem faciens impetum vehementem confligit et pervincit illum, stacionibusque suis potitus, solvit obsidionem et Basilio in capitaneum constituto Putata in Kyow, Swanthoscha in Luczsko regrediuntur. Dauid vero in Polowczos fugiens, solaciis eorum impetratis, cum duce Polowczonum Bonÿak Swanthoszam, qui eum fallendo cladis accepte auctor fuerat, in Luczsko obsedit. Qui fame coactus de castro Luczsko excedens ad patrem suum in Czÿrnÿeow contendit. Wladimiriam deinde expugnaturi Dauid et Bonÿak procedunt. Quorum adventu Basilius capitaneus Wladimiriensis perculsus, antequam venirent, relicto castro diffugit et Dauid tam Wladimiriensi quam Lucensi castris facili impendio potitus est. (IV P. 180–185)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONAGESIMUS SEPTIMUS

(...)

Duces Russiae cum Swanthopelkone duce Kyoviensi concordiam ineunt

Wolodimir, Dauid et Oleh Russie duces Kÿowiensem ducatum vastaturi copias in campum eduxerant. Quibus stativa aput Harodecz agentibus Swanthopelkus Kyowiensis dux occurrit, fortunam belli temptaturus. Communibus tandem baronibus agentibus de pace inter duces actum est, qua equis condicionibus confecta unusquisque in propria rediit <in pace.>
(IV. P. 195)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONAGESIMUS OCTAVUS

(...)

Sethegus palatinus Cracoviensis post multas controversias regno per Boleslaum et Sbigneum duces pellitur patre Wladislao nequicquam obstante

(...) Et patre pacta servante pellitur a filiis Sethegius de regno et in Russiam exulat, Wladislao quoque duci sedes a Boleslao possesse restituuntur. Qui quidem Sethegius, etsi post annos plures, quibus in exilio delituerat, benignitate Boleslai ducis restitui suffragio pontificum et baronum optinuerit, potentatu tamen et auctoritate, qua usque ad invidiam sub duce Wladislao abundaverat, caruit. (IV P. 199–200)

(...)

Swanthopelk dux Kyoviensis castrum Wlodimir occupat et dux David ad Wladislaum ducem Poloniae fugit

Castrum Wlodimir et regionem Wolhinensem a duce Dauid occupata Swanthopelk Kÿowiensis dux recuperaturus, cum pedestribus et equestribus copiis primo vere adveniens versus Wladimiriam procedebat. Cuius adventum Dauid dux veritus, cum et in suis satellitibus fidei ambiguitatem probe nosset, castro relicto ad Wladislaum Polonorum ducem cum uxore et universa suppelectili divertit. Swanthopelk vero castro Wlodimir potitus, processu temporis casu lugubri filio suo Swanthoslao duodecima die Iunii a propriis occiso exceptus est. (IV P. 200–201)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS NONAGESIMUS NONUS

(...)

Russiae duces Davidem ex Polonia accersunt illique ex possessionibus ac redditibus suis partem consignant

Generali conventu duces Russie decima die Augusti in Wÿethicze indicto, quatuor numero, videlicet Swanthopelk, Dauid, Oleh et [*Wlodimir*][a], cum suis singuli consiliariis conveniunt habitisque inter se variis tractatibus pacem mutuam ordinant et concludunt. Ad quos illic agentes Dauid dux litteris eorum accersitus ex Polonis advenit et dicendi potestate facta querit, ad quid vocatus sit, offerens se cuilibet de se querulanti responsurum. Cui duces per Wlodimirum respondent: "Tu ipse per nuncium rogasti nos, ut liceret tibi conventui nostro interesse et de iniuriis, quas pateris, queri. En sedemus equis auribus te audituri, si quid habes, propone" Quo se sua hereditate, Wladimiriensi videlicet principatu, spoliatum querente, secedunt duces et collacione habita mittunt ad Dauid nun-

1099 [a] (*в AD ошибочно* Wolodor. – *Ред.*)

cios ex parte Swanthopelkonis Putatam, pro parte Wlodimir Ratibor, pro parte vero Dauid et Oleh Thorcinum, qui ita aput illum disserunt: "Non est propositi ducum Russie reddere tibi Wladimiriensem sedem, eo quod frequenter hostili gladio terras Russie, quod nemo alius ante te memoratur egisse, vexabas; non intendunt in mortem aut captivitatem tuam aut aliquod nocumentum machinari et, dum sat esset culpam ignoscere, etiam beneficenciam, ne in exteris gentibus in tui et eorum ludibrium exul et profugus vageris, addiciunt. Ostrog, Dubÿn et Czarthorisk dux Swantopelk pro sua, Wlodimir centum marcas annuas, Dauid et Oleh alias centum marcas similiter annuas pro suis partibus tibi consignant" Quo huiusmodi condicionem acceptante sedit Dauid in Bozesko. Cui expost Swantopelkus ultra priores possessiones etiam Drohobusch adiecit, ubi degendo absumptus est. Missi etiam sunt ex eodem conventu ad Wolodorum nuncii, qui monerent, ut Wasilkone ceco ad se recepto unum agerent in Premislia principatum. Que condicio ab utroque repudiata est. (IV P. 203)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS

(...)

Swanthopelk dux Kyoviensis Iaroslaum ducem vicit et captivat

Iaroslaus Iaropolczicz dux Swantopelkoni Kyowiensi inferens bellum pugna inita superatur. Quem captum et vinctum Swantopelk Kÿowiam adductum includit ergastulo, quem expost ad instantes peticiones metropoliti Kÿowiensis et monachorum solutum et nichil hostile se de cetero moliri Swantopelkoni pollicentem dimittit. XV[a] Septembris Ruthenorum duces Swantopelk, Wlodimir, Dauid, Oleh et Iaroslaus celebrato in Sthakow cum Polowczonum ducibus conventu pacem conficiunt, que ut ab utrisque firmius custodiretur, dant invicem obsides. XIII[a] die Aprilis Wscheslaus dux de Poloczko moritur. (IV P 206)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS PRIMUS

Russiae duces Polonia populata ad sua cum magna praedae et captivorum copia redeuntes a Boleslao Poloniae duce caeduntur

Novam Boleslai ducis miliciam novus et antehac insolitus hostis excepit. Ruthenorum namque duces, Wlodimir Novogrodensis, Dauid et Oleh Pereaslavenses Wolodor Premisliensis et Iaroslaus Iaropolczicz abnuente et detractante huiusmodi expedicionem Swantopelko duce Kÿowiensi, superiorum bellorum eis a regibus Polonie illatorum ultum iri cupientes iniurias, ut quoque constaret vires illorum sic excrevisse, ut timendi magis censeri debeant quam timidi, valido congesto exercitu et quadrifariam, cum uno agmine contineri non possent, dispartito, quo et populacio predacioque proveniret et terror multiplicatorum exercituum diffunderetur, Poloniam ingrediuntur eamque omni genere ulcionis vastant,

predantur et affligunt, non parvum quoque locorum spacium usque ad fluvium Wisle emensi et predarum spoliorumque et captivorum maximum confecerunt numerum. Iamque votis potiti, gravi et tardo gradu gravem vehentes mancipiorum et pecorum predam, in Russiam remeabant, cum subito Boleslaus princeps, qui in colligendis accersendisque in id bellum militibus omne id tempus, quo Rutheni immorati sunt, absumpserat, advenit Ruthenosque iam Polonie Regni confinia transgressos et fastu inani atque leticia, quod expedicionem illam nichil adversi experti absolvissent, inflatos consequitur. Verum cum ab exploratoribus et per se ipsum accepisset vires hostium suis in notabili excedencia ampliores esse et dimicacionem futuram militibus presertim suis, longitudine vie fessis, imparem, opportunitate temporis utendum, <et numero quidem plures hostes, robore vero suos Superum benignitate extare, pugnandi cupidos ac peritos> ratus, cum omnis cunctacio, ne hostis a conspectu abiret et in municiones se reciperet, allatura dispendium videretur, <acceleracionem optimam ducens (nam quo issent celerius, eo ipsos repertum iri imparaciores)> in noctis conticinio, quam dies Dominica sequebatur, cum Ruthenos in soporem versos haberet exploratum, in illos ruit iussisque militibus alcius clamorem attollere omnem eorum potenciam invadit et trementes atque pavidos (ut in tali casu solet accidere) Ruthenos, nequiquam paucis resistentibus, ducibus primum, deinde militibus ceteris in fugam versis fundit sternitque, Polonorum captivis ceptam cladem Ruthenorum magnopere augentibus. Ingenti strage edita plurimis captivis et spoliis onustus, suis quoque Polonis in sexu utroque manumissione prestita, reversus ad patrem, et agrestium, quos liberaverat, et militum, quos magna hostili preda ditaverat, efferebatur sermonibus: felicem fore rem publicam Polonorum tali principe; felicem gentem, cui imperitaverit; felicia tempora, quibus Polonie Regno prisca gloria et omnis instauracio, decor et amplitudo forent abs dubio [*proventure*][a]; felicem et beatum uterum, qui tam strennuum et fortunatum effudit bellatorem. (IV P. 206–207)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TERCIUS

Boleslaus dux Poloniae cum Sbyslawa Swanthopelkonis ducis Russiae filia matrimonium celebrat; qua tempore Sbigneus cum Bohemis Poloniam vastare conantur

Egregiam operis nostri partem, in quam Divinitate propicia utcunque perventum est, inchoaturus, id primum mihi prefari liceat, quod et plerosque rerum scriptores in vertice suorum operum professos memini. (...) Altero post obitum paternum anno, prelatis et baronibus Polonie diu cunctantem renitentemque et etatem nondum maturam opponentem cogentibus, uxorem principis maioris Russie filiam Swanthopelkonis ducis

---

1101 [a] (*в Dlug – и в AD?* – proventura. – *Ред.*)

Kÿowiensis Sbÿslawam nomine, virginem forma et moribus illustrem, quamvis alter alterum quarto consanguineitatis gradu eque contingerent, accepit verentibus consiliariis, ne tam nobile germen non relictis frondibus excideret. Nupciarum celebritatem Cracouie sexta decima die Novembris acturus, Sbigneum fratrem naturalem, quem plus quam germano affectu <diligebat> et in quem caritatis et veneracionis officium, quod patri prestare solitus·erat, contulerat, ad illam invitat. (IV P. 210–211)

(...)

Duces Russiae omnes in Polowczos conspirant; quorum terras ingressi vastant atque conserto cum illis praelio eosdem viginti ducibus interfectis fundunt

Pacta cum ducibus Russie firmata violantibus Polowczis terrasque Russie excursionibus et spoliis assiduis vehementer vexantibus, conventu aput Kÿowiam duces Russie octava die Aprilis celebrato expedicionem contra Polowczos estate non expectata gerendam indicunt. Milites autem Ruthenorum, etsi non convenire in tempore hiberno geri bella astruerent et gravari se plurimum per indictam expedicionem quererentur; duce tamen Swantopelkone Kyowiensi disserente cum eo hoste ipsis bellum esse, qui nequicquam observatis temporibus assidue illos infestat et cui pro omni tempore resisti oporteat, expedicio huiusmodi universali consensu accepta est. Ad quam comunibus viribus et armis Ruthenorum ducum et populorum gerendam Dauid et Oleh duces, qui conventui Kyowiensi non intererant, [*cum*] vocarentur, Dauid quidem vocacioni paruit, Oleh vero egritudine simulata venire contradixit. Wladimirum itaque cum suis copiis precedentem Swantopelk Kÿowiensis dux, Dauid Swantoslawicz, Dauid Wscheslawicz, Msczislaus nepos Hreorii, Wÿeczeslaus Iaropolczicz et Iaropolk Wlodimirowicz duces, unusquisque cum gente sua, equis et navibus vecti secuti sunt. Egressi autem de navibus, conscensis equis et aciebus ordinatis, venerunt in Schuten. Quorum aput Polowczos percrebrescente adventu congregantur Polowczii in maxima multitudine, cum Ruthenis, quos iam vicisse et subegisse crediderant, dimicaturi. Suasit autem unus ex ducibus Polowczonum, Ruszoba nomine, Polowczis, ut certandi animo ommisso pacem pocius, cuius ipsi violatores extiterant, a Ruthenis in grandi exercitu venientibus flagitarent. Qui etsi salutaria suaderet, arguentibus tamen Ruszobam de ignavia et metu notantibus <ceteris> auditus non est, profitentibus se et Ruthenos, qui advenerant, debellaturos et tam terras quam municiones eorum occupaturos; nec superesse quemque ea potencia preditum, qui Ruthenos ab eorum invasione sit salvaturus. Quo tam superbo et feroci dicto Rutheni et duces eorum cognito, pro consequenda ex alto victoria frequentibus votis repromittendo templis et monasteriis largiciones amplissimas Dei clemenciam precabantur. Althonoga autem, vir in armis fortis et strenuus, cum aliis non paucis ad speculandum a Polowczis premissus, a Ruthenorum speculatoribus interceptus, nullo valente effugere cum omnibus comitibus suis occiditur. Que

res, velut de summa belli Ruthenos pronunciasset victores, animos Ruthenorum erexit. Polowczis itaque in magna multitudine (quam nemo Ruthenorum poterat aut circumspicere aut estimare) in aciem prodeuntibus, immisit Divinitas pavorem et terrorem in illos, et occupati trepidacione et pavore, antequam in congressum cum Ruthenis venirent, non ipsi modo, sed et equi eorum cespitare meroremque quendam pre se ferre ceperunt. Ruthenis econtra ordinate et cum magna alacritate, equis etiam eorum in leticiam effusis <frequencius hinniendo> ad prelium prodeuntibus Polowczÿ solo eorum conspectu perculsi et debellati, pugna omissa, terga vertunt. Cedes itaque, non certamen fuit et fugientes Polowczos passim trucidabant[a]. Viginti duces Polowczonum eo prelio occisi, videlicet Ruszoba, Kocza, Harszlonopa, Kikthanopa, Kumana, Azupa, Kurthaka, Czenÿehrepa, Surbor et plures alii, multa milia cesa, multa capta. Castris Polowczonum Rutheni potiti, ex auro, argento, gemmis, peccoribus, camelis et alia varia suppelectili illic reperta Ruthenicus exsercitus affatim ditatus, onustus multis spoliis et multos Polowczonum captivos ducens victor in Russiam rediit. Fecitque Deus in die illa magnam salutem Ruthenis, graves et infestos hostes Polowczos tradendo in manus eorum. Procedente autem tempore eiusdem anni Russie a Pruthenis et Lithwanis vastate sunt.
(IV P. 212–214)

Opinio de duce Myeczslao olim Boleslai regis exulis filio

<Volunt et nonnulli annalium Polonie [*historiographi*][b] eo tum primum anno et non MLXV[O], quemadmodum in superioribus narravimus, Myeczslawum ducem, filium Boleslai Polonie regis, confirmata aput Krusszwiczam, ubi tenebat sedem, monasterii in Mogilno per patrem suum fundacione, simul cum Eudoxia coniuge sua secundo Idus Marcii vi veneni, quod forte una die simul hauserent, extinctum esse. Cuius confirmacionis apices originales in ipso Mogilnensi monasterio in pergameno exaratas ego legi, vidi et tractavi.> (IV P. 214)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS QUARTUS

(...)

Boleslao Poloniae principi filius Wladislaus nascitur

Editus est a ducissa Sbislawa consorte Boleslai in anni huius fine infans egregius, quem prefatus Gwaldo episcopus Belwaczensis cum aliis Polonorum episcopis in Cracowiensi ecclesia de sacro fonte[a] levavit; qui patre iubente avitum nomen Wladis<laus> accepit. (IV P. 217)

(...)

1103 [a] (*недостает подлежащего* Rutheni *или подобного. – Ред.*)
1103 [b] *в AD* historiagraphi
1104 [a] *здесь в AD по недосмотру повторно* in Cracoviensi ecclesia

ANNUS DOMINI MILLESIMUS SEXTUS

(...)

Polowczis praeda rapta in Russia excutitur

Polowczis in terras Russie clandestina et silenti excursione irrumpentibus oramque, que Zarzeczsko appellatur, vastantibus, Swantopelk Kÿowiensis dux exercitum gencium suarum, preficiens illis Iohannem et Iwankonem Zacharzicz et Koszarina in duces, post eos mittit. Qui illos aput Danubium consecuti, spolia quidem per eos aput Zarzeczsko rapta excuciunt et referunt, cum Polowczis autem non veniunt in dimicacionem.

(IV P. 224)

Sbigneus fratri Boleslao Polonorum duci opera Swanthopelkonis ducis Kyoviensis reconciliatur; Boleslao nascitur filia Swanthoslawa

Sbigneus <interim> frater naturalis Boleslai Polonorum ducis a facie eiusdem fratris sui Boleslai propter fraudes et dolos in Boleslaum commissos fugiens ad Swantopelkum in Kÿow pervenit, sperans se per illum, velut Boleslai socerum, graciam Boleslai inventurum. Ubi aliquanto tempore comoratus, ad preces Swantopelczi venia illi <a Boleslao duce> tributa est. Qua illico abusus ad Bohemiam se contulit <novis dolis et ingeniis Bohemos contra fratrem subornaturus>.

<Boleslai Polonie ducis consors Sbyslawa eo anno fecundata duodecima Aprilis die filiam, aput Cracoviensem ecclesiam baptisatam[a], cui nomen datur Swanthoslawa, enixa est.> (IV P. 224–225)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTIMUS

(...)

Sbigneus facilitate Boleslai dum magis ac magis in dolos fraudesque prolaberetur atque ex litteris interceptis cum compertus fuisset Bohemos et Pomeranos in fratrem concitasse, Boleslaus, primum Bohemis sibi conciliatis, in Pomeraniam contendens Gnesnam et alia, quae erant ditionis Sbignei, ipso in terram Masoviensem fugiente, conquirit; quem postea insecutum Boleslao duci barones reconciliant, cui Masovia ipsa duntaxat in possessionem conceditur

(...) Que res cum in unum tempus confluxissent, magnam Boleslao Polonorum duci et suis fluctuacionem ingesserunt; dubitabat enim, Bohemisne, an Pomeranis, aut fratri Sbigneo primum occurreret. Misit proinde et in Russiam Pannoniamque nuncios, qui et <...>[a] in solacium

---

1106 [a] *в AD здесь по недосмотру повторено* ecclesiam

1107 [a] (*по мнению издателей Dlug., здесь в AD пропущено несколько слов, однако в таком предположении нет необходимости, так как "маньеристские" перестановки союзов типичны для стиля Длугоша; таким образом, надо читать* qui in solacium suum et quoscunque... – *Ред.*)

suum quoscunque voluntarios aut mercennarios milites accersirent. Significavit et genero suo Swantopelkoni duci Kyowiensi, in quanto a triplici hoste circumsessus versaretur periculo, rogans, ut personale illi cum quanto amplioribus posset copiis ferret auxilium. (...) Que illi agenti exercitus Hungarorum et Ruthenorum solacia prestiturus advenit. Cum quibus Wislam versus Maszowienses terras transgressus, Sbigneum velut sui principatus perniciem eliminare in illis se occultantem disponebat. (...) Reconciliacioneque in hunc modum inter fratres composita uterque exercitus, Hungarorum videlicet et Ruthenorum, in sua remeavit.

(IV P. 230- 231)

(...)

Polowczy a ducibus Russiae caeduntur

Clades suas per Ruthenos et duces eorum inflictas Polowczÿ resarturi, terras Russie in magna multitudine cum Bonÿak, Sarukan et aliis pluribus Polowczonum ducibus irrumpentes, stativa sua circa Lubnÿa ponunt. Contra quos Swantopelk Kÿowiensis dux, Wlodimir, Oleh, Swantoslaus, Msczislaus, Wÿeczeslaus et Iaropelk Russie duces cum potenciis gencium suarum egressi, flumine Sula transito, in Polowczos et staciones eorum duodecima Augusti irruunt improvise. Qui timore grandi consternati neque acies constituere aut expedire neque in ordines ire poterant, sed equis tumultuarie raptis et conscensis aliqui, alii vero pedestres ex castris in silvas proximas diffugiebant. Rutheni fugientes cedendo maiorem quam pro numero ediderunt stragem, plurimis Polowczonum captis, quos usque ad Chorela persequebantur. Germanus Bonÿak, dux Tasza, cum multis aliis cesus est. Castris Polowczonum et omni suppelectili Rutheni potiti in sedes et civitates suas cum magna gloria et iucunditate revertebantur. (IV P. 234–235)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTAVUS

(...)

Boleslao Polonorum duce in Bohemia occupato Pomerani castrum Uscze conquirunt; quod Boleslaus recuperat caesis Pomeranis et Sbigneo naturali fratre, viro vafro, in exilium eiecto

Redeuntem de Bohemica expedicione Boleslaum ducem duplex casus illi denunciatus gravi merore turbavit. Nam et consors sua ducissa Sbislawa fatis intercepta erat, et castrum Vscze a Pomeranis (...) occupatum.

(IV P 239)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONUS

(...)

Henricus quintus caesar Glogoviam oppugnat; ea dedita obsidibusque datis, foedere fracto iterum eandem quatit; tandem ab oppugnatione illius desistere cogitur

(...) Iam Boleslaus Polonorum dux maioribus copiis exercitum refertum habebat, quippe ex Maszowiensi, Sandomiriensi, Lublinensi terris magnus numerus et pedestrium et equestrium ad eum confluxerat, Ruthenorum quoque copie advenerant plenusque spe occasionem pugnandi cum cesare investigabat. (IV P. 246)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS DECIMUS

Boleslaus dux Polonorum Henricum quintum imperatorem adit pacemque et uxorem sibi ac filio suo petit dari; quibus impetratis rediit

(...) Ad hanc tam munificam et favorosam Henrici Romanorum regis Boleslaus Polonorum dux oblacionem, sororem regis sibi in sponsam, filio vero suo Wladislao ex Ruthena genito <filiam> regis Henrici Cristinam nomine, virginem forma venustam, cepit petere in uxorem. Quo omnia Henricus rex sine cunctacione Boleslao concessit. (IV P. 256–257)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS UNDECIMUS

(...)

Polowczy barbari per Ruthenorum duces bis profligantur

Victoriis superioribus de Polowczis relatis Ruthenorum duces animati, qui egre alias Polowczonum bella repellebant, ad inferendum ultro Polowczis bellum eriguntur. Expedicione itaque indicta [*Swantopelk*][a] Kyowiensis dux cum filio Iaroslao, Wlodimir cum filiis et Dauid cum uno filio secunda Quadragesime dominica copias pedestres et equestres sola spe in Deo et angelis eius reposita in campum educunt superatoque flumine Sula veniunt in Chorola, ubi currus instruunt et acies ordinant. Abinde ad flumen Oltha perventum est, et aliquot diebus stativa habita ex Oltha ad aliud eque magnum fiumen Worzskla traiiciunt. Quibus quidem fluviis superatis ad flumen Thanaÿs, quod Don appellamus, magnitudine rara priora flumina excedens, exercitus pervenit illicque arma induens et signa

---

1111 [a] (*в AD ошибочно* Swantoslaus. – *Ред.*)

militaria extendens agmine composito iuxta ac si in conspectu hostis esset, incedebat. Ad castrum deinde Rukanÿe applicans a viris, qui in illo erant, piscibus et vino exceptus ad aliud castrum Szuwrow pertingens illud exurit, et iterum ad flumen Thanaÿm remeavit. Polowczy itaque suarum regionum vastacionem non ferentes Ruthenorum ducibus et agminibus occurrunt preliumque conserunt. In quo adhortantibus se mutuo Ruthenorum militibus et mori prius quam fugere devoventibus primis Polowczonum aciebus cesis fusisque relique diffugiunt. Post paucos quoque dies novo et forciori exercitu Polowczi ex multis legionibus instaurato fortunam temptaturi ad congressum veniunt. Sed parem priori referendo fortunam a Ruthenis et ducibus eorum certamine inito conflicti et victi sunt, fugientesque Polowczos Rutheni in plura miliaria persecuti <quatuor diebus> castris eorum, equis, pecoribus, camelis, uxoribus et parvulis, et omni alia suppelectili potiti duplici prelio victores Russiam reversi <sunt, maximo gaudio et honore processione a suis excepti>. (IV P. 260–261)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS DUODECIMUS

(...)

Swanthopelk Kyoviensis dux moritur, cui frater Wladimirus succedit

Sextadecima die mensis Aprilis Swantopelk Kÿowiensis dux et socer Boleslai Polonorum ducis in Kÿow moritur et in ecclesia sancti Michaelis in Kyow, quam biennio ante sumptuoso opere deauratum ei fabricando verticem fundaverat, sepelitur. Cuius morte secuta missi <sunt> a Kyowiensibus nuncii ad Wladimirum germanum Swantopelkonis, qui monerent, ut veniret et sedem Kÿowiensem paternam et avitam susciperet. Eo vero in luctu occupato venire tardante, milites in sedicionem versi curiam primum Putate pallatini Kÿowiensis, viri ea tempestate locupletis, deinde singulos Iudeorum in Kÿow consistencium invadunt et diripiunt. Novi itaque nuncii ad Wladimirum, ut maturaret adventum, missi, que spolia, que mala aput Kÿow emerserint, edicunt simulque denunciant: vereri Kÿowienses, si venire negligat, militarem furorem et licenciam in templorum, in monasteriorum et ducalium curiarum spoliacionem grassaturum. Quibus rebus Wlodimir dux non secus quam par erat motus, cum magna festinacione ad Kÿow perveniens et a Kÿowiensibus suppliciter exceptus ortam et orituram militarem sedicionem suo adventu oppressit. Iaroslaus autem, filius Swantopelkonis et germanus Sbyslawe Polonorum ducisse, in ducatum suum Wladimiriensem divertit. Gentem Iathwingorum infestam molestam<que> per frequentes excursiones Ruthenis Swantopelkonis Kÿowiensis olim ducis filius Iaroslaus Wladimiriensis dux oppressurus, cum exercitu illuc ire pergit. Qui illorum regione in parte notabili vastata copias etiam eorum prelio inito fudit, victorque rediens filiam Msczislai et neptem Wladimiri accipit duodecima Maÿ in consortem. <Gens autem Iaczwingorum nacione, lingua, ritu, religione et moribus magnam habebat cum Lithwanis, Pruthenis et Samagitis conformitatem, cultui ydolorum et

ipsa dedita, principalis cuius et metropolis erat arx et civitas Drohiczin.>
(IV P. 263–264)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS DECIMUS SEPTIMUS

(...)

Turbae inter Russiae duces

Wlodimir Russiae dux, qui germano suo Swanthopelkone duce Kyowiensi obeunte sedem Kÿowiensem acceperat, suspectum habens Iaroslaum filium Swantopelkonis, nepotem germanum, ne illum ex sede Kÿowiensi propelleret, opprimere illum quamprimum statuit. Et Dauid, Wasilkone, Rosczislao Wolodorowicz, filiis quoque Oleh armorum solacia sibi prestantibus vadit contra Iaroslaum et in castro Wladimiriensi (neque enim cum tot ducibus tutum putabat decernere) se continentem obsidet. Iaroslaus autem cum nichil sibi conscius esset, ex castro ad ducem Wladimirum ceterosque Russie duces veniens inermis, verbis pacificis et modestis Wladimirum sibi assentatorum falsa suggestione infensum placat et reconciliat. Qui continuo obsidionem solvens in Kÿow reversus est, <Iaroslao tamen perprius pluribus sermonibus obruto et obiurgato.>
(IV P. 284)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS DECIMUS OCTAVUS

(...)

Iaroslaus Wladimiriensis dux ad Boleslaum Poloniae ducem confugit

Kyowiensis dux Wlodimirus maioribus suggestionibus invidorum <...>[a] gravi contra nepotem suum Iaroslaum Wladimiriensem ducem, quasi illi mortem et expulsionem de sede Kyowiensi [*machinantem*][b], concepta, eum ad se in Kyow litteris et nunciis accersit. Qui non aliter venturum se renunciat, nisi iureiurando Wlodimirus firmet nichil se hostile illi illaturum. Et quamvis Wlodimirus huiusmodi sponsionem pro maiori seccuritate Iaroslai fecisset, Iaroslaus tamen consiliariis et militibus Wlodimiri Kyowiensis de periculo et laqueo, quod illi imminebat (verene an subdole, incertum est) avisantibus venire in Kyow negavit. Falso deinde et vafro suorum militum seductus et persuasus consilio cum uxore, filiis et omni suppelectili castro Wlodimiriensi militibus comendato in Poloniam ad Boleslaum Polonorum ducem, sororis olim sue Sbislawe maritum, confugit, ubi a Boleslao Polonorum duce humane et benigne exceptus quadriennio illic mansit,

---

1118 [a] *здесь в AD явно пропущено слово; разные списки добавляют* ira *или* indignatione

1118 [b] *в AD* machinanti

Boleslao Polonorum duce singula sibi subministrante necessaria. Infra id autem tempus castrum Wladimiriense Wlodimiro Kyowiensi per milites Iaroslai deditum est, verentibus Ruthenis, ne eo Poloni potirentur. <Qui ad principandum illic filium suum Romanum transmittit; quo quartadecima die Ianuarii mortuo, alterum filium Andream Wlodimirus Kyouiensis dux ad regendum Wladimiriam surrogavit.> (IV P. 285–286)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS PRIMUS

Matrimonium inter Wladislaum Boleslai ducis Poloniae filium et Cristinam Henrici imperatoris filiam celebratur

Annos nubiles Cristina <filia> imperatoris Henrici quarti, et secundum quosdam quinti, quam Boleslaus Polonorum dux filio suo natu maiori primi matrimonii Wladislao desponsaverat, quamque in Poloniam ex Almania devectam decennio iam exacto nutrierat, eo tempore dum implevisset, Boleslaus Polonorum dux diem designans nupciarum Stephanum Hungarie regem generum suum cum baronibus Hungarie primoribus, Iaroslaum ducem Wladimiriensem socerum suum, item alios principes Russie suique Regni Polonie prelatos, barones et proceres ad huiusmodi nupciarum solennitatem nunciis et litteris invitat. (IV P. 293)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS SECUNDUS

(...)

Wolodor dux Premisliensis terras Poloniae infestans capitur a militibus Polonorum, postea argenti summa redimitur

Terminos Polonorum Wolodor duce Przemisliensi ex castro Przemisl crebro infestanti predamque agenti, Boleslaus Polonorum dux missis ad Wlodimirum et alios Russie duces nunciis de iniuriis, que Regno Polonie per Wolodorum inferebantur, aput eos querebatur, sed videns suarum iniuriarum gravamina a Russie ducibus dissimulatum iri, mandat militibus et prefectis suis, ut iniurias suas de cetero inultas esse non sinant. Wolodoro itaque Polonorum fines spolianti milites, quibus id a Boleslao Polonoruin duce munus mandatum fuerat, occurrunt et prelio inito insignioribus suis militibus occisis victum, predas, quas ex Polonia tulerat, eripunt, fugientem etiam persecuti in loco, qui Wyszokÿe appellatur, comprehendunt et captivum Cracowiam ad Boleslaum Polonorum ducem perducunt, ubi vincula aliquanto tempore sustinuit. Processu autem temporis nuncii Waszilkonis Premisliensis ducis Cracowiam adveniunt, et cum Boleslao Polonorum duce, qui pro liberacione Wolodori octuaginta milia marcarum argenti petebat, de solvendo Wolodoro agentes, de viginti milibus argenti pro solu-

cione Wolodori dandis conveniunt datisque tunc duodecim argenti milibus de solvendo residuo Iaroslai filium obsidem ponunt, expost vero quingentis vasis argenteis, scultellis videlicet, picariis, ciphis de opere Greco allatis plenam solucionem impendunt. Wolodor itaque solutus Boleslao Polonorum duci reconciliatur, et tam cum illo quam Colomanno regi<s> Hungarie <fratre> federe icto et iureiurando firmato, Wolodor revertitur vicesima secunda die Iulii mensis[a]. (IV P 295)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS TERCIUS

(...)

Boleslaus Poloniae dux Iaroslaum Wladimiriensem ducem reducit

Affinem suum Iaroslaum Wladimiriensem ducem quadriennio prope in Polonia commoratum Boleslaus Polonorum dux ad principatus suos et dominia restiturus, exercitu ex Polonorum militibus comparato in Russiam ire pergit. Cui circa Premisliam stativa agenti Colomannus Hungarie regis frater solacia et ipse Iaroslao exuli contra Wladimirum Kyoviensem ducem laturus cum notabili Hungarorum exercitu advenit. Duces insuper Russie Wolodor et Wassilko Premislienses, item Wlodimir Wlodorowicz, Iaroslai partibus suffragaturi, Colomanno Hungarorum et Boleslao Polonorum ducibus cum suis copiis se adiungunt. Dantur autem Iaroslao Wladimiriensi duci ex Hungaris et Polonis septem equestrium milia, cum quibus exercitum Colomanni et Boleslai, quadrigis et impedimentis gravem, anteibat. Vallata autem sunt ab exercitu prefato Belsz, Czyrwyen, Wladimiria et alia castra Iaroslao per Wlodimirum Kyowyensem ablata, que paucis diebus obsidione parumper tolerata Iaroslao deduntur. Quibus in potestatem suam redactis ad metropolim Ruthenorum Kyow ad opprimendum Wlodimirum singule copie traducte sunt. Iaroslaus autem Wladimiriensis dux, dum iuxta morem Colomannum et Boleslaum cum militibus ei adiunctis diebus aliquot Kyowyam precessisset, cum pedestribus ex Kyow contra eum egressis pugnam committit. Quos devincens, usque ad portam, que Polonica appellatur, illos persequendo sternit, capit et obtruncat. Novis autem peditibus in eorum, qui ceciderant, supplementum in maiori quantitate occurrentibus instauratur pugna et pluribus Polonorum et Hungarorum militibus, qui Iaroslaum comitabantur, a cohorte peditum Kyouiensium occisis, equus etiam Iaroslai ducis multis telis conficitur, quorum acerbitatem non ferens Iaroslaum ducem sessorem suum deiicit in terram. Ruthenis autem capere illum, Polonis vero et Hungaris de periculo eripere sathagentibus, dirum certamen fervebat inter

1122 [a] *далее в AD следуют выскобленные слова, которые, тем не менее, поддаются прочтению:* Iaroslaus autem Swanthopelcus (*вероятно, надо читать* Swantopelczicz. – *Ред.*) cum solaciis Polonorum, que illi Boleslaus Polonorum rex velut affini suo prestiterat (*т. е. по недосмотру стал переписываться текст, относящийся уже к событиям 1123 г. – Ред.*)

utrosque. Prevalentibus tamen Polonis et Hungaris Rutheni Kyowienses in castrum refugere pugna relicta coacti sunt. Iaroslaus vero dux ex pugna huiusmodi aliquot vulneribus confossus paucis post diebus moritur; Colomannus tamen Hungarie et Boleslaus Polonorum duces ceptam obsidionem castri Kyowiensis continuant. Sed Andreas Kyowiensis castri prefectus a Wladimiro, qui in illo consistere <...>[a] ante adventum Colomanni et Boleslai ex castro egressus, pacem supplex a Colomanno et Boleslao petere cepit, que Wolodoro et Wasilkone Premisliensibus ducibus suffragantibus illi a Colomanno et Boleslao minus cunctanter, dum Iaroslaus dux, gracia cuius id bellum assumpserant, extinctus esset, concessa est. Icto autem federe inter Colomannum Hungarie et Boleslaum Polonorum duces ab una, et Wolodorum, Waszilkonem et ceteros Russie duces partibus ab altera, pollicentibus in qualibet necessitate sibi invicem auxiliaturos, Colomannus in Hungaros, Boleslaus in Polonos rediit.

Thartari circa hec tempora permissione Divina montem exisse putantur, in quo clausi fuerant per tempus diuturnum in magna miseria et fame, gens vilis et sterilis. (IV P. 297–298)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS QUARTUS

Boleslaus Polonorum dux in Daciam proficiscitur, inde thesauros regios in Poloniam advehit; et Cygnorum familiae origo

(...) Obligare eum amplius Boleslaus Polonorum dux sibi regnoque suo, et ut patria sua obliterata perpetuum deinceps in Poloniam ageret incolatum, sathagens, multis illi castris, opidis, vicis, villis et possessionibus, et inter alias opido Skrzin et villis vicinis, et universo Skrzinensi comitatu donacione perpetua largitus, etiam illum splendido coniugio, data illi virgine decora, ducissa Russie Maria nomine, que primam uxorem Boleslai ducis Polonorum affinitate propinqua contingebat, in uxorem, dignificat et amplius nobilitat, erigit et extollit. (IV P. 299)

(...)

Wolodor Premisliensis dux Poloniam Boleslao absente vastat

Wolodor Premisliensis dux intelligens Boleslaum Polonorum ducem in Daciam transfretasse, federe, quod cum Boleslao Polonorum duce in Kyow pepigerat et iureiurando firmaverat, violato, filium suum Wlodimirum cum exercitu ad vastandam Polonie regionem transmittit. Qui illam improvise et nulla diffidacione premissa ingressus, vastando agros et urendo tecta, usque versus Bÿecz hostiliter, nullo repressionem opponente, grassabatur captaque et congesta gravi pecorum preda in Russiam illam deduxit.

(IV P. 301–302)

1123 [a] *так в AD; пропущены слова* non ausus *или подобные*

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS QUINTUS

(...)

Boleslaus Polonorum dux Wolodorum Premisliensem ducem ulciscitur, exercitum illius caedens et terras Russiae populans

Vastacionem Regni sui Polonie per Wolodorum et filium suum Wladimirum contra ius fasque violacionemque federis attemptatam Boleslaus Polonorum dux iusta ira eum stimulante ulturus, cum omnibus potenciis suis Wolodorum et ducatum suum Premisliensem invadit et populacione quanto longius potest extensa opida, vicos et rura exurit. Cui Wolodor dux cum suis et aliorum ducum Russie copiis occurrens, in loco, qui Vilihow appellatur, pugnam committit, sed ab exercitu Polonorum frequentissimo exceptus, in stipulo modum plurimis Ruthenorum cadentibus fusus victusque et castris exutus est. Duoque tunc insigniores Ruthenorum milites et in armis strennui, videlicet Nawrotnik et Zaszithnik, cum pluribus aliis cesi, captivorum quoque ingens numerus fuit. Wolodor dux suos in fugam effusos inhibere non valens, pariter et ipse fugit et usque in Halicz se conferens, colligebat exercitum, volens denuo cum Boleslao Polonorum duce, qui post victoriam regiones Russorum cede et igne singula <invadens> vastabat, confligere. (IV P. 303)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS SEXTUS

(...)

Wolodor Premisliensis et Wlodimir Kyoviensis duces moriuntur

Decima nona Marcii Wolodor Premiesliensis dux moritur et in ecclesia sancti Iohannis, quam ipse fundaverat, Premislie sepelitur, duos filios, Wlodimirum et Rosczislaum, relinquens. Divisione autem celebrata cessit Wlodimiro Swinnigrod et Rosczislao Premislia. Collecto autem qualincunque exercitu, illum <duces> soli ire parum ausi, ad vastandam Poloniam transmittunt. Qui et ipse pavore perculsus vix fines Polonie attingens, aliquot villis circa Wisloka crematis rediit. Decima Maii Wlodimir Kyowiensis dux obiit <in ecclesia Sancte Zophie aput Kyowiam sepultus in patris sepulcro>; cui Msczislaus filius suus succedit <senior et in Kyoviensi solio consedit, alter vero frater suus Iaropolk in Pereaslaw tenuit principatum. Audientes autem Polowczi mortem Wlodimiri in terram Russie hostiliter irrumpunt, sed a Iaropolko Pereaslaviensi duce et sua milicia, qui non expectato fratrum solacio conflixit cum eis, victi sunt et plures in aquis suffocati>. (IV. P. 304–305)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS SEPTIMUS

(...)

Wlodimirus et Rosczislaus fratres, filii Wolodori Premisliensis ducis, inter se pugnant

Clamdestine simultates et odia inter germanos fratres Wlodimirum et Rosczislaum, filios olim Wolodori Premisliensis ducis, exorte ad tam graves testatasque prodiere inimicicias, ut principatibus suis crudelissime vastatis unus alteri mortem et excidium machinaretur. Et quo id facilius perageret, exterorum subsidia uterque quesiit, Wlodimir Pannoniorum, Rosczislaus Ruthenorum. Hungaris autem serius Wladimiro solacia, que imploraverat, ferentibus Rosczislaus Ruthenorum nactus solacia, videlicet Msczislai Kyowiensis ducis et Gregorii ac Iwanii Waszilkowicz, contra Wladimirum veniebat. Interim vero per barones et milites de pace inter fratres tractatus agi cepit. Qui cum aput Sczirzecz pluribus diebus pacem conficere laborassent, re infecta ad arma reditum est. Et Rosczislaus Premisliensis dux de potencia auxiliariorum confidens, fraternum castrum Swinnigrod vallat et oppugnat, facilem eius ratus futuram expugnacionem. Sed cum castrum predictum a tribus milibus virorum, quos Wladimirus in eo locaverat, strennue defenderetur, Rosczislaus, aliquot militibus de suis desideratis, soluta obsidione discedit. Quam licet cum eisdem potenciis altera vice maiori conatu resumpsisset, spei tamen sue videns adversum respondere effectum, quoniam gentes obsesse Wlodimiri erupcione e castro facta in gentibus suis edebant stragem, ab obsidione discedit.

(IV P. 308)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS OCTAVUS

(...)

Gravem hostem et adversarium suum Rosczislaum Premisliensem ducem, a quo sepius lacessitus et invasus erat, Wladimirus dux de Swinnigrod non ferens, in Hungaros cum uxore et familiis transiit, Hungarorum solacia contra fratrem Rosczislaum qualibet arte et ingenio quesiturus. (IV P. 310)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS VICESIMUS NONUS

(...)

Swanthoslaus[a] Kyowiensis dux moritur, cui frater suus Iaropolkus Pereaslaviensis dux in principatu Kyowiensi succedit, Kyowiensibus ultro

---

1129 [a] *так ошибочно в AD, что в ряде других списков и в крак. изд. справедливо исправлено на* Msczislaus

pro illo nuncios mittentibus et illum excipient<bus> cum gaudio et honore. (IV P. 312)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS SECUNDUS

(...)

<Yszaslao et Andrea ducibus castrum Kyow cum gencium suarum robore obsidentibus, Iaropolkus dux Kyoviensis per tractatus et consiliarios comunes pacificatur cum eis; et dat Andree Pereaslaw et Yszaslao Swanthoslavicz dat Wladimiriam.> (IV P. 317)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS QUARTUS

(...)

Iaropolkus dux Kyoviensis dum rebellionem parat, a Petro Wlosczowicz astu captus duci Boleslao praesentatur; ita obviatum est defectioni

Ruthenorum interea principes pluribus clamdestinis conventibus <Iaropolko> Wladimiro<vicz> principe Kÿowiensi auctore celebratis, de excuciendo iugo, quo hactenus [*a*][a] Boleslao et Polonis tenebantur astricti, frequentibus deliberacionibus consultabant. Inter quos auctor repetende libertatis [*Wladimir<ovicz>*][b] princeps <Iaropolkus> in hunc modum disseruit: "Grave – inquit – iugum, quod hactenus pertulimus, quodque perpetuo in filiis et nepotibus nostris, nisi in hoc tempore aliquid nobis prospectum sit, laturi sumus, magno nos et universum genus nostrum ignominie cauterio oppressit; cum ex ingenuis et liberis in servilem condicionem redacti, et tributa Polonis vendimus et bella externa cum Hungaris, cum Bohemis, periculo nostrorum capitum procul a domo, procul a patria cogimus adire et sub ductu et auspiciis alterius ritus principis militare non sine nostra irrisione et contemptu. Etsi superiori tempore eam contumeliam metu ferre opportuit, ne Boleslai et Polonorum armis maioribus quam ante cladibus involuti pateremus, nunc Boleslao et Polonis Bohemico et Pannonico bello occupato, cum a tergo et fronte gravis et potens urgeat hostis, ea nobis occasio, quam sepe venturam precabamur, successit, per quam, si originis nostre atque ingenuitatis reminisci volumus, facile iugum excutimus et in libertatem nos atque patriam nostram omneque genus nostrum vindicamus. Neque enim Boleslaum Polonorum ducem ad tria simul bella gerenda suffecturum credi fas est, si Hungarico et Bohemico bello

---

1134 [a] (*в Dlug. – и в AD? – пропущено. – Ред.*)

1134 [b] (*в Dlug., вероятно, опечатка:* Wladmimir<ovicz>. – *Ред.*)

nostrum tercium accesserit, postquam constiterit Ruthenos, per quos hactenus tam Bohemis quam Hungaris formidabilis fuit, sibi rebellasse et ex auxiliaribus hostes factos esse. Itaque me auctore, me duce restituite vobis et liberis atque posteris vestris et universe patrie libertatem, ne nos, qui in libertate geniti eramus, in servitute consenescere et hanc ignominiosam sortem posteris nostris relinquere contingat" Huic oracioni cum facile omnes primores assensi fuissent, omnes concorditer in rebellionem opportuno tempore patefaciendam conspirant et ne prodi intempestive posset, coniurant. Non tamen coniuracio ipsa tam sincere servata est, quin extemplo ad Boleslaum Polonorum ducem eius universus tenor et ordo non perveniret. Nam ut sunt Ruthenorum fluxa ingenia, facile perfluunt et secretum inter eos perrarum est, quod castius servaretur. Movit ea novitas Boleslaum et plurimam ilii, ne tot bellis sub uno et eodem tempore implicitus periculis subiaceret, curam excitavit, consiliariisque celeriter accersitis, quid agi in tam periculoso negocio placeret, perquisiit. Et variis varias sentencias dantibus, <a singulis tamen Ruthenorum> gliscens conspiracio, nisi celeriter opprimeretur, ingens vulnus statui rei publice allatura concludebatur. Erat inter alios Polonie barones Petrus Wlosczowicz de Xansch comes, in quo inter alios ducales consiliarios vis animi consiliique supra ceteros vigebat. Is sentenciam iussus dicere, frustra ramos et sarmenta ab arbore decucienda aiebat divelli, stipite et radice non succisa, nec posse undas arescere, rivo et originali fonte defluente. Superfluum deinde subinferebat cum provinciis Ruthenorum rebellionem meditantibus bella suscipi, si rebellionis et conspiracionis auctor et omnium malorum comentator princeps Wladimirie primum oppressus non fuerit, tunc enim omnium aliorum Ruthenorum molimenta cessatura. Ei sentencie cum omnes fuissent assensi, Petrus ipse negocii conficiendi onus in totum, Boleslao Polonorum principe illum multiplicibus impensis adiuvante, suscipit. Ut autem negocium, quod confecturus erat, facilius procederet et votivum consequeretur exitum, calliditate et ingenio vafro opus erat. Itaque Petrus Wlosczowicz comes de Xansch paucis fidis comitibus et hiis, que agenda erant, penitus ignaris coassumptis ad Wladimirum[c] principem, eum vultum et habitum gerens, qui tristem eum et aliquid passum signabat, accessit. A quo cum causam itineris princeps Wladimirie curiosius sciscitaretur, exulem se et Boleslai Polonorum ducis frequentibus iniuriis et gravaminibus lacessitum <...>[d]; postremo autem, ne quid gravius in se consultum iri experiretur, voluntarium exilium elegisse et ad principem, cuius sibi et comitas et humanitas dudum nota esset, declinasse; precari, ut se suscipere et confovere non aspernetur. Gratus fuit <Iaropolko> duci Russie Petri Wlosczowicz adventus, gratus et Ruthenis oportunoque tempore, quo destinatam rebellionem executuri erant, illum sibi velut divinitus missum astruebant accessisse,

---

1134 [c] (*так в AD; Длугош, правя* Wlodimir *на* Wlodimir<ovicz Iaropolkus>, *очевидно, пропустил это упоминание. – Ред.*)

1134 [d] *в AD пропущено* asseruit *или подобное*

suam quoque accessionem magnum rebus suis prestare debere adiumentum. Unde et rebellionem conceptam maturius se posse perficere pretendunt, Petri quoque Wlosczowicz exulis et Boleslai ac Polonorum hostis ductu et consilio, bello se portendunt Boleslaum et Polonos superaturos. Sepius autem Petrus Wlosczowicz a suis familiaribus, quenam causa eum in exilium egerit, cum nullam [*ipsi*][e] nossent intercessisse, <sciscitantibus>, quietos eos et nullis amplioribus questionibus super hac re se impeti atque sub taciturnitate et silencio eventum rei a se agende operiri, ut quoque dum opus facto esset confestim armati paratique existerent, iussit. Oportuno deinde tempore, dum principem Wladimir<ovicz Iaropolkum> paucis comitatum· pransum sedisse conspexit, explorato, suis, ut arma capesserent, dicto parentibus atrium, quo Wladimir<ovicz Iaropolkus> accumbebat, ingressus, hostem se pro hospite professus, principem corripit et resistere conantem humo sternit coniectumque vinculis in Poloniam celerrimo cursu, omnibus fluviis, quorum sibi navigia ante [*providerat*][f], superatis transportat et pro fatali et insigni munere Boleslao Polonorum duci presentat. A quo benigne et in consiliis et concionibus laudatus, quod solius sui capitis periculo grande bellum a patria avertisset, multis etiam possessionibus atque muneribus pro tam insigni facinore nobilitatus est. Wladimir<ovicz> principis captivitas ceteros Russie principes et barones, prodita coniuracione et nonnullis aliis, qui causam coniuracioni prestiterant, castigatis, in fide continuit et bellum, magna iam ex parte ordiri ceptum, dissolvit. (IV P. 320–323)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS QUINTUS

(...)

Boleslao Polonorum duce ad imperatorem profecto Iaropolci filius ordinato proditore Hungaro, qui ad Boleslaum confugerat, Visliciam capit et omnibus crudeliter necatis exurit

Petri Wlosczowycz comitis de Xansch vafricies, quantam rebus publicis Polonorum, Wladimirie principe in dolo capto, tranquillitatem comoditatemque afferre visa est, tanto illas alciori deinde casu et precipicio et afflixit et pessundedit, pro iure hospicii iureque gencium, quod a Petro comite de Xansch publico consilio inito fedatum violatumque erat, stante

---

1134 [e] (*в Dlug. – и в AD? –* ipse. *– Ред.*)

1134 [f] *в AD* previderat

1135 [a] *в дальнейшем в AD Василько неизменно* (*хотя и ошибочно. – Ред.*) *именуется сыном Ярополка; поэтому в некоторых списках находим* filius Vasilko calamitatem paternam, *а в крак. изд. –* filius Vasilko calamitatem patris

fortuna. Iaropolci namque Kyowiensis ducis nepos Vasilko calamitatem patrui[a] levaturus et in libertatem illum restituturus, omnibus, quos habere poterat, thezauris congestis, dato precio, quod arbitratu Boleslai impositum fuerat, patris procurat redempcionem. Dum insuper aperta vi suas et patris iniurias ultum iri non posse cognosceret, pari dolo parique prodicione, qua pater suus precipitatus fuerat, usurus, Hungarum quendam inter suos dignitate et genere prestantem ad peragendum facinus, quo minus suspicionis de homine externe gentis esset (cum de quolibet Rutheno aperta fraus deprehendi facile posset), magnis donacionibus maioribusque promissis perlicit et subornat. (...) Vulgat siquidem pro comperto se et ex litteris et ex nunciis accepisse, duces Russie cum omnibus copiis suorum populorum patefacta rebellione consurrexisse et concito gradu Poloniam crudeli cede et captivitate pervastare. Proinde publico edicto, ut omnes nobiles et populares Vysliciam, velut locum tutum, ex omnibus viciniis comigrent et illic fortunas atque res suas magis caras deportent, imperat; et quo imperium suum formidabilius sit, penam adiicit, omnium, qui iussa detractarent, bona in confiscacionem ducalem cessura. Et hostili invasione et pene cominacione singuli perculsi, sine cunctacione (ita enim imperabatur) iussa peragunt, et Wysliciensem urbem in frequentissimo numero universa cis Nidam regio populosa, res eciam, pignora et queque cariora secum vehens, confluxit. Dum autem Pannonius proditor omnia iuxta suum arbitrium vidisset, que prodicioni necessaria erant, comparata, ad Iaropolkum principem et filium suum <...>[b] quatenus ad Visliciensem civitatem, cum multitudine populi et fortunis plurimis prodendam, sexto Idus Februarii cum exercitu maiori, quo poterit, venire non negligat. Qui cum festinacione nimia Visliciam advenisset, nocturnali tempore singulis secure quiescentibus proditor Pannonius portis silencio, ita ut singulos falleret, apertis Iaropolkum ducem cum filio et suis omnibus in urbem intromittit. Qui ingressus crudelissimam in omnes edens cedem nec ulli deferens etati, condicioni vel sexui ingentem stragem facit et paucis, qui inter tumultum fuga in flumen evaserant, exceptis singulos cives et incolas et eos, qui illuc confluxerant, suam rabiem saciaturus aut necat aut captivat; urbeque despoliata et igne conflagrata sine ulla resistencia aut adversitate in Russiam revertitur, predam rerum, hominum et pecorum secum vehens et sanguine Polonico madens. Ita prodicio paribus iniciis, quibus a Petro Wlosczowicz acta erat, ab Hungaro cepta, eosdem imo multo tristiores exitus habuit. Ampliorem autem retribucionem, prout spoponderat, Russie dux Iaropolkus proditori largiturus, linguam primum precidit, deinde utrumque oculum evellens, postremo, ne seminis proditorii ulla relinqueretur propago, genitalibus castrat et enervat. (IV P. 324–326)

(...)

1135 [b] *здесь в AD явно пропущено* mittit *или подобное*

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS SEXTUS

Boleslaus Polonorum dux post proditionem Visliciensis civitatis omnem Russiam depopulatur et maximam praedam in Poloniam abduxit

Cedem a Wladimirowicz[a] Russie principe Iaropolko in Wysliciensis urbis proditoria excidione patratam digna vicissitudine Boleslaus Polonorum dux ulturus, non ingenuos solum, sed eciam populares et agrestes arma sumere iubens, in Russiam fremens et furens ingreditur Wladimirowicz ducem et filium eius omni conatu pro commisso flagicio puniturus. Implacabilem autem, patrati consciencia facinoris eum exagitante, Boleslai Polonorum ducis senciens iram, castris et municionibus quantumcumque fortibus relictis, <...>[b] in ultima terrarum Russie abiens, in silvis, nemoribus, paludinosis et inviis locis delitescebat. Boleslaus suorum sanguini indigna cede peremptorum parentaturus, cedem passim in omnes Ruthenos iubet extendi. Itaque trucidacio multorum mortalium tunc secuta est, et puberibus cesis eciam in impuberes et in tecta innocua est sevitum, et plus cedis aliquanto ab ira quam a iusto bello editum. Nemini enim placuit parci, nullum fas erat, quantumcumque amplam redempcionem [*offerentem*][c], excipi. Et in compensacionem excidii Visliciensis universa Wladimiriensis regio cum suis adiacenciis crudeli excidio fuit vastata et conflagracione consumpta, et magna vis tam captivorum utriusque sexus quam pecoris in Poloniam reducta. (IV P. 327)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS SEPTIMUS

Post cladem Russiae Iaroslaus Haliciensis dux ad Boleslaum fugit in Poloniam; quem cum ille Ruthenorum et Hungarorum dolis persuasus in ducatum reducere curat, per insidias profligatur; ex ipso autem conflictu palatinus quidam cum multitudine Polonorum fugit seque postea poenitentia ductus suspendit

Ruthenorum regione in ulcionem excidii Visliciensis per Boleslaum Polonorum ducem gravi duraque quassacione contrita et afflicta, Russorum princeps et primores velut furentes et insani, vehementi dolore de sue regionis desolacione torquentur. Frequenti deinde conventu aput Wladimiriam habito, quamvis omnium sentencie ad bellum cum Boleslao et Polonis aperta vi gerendum inclinarent, Iaropolkus tamen Wladimirowycz Kyowiensis dux, et evo et prudencia gravis, negat id bellum Ruthenis

---

1136 [a] wicz *надписано тем же почерком над строкой*

1136 [b] *в AD пропущено подлежащее* Iaropolcus *или подобное*

1136 [c] *в AD* offerenti

cedere in profectum, quod iusta acie Boleslao fuerit illatum, aliamque de bello cum Boleslao gerendo, si superiores esse velint, oportere iniri racionem, nec Boleslaum et Polonos a se nonnisi latenti et simulato dolo vinci posse <...>[a]; desinerent itaque de bello cum Boleslao gerendo solliciti esse et sibi munus circumveniendi Boleslaum (cum id magis sue quam aliorum proprietati conveniret) relinquerent, imperio quoque suo, quociens et quando iuberet, obedientes essent. Omnibus operam suam novare enixius pollicentibus, [*Halliciensem principem Iaroslaum*][b] eo, quod eum secum non sensisse, sed singula, quo aput se gererentur, Boleslao denunciaturum esse pro comperto habebant, a principatu Halliciensi eiiciunt, deturbant et expellunt. Qui eorum cedens furie, in Poloniam (neque enim, quo alibi diverteret, habebat) confugit et a Boleslao benigne susceptus[c], notabiles illi possessiones conferuntur ad manendum. Tempore post hoc paululum procedente Halliciensium primi, dolis et fraudibus principis Iaropolczi sufficienter inescati et imbuti, ad Boleslaum Poloniam veniunt, supplicant, ut eis ducem suum Iaroslaum ad suam regionem remittat et, quo suus reditus sit honorabilior atque conspeccior, illum suis gentibus suaque presencia atque personaliter in Halicz reducat. Nichil hostile verendum censent, hostes timore Boleslai procul velut feras in sua cubilia refugisse, omnia tranquilla et paccata aput Hallicziensem ducatum fore. Magnas postremo gracias Boleslao Polonorum duci depromunt, quod eorum ducem exceperit, foverit, adiuverit, eamque graciam suo principi prestitam humilibus et devotis obsequiis repromittunt se pensaturos. Nondum Ruthenis Hallicziensibus certo reddito responso, Hungarorum nonnulli nobiles et proceres Hallicziensibus confrontati et vicini, qui et ipsi in fraudem, que Boleslaum oppressura erat, conspiraverant, adveniunt. Qui Hallicziensium legacioni dum conformia et sororia retulissent, ut cum Haliczienslum principe non cunctetur in Halicziam procedere, preces et supplicaciones adiiciunt; se enim ad eius restitucionem conficiendam oportune cum omnibus suis copiis astruunt adventuros. Dolum et venenum a Ruthenis et Hungaris, cum utrisque potencia Boleslai et eius virtus molesta et formidabilis esset, conflatum minime Boleslaus perpendens (quippe qui ceteris virtutibus clarescens, credulitatis erat vicio obnoxius, ut hiis, que ad eum [*perferrentur*][d], facilius, quam sat erat quamque sue gravitati conveniret, crederet; quo eveniebat, ut armis et potencia invictus, sola credulitate doloque, quo impetebatur, non discusso vinceretur) Hungarorum et Ruthenorum <...>[e] laudatis, quasi rem ingenuam peregissent,

---

1137 [a] (*пропущено сказуемое* – asserit *или подобное. – Ред.*)

1137 [b] (*в AD* Halliciensis princeps Iaroslaus; *издатели Dlug. подозревают пропуск нескольких слов, но мы следуем конъектуре, предложенной в предыдущих изданиях, в том числе и крак. изд., которая представляется более естественной. – Ред.*)

1137 [c] *снова свойственный языку Длугоша nominativus absolutus*

1137 [d] (*в AD* perferrent. – *Ред.*)

1137 [e] *в AD пропущено* animis *или другое подобное слово*

offert se et ducem Iaroslaum restituturum et secum una pro die constituto personaliter adventurum. Itaque sinceram utrorumque legacionem ratus, versus Hallicziam, quasi illic epulaturus, cum insigni militum agmi-ne, ducens secum ducem Iaroslaum exulem contendit et ad diem, de qua inter eum et Ruthenos convenerat, venit. Hungarorum primo catherve venientem dum excepissent, in tergum omnes et in transpostremas acies dilabuntur. Que res Boleslao Polonorum duci iam presaga mente malum superimpendens ominanti extemplo suspecta esse cepit. Dum deinde frequenciores Halicziensium turme, que et ipse simulata amicicia et subieccione longius obvium progresse, utroque duce excepto, in eandem tergi et caude partem, quam iam Hungari occupaverant, abiissent appareretque sine tergiversacione Boleslaum·et suam gentem ad insidias pertractum esse, Boleslaus Polonorum dux in ipso negocio consilium a virtute et fortuna capere coactus, Wszeborio pallatino Cracouiensi, principe milicie accito: "Suspicarisne – inquit Wszeborii, eam suspicionem, que mee insidet menti?" At Wszeborio, quid suspicaretur, scrupulosius [*percunctante*][f]: "Non vides – inquit – omnes tam Hunorum quam Ruthenorum turmas, qui nos consalutatum advenerunt, officio doloso peracto in terga et posteriora nostra divertisse et locum illum eo proposito ex composito preoccupasse, ut aliis turmis, quas extemplo ominor adversum nos venturas, a tergo et fronte conclusi in ferarum et pecudum cedamur morem. Que difficultas priusquam nos constringat, erumpendum reor, et antequam forcior et geminatus hostis accedat, belli temptanda fortuna virtuteque et dextris via, qua hinc evadamus, paranda" Ubi deinde fallacem gentem, alia agentem alia simulantem <...>[g] et neque numero se, neque magnitudine parem, optimum factu ratus in tam periculosa necessitate quamlibet belli temptare fortunam, licet itaque numero inferior, suos tamen pro tempore magnifice ac breviter hortatus, manum cum hoste conserere, priusquam ab eo invaderetur, decrevit, monens suos, ut pocius animam honeste profunderent, quam miserabilem captivitatem subirent. Necdum sermonem finierat, cum subito acies confertissimorum Ruthenorum (eam Iaropolkus Kyowiensis dux propero cursu ducebat) apparuit. Itaque non diucius differre certamen (iam enim in conspectu hostis erat) valens, paucis suos iterum atque iterum, ut se viros meminerint et ne inulti cervicem prebeant, hortatus, licet undique circumfundencia illum urgerent pericula, septus tamen [*immodico*][h] animo et victorie avido, a memoria periculi, quod a fronte et tergo iminebat, alienato, primus in eum, qui a fronte veniebat, hostem accerimeque ea ala, quam sibi assumpserat, eum adiuvante pugnat contra hostes magnamque Ruthenorum cedem edit. (...) Quamvis Boleslaus Polonie dux ex omni parte circumventus victor tamen potuisset evadere, sed et spei sue brevi effectus respondisset, nisi unus de principalioribus Boleslai pallatinus baro (cuius nomen, condicionem et originem omnes Polonorum annales nescio

---

1137 [f] *в AD* pertunctante

1137 [g] *видимо, пропущено verbum finitum вроде* videt

1137 [h] *в AD* in non modico

qua suppressere negligencia), qui et ipse ordines ducebat, metu territus, acie et pugna deserta fugiens, in parem fuge ignominiam maiorem Polonici exercitus partem pugna remissa pertraxisset victoriamque concessit Pannoniis et Ruthenis. (...) Anxiabatur autem ingentis spiritus vir Boleslaus Polonorum dux super casu, infausto dolo Pannonico et Ruthenico ac fortune iniquitate sibi iniecto. (IV P. 328–333)

(...)

Boleslaus ut felicior res cum Ruthenis esset, pacem init cum Sobieslao

(...) Affuit huic placitacioni Wladislaus filius Boleslai Polonie ducis maior natu, qui in signum fidelis federis filium ducis Bohemie Sobyeslai, Venceslaum nomine, de fonte levavit. In hanc pacem Boleslaum Polonie ducem ideo tam facile constabat consensisse, ut ora Zlesitica pacata et bello Bohemico extincto cumulacius contra Ruthenos bellum gerere potuisset, cladem aput illos et per illorum dolosam fraudem acceptam omni modo et adnisu reparaturus. (IV P. 334)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS OCTAVUS

Boleslao nascitur filius Kazimirus; is tamen dolorem illius ex recenti clade conceptum lenire non potuit

Ducissa Polonorum et consors Boleslai ducis iterum fecundata filium effudit, qui in baptismate Kazimirus vocatus. Sed nec hec nova filii nativitas angores Boleslai ducis, quibus ultra iustum atque modum pro clade aput Halicz accepta afflictabatur et pene deperibat, poterat lenire, quin continue acerbiori se doloris verme pro carissimis suis militibus, et qui ceciderant, et qui capti fuerant, roderet et consumeret, presertim cum et propter etatem senilem et casum clademque militum suorum exhauscionemque errarii ducalis non facile, ut animo et cogitacione estuabat, eum posset congerere exercitum, cum quo posset de Pannoniis et Ruthenis debitam sumere ulcionem. (IV P. 335)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS TRICESIMUS NONUS

Boleslaus Polonorum dux reliquens quinque filios, cum inter quatuor regnum partivisset, Kazimiro autem infanti nihil reliquisset, moritur et in ecclesia Ploczensi sepelitur; hic Krzywousty cognominabatur; vir nulli priorum regum comparandus

(...) Et primogenito quidem Wladislao ex Ruthena suscepto Cracoviensem, Siradiensem, Lanciciensem, Slesiam et Pomeraniam legat, decernens,

ut circa eum primogeniture iure superioritatis et principandi maior et primeva auctoritas consistat, omnibus aliis fratribus sibi parere et intendere iussis, asserens in Polonorum Regno, nisi unus fuerit, ad quem tocius summe cura referatur, universa ruinatum et solutum iri; Boleslao Crispo Mazoviensem, Dobrzinensem, Cuyawiensem et Culmensem; Mye<cz>sz<lao> Seni Gneznensem, Poznaniensem et Calischiensem; Henrico primo Sandomiriensem et Lublinensem terras, districtus et regiones. (...) Mortuus est autem anno regni sui tricesimo sexto, etatis vero quinquagesimo quarto. Quem sola affliccione et merore super cede suorum et clade ad Halicz in dolo secuta, mortem tam immaturam et fati diem pro comperto habitum est magis preoccupasse quam solvisse, cum naturalis vita sua in multo longius tempus potuisset extendi. (IV P. 337–338)

(...)

Iaropolkus Kyoviensis dux post infelicem cum Olhoviczis pugnam pacem ab eis petit, quam obtinet

Filii Olh ducis Russie, Polowczonum questitis et optentis solaciis, terras Russie hostiliter ingressi, circa flumen Sula exurunt opida et villas, deinde in Pereaslaw progressi, cedes et multa mala comittunt et Vscze exusto discedunt in Szupon. Contra quos Jaropolkus dux Kyoviensis cum fratribus suis, filiis Wladimiri egressus dimicat cum illis. Et multis utrimque cadentibus vincuntur filii Olh et Polowczoni diffugiunt, quos Rutheni persequendo occidunt et captivant. Et dum ex persecucione in certaminis locum redirent, ab Olhoviczis invaduntur et ceduntur, Iaropolkus quoque Kyoviensis dux et nepos suus Vasilko dux cum pluribus boyariis captivantur. Iaropolkus autem captivitatem evadens in Kyowiam diffugit, quam cum Olhoviczi obsidione cinxissent, Iaropolkus dux, etsi magnum ex novo exercitum congregasset, noluit dimicare, sed equis condicionibus pacificatus est cum Olhoviczis. (IV. P. 339)

(...)

LIBER V

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUADRAGESIMUS

(...)

<Decima die Februarii Iaropolkus Wlodimirovicz dux Kyoviensis moritur et in ecclesia sancti Andree sepelitur. Et licet Wyeczislawus frater suus sedem Kyoviensem accepisset, Wszevoldo tamen Olhovicz in Kyow cum milicia sua veniente, ne dimicare secum cogeretur, per medium metropoliti pacificatur, et de Kyow excedit et vadit in Turow. Wszevoldus autem Kyoviensem in pace sortitus est principatum.> (V P. 14)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUADRAGESIMUS SECUNDUS

Wladislaus contra vota consiliariorum Ruthenorum auxiliis a fratribus subiectionem et tributum petit

(...) Mox deinde iubet sibi et nulli alteri per singulas regiones pareri, rebelles et contumaces aut verbere aut carcere aut bonorum adempcione percelli. Et quoniam Polonorum proceres nobilesque ad id facinus tute perpetrandum rebatur sibi parum fidos, ex Ruthenis, cum et ipse matre Ruthena genitus sit, quosdam auxiliares accersit eorumque ministerio occupacionem bonorum fraternorum peragit <eo quoque processit iniurie, ut ex omnibus possessionibus fratres deturbaret.> (V. P. 18)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUADRAGESIMUS QUINTUS

Wladislaus congregato ex Ruthenis maximo exercitu duos fratres expellit et per archiepiscopum propterea anathematisatus;

expulsi autem cum Myeczslao se concludunt in castro Posnaniensi, prius mori quam se furori fraterno committere eligentes

(...) Contracto itaque ex omnibus principatibus et dominiis exercitu Ruthenorumque [*auxiliarium*][a] frequenciori numero quam unquam alias accersito, (Wszewolodus enim Kyoviensis dux filium suum Swanthoslaum, item ducem Iszaslaum Davidovicz, item ducem Wszewoldimirum (так! – *Ред.*) Haliczienscm cum copiis Ruthenorum in solacium transmiserat) Boleslaum de Ploczensi, Henricum de Sandomiriensi castris fratres germanos depellit ceteraque eorum presidia deiicit et omnes eorum principatus et terras iustis principibus fugatis subiugat. Unus tantummodo Myeszlaus Senex vocatus restabat, Gneznensis, Poznaniensis et Maioris Polonie dux, ad quem biduo fratres Boleslaus Crispus Mazowie et Henricus Sandomiriensis duces sedibus suis pulsi diffugierunt, arcemque Poznaniensem omnes tres adeuntes eciam viris armisque munierant, resistenciam duci Wladislao, si illic quoque impeterentur, oppposituri. Quod ubi Wladislaus dux agnovit, ocius illuc ire pergit, celeriori quoque quo potest cursu exercitum admovit et Poznaniense castrum fortissima obsidione vallavit, universos fratres uno loco unaque obsidione et debellaturus et comprehensurus. (...)

Sub ipso autem obsidionis tempore Wladislai ducis exercitus, auxiliares precipue Rutheni, predis, spoliis et innumerabilibus maleficiis non contenti, eciam ingenuis matronis et virginibus stupra, plerisque cedes et corporum cruciatus, cetera quoque abhominanda et katholicis indigna rabie barbarica inferebant. (V. P. 26–27)

(...)

Ubi satis principes obsessi contemptum sui viderunt aput Wladislaum et milites eius insedisse scirentque ex captivis et profugis negligenciora omnia aput hostes esse, arma suos capere fortunamque temptare iubent, gloriosius aliquanto in pugna adversis vulneribus, quam in arce fame et inedia strati, morituri. Omnibus tam equitibus quam peditibus ad erumpendum preparatis signum quoque rubrum in turris cacumine principum iussu erectum est. Cuius ereccio dum militibus in exercitu Wladislai, duci<bus> presertim Russie <Swanthosla[*o*], Iszaslao et W[*sze*]voldimiro[b]> tunc ad latus Wladislai considenti<bus> admiracionem ingessisset, significatum signi Ruthenorum principi<bus>, operosius sciscitanti<bus> Wladislaum ducem respondisse ferunt principes obsessos et dedicionem offerre et misericordiam flagitare. Cumque Ruthenus parci victis seque dedentibus abstinerique fraterna et propriorum cede summopere equum censuisset, ferox Wladislai pectus sive ulcionis sive exterminii fratrum avidum respondit clemencie et reconciliacioni locum de cetero non superesse. Sub hac

---

1145 [a] (*в Dlug. и, вероятно, в AD* auxiliariis)

1145 [b] -sze-, *так же как* -o *в* Swanthosla[o], *утрачены при обрезании края листа; восстановлены по смыслу*

confabulacione et sermone principes obsessi cum fortissimis et exercitatissimis militibus morique [*potius*][c] quam cedere persuasis, adhec cum permiscua cuiusque ordinis etatisque, que castro claudebatur, turba media ferme die, dum magis sopiti aut epulis hostes intenti essent, erumpunt clamorque ab omni etiam infirma etate sublatus diu Wladislaum ducem et suum exercitum suspensum et attonitum, amenciam enim illam non audaciam plerique rebantur, tenuit. Ubi vero effusissimo <et subito> cursu eos ad se pergere advertunt, <omnibus rebus vehem[*enter*] perterriti neque con[*silii*] habendi, neque ar[*ma*] expediendi spaci[*o*] [*da*]to[d] perturbabantur>. (...) Fuga deinde passim ferrum et flammam evitare conancium et expost cedes erat. Sub modico intervallo validum robur ex Polonis et Ruthenis congestum fusum fugatumque et castris exutum est. Et dum in omnes partes capessunt fugam, equites fugientes persecuti magnam cedem in fugientibus, Ruthenis prescrtim, ediderunt. Nonnulli ab undis suffocati <Wartham> et Glownam fluvios, ad quos certamen gerebatur, cadaveribus impleverant. Wladislaus Polonorum dux cum Ruthenorum ducibus et paucis quibusdam effugiens, versus Cracoviam a suis desertus concessit, merensque et calamitate plenus equos mutando Cracowiam, sine militum frequencia, velut si privatus foret, pervenit documentumque sui exemplo et presentibus et posteris dedit, ne quis de potencia confidens in aliorum oppressionem cum legis Divine et humane prevaricacione et salutarium monitorum obaudicione inexorabiliter aspiret. Principes Boleslaus, Mÿe<cz>sz<laus> et Henricus victoria modeste usi, omnes, qui ex Polonis capti fuerant, libertate donaverunt. Ex eoque tempore res eorum contra Wladislaum fratrem prosperate sunt et omnia, que illis abstulerat, brevi recuperata. <Castris insuper tam Wladislai Polonorum quam trium Ruthenorum ducum potiti, variis quoque ex manubiis utriusque exercitus, Polonici videlicet et Ruthenici, ditati rebus plures pro sui solacio, non ex propriis tantummodo, sed eciam ex forensibus milites armaverant. Ruthenorum duces Swanthoslaus, Yszaslaus et Wszewoldimirus[e] per fugam Cracoviam advenientes, exinde tam militibus quam rebus nudati, in Russiam cum paucis comitibus rediere.> (V P. 31–33)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUADRAGESIMUS SEPTIMUS

Excipitur honeste a rege Romanorum Wladislaus et obtinet ab eo legatos mitti ad fratres sortem dominii eius petituros, iis narrata

---

1145 [c] *в AD отсутствует, но требуется в соответствии с грамматической конструкцией*

1145 [d] *буквы, заключенные в квадратные скобки, в AD утрачены при обрезании края листа; восстановлены по смыслу*

1145 [e] Wsze- *в AD надписано над строкой*

sunt facinora Wladislai ducis; quibus auditis rex Romanorum omne auxilium et favorem illi negat

(...) Ad ducem insuper Bohemorum Wladislaum personaliter se conferens, ducem vero Ruthenorum per nuncios solicitans, ut se in regnum suum restituant, variis conatibus instigabat. Rumoribusque continuis Boleslaus Crispus Polonorum dux et fratres sui Mÿe<cz>sz<laus> senex et Henricus primus terrebantur, tam Cunradum Romanorum regem quam Wladislaum Bohemie ducem cum potenciis validissimis ad restituendum fratrem eorum in regnum contra se ab una, Ruthenum ab altera partibus venturos.

(V P. 38)

(...)

Iturus Romanorum rex ad recuperandam Terram Sanctam cum duce Bohemiae iter facit per Poloniam; ubi per Boleslaum et fratres eius optime usque ad mare tractatus, non potuit Wladislao gratiam apud fratres obtinere

(...) Ita cesar rebus Wladislai ducis Polonie magis temptatis quam sanatis, nolens tam munifico et amico hospiti molestus esse, ex Polonia per Russiam et Walachiam procedebat, inde quoque non per Poloniam solum, sed per Russiam et Walachiam prosequente Boleslao Polonorum duce et preparante omnia, ad mare Leoninum perventum est. Ubi et cesar et principes navibus ad id preparatis milite et armis impositis versus Constantinopolim navigarunt. (V P. 41)

(...)

<Duodecima Iulii moritur Wszevoldus dux Kyoviensis et dux Ihor filius Wszechwoldi (так! – *Ред.*) occupat sedem Kyoviensem. Quod cum Kyoviensibus molestum fuisset, dux Iszaslaw Pereaslawiensis ab eis accersitus venit in Kyow. Contra quem etsi dux Ihor cum fratre suo Swanthoslao egressus fuisset, dimicacione tamen non temptata fugit uterque et Iszaslaus in castrum Kyoviense introiit cum favore et gloria. Post quatuor autem dies Ihor adducitur ad Iszaslaum captivus, quem in monasterio dancti Iohannis in Pereaslaw adhibitis custodibus tenuit in carcere; cuius cruciatus evasurus petivit, ut liceret ei in sacerdotem tondi, et permittente Iszaslao tonsus est. Nec post multos dies conspirantibus fratribus Ihor ducibus de Czirnyeow sedicione Kyoviensium exorta (quam Wlodimirus frater Iszaslai sedaturus, parum abfuit, quin et ipse violaretur) de ecclesia, in qua Ihor orabat, eductus interficitur.>

[a]Suggestione hostis generis humani duces Russye, videlicet Georgius, Rosczislaus, Olech et Swanthoslaus stimulis invidie agitati contra

---

1147 [a] *фрагмент* Suggestione... in Kyow revertitur *в AD добавлен на отдельном листе, вложенном между страницами 374 и 377 и снабженном надписью* Annus Domini millesimus centesimus quadragesimus septimus

Isaslaum Kyowiensem ducem insurgunt, de sede Kyowiensi illum exclusuri. Qui collectis copiis vadit contra eos. Et quamvis metropolitus Kyowiensis recipere pacem multifarie persuasisset, Isaslaus tamen in multitudine sui exercitus confisus fideli consultacione reiecta congreditur et multis hinc inde cadentibus ad extremum succumbit, pluribus quoque de suis aut desideratis aut captis, ipse fugiens venit in Kyow, obsidionemque a victoribus veritus recepta uxore et filiis in Luczsko divertit. Georgius vero dux ceteris illum ducibus adiuvantibus primum Pereaslaw ingressus, posthec in Kyow pervenit et in sede paterna et avita consedit. Isaslaus autem dux et sedem Kyowiensem recuperaturus et cladem acceptam correcturus, cepit in Polonos et Hungaros donativum erogare veneruntque illi in suffragium in hieme anni eiusdem duo germani, videlicet Boleslaus <Cracoviensis et> Maszovie et Henricus Sandomiriensis duces cum gentibus et militibus suis; veniunt et Hungari integraque hieme aput illum immorati ad decernendum cum adversariis suis estuabant positis circa Czemyerin stativis. Verum videntes eum cunctanter omnia agere et virum pavidum esse, tam duces Polonorum Boleslaus et Henricus quam Hungarorum copie faciunt ab eo discessionem. Quo duces Russye comperto veniunt contra illum, videlicet Georgius dux Kyowiensis cum duobus filiis Rosczislao et Andrea, item Wyeczeslaus frater Georgii, pluresque alii duces auxiliares, et obsident Isaslaum in Luczsko, non sinentes aliquid ad obsessos importari. Cum autem Isaslaus diucius obsidionem tolerasset, auferunt illi duces usum aque. Qua necessitate difficultateque Isaslaus cum suis perculsus pacem, quam alias spreverat, per [*Wlodimirkonem*][b] ducem cepit petere. Cuius peticioni Rosczislaus filius Georgii Kyoviensis et Georgius filius Iaroslai duces adversabantur. Andrea vero filio Georgii Kyowiensis ducis pacem dari persuadente Georgius Kyowiensis dux cum ceteris ducibus Russye in eius sentenciam vadens, pacem cum Isaslao conficit et eam firmat iureiurando solvensque obsidionem in Kyow revertitur. (V P. 42–43)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUINQUAGESIMUS PRIMUS

Boleslaus et Myeczslaus Polonorum duces duas Russiae ducis filias sibi accipiunt in uxores

Boleslaus Polonorum dux et monarcha cognomine Crispus, Polonie Regnum undique paccatum et solium sue monarchie Divinitate propicia animadvertens prosperatum, volens illi ampliorem pacis procurare amenitatem et stabilimentum, cum <Wszevoldimiro> Russie tunc principe

---

1147 [b] (*в Dlug. – вследствие опечатки?* – Wlodimirkonen. – *Ред.*)

<Halicziensi> affinitatem iungit et filiam suam Anastasiam accipit in uxorem. Que cum ampla dote a patre et principibus Russie Cracouiam deducta Boleslao prefato copulata est et nupciarum solennitas pluribus diebus Cracowie habita, prelatis et baronibus Polonie sua presencia, militibus vero hastarum lusu ceterisque militaribus actibus eam cohonestantibus. <Exemplum cuius Myeczslauus alias Myesko Maioris Polonie dux secutus, alteram Wszewoldimiri Russie ducis filiam, Evdoxiam nomine, accipit in uxorem, nupciasque ex more apud Poznaniam celebrata que brevi tempore supervivens masculini sexus prole infecunda obiit.>

(V P. 49)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUINQUAGESIMUS QUARTUS

(...)

Mittit Isaslaus filium suum Msczislaum Polonos et Hungaros contra Wlodimirkonem conducturum. Et non venientibus Polonis venerunt Hungari et rex eorum <Stephanus> cum Msczislao. Et Wlodimirko Halicziensis dux visa multitudine Hungarorum non audet confligere cum eis, sed ex occultis locis lacessit eos. Et tandem invasus ab eis transit fluvium, ubi plures ex suis occiduntur, alii capiuntur, alii submerguntur. Et fugiens venit in Przemisl, et secutus est eum Hungarie rex <Stephanus> et obsidet eum. Et cepit petere Wlodimirko pacem, antequam veniret Isaslaus, a rege Hungarie. Et statim posthec venit Isaslaus cum exercitibus suis, et dimisso fratre suo Swanthopelko cum exercitibus in terga, venit solus ad regem Hungarie <Stephanum> cum paucis. Et dum venisset ad fluvium San, <offend>it obstaculum, omnia vada quippe fluminis Wlodimirko Halicziensis dux per suos equestres et pedestres occupaverat. Et processit Hungarie rex ad fluvium cum suis exercitibus, et Wlodimirko videns multitudinem magnam refugit in castrum Przemisl multis de suis cesis aut captis. Et videns se in angustia magna Wlodimirko cepit petere pacem. Et Isaslao duce concedere pacem abnuente <Stephanus> Hungarie rex dedit illi pacem, et pace conclusa discedit rex in Hungariam et Isaslaus in Kyow.

Eodem anno venit Georgius cum filiis suis et cum Rostowczi et cum Szuszdalczi et cum ducibus de Reszam[a] et vadit in Russiam versus Kyow. Et Isaslaus exivit contra illum et Wlodimirko reversus est in Halicz. Dum autem esset Georgius aput Hluchow, venerunt sibi Polowczy in auxilium in multitudine magna et dux Swanthoslaus filius Oleh. Isaslaus autem Kyowiensis dux misit fratrem suum Rosczislaum in auxilium Isaslao Dawydowicz. Et venit Georgius et obsedit Czyrnyeow, et fiebant pugne magne inter obsidentes et obsessos. Sed dum sensissent Polowczy advenire

---

1154 [a] (*так в* Dlug., *но в соответствии с графикой этого названия в других местах Анналов ожидалось бы* Reszanis. – *Ред.*)

Isaslaum Czyrnyeowiensibus in auxilium, territi diffugiunt. Quibus discedentibus discedit et Georgius, et vadit in Nowogrod Schewyorsky, et relicto filio Waszilkone vadit in Szuszdal. Et Isaslaus non inveniens Georgium aput Czyrnyeow, vadit versus Nowogrod illicque dedit pacem petentibus, et reversus est in Kyow. Et Waszilko ivit ad patrem suum in Szuszdal, filium Msczislaum mittens in Polowczos. Qui solus existens vastat Polowczos, et magna preda equorum et pecorum capta, etiam tabernaculis eorum potitur et multos Christianorum solvit, et revertitur cum gloria. Eodem anno Wlodimirko Haliczicnsis dux moritur. (V P. 54–55)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUINQUAGESIMUS SEXTUS

(...)

Boleslao Crispo Polonorum monarchae nascitur filius Boleslaus

Anastasia ducissa Boleslai <Crispi> Polonorum ducis et monarche consors primario partu filium effudit, de cuius ortu pater leticia singulari repletus, nomen illi suum Boleslaus imposuit.

Veteres hostilitates Isaslaus Kyowiensis dux ultum iri satagens, contra filium Wlodimirkonis ducem Haliczicnsem movet bellum. Utrisque autem copiis ad fluvium Sereth convenientibus fit conflictus, a quo abstinere et in Halicz redire Wlodimirkonis filius (unicus enim erat) rogatu milicie sue coactus est. Utrisque autem pro victoria adnitentibus, fit cedes ingens et tanta involucio, ut se invicem non agnoscerent et utrique abirent pro victis. Et captivati sunt plures ex Haliczicnsibus per milites Isaslai, et plures Isaslai milites per Haliczienses. Diffugientibus autem fratribus Isaslai Swantopelko et Wlodimiro et filio suo Msczislao remansit Isaslaus in loco certaminis cum pauca milicia, sed timens, ne iterum occuparetur per Haliczienses, iussit occidi captivos exceptis notabilioribus, quos secum deducit in Kÿow. (V P. 58–59)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUINQUAGESIMUS OCTAVUS

(...)

Anastasia ducissa Boleslai Polonorum ducis consors filio edito, cui nomen Lestko datum est, morte absumpta est. Ex cuius obitu Boleslaus dux diuturno cruciatus merore, alteram superducere aliquanto tempore abnuebat. (V P. 65)

(...)

Tredecima Novembris moritur Isaslaus Msczislawicz dux Kyoviensis et sepelitur in monasterio sancti Theodori, et Isaslaus Dawidowicz volens intrare Kyow, non est permissus a Wyeczeslao et Msczislao filiis Isaslai. Et venit Rosczislaus ex Smolensko frater Isaslai, et Kyoviensem accepit sedem. Posthec venit Hleb Georgii cum multitudine Polowczonum in Pereaslaw contra Msczislaum; et Pereaslawienses fortiter resistendo dimicant secum, et discedit Hleb cum Polowczis ea nocte ex Pereaslaw. Et Rosczislaus assumens secum Swanthoslawkonem Wszewoldowicz et Msczislaum Isaslawicz vadit versus Czyrnyeow contra Isaslaum Dawidowicz, et dum pertransisset, nunciatur sibi mors patrui sui Wyeczislai. Ipse autem dimissis exercitibus suis cum Swanthoslao revertitur in Kyow et in ecclesia sancte Zophie sepelit Wyeczislaum, et recepta milicia vadit versus Czyrnyeow. Et audiens Isaslaus Dawidowicz mittit pro Hleb Georgii, qui venit cum Polowczis in eius subsidium. Et Rosczislaus cum suis exercitibus stetit circa Belewyesza, et exivit Isaslaus et Hleb contra eum, et certabant sagittarii pro ripis. Rosczislaus videns magnam multitudinem Polowczonum territus est, et mittit ad Isaslaum dando sibi pro se Kyow et Pereaslaw pro Msczislao nepote. Quod audiens Msczislaus indignatus dicebat: "Nec ego habebo Pereaslaw, nec tu Kyow", et recessit cum milicia sua. Quod videntes omnes alii fugiunt, et Polowczy eos persecuti plures occidunt aut capiunt, ceteri disperguntur. Et Rosczislaus fugit in Smolensko, et Msczislaus et Swanthoslaus Wszewoldowicz procedunt fugiendo in Kyow. Et captus est Swanthoslaus Wszewoldowicz a Polowczis, et Msczislaus evasit et venit in Pereaslaw, et assumpta uxore sua vadit in Luczsko. Kyovienses autem plurimum aggravati mittunt et recipiunt Isaslaum in Kyow, qui locat Hleb in Pereaslaw, Polowczis patrantibus multa mala circa Pereaslaw, ecclesias comburentibus atque villas. Posthec Georgius venit versus Kyow et post multos tractatus cessit sibi Isaslaus de Kyow et sedit Georgius in Kyow sede sua avita, et distribuit regiones inter filios: Andree dat Wiszehrod, Borzisch Turow, Hleb Pereaslaw et Waszilkoni Porszy[a]. (V P. 65–66)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS QUINQUAGESIMUS NONUS

(...)

Kyowiensis dux Georgius gravem et iratum animum contra ducem Mscislaum Pereaslaviensem filium Iszaslai gerens, non contentus illum de Pereaslaw expulisse, ordinatis et congestis exercitibus et in potestatem Georgii Iaroslavicz et Iaroslai ducum comissis ipsos contra Mscislaum ducem in Przeszopnicza se continentem transmittit. Qui terrore hostili

---

1158 [a] *весь фрагмент от* Tredecima Novembris... *до* Waszilkoni Porszy *написан на отдельном листе-вкладыше с надписью года (1158)*

actus, cum se imparem future dimicacioni videret, ex Przeszopnicza fugit in Luczsko. Et castro Luczsko in fidem et defensionem fratris germani Iaroslai comendato, ad Polonorum duces Boleslaum, Mye<cz>sz<laum> et Henricum confugit, intelligens et pro comperto habens, quod Georgius [*Kyoviensis*][a] eciam ad exclusionem suam de Luczsko aspiraret copiasque congereret. Principes autem Polonie, videlicet Boleslaus Cracouiensis, Mye<cz>sz<laus> Poznaniensis, Henricus Sandomiriensis exule Msczislao benigne excepto et omnibus necessariis aput se foto, congregatis dominiorum suorum potenciis versus Russiam hostiliter procedebant, Msczislaum ducem <non> in Pereaslaviensem tantummodo, sed eciam in Kyowiensem sedem restituturi. Potenciam autem Polonorum Georgius Kyowiensis dux veritus, per medium Roscislai ducis Premisliensis pacificatur cum Msczislao duce et germanis suis Wlodimiro et Iaroslao filiis Iszaslai, et tam ducatum Pereaslaviensem, quam omnia, que ad eos pertinebant, eis restituit, iureiurando se astringens nunquam ad occupacionem eorum dominiorum aspirare. Qua reconciliacione inter eos confecta Msczislaus dux cum magna gloria rediit Russiam, pluribus Polonorum militibus eum usque in Wladimiriam conducentibus et plerisque remanentibus aput eum. (V P. 68)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEXAGESIMUS

Myeczslao filius Boleslaus nascitur, et Boleslaus Crispus secundas nuptias celebrat

(...) Verum quia inter sermones, quos invicem secreto duces disserebant, id precipuum extiterat, ut Boleslaus <Crispus> dux et monarcha viduitatis nomine exuto alterum coniugale iugum exciperet, frequentibus fratrum et consiliariorum persuasionibus expugnatus, Cracouiam reversus Helenam virginem, principis Przemisliensis Roszczislai filiam, recipit in consortem nupciarum quoque solennitas Cracouie pluribus diebus acta est. Ad quam Boleslaus et germanos suos et prelatos baronesque universi Polonie Regni, nonnullos quoque Russie boyarios et nobiles invitatos et splendide tractavit et liberalibus honoravit donariis. (V. P. 69)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEXAGESIMUS SECUNDUS

(...)

<Federe et iuramento, quod Georgius Wlodimirovicz Kyoviensis dux cum Mstislao Yszaslavicz et fratribus suis Wlodimiro et Iaroslao pepige-

---

1159 [a] (*в Dlug.* Kiovienses; *опечатка? – Ред.*)

rat, temerato bellum intulit ei; quo dimicare non audente aput castrum Wladimiriense ipsum cingit obsidione. Fiebant autem per omnes obsidionis dies pugne horribiles inter obsidentes et obsessos et sanguinis humani grandis effusio, Polonorum militibus, qui in Mstislai ducis erant obsequiis, egregia facinora assidue edentibus in obsidentes et triumphos frequentes referentibus ex eisdem. Contentus autem erat Georgius dux pacem dare Mstislao, si illam petere voluisset, sed eo renitente, dum nichil profecisset, multis notabilibus de suis ammissis confusus in Kyow rediit.> (V P. 74)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEXAGESIMUS QUARTUS

(...)

Myeczslao Maioris Poloniae duci nascitur filius Myeczslaus

<Eudoxia consors Myeczslavi Maioris Polonie ducis alterum parit infantem apud Poznaniam, qui baptisatus paternum nomen Myeczslaus sortitus est.> (V P. 78)

(...)

<Quintadecima die Maii mensis Georgius Wlodimirovicz dux Kyoviensis morbo implicatus apud Kyow moritur et in ecclesia Sancti Salvatoris apud Berestow sepelitur. Dum autem plures Russie duces sedem ambirent Kyoviensem, Iszaslaus Davidovicz dux faventibus Kyoviensibus illam est adeptus.> (V P. 78)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEXAGESIMUS SEPTIMUS

(...)

<Sedem Kyoviensem Mstislaus Iszaslavicz Wladimiriensis dux ratus ad se pocius quam ad Iszaslaum Davidovicz pertinere, in huius anni ieme copias contra Kyow ducit. Kyoviensibus autem suo proposito faventibus Iszaslaum Davidovicz de Kyow effugat et expellit sedemque Kyoviensem apprehendit; Iszaslaus autem Davidovicz ex Kyow desiliens in Wyeticze consedit. Fastidire autem illico cepit Mstislaus Iszaslavicz Kyoviensem sedem et Rostislao duce Szmolnensi patruo germano accersito Kyoviensem sibi in tempore veris resignat principatum, solus vero in Wladimiriam excedit. Sed nec Rostislao Szmolnensi duci possessio Kyoviensis ducatus fuit diuturna, quippe et ipse illius regimen perosus duci Wlodimiro Mstislawicz expulsionem veritus resignat.> (V P. 85–86)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEXAGESIMUS OCTAVUS

Post mortem Henrici ducatus eius cessit Kazimiro minori fratri, qui uxorem ducit

(...) Fratribus autem et primoribus Regni cogentibus Kazimirus dux de principibus Russie Wszewoldi <virginem Helenam> nomine filiam principis Belszensis accipit in consortem. Nupciarum solennitas propter cladem nuper aput Prussiam acceptam ommissa.

<Parit et hoc anno Eudoxia consors Myeczslaui Maioris Polonie ducis filium, qui Wladislaus appellatus est.> (V P. 87)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTUAGESIMUS

(...)

<Grandi indignacione Mstislaus Yszaslavicz Wladimiriensis dux stimulatus Wlodimirum Mstislavicz, qui patruum suum Rostislaum de Kyow eiecerat, de Kyow propellit. Quo ad Polowczos diffugiente Mstislaus Yszaslavicz possidere Kyow cepit. Quod Andreas dux de Szuszdala non ferens, filium suum Mstislaum cum Rostowczis et Wlodimirczis contra illum mittit. Cui auxilium laturi (tantus quippe livor pectoribus multorum contra Mstislaum Yszaslavicz insederat) novem Russie duces conveniunt, videlicet Hleb Pereiaslawsky, Romanus Szmolnensis, David Viszehrodensis, Wlodimir Andrzeovicz, Demetrius Georgii, Georgius et Slawyecz germani, Olch et Gregorius Swanthoslaviczi. Et obsidentibus ducibus prefatis Kyow claudit se Mstislaus Yszaslavicz in arce, pluribus diebus tolerans obsidionem, sed [*famem*][a] non tolerans ex Kyow cum fratre suo et paucibus comitibus in Wladimiriam effugit. Duces autem arce potiti consortem Mstislai et filium et milites captivant, Kyoviensem autem civitatem dant militibus in predam, qui non domos tantummodo civium, sed et edes sacras monasteriaque diripiunt. Locat autem Mstislaus Andrzeovicz patruum suum Hleb in Kyow, qui sedem illius nactus filio suo Pereslaviensem contulit principatum.> (V P. 90–91)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTUAGESIMUS PRIMUS

(...)

<Polowczi ea estate in magna multitudine glomerati in Russiam contra Kyow adveniunt vastacioneque longius, cum repressionem non sentirent, extensa plurimos mortalium utriusque sexus cum pecoribus et peccudibus

---

1170 [a] (*в Dlug. (вследствие опечатки?)* famen. – *Ред.*)

spoliisque multis captivant. Et dum predam ad societatem usque raptam reducerent, de mandato Hleb ducis Kyoviensis Michalko frater suus dux cum Ruthenorum copiis eos persecutus bis una die cum illis conflixit, et victor in utroque congressu evadens omnem predam, quam ceperant, liberavit.> (V. P. 95)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTUAGESIMUS SECUNDUS

(...)

<Moritur Hleb Kyoviensis dux, postquam annis duobus in Kyoviensi principatu sedisset; et in ecclesia Sancti Salvatoris in Berestow sepelitur. Andreas autem dux de Szuszdal ducem Szmolnensem Romanum in locum eius substituit et eum ad principandum in Kyow transmisit. Qui Kyoviensis ducatus regimine suscepto filium suum Iaropolk locat in Szmolensko, quem processu temporis Iaroslaus Iszaslavicz de Kyow expulit et in sede Kyoviensi consedit.> (V. P. 97)

(...)

LIBER VI

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTUAGESIMUS OCTAVUS

Myeczslaus dux ultum iri se cupiens, bellum Kazimiro nequicquam minatur, cum a genero nulla habere posset auxilia

(...) Vicinorum tamen principum et generorum suorum in id bellum impetenda solacia, sine quibus futura dimicacio cum Kazimiro periculosa videbatur, cui viris armisque propriis abundanti etiam Ruthenorum subsidia constabat accessura. (VI. P. 115)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS SEPTUAGESIMUS NONUS

(...)

<Sedente Iaroslao Iszaslavicz duce Russie annis aliquot in Kyoviensi principatu, felicitati et sorti eius Swanthoslaus Czyrnyeoviensis dux invidens, exercitu non parvo congregato ablaturus illi Kyoviensem sedem vadit clandestine contra illum et nulla diffidacione premissa, dum Iaroslaus Iszaslavicz in arce Kyoviensi securus consisteret, castrum Kyoviense pro amico et fratre existimatus ingreditur cum omnibus suis copiis et incautum occupat. Inter tumultum tamen dux Iaroslaus egre aufugit, consors vero sua et filius illius iunior et omnis milicia a Swanthoslao capta est. Omnibus denique thezauris suis amplissimis et omni suppelectili Swanthoslaus potitus est, et tam captivos quam spolia in Czirnyeow deducens castrum Kyoviense, impugnacionem veritus, desertum reliquit. Quo Iaroslaus Iszaslawicz andito, contractis auxiliaribus copiis, duos insuper nepotes suos, duces filios Rostislai habens cum gentibus in suo comitatu venit in Kyow et arcem Kyoviensem forti presidio muniens omnem culpam patrati in se per Swanthoslaum Czirnyeoviensem ducem facinoris in Kyovienses, quasi eorum ope, consilio et subordinacione patratum fuerit, refundens, dicioribus civibus spoliatis, eciam omnes abbates, sacerdotes, monachos, moniales et quoslibet Latinos captivat et gravem censum pro eorum liberacione accipit, ceteros vendit et multa abhominanda in Kyovienses comittit.

Contra Swanthoslaum denique Czirnyeoviensem ducem hostem et spoliatorem suum procedit et illum in Czirnyeow obsedit, sed proficere se non videns cum illo pacificatur.> (VI. P. 118)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS SECUNDUS

Kazimirus recuperata Brzescze cum suorum murmure Russiam petit, ubi circa Halicz profligatis duobus ducibus Msczislaum affinem in statu reponit et victor cum exercitu domum redit

Brestensis civitatis et provincie supra fluvium Bug site nunciata defeccio Kazimirum ducem et monarcham illico concitavit ad arma, et tam equestribus quam pedestribus copiis in unum coactis celerrimo gradu in Brzescze perveniens illam oppugnat et infra dies duodecim vincit et conquirit percussisque securi defeccioni<s> auctoribus municipium illic opido imminens extruit, ac valido presidio, ut populares continerentur in fide, imposito versus Haliczensem civitatem et regionem exercitum ducit, affinem suum Msczislaum ducem, quem fratres sumpta occasione fallaci, quasi non legitimus sed subducticius et de iniusto matrimonio susceptus fuerit, de regno eiecerant, restituturus. Molesta plerisque Polonorum proceribus ea expedicio videbatur, et egre in eam miliciam procedebant clandestinisque et secretis colloquiis ducem Kazimirum carpebant, quod propriis bellis non contentus externa et iniusta bella parum felicitatis et comodi habitura tractanda assumpsisset; indignum insuper esse, ut pro spurio et ambigui thori homine in acie iniqua longe a domo sine donativo decertent. Has querelas etsi Kazimirus nosset per milites ingeminari in castris, nichil tamen militari rumore motus, promovet exercitum in ulteriora. Iam prope Haliczam ventum erat dieque altera obsidio Haliczensium parabatur, dum subito ab exploratoribus nunciatum est Wszewoldum Belsensem et Wladimirum Haliczensem germanum Msczislai duces cum omnibus Ruthenorum principibus et boiaris infesta acie adventare. Tum iam non secreta, sed aperta Poloni in ducem suum Kazimirum probra exaggerant, sed et Nicolaum Craco<vi>ensem pallatinum et principem milicie, quasi huius belli precipuum auctorem, contumeliosis insectantur sermonibus, seque ad evidens periculum perductos et pene Ruthenis queruntur proditos. Videbant enim Ruthenorum exercitum magnis copiis refertum esse et quasi in Polonorum perniciem universas Ruthenorum provincias velut ex composito convenisse. Ruthenos preter odium in Polonos insitum Polonorum conspecta paucitas suorumque frequencia et cons<u>lti de futuro belli eventu auruspices[a] leta omnia sibi Polonis tristia nunciantes in prelium

---

1182 [a] (*так! не опечатка вместо* aruspex, *а народноэтимологическое перетолкование этого слова, исходя из* aura *"воздух". – Ред.*)

accendebant. Kazimirus nichil aspectu et multitudine hostium territus ordinatis aciebus milites animat, docet in Ruthenorum multitudine paucis exceptis vilia esse mancipia et si parum admitantur facilem victoriam prebitura sepiusque multitudinem a paucitate fusam extitisse. Ac sic milites animatos et spe victorie alacres[b] levo cornu Nicolao Cracowiensi pallatino commisso dextrum ipse regens, signis canere iussis cum hostibus congreditur. Rutheni clamore sublato vehementi et ipsi impetu capessunt pugnam durumque certamen inter utrumque populum aliquanto tempore gerebatur. Iam quoque levum cornu, cui pallatinus Nicolaus preerat, a levis armature sagittariis, equis aut confossis aut vulneratis, referre ceperat pedem, dum Kazimirus denunciato sibi periculo turmam unam militum in levum cornu subducens, pulsis Ruthenorum sagittariis prelium restituit ac in dextro cornu Polonorum falanx Ruthenorum aciebus disruptis proculcatisque in ceteras Ruthenorum turmas gladios stringebat, dum in levo cornu Rutheni a Nicolao pallatino fusi pulsique in fugam dilabuntur. Sed nec hii, qui contra dextrum cornu pugnam sustinebant, faciunt moram, metu enim fugiencium perculsi in fugam vertuntur. Wszewoldus Belsensis et Wladimirus Haliczciensis duces, ne in potestatem Kazimiri venirent vivi, equos mutando sequencium se manus evadunt. Ruthenorum magnus numerus eo prelio aut occisus aut captus, castra Ruthenorum omnis opulencie plena per Polonos iubente Kazimiro direpta, sed et castrum et opidum Haliczciense illico Kazimiro victori deditum est, qui illud Msczislao Russie duci affini suo sacramento perprius adacto, quod nunquam se et Polonorum gentem in adversis et prosperis desereret, committens, in Haliczciense regnum ipsum de integro restituit, rebusque Russie ordinatis in Poloniam redit. Et Wszewoldus quidem Belszensis dux [*ex*][c] prelio fugiens in Belsz castrum suum cum paucis pervenit, Wladimirus vero Haliczciensis dux in Hungariam divertit, a rege Hungarorum Bela suffragium supplementumque militum et impensarum pro sua in Haliczciensem ducatum restitucione petiturus. (VI. P. 127–129)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS QUARTUS

(...)

<Iaroslao Iszaslavicz Kyoviensi duce obeunte Swanthoslaus Czirnyeoviensis dux Kyoviensem accipit principatum. Sub idem tempus quarta decima Iunii Michalko dux Wladimiriensis obiit, cui frater suus Wszevoldus in omnes ducatus succedit. Quem Mstislaus Rostislavicz a sedibus, que illi provenerant, turbaturus, cum Rostowczis contra illum consurgit et victus a Wszewoldo in Rostow et deinde in Nouohrod refugit. Ea autem victoria

---

1182 [b] *характерный для Длугоша и в других случаях accusativus absolutus*
1182 [c] (*в Dlug.* et. – *Ред.*)

Wszevoldus erectus, vadit contra ducem in Reszam[a], habens in comitatu suo non proprias tantummodo gentes, sed et duos filios Swanthoslai Wszewoldicz Kyoviensis ducis, Olham et Wladimirum, et nepotem suum Wladimirum Hlebovicz ducem Pereaslaviensem. Hleb autem dux Reszanensis calido usus consilio assumptis in solacium sui Polowczis in terram Wladimiriensem propere accessit et illam incendiis, cedibus et spoliis adeo crudelissime afflixit, ut ecclesias, monasteria et ministros eius omnibus spoliis et contumeliis afficeret. Quo sibi dux Wszevoldus denunciato festine ex Reszanis rediens, cum Hleb et Polowczis confligit, ipsosque non sine utriusque partis cede magna devincit et Hleb ducem Reszanensem et filium suum Romanum et fratrem uxoris sue Mstislaum Rostislavicz et duos nepotes suos, Mstislaum et Iaropolkum et omnem eius miliciam captivat, Polowczos vero delet, occidit et trucidat. Processu deinde temporis Hleb ducem Reszanensem in carcere mori fecit, nepotes vero illius Mstislaum et Iaropolkum cecavit, ceteros liberos dimisit.>

(VI. P. 134)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS QUINTUS

Msczislaus Haliciensis dux a suis veneno necatur, et Bela rex Hungariae, Wladimiro exule incarcerato filium suum Andream in Russiam mittit, qui ducatum Haliciensem capit

Triennio vix plene exacto Msczislaus Haliciensium dux a Kazimiro Polonorum duce et monarcha, Wladimiro conflicto et eiecto atque in Pannonias acto, in dominium et principatum Russorum restitutus suis Ruthenis molestus et exosus cepit esse, quod et eorum non ferebat plerosque abusus et vicia et in Polonorum milites aput se consistentes, parum de suis confidens, largicione et gracia propensior quam in Ruthenos videbatur. Primores itaque Ruthenorum in eius necem, hii presertim, qui Wladimiri exulis partem sectabantur, conspirant, quam cum vi aperta discrimen sui veriti efficere nequirent, quippe Msczislaus fidis corporis custodibus septus sine periculo a carnificibus non poterat adiri, veneno clam propinato innocentem extinguunt, Polonorumque militibus, qui in obsequiis Msczislai versabantur, eiectis, arce Haliciensi occupata pro Wladimiro in Hungariam mittunt, [*ut*][a] veniret celerius et adversario sublato principatum suum repeteret. Letus eo nuncio Wiadimirus rem ad Belam Hungarie regem defert oratque, ut qui exulem in dubiis et fractis rebus exceperat, tenuerat, aluerat, eundem rebus confirmatis et feliciorem sortem nactis dignaretur militum, equorum et sumptuum ad repetendum ducatum relevare presidio, cum Kazimiri Polonorum ducis sciret sibi insidias et hostilitatem imminere, qui morte <Ms>czisl<ai> comperta Romanum Wladimirie

---

1184 [a] (*см. примеч* [a] *к 1154 г. – Ред.*)

1185 [a] (*в Dlug.? в AD? явно пропущен союз. – Ред.*)

ducem in eius locum substituendum ad Haliczіam transmiserat. Bela autem Hungarie rex ad usurpandum pro se et Regno Hungarie Haliczіensem regionem opportunum tempus venisse ratus, Wladimirum exulem in vincula coniicit, filium vero suum Andream cum copiis equestribus et terrestribus in Russiam dato mandato, ut quam celerrime Haliczіensem arcem occupet, transmittit. Rutheni qui Haliczіense castrum tenebant, omnium eorum, que a Bela Hungarie rege gerebantur, ignari, sed et captivitatis sui ducis Wladimiri expertes, Andream filium Hungarie regis, velut rerum suarum suffragatorem magno plausu excipiunt et in castrum Haliciense (Wladimirum enim se precessisse fingebat) intromittunt. Qui suarum gencium multitudine facile Ruthenorum paucitatem vincens, Haliczіense castrum occupat exclusisque Ruthenis, nonnullis vero, qui ad novandas res credebantur proclivi, captis tam castrum quam Haliczіensem ducatum in suam redigit potestatem, et personalem illic faciens residenciam, ducalem in Haliczіenses iurisdiccionem exercet. Omnia tamen officia in Hungaros, cum Ruthenos pro ambigue fidei hominibus duceret, distribuit et omnia per Hungaros administrat, a veneno quoque quam maxime cavet, quo Msczislaum nuper noverat interiisse. Rutheni ubique se oppressos, ubique contemptos et perditos tacitis et clamdestinis tractatibus queruntur et duce suo Wladimiro capto etiam se sub iugum missos deplorant et scelus suum in Msczislaum admissum altero scelere luunt. (VI. P. 136–137)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS SEXTUS

(...)

Facta est autem eo anno in sole eclipsis notabilis, quam magna hominum pestis atque mortalitas morbo epidemie multos mortalium absorbens fuit subsecuta, <que in Polonorum Ruthenorumque regiones seviebat>.

(VI. P. 140)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS SEPTIMUS

Wladimirus corruptis custodibus ex Hungaria fugiens, dum castrum Haliczіense capere tentaret, in Poloniam facta incursione, praedam abegit, quam sequens exercitus Kazimiri recuperat

Carcerales molestias Wladimirus Haliczіensis dux aput Belam Hungarorum regem, in quas <illum> iure fedato hospicii, quo tucior filio suo Andree occupacio Halicz<ien>sis ducatus proveniret, coniecerat, biennio prope exacto perpessus, cum solucionem suam difficulter proventuram metiretur, animum ad ingenia vertit, custodesque suos altis promissionibus inescatos corrumpit et vincula carceresque evadens, hiis ipsis custodibus, qui licenciam evadendi prestiterant, fuge comitibus et gressus suos diri-

gentibus ad Russiam pervenit. Castrumque et ducatum suum Halicziensem temptans irrumpere, ab Hungaris, quorum in castro Halicz validum presidium cum filio regis Andrea erat, repulsus, incertis itineribus, non habens sedem, in qua consisteret, per Ruthenorum regiones, velut vagus et profugus rotabatur. Collecta ad eum erat rapto vivere assuetorum aut ere alieno et pro scelere dampnatorum manus, cum qua et Ruthenorum circumvicinas regiones, predas agens, infestabat. Sed nec Polonorum regio ab eius tirannide tucior fuit. Circa festum siquidem Assumpcionis Domine nostre Poloniam frugum colleccione et messura occupatam irrumpens, omnem citra Premisliam consistentem oram sub dicione tunc Polonorum constitutam invadit, et singulis hostilem vim inferens, templa, opida, vicos, villas spoliat aut exurit, matronas ingenuas et nobilium sponsas et natas, agrestium quoque aliquantam multitudinem captivat et versus Kyow predam huiusmodi celeriter transportat eaque venundata infelicem suam et suorum sustentat et explet famem. Non tulit Kazimirus Polonorum dux et monarcha suorum captivitatem et cladem, sed dato Nicolao pallatino Cracowiensi exercitu Wladimirum ex Kÿowiensi ora, nusquam consistere aut congredi ausum, propellit suosque captivos partim armis partim precio solvit et in libertatem restituit. Non quievit tamen Wladimiri Halicziensis ducis rabies, sed in silvas alpesque invias cum suis se transferens, illis pro presidio utebatur, rugientemque suam et suorum esuriem vicinarum regionum spoliis sustinebat. (VI. P. 141–142)

Origo gentis Thartaricae et quomodo creverit

Thartarorum gens et nacio ex Armenis, quibus tam in vultus similitudine quam in lingue idemptitate communicat, ortum ducens, priscis quidem temporibus orbi ignota erupit. Que cum prope civitatem Coroczoram ad plagam aquilonarem in campestribus absque vicis et urbibus, regi Bucham qui Iohannes presbiter appellatur, tributum solvens habitasset, in gentem maximam se videns excrevisse proprium regem de sua stirpe, Chinchis nomine, virum magne industrie, sibi creat, cuius ducatu vicinas regiones invadens sibi subiicit in eamque virtutem concurrentibus undique, qui in variis regionibus serviebant, ad famam novi regis Tartaris crevit, ut regis quondam sui filiam missis nunciis novo regi deposcerent in uxorem. Qui eorum peticionem perosus, dum illos ad solitum tributum cogere statuisset, indicto bello congressus et ab eis victus et occisus est. Ab illo quoque tempore in validissimum robur nacio Tartarorum cepit protendi. (VI. P. 142)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS OCTAVUS

Wladimirus supplex a Kazimiro obtenta venia, eius exercitu depulsis ex Halicz Hungaris, ad ducatum restituitur

Nusquam terrarum Wladimirus Halicziensis dux propter recens et iniquum facinus, quo in Kazimirum ducem et monarcham regionemque

Polonorum deliquerat, tutus consistere ausus, utpote quem Kazimirus etiam per avia loca et quibus se abdiderat, lustra ad necem et captivitatem ordinabat inquiri, sceleris comissi penam debitam pensurum, veritus, ne in periculum, ad quod querebatur, recideret, per crebros nuncios Kazimirum ducem humilimis precibus et tandem data veniendi securitate per se ipsum prostratus humo interpellat, ut facinori suo atque errori veniam tribuat et clemencie sue propiciacionem illi impendat, fidum et obsequiosum servitorem atque amicum, et qui priorem transgressionem geminata fidei puritate resarciat, habiturus. Ea humilitate et prece Kazimirus expugnatus Wladimirum infestum hostem in amicum suscipit et sue grandi in Poloniam atque in se prevaricacioni facile ignoscit. Et cum satis superque satis fuerit culpam remittere, adiicit tamen clemencie magnam beneficii exhibicionem. Frequenti enim congesto comparatoque exercitu et in fidem atque potestatem Nicolai pallatini Cracowiensis comisso in Russiam illum destinat, exulem Wladimirum et pridem hostem suum ad ducatum Haliczgiven restituturus. In ludibrium ea expedicio aput exteras naciones vertebatur, que impossibile censebant Pannoniorum regem Belam et filium eius Andream ea tempestate armis virisque et onmium rerum abundancia potentem ex Haliczgiven ducatus possessione a Polonis posse depelli. Sed et barones Polonie eam expedicionem moleste ferebant, militesque egre in miliciam ibant, dolentes vicinum et amicum regem indigna hostilitate percelli et hostem invisum amico non solum iuxta poni, sed preferri. Nicolaus itaque pallatinus Cracowiensis cum Polonorum exercitu Wladimiro eciam exule secum presente ad Halicz perveniens castrum Halicz, in quo Andreas filius Hungarie regis se cum Hungaris concluserat, obsidione vallavit, et coactis aggrestibus castella in circuitu municionesque edificat et corona castrum angustat, magna cura providens, ne quid ad obsessos (noverat enim castrum <exigue> victualibus provisum esse) posset inferri. Reficiebat Hungaros magna spes Bele regis, quem cum magnis copiis venturum et obsidionem soluturum propediem, cum ad id per aliquot nuncios solicitatus fuerit, non ambigebant. Verum cum obsessos primum fames macerasset, desperacio tandem tarde sibi lati a Bela r<e>ge subsidii animos incessit. Propter quod missis ad Nicolaum pallatinum Cracoviensem principem milicie caduceatoribus de castro dedendo pacem componunt, pacti, ut incolumibus omnibus in personis et rebus liceret excedere. In constituta quoque die castro reddito, in Hungariam datis a Nicolao pallatino, ne quid hostile pati eos contingeret, qui ad metas prosequerentur, abeunt. Nicolaus pallatinus feliciter sua expedicione perfunctus, castrum Halicz duci Wladimiro (ita enim a monarcha Polonorum Kazimiro et iussus et doctus erat) restituit iureiurando [*obstricto*][a], ut tam ipse quam successores sui ducibus Polonie subiecti et sinceres sint, et in eorum dicione atque obediencia perpetuo, quicunque casus illos exceperint, perseverent. Maximam hec expedicio Hungarorumque ex Halicz depulsio Kazimiro aput Ruthenorum naciones peperit laudem et pavorem sui principatus in omnes

---

1188 [a] (*в Dlug. – и в AD?* – obstrictum. – *Ред.*)

diffudit efferentibus eum singulis, quod regi Hungarorum Bele contrarius evasit, qui hospitem et amicum ceperit de ducatuque suo eiecerit, quem Kazimirus, quamvis infestum hostem, clemencia sua erexerit atque in suum ducatum fugatis occupatoribus restituerit. (VI. P. 142–144)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS OCTUAGESIMUS NONUS

Bela rex Hungariae dolens filii ex Halicz expulsionem, incursiones in Poloniam, et viceversa Kazimirus in Hungariam facit

Depulsionem filii sui Andree Bela Hungarie rex ex castro et ducatu Haliczϊensi moleste ferens, omnem culpam tam acerbe fedeque sue iniurie in Kazimirum Polonorum monarcham retorquet et multifariis querelis dolorem suum ingeminat, asserens se ab amico suo non diffidato Kazimiro <Polonorum> duce vehementi iniuria violatum et ex possessione castri et ducatus Haliczϊensis contra ius fasque et contra fedus, quod Hungarie et Polonie Regna vetusto tempore observant, detractum. (VI. P. 145)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS

Pacis inter Polonos et Hungaros compositio communi partium consultatione frustra tentata

Guerram inter Hungarie et Polonie Regna ex Haliciensis ducis Wladimiri per Kazimirum Polonorum ducem [*restitucione*][a] facta exortam communes regnorum barones et consiliarii extincturi, antequam amplius invalesceret, in metis regnorum conveniunt pluresque inter se disserunt tractatus unaquaque parcium causam suam iustiorem affirmante. Et Hungari quidem se et regem suum Belam de Hali<czi>ensis ducatus possessione armis quesita querebantur depulsos, Poloni ex adverso Haliczϊensem et ceteras Russorum regiones ad se pertinuisse tributisque et obsequiis suis subiacuisse refellebant. (VI. P. 147)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS PRIMUS

Aegre ferentes Poloni Wladimirum in Halicz reimpositum, degente Kazimiro in Russia monarchiam restituunt Myeczslao, qui praeter castrum Cracoviense omnia occupat;

1190 [a] *в AD* restitucionem

quo audito Kazimirus accurens omnia recuperat, et filium Myeczslai captum datis muneribus liberat; unde constat Kazimirum fuisse fidum et usque ad mortem fratris sui amantissimum

Haliciensis ducis Wladimiri, qui Polonie fines hostili invasione vexaverat, per Kazimirum principem et monarcham Polonie in principatum Halicziensem restitucio ante biennium, ut in superioribus explicavimus, facta nemini baronum Polonie satis placebat, clandestinisque colloquiis et tractatibus restitucionem ipsam frequenti usurpacione suggilacionum carpebant: virum morte dignum non solum punicione aliqua [*non*][a] castigatum, sed etiam honore et dignitate auctum, rem perniciosi exempli fore et ad capita sua tandem redundaturam; ea enim impunitate ceteros Russie duces in Polonorum vastacionem accendi et suam vastacionem tam cumulato favore promoveri. Omnium itaque baronum Polonie, quorum septuaginta principales erant, re huiusmodi alienatis offensisque animis sedicio contra Kazimirum ducem gliscere et tandem in rebellionem apertam spectare cepit. Principatumque Kazimiri ob prefatum nefas pertesi, Mÿe<cz>sz<laum> Senem Maioris Polonie ducem a se alias exclusum in Cracowiensem ducatum et monarchiam, qui et ipse restitucionem suam omnibus ingeniis solicitabat, restituendum decernunt tempusque componunt. Excesserat in id temporis Kazimirus dux in Russie partes, quedam negocia inter Romanum Wladimirie et Wszewoldum Belszensem duces (de finibus enim suorum ducatuum contenderant) compositurus. Id optimum tempus Cracowienses barones ad exequendum destinata rati, Mÿe<cz>sz<laum> senem[b] nunciis et litteris accersunt, ut insuper nobilium et civium atque vulgarium animos in restitucionem Mÿe<cz>sz<laui> Senis facilius inclinent, fingunt Kazimirum ducem in Russorum partibus veneno propinato interiisse. (...) Kazimirus autem Polonorum dux et monarcha novitate huiusmodi intellecta illico Cracowiam cum Polonorum paucis et cum Romano Wladimiriensi, Wszewoldo Belzensi ducibus <et Nicolao Cracoviensi palatino> advenit. Cuius adventu Mÿesz<laus> Senex nunciato in Poznaniam refugit, Boleslaum tamen filium et Henricum Ketlicz militem, qui illi recuperacionem monarchie ingerere crebris sermonibus solitus erat, in Cracowiensi castro, quod nuper erexerat, ceterisque castris et municipiis, et militum forte et frequens presidium reliquit. (...) Solu<s> Henricu<s> Kyetlicz, cuius consilio constabat Mÿe<cz>sz<laum> Senem regi et ad recuperandum monarchiam impelli, <et qui omnis> dissensionis civilis inter fratres <fuerat> occasio, <ad> ecclesia<m maiorem et in eius criptam, sceleris sui conscius> in qua latere estimans <...>[c], confugerat <ubi et latitabat. Cumque irrumpentibus

1191 [a] (*в Dlug. и, возможно, также в AD пропущено. – Ред.*)

1191 [b] (*так, со строчной, в Dlug. – Ред.*)

1191 [c] (*так в Dlug. и, видимо, в AD; явно пропущено* se conditum fore *или подобное. – Ред.*)

Ruthenis tumultus fieret super muros ecclesie animo et intencione res et [*crimelia*][d] ecclesie omnemque supellectilem [*diripiendi*][e], clamor a sacerdotibus et ministris ecclesie et Polonorum gentibus attolitur ad Kazimirum ducem, et eius patrocinium, ut ecclesiam Cracoviensem a Ruthenorum invasione et expilacione defendat, certatim imploratur. Qui accedens insultum Ruthenorum compescuit et res ecclesie, ne ab eis diriperentur, animose defendit. Interea Henricus Kyetlicz ex cripta tumultu audito agressus, catervis vulgi tamquam ignotus permixtus, de castro nitebatur et sperabat effugere, quod cum facere nequisset, captus ad Kazimirum ducem deducitur, quem dux probris confusum et alapis cesum, duci Romano in captivitatem tradit, et ne inter fratres seminarium esset futuri dissidii, ipsum> in exilium Russiam relegat, ubi consenescens moritur; Romanum Wladimiriensem et Wszewoldum Belszensem duces cum Ruthenorum copiis, qui sibi tulerant solacia, in Russiam remittit. (VI. P. 148–151)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS TERCIUS

Concordantur perpetuo Poloni cum Hungaris et rex Bela cum Kazimiro duce conveniunt pacemque confirmant

(...) Ad quam cum pro parte Regni Polonie Fulco Cracowiensis episcopus, Nicolaus Cracowiensis pallatinus et ceteri Polonorum consiliarii, pro parte vero Hungarie Regni Strigoniensis et Agriensis pontifices cum pallatino Hungarie et nonnullis aliis baronibus convenissent, multiplici tractatu irritatos animos pacificant sancciuntque, ut Bela Hungarie rex suo amplissimo Hungarie regno contentus, Ruthenorum regiones ad Polonie Regnum spoctare permittat. (VI. P. 154)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS QUARTUS

(...)

<Russie pricipes conventu apud Kyoviam celebrato expedicionem contra Polowczos regiones [*eas*][a] assidua irrupcione vastantes indicunt. Itaque quamprimum tempus estivale advenit, Swanthoslaus Wszevoldicz Kyoviensis dux, Rurik Rostislawicz, Hleb Swanthoslavicz, Hleb Iurgyovicz Tvroviensis, Wlodimirus Hlebowicz, Mstislaus Romanovicz, Yszaslaus Davidovicz et Wszewoldus Mstislavicz duces, item milites Haliczienses, Wladimirienses et Luczenses per Romanum ducem Wladimiriensem transmissi in terram Polowczonum adveniunt et vicesima Iunii die

---

1191 [d] *в AD бессмысленное* cumnilia

1191 [e] *в AD* diricipiendi

1194 [a] *в AD* eos

cum Polowczis in maxima et forti multitudine in occursum eorum euntibus congressi Polowczos de sua virtute gloriantes cede magna in brachio Dei confligunt et prosternunt multisque cesis aut captis, paucis vero effugientibus castris eorum et tabernaculis potiti predis et spoliis onusti victores cum gloria revertuntur.> (VI. P. 158–159)

(...)

<Parem et ampliorem famam et gloriam, quam Russie duces in Polowczonum vastacione consecuti fuerant, Ihor Russie dux sibi comparaturus, cum duobus filiis et Novogrodensibus de Syewior et fratre suo Wszevoldo Olhowicz et militibus de Czirnyeow vadit contra Polowczos. Et quamvis notabiles eorum copias prostravissent, una tamen victoria non contenti constituerunt ire ultra flumen Don, omne genus Polowczonum deleturi et tanto insigniorem habituri laudem, quanto longiorem et quam nemo ante illos temptare ausus fuerat, exegissent viam. Interim autem Polowczonum ingens multitudo eis prope Don occurrens cunctos conflixit et delevit, neminem ex ea clade superstitem esse sinens. In Russie posthec terras circa Pereaslaw irrumpunt et omnia castra in flumine Sula comprehendunt.> (VI. P. 159)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS QUINTUS

(...)

Milites Cracovienses audientes potentiam Myeczslai exercitum cum Ruthenis validum congregant et Myeczslaum cum suo exercitu confligunt; ex quo bello utraque pars victa discedit Myeczslao vulnerato fugiente et Goworicio palatino Sandomiriensi capto

Non ignari Cracowienses barones et milites, quanto studio et cura, qualique animo et apparatu, quantis denique copiis Mye<cz>sz<laus> Senex Maioris Polonie dux bellum ipsis indicturus procedat, arma et ipsi de principatibus Cracowiensi, Sandomiriensi, Lublinensi, Maszowiensi, Cuyawiensi, Brzestensi supra Bug siti[a] ceterisque Russie oris, que Kazimiro, dum viveret, parebant, expediunt, Romanum insuper <Mstislavicz> Wladimirie ducem et filiorum Kazimiri ducis affinem, multis beneficiis per Kazimirum obstrictum in sui suffragium accersunt. Tribus quoque agminibus, quorum unum Nicolaus pallatinus Cracowiensis, alterum Goworcius pallatinus Sandomiriensis, tercium Romanus Wladimiriensis alias Luczensis dux ducebant, Mÿe<cz>sz<lauo> Seni Maioris Polonie duci et suis auxiliariis obviam procedunt, populacionem agrorum et villarum, quibus iam Mÿe<cz>sz<laus> Senex ignem iniici

---

1195 [a] *(так в Dlug. и, похоже, в AD; надо* sito. *– Ред.)*

iusserat, prohibituri. Iam usque in Andrzeowiense cenobium et opidum in Cracowiensi diocesi situm Mye<cz>sz<laus> Senex cum suo tantummodo exercitu pervenerat, exinde ad fluvium Moszgawa <quatuor> a monasterio predicto miliaribus decurrentem stativa posuerat, dum Cracowiensium militum nunciatur exercitus hostilis advenisse. In eo itaque loco infestis aciebus uterque exercitus concurrit. Cracowienses enim milites nondum auxiliares duces Mÿe<cz>sz<lauo> scientes advenisse, ne simul cum omnibus pugnare cogerentur, acies Mÿe<cz>sz<laui> faciliorem victoriam consecuturi invadunt; et sinistrum cornu Romanus dux, dextrum Nicolaus pallatinus Cracowiensis tenebat, Goworcius Sandomiriensis pallatinus in subsidiis relictus erat. Ad vesperum diei prelium extractum est, cum in terciis ceptum esset, et miro pugnandi ardore ab utrisque certabatur. (...) Romanus insuper <Mstislavicz> Wladimiriensis dux pluribus vulneribus adverso pectore acceptis, dum suos Ruthenos partim stratos partim in fugam versos conspiceret, e prelio et ipse periculum vitaturus declinat. (VI. P. 161–163)

(...)

Fulco episcopus cognita strage facta Nicolaum fratrem suum Myeczslaum sequentem revocat et arcem Cracoviensem providit

Solicitus de futuro belli ineundi eventu Fulco Cracowiensis episcopus in villa <sua Dzerzaszna duo>bus miliaribus a conflictu distante substitit, et inter spem atque metum positus obsecracionibus lacrimosis suis victoriam cedere precabatur. Advenit interea aliquis ex prelio fugiens et pontifici de exitu belli avide sciscitanti respondet magna cede Cracowienses et Sandomirienses et Romanum ducem Wladimirie cum exercitibus eorum per Mÿe<cz>sz<laum> Senem Maioris Polonie ducem contritos esse et tam pallatinos quam Romanum cum primoribus in acie cecidisse Mÿe<cz>sz<laum>que ducem triumphali pompa insignitum et spoliis atque signis debellatorum a se hostium onustum celeri cursu ad occupandam Cracowiam contendere. Nondum is relacionem suam expleverat, et unus alius itemque alius et alius diversum ferentes successisse casum adveniunt. Fulco autem episcopus quid veritas contineat gestiens agnoscere, unum e presbiteris suis sub dissimulato habitu in certaminis locum singula, que et quali ordine acciderint et quis successus pallatinos Cracowiensem et Sandomiriensem ducemque Romanum maneat, exploraturum <...>[a] iubens illum impigrum, diligentem et cautum esse. Qui cum pedestri itinere in prelii locum ante occasum solis pervenisset, et ab hiis, qui semineces relicti erant et ab hiis, qui interfectorum aut animas exalancium legebant spolia, percunctata rescitaque veritate ad presulem suum Fulkonem reversus, singula eo ordine, quo acciderant, exponit, referens Mÿesz<laum> Senem Maioris Polonie ducem et pro nece filii sui Boleslai, et pro vulnere

---

1195 [a] *пропущено* mittit *или подобное*

pro victo discessisse, Goworicium Sandomiriensem pallatinum a Mÿe<cz>sz<lao> Oppoliensi duce et suo exercitu, qui supervenerat, conflictum et captum esse, Romanum <Mstislavicz> ducem in Russiam sauciatum, ceteros, prout quemque casus tulit in loca varia abiisse. Et Fulco quidem episcopus merore nimio consternatus, pupillis et patrie consulturus nocte subsequenti ducem Romanum consecutus obnixe rogat, quatenus cum hiis, qui illum sequebantur, reliquiis Cracowiam redeat, arcem et filios ducales contra seviciam Mÿe<cz>sz<laui> Senis, quem sperabat supplemento militum habito ad occupandam Cracowiam reversurum, defensurus. Sed Romanus dux duplici se prepeditum causa respondet: et defectu milicie, que aut prelio corruerat aut fuga defluxerat, et acceptis vulneribus, que tume<scebant>. Querenti deinde episcopo, quid in tam periculoso necessitatis articulo agendum pro incolumitate patrie <optimum et necessarium> fore <censeret>, respondet de capite omnem curam habendam esse et Cracowiam provinciarum omnium dominam et principem ab hostili invasione tutandam, qua salva et incolumi cetera omnia felicius secutura.

(VI. P. 164–165)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS OCTAVUS

Wladimirus Haliciensis dux moritur, et Lestko Albus Polonorum dux Haliciensi principcatu profligato Romano duce potitur

Wladimirus Haliciensis dux beneficio brachioque Kazimiri olim Polonorum ducis et monarche ad Haliciensem principatum, a quo per Pannonios deiectus fuerat, restitutus, morte absumptus, dum nullum superstitem reliquisset, magnam inter Lestkonem et Cunradum Polonorum duces et eorum curatores Cracowiensesque milites ab una, et Ruthenos Ruthenorumque duces [*partibus ab altera*][a] discidii suscitavit procellam. Iure quidem et equitatis ordine, federe insuper cum Kazimiro Polonorum duce per Wladimirum, dum restitutus esset, icto Haliciensis principatus ad Polonie Regnum et ad filios Kazimiri, super quo et Halicienses milites sacramento adacti erant, debebat devolutus censeri. Sed multorum principum Russie, ducatum predictum sibi in feudum dari deposcencium, ambicio plures sedicionum rumores concitatura videbatur. Ad quos, antequam lacius serperent, opprimendos Nicolaum pallatinum Cracowiensem cum copiis tam equestribus quam pedestribus in Haliciam ad providendum de ducatus vacantis statu, et ut in formam provincie redigi Regnoque Polonie uniri posset ordinandum, mitti placuit. In lacrimas illico Lestko dux resolutus, ne se desererent, sed in illius expedicionis comitem assumerent, primum curatores, deinde consiliarios singulos blandis herens complexibus precabatur. Et dum tam mater ducissa <Helena> quam consiliarii resisterent et sacius illum in aula interim manere persuaderent: “Quantum – inquit – refert, quod signa muta et omni sensu carencia vobiscum itura sunt, et ego dux vester futurus relinquor? Assumite, precor, me,

ut virorum contubernio forcium fortis evadam, quoniam inter feminarum greges me tedet pudetque amplius esse. Quodsi non impetro, sequar vel uno tantummodo comite contentus vestra vestigia" Hiisque et aliis sermonibus suam indolem futuram exprimentibus usus, consiliarios animum ducalem certatim efferentibus, ut se assumerent, pervicit. In frequenti itaque militum numero, dum in Haliczensium fines pervenisset, Haliczensium primi illi occurrunt et velut dominum suum legitimum devocius suscipiunt et adorant, idque primum ab eo precantur, ut solus illis imperet, solus Haliczensem administret regatque principatum, aliorum Russie ducum execraturos se et honesta prius morte morituros pronunciant dicionem. Collaudatos et blande habitos dux Lestko precedere iubet; verum illi Lestkoni et suis curatoribus infensi, quod rumore vulgato cognoverant, Romanum <Mstislavicz> Wladimirie ducem [*sibi*][b] pro duce et preside Lestkonem locaturum, armis correptis obviam Lestkoni uti hosti procedunt. Sed cum levi negocio prime eorum turme fuse, fugate, postreme quoque, in quibus erat ingens peditum multitudo, metu perculse fuga dilapse essent, et Lestko ad oppugnandum Haliczense castrum properaret, Haliczenses missis caduceatoribus petita obtentaque venia portas castri Lestkoni apperiunt et omnia, que imperaret, se facturos repromittunt. (VI. P. 168–169)

Romanus Wladimiriensis dux, nepos defuncti, investitur per Lestkonem Album in Haliczensem ducatum, cum omni Haliczensium moerore

Plenam et castri et tocius Haliczensis ducatus Lestkone Polonorum duce possessionem consecuto, tum demum inter competitores de ducatu Haliczensi Russie duces in alcius certamen res venit, et post longa litigia inter illos ventilata, ceteris a proposito resilientibus, solus Romanus <Mstislavicz> Wladimiriensis dux, mortui Haliczensis ducis <nepos> germanus, ducatum Haliczensem sibi conferri racione et respectu multiplici deposcebat; isque ceteros duces Russie a petendo ducatu Haliczensi tum rogando et persuadendo tum terrendo averterat. Aput ducem quoque Polonorum Lestkonem et suos consiliarios in prefato ducatu Haliczensi petendo multiplicibus ingeniis usus supplicacionem suam quottidie novis adminiculis subornabat, iniquum esse deducens, ut <patrui> germani sui hereditas ad alium quam ad se perventura, ampliorem sibi mortis <patrui> causaret dolorem, neminem preterea adeo, ut se, meritum inter duces, cui beneficium illud prestari equum esset, cum merita sua in Polonie ducem Lestkonem, recencia stigmata ad Moszgawam accepta et plures sui milites illic desidera<ti> testarentur. Adiungebat hiis causis minas, iniuriam suam, si a ducatu Haliczensi et sorte <patrui> excluderetur, armis et omni hostilitate se vociferans ulturum. Difficilis aput Lestkonem Polonorum ducem et consiliarios suos huiusce rei decisio visa consumacionem illius in plures

---

1198 [a] *в AD пропущено*
1198 [b] *(в Dlug. и, вероятно, в AD* se. *– Ред.)*

dies, sub quibus dux Romanus submissius se gerens Haliczensem ducatum non iure sed precario, non in proprietatem et titulum sed in procuracionem et regimen temporaneum sibi petebat mandari, extraxit. Nemo erat ex consiliariis Polonorum, cui satis placeret tam fecundum ducatum Romano suapte inter Ruthenos diviti et potenti, ne in superbiam erectus calcitraret et ex subdito hostis infestus fieret, conferri, sed ducatum ipsum Regno Polonorum velut utilem et valde pernecessarium, plures allaturum comoditates uniri; Haliczensium insuper baronum et militum et querelis et precibus movebantur, qui sibi callidum et versipellem principem, varia tirannide in se usurum, dari et prefici abhorrebant. Offerebant preterea Lestkoni Polonorum duci, si in formam provincie redacti Romano non committerentur, auri, argenti, gemmarum, vestium, equorum, boum et armentorum certam quantitatem annis singulis pensuros. Movebant ista Lestkonem principem et Polonorum consiliarios, respectus tamen futuri cum Romano, si refutatum iri suas preces contingeret, belli, et superimpendens a Mÿe<cz>sz<lauo> Sene Maioris Polonie hostilitas, ne pro uno et eodem tempore a fronte et tergo urgerentur, Lestkonem ducem et Polonorum consiliarios pervicit, ut propriis comoditatibus et ceterorum ducum Russie ac Haliciensium militum peticionibus neglectis Haliciensem ducatum Romano Wladimiriensi principi, subiectum illum atque fidum putantes sibi futurum, conferrent, ipsumque tunc de ducatu predicto investirent, et illius possessionem non sine Haliczensium amaro cruciatu, multiplex malum sibi ominancium, contraderent, Romano fidem, devocionem et obedienciam in ducem Polonorum Lestkonem, equitatem vero et iusticiam in Halicienses milites et subditos se iureiurando astringente et vovente [*custoditurum*][c]. In hunc modum rebus Haliczensium compositis Lestko dux cum sua milicia Cracowiam repeciit. (VI. P. 169–171)

(...)

<Principalior Ruthenorum dux, Swanthoslaus Kyoviensis princeps moritur et in ecclesia sancti Cyrilli, quam pater suus Czirnyeowiensis dux fabricaverat, sepelitur. Post cuius mortem Rurik Rostislawicz dux aput Kyovienses principari cepit, sed cum per Kyovienses temporis processu pulsus esset, ad Polowczos confugit.> (VI. P. 173)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS CENTESIMUS NONAGESIMUS NONUS

Romanus dux Haliczensis brevi omnem sua tyrannide nobilitatem Haliczensem cum terrore vicinorum perdit

Haliciensem provinciam Romanus Wladimiriensis dux favore, liberalitate et largicione Lestkonis Albi Polonorum ducis consecutus Haliczen-

---

1198 c *в AD* custoditorum

sibus cepit primum esse blandus, mox infestus et ad extremum truculentus nec sua, quam de regendo Haliczlensi principatu in iusticia et equitate duci Polonorum Lestkoni prestiterat, sponsio fuit constans et diuturna, sed iureiurando et federe prevaricato primos Haliczlensium nichil hostile de illo suspicancium ad se evocatos captivat, e quibus quosdam publico trucidat gladio, alios infodit mergitque zabulo, alios membratim coram discerpit, alios excoriat, alios exenterat, plures quasi signum ad statuam ligatos missilibus conficit varioque mortis genere interimit. Cum autem occisorum militum affines, consanguinei et filii, et fere universa nobilitas tam feda crudelitate perculsa in vicinas regiones diffugisset, omnem suis eiulatibus et querelis in Lestkonem Polonorum ducem et Polonos, quod sibi tam efferum, nichil preter humanam effigiem humani habentem principem prefecissent, culpam retorquentes, Romanus suis artibus usus exquisitis blandimentis et promissionibus illos revocat et parumper in honore et favore habitos variis tandem excruciatos interficit tormentis, et fere universam Haliczlensium nobilitatem tirannide sua enecat et extinguit, solitus eo pro excusando suo scelere (quasi solenne quodammodo et celeste oraculum extiterit) uti proverbio: neminem melle apum nisi prius examen oppresserit, secure vesci posse. Tantum autem terrorem sua truculencia et tirannide non propriis tantummodo, sed et finitimis ingesserat, tantum sibi fame et potencie brevi quesierat, ut facile omnibus Ruthenorum imperaret provinciis et singulos Russie principes haberet tributarios et subiectos. Que res ne in Polonorum perniciem verteretur, sepe Polonos affligebat <iam tacitos sepenumero superimpendentem Romani tirannidem in se quoque ominantes aliqando recisuram.>

(VI. P. 173–174)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS

(...)

Constantinopolis Grecorum civitas, in qua tunc Ascarius imperabat, a Venetis et Francis capitur. Cuius capcio longo tempore non credebatur pro eo, quod fatatum fuit, eam nonnisi per angelum capi posse; sed hostibus per murum, ubi angelus pictus erat, intrantibus veritas fati et equivocatio erroris tum primum notata est. Aschkarius autem Constantinopolitanus imperator capta urbe versus Ponticum mare Tersonam transiit, et abinde postea Gallaciam alias Halicziensem provinciam, que est pars Russie hactenus sub Polonorum Regno consistens, pervenit <et a Romano Russie duce benigniter et humane susceptus, tractatus atque habitus aliquanto tempore illic permansit.> (VI. P. 177)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS PRIMUS

(...)

Boleslaus Altus Wratislaviensis dux cum filiis mortuus, Henricum cum barba filium, sanctae Hedvigis maritum, reliquit successorem

(...) Et non post plures dies Boleslaus Altus dux Wratislaviensis filium suum episcopum Iaroslaum secutus <octavo videlicet Idus Decembris> moritur et in monasterio Lubens sepelitur. Hic cum duas uxores habuisset, videlicet Wenczeslawam Ruthenam et Adhleidam sororem imperatricis (coniugis videlicet Conradi secundi imperatoris), ex Wenczeslawa quidem Iaroslaum episcopum Wratislaviensem et Bo<le>slaum filiamque Algam nomine genuit, ex Adleÿde vero genuit Henricum cum barba vocatum, Cunradum, <Iohannem> et filiam Adÿlheidem, que Dipoldo marchioni Morawie fuit matrimonialiter copulata. Sed omnibus filiis Boleslai Alti immature obeuntibus <et in monasterio in Lubens sepultis> solus Henricus cum barba superstes existens patri in Wratislawiensi ducatu et in aliis dominiis successit. (VI. P. 180)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS SECUNDUS

(...)

Expulsionem suam Rurik Roscislawicz a Kyowiensi ducatu acerbe ferens Polowczonum, ad quos confugerat, nactus in notabili numero suffragia, habens eciam in suo comitatu filios Olh, venit contra Kyow et nemine adversus illum stare aut castrum Kyowiense defendere auso castrum Kyoviense secunda Ianuarii capit. Barbarorum autem Polowczonum multitudo et feritas civitatem multipharia clade, crudelitate et spolio affligens, in omnes eciam ecclesias, monasteria et edes Deo dicatas ministrosque eius desevit, spoliando metropolitanam ecclesiam sancte Zophie et omnes alias. Universis autem senibus et infirmis partim trucidatis, partim cecatis, sacerdotes, monachos, monachas et omnes Kyowienses boyaros et cives et plebem comunem cum uxoribus, parvulis et lactantibus in captivitatem et regionem suam deduxit. Captivati et sub eodem tempore fuerunt Mstislaus Wlodimirzowicz, item Roscislaus dux et milicia eius per Polowczos. Quibus malis patratis Rurik in sede Kyowiensi, vasta tamen et pene deserta, consedit. (VI. P. 184–185)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS QUARTUS

Romanus Haliczensis dux Lestkoni Albo tributa negat et hostem se declarat ac terras eius invadit; quem aliquoties Lestko excursiones facientem profligat

Levis et parva Lesthkoni Albo Cracouiensis principatus (in quam omnibus primoribus consiliariis adversantibus prorupit, temere magis

quam consulte) renunciacio et cessio primum videbatur, que processu temporis non solum illius famam et amplitudinem diminuit, sed eciam hostium et invidorum cervices contra illum suscitavit et erexit. Romanus namque Wladimiriensis dux, qui ex concessione et munificencia Lesthkonis eciam Haliczienscm adeptus erat principatum, cognoscens illum a monarchia et principatu Cracouiensi excidisse et tantummodo ad Sandomiriensem, Lublinensem, Mazowiensem et Cuyawiensem ducatus redactum esse, contemptui illum, tum propter diminutam potenciam, tum propter lasciviam et nondum ad virilem etatem pertingentem et cuiuslibet iniurie oportunam, habere cepit. In rebellionem quoque versus pensa hactenus denegat tributa et se non vasallum neque subiectum, sed hostem infestum Lesthkoni et suis ducatibus declarat; nam et negociantes in terris suis Polonos singulis fortunis despoliat et comercia illis cum subditis suis de cetero interdicit. Ad hec et terras Lublinensem et Sandomiriensem suis finitimas, primum clandestinis, mox eciam publicis excursionibus invadit et vexat, in pleris quoque locis presidia locat et milites in frequenti numero illis imponit, terras Lesthkonis infestaturus. Tulit aliquanto tempore Lesthko dux atroces huiusmodi iniurias et missis ad Romanum nunciis redire ad bonam mentem monebat, existimans se illius temeritatem benivolencia magis quam hostilitate reciproca sanaturum. Verum dum Romanus ex verbis et legacionibus <Lestko>ni<s> inflatus magis quam correctus nichil pacificum responderet, repressalibus Lesthko uti cepit et vicissitudinariis ordinatis presidiis Ruthenos temere progressos et ad spolia effusos aliquot certaminibus secundis stravit eorumque insolenciam brevi compescuit. (VI. P. 191–192)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS QUINTUS

Romanus dux Wladimiriensis cum validissimo totius Russiae exercitu usque ad Zawichost pervenit, ubi per duces Lestkonem et Cunradum funditus profligatur et interficitur cum magno Polonorum triumpho

Excursionibus privatis et levibus Romanus Msczyslawicz Wladimiriensis et Haliczienis dux, Kazimiri olim Cracouiensis et Sandomiriensis ducis germanus nepos ex sorore, quibus actenus Polonorum oras vexaverat, non contentus, in id temeritatis grassatus est, ut Lesthkoni et Cunrado principibus et dominis suis, quibus fidem et subieccionem iureiurando se servaturum obligaverat, generale bellum inferre et principatus eorum non horreret invadere. Animum siquidem Romani magnum suapte et ferocem opes imense tyrannide quesite, Russia fere universa subacta, equestres et terrestres copie ex ipsa Russia coacte, Polonorum imperium lacerum et distractum et in plures scissum principatus, procerum regni scismata et discordie, ducum quoque ipsorum Lesthkonis et Cunradi semiplena etas ad inferendum bellum magnopere accendebant. Accessit et durior responsio legacioni sue per Lesthkonem et Cunradum facta. Dum enim peteret et

moneret pro dampnis et impensis circa dimicacionem in Suchdol contra Mye<cz>sz<laum> Senem factam sibi satisfaccionem impendi <et omnem oram terre Lublinensis in perpetuam possessionem sibi tradi, resignari et inscribi>, responsum est nichil illum velut profugum et desertorem meruisse. Quo responso factus iracior, Poloniam magnis copiis invasit. Prius tamen quam exercitibus et copiis in unum congestis Russie finibus excederet, mittit Romanus Mszczyslawicz dux ad sui scismatici rittus Wladimiriensem episcopum nuncios speciales cum donis rogans, ut sibi in Polonicam expedicionem processuro et triennio Polonos vastaturo, quo felicius bellum tractet et de hostibus trophea referat, pontificali auctoritate benedicat. At Wladimiriensis episcopus missa munera dedignatus, nunciis eciam benediccionem instancius flagitantibus respondet non se Romano duci impia bella aggredienti et Polonis non tam iniustum quam execrabile bellum inferenti, cum sepenumero Poloni pro Ruthenis contra barbaras naciones pugnantes capita sua morti et periculis obiicere [*censuerint*][a], benedicturum. Super qua responsione dux Romanus nimio exagitatus furore episcopo Wladimiriensi remandat se eam contumeliam capitis truncacione pontificalis, cum ex Polonico bello redierit, ulturum. Sed eius minas episcopus Wladimiriensis negligens reintimat frustra se terroribus exagitari, quoniam et mors sibi pro veritate nunquam pavida fuerit, et Romanus, an ex nephario bello rediturus sit, ignoret. Magnitudo fidei eciam in katolico episcopo admiranda. Maximis itaque et frequentibus copiis ex equestri et pedestri milite coadunatis primo estatis tempore Romanus Ruthenorum dux in terras Polonorum descendens Lublinensem regionem sibi finitimam primum invasit castrumque Lublinense, quod per presidium Polonorum militum tenebatur, obsidione cinxit et pro eius conquisicione plures conatus et studia, Polonis arcem probe defendentibus, integro mense intendere non destitit, <matronas, uxores et filias militum captivas in quadam indagine, ut pecora, precepit detineri et a suis Ruthenis permisit impudice tractari>. Interim autem Lesthkonis et Cunradi ducum iussione ex Sandomiriensi, Mazoviensi et Cuyawiensi provinciis grandis confluxerat versus Sandomiriam exercitus, non solum ex militaribus, sed eciam ex aggrestibus collectus, quem eciam aliqui voluntarii milites ex Cracouiensi ducatu coauxerant. Romanus ab exploratoribus cercior factus Lestkonem et Cunradum exercitibus collectis in armis esse obsidione Lublinensi soluta, quam sibi minus prospere videbat provenisse, in ulteriores Polonorum regiones, singula rapinis et flammis consumendo, procedit <minaturque se non solum Polonie Regnum vastaturum, sed et Paginam Divinam Latinorum exterminaturum. Mittitur itaque Fulco Cracoviensis episcopus cum Vito Ploczensi episcopo cum aliquibus baronibus ad furiam eius mitigandam et pacem tractandam, offerendo satisfaccionis equitatem, si Poloni in aliquo federa societatis temerassent. At ille dolos in pectore versans, pacem policitans et nuncios circumventos remittens in ulteriora grassari cepit. Quosdam quoque clericos captivos ictibus sagittarum iussit

---

1205 [a] (*в Dlug*. – *и в AD?* – consuerint. – *Ред.*)

obrui, ut eliceret ab eis fidelem relacionem, ubinam Lestko cum exercitu latitaret>. Ad fluvium quoque Vislam perveniens partim illum navibus et lembis, partim vadis in aliquot locis repertis, siccitate estatis aquis illius diminutis, superat et ad opidum Zawichost stativa ponit. Illic eum consistentem frequentes sui exploratores de Polonorum adventu avisant. Quorum cum irrideret relaciones, milites, quos pro excubiis tenendis transmiserat, exploratorum sentenciam confirmant, sed cum hiis quoque Romanus discrederet et Polonos nequaquam secum pugnaturos asseveraret, decima nona Iunii mensis, sanctorum Gerwasii et Prothasii martirio dicata die sole oriente Lesthko et Cunradus duces cum Polonorum exercitibus <quorum Cristinus palatinus Mazovie erat ductor> adveniunt et ordinatas acies decernere parati ostendunt. Romanus ex fastuoso trepidus factus, vix primas acies urgentibus et infestantibus illum Polonorum sagittariis explicare in arto spacio permissus, copias et ipse suas tumultuario magis quam legitimo more educit et signis collatis dimicat. Ingenti clamore ab utroque exercitu sublato infestis lanceis concursum est et equo primum Marte prelium gerebatur. Polonos indignacio quedam iusta, quod vasallus eorum nulla offensa lesus ipsis bellum ultro inferret, Ruthenos libertatis memoria et dux ipse adhortans unumquemque ad sustinendum certamen accendebat. Polonorum duces Lesthko et Cunradus, etsi in exercitu presentes affuissent, pugne tamen propter etatem interesse prohibiti paululum a certaminis loco declinantes exitum rei inter spem et metum anxii prestolabantur, in loca tuta cum custodibus suis, si hostibus cessisset victoria, diversuri. Interim fervente pugna primis Ruthenorum ordinibus per Polonos contritis et prostratis Polonorum res meliori, Ruthenorum deteriori loco esse cepit. Abundante tamen multitudine et Romano integros pro cadentibus aut vulneratis subducente, providencia et solicitudine ducis Romani prelium in pluribus locis inclinatum restituitur. Poloni non Ruthenis, sed duci Romano velut proditori fidefrago et transfuge irati ad illius occisionem ardentissime conspirant et globo facto Romanum inter primos pugnantem et ex insignibus cognitum adorti invadunt. Romano *<duci gravissima cuncta obversabantur oculis, manus universa militum, que circa illum conglobata illum hactenus egregie defenderat, a Polonis deleta, strenui ac fortissimi quique propugnatores ante ducis sui ora cesi mutuoque cadentes fugam et ducis Romani et ceterorum suorum Ruthenorum inhibebant. Inter hec Romanus dux ultimi periculi videns sibi imminere discrimen – iam enim et equus, cui insidebat, telis frequentibus confossus excutere illum sathagebat – per medias acies prorumpens ad fluvium Vistulam pervenit, ubi equus corruens illum deseruit. Hinc vero maius obortum periculum, quonam modo manus* [hostiles][b] *evasurus fluvium traiiceret. Tandem effetam, ut fertur, equam a suis sibi administratam ascendens fluvium egre superavit, iumento quoque illi, quo adiutore fluvium tranarat non secus quam parenti suo pro sua salute gracias egit. Mixtus deinde fugiencium suorum turbe inter permiscuum vulgus a Polonis fugientes insequentibus et gregarium*

1205 [b] *e AD* est illese

militem illis existimantibus obtruncatus est. Dum insuper milites et gentes Romani ducis, qui periculum mortis fugiendo et tranando Vislam evaserant, in rippa altera Visle conglobati et densi, aliorum suorum commilitonum prospectando effugium starent, humus ripe ab ungulis equorum et gravitate in ea stancium [molem][c] *sustinere non valens, disrupta, dehiscens, radicitus suffossa, corruens plures hostium cuneos absorbuit in Visla precipitatos. Gloria autem tocius triumphi tunc ex Ruthenis relati in Cristinum comitem pallatinum Ploczensem absque controversia conferebatur, qui et princeps milicie erat, et suo astu et industria pugnam confecerat*>[d]. Rutheni visa <...>[e], cum dudum in fugam, nisi Romanus obstitisset, spectassent, terga vertunt et in flumen Wislam, a quo haud longe pugnatum est, prout quemque sors ferebat, ceci et desperati prosiliunt et in gurgites undarum prolapsi catervatim vir virum premens[f] suffocabantur. <Plerique eciam rippa Visle, ad quam natando fugiebant, ab ungulis equorum contrita cadente absorpti sunt;> pauci, quos aut nandi ars aut equorum forcium robur adiuverant, tranarunt et hii quoque maiori ex parte a militibus Polonorum eos usque ad Wladimiriam nocte et interdiu persequentibus, nonnulli ab aggrestibus, vel dum errarent in silvis vel hospitarentur in villagiis, trucidati vel capti sunt, et de Romani illo potentissimo frequentissimoque exercitu pauci admodum evasisse comperti sunt, qui suis tam ingentem cladem nunciarent. Ad rippas Wisle cadaverum complicabantur acervi; illic enim cunctantibus Ruthenis verticibus undarum se credere cedes aliquanto maior quam pro numero edita est, adeo, ut fluvius Wisla cruore humano tinctus aliquamdiu rubrum fluorem cum nativo miscens cedis magnitudinem intuentibus testaretur. Multos denique imperitos nandi, qui graves erant armatura aut senio, hausere gurgites. Castris et spoliis Ruthenorum Poloni potiti, ex oppulentissima suppellectili illic reperta, vasis quoque auro argentoque celatis, vestibus, equis, armis admodum ditati et magnificati sunt. Victoria quoque ipsa tam sonora et famosa fuit, ut vicinarum gencium et nacionum crebris celebraretur sermonibus. Poloni, quibus provenerat, quos quoque fama diviciis et honore extulerat, variis illam et seriem eius prosequebantur carminibus, que eciam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Cadaver Romani ducis, quod iam Sandomirie iussu Lesthkonis ducis sepultum erat, exhumatum per Ruthenorum proceres, omnibus, quos ceperant ex Polonis, restitutis in libertatem captivis, in mille marcis argenti ad sepulturam a Lesthkone Polonorum duce redemptum et in Wladimiriam delatum. Leszthko et Cunradus Polonorum duces propiciacioni Divine et suffragiis sanctorum, eorum precipue, in quorum die pugnaverant, omnem ascribentes victoriam altare in Cracouiensi ecclesia sanctis Gervasio et Prothasio erigunt et lar-

---

1205 [c] *в AD* morem

1205 [d] *приписано на нижнем поле другим почерком XV в.*

1205 [e] (*в Dlug. – также и в AD? – явно пропущены какие-то слова, вроде* ducis sui discessione *или подобные. – Ред.*)

1205 [f] (*nominativus absolutus; следовало бы* viro virum premente. *– Ред.*)

gissimis proventibus illud dotant; quibus processu temporis adeo castratum esse constat, ut non nisi in Legatorum Platea lapidea <...>[g] et hec ipsa deserta et ex stillicidio ruinata, et locus in postico domorum canonicalium ex tam amplissima dote remanserit. Cedes Romani ducis et suorum exercituum adeo Ruthenorum proceres nacionesque attriverat atque humiliaverat, ut ultra non adderent Polonorum terras lacessere. Episcopus Wladimiriensis maximum ex illa apud suos Ruthenos preconium consecutus fama et opinione6 quasi futuri eventus prescius cladem duci Romano predixerit, celebris habebatur. Fertur Romanus nocte cladem precedente per quietem sompniasse, quod parvus avium rubra capita[h], quas *sczygelky* appellamus, numerus ab ea parte, qua Sandomiria sita est, adveniens maximum passerum numerum devoravit. Id cum amicis in diluculo retulisset, licet plerique iuvenes felix auspicium pronunciassent, senes tamen et prudentes astruxerunt sompnium triste esse, et Polonis quidem felicem portendere successum, Ruthenis vero adversum et calamitosum.

(VI. P. 192–197)

Polowczos duces Russiae affligunt

Vastacionem crudelem, quam in se terrisque suis Russie duces a Polowczis pertulerant, dolentes in eam diem eis transisse impunitam, expedicionem contra Polowczos concludunt et indicunt. Et opportuno tempore adveniente vadunt duces Russie cum copiis suis ex equite et pedite collectis contra Polowczos, videlicet Rurik Kyowiensis, Iaroslaus Pereaslawiensis, Magni Wszewoldi filius, Romanus Mscislowycz (так! – *Ред.*) Halicziensis et Wladimiriensis et Roscislaus Mscislowicz. Et invadentes tabernacula, que ipsi magis proprio et usitato vocabulo turres, id est *wyesze* appellant, magnos greges hominum utriusque sexus senibus trucidatis, magnas predas camelorum, pecorum et pecudum capiunt et in Russiam deducunt plerosque vero Ruthenice gentis captivos. Et predis ac spoliis multiphariis onusti nullam ipsi adversitatem aut resistenciam <passi> in Russiam alacres revertuntur, de quo aput Russie regiones leticia ingens coorta est. Et quoniam Rurik Kyowiensis dux Polowczos ad vastandum Russie terras conduxerat et omnium malorum, que in terris Russie patrata fuerant, auctor extiterat, a Romano Mscislawicz Halicziensi et Wladimiriensi duce ceteris rogantibus et probantibus, dum ex Polowczis redirent, captivatur. Qui illum catenatum in Kyow deducens, tondit eum in monachum et uxorem eius in monacham, filias insuper eius liberas dimittens, filios ipsius Roscislaum et Wladimirum captivat et in Halicz deducit captivatos. (VI. P. 197)

1205 [g] (*в Dlug. – также и в AD? – явно пропущено какое-то слово, вероятно,* domus. – *Ред.*)

1205 [h] (*так в Dlug. и, очевидно, в AD; следовало бы* rubris capitibus *(ablativus qualitatis) или* rubrarum capitibus *(ablativus limitationis). – Ред.*)

Lithuanorum nominis prima auditio

Sub idem tempus Lythwani magna multitudine glomerati veniunt contra Russiam; contra quos duces Olhowiczi exeuntes, cum illis campestraliter congrediuntur. Et licet multi ex Ruthenis cecidissent, Lythwani tamen ad ultimum conflicti sunt, et fere universis captis aut occisis pauci effugiunt. Tum quoque primum Lythwanice gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum; <servi enim Ruthenorum existentes annis pluribus perizomata, suberes <...>[i]>.

Swanthoslaus Mscislawycz dux intelligens Kyowiensem sedem vacuam principe esse faventibus Kyoviensibus arcem Kyowiensem ingreditur, ceteris id munus suscipere tunc metu Romani Mscislawicz HaliczRiensis ducis non audentibus, in illa in monarche morem principaturus. Quod cum Romano Mscislawicz Haliczi ensi duci molestissimum foret, quippe qui Ruthenorum monarcha reputari et summam rerum Ruthenicarum aput se consistere voluit, cum potenciis suis in Kyow adveniens Swanthoslaum Mscislawycz ex Kyow cum ignominia exturbat et depellit in sedeque Kyowiensi Roscislaum Rurikowicz, quem aput se tenebat captivum, locat. Alterum quoque germanum suum Wlodimirum de captivitate dimittit, ut fama tam potencie quam clemencie sue magis sonora fieret et estimacio sui nominis augeretur, ut quoque expedicionem, quam in Polonos eo anno moturus erat, liberius transigeret. (VI. P. 198)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS SEXTUS

Lestko Albus mortuo Nicolao palatino Cracoviensi in monarcham eligitur et misso in Russiam exercitu Swanthoslaum ducem Russiae cum aliis Ruthenis captum suspendi fecit

Lesthko Albus Sandomiriensis dux dum post relatam de Romano Ruthenorum duce famosam victoriam et apud exteras et proprias naciones nominatus et celebris haberetur, Cracouiensibus tamen proceribus, qui pro solo Nicolai pallatini Cracouiensis beneplacito <naturali relicto> <...>[a] <Wladislavum> Mye<cz>sz<lawicz Rathiboriensem>[b] ducem pro domino et monarcha assumere <et Cracoviam illi tradere> coacti erant, magis carus magisque desideratus esse cepit. (...) Mittit autem Lesthko Albus

---

1205 [i] *в AD явно пропущено слово вроде* pendebant *или подобное*

1206 [a] (*либо в Dlug. – и в AD? – здесь пропущено какое-то слово, к которому* naturali relicto *служит определением* (*например,* domino), *либо хронист, заполняя лакуну на месте выскобленного текста словами* naturali relicto, *по недосмотру отнес их к* beneplacito, *имея в виду, что краковские вельможи, следуя желанию палатина Николая, "оставили естественное рассуждение" т.е. представление о старейшинстве Лестка; но при этом Длугош не обратил внимания, что слово* beneplacito *уже "занято", относясь к Николаю. – Ред.*)

1206 [b] *в AD почерком XVI в. приписано* Maioris Poloniae (*т.е. "Великой Польши" – Ред.*)

Cracouiensis dux Cracouiensium, Sandomiriensium et Lublinensium militum exercitum, preficiens illis Sulislaum Sandomiriensem castellanum in ducem et capitaneum ad vastandum Russiam; qui Swanthoslaum Russie ducem, patrem [*Agafie*][c], que postea Cunrado Maszouie duci nupta erat, cum quattuor militibus insignioribus Russie captivat et iussu Lesthkonis miserabiliter suspensos in eculeo interimit; propter quod facinus reor Lesthkonem ipsum eciam occisum fuisse et stirpem suam non protelasse.

(VI. P. 199–200)

(...)

Variis odiorum et dissensionum turbinibus Russie duces clandestine collisi, tandem in apertum furorem, diucius illum celare non valentes, prodeunt et hostiliter convenientes, videlicet Georgius Wladimiriensis et Iaroslaus Pereaslaviensis ab una, item Wlodimirus, Constantinus et Mscislaus duces Smolnenses et Nowohrodenses, fratres germani partibus ab altera, duodecima Aprilis die mucrone in propria viscera verso confligunt. Et multis mortalibus utrinque cesis, captis aut in undis submersis cessit Constantino, Wlodimiro et Mscislao victoria. Qui Georgium Wladimiriensem ducem in Wladimiriam diffugientem secuti Wladimiriensem arcem obsidione cingunt. Videns autem Georgius propter defectum militum se castrum tueri non posse, exiit ad victores duces petens pacem. Et concessa est ei pax ea condicione, ut de castro excedat. Quo excedente datum est Constantino. Exercitum deinde victores duces contra Iaroslaum in Pereaslaw post fugam se continentem ducunt, qui illico a victoribus pacem petivit. Quam cum equis condicionibus (et quod sibi Pereaslaw retinere liceret) impetrasset, plurima munera reconciliatis transmisit ducibus. Cesa feruntur eo prelio Ruthenorum plus quam decem milia. (VI. P. 200–201)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS SEPTIMUS

(...)

Lithwanis ea estate terras Russie vastantibus Ruthenorum duces Wlodimir Rurikowicz Kyowiensis, habens in suo comitatu Smolnensium miliciam, Romanus Borzischowicz, Constantinus, Mscislaus et Roscislaus filii Dauid occurrunt et Lithwanos magna cede confligunt multosque ex ducibus Lythwanorum interficiunt; fugientes autem Lythwanos in longum persecuti multos in vicis, silvis ceterisque abditis locis, quibus se a facie persequencium condiderant, occidunt. (VI. P. 202)

(...)

Reszanorum ea tempestate dux Hleb nomine, stupende crudelitatis et avaricie homo, integrum aput Reszanos principatum occupaturus, sex fratres germanos impia cede sustulit, sed et plures de boyaris, quos ceptis et conatibus suis obstare credidit, vario mortis genere delevit. (VI. P. 203)

(...)

1206 [c] *в AD* Agasie

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS OCTAVUS

Romano occiso Rutheni omnes ad Hungariae regem Andream mittunt pro filio Colomano ad regendum; qui occupans Russiam, dum a catholicis episcopis se coronari facit, per Ruthenos cum suis expellitur

Occiso aput Zauichost Romano Wladimiriensi et Haliczięnsi duce, qui sibi fere universe Russie partim tyrannide, partim largicione et ingenio usurpaverat dominacionem et principatum, et Russie duces in suum coegerat obsequium et tributum, plures sibi aut armis aut prece aut precio Russie dominium destinabant. Proceres vero et boyari Russie in varias voluntates scissi patriam eciam horrendis bellis impleverant. Ad finitima itaque regna, ut bellum civile tolleretur, censebant primores habendum recursum, ut alicuius illorum viribus et potencia opprimerentur exorta mala et oritura. Et licet aliqui Polonorum ducum suaderent petere suffragia et in eorum transeundum dicionem, recentis tamen cladis aput Zauichost accepte memoria, ne ad Polonos deficerent, prohibebat. Pannonii apciores rei huic visi per primores Russorum aditi sunt, et rex eorum Andreas suppliciter a Ruthenis exoratus, ut filium suum Colomannum illis in dominum preficeret, offerentes se illi fide et devocione sincera parituros. In credulitatem rex Hungarie legacione Ruthenorum admissa filium Colomannum cum magnis copiis Russiam et motus intestinos compressurum et regnum Ruthenorum aput Haliczienses accepturum transmittit. Qui dum in Halicziam pervenisset, a primis Ruthenorum ducibus et boyaris iusto honore exceptus est et castri Haliczięnsis illi tradita possessio, et Mscislaus Mscislawicz unus ex Russie ducibus de Haliczięnsi principatu exclusus. Qui sub eodem, quo Halicziam ingressus erat, tempore se ab episcopis katolicis <videlicet Vincencio Cracoviensi episcopo, Iwone cancellario Polonie et aliis episcopis>, quos secum ex Pannonia adduxerat, in regem Haliczie inungi et coronari regemque Gallacie vocari et intitulari <et uxorem suam Salomeam in reginam> (ita enim a patre Hungarie rege doctus erat) procuravit. Que res Ruthenorum animos, fluxam suapte fidem habentes, a Colomanno cum eis inconsultis confecta fuerit, et alienavit et in odium atque irritacionem perduxit, portendentibus coronacionem ipsam et ritus ipsorum et generis exterminium effecturam. Omnes itaque in Colomannum conspirant et exercitibus Colomanni, qui eum in Russiam conduxerant, ad Hungariam reversis, cum se Colomannus tutum crederet, Ruthenorum [*princeps*][a] Mscislaus Mscislawicz <apellatus ob prestanciam Chrobri> Ruthenorum et Polowczonum adiutus solaciis Halicziam perveniens nonnullis Haliczięnsium fortaliciis et curiis captis, spoliatis et incensis ad Haliczięnsium quoque arcem obsidionem admovit. In cuius oppugnacione dum Polowczonum dux Miczeyewicza superne occisus est, in

---

1208 [a] (*в Dlug. – также и в AD? –* principes, *что заставляет либо принять предложенное нами исправление, либо допустить, что окончание фразы пропущено. – Ред.*)

ducis autem sui ulcionem Polowczi multa et execranda mala Haliczyensium terre intulerunt, scindendo quosdam Haliczyensium in quatuor partes, ceteros occidendo, exurendo, mutilando et plurimos in perpetuam abducendo servitutem. <Expugnata et capta arce Haliczyensi a Ruthenis plurimi Polonorum et Hungarorum proceres occisi aut capti, et qui se auro redimere parato non poterant, in servitutem venundati. Novus etiam rex Colomannus eiectus per fugam turpem, Vincencio Cracoviensi [*episcopo*][b] et Iwone cancellario Polonie fugientibus, sibi consuluit.> Eodem insuper anno prefatus Colomannus Salomeam virginem, sororem Lesthkonis ducis Cracoviensis, accipit in uxorem <cum qua usque ad mortem celibem vitam ducens et sibi et consorti decus virginitatis servavit>. (VI. P. 204–205)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS NONUS

Andreas rex Hungariae eiectionem filii sui de ducatu Haliciensi ulturus ipsum cum magno Hungarico et Polonico exercitu in Russiam mittit, ubi Rutheni Hungaros et Polonos profligant et caedunt Colomano rege capto, quem Msczislaus dux cum uxore reddere recusabat

Eieccionem filii sui Colomanni de regno Haliczyensium Andreas Hungarie rex veritus expedicionem insignem in Ruthenos magno sumptu et cura paraverat. Pro comperto enim habebat fere universos Russye duces in eius deieccionem conspirasse et bellum in eam estatem maximis apparatibus gerendum decoxisse, duplex malum superimpendens vitaturi: unum, ne Hungari regionem illorum iuris sui facerent, si Colomannus tronum suum in Haliczyensi regno stabiliret, alterum, ne penas impugnati et obsessi anno transacto in Halicz Colomanni et pluribus crudelibus et nephariis operibus in Haliczienses per se et per Polowczos patratis[a] iusta supplicia darent. Intelligens autem Andreas Hungarie rex Russie duces Polowczonum solacia in quantitate magna contraxisse, et ipse ad Lesthkonem Album monarcham Polonie mittens exercitum notabilem ex Polonorum militibus in bellum Haliczyense mitti optinuit. In tempore itaque, quo inter Andream regem et Lesthkonem ducem convenerat, et Hungaricus et Polonicus exercitus ad Halicz convenit, Hungaricum pallatinus Hungarie Attilia (так! – *Ред.*) Filnya, Polonicum pallatinus Cracouiensis <Nicolaus vir in armis egregius> ducebant. Nec Rutheni remorantur, quatuor enim duces, videlicet Mscislaus Mscislawicz, Wlodimirus Rurkouicz (так! – *Ред.*), Roscislaus Dawydowicz et alter Roscislaus Mscislauicz, ceteris omnibus suas copias destinantibus, adveniunt, Polowczonum deinde exercitus ingens et Hungaricum et Polonicum exercitum geminata superans quanti-

---

1208 [b] *в AD это слово пропущено*

1209 [a] (*сбой грамматической конструкции под влиянием слишком частых у Длугоша ablativi absoluti; должно быть* plurium crudelium et nephariorum operum patratorum. – *Ред.*)

tate. Comuni autem consilio Hungari et Poloni bellum adversus Ruthenos gesturi, arcem in primis Haliczіensem forcius quo possunt comuniunt; sed et in ipsa arce ecclesia Sancte Marie incastellata alterum castellum et forcius efficiunt presidioque forciorum, quos inter Hungaros et Polonos habebant, militum superimposito, Colomannum cum uxore <...>[b] et matronarum feminarumque et imbecillium grege relicto ipsi contra Ruthenos ex Halicz egrediuntur et aciebus ordinatis prodeunt ad pugnam, Polonis dextrum, Hungaris et Haliczіensibus levum cornu tenentibus, levis deinde armature militibus premissis exercitum Ruthenorum infestabant. Duas eciam acies Rutheni constituerant: uni Msczyslaus Msczislawicz, alteri Wlodimirus dux preerant, Polowczonum vero turme in loco remociori consistentes id sibi consilii et propositi sumpserant, ut pugna fervente quasi ex insidiis prodirent. Msczislaus autem Msczislauicz quanta hostilis foret potencia conspecturus, in ediciorem locum ascendit, sed a Wladimiro duce argutus vehementer, quod in periculoso tempore speculatoris magis quam ducis officium gereret et suo discessu universo Ruthenorum exercitui ruinam compararet, illico descendit et suos ad congressum animans, bene illos in virtute Crucis Sancte triumphum relaturos sperare iussit. Sub quo tempore Polonicum agmen exercitum Wlodimiri fortissime invadit et plurimis Ruthenorum cadentibus exercitus Wlodimiri contritus est et in fugam cum Wlodimiro et aliis duobus ducibus Rosczislao Dawidowicz et Rosczislao Msczislawicz, qui et ipsi in illo constiterant, versus. Fugientes autem in plura milia non Polonicus tantummodo, sed et Hungaricus exercitus persecutus est, plurimos trucidans aut captivans, iam existimans debellatum. Ea res eaque tam longa persecucio Hungaris et Polonis victoriam adimens clade ingenti illos affecit. In terga enim Hungarorum et Haliczіensium, qui solutis ordinibus incedebant, Msczislaus cum Polowczis irruens ipsos facili negocio fundit et prosternit. Duces insuper Rosczislaus Dawidouicz et Rosczislaus Msczislawicz, dum Hungaros se persequi cessasse agnoscunt, fugam sistunt et in pugnam redeuntes latus Hiungari exercitus invadunt plurimisque cesis palatinum Hungarie Tylam capiunt et plenam victoriam de Hungaris et Haliczіensibus Rutheni consecuntur. Pallatino enim capto Hungari et Haliczіenses animos remiserant passimque a Polowczis trucidabantur, quoniam neque dimicandi neque fugiendi illis poterat esse facultas, Ruthenis et Polowczis undique circumfusis. Redeunt interim Poloni a cede et persecucione Wladimiri et ducentes secum spolia et maximum captivorum numerum carmen patrium, ignari cladis, que Hungaris acciderat et Haliczіensibus, canebant existimantes se plenam victoriam retulisse. Verum a Rosczislao Dauidowicz et Polowczis ab omni parte circumsepti, dum neque pugnandi neque evadendi locus esset, occiduntur. Locant deinde Rutheni et in altum erigunt Polonicum signum, ad quod dum residuitas Polonorum, qui vel ex cede diffugierant vel ex persecucione Wladimiri redierant, credentes illic suos consistere,

---

1209 [b] (*в Dlug. – а также в AD? – здесь явно пропущено сказуемое* ibi ponunt *или подобное, либо нужно читать не* Colomannum, *а* Colomanno. – *Ред.*)

confluxissent, omnes passim trucidantur. Nec interfectorum poterat numerus estimari, adeo ut flumina ex cruore rubra forent, et moriencium atque vulneratorum vociferacio in castro Haliczsiensi exaudiretur. Iacebant autem interfectorum, velut arena, cadavera insepulta nec erat circumquaque Halicz qui occisos sepelisset. Polowczi autem multis nobilibus spoliis, equis, armis, vestibus potiti, eciam plurimos Hungaros et Polonos in terram suam perpetuam laturos servitutem deduxerant. Mandaverat autem Msczislaus Msczislawicz victoria potitus et superbe victoria abutens suis Ruthenis, ne quemquam Hungarum aut Polonum vivum esse sinerent, quapropter non ab hostilibus tantum Ruthenis, sed eciam ab Haliczsiensibus gratificacionem Msczislao et suo decreto impensuris, ad quos confugierant aut aput quos lätitabant, pecorum more strangulabantur peneque omnis Hungarorum et Polonorum exercitus deletus est. Efferebatur autem tunc Msczislaus Msczislawicz dux, quod et victoriam retulisset et cedem in devictos Hungaros et Polonos fieri iussisset, a Ruthenis, qui in leticiam effusi magnis vociferabantur clamoribus dicentes: "O magne dux et victor Msczislae Msczislawicze! o fortis accipiter ad conterrendum fortes et robustos armaque illorum, transmissus a Deo. Desinent se glorificare, qui te victo sibi destinabant victoriam, quoniam a te omnes magnifico et glorioso domino nostro humiliati et conflicti sunt" Assumpto deinde Msczislaus dux pallatino Hungarie Attilia, ad castrum Haliczsiense accessit, ex quo iam Hungari et Poloni future obsidioni se preparantes Haliczsienses Ruthenos cum uxoribus eorum et pignoribus, perfidiam insuper eorum et victualium defectum veriti, eiecerant. Et dum non aperiretur illi castrum, quod pallatinus Hungarie Attilla aperiendum nec victori ultra resistendum, aput quem Deus et imperium regnumque Haliczsiensium et victoriam consistere voluit, suadebat, Msczislaus ad castra reversus, iterum ad eos, qui castrum observabant, caduceatorem Demetrium, unum ex suis Ruthenis, appericionem persuadens, transmisit, qui dum vacuus rediisset, iterum personaliter accessit et repulsam tercio passus universam arcem die altero sepivit, asserens se obsessos non oppugnando, sed sedendo tantummodo confecturum. Dum autem Colomannus et hii, qui secum in arce erant, negligenter infra obsidionis tempus portam castri posteriorem observarent, noccium una Rutheni suffossione facta in castrum irrumpunt et porta occupata Msczislaum cum gentibus, Hungaris et Polonis pavore nimio consternatis et ex castro partim diffugientibus, partim se precipitantibus (cum caligo nocturna metu causante omnia maiora credi iuberet) intromittunt. Castro potitus Msczislaus luce erumpente ad castellum et ecclesiam Sancte Marie, in quod Colomannus filius regis cum uxore et pocioribus militibus atque feminis se irrupcione comperta receperat, accedens, illud obsidere cepit sepiusque colloquium cum Colomanno filio regis expeciit, quod cum sibi militibus Hungaris et Polonis suadentibus negatum fuisset, perseverandum in obsidione duxit. Siti deinde Colomannum et suos premente vas aque illis a Msczislao transmissum est, quod pro magno munere acceptum et in capita per mensuram distributum vix dimidie parti satisfecit. Fame deinde premente obsessos, vitam tantummodo pacti se Msczislao dedunt hostiaque

apperiunt. Mandanteque Msczislao educebantur Hungarorum barones et uxores eorum et plures insignes persone, femine et matrone nonnullique Polonorum milites, quos omnes aut Polowczis distribuit aut curiensibus suis donavit. Ultimus omnium Colomannus filius regis cum uxore sua eductus, a Msczislao acceptus est et in Torczsko transmissus mandante Msczislao, ut sub diligenti cura et diligencia asservaretur, licenciatisque Msczislaus exercitibus in Halicz consedit. Dum autem nuncius tante cladis ad Hungarie regem perlatus fuisset, nimio merore consternatus et manu frontem verberans lacrimis indulgebat, dolens se tam turpiter conflictum. Quibus ad consultacionem consortis abstersis, militem suum Iarosch ad Msczislaum ducem Russie mittit, monens, ut filium suum et uxorem suam ceterosque vinctos solveret, denuncians se, ni id fecerit, cum omnibus potenciis contra Russiam venturum. Quo terrores huiusmodi nichili pendente et asserente non in sua potestate, sed Divina victoriam consistere et se, si venerit, illum excepturum et in virtute Dei conflicturum, Hungarie rex Andreas ea responsione <...>[c] magisque consternatus, cum et consiliarii illum de superba legacione coarguerent, et nisi graciorem ei intimaret, filium visurus non esset, miciora consilia secutus, mansueciorem legacionem per eundem Iarosch ad Msczislaum equis condicionibus offerendo pacem et solvi petendo filium transmittit. Consors insuper Andree regis specialem legacionem ad Msczislaum mittens submissius, quam regine conveniebat, pro relaxacione filii supplicabat. Msczislaus autem veritus, ne, si Colomannum dimitteret, de novo contra illum reintegraretur bellum, Colomannum relaxare negavit, sed propriis prefectis in castris Halicziensibus positis in Kyow ad Msczislaum Romanowicz ducem Kyowiensem transiit et pluribus diebus illic in solaciis et voluptate exactis in Halicz rediens, illic agebat principatum. (VI. P. 206–209)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS DECIMUS

Lestko deditus reformationi iurium Regni Swantopelkum ad Pomeraniae terras investivit accepto iuramento ab eo fidelitatis; qui mox mutavit fidem

Singulis terris et provinciis, que in suam sortem porcionemque obvenerant, Lesthko Albus dux et monarcha Polonorum provisurus, singulas earum specialiter et seriatim adibat, calamitatem mesticiamque cordis, que pectori suo ex clade Ruthenica aput Halicz accepta graviter insederat, extenuans. (VI. P. 210)

(...)

Filium suum Colomannum et uxorem eius Salomeam Andreas Hungarie rex de captivitate soluturus, plures cum Msczislao Msczislauicz per barones et consiliarios suos egit tractatus et conventus. In ultimo autem

---

1209 [c] *здесь, судя по конструкции фразы, в AD пропущено какое-то слово*

conventu in finibus Hungarie habito pax perpetua hiis condicionibus inter Hungarum et Ruthenum convenit, ut alter filiorum regis Hungarie Bela filiam Msczislai Mariam in consortem habeat, Msczislaus de Halicziensi ducatu Colomanno post triennium cedat, et tam ipsum Colomannum et uxorem suam omnesque sue potestatis captivos <...>[a]. Que omnia eo anno fuere consumata. (VI. P. 212)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS UNDECIMUS

Lestko dux Ruthenos iam fere contemptui Polonos habentes, per Sulislaum castellanum Sandomiriensem in magna copia profligat multis nobilibus et eorum ducibus captis

Secundorum eventuum certaminumque prosperitate, quibus Colomannum Hungarie regis filium de Halicziensi regno primum eiecerant, deinde insigni pugna fuderant, Ruthenicorum duces elati, plures faciebant in regiones Polonorum excursiones. A Lythwanis insuper et adiuti et docti rapta preda cum celeri festinacione in propria recurrebant et nusquam consistere ausi magis incomodis et vastatitate Polonie regiones affecerant iamque eam inflacionem pompamque induerant, ut Polonos contemptui et ludibrio ducerent. Quibus rebus Lesthko Albus Polonorum dux et monarcha permotus habito cum consiliariis maturo tractatu Sulislaum castellanum Sandomiriensem datis ei expeditis militibus in Russiam, talionem Ruthenis refusurum et incursiones eorum oppressurum, transmittit. Sulislaus autem castellanus Sandomiriensis Ruthenorum terras ingressus flammis illas vastat et cedibus magnoque numero captivorum congesto illos in Poloniam vinctos remittit. Ruthenorum autem duces vastacionem tam crudelem regionum suarum non ferentes illi occurrunt et pugnandi copiam faciunt, quam superioribus annis vafro usi consilio detractaverant. Pugna autem commissa Rutheni facili negocio, dum primas acies Poloni stravissent, victique fugatique sunt et Swanthoslaus Msczislauicz et quatuor alii duces, videlicet Georgius, Iaroslaus, Wlodimirus et Constantinus multusque militum et nobilium Russye numerus captus est, sed et non minor erat desideratorum, in quos ab ira Poloni gladios strinxerant. Et milites quidem nobilesque Ruthenorum Sulislaus castellanus Sandomiriensis in vinculis habuit Poloniamque deduxit, quorum plerique aut liberalitate Lesthkonis ducis manu dimissi sunt aut a suis redempti. Swanthoslaum vero ducem et quatuor duces alios secum captos propter furtivas excursiones, quibus Poloniam plurimum vexaverant attriverantque, et vindicandas et in futurum prohibendas vinctos tenuit victoremque exercitum de victorum spoliis ditatum et onustum non sine sui amplissima laude Poloniam reduxit. Processu deinde temporis duces Ruthenorum

---

1210 [a] *в AD пропущено сказуемое* liberet *или подобное (а, скорее всего, и более пространное окончание фразы, начинающееся с явно недостающего* quam. *Ред.)*

Swanthoslaum Msczislauicz, Georgium, Iaroslaum, Wlodimirum et Constantinum Polonorum dux Lesthko a captivitate absolvit.

Cometes stella in mense Mayo eo anno apparuit, que caudam et facem ab oriente dirigens in occidentem decem et octo diebus duravit [*et*][a] regionibus Ruthenorum magis propinqua cladem, quam in anno sequenti a Thartaris pertulerunt, portendebat. (VI. P. 212–213)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS DUODECIMUS

(...)

Thartari primum contra Polowczones veniunt et Ruthenorum omnem potentiam eis auxiliantem fundunt et caedunt

Potenciam suam Thartarorum gens in eam diem ignorata et vix audita ad partes septemtrionales extensura, Polowczis ex illa parte maris consistentibus et pluribus aliis nacionibus conflictis, deletis aut subiugatis, eciam ad terras eorum, qui citra mare Ruthenis confinantes degebant, venit. Qui de potencia sua diffisi, periculum, quod illis a Thartaris imminebat, petentes se universis potenciis Ruthenorum adiuvari, insinuant denunciando par discrimen, si victi a Thartaris fuerint, Ruthenis imminere. Veniunt et sub idem tempus ad Russie duces Thartarorum nuncii, exorando illos, ne se bello Polowczonum implicent nec iungendo se Polowczis necessitatem Thartaris bellum contra Russiam movendi imponant; sed si sapiunt, de suis finibus Polowczos hactenus plurima mala Russie terris inferentes exterminent, cum de aliis regionibus Thartari illos sint verisimiliter exterminaturi. Duces autem Russie parum provido usi consilio et nulla super hiis matura deliberacione premissa, gencium iure violato, Thartarorum nunciis interfectis, vadunt exercitualiter contra Thartaros solacium Polowczis laturi, videlicet Msczislaus Romanowicz cum milicia Kyowiensi, item Msczislaus Msczislauicz cum Haliczìensium milicia, item Wlodimir Rurikowicz ceterique duces Russie, item duces Czyrnyeowienses, item duces Smolnenses, item omnis Polowczonum terra et omnes duces eorum. Et aliquibus ducibus et militibus Russye in equis euntibus, aliquibus in navibus, perveniunt usque ad Protholcze; et abinde singuli ascensis equis duodecim stativis ad fluvium Kalcza perveniunt, quo iam Thartari castra sua posuerant. Et illico Thartari respirandi spacio non dato in Ruthenos et Polowczos decima septima die irruunt; Polowczis autem contritis et diffugientibus, eciam acies Ruthenorum turbantur et biduo duces Mscislaus Kyowiensis et <...> Czyrnyeowiensis captivantur plurimaque cede edita, multis aut captis aut necatis, ceteri diffugiunt. Sed et in fugientes aliud eque horrendum discrimen a Polowczis sociis, per quorum terras fugam maturabant, editum; nulli enim etati aut condicioni parcendo Polowczonum agrestes Ruthenos, si equites, propter equos, si pedites, propter vestes trucidabant. Qui vero ex

---

1211 [a] (*явный пропуск в AD или в Dlug. – Ред.*)

Ruthenis in montes confugierant, fame moriuntur plerique in aquis suffocantur horrendumque malum in die illa secutum est, quale nusquam fuit in terris Russye visum aut auditum. Mscislaus autem Mscislawicz Haliczien-sis dux, dum fugiendo ad naves pervenisset, superatis fluviis, naves, persecucionem Thartarorum veritus, disrumpi mandavit abindeque fugax in Halicz pavore et trepidacione plenus pervenit. Dum vero alia omnis multitudo Ruthenorum ad naves fugiendo pervenisset et eas offendisset violatas, in merorem versa, dum undas tranare non posset, fame conthabescens illic consumpta est, preter duces et aliquos eorum milites, qui in lembis fluvios traiecerant. Wlodimirus autem Rurikouicz fuga et ipse salvatus in Kyow perveniens sedem accepit Kyowiensem. Eaque prima clades extitit, quam Rutheni pertulere a Thartharis. (VI. P. 215–216)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS SEXTUS DECIMUS

(...)

Bellum inter Lithuanos et Russos

Lithwani cum in anni huius hieme Russie regionem predatum venissent raptaque preda more suo diffugerent, a duce Iaroslao Wszewoldicz et Novogrodensibus consecuti prelio inito confliguntur. Ruthenis quoque non incruenta cessit victoria, quoniam et dux Dawid Thoropeczky et plures alii Russie milites desiderabantur. Sequenti quoque tempore, dum alius Lythwanicus exercitus civitatem et regionem P<o>loczsko vastaret, dux Mscislaus Dawidouicz cum Smolnensium milicia celeri cursu in P<o>loczsko adveniens, Lythwanos incautos offendens absque numero sternit et occidit plerosque autem, qui in curias et domos occultandi gracia confugerant, inde extractos vario supplicio necat, alios eciam in lacubus submergit et paucis evadentibus fere omnes delevit. (VI. P. 224)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS DECIMUS OCTAVUS

(...)

Colomanus Haliczensem ducatum recuperat

Colomannus filius Andree Hungarie regis Russiam cum Hungarorum copiis adveniens et [*a*][a] Haliczensibus et a duce Mscislao Mscislawicz magno honore susceptus est. Ducatum autem et arcem Haliczensem Mscislaus dux iuxta fedus cum patre suo rege Andrea initum resignans et de illis excedens in Thorczsk se contulit et anno sequenti rebus humanis

1218 [a] (*в Dlug. – вследствие опечатки? так в AD? – предлог отсутствует. Ред.*)

exutus in ecclesia Sancte Crucis in Kyow, quam fabricaverat, sepelitur. Cepitque extunc Colomannus Haliczìensem principatum pacifice possidere. Non tamen diuturna fuit illi huiusmodi pacifica possessio.

Ducibus Czyrnyeouiensibus copias suarum gencium contra Kamyeniecz ducentibus dux Mscislaus Szmolnenses et Polowczos in subsidium transmittit. Cui potencie Kamyenyeczenses dum non possent resistere, regio eorum variis calamitatibus afflicta subiacuit. (VI. P. 229–230)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS

Lestko uxorem ducit Grzimislawam filiam Iaroslai ducis Russiae

Cracouienses proceres veriti, ne propriis ducibus Lesthkone Albo et Cunrado sine liberis obeuntibus in peregrinorum ducum dicionem devenire cogerentur, Lesthkonem ducem suum duodetriginta annos habentem, coniugem assumere compellunt. Varia tamen aput consiliarios erant vota, alii enim cum Hungaris, alii cum Almanis, alii cum Bohemis, ceteri cum Ruthenis futuram affinitatem prestanciorem iudicarent. Vicit tandem ea pars, que amiciciam cum Ruthenis suadebat. Pro illaque tempestate Ruthenorum amicicia pocior iudicata est, tum ut dominium Polonorum lacius posset porrigi, tum ut cum Ruthenis pax plurimis bellis et simultatibus infecta posset reformari. Itaque ex consiliariorum sentencia Lesthko Albus virginem et genere et moribus formaque ingenuam Grzymyslawam, filiam <Iaroslai> ducis Russie, accipit in uxorem, et nupcie sumptu et apparatu magnifico in urbe Cracouiensi celebrantur, quarum celebritas per actus militares et hastarum ludos in dies plures fuit producta. Ea demum affinitate tam Polonis quam Ruthenis certa et optima pax effulsit iugi bello, quo se utrimque collidebant, penitus sublatis[a], et superioribus iniuriis obliteratis, captivi quoque in bellis transactis capti, tam ingenui quam aggrestes manudimissi. (VI. P. 231–232)

(...)

Magno livore acti Russie duces, quod Colomannus Hungarie regis filius [*pacifice arcem et regionem Haliczìensem*][b] hactenus possedisset, Danielem Romanowicz ducem suapte ad id proclivum, quod regionem ipsam pater suus habuerit, incendunt. Qui illorum adductus suffragiis, in Halicz adveniens et neglecta omnia offendens, arcem occupavit et Colomannum inde cum Hungaris in Pannonias effugat. (VI. P. 232)

1220 [a] (*так в Dlug. (и в AD?); однако текст явно искажен, ожидалось бы* iugis belli... sublatis *или* iugo belli... sublato. – *Ред.*)

1220 [b] *в AD* pacificam arcis et regionis Haliczìensis (*принимаем в нашем изд. эту конъектуру, но считаем, что естественнее и соответственнее стилю Длугоша было бы предположить пропуск слова – например,* dominationem – *после* Haliczìensis. – *Ред.*)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS PRIMUS

(...)

Undecimo Kalendas Iulii apud opidum Corczin Grzimyslawa ducissa, consors Lesthkonis Albi Cracouiensis et Sandomiriensis ducis, infantem pulcerrimum enixa est, qui patre iubente Boleslaus nomen accepit. De cuius ortu pater vehementer exultans cum illum magnis votis expetisset, et celebritatem magnificam diebus aliquot Cracouie tenuit, et in ecclesias, monasteria, pia loca et miserabiles personas multos liberales sumptus gratificaturus donum sibi celitus prestitum effudit.

Andreas Hungarie rex iniuriam suam et filii sui Colomanni per Danielem Romanowicz ducem irrogatam ulturum iri sathagens, duos filios suos, Colomannum et Belam, contra Danielem et Haliczienses cum magnis copiarum exercitibus et baronibus precipuis transmittit. Qui etsi Halicziense castrum tribus hebdomadis obsidione et impugnacione vexavissent et propediem illius conquisicio speraretur, duplex tamen malum, videlicet disenthirice pestis et famis, in exercitum et equos eius seviens, ipsos cepto irrito redire Hungariam plurimis desideratis coegit; plures eciam pabulandi gracia longius progressi capiebantur a Ruthenis aut obterebantur. (VI. P. 234)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS SECUNDUS

(...)

Hungarie rex Andreas novo exercitu in eum annum comparato filium Colomannum contra Haliczienses transmittit, qui magis quam anno transacto usus prospera fortuna, Daniele Romanowicz duce non ultra audente se sibi sueque potencie opponere, absque omni resistencia Halicziensium potitus est regione et arce. (VI. P. 236)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS QUARTUS

(...)

Ducissa Grzimislawa Lestkonis Albi consors partum femineum edidit, qui etsi patri Lestkoni semiplene gratus esset, eo tamen uno iocundabatur, quod filia tunc genita et sterilitatis opprobrium consortis sue abstulerat, et arra certissima future masculine prolis erat; que in baptismo patre iubente Salomea vocata est. (VI. P. 240)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS QUINTUS

(...)

<Colomannus Andree Hungarie regis filius dum annis tribus in principatu Haliczienski sedisset, aput Haliczensem arcem morbo, incertum est, an veneno correptus moritur. Post cuius mortem Daniel Romanovicz dux Ruthenis faventibus arcem et regionem Haliczensem occupavit, in eaque consedit. Sed Yszaslaus dux Haliczensem ducatum sibi vendicaturus, fretus Polowczonum auxilio, contra illum venit et pugna comissa Daniel dux victus succumbit duxque Wladimirus et frater suus, qui Danieli solacia tulerant, captivantur; propter quod arx et regio Haliczensis in dicionem Michalkonis ducis favente Yszaslao concessit.>

(VI. P. 243)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS SEXTUS

(...)

<Grzimislawa consors Albi Lestkonis ducis Regni Polonie et monarche filium pulcerrimum aput arcem Nove Civitatis Korczin enixa est; cuius nativitas in magnum gaudium cessit. (...) Boleslaus vocatus est patre Lestkone iubente.> (VI. P. 245)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS OCTAVUS

(...)

In magna multitudine et que vix estimari poterat, Thartari Russie terras ingressi plurima mala cede et flamma in illis committunt et universam terram Rzeszanska vastant, spoliant duceque Rzesanorum occiso etiam senes et impuberes necant, ceteram multitudinem captivam in servitutem abducunt, castraque conquisita incendunt. Neque his contenti iterum in anni huius hieme in terram Szuszdali adveniunt, et terra universa pervastata etiam Gregorium (так! *Ред.*) ducem et filios eius pluresque alios Szuszdalorum duces interficiunt, et Wladimiro duci castrum Rostow auferentes, arcem incendunt, et captivis plurimis atque predis pro libito pociuntur. (VI. P. 253)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS VICESIMUS NONUS

(...)

Frequens Thartarorum multitudo in Szmolnensem et Czirnyeowiensem regiones adveniens, eas crudelissima cede, nulli parcens etati, quatit et pervastat. Castris autem et fortaliciis plurimis, ex quibus et duces et militares diffugierant, consistere in illis non ausi, potita, ea incendit. Et nullam resistenciam sentiens, singulis a facie eorum in paludinosa et invia silvestriaque loca se subducentibus, onusta captivorum multitudine atque preda in sua revertitur. (VI. P. 256)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS TRICESIMUS TERCIUS

(...)

<Wladimirus Kyoviensis dux veritus ritum suum Grecum per fratres Predicatores, videlicet Martinum de Sandomiria priorem Kyoviensem et alios fratres eius, utpote viros religiosos et exemplares pessundari et confundi, prefatos fratres de ecclesia Sancte Marie in Kyow ordini prefato consignata, et circa quam habebant conventum, <...>[a] et expellunt redeundi facultate eis interminata.> (VI. P. 266)

(...)

ANNUS DOMINI MILLESIMUS DUCENTESIMUS TRICESIMUS OCTAVUS

(...)

Fundatio monasterii fratrum Praedicatorum in Halicz

<Aput Haliczensem civitatem monasterium fratrum Predicatorum fundatur et fratres provincie Polonice domum illic accipiunt.> (VI. P. 283)

(...)

1233 [a] *очевидный пропуск нескольких слов*

ПЕРЕВОД*

...) – та часть латинского текста, которая опущена при переводе;

) – та часть латинского текста, которая дается в сокращенном пересказе: как правило, *курсивом*, но внутри курсивного текста – прямым шрифтом;

[ ] – добавления для ясности смысла: переводчика – прямым шрифтом (внутри курсивного текста – *курсивом*); добавления или конъектуры (NB) издателей латинского текста или редактора настоящего перевода – *курсивом*;

< > – добавления и приписки к латинскому оригиналу: прямым шрифтом – авторские добавления Длугоша или добавления рукою писца основного текста, *курсивом* – сделанные другой рукой, иногда позднейшей, или имеющиеся только в других, помимо "автографа" Длугоша, списках;

<...> – явные дефекты в латинском оригинале: пропуски одного или нескольких слов по недосмотру, а также лакуны, оставленные в тексте самим автором и впоследствии не заполненные.

[*КНИГА I*]

Как после всемирного потопа во время строительства Вавилонской башни Бог Совершеннейший и Величайший разделил единый еврейский язык, существовавший до той поры от сотворения мира, на семьдесят два языка и каким образом потомство Ноя, вследствие различия языков и последовавшего отсюда расхождения и противоречия в обрядах, наполнило части света, а именно Азию, Африку и Европу (коих и границы описываются)

(...) (*Послепотопный мир делится между тремя сыновьями Ноя.*) И в то время как сыновья Сима разделились на двадцать два языка, а сыновья Хама – на тридцать три, заняв Африку, сыновья Иафета, разветвившиеся на семнадцать языков, получили в вечное наследство всю Европу. Европа же берет начало от реки Танаиса, которую поляки на своем языке именуют Доном, татары – Эдилом, и ограничена с одной стороны Тирренским, с другой – Северным и Гадитанским океаном. Танаис рождается в Рифейских горах и несет воды так стремительно, что когда соседние реки, Меотида и Босфор часто сковываются льдом, он один, вырываясь из горных расщелин, никогда не твердеет от скифских морозов, [образуя] знаменитую границу между Азией и Европой, одну часть [света] завершая, а другую начиная. (*Гадитанское море.*) Северный океан в северной части иногда именуется Сарматским морем, потому что на его берегах находятся подвластные сарматам, или полякам, области и города, из которых наиболее известны населенные поляками Любек, называемый по-польски Булковец, и Гданьск. *(Острова Европы.)* Кроме того в Европе расположен город Византий, или Константинополь[1]. *(Сыновья Иафета и их области.)*

Таковы сыновья Иафета, сына Ноя, сына Ламеха. Первый же человек из рода Иафета, который прибыл в Европу с тремя своими сыновьями, звался Аланом. Имена их [сыновей Алана] следующие: Исикион, Арменон, Негнон. *(Сыновья Исикиона и Арменона.)* Третий сын Алана, именно Негнон, имел четырех сыновей[2], имена которых таковы: Вандал, от которого прозвались вандалы, именуемые ныне поляками, и который по своему имени решил назвать

Вандалом реку, что ныне на народном языке зовется Вислой, <по-другому – Вистулой>. Второй сын Негнона – Тарг, третий – Саксон, четвертый – Богор. И так от Исикиона, первородного [сына] Алана произошли франки, римляне и прочие латины и алеманны. От второго сына Алана произошли готы и лангобарды. А от Негнона, третьего сына, – разные народы по всей Европе, а именно вся Русь до самого востока, Польша – крупнейшая из земель, Поморье, Кашубия[3], Швеция, Сарния[4], которая теперь называется Саксонией, и Норвегия. От третьего сына Негнона, который звался Саксоном, [произошли] Чехия и Моравия, Штирия, Каринтия, Карниола, что ныне зовется Далмацией, Lizna, Хорватия, Сербия, Паннония, Болгария, Elisza. Итак, рожденный от сыновей Иафета предок всех славян[5], выйдя из полей Сеннаарских, пройдя Халдею и Грецию поселился со своими сыновьями, родней и челядью около Понтийского моря и реки Истра, который мы теперь назваем Дунаем. (*Паннония – первородина славян в Европе.*) (I. P. 66–69)

(...)

Лех приходит в Польшу и поселяется в ней; описывается ее природа и плодородие, а также с какими землями она соседит

(...) С севера Польша представляет собой северную часть Славонии[6], которая имеет соседями с востока Русь, с юга – Венгрию, с юго-востока – Моравию и Богемию, с запада – Дакию и Саксонию[7] (I. P. 73)

(...)

Семь первых рек Польши, с присовокуплением [сведений об] их названиях, начальных истоках и устьях

(*Висла, Одра, Варта.*) Четвертая [река] – Днестр, исток которого – в Сарматских горах[8] близ крепости Sabyen в Перемышльской земле, впадение в море – много ниже Черной и Белой крепостей[9]. Пятая – Буг, исток которого – в болоте, в верхней части крепости и города Oleszko, в деревне Kolthow, впадение в реку Нарев (так! – *Ред.*) – близ города Siraczecz и ниже Дрогичина. Шестая – Неман, который вытекает из лесов и болот города Kopyolow, преодолев большие пространства, разделяется на два рукава близ прусской крепости и города Ragnethe и, с этих мест оставив первоначальное старое имя, один рукав, текущий в сторону Ливонии, зовется Rossza, а другой, обращенный в сторону Пруссии, носит имя Lilia; наконец оба двумя руслами впадают близ крепости Мемеля в Великое озеро[10], ответвляющееся от океана. Он течет таким извилистым, неровным и запутанным течением, что плывущие по нему после целого дня плавания часто, по близости места из-за извилистости русла,

берут огонь от костра вчерашнего дня. Седьмая – Днепр, по-латыни он именуется Дрином и вытекает из московских пределов, из леса Wyasznya, впадая в озеро близ города Дашев; а озеро, питаемое и той, и другой рекой (так! – *Ред.*), переходит в океан[11]. Названия же более мелких рек, которые втекают в упомянутые семь главных рек, добавлю [ниже]. (I. P. 75)

(...)

Река Днестр со своими притоками

Четвертая река польских и русских земель – Днестр, который по-татарски зовется Турло, <по-латински или по-гречески Teriszannis, или Тирас>[12]. Он вытекает близ крепости Sobyen из горы Бескиды[13] и из места, называемого Dambrouicza из-за стоящего там необычайного дуба, из-под корней которого две упомянутых выше реки, именно Днестр и Сан, уходят в польские, а третья – Ticia, которая и Тиса, – в паннонские края[14]. Днестр, напитавшись значительными притоками и из Валашской земли, которая также подвластна Польскому королевству, и текущими с юга и востока, изливается близ Белой Крепости в Эвксинское море[15]. Первый [из них] – Стрый, исток которого – в Сарматских горах[16] близ деревни Wyssoczsko, устье – около города Zudaczow. Также Thyszmyenicza, исток которой – в Сарматских горах близ Pokucze, устье – около города Czyeszybyeszy. Также Прут, исток которого – в Сарматских горах, впадение в Серет – ниже города Текуча. Также Bassa, которая вытекает из озера близ деревни Sthephanowcze, впадает в Прут близ деревни Pyeczora. Также Серет, исток которого – в болоте близ крепости Oleszko в деревне Zarkow, впадение в Дунай ниже Tharhowyscze. Также Збруч, исток которого – в болоте под названием Kuszmyn, близ Oleszko, устье – близ крепости Ryczywol. Также Смотрич, который вытекает из гор Sberaskye, обтекая своими водами город Каменец, удивительный расположением на скале, устье – близ деревни под названием Vszcze. Также Lyppa, вытекающая из болот Oleszko близ деревни Czeremoszna, устье – ниже Галича, около деревни Baranow. Также Sczeklo, которая вытекает из рощ Dobrestani, устье – во Wrzeszycza. <...> из леса под названием Zelyaszne Nogy, впадение в Wysznya – около деревни Lowczicze. Также Dzesza, исток которой близ города Drochun, впадение в Прут – близ Ясского Торга, или Филистимского форума[17]. Также Молдава, которая вытекает из Сарматских гор, с горы Kyrleba, впадает в Серет близ Романова Торга. Также Сучава, которая вытекает из Сарматских Альп, с высокой горы, что зовется Ineho, за деревней Dzykowe, впадает в Прут близ города <Czarnovicze>. Также другой Серет, [вытекающий] из гор Sereth, впадающий в Прут <в Валахии, в деревне> <...>. Также Strippa, исток которой – из болота и озера близ деревни <Zubowcze около Каменца>, устье – близ деревни Chmye-

lowa. Также Bloszwya, исток которой – из болота Phelstin близ деревни Bleszwye, устье – близ деревни Dolobow. (I. P. 83)

Река Буг со своими притоками

Пятая река польских и русских земель – Буг[18], несущая черные воды, ненавистная всем русским, ибо у ее вод поляками были уничтожены все их силы, в первый раз – королем их [поляков] Болеславом Великим[19]; и разрушение и завоевание их главного города Киева, до сего дня показуя следы[a]; напояется следующими реками. Первая – Мухавец, исток которой – в лесах и болотах Jaroyewyszcze, недалеко от города Турова, устье – близ крепости и города Бреста. Вторая – Белз[20], исток которой – в лесу у деревни Пшеворска, а устье – близ деревни Kluschow. Также Хучва, исток которой – в лесах Grodek, у деревни Podhorcze, устье – в деревне Grodek, где некогда [была] древняя крепость Волынь, от которой именовалась Волынской вся земля, что нынче называется Холмской и Луцкой. Также Рата, исток которой – в верхней части деревни Wyrzch Ratha, устье – близ деревни Schyedlicz. Также Свинья, исток которой – близ деревни Drewna, впадение в Рату – ниже деревни Dworcze. Также Волшвин, исток которой – в болотах деревни Pothieschin, устье – близ деревни Pozdzymyrz. Также Полтев, исток которой – в деревне Zubrza, недалеко от Львова, устье – близ города Busko. Также Нур, исток которой – в лесах города Byelsko, а устье – близ деревни Zaszkow. Также Лив, исток которого – в лесах города Lukow, а устье – близ Каменца Мазовецкого. Также Коштрин, исток которой – в лесах Dambrowka, впадение в Лив – близ деревни Polykowo. Также Блотня, исток которой – в болоте, что зовется Baranowo Blotho, устье – около города Sokalye[21]. Также Древня, исток которой – в болоте близ деревни Dworcze, устье – около того же города Sokalye. *<Также река Влодава, берущая начало в болоте деревни Szosznowycze, около города Холма в Холмской земле, она отделяет Холмскую землю от Брестской земли и, наполняясь водами многих притоков, впадает в реку Буг близ деревни Szoszno.>* (I. P. 84)

Река Неман со своими притоками

Шестая река польских и русских земель – Неман, *<именуемая римлянами Tvruntius*[22],> с течением, как сказано выше, весьма извилистым. *(Далее перечисляются притоки Немана.)* (I. P. 84)

(...)

---

[a] (Фраза “и разрушение показуя следы” грамматически некорректна в самом латинском оригинале, представляя собой, вероятно, не вполне удачное добавление к уже написанному тексту. – *Ред.*)

Река Днепр со своими притоками

Седьмая река польских и русских земель – Днепр, римлянами называвшаяся Дрином, <или Борисфеном, протекающая близ города Киева, столицы Руси,> а в него, именуемого по-татарски Erzesze[23], вливаются [следующие] реки. Первая – Припять, исток которой – недалеко от крепости Lubomlya, в деревне Holowno, устье – ниже крепости Чернобыля, близ деревни Poohost. Также Стырь, исток которой – в болоте выше Oleszko, в деревне Yeszonow, впадение в реку Припять – недалеко от Пинска. Также Большая Случь, исток которой – близ деревни Choyewycze, впадение в реку Припять – ниже города Турова. Также Малая Случь, исток которой – близ города и крепости Coszmin, впадение в реку Припять – близ Grodek. Также Czetrzew[24], исток которой – близ крепости и города Czudnow, впадение в реку Припять – рядом с деревней Munuczkowicze. Также Slunew, исток которой – в болотах деревни Szathigyow, впадение в Стырь – ниже Луцка, <ниже города>. Также Rosz, исток которой – <в болотах около города Szmolnyany>, впадение <в Д[*непр*]> – близ крепости и города Орши. Также Ясельда, исток которой <близ города Kopilow[25]>, впадение в Припять – ниже города Пинска. Также Березина, исток которой <в болотах и пустынях Великой Руси, близ города Полоцка, впадение в Днепр – рядом с городом под названием Бобруйск>; *<эта река Березина отделяет Литву от земель Руси>*. Также Свислочь, устье которой – близ деревни Porosthow, в верхней части, впадение в Березину – близ города Борисова. Также Swyna, исток которой – в озере Wloszka, впадение в море – близ Риги. Также Полота[26], по которой именуется город и земля Полоцкая, <исток которой – близ крепости Кревы>, впадение в реку Двину – <рядом с крепостью Полоцком>. Также [Южный] Буг, исток которого – в верхней части леса Oleszko, впадение в Днепр – близ крепости и города Дашева[27]. Также Wyzew, исток которой в деревне Nowoszedlcze, впадение в Припять – ниже крепости Rathno. Также Lutha, исток которой – возле деревни Tremno, впадение в Wyschew – недалеко от Rathno. Также Bereszyna, исток которой близ города Vborcz, устье – близ города Strzeszno. Также Брежница, река, разделяющая Луцкую землю и Литву; она служит истинным пределом Польского королевства[28]. Также Орша, исток которой <...>, впадение в Днепр – около <...>. Также Бобр, которая истекает <...>, впадает в Днепр близ <...>. Также Orinya, исток которой – близ города Dambrowicza, впадение – в реку Стырь. (I. P. 85–86)

Неман – [самая] мирная из всех рек

<Надо заметить, что почти все польские реки, а именно Висла, Гуттал[29], Варта, Буг, Днепр и Днестр, разрушают и подмывают берега в своих руслах, поглощая множество деревьев с большими ку-

сками суши, а часто – даже и [целые] деревни. У одного лишь Немана русло такое глубокое и округлое, наподобие котла, что он течет спокойно в пределах своих берегов, не нанося урона ни рощам, ни лугам. Кроме того, все названные польские реки образуют озера и острова, а нередко, покидая прежние русла, создают новые русла и новые острова, а также новые озера, словно во время наводнения, и обычно [снова] возвращаются в прежние.>

<Река Двина протекает через большие города Руси Полоцк и Витебск. С другой стороны крепости Витебска течет Витьба, довольно большая река.>

(Устья других рек, кроме Вислы.) (I. P. 86–87)

Описание Польши с четырех сторон [света], а также почему Русь слывет изобилующей красивыми мехами

Всю землю, в которой протекают упомянутые семь рек и все прочие, которые в них впадают и расходятся от их истоков вплоть до вод Океана, захватил Лех – прародитель и князь лехитов[30], или поляков, подчинил ее своей власти и владеет ей сам и через своих потомков наследственно от многих народов и, с Божьей помощью, будет владеть; с востока же [с ним] никто не соседствует, кроме греков и Львиного моря[31], до которого в те времена нужно было добираться через леса и дебри, простирающиеся на расстояние в двести и более миль, и многочисленные реки, неизвестные тогда даже державному родоначальнику. Эта восточная земля спустя долгое время была заселена и освоена одним из потомков Леха, который звался Русом, и получила имя Русь[32]. Со временем она превратилась в богатейшие и обширнейшие провинции, земли и города, которые мы видим ныне, изобилующие множеством соболей, куниц и мехами других благородных зверей, которые водятся в окрестных пущах. Жители этих [земель] очень богато одеваются в роскошные темные меха этих изысканных зверей, хотя сами живут скромно и убого[33]. (I. P. 87)

(...)

Какими городами украшены Висла, приятность которой отменна, Одра, Варта и Днепр, знаменитые реки

(Висла впадает в океан тремя жерлами, имеет более сорока притоков.) Хотя на Одре, воды которой стремятся на запад, есть славные города Рацибуж, Бжег, Вроцлав и Франкфурт, а на Варте, которая течет посредине между ними (так! – *Ред.*)[34], – Серадз, Пыздры, Познань, на [*Днепре*] – Киев, но Висла, среди польских рек явно главная, прославлена бóльшими городами. *(Следует их перечисление и похвала Висле.)* (I. P. 88)

Откуда происходят названия “лехиты”, “поляки”, “вандалы”, “скифы” и “германцы”, а также кое-что о Русе, от которого Русь

Лехия и народ ее лехиты были названы по первому князю-основателю Леху. Но так как во многих местах равнины полей, пригодных для посевов, неустанным трудом и тщанием земледельцев за короткое время приобрели вид как бы природных равнин, увеличившись из-за выжигания лесов, превращавшихся в подобие полей, то лехиты, и прежде всего те, которые обитали в полях, от прочих [своих] побратимов и родственников, которые населяли леса, и от соседних народов, обитавших вокруг, получили название “поляне”, то есть “полевые” Оно употреблялось столь часто, что старое имя было забыто, и народ и земля даже некоторыми писателями стали именоваться Полонией как главным и обычным названием[35]. Соседние же народы, и прежде всего русские, которые в своих анналах гордятся тем, что происходят от корня князя Леха, называют поляков и их земли лехитскими до сих пор; также и у славян – болгар, хорватов, гуннов – это название удерживается по сей день[35a], хотя во многих местах некоторыми авторами они именуются и пишутся вандалитами – от реки Вандала[36], которая есть не что иное как Висла, тем самым указуя на то, что эта река – главная. Древними же писателями и историографами [страна] называется Европейской Сарматией, и как русские, так и поляки именуются сарматами[37]. Я думаю, это данное древними полякам и русским название справедливо и правильно: отсюда и Альпы, с которыми они граничат и которые отделяют Польшу и Русь от паннонцев, во всех писаниях носят имя Сарматских гор[38]. Многие прилагали [к русским и полякам] неверное название “скифы”, некоторые – “германцы”[39], поскольку вся та земля, которая расположена между Танаисом, Эльбой и Вистулом, писателями называется Скифией. Когда с течением времени поляки и русские пришли для ее заселения, то и их некоторые стали называть скифами. А так как Вистул, образуя границу между Скифией и Германией[40], течет посредине Польши и от его истока, то есть начала, и до впадения никакой другой народ, кроме поляков, на его [берегах] не живет и не обитает, то поляки называются германцами. Некоторые силятся утверждать, что Рус был не потомком, а братом Леха, и вышел вместе с ним и третьим братом Чехом из Хорватии, населил обширнейшие русские королевства, главой и столицей которых является Киев и которые омываются широчайшими реками Днестром, Днепром, Неманом, Прутом, Случью, Стырью, Збручем, Смотричем, Серетом, и распространил свои пределы по ту сторону Новгорода, русского города, богатейшего и славнейшего золотом, серебром и мехами, расположенного среди болот и топей почти на краю земли[41]. Такое разноречие писателей о происхождении Руси больше затемняет это происхождение, чем разъясняет. (I. P. 89–90)

Теодорих, король готов, убил русского князя, в течение четырнадцати лет владевшего Римом и всей Италией, и завладел королевством Италии

От этого Руса, первого [*праотца*] и насельника Руси, ведет корень и род русин Одоакр. В год от Рождества Христова пятьсот девятый, при папе Льве Первом и императоре Льве Первом, он явился в Италию с русским войском, взяв Тициний, разрушил его огнем и мечом, взял в плен и обезглавил Ореста, а Августула, который осмелился захватить императорскую власть, изгнал. Войдя со своими [воинами] победителем в Рим, он овладел королевством всей Италии, и никто не смел ему противиться. После его четырнадцатилетнего в высшей степени мирного и спокойного правления Теодорих, король готов, с большим трудом пробился в Италию через Болгарию и Паннонию. Когда он и его войско восстанавливали силы на обильных пастбищах недалеко от Аквилеи, Одоакр напал там на него с войском всей Италии, [но] был разбит Теодорихом и готами. Так как его, спасшегося бегством с немногими, народ не пустил в Рим, он укрылся в Равенне. Измученный трехлетней осадой Равенны и вынужденный сдаться, он попал в плен к Теодориху и был убит, а отнятое у русских королевство Италии Теодорих передал себе и готам[42]. (I. P. 90)

(...)

Озера Холмской земли

Swythasz – большое озеро в Холмской земле близ деревни с тем же названием, составляет пять миль в окружности, две мили – в длину, одну – в ширину и дает прекраснейшую рыбу k l e s z c z e (клещи. – *Ред.*), [т.е.] *forcipes*. Также Szaczsko – большое озеро Холмской земли, двуименное, ведь местные жители называют его другим названием – Luczomir, но по селению, рядом с которым расположено, оно зовется более распространенным названием Szaczsko; испуская из себя реку того же названия Luczomir, оно составляет полмили в длину, половину – в ширину. Также Thvr – большое озеро Холмской земли, во все стороны одинаково, в длину составляет две с половиной мили, в ширину – одну милю[б]; оно дало имя Thvr также и деревне, расположенной поблизости. Оно наполняется и от реки Luczomir, истекающей в него из Thur[в], который, выйдя из него, и невредимо минуя несколько значительных озер, кончается в реке Припяти. Также Byalye – большое озеро Холмской земли, расположенное в пустынном месте между двумя дерев-

[б] (Такое противоречие – в самом латинском оригинале! – *Ред.*)

[в] (Утрата смысла – в самом латинском оригинале. Видимо, вместо *Thvr* здесь надо читать *Szaczsko*. – *Ред.*)

нями Radstow и Wethlye, составляет одну милю в длину и половина в ширину, дает до того жирную рыбу kleszcze, что их жиром наполняют множество сосудов <салом>. А вода этого озера в мае и апреле месяце окрашивает и темнит человеческое тело в черный цвет, и черноту можно смыть только другой водой. Также Orzechow – большое озеро Холмской земли, расположенное в обширном бору неподалеку от двух деревень Szamorowicze и Szczodrohoscz, составляет полмили в длину, четверть мили – в ширину; питаемо рекой Luczomir, которая истекает из реки Thur, вливается в него и из него втекает в соседнее озеро, именуемое Orzechowyecz. Также Orzechowyecz – озеро Холмской земли, расположенное в бору неподалеку от озера Orzechow, составляет четверть мили в длину и в ширину, потому что круглое, равно простирающееся во все стороны, которое также питается рекой Luczomir и, вытекая из него, впадает в Ostrowye[г]. Также Osztrowye – озеро Холмской земли, расположенное неподалеку от деревни Nyewyer, составляет полмили в длину, четверть – в ширину; и оно питается рекой Luczomir, которая, пройдя после озера небольшое расстояние, сливается с рекой Припятью. Также Mszane – озеро Холмской земли, расположенное неподалеку от деревни Zamorowycze, составляет четверть мили в длину и половину – в ширину, его дно изобилует камнями кремнями, которые вытаскивают на сушу вместе с рыбой. Также Polmo – большое озеро в Холмской земле, расположенное близ одноименной деревни Polmo, составляет одну милю в длину, полмили – в ширину. Также Pyaszeczno – озеро Холмской земли, расположенное близ деревни Lubochinye, составляет одну милю в длину и половину – в ширину; из него истекает река Кремянка. Также Szinow – озеро Холмской земли, названное по одноименной деревне, рядом с которой расположено, со всех сторон окружено горами, круглое в ширину и длину, поскольку равно протяженное [во все стороны]. Также Krzemno – озеро Холмской земли, которому прилежит одноименная деревня Krzemno, обнаруживает округлость, имея одинаковую протяженность в ширину и в длину, питается рекой Кремянкой, которая, истекая в него из озера Pyaszeczno, впадает из него в реку Припять. Также Lukye – большое озеро Холмской земли, расположенное неподалеку от дервени Dubyeczno, четверть мили в ширину и в длину, ибо склонно к округлости. Также Wyelykye – озеро Холмской земли, находящееся неподалеку от деревни Poląpy, составляет одинаково четверть мили в ширину и в длину из-за своей округлости. Также Czyarne озеро Холмской земли у деревни Szaczsko, составляет четверть мили в длину и в ширину. Также Rimacz – озеро Холмской земли, к которому прилегает одноимен-

---

[г] (Грамматический сбой в самом латинском оригинале; “вытекает”, по всей вероятности, река *Luczomir. – Ред.*)

ная деревня, составляет полмили в длину, четверть – в ширину. Также Okunyn – озеро Холмской земли, находящееся неподалеку от деревни Остров, составляет четверть мили в длину, половину – в ширину. Также Ploczicze – большое озеро Холмской земли, расположенное неподалеку от деревни Wyethly, составляет полмили в длину, четверть – в ширину. Также Strybosch – большое озеро Холмской земли, прилегающее к деревне Szczodrochoscze, которое питается рекой Припятью, протекающей по середине его; оно – круглое, равно простираясь во все стороны.

(*Озеро Wyecznino близ Хелма-Хелмжи на Висле.*) (I. P. 96–98)

Озера Русской земли

Нобель[43] – большое озеро Русской земли, располагается в Пинском повете, его питает река Припять и делает изобилующим рыбой. Также Olbyasz[44] – большое озеро Русской земли в Пинском повете, которое наполняет водами и рыбой та же Припять. Также Orzechow[45] – большое озеро Русской земли в Брестском повете, в отличие от предыдущего, которое само чрезвычайно <обильно наполняется рыбой из> реки <Krzna>[д] [46]. (I. P. 98)

(...)

Озера Литовской земли

Bersthy – озеро Литвы, составляет полмили в длину, рождает из себя реку под названием Kothra, изобильно рыбой, так что никакое [другое] в Литве не превосходит его. Также Dubycze – озеро Литвы, к которому прилежит город, названный по озеру Dubycze; хотя оно выглядит как четыре озера, но название имеет единое, ибо хотя их разделяют кое-какие болота, но воды их сообщаются.

<*Сверх того, надо отметить, что от большого озера или болота, находящегося в тридцати милях выше города Смоленска в сторону Новгорода, исходят три реки, о которых мы упоминали выше. Первая – Двина, которая течет к Риге, по направлению к океану. Другая – Волга, про которую полагают, что это – река Poricus, течет через гору Танаис и впадает в Каспийское море;* <скифы именуют ее Porata, греки – Pireton, поляки и русские – Волгой>[47] *Третья – Днепр, который по-латински или по-гречески именуется Борисфеном и впадает в Понтийское море близ Черногорода[48]. Также река Днестр по-латински или по-гречески именуется Therisannis[49] и отделяет Сарматию от Дакии, которую блаженный Августин именует древней и которая некогда со-*

[д] (Сообщение об озере Orzechow и реке Krzna в латинском оригинале грамматически сбивчиво и не вполне вразумительно, что и отражено в русском переводе. – *Ред.*)

ставляла королевство готов[50]. (Описываются горы и реки Центральной Европы, а также народы, вышедшие из Сарматии.) *А эта западная Сарматия ведет происхождение от Сарматии восточной, которая лежит ниже Каспийского моря*[51]*.>* (I. P. 99–100)

(...)

Озеро Белзской земли

Krinnicze – озеро Белзской земли, составляет полмили в длину и четверть – в ширину, в котором из-за его глубины затруднена рыбная ловля; имеет единственную в своем роде и таинственно отличающуюся от других озер природу. Ибо время от времени, иногда раз в три года, иногда раз в два года, раздается страшный рев, озеро сотрясается от волнения вод и по скрытым подземным пещерам перетекает в каменную гору по соседству, оставляя в своих берегах совсем немного воды со множеством рыбы, которую рыбаки легко ловят и собирают[52]. (I. P. 100)

(...)

Горы Русской земли

Также Кобрин[53], высокая гора в Русской земле, которую обтекает река Мухавец; [гора] возвышается над одноименным городом Кобрин. Также Холм, высокая гора, от которой получила прозвание Холмская земля; на ее вершине расположена крепость[54]. Также Кременец, высокая гора[55] в Подольской земле, имеющая на своей вершине сильную крепость; сплошная скала, на которой часто встречаются кремни, от которых имя горы и происходит: ведь по-польски и по-русски *silex* значит k r z e m y e n (т.е. кремень. – *Ред.*). Также Галич, высокая глинистая гора[56] в Галицкой земле, которая омывается рекой Днестр; на ее вершине расположена крепость; гора и дала имя земле и крепости. Лысая <гора>, высокая гора[57], поднимающаяся над городом Львов в Русской земле, на которой есть большая королевская крепость, обычно называемая Альта[58]. Также Потилица, высокая гора в Белзской земле, которая омывается рекой Потиличкой[59] и возвышается над одноименным городом; на ней когда-то была значительная крепость, как то видно по глубоким рвам. (I. P. 104)

(...)

Горы Великой Польши[60]

(...)

Также Бескиды[61], гора близ крепости Sobyen, отделяющая польские земли от паннонских. На ее вершине есть камень, исписанный русскими буквами и поставленный князем Львом, прежним князем Руси, показывающий границы королевств Польши и Венгрии[62]. С этой горы и ее вершины берут начало большие и знаменитые ре-

ки, а именно Днестр, Сан, Стрый и Тиса; сбегая различными путями с самой вершины горы, они расходятся по лежащим внизу землям, а именно Польше, Руси и Паннонии. (I. P. 105)

(...)

Знаменитые города Польши

(Краков, его главные церкви.) Город Краков, хоть и выдается всевозможными благоустройствами, но в особенности – тем единственным, что простирается соразмерно в сторону всех соседних земель, а именно Паннонии, Чехии, Моравии, Руси, Подолии, Литвы, из которых получает и [которым] поставляет многоразличные товары. *(Другие достоинства Кракова – в частности протекающая через него удобная и судоходная река Висла.)*

Также Львов, третья митрополичья резиденция Польши, которая была перенесена сюда польским королем Владиславом Третьим из города Галича[63]; знаменит двумя замками, которые над ним возвышаются, и богат различными товарами, которые ввозятся по Львиному морю[64] [и] сухопутным путем доставляются в него; однако лишен судоходной реки, которая обычно умножает благоустройство городов.

(Познань, Вроцлав, Влоцлавек, Плоцк, Хелмжа-Кульм, Камень, Любуш.)

Также Перемышль, основанный Пржемыславом, более, чем чем-либо иным, знаменит епископским достоинством, а также замком и храмом, построенным в замке из квадратных камней, и кроме того – рекой Саном, что протекает под ним[65].

Также Каменец[66], со всех сторон, вместо крепостных стен, окруженный наподобие венца высокими скалами, частыми и отвесными, которые отовсюду опоясываются и омываются немалой рекой Серетом, несколько заболоченным [в месте], где он обтекает город. Он столь выделяется одной только необычайностью и исключительностью природного расположения, что вид его повергает в изумление всякого: со всех сторон заключенный обрывистыми скалами, окруженный не валами, не рвами, как другие города, а глубокими пропастями, от взгляда в которые охватывает ужас, укрепленный по окружности, словно валом, другими скалами и скрытый естественной оградой, так что никто не догадается, что здесь город, прежде чем не вступит в сам город. В город открыт только один доступ из замка, с южной стороны, но круто поднимающийся. Замечателен и епископским достоинством, и замком, возвышающимся над городом, производит только мед, воск и скот.

Также Киев, основанный одним из польских языческих князей Кием[67] и получивший название от звучания его имени. Некогда огромнейший город, славный тремястами храмами, из которых некоторые разрушены от ветхости, достоинством кафедрального [центра] и знатной и плодоносной рекой Днепром, а также замком

на возвышенном холме, построенном из дубовых бревен. Замечателен, сверх того, близостью к морю; до того изобилует рыбой, что пойманные в водах Днепра рыбы меньше полулоктя выбрасываются диким зверям.

(Вильна, Медники.)

Также Луцк, известный великим плодородием почв и омываемый единственной красивейшей рекой под названием Стырь, замечателен епископией и замком, основанным князем Владимиром[68].

Также Холм, известный разве что епископским достоинстовом и замком, до такой степени запущенный и незначительный, что это достоинство следовало бы у него отнять и перенести в город Хрубешов, более культурный и населенный[69]

(Сучава, Сандомир, Вислица, Кельце, Опатов.) (I. P. 109–112)

Две необычайных вещи в Польской земле

Польская земля [отличается] двумя необычайными и поразительными вещами; удивительно, как умолчал о них Солин[70], детально повествующий о прочих известных мировых диковинах: по своей исключительности они по достоинству <могут быть прибавлены к перечисленным у Солина> как произведения всемогущей природы, ничем им не уступающие. *(Горшки, сами родящиеся в земле.)* Другая [диковина]: в лесах, полях и борах у города Pothilicze и деревень Hrabyenye и Prosznye, в земле и области Белзской и Холмской, в Холмской епархии, природа смолистых деревьев устроена так, что если какая-либо их часть – ветка или [другая] часть – будет отрезана или отломана или срублено все дерево, то древесина, прежде имевшая растительную душу, через несколько лет превращается и преобразуется в кремневое состояние и, наподобие настоящего кремня, при ударе производит огонь, сохраняя величину и форму, при которой была срезана, но [приобретая] качество и свойства кремневой скалы. (I. P. 116–117)

(...)

Как росла Русь и кем были построены главнейшие города и крепости

В то время, когда поляки схватились между собой в гражданской войне[71], начинается и возрастает Русское княжение. В земле их в той стороне, что до сего дня зовется Подолией, говорят, поля настолько плодородны, что после того как хлеб бывает однажды посеян, семена вскоре снова восстанавливаются, давая новые всходы, [и] повторная жатва проходит без посева. Были у них три мужа, происходившие от одного отца и одной утробы: Кий, Щек, Корев и четвертая – сестра Лыбедь, выдающиеся как умом, там и силой[72]. Легко добившись главенства в роде, они подчинили прочих своей

власти. От них произошли прочие племена соответственно своим родам и домам. Они возвели на Руси три главнейших крепости, дав им свои имена. Так, Кий построенную им над рекой [*Днепром*] крепость назвал Киевом, Щек – Щекавицей, а Корев – Коревицей[73]. Следуя языческому заблуждению, они почитали топи, озера, источники, воды как богов. Были и другие польские князья, а именно Радим и Вятко, один из которых, а именно Радим, обосновался на реке Соже, другой, Вятко, – на реке Оке, дав свои имена землям и народам: от Радима прозвались радимичи, от Вятка – вятичи. Те, которые сели на реке Буг, назвались дулебами – от князя их Дулеба, после они стали зваться волынянами, а ныне – лучанами[74]. Русские народы, вышедшие от поляков, были разборчивы при женитьбе и заключении браков между родными сестрами и близкими родственницами, воздерживаясь от сожительства с ними; вследствие такой добропорядочности они снискивали долгую жизнь. А вот дулебы и те, которые произошли от Радима и Вятка, обитали звериным обычаем в лесах, ели всякую нечистоту и, отбросив стыд, сочетались и с родственницами, и с чужими женами, которых похищали[75]. Затем, после смерти Кия, Щека и Корева, их сыновья и потомки, наследуя по прямой линии, княжили у русских много лет, пока такого рода наследование не привело к двум родным братьям – Оскальду и Диру[76]. В то время как они княжили в Киеве, некоторые русские народы, которые по причине чрезвычайного умножения расселились по новым местам, тяготясь их княжением, приняли трех князей от варягов, поскольку из своих они не пожелали выбрать никого из-за [их] равенства [с собой][77] Первый звался Рурек, который осел в Новгороде[78], второй, Синеус, – на Byalye yeszyoro (Белом озере. – *Ред.*), то есть у *Albus lacus*, третий, Трубор, – в Сборске. Им и каждому из них русские и подчиненные их власти народы от каждой головы платили в качестве дани по одной белой белке. После того как двое князей, а именно Синеус и Трубор, со временем умерли, не оставив потомства, их княжества наследовал Рурко[79] Умирая, он оставил сына по имени Игорь, который, достигнув совершеннолетия, коварно убил киевских князей Оскальда и Дира, не ждавших от него никакого зла, и завладел их княжениями и землями. Но убийство киевских князей Оскальда и Дира недолго оставалось безнаказанным для князя Игоря. Когда он, кичась силой, заставил народ, который [*звался*] древлянами [и] имел собственного князя Нискину из русского рода, платить дань и, не довольствуясь одной выплатой, о которой они ранее договорились, стал собирать в том же году вторую, то был позорно убит древлянами, не потерпевшими несправедливости. Они послали послов к его вдове Ольге, усиленно убеждая ее взять в мужья их князя Нискину и объединить княжества. Та прибегла к женской хитрости [и], ласково приветствовав и удержав у себя первых и вторых послов древлян, велит, якобы намереваясь заключить брак и объединить княжества, чтобы

древляне прибыли к ней со своим князем Нискиной. Коварно убив сначала посредством различных истязаний их послов, которых удерживала у себя, она отправилась навстречу древлянам, которые исполнили ее повеление, и, заведя их в засады и непроходимые места, где заранее разместила сильное войско, истребила все их войско, которое достигало пяти тысяч человек, отомстив за убийство своего мужа Игоря[80]. Князь Игорь имел от брака с Ольгой единственного сына по имени Святослав, который, возмужав, <стал мужем воинственным и доблестным в сражениях>. Намереваясь отомстить <за убийство своего отца Игоря>, он первый поход совершил на древлян и, нанеся [им] тяжкое поражение, покорил [их] и наложил [на них] дань[81]. Мать же его Ольга приплыла в Константинополь при императоре греков Цимисхии; наставленная в христианской вере патриархом константинопольским, она оставила языческое суеверие, приняла крещение и, сменив варварское имя, вместо Ольги стала именоваться Еленой. Константинопольский патриарх благословил ее, сказав: "Благословенна ты среди русских жен, и имя твое во всех поколениях да будет славно и благословенно" Вернувшись из Константинополя на Русь, она <стала уговаривать> сына Святослава <принять> христианскую веру, отбросив языческие заблуждения, но он, презрев и высмеяв материнские увещевания, не согласился[82]. (I. P 121–123)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 966-й

(...)

В этот год князь Руси Святослав предпринял поход против хазар, которые сами тоже были народом из русских, и войной овладел ими, захватив их крепость Белую Вежу, и они стали его данниками[83]. (I. P. 180)

(...)

КНИГА II

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 970-й

Князь Руси Святослав делает болгар своими данниками (...)

Князь Руси Святослав, не удовольствовавшись отцовским княжеством, идет войной на болгар, своих соседей, и завоевывает восемьдесят их крепостей, расположенных по течению Дуная, и вынуждает болгар платить дань. А в то время как князь Руси Святослав пребывал в болгарском походе, племя печенегов, подойдя к крепости Киев, в которой находилась мать Святослава Ольга, иначе Елена, с тремя сыновьями Святослава, своими внуками, а именно Ярополком, Олегом и Владимиром, окружает ее и штурмует. И последовала бы сдача крепости Киев из-за голода, терзавшего Ольгу и мужей, которые были с [*ней*], если бы некоторые из русских, обманув врагов-печенегов, не нагнали бы страха на них, внушив им, что князь Святослав возвращается с победоносным войском из Болгарии. Услышав это, испуганные печенеги снимают осаду и уходят с великим страхом; около этого времени мать Святослава Ольга умирает[84]. (II. P. 186)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 971-й

(...) Княжество Руси делится натрое между братьями (...)

(...)

Князь Руси Святослав, опасаясь, что после его смерти между его сыновьями без него возникнет спор за княжескую власть на Руси, разделил княжество Руси между сыновьями: Ярополка, старшего по рождению, ставит впереди [других] князем киевским, Олега, второго сына, делает князем древлян, Владимира – новгородцев, обязав каждого великой клятвой довольствоваться своей долей и воздерживаться от захвата другой[85]. (II. P. 187)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 972-й

(...) Князь печенегов, победив и убив князя Руси Святослава, сделал из его черепа чашу

(...)

В то время как князь Руси Святослав возвращался из Греческой [*земли*], куда вражески вторгся, и вез греческие трофеи, его враги печенеги, извещенные некоторыми русскими и киевлянами, выступают со всеми силами и легко побеждают Святослава и его войско, как потому что оно было обременено добычей, так и потому что сражалось в неудобном месте. Сам Святослав, пытаясь продолжить сражение и остановить позорное бегство своих [воинов], живым попадает в руки врагов. Князь печенегов по имени Куря, отрезав ему голову, из черепа, украшенного золотом, делает чашу, из которой имел обыкновение пить в знак победы над врагом, ежедневно вспоминая свой триумф[86]. (II. P 188)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 976-й

Киевский князь Ярополк убил своего брата Олега, а позже брат Владимир из-за жажды власти – Ярополка, а жену убитого взял себе в супруги

Между сыновьями князя Руси Святослава не могли сохраниться надолго установленные отцом любовь и разделение земель. Но после убийства Святослава, словно им стали тесны обширнейшие русские провинции и земли, оставленные отцом, между ними возникает соперничество о большей власти и превосходстве. Стремясь добиться его, Ярополк, старший по рождению, нападает на крепость Вараш[87], в которой сидел его брат Олег, убивает Олега и наследует Древлянское княжество, получив вдобавок и кровь брата. Владимир, старший по рождению (так! *Ред.*), опасаясь, что тирания Ярополка достигнет когда-нибудь и его, будто бы намереваясь отомстить за убийство брата, окружает киевскую крепость и в ней – брата Ярополка, а прибывшего к нему с миром брата Ярополка, по наущению и совету своего преступного советника палатина по имени Блуд, убивает и начинает править один всеми тремя княжествами. Не довольствуясь княжествами, добытыми [ценой] братской крови, он даже жену Ярополка, гречанку по происхождению, беременную тогда от Ярополка, взял в супруги, от которой родил сына Святополка, имевшего двух отцов – Ярополка и Владимира[88].

(II. P. 191)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 978-й

Русские язычники устанавливают для поклонения идола Перуна

Укрепив престол своего княжения, князь Руси Владимир, обратившись к богослужению, размещает на горах, прилегавших к киевской крепости, жертвенники, кумиров и идолов, а также возводит храмы и святилища[89] Но среди всех богов его языческого суеверия наибольшим почтением и поклонением пользовался у него кумир Перуна, которому он ставил самые большие храмы и которого почтил самым высоким идолом. И не только сам князь, но и весь народ русский, следуя этому ложному обряду, почитал кумира Перуна самыми частыми жертвоприношениями и всесожжениями. Владимир соорудил главному своему богу Перуну туловище идола из дерева, голову – из серебра, а уши – из золота[90], прочим же богам установил [для почитания] рощи и идолы. Приведя своих сыновей и дочерей, он приносит жертвы богам и оскверняет себя и Русскую землю кумирами. Владимир имел много жен; от одной он родил четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; а от гречанки – Святополка; а от чехини – Вышеслава; а от четвертой – Святослава и Мстислава; а от болгарки – Бориса и Глеба. Держал он и множество наложниц, и от прочих дев и чужих жен он мало воздерживался, бесстыдно <лишая их девственности>[91].

(II. P 192–193)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 985-й

Князь Руси Владимир идет войной на Польшу и захватывает некоторые крепости (...)

Закончив дела с языческим богослужением, князь Руси Владимир обращается к оружию и для начала объявляет войну князю Польши Мечиславу и полякам, которая шла с переменным успехом, принося победы то полякам, то русским. Князь Руси завоевывает польские крепости, а именно Перемышль, Червен и прочие, а завоевав, занимает и, снабдив крепким воинским гарнизоном, подчиняет и присоединяет их к своей и русских власти. Затем идет против радимичей, которые также происходят от поляков, и, победив, налагает дань. То же делает и в отношении Radimiczysz[92].

(II. P. 199)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 987-й

(...) Князь Руси Владимир, изучив латинские, греческие и магометанские обряды, принимает греческую веру, которая ему больше понравилась

(...)

Князя Руси Владимира убеждают сначала магометане принять обряд псевдо-Магомета, потом латиняне, третьими иудеи [принять] веру и закон еврейский, наконец, греки – [принять] веру христианскую. Владимир хотя и милостиво принимает послов, убеждавших его в перечисленных верах, и даже отпускает с подарками, однако советуется со своими русскими, какую же веру следует принять. Предпочли послать послов ко всем народам перечисленных обрядов, чтобы посмотреть и разведать обряд каждого. Таким образом послы, посланные к болгарам, латинянам и грекам, рассматривают и изучают, как приказано, каждый обряд. Обряд магометан, как имеющий в себе множество гнусного и позорного, признают безбожным и самым неправильным; служба латинян показалась им недостаточно благоговейной и храмы – недостаточно украшенными. Когда же они прибыли в Константинополь, тогдашние императоры греков Василий и Констанций (так! – *Ред.*), понимая, что те пришли туда посмотреть на их обряд, собрав верующих и священнослужителей, устраивают великое торжество, приказывают патриарху отслужить праздничную мессу в самых великолепных облачениях, а русских послов приводят в церковь и ставят на возвышенном месте, с которого они могут видеть всю службу, затем удостаивают их почетной трапезы, обращаются с ними прекрасно и отпускают, одарив подарками. Возвратившись к своему князю Владимиру, они рассказывают о всех обрядах, которые видели, убеждают совершенно презреть и отвергнуть секту грязного Магомета, а секту греческую предпочесть латинской, [ибо] в греческих церквах больше красивого убранства, чем в латинских. Кроме того, они уверяют, что во время греческой службы, которую посетили, они чувствовали такую сладость, что, почти вне себя, думали, будто присутствовали скорее на небесном, нежели земном торжестве. Итак, мнение всей знати склонилось к принятию греческого обряда, и чтобы убедить Владимира, они говорили: “Если бы вера греческая не была хорошей, то бабка твоя Ольга, мудрейшая из женщин, не приняла бы ее” Владимир согласился с мнением знати и обещал принять крещение по греческому обряду[93]. (II. Р 200-201)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 990-й

(...)

Слепота поражает князя Руси Владимира, когда он намеревается принять Христову веру; но уступая уговорам будущей своей супруги, сестры греческих императоров, он крестится и обретает зрение и при крещении празднует свадьбу

Собрав многочисленные войска своих народов, князь Руси Владимир идет войной на греков и, завоевав знаменитую греческую крепость Корсунь, покоряет из нее окрестную область и заставляет тот край [платить] дань. Потом посылает послов к императорам греков Василию и Константину, требуя, чтобы они отдали свою сестру Анну ему в супруги, обещая, что если он получит ее в жены, то немедленно удалится из крепости Корсунь, которую захватил, и из области, которую покорил. Но греческие императоры Василий и Константин отвечают, что им и их достоинству не подобает соединяться в родстве с князем-язычником, оскверненным идолопочитанием, и сочетать свою сестру с ним браком; если же он отвергнет языческие заблуждения и исповедует христианскую веру, то они не откажут в его просьбе. Владимир же, князь Руси, отправив снова тех же послов, уверяет, что всей душой намерен принять христианскую веру; пусть они приходят сами, приводят свою сестру Анну и крестят его. Анна же, сестра императоров, противилась такому родству и неоднократно с презрением отказывалась и сопротивлялась принять его. Но Василий и Константин, ее братья, рассуждениями и уговорами о том, сколько добра проистечет из этого родства и что вся Русь благодаря этому браку примет веру Христову, завоевывают душу сестры и приводят к согласию. И вот Василий и Константин прибывают со своей сестрой Анной в Корсунь, и тотчас слепота застилает глаза князю Руси Владимиру; его душу охватывают всяческие тревожные сомнения, следует ли ему бросать свой языческий обычай и принимать Христово крещение? Но Анна, сестра императоров и будущая его супруга, объясняет, что слепота, которая его поразила, исчезнет с принятием крещения. Итак, он крещен корсунским епископом, мрак его зрения тут же просветляется, он празднует свадьбу с Анной, сестрой императоров, и воздвигает церковь в знак и в память своего обращения, крещения и прозрения. Вернув крепость Корсунь императорам Василию и Константину, он возвращается на Русь с новой женой, преисполненный радости и веселия[94]. (II. P. 203–204)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 992-й

Князь Руси Владимир заставляет креститься весь свой народ, свергнув идолов, воздвигает церкви и щедро их одаривает

Князь Руси Владимир, намереваясь истребить нечестивые обряды, которым были в древние времена преданы русские, на третий год после того, как был просвещен верой Христовой, разрушает, сжигает и уничтожает идолов, рощи, алтари и храмы их. Идол же Перуна, которому русские поклонялись с особым почтением, привязав к хвосту коня, на виду у множества русских он велел тащить по земле и утопить в Днепре, несмотря на то что русские язычники того и другого пола страшным плачем и воплями сопровождали разорение своих богов и идолов. Затем князь Владимир издает повеление, чтобы все нации и народы ему подчиненные, отвергнув идолов, знаменовались христианской верой и печатью крещения, намереваясь считать врагами и конфисковать имущество тех, которые не покорятся его священным повелениям. Подчиняясь такой необходимости, русский народ толпами стекается в Киев и, исповедуя веру Христову, крестится в реке Днепре епископом корсунским и пресвитерами, приведенными из Греции, а также наставляется в вере и ее обрядах. В тот момент в воздухе был слышен голос и вопль дракона, сетовавшего, что после долгого владения он изгнан из Руси не апостолами или мучениками, а одной-единственной женщиной. Владимир же построил первую церковь на том месте, где [*прежде*] курился фимиам идолам, и приказывает посвятить ее святому Василию; да и в других землях Руси умножает храмы и священников Божиих. Строит Владимир и другую церковь – святой Девы Марии в Киеве – и украшает ее золотыми сосудами и драгоценной утварью; и как в ней, так и в других церквах, возведенных на Руси князем Владимиром и русскими баронами, корсунский епископ поставил служителей и священников, для обеспечения которых князь Владимир даровал имения и налоги, а также постановил как боярам, так и селянам платить и жертвовать первую часть [урожая] и десятину. Тогда Владимир крестил и двенадцать своих сыновей, а именно: Вышеслава, Изяслава, Святополка, Ярослава, Всеволода, Святослава, Мстислава, Бориса, Глеба, Станислава, Позвизда и Судислава. Русских отроков он приставил к книгам, а кроме того, нанял мастеров, выведенных из Греции, и построил множество церквей из камня и кирпича[95]. (II. P. 206–207)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 997-й

(...)

Когда один [воин] из войска князя Владимира, а другой – из половцев, напавших на русские земли, сходятся с обеих сторон в поединке за всех, то маленький русский одерживает верх над огромным печенегом

После того как князь Руси Владимир в тот год опустошил Хорватию[96], на него нападают половцы. Выйдя против них, он встречается с ними на реке Трубеже. Так как река мешала [и потому] то и другое войско считали сражение опасным, высоченный муж редкой силы, выйдя из лагеря печенегов, стал вызывать русских выставить кого-либо на бой и, если тот будет побежден, в течение трех лет сносить опустошение своей земли. И вот приводят одного из русских, который до той поры сидел дома и который принял это условие; когда он выходил, то на глазах того и другого войска печенег насмехался над его небольшим ростом. Однако, начав схватку, русский победил печенега, и печенежское войско немедленно обратилось в бегство; русские преследовали его, многих убили или взяли в плен[ж]. Там Владимир построил крепость Переяславль, так как тот муж, который победил, был родом из Переяславля[97]. (II. P 220)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 998-й

(...) Печенеги побеждают князя Руси Владимира

(...)

В тот год печенеги напали на земли Руси и страшно опустошили их мечом и огнем. Князь Руси Владимир вышел против них с войском своего народа, и после страшной сечи с обеих сторон печенеги смяли Владимира и его войско. После гибели многих [воинов] Владимир бежал, печенеги преследовали его, [и] чтобы не попасть в их руки живым, он спрятался под мостом, который попался ему во время бегства. Благодаря такому счастливому случаю он обманул преследовавших его врагов. Печенеги же, захватив трофеи и крепости русских, разграбив Русскую землю, уводят к себе домой пленных, скот и прочую добычу. После их ухода князь Руси Владимир строит в Киеве в знак своего спасения церковь Преображения и снабжает [ее] имуществом, потому что то

ж (Латинский оригинал двусмыслен. Если *Rutenus* “русский” употреблено здесь, как иногда у Длугоша в других местах, в обобщающем смысле “русские”, то получим перевод, данный в тексте; если же под “русским” имеется в виду, как выше в этой статье 997 г., именно русский единоборец, победивший печенежина, то выходит, что именно он в одиночку преследует, убивает и пленяет печенегов – вариант отнюдь не невозможный в эпическом контексте. – *Ред.*)

поражение и его спасение случились в праздник Преображения по греческому обряду[98]. (II. P. 221)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1001-й

(...)

Между королем Польши Болеславом и князем Руси Владимиром заключается союз

Князь Руси Владимир, опасаясь и страшась, что сила польского короля Болеслава, все более ширясь, представит со временем опасность и для него, и для его земель, посылает к польскому королю Болеславу знатных послов, прося заключить с ним и его землями союз. Болеслав же, король Польши, понимая, что дружба с русскими будет весьма кстати для Польского государства, соглашается на союз с князем Руси Владимиром и скрепляет его на справедливых условиях клятвой; поэтому обе земли в течение долгих лет процветали в величайшем спокойствии[99] (II. P 237)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1005-й

(...)

После того как князь Руси Владимир разделил княжество между сыновьями, сын Ярослав восстает [против него], тот с горя умирает, а мятежный сын поражается братьями Борисом и Святополком; затем Святополк приказывает убить двух братьев ради завладения властью

Князь Руси Владимир [был] чрезвычайно блажен и счастлив, [имея] двенадцать сыновей, из которых четверых, а именно Вышеслава, Изяслава, Святополка и Ярослава, – от первой жены и восьмерых, а именно Всеволода, Святослава, Мстислава, Бориса, Глеба, Станислава, Позвизда и Судислава, которых родил от родной сестры греческих императоров Василия и Константина Анны, <болгарыни, чехини и других>. Так как в течение нескольких лет он значительно увеличил земли Руси как крепостями, так и городами и селениями, то, опасаясь, как бы после его смерти не возникло жестокое соперничество между сыновьями за русские княжества, он разделил королевство между сыновьями: Вышеславу, старшему по рождению, дал Новгород, Изяславу – Полоцк, Святополку – Туров, Ярославу – Ростов; но после того как Вышеслав был похищен роком, Ярослав [получил] Новгород, Борис – Ростов, Глеб – Моронье[100], Святослав – древлян, Всеволод – Владимир, Мстислав – Тмутаракань; за остальными тремя сыновьями, младшими по рождению, а именно Станиславом, Позвиздом и Судиславом, он закрепил Киевское и Берестовское княжества, которые должны были перейти к ним только после его смерти. Ярослав же, один из сыновей, которо-

му был выделен Ростов, тяготясь тем, что он отлучен от Киевского княжества, которого домогался, со своими племенами и другими, которых нанял за деньги, хитростью подступает к Киеву и, поскольку [все] верили, что он пришел с миром, занимает крепость и овладевает отцовской казной. Отец, Владимир, очень горько переживая это, собирает войска из всех княжеств, которые разделил среди сыновей, намереваясь вступить в битву с Ярославом. Ярослав, узнав об этом, посылает [послов] и нанимает печенегов и варягов, чтобы противостоять отцу. Между тем отец, князь Владимир, в горе из-за того, что сын Ярослав поднял враждебный мятеж, тяжело заболевает и, поставив во главе войска сына Бориса, посылает против Ярослава, [а] сам от усилившейся болезни немного времени спустя умирает в крепости Берестове и, доставленный в Киев, погребается под мраморной плитой в церкви Святой Девы, которую сам при жизни построил. Множество русских стеклось, чтобы почтить его погребение, громко плача над его гробом, возглашая, что безвременно потеряли отца и освободителя отечества, насадителя на Руси христианской веры. Оба сына, Борис и Святополк, не зная, что их отец, князь Владимир, ушел из жизни, вступают в битву с Ярославом и его народом, и Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегами и варягами, бежит. Святополк же занимает Киев и захватывает княжение, тогда как другой брат, Борис, бездействует, оплакивая отцовскую смерть. Хотя упомянутого князя Бориса воины с великим <...> уговаривают прогнать брата Святополка [и] самому овладеть Киевским княжеством, он, отвергая настойчивые уговоры воинов, отвечает, что брата Святополка по смерти отца он будет почитать вместо отца и никогда ничего против него не предпримет. А Святополк, отвечая брату Борису неблагодарностью, направляет новгородцев, мужей Велиала, которые молящегося на своем ложе Бориса закалывают копьями, а вместе с ним убивают его оруженосца Григория, родом венгра, защищавшего своего господина. Затем Святополк посылает к другому брату, Глебу, хитростью приглашая его к себе, но тот, узнав от брата Ярослава, только что побежденного, что зовут его на смерть, сдерживает шаг [и] останавливается, великим плачем оплакивая смерть отца и убийство брата. Наконец, приходят другие мужи, посланные Святополком, и убивают Глеба, отрубив [ему] голову. Тела и Бориса, и Глеба, доставив в Киев, погребают в одной могиле в церкви святого Василия. Русская церковь и русский народ почитают этих двух братьев как мучеников и святых, уверяя, что они просияли многими чудесами. Князь же Святополк, запятнанный убийством двух братьев, впадает в великую гордость, полагая, что он легко истребит и других братьев и овладеет княжеством всей Руси. <Главных же мужей, кто убили князей Бориса и Глеба, звали Путша, Талич, Елович и Ляшко.>[101] (II. P. 250–252)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1008-й

Князь Руси Ярослав поражает братоубийцу Святополка и получает Киев, а Святополк бежит в Польшу

Князь Руси Ярослав, собрав сильное и многочисленное войско из русских и варягов, врагом выступает против брата Святополка, желая отомстить за нечестивое убийство, которое претерпели от него сразу два родных брата, а именно Глеб и Борис. Святополк выходит против него с русскими и печенегами под крепость Любеч на реке Днепре. Река Днепр разделяла оба войска, они стояли так три месяца, не решаясь напасть друг на друга из-за находившихся между ними вод. Наконец Ярослав преодолевает реку Днепр со всем своим войском и внезапно и неожиданно нападает на Святополка и его войско, стоявшее между двумя озерами. Войско Святополка, пораженное появлением врага в [полном] вооружении и снаряжении, тогда как оно само было безоружным, выбегает из лагеря на озера, покрытые зимним льдом. Там многих на сломавшемся льду поглощают волны, а остальных Ярослав и его войско либо секут, либо захватывают в плен. Святополк же, едва ускользнув от рук врагов, без остановки бежит в Польшу и, добравшись до польского короля Болеслава, принеся многие [дары], а еще большие обещая, смиренно умоляет его оказать помощь против брата Ярослава. А князь Руси Ярослав, победив Святополка и его войско, захватывает крепость Киев, причем киевляне сами предались ему, и садится на киевском княжении в возрасте двадцати восьми лет[102]. (II. P. 258)

Польский король Болеслав, восстанавливая Святополка, за короткое время овладевает всей Русью, дважды побеждает Ярослава, а захваченный Киев вновь отдает Святополку, тогда как Ярослав бежит в Новгород. После того как Святополк, не терпя власти короля, тайно убивает польских воинов, король, узнав об этом, разграбляет город и с двумя сестрами Святополка, а также многими русскими триумфатором возвращается в Польшу, в качестве пограничных мет соорудив на реке Днепре три медных колонны

Польский король Болеслав, собрав лучших бойцов и воинов Польского королевства в огромное войско, а также урядив согласно закону и праву военачальников, которые ведут полки, тысячников, сотников, пятидесятников, десятников и прочих, которые возглавляют строй, назначив воеводой краковского палатина Сетега, войной вступает в Русскую землю, намереваясь восстановить изгнанного князя Святополка [и] отомстить за многие заговоры, грабежи, разорения и обиды, которыми русские часто оскорбляли Польское королевство. Строй всего войска неустанными заботами короля Боле-

слава и военачальников был устроен и организован так, чтобы было удобно и стоять, и идти, и соединяться в отряды, и делать все, чего потребует необходимость. Итак, польский король Болеслав, вторгшись на Русь, захватывает и занимает все ее города без всякого сопротивления. Ведь в то время у русских не было ни одного укрепленного города, стены встречались редко, и хотя некоторые главные города насчитывали множество домов и горожан, но они были плохо укреплены одним природным месторасположением или деревянными сооружениями вместо каменных стен. Польский король Болеслав, беря все города Руси и отдавая на разграбление воинам, крепости оставлял нетронутыми, видя, что овладение ими потребует немалого времени, которое он весьма ценил и [умел] считать. Быстро продвигаясь [и] подвергая Русь грабежам и пожарам безо всякого сопротивления, он прибывает в землю русских Волынскую, которая ныне именуется Луцкой. Когда князю Руси Ярославу, который тогда, предаваясь удовольствиям и развлечениям, удочкой ловил на реке Днепре рыбу, которой в той реке большое изобилие, становится известно, что польский король Болеслав со стремительной скоростью приближается, он, пораженный внезапным страхом, бросил наземь удочку, которую держал в руке, и сказал: "Ни к чему теперь эта удочка, да и рыбу ловить [не время], но следует позаботиться, как противостоять врагу, чтобы не попасться на удочку врагу свирепому, могущественному и жаждущему нашей крови"

Собрав многочисленное войско из русских, варягов и печенегов, он выходит навстречу польскому королю Болеславу к реке Бугу, намереваясь, если сможет, воспрепятствовать переправе [Болеслава], а если нет – сразиться. Когда оба войска простояли на реке Буге несколько дней, между войсками стали происходить стычки, <взаимно> предварявшие <сражение>; в конце концов [это повело] к общей битве. <В начале дело ограничивалось комками грязи и укорами, [но] из этой малости, как бывает, спор разгорелся до того, что швыряли уже камни, копья и дротики, и раз начавшись, дело уже не могло остановиться.> У князя Руси Ярослава был кормилец по имени Буды, любимец многих и советник Ярослава во всех вопросах и делах, управитель и распорядитель, который, стоя на другом берегу, стал задирать польского короля Болеслава и его войско многими укорами, называя польского короля Болеслава то трусливым, то жирным, добавляя, что он проткнет ему толстое брюхо, если тот осмелится выйти на битву. Польский король Болеслав, рассерженный этими оскорблениями, созывает воинов на сходку и ведет разумную речь, убеждая, что нельзя равнодушно переносить оскорбления их королю и им самим и надо, взявшись за оружие, немедленно начать сражение. Итак, стремительно вооружив все войско, польский король Болеслав первым направляет коня в реку Буг и, перейдя ее, нападает на трепещущих русских, призывающих своих [товарищей] к оружию. <Повсеместно разгорелось невиданное сражение, так что

все зависело от воли судьбы>; битва шла повсеместно несколько часов, но наконец русский князь Ярослав со всем своим войском был смят и разбит и только с четырьмя спутниками убежал в Киев. Страшная сеча была учинена тогда справедливым гневом, но многие из русских, печенегов и варягов были также взяты в плен; поляки овладели еще и чрезвычайно богатым вражеским лагерем. Ярослав не осмелился оставаться в Киеве, чтобы его не предали свои же, а повернул в болотистые места, <опасаясь, что в будущем, как оно и случилось, польский король Болеслав станет его преследовать и осадит то место, где он спрячется>[103].

От разведчиков и беглецов польский король Болеслав узнает, что князь Руси Ярослав бежал из крепости своего княжества – Киева, тем быстрее ведет войско к Киеву и, после нескольких переходов прибыв туда, окружает и осаждает город со всех сторон – и с суши, и с реки, – позаботившись со всей тщательностью и предосторожностью, чтобы в город, расположенный у брода через знаменитую реку [*Днепр*], широко простиравшийся, огромный как размерами, так и населением, и в то время славный, величие и богатство которого еще и ныне свидетельствуется руинами и полуразрушенными стенами трехсот или около того церквей, ничего не ввозилось, так как знал, что такому множеству [людей], которое там было заперто и которое из разных русских областей стеклось туда в расчете там обрести безопасность, вскоре станет нехватать пищи. Легкими нападениями более изображая, чем осуществляя штурм города, он откладывал овладение им на некоторое время, надеясь, что победит его одним голодом, безо всякой опасности и гибели воинов. И он не обманулся в решении: так как многие в осажденном городе либо умирают от голода, либо терзаются от недоедания, город сдается польскому королю Болеславу[104]. Он въезжает в город в блеске оружия, на коне и с обнаженным мечом, в сопровождении воинов, причем часть отрядов предшествовала ему, а часть следовала за ним. В воротах, в которые он вступал первыми и которые жители именовали Золотыми, он взмахнул мужественной рукой и вонзил меч в ворота, рассекая их посредине и разрубая, оставляя на них знак своего триумфа и победы[105]. Затем едет к княжескому замку, захватывает его и, забрав всю утварь и княжеские сокровища, бóльшую часть раздает в награду воинам, а князя Руси Святополка восстанавливает на киевском столе, с которого тот был изгнан. Оставив при себе самых лучших воинов, польский король Болеслав все остальное множество, поскольку уже приближалась зима, распределил по зимним квартирам, причем князь Руси Святополк позаботился о достатке для польских воинов и в продовольствии, и в одежде. Князь Руси Ярослав, узнав, что польское войско выведено из Киева на зимние квартиры и что польский король Болеслав остался в Киеве с немногими, собрав войско, тайком приходит к Киеву, намереваясь убить польского короля Болеслава с помощью какой-нибудь

хитрости или уловки. А польский король Болеслав, узнав о приближении Ярослава и врагов, взявшись за оружие, тотчас же садится на коня и приказывает воинам следовать за собой, соблюдая строй. Построив войско и перейдя реку [*Днепр*], он нападает на Ярослава и его войско, расположившееся лагерем на другой стороне реки; и была жесточайшая битва, и Ярослав был побежден польским королем Болеславом, и все войско Ярослава тогда либо полегло, либо живым попало в руки польского короля Болеслава[106]. Ярослав с немногими, меняя лошадей, бежал в Новгород, где, терзаем сильным страхом и печалью, оставаться не осмеливался, ибо боялся, что польский король Болеслав придет туда, чтобы схватиться с ним, [и] решил бежать за море. Новгородцы же его не только удерживают, но, охваченного страхом и колеблющегося, поддерживают своим имуществом и надеждой на лучшее, а чтобы опять собрать новое войско против польского короля Болеслава, они решают, что каждый селянин должен внести четырех куниц, знатный – пятьдесят марок, капитан – десять марок[107] Собрав, соревнуясь таким образом, много денег, они нанимают себе на помощь варягов, чтобы начать новую войну с польским королем Болеславом.

<Однако все эти воинственные приготовления Ярослава растаяли, как дым, из страха перед новым поражением. Потом польский король Болеслав, подражая тому храбрейшему Геркулесу, который соорудил три башни на границах Гесперии, и сам в качестве пограничных мет воздвигает на реке Днепре, в том месте, где река Сула сливается с рекой Днепром, из чистого железа столпы, которые, говорят, и по сей день сохранились; потом он воздвиг [еще] три на реке Солаве, на западе, – в свидетельство потомкам о своих триумфальных победах и границах Польши.>[108]

Польский король Болеслав провел в Киеве долгое время, и русские знатные вельможи и весь русский народ подчинялись его державе и власти. Но князь Руси Святополк, муж безрассудный, тяготясь длительной задержкой короля Болеслава, некоторых польских воинов, <пребывавших на зимних квартирах,> тайно или сам убивает, или приказывает убить своим. По праву возмущенный такой несправедливостью, польский король Болеслав, созвав своих воинов и все польское войско с зимних квартир, отдает на разграбление воинам город Киев, оставленный Святополком, <также и крепости русские, подчинив [их] своей власти, прекратив грабежи не раньше, чем поляками были истощены все запасы русских, накопленные длительным благополучием. С того-то времени Киев, несмотря на то что был восстановлен разными князьями и имел достоинство княжеского города, являет, однако, потомкам знаки совершившегося тогда разрушения>. Двух сестер князей Руси Святополка и Ярослава, а именно Предславу и Мстиславу, а также бояр и наиболее знатных русских он берет в плен и в оковах уводит в качестве заложников в Польшу, нагруженный русскими трофеями, ведя длинные

вереницы русских пленников, во многих русских крепостях оставив для охраны крепкие гарнизоны польских воинов, <поставив над своей казной казначеем и хранителем Анастасия – русского, который обманом прикинулся благодарным и верным ему>[109]. (II. P. 259–263)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1009-й

Король Болеслав с помощью [уже было] распущенного храбро сражающегося войска поражает князя Руси Ярослава, вторгшегося со всеми силами в Польское королевство, возвращается домой нагруженный добычей и трофеями и ими украшает Гнезненскую церковь и другие

Когда польский король Болеслав с многочисленными великими трофеями возвращался из Руси в Польшу, князь Руси Ярослав, отчаявшись одолеть его оружием и доблестью, решил победить коварством и хитростью. Собрав из русских, половцев, печенегов, варягов и других народов значительное войско, он весьма осторожно следил за уходом короля Болеслава и скрытно, шаг за шагом следовал по стопам его и его уходившего войска, собираясь на границе земель напасть на войско Болеслава, расходившееся в разные стороны. Он думал, что поляки по обычаю, свойственому человеческой природе, поскольку были чрезвычайно обременены золотом, серебром и прочими трофеями, а также давно не видели жен, детей и других близких, будут спешить домой быстрыми переходами и оставят короля с немногими [воинами]. Его коварный замысел увенчался успехом <подстать надежде>. Польский король Болеслав, считая себя победителем, а князя Руси Ярослава, который столько времени трусливо прятался в убежищах, – побежденным, придя к реке Бугу, распустил войско, чтобы каждый шел в свои края. И уже бóльшая часть его войска ушла, когда лазутчики сообщают, что князь Руси Ярослав с многочисленным, огромным войском – рядом. Вот где он настиг короля Болеслава, разузнав через своих разведчиков, что войско Болеслава растаяло и будет таять все больше. А польский король Болеслав, будучи мужем выдающейся храбрости и редкой отваги, ничуть не смущаясь близостью врага и собрав большинство воинов из тех, что еще не ушли далеко, решил сразиться с врагами, каковы бы ни были их силы. Теснимый стремительным нападением русских, он, однако, боялся бегства и позора для себя и своего войска больше, чем смерти, понимая, что русские, воодушевленные его бегством, проникнут в глубь его королевства и станут повсюду свирепствовать [по обычаю] врагов. Но [таким] вторжением русских блеск и слава его прежних побед в глазах народов и наций, покоренных и подлежащих покорению, были бы очернены позором, что он считал горше смерти, и дали бы

им повод и смелость воспротивиться его власти. Кроме того, он видел, что окружен русским князем Ярославом в таком месте, из которого остаток его войска может выбраться не иначе как победителем. Но прежде чем отправиться на битву с русскими, он счел необходимым обратиться к воинам и воодушевить их на бой, сказав им такие слова: “Я испытал доблесть вашу, о воины, во многих сражениях и прошлых опасностях много раз. Я веду вас на бой с врагами, которые намного превосходят нас своей численностью, потому что поступить иначе не позволяет честь. Своими словами я не собираюсь прибавить вам мужества, а только напомнить о том, что нам угрожает и что, вероятно, может случиться. Вы видите врага крайне свирепого и по природе, и разозленного нашими войнами, который кичится победой и угрожает жизням нашим потому, что войско наше распущено, разошлось и не может быть собрано и созвано снова без очевидной для нас опасности поражения. Если вы хотите жить честно и свободно, если хотите сохранить свои пенаты, жен и детей, прославиться добытыми победами, а покоренные народы удерживать под данническим ярмом, если, наконец, вам угодно сделать самую Русь нашей данницей и владеть прекраснейшими трофеями и пленниками-рабами, захваченными в ней, то этого врага, хоть и многочисленного, но духом трусливого и бессильного, надо уничтожить силой оружия, а пустую надежду на победу, которой он уже надменно гордится и кичится, истребить десницей вашей. Что толку было бы побеждать чехов и подчинять их и мораван нашей власти, завоевывать [и] покорять прочие окрестные народы, если мы будем повержены оружием русских, будем побеждены врагом, склонным к бегству и трусливым, лишимся всего, что снискали доблестью? Мы начали войну с Русью ради расширения наших границ. Но если отсюда мы не выйдем победителями, то потеряем достигнутое. Я, положившись на помощь небес, надеюсь, что доблестью вашей одержу сегодня великую победу над таким множеством врагов и к прежним победам добавлю громкую славу этой победы. Я надеюсь на лучшее и вас призываю надеяться на лучшее; если надежда не помогает, то необходимость, <которая есть величайшее и последнее средство,> должна подтолкнуть [вас]. Куда бы мы ни обратились, о воины, дело дошло до крайности: у нас нет возможности бежать – тем более что мы везем добычу, [захваченную у] врагов – так как мы окружены вражеским войском, зорко нас стерегущим. Сдаться врагу [значило бы] вечным позором и срамом заклеймить наше имя и род. Ожидать же помощи из Польши могли бы те, у кого была бы возможность отсрочить схватку [и] сражение. Но враги, видя нашу малочисленность, на крыльях рвутся в бой. <Значит, там, где недостаточно [одной] доблести, мы одолеем по необходимости.> Итак, пусть каждый из вас, отбросив мысль о смерти и надежду на эту жизнь, обрушится на врага в стремлении пронзить ему глотку скорее, чем подставишь [свою]. Прибавление несколь-

ких лет [жизни] пусть не волнует никого из вас: если сейчас уцелеем, то позднее все равно умрем от заразы, болезни или какой-нибудь [другой] причины" Сердца воинов воспламенены этими речами, они громкими голосами поклялись скорее умереть, чем бежать с поля боя. Как только король Болеслав увидел, что они бодры и полны доброй надежды, он тотчас же приказывает трубить сигнал, ведет их на врага и завязывает бой, подстегивая коней и потрясая копьями в стремительном натиске. Русские поражены изумлением, что на них напали против их ожидания, что горстка бьется на все стороны среди множества, но сдерживают первый натиск и также храбро сражаются, поддерживаемые недавней надеждой. Однако по прошествии времени русские, видя, что их число сокращается и что поляки, готовые к самому худшему, секут больше, чем соответствовало бы их количеству, а король Болеслав подбадривает каждого по имени, теряют прежнюю надежду; после того как пали первые, никто не сомневается, что наступающая смерть близка; они отступают, но, насколько могут, сопротивляются, [пользуясь своей] огромной численностью. <Необходимость сделала поляков смелее и воинственнее, поскольку они, окруженные столь многочисленным врагом, не видели никакой надежды на спасение, кроме как от меча.> Польский король Болеслав, понимая, что напугал их [русских], обещает своим победу, если они сделают еще одно усилие. И не ограничиваясь обязанностями короля и полководца, он с воинами, охранявшими его, вторгается в гущу сражения и совершенно поражает понемногу отступающие вражеские полки, уничтожает и рассеивает; <сто́я в схватке большого отряда и храбро сражаясь против врагов, он, однако, не забывает о долге настоящего полководца и, спеша всякий раз туда, где нужен был его совет, помогает сражающимся и облегчает ход сражения. А когда Марс начинает свирепеть все больше и больше, он то убеждением, то обнаженным мечом, то суровостью, то заменяя раненых свежими [воинами], возбуждает недоумение, чем именно он больше пользуется для достижения победы – искусством ли мудрого военачальника, или же качествами смелого воина?> Он приближает для своих триумфальную победу, стяжав в той битве великую и громкую славу храбреца больше делом, чем словом: ибо повсюду были смятение, страх и бегство. Сам же князь Руси Ярослав, после того как битва разгорелась, видит, что его [воины] в худшем положении и бегут, и, бросив знаки княжеского достоинства, чтобы они не выдали беглеца, меняя коней, ускользнул из рук преследовавших его поляков. Все его огромное вражеское войско или погибло в бою, или же живым попало в руки поляков; спаслись немногие, кто, уклонившись от общего бегства, [свернули] на окольные дороги. Русским, говорят, была устроена такая сеча, что река Буг, наполнившись кровью убитых, на большом протяжении изменила цвет своих вод на красный, и русские, из далеких краев прибывшие на место сражения для розы-

ска тел своих близких, при виде поля, сплошь покрытого бесчисленными трупами, их горами, отказывались от поисков тех, ради погребения которых они явились, из-за невозможности их найти. <Захвачены несколько военных стягов, почти весь обоз с поклажей, взяты и пленены многие тысячи воинов и коней.>

После завершения [этого] памятного сражения, перебив огромное число русских и прочих, кто пришли им на помощь, польский король Болеслав счастливо возвратился в Польшу уже не только с добычей и русскими трофеями, но и с вереницами пленников. Его на пути его движения [сопровождали] процессии и приемы всех сословий, воздававших ему хвалу как славному герою и победителю. Из русских трофеев он прежде всего одарил все кафедральные церкви своего королевства, дав каждой церкви много по весу драгоценностей. По отношению к Гнезненской церкви, где проходила его торжественная коронация и где была резиденция, в которой он чаще всего пребывал, он был наиболее щедр; эти знаки отличия и драгоценные дары Гнезненская церковь хранит до сего дня, тем снова показуя последующим векам трофеи короля Болеслава. Потом из тех же трофеев он публично наградил воинов, которых особо отличил в бою; и все эти трофеи он раздарил по врожденной щедрости, широко оделяя каждого, воспламеняя воодушевленные сердца на дела еще большей доблести – поклонник и почитатель великих дел, презиравший золото и обманчивое богатство, разве что в пределах необходимого[110]. (II. P. 264–267)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1010-й

(...)

Святополк дважды терпит поражение от князя Руси Ярослава, потом умирает; победитель же Ярослав не решается требовать назад крепости, захваченные польским королем Болеславом

Князь Руси Ярослав, потерпев в предыдущем году поражение у реки Буга, на следующий год собирает новое войско из своих и из вспомогательных [сил] против князя Руси Святополка и двигается к Киеву. Выйдя ему навстречу, Святополк, завязав сражение <в том месте, где по его приказу был убит Борис>, побежден и поражен. Не осмеливаясь снова бегством искать помощи у польского короля Болеслава, Святополк направляется к печенегам и, быстро собрав войско, снова возвращается на Русь в великой силе. Ему навстречу со своим войском выходит князь Ярослав, и, разбив лагеря у реки Олхи[111], в месте, где был Святополком убит Борис, с приходом следующего дня они затевают сражение. На рассвете его – а то была пятница – с восходом солнца они сходятся, и одолевает Ярослав и его войско, а Святополк, побежденный, бежит и прибывает в

Брест, который был в руках польского короля Болеслава, <его наместника и гарнизона>. Весьма надеясь на милосердие польского короля Болеслава, он оттуда двинулся дальше в Польшу в намерении просить у польского короля Болеслава новой помощи для преодоления своих несчастий, но по дороге, застигнутый внезапным недугом, умирает, и его спутники хоронят его в неизвестном пустынном месте[112]. После его смерти князь Ярослав мирно правил Киевским княжеством и считался главным среди русских князей, <не осмеливаясь никак ни при каких условиях упрекать или беспокоить польского короля Болеслава по поводу русских крепостей, которые тот подчинил своей власти, крайне опасаясь его силы. И владел польский король Болеслав и его наследники, польские короли, крепостями, городами и укреплениями, отнятыми тогда у русских, и управлял ими через своих наместников и капитанов; а также он подчинил своей власти и вечной власти своего Польского королевства большую часть русских земель, захваченную тогда оружием, расположенную около Киева>[113]. (II. P. 268–269)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1011-й

Полоцкий князь Бретислав захватывает под киевским князем Ярославом, свом дядей, Новгородское княжество, которое затем Ярослав возвращает, и вступив по уговору в поединок с князем кошохорским, покоряет его и весь его [народ]

После того как князь Руси Ярослав обратил в бегство и уничтожил одного противника, а именно князя Святополка, возник другой противник, и место брата занял племянник. Князь Бретислав, сын полоцкого князя Изяслава, собрав войско из своих полочан и варягов, выступает против Новгорода, занимает его и, завладев и подчинив себе все Новгородское княжество, оставив там посадников, отправился назад в Полоцк, на отчий стол. Киевский князь Ярослав, оскорбленный тем, что у него отняли [владение] наследственного жребия, а именно Новгородское княжество, встретил его <у реки Судомири>. В начавшемся между ними жестоком сражении одолел Ярослав, а Бретислав, после гибели многих, спасся бегством в Полоцк, Ярослав же вновь обретает Новгородское княжество <и возвращает добычу>[114]. После этого киевский князь Ярослав отправляется против Редеди, князя Кошохори, намереваясь подчинить его и, победив в поединке – ибо между князьями и их войсками было договорено, что сойдутся князья, а не войска и что побежденный подчинится победителю – покоряет землю народа Кошохори и возлагает на него дань[115]. (II. P 269–270)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1014-й

(...)

Тмутараканский князь Мстислав дважды побеждает в войне брата – киевского князя Ярослава и занимает его киевский стол; потом, невзлюбив его [Киев], он возвращает его брату Ярославу вопреки общим ожиданиям

Девятый сын князя Руси Владимира, тмутараканский князь Мстислав, намереваясь захватить киевский стол, собирает немалое войско из хазар и касогов и идет против своего брата киевского князя Ярослава. И хотя киевский князь Ярослав позвал себе на помощь князя ворагунов Якуя, но, дважды испытав судьбу в сражении, был побежден и поражен, и киевляне подчинились власти победителя Мстислава, который, [став] после победы милостивее и умереннее, почувствовал неприязнь к добытому киевскому столу и послал послов, чтобы, пообещав безопасность, вернуть назад брата Ярослава; пришедшего он благосклонно принимает и предлагает: "Садись, – говорит, – брат, снова на киевском столе, поскольку ты старше по рождению и тебе полагается больше уважения, и пользуйся им с миром по своему усмотрению, я, победитель, со спокойной душой возвращаю побежденному добытое по праву войны" И отпраздновав такое восстановление, вопреки общим ожиданиям, мира и согласия между братьями, князь Мстислав ушел в Чернигов, а князь Ярослав вернулся на киевский стол, <которым, однако, он не осмеливался управлять сам, управляя через посадников. В том же году у киевского князя Ярослава рождается сын, и дают ему имя Изяслав>[116]. (II. P 273–274)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1018-й

Король Болеслав разбивает на реке Буге и обращает в бегство князя Руси Ярослава, намеревающегося с большим войском вступить в Польшу, и, напав на Русь, опустошает ее мечом и огнем

Князь Руси Ярослав, тяготясь бенаказанным опустошением и завоеванием своей земли и главного города Киева, учиненными в предыдущие годы польским королем Болеславом, и горюя, что он и его войско были разбиты и унижены в великом сражении на реке Буге, тайно и молча вынашивал войну, вооружая как собственных воинов, так и собирая других, соседних, в намерении в удобный момент начать ее против польского короля Болеслава, дабы смыть бесславие своего поражения, понесенного на реке Буге. Болеслав же, хотя заранее был осведомлен и через своих наместников и капитанов, и че-

рез посылавшихся туда лазутчиков о враждебных по отношению к себе намерениях князя Руси, но некоторое время не брался за оружие, полагая, что душу князя Руси можно исцелить временем и терпеливостью. Но когда он узнал, что князь Руси вооружился для вторжения в его Польское королевство и с сильным войском приближается к его королевству ежедневными переходами, то двинул и свои войска, которые держал наготове на случай будущей войны с врагом, быстрым маршем устремляется на Русь, чтобы отразить предстоявшее нападение на него князя Руси. Итак, в одно и то же время и поляки вступают в Русь, и русские – в Польшу так стремительно и скрытно, что ни тому, ни другому было неизвестно о вторжении и нашествии [врага], но оба встали на берегах реки Буга – каждый на расположенном вне [*его*] страны – и, разбив лагерь и ничего не зная о приходе друг друга, размышляли о предстоявшем завтра сражении. Впрочем, завтрашний святой Господень день удерживал польского короля Болеслава от битвы, так как он не хотел давать сражение в такой праздничный день; поэтому он и воинов удержал в лагере, и запретил в тот [день] всякую враждебность. Но его запрет был нарушен ничтожным случайным происшествием, как нередко бывает на войне. В полдень, когда сверху палило солнце и воины отдыхали, слуги поляков и повара, которые на берегу реки кто купали и поили коней, кто мыли мясо забитых животных, и вражеское войско, расположенное на другом берегу и подстрекавшее их, задирают друг друга сначала словами, а потом и стрелами. Через некоторое время между соперниками разгорелась такая схватка, что на шум, поднятый с той и с другой стороны, оба войска немедленно схватились за оружие. Итак, все войско короля Болеслава, стремительно вооружившись и вскочив на коней, общим строем спустилось к битве; и так как до врага было <не> добраться иначе как только перейдя реку, разделявшую их, они, не обращая никакого внимания на опасность, грозившую им и от врага, и от реки, как были с оружием, [так и] вошли в реку. Преодолев ее с Божией помощью, они налетают на врагов, которые еще не вполне вооружились и не выстроились, а метались туда и сюда от разных страхов (ведь при виде польских полков их тут же охватил страх), и легко прорывают первые ряды их, рубят и поражают. Когда о поражении своих узнали русские, свои же уговаривают князя Руси спастись бегством, чтобы не попасть живым в руки поляков. После того как он удалился из битвы, на остальное войско напал еще больший страх, вследствие чего, думая уже не о битве, а о бегстве, они уступают победу полякам. По приказу короля Болеслава его воины, преследуя русских на [протяжении] нескольких миль, многих либо захватили живьем, либо поразили мечом. Но князь Руси с немалым множеством спасся бегством. Поляки овладели русским лагерем и бесчисленной добычей и, с разрешения короля Болеслава, разграбили их. Наконец, польский король Болеслав, с победными боевыми

знаменами двинувшись в глубь Руси, покорил мечом, огнем и разорением наиболее важные города Руси, многие крепости Руси либо захватил, либо заставил сдаться и нанес русским такое унизительное поражение, что, отчаявшись воевать, они вынуждены были просить у короля Болеслава мира и сидеть дома. Болеслав же, одержав памятную победу, уведя из вражеской земли множество скота, обремененный прочей добычей, вернулся в свое Польское королевство; его встречают с великой радостью, и все сословия воздают ему почести триумфатора[117] <Другие утверждают, что русская война, которую в том году вел Болеслав, случилась по другой причине. Когда польский король Болеслав, овдовев после смерти своей супруги королевы Юдиты, послал сватов к князю Руси Ярославу, прося в жены его сестру, а Ярослав из-за разницы в обряде отпустил послов ни с чем, польский король Болеслав пришел в большое негодование и, объявив Ярославу войну и захватив его крепости, пленил также и сестру Ярослава, сделав ее наложницей.>[118] (II. P 280–282)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1019-й

Наложив на русских дань, польский король Болеслав заключает с ними мир и обращается с русскими пленниками весьма милостиво

Одержав над русскими выдающуюся, славную победу, польский король Болеслав не впал в какую-либо заносчивость или высокомерие, к чему подталкивали роль и положение победителя, но, блюдя привычную степень снисхождения и милосердия, был легко доступен всем, благороден и щедр как воздавая справедливость, так и оказывая милость. Да и по отношению к побежденным и плененным русским он держал себя больше как отец, нежели как победитель, ибо, когда князь Руси стал докучать ему многократными посольствами, он и возобновил с ним мир, потребовав [лишь] умеренной дани, и милостиво отпустил всех пленных. Такой снисходительностью он столь подкупил сердца русских, что они, превознося его доблесть и честность, осыпали его великими похвалами и называли величайшим из князей, ни с кем не сравнимым, [дав] прозвище на своем языке "Храбрый", которое осталось за ним на многие поколения и останется навеки. Кроме того, с той поры князья и народы Руси, в те времена богатые и многочисленные, покоренные мягкостью и добродетельностью польского короля Болеслава более, чем оружием, сохраняли верность и тщательно соблюдали все договоры, заключенные с Болеславом, а также при жизни Болеслава не предпринимали никаких попыток возобновить войну и сбросить наложенное ярмо, не сомневаясь, что польский король Болеслав, превосходя [их] доблестью и силой духа, расправится с любыми их ухищрениями и попытками. (II. P. 282)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1024-й

Польский король Болеслав назначает свом наследником сына Мечислава и за исключительные дарования получает прозвище "Храбрый", а село по [имени] этого короля – [название] Хробеж

(...) Он [Болеслав], не довольствуясь границами, унаследованными от отца, от дедов и прадедов, покорил и войной подчинил Чехию, Моравию, Русь, подавив их многочисленными битвами, а также ослеплением чешского князя Болеслава и другими кровопролитными поражениями, и присоединил к Польше, сделав данниками и подданнными своими и поляков[119] (II. P 288)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1026-й

Король Мечислав, взяв русских заложников, удержал Русь в верности (...)

Польский король Мечислав по истечении целого года, во время которого он со всей дружиной, сменив одежды, оплакивал своего отца, отправился вместе с королевой Риксой[120] из гнезненской крепости, где у него было постоянное место жительства, в Краков, откуда по прошествии нескольких месяцев со своей дружиной в большом множестве двинулся в пределы Руси. Ибо князья Руси Ярослав и Мстислав, услыхав о смерти польского короля Болеслава, вторгаются с большим войском как из воинов, так и из народа в пределы Польского королевства и осаждают крепость Червенско и другие польские крепости; опустошив некоторые области Польши, они уводят с собой пленных и сажают их для возделывания земли на реке Порши, возле Киева[121]. К тому же стало известно, что русские, покоренные его отцом королем Болеславом, после смерти последнего горели желанием изменить положение, затевали многочисленные тайные заговоры и собирались сбросить наложенное [на них] ярмо; было ясно, что рано или поздно они дойдут до открытого мятежа, если [их] раньше не образумить. Итак, польский король Мечислав, явившись на Русь, хватает наиболее знатных из русских и отправляет пленниками в Краков для распределения по крепостям; их он удерживает несколько лет в качестве заложников. Сделав это, он и подавил разгоравшийся мятеж, и удержал русских в верности, лишив их удобной возможности в будущем изменить положение. Уладив должным образом дела на Руси и обеспечив крепости и укрепления надлежащими воинскими гарнизонами и запасами продовольствия, он вернулся в Польшу[122]. *(Сына Казимира, которому исполнилось семь лет, Мешко отдает в учение. Недостатки*

Мéшка, которые и привели к бедствиям для Польского королевства в его правление.) (II. P 299–300)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1027-й

Бржетислав, сын чешского князя Одальрика, начал преследовать поляков, готовя мятеж

Пока польский король Мечислав был занят русскими делами, чехи, считая позорным платить дань королям Польши, поднимают открытый мятеж и поляков, кого находят в Чехии, или хватают, или изгоняют[123]. *(Чешский князь Олдржих, связанный клятвой польскому королю Болеславу, даже после смерти последнего не решается сам выступить против поляков, но подстрекает к этому своего сына Бржетислава.)* (II. P 301)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1033-й

(...)

Киевский князь Ярослав по смерти Мстислава наследует Черниговское княжество и выступает монархом всей Руси; победив печенегов, он, во исполнение обета, строит в Киеве церковь святой Софии

После того как русский и черниговский князь Мстислав погиб во время охоты и был похоронен в церкви святого Спасителя, которую сам построил, ему, не оставившему потомства, наследовал на княжении киевский князь Ярослав и стал выступать как монарх всей Руси, что на русском языке звучит как yedinowlasczecz (единовластец. – *Ред.*). Когда упомянутый князь Руси Ярослав пребывал в Новгороде, племя печенегов в огромном количестве пришло [и] окружило Киев. Получив известие об этой новости через гонца [и] собрав отовсюду войска, Ярослав подходит к Киеву и смело вступает в бой с печенегами, вышедшими против него. Хотя за победу боролись и те, и другие, печенеги терпят поражение, и многие, спасаясь бегством, тонут в воде, другие живыми попадают в плен или прогоняются. <А в знак победы, по обету, данному до битвы, Ярослав строит на месте сражения церковь святой Софии, которая потом была удостоена звания митрополичьей. В том же году у Ярослава Киевского рождается сын и получает имя Вячеслав.>[124]
(II. P. 309–310)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1034-й

(...)

Князь Руси Ярослав строит в Киеве многочисленные монастыри и церкви, а также Золотые ворота

Князь Руси Ярослав, обратившись от дел военных к религиозным, закладывает и строит в Киеве много монастырей, не только мужских, но и женских, и много церквей. Потом из дорогого камня сооружает церковь святой Софии, башню которой покрывает позолоченным покрытием, [саму] же церковь возвышает, одарив и украсив золотыми и серебряными сосудами, книгами и драгоценными облачениями. Сверх того, не жалея средств, воздвигает обращенные в сторону Польши ворота, дабы показать величие свое и города, приказывает назвать их Золотыми, потому что створки их он украсил позолоченными листами, а верхушку – таким же покрытием[125]. (II. P 311)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1038-й

(...)

Князь Руси Ярослав грабит Мазовию и безнаказанно увозит огромную добычу

Князь Руси Ярослав, зная, что Польша погрязла во внутренней и внешней войне и очень ослабла, собрав сильное войско, по суше и на кораблях пришел в Мазовецкий край, опустошил его огнем, мечом и грабежом и, захватив богатую добычу, а сверх того, пленив большое число народу обоего пола, вернулся на Русь[126]. (II. P. 325)

(...)

КНИГА III

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1040-й

Вследствие смятения в Польском государстве часть [поляков] удалилась в лесные и болотистые места, тогда как другие ушли в Плоцкую землю за Вислу, где власть противозаконно насилием захватил Маслав, некогда чашник польского короля Мечислава

(Смута в Польском королевстве, которая привела к грабежам и внутренним войнам, от которых часть населения спасается в труднодоступные места.) Другие же, устав от длительных грабежей и войн, считая, что эти бедствия продлятся еще немалое время, с добром и детьми бежали в земли за рекой Вислой в сторону Руси и Литвы, так как полагали, что на том берегу реки избегнут грозивших бед[127] (III. P. 20)

(...)

Монарх Руси Ярослав отправляет старшего сына Владимира с войском в несчастный [поход] против греков

Князь Руси Ярослав, не довольствуясь монархией и княжением над всей [Русью], ища известности и славы в иных странах, начинает войну против соседних греков и, так как ему самому было уже трудно выдержать тяготы войны, посылает своего старшего сына Владимира с многочисленным войском на кораблях против Константинополя. Однако вследствие возникшей сильной бури русские корабли разбиваются; после гибели флота русские воины со своим князем Ярославом (так! – *Ред.*) полуживыми едва добираются до берега и по суше возвращаются на Русь. Некоторое число греческих воинов, посланных императором, непрестанно беспокоили их небольшими стычками и нападениями, пока не началось сражение и русские не вышли победителями, так как греки бежали[128]. (III. P. 30)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1041-й

(...)

Польский король Казимир берет в жены Марию, дочь князя Руси Ярослава, которая затем, крестившись, получила имя Доброгнева

Получив королевское помазание и венец и совершив по положенному законному обряду торжество коронации, польский король Казимир[129] первым делом должен был, по мнению епископов и баронов Польского королевства, добиться и позаботиться о том, чтобы заключить брак с какой-нибудь знатной девицей княжеского рода, из какового союза могло бы произойти обильное потомство и наследники, а также восстановление Польского королевства и укрепление его благодаря родству и приданому. В то время на Руси княжил князь Ярослав, сын Владимира, имея родную сестру, рожденную от Анны, сестры греческих императоров Василия и Константина, красивую и добродетельную, по имени Мария; ее-то, несмотря на различие обрядов, польский король Казимир и берет в жены по многим соображениям, [которыми] руководился как сам, так и его советники[130]. Пышная и блестящая по богатству свадьба, соответствующая и положению князя, выдающего сестру, и короля, берущего жену, празднуется в Кракове. В качестве приданого польский король Казимир получил от князя Руси Ярослава и большое количество денег, и золотые и серебряные сосуды и драгоценности, а также немалые запасы дорогих одежд и коней, так что благодаря столь блестящему браку он и наполнил свое королевство богатствами, и укрепил родством. Ведь он и королевство свое сделал спокойным и безопасным со стороны Руси, и пользовался русской помощью в войнах, которые ему приходилось вести с соседями и собственными [соотечественниками] ради возвращения и восстановления королевства. Но многие крепости и области Руси, [*которые*] дед его Болеслав, первый король Польши, занял на Руси, победив и сокрушив Ярослава, и [*которыми он*] до того дня владел, он после заключения родства вернул Ярославу в знак истинного союза и настоящего родства[131]. Мария же, королева Польши, не только оставила греческий обряд, в котором была воспитана, но и, после того как была вполне наставлена церковными мужами в чистом католическом обряде Римской церкви, возненавидя греческий обряд, была в Краковской церкви снова омыта в купели святого крещения ради восполнения тех ошибок, которые часто допускаются русскими священниками, не знающими божественных писаний и законов; вместе с греческим обрядом она отринула также имя и стала с той поры прозываться Доброгнева, ибо это [имя] она получила при католическом крещении. Со временем польский король Казимир изволил помазать ее как польскую королеву и увенчать королевским венцом в Гнезненской церкви[132]. (III. P. 36–37)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1042-й

Тирана Мазовии Маслава, поднявшего оружие на Казимира, этот польский король поражает и обращает в бегство, а Мазовию занимает

(Казимиру продолжает сопротивляться только Мазовия во главе с Маславом. Казимир решает разбить его, прежде чем к нему успеет прийти внешняя помощь.) Располагая только силами польских воинов-ветеранов и тех, кого привел с собой из Германии, он направляется в Мазовию, собираясь по справедливости подчинить ее вместе с Маславом. На помощь ему приходит князь Руси Ярослав, родной брат его супруги, со всем русским войском[133]. *(Маслав побежден и бежит к пруссам; Казимир овладевает Мазовией.)* (III. P 40–41)

(...)

У польского короля Казимира рождается сын Болеслав

Польская королева Доброгнева произвела на свет сына-первенца; польский король Казимир, возрадовавшись великой радостью его рождению, дал ему в крещении дедовское имя Болеслав[134], явив ликование по поводу рождения сына торжеством в последующие дни. (III. P 43)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1043-й

(...)

У короля Казимира рождается второй сын Владислав (...)

Польская королева Доброгнева, понеся от польского короля Казимира, произвела на свет второго сына; польский король Казимир, с радостью отпраздновав его рождение особым торжеством в Кракове, дал ему имя Владислав[135]. (III. P 48)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1045-й

Возобновляется выплата денария святого Петра; показывается, насколько она полезна Польскому королевству для демонстрации своих границ

(Укрепив Польское королевство, Казимир возобновляет выплату папскому престолу денария святого Петра. И хотя с тех пор многие области отторгнуты от Польского королевства, особенно Чехией и Тевтонским орденом, выплата с них денария святого Петра служит напоминанием об их юридической принадлежности Польше.) <Именно с тех времен до сего дня все древние

земли Польского королевства и все диоцезы Польской церкви, в силу взятого на себя и никогда не оставлявшегося единого и вечного законоустановления, платят Римской церкви дань [в виде] денария святого Петра[136]. *(Кроме Каменской епархии, освобожденной за то, что на ее средства был выкуплен попавший в плен папский легат.)* Я желал бы, чтобы также и русские, литовские и прусские земли, впоследствии соединившиеся с Польским королевством, стали бы участвовать в таких же выплатах, дабы тем в будущие века и грядущие времена свидетельствовались границы и права Польского королевства.> (III. P 52)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1046-й

(...)

У короля Казимира рождается третий сын Мечислав

У польского короля Казимира родился третий сын от польской королевы Доброгневы, или Марии, которому по отцовскому повелению в крещении было дано дедовское имя Мешко, <или Мечислав.>[137] (III. P 55)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1048-й

(...)

Польский король Казимир правил мирно, будучи всем подданным люб, а соседям – страшен; у него умер четвертый сын Оттон

(...) У него [Казимира] также родился от королевы Доброгневы четвертый сын, которого он назвал Оттоном, чтобы засвидетельствовать свое почитание и любовь к роду императоров Оттонов, от которого он сам происходил по материнской крови[138]. Но названный младенец Оттон, прожив по рождении несколько месяцев, умер безвременной смертью, доставив обоим родителям больше поводов для великой печали на похоронах, чем для радости при рождении. (III. P 59)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1049-й

Венгерский король Андрей вызывает из Польши брата Белу с женой и детьми и выделяет ему третью часть королевства, себе же в жены берет Анастасию, дочь князя Руси

(...)

Упомянутый король Андрей взял в жены дочь князя Руси по имени <Анастасия>[139], от которой родились двое сыновей, а именно Шаламон и Давид[140]. (III. P. 61)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1051-й

(...)

Князь Руси Ярослав перед смертью убеждает пятерых сыновей сохранять друг с другом мир и делит княжество

Князь Руси и Киева Ярослав, страдая от тяжелой, длительной болезни, которая с каждым днем усиливалась, чувствуя, что вскоре умрет, созывает пятерых сыновей, которых оставил, а именно Изяслава, Святослава, Всеволода, Григория и Вячеслава, и долгой речью, с наставлениями и примерами, увещевает их после его смерти сохранять между собой согласие и братский союз, дабы их княжества и владения процветали; если же они нарушат его, то пусть не сомневаются, что враги тогда нападут на них и их [владения]. Затем Ярослав делит княжества Руси между сыновьями: Изяславу, старшему по рождению, поручает Киев, Святославу – Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Григорию – Владимир, а Вячеславу – <Смоленск>, наказав, чтобы все сыновья слушались Изяслава как более разумного и опытного, а Изяслав чтобы направлял, защищал и заботился о них. И после этого <седьмого ноября> Ярослав умирает на семьдесят шестом году жизни, и сыновья, бояре и великое множество народу погребают его в церкви святой Софии в Киеве, которую он построил. И сели сыновья его на столах и в княжествах, которые назначил им отец Ярослав перед смертью[141]. (III. P 63–64)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1054-й

(...)

[*Вячеслав*], сын Ярослава, князь смоленский, умирает, не оставив потомства. Ему на княжении наследует его родной брат Григорий, который и сам, прожив короткое время, погибает[142]. (III. P. 69)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1055-й

У польского короля Казимира рождается дочь Святохна

Польского короля Казимира постигла еще одна радость, исполнив его великого ликования. Его супруга Доброгнева, которая уже родила ему четырех мальчиков и, не рожая в течение нескольких лет, казалось, останется впредь бесплодной, произвела на свет дочь. На ее крещение польский король Казимир созвал прелатов и баронов своего королевства, отпраздновал в Познани торжествен-

ное [собрание] двора и дал только что рожденной дочери имя Святохна[143]. (III. P. 70)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1058-й

(...)

Половцы побеждают переяславского князя Руси и учиняют жесточайшее разорение

Варвары-язычники, называемые половцами, идут войной против князя Руси Всеволода Переяславского и, вступив в сражение, побеждают Всеволода и его войско <во второй день февраля>. Одержав победу со своим князем по имени Секал, они учиняют жесточайшее разорение его [Всеволода] княжеству. <Это поражение стало первым из бедствий, которые тогда и впоследствии претерпела Русская земля от половцев.>[144] (III. P. 76)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1059-й

(...)

Победив трех князей Руси, половцы вторично разоряют Русь; после того как между воинами и князьями возникла распря из-за того, что [воины] требовали обороняться, а [князья] отказывались, киевский князь Изяслав с женой и детьми бежит к польскому королю Болеславу, а его стол занимает полоцкий князь Всеслав, освобожденный воинами из оков; а черниговский князь с совсем малой дружиной побеждает множество варваров

Когда варвары-половцы вторгаются в Русскую землю, три князя, Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский, желая предупредить разорение своих земель, выступают против них, и между ними происходит жестокое сражение на реке Олхе; русские разбежались [и] победа досталась варварам[145]. Одержав победу, варвары простирают разорение Русской земли так далеко, насколько возможно, и, безумствуя, беспрепятственно убивают и грабят все области, города и села, полагая, что русские и их князья уже не соберутся с духом и не возобновят сражения с ними. После того как два князя, Изяслав Киевский и Всеволод Переяславский, потерпев поражение на Олхе, спаслись бегством в Киев, а Святослав – в свое княжество Чернигов, знать и воины Руси собирают сходку в Киеве [и] решают, чтобы их князья Изяслав и Всеволод помогли им конями и оружием, предлагая, что они сразятся с варварами, которые после победы разбрелись и блуждают по краю,

при более благоприятных [чем прежде] обстоятельствах и с полной уверенностью в победе, дабы смыть понесенный позор. Когда же Изяслав и Всеволод не согласились на просьбу воинов, чтобы новое поражение не погубило остатки русских, русские воины выставили новое требование, чтобы освободили полоцкого князя Всеслава и [его] двух сыновей, коварно схваченных в предыдущем году и до тех пор содержавшихся в оковах. Не сумев добиться этого, они прибегают к мятежу. Напуганные им князья Изяслав и Всеволод, опасаясь, как бы ярость воинов не причинила бы им какой-либо беды, бегут из крепости. Воины же, разрушив темницу, освобождают полоцкого князя Всеслава и его сыновей, а все снаряжение и имущество киевской крепости разграбляют. Киевский князь Изяслав, видя, что дело дошло до крайности, и не осмеливаясь оставаться на Руси, желая спасти себя и свое [имение], бежал к польскому королю Болеславу, своему родному брату от тетки[146], который принял и содержал его милостиво и ласково. Между тем половцы, по кругу подвергая разграблению и убийствам все земли, подошли к Чернигову. Черниговский князь Святослав, нисколько не напуганный давешним поражением, имея только три тысячи мужей как из воинов, так и из селян, вышел против них и в первый день ноября близ Сновска сразился с двенадцатью тысячами врагов, причем множество, побежденное малостью, терпит поражение: храбро сражающиеся русские поражают и побеждают половцев, да и князь их с наиболее знатными попадает живым в плен к князю Святославу, а вся добыча, которую они захватили в русских землях, отнимается. Святослав с великой славой и воинскими почестями возвращается на свой стол в Чернигов, украшенный многочисленными вражескими трофеями. Так как киевский князь Изяслав со своими сыновьями Мстиславом, Святополком[147], женой и некоторым числом воинов бежал в Польшу к польскому королю Болеславу, полоцкий князь Всеслав, освобожденный из плена благодаря расположению [к нему] воинов, овладевает княжеством и киевской крепостью и делает ее своим столом. Обратив взор к небу, он произнес такие слова: “О святейший и верный Крест, надеющиеся на Тебя не посрамятся, почитающие Тебя не впадут в беду. Велика Твоя сила, ибо Ты побеждаешь, повергаешь и сковываешь самых сильных, кто бы ни воспротивился и ни презрел Тебя, а поклоняющихся Твоей святыне и почитающих освобождаешь и прославляешь” (III. P. 79–80)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1061-й

(...)

(Польский князь Болеслав II дает убежище Яромиру и многим чехам, бежавшим с ним; тот проводит в Польше семь лет.) Кто

усомнился бы тогда назвать Польшу счастливой, [Польшу], которая приняла, [милостиво] обошлась и согрела <трех> знатных изгнанников – паннонского, чешского <и русского>[148], а что еще важнее – своей помощью поддержала их в сомнительном и гибельном положении и восстановила, как о том расскажем ниже. (III. P 83)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1063-й

(...)

Князья Руси побеждают полоцкого князя Всеслава и пленяют его вопреки данной клятве

Князья Изяслав Киевский, Святослав Черниговский, Всеволод Переяславский, родные братья, движимые черной завистью, соединив войска, выступают против полоцкого князя Всеслава[149], сына своего двоюродного по отцу брата Бретислава, желая подчинить себе его и его княжество. Войска всех трех князей сходятся у Минска и отсюда, выстроив полки, идут против Полоцка. Полоцкий князь Всеслав, выступив им навстречу к реке Немче[150], сражается с ними и, после того как с обеих сторон пало множество [воинов], побежденный Всеслав бежит. Князья послали вслед за ним послов, лживо убеждая его встретиться с ними и заключить союз, клятвенно обещая, что не причинят ему ничего худого. Он, поверив этим обещаниям, прибывает с послами через реку Днепр, но князья, вопреки международному праву, нарушив клятву, хватают его, и киевский князь Изяслав заключает его вместе с двумя сыновьями в киевскую темницу. (III. P 87–88)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1067-й

Польский князь Болеслав взял в жены дочь князя Руси Вышеславу

Если прежде польского короля Болеслава Второго церковные и светские советники постоянно беспокоили советами согласиться взять в супружество какую-нибудь знатную девицу, то теперь уже стали не беспокоить, а донимать, чтобу вступил в законный брак, дабы королевский род, будучи сведен только к двум [князьям], не пресекся. Вдобавок в прошлом году приключилась смерть князя Мечислава[151], другого брата, а оставшийся князь Владислав[152] [вел] в то время целомудренную жизнь, к тому же и времена были мирные: все в округе были побеждены в войнах. Король Болеслав отвечал, что еще не достиг того возраста, в котором всеми силами стремятся [возжечь] свадебные факелы, что еще осталось доволь-

но времени для того, чтобы связать себя узами брака, что он, кроме того, опасается, как бы ласки будущей супруги не сделали душу суровую и мужественную, [необходимую] для ведения войн, как наступательных, так и оборонительных, мягкой и расслабленной. Но в конце концов, уступая советам своих, согласился взять на себя бремя брака. Когда советники стали разведывать, какая из женщин могла бы быть достойной такого короля, взор пал и на дочь князя Руси, единственную у своего отца, которой принадлежала по отцовскому наследству большая часть Руси. Ее-то и согласился взять король Болеслав, отвергнув дочерей прочих соседних королей и князей, которых предлагали тогда советники, так как и красотой, и душевными и телесными достоинствами она превосходила остальных и так как тем законнее была бы его власть над Русью, к завоеванию и покорению которой он давно уже стремился, дабы сравняться с дедовской доблестью. Итак, отправив торжественных сватов, он берет в жены упомянутую девицу <*Вышеславу*>, а когда ее привезли, справляет в Кракове по королевскому обычаю свадьбу и проводит многодневные свадебные празднества, устроив воинские ристания на копьях[153]. (III. P. 94–95)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1069-й

У польского короля Болеслава рождается сын Мечислав

Всей польской знати и вельможам королевства, обеспокоенным сиротством и бесплодием своих князей, объявляется, что польская королева <Вышеслава>, супруга польского короля Болеслава, зачала во чреве. И король, и знать, обрадованные такой новостью, не без колебаний в душе между надеждой и страхом, в волнении ожидали предстоявших родов. Между тем королева, упреждая Божие милосердие различными обетами, дабы родить ей дитя мужского пола и невредимое, по созрению плода, двенадцатого апреля родила в Кракове сына, который был омыт в купели крещения в Краковской церкви Зулой, или Лампертом, епископом краковским, и получил дедовское имя Мечислав[154] – отец, польский король Болеслав, дал ему это имя в память как деда, так и брата, который недавно умер. *(Описание торжеств по случаю рождения наследника.)* (III. P. 99)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1070-й

Польский король Болеслав нападает на Русь

Польский король Болеслав[155], еще не отойдя от горестных переживаний по поводу кончины <своего родственника венгерского ко-

роля Белы>[156], устремляет мысли на войну с князьями Руси и на овладение всей Русью, некогда покоренную оружием его прадеда, польского короля Болеслава Первого[157] В самом начале лета он приказывает всем воинам быть во всеоружии и собраться конному и пешему войску со всего королевства для русского похода – под предлогом восстановления в княжестве киевского князя Изяслава, [своего] брата, а в действительности в намерении подчинить Русь себе и Польскому королевству. Обо всем, что, как он знал, было необходимо для подготовки к будущей войне, он озаботился с величайшей тщательностью как сам, так и через префектов, <особенно же через воеводу Всебора[158],> раздав большое количество денег воинам конных и пеших полков, дабы они с тем большими воодушевлением и готовностью шли в поход. Муж воинственного нрава, он страстно желал или превзойти, или, если повезет меньше, сравняться с известностью и славой своего прадеда первого польского короля Болеслава, которая и доныне постоянно превозносится в людской молве, и присоединить к своему королевству и обновить древние пограничные меты, установленные его прадедом в виде колонн на реках Солаве <и Днепре>[159]. Кроме того, он негодовал, что все пространства русских земель, отошедшие к нему по праву войны и материнскому праву, были захвачены и, вопреки человеческим и Божеским законам, заняты князьями Руси, причем его отец, король Казимир, либо соглашался, либо делал вид, что не замечал [этого]; когда Болеслав неоднократно напоминал об их возвращении, они [русские князья] отвечали, что никогда не отдадут их. Когда к королю собрались многочисленные войска из всего королевства, он, прежде чем вести [его] далее во вражескую страну, созвав множество воинов, обратился к ним с такими словами: "Доблесть, честь, мужество наших предков были таковы, что сделали данниками Польского королевства и покорили много соседних областей, установили границами своего королевства реки Саву, <Оссу> и Солаву, воздвигнув в их пучинах колонны. Ныне видим, насколько сузились наши пределы из-за гражданских распрей, когда даже Русь, будучи под нашей властью и по международному праву, и по праву войны, [Русь], обширная часть которой принадлежит мне в силу материнского и дедовского титула, отвергает нашу власть. Намереваясь подавить ее мятеж, я и сам облачился в оружие, и вам велел вооружиться. Итак, мужественно поспешим на эту войну, чтобы увидеть супруг и детей наших, самое общую родину нашу, которую сейчас покидаем, не прежде, чем Русь будет покорена"[160]. Эта речь короля была принята воинами с большим воодушевлением и одобрением. На следующий день он тремя полками вступил на Русь, в сопровождении киевского князя Изяслава и его сыновей, и в течение многих дней шел впереди строя, во время похода не выпускал воинов из лагеря, удерживая [их] от грабежей, полагая, что князья Руси сойдутся с ним в регулярном сражении. <Всеми делами в поль-

ском войске руководил комит Всебор, перед тем назначенный королем Болеславом воеводой, на которого как опытного в военном деле король Болеслав возложил большую часть своих забот и раздумий.> (III. P. 100–101)

Польский король Болеслав берет Киев и Полоцк

Полоцкий князь Вышеслав[161] (так! – *Ред.*), который изгнал из Киева Изяслава, собрал отнюдь не малое войско из русских, печенего и варягов, немереваясь сразиться с польским королем Болеславом. Но когда он вышел навстречу королю Болеславу к Белгороду, желая воспрепятствовать его продвижению в глубь Руси, при виде силы польского короля Болеслава сердце его ослабело и, не смея сразиться с Болеславом и польским войском, так как видел, что сил у него много меньше, он, не известив своих, оставил войско и в сопровождении немногих, посвященных [в происходившее], бежал в Полоцк; но и войско его, пораженное и потрясенное бегством князя, разошлось по разным местам. Получив от разведчиков известие, что русские и прочие враги ушли, чтобы защищаться в укреплениях, польский король Болеслав двинулся в глубь [страны]. Между тем киевская знать послала к князьям Святославу и Всеволоду в Чернигов[162] послов со словами: "Хотя мы и несправедливо поступили, изгнав из Киева нашего князя Изяслава, вы все же придите и защитите крепость Киев от поляков и их короля Болеслава, ибо войско его многочисленно и весьма сильно, и воспротивиться ему мы не сможем; если же вы не сделаете этого, мы сожжем огнем киевскую крепость, пока она не попала в руки поляков, и одни, только с добром, детьми и домочадцами нашими, уйдем за море в Грецию, спасая наши жизни от разгневанного врага" Но от князей Святослава и Всеволода киевляне получают благосклонный ответ, что те пошлют послов к князю Изяславу с просьбой удержаться и удержать польское войско от враждебных действий и с миром войдет к ним [киевлянам], чтобы вернуть все свое; если же не захочет [сделать] этого, они торжественно обещают, что выступят со своими силами против него и не дадут полякам и их королю захватить их и дедовскую столицу – крепость Киев и народ [ее]. Ободренные этими словами, киевляне оставляют намерение покинуть родину и остаются, но немедленно отправляют послов к князю Изяславу, которые, встретив его недалеко от Киева, обращаются к нему и польскому королю Болеславу от имени князей Святослава и Всеволода с такими словами: "Напрасно ты завел столь сильное войско в столь далекие края, зря предпринимаешь крайние усилия – ведь видишь, что полоцкий князь Всеслав, твой враг, и все твои противники утратили силу. Поэтому оставь поляков и спокойно иди на свой стол в Киев, ибо нет никого, кто противится тебе, и отврати поляков от разорения нас и русских земель. Если же твой гнев требует

отмщения за нанесенную киевлянами обиду, то отомсти лучше сам по своей воле и киевлянам, и городу, без меча, без огня, чтобы поляки не бесчинствовали против нас и народа нашего" Получив такое послание, польский король Болеслав с князем Изяславом и лучшими воинами, оставив часть войска при обозе, которой, однако, было приказано следовать за ними, быстрым маршем идут к Киеву. Подозревая в словах послов хитрость и обман, они посылают заранее в Киев Мстислава, сына Изяслава, с некоторым количеством польских и русских воинов, чтобы разведать и рассмотреть, все ли спокойно в Киеве и не готовят ли киевляне коварной засады. Прибыв туда, он частью ослепляет, частью убивает зачинщиков мятежа числом семьдесят человек, творя свирепую месть и расправляясь даже с теми, кто считались невиновными. После того как Мстислав известил, что в Киеве все безопасно и спокойно, прибывает польский король Болеслав с князем Изяславом; киевляне сначала вышли навстречу ему в семи милях [от города], а затем почтили его богатейшими дарами. Войдя в Киев во второй день мая, польский король Болеслав провел там со всем своим войском все лето, осень и зиму. Зимовали же польские воины в городах и деревнях, причем князь Изяслав позаботился об одежде и пропитании для каждого. А киевский князь Изяслав, в то время как польский король Болеслав оставался в Киеве, с польскими и русскими воинами двинулся к Полоцку против князя Всеслава, который, устрашась его и поляков силы, бежал. Подчинив своей власти полоцкую крепость и область, Изяслав сажает там своего сына Мстислава, а когда тот спустя немного дней умирает, заменяет его другим сыном, Святополком, и возвращается в Киев[163].

(Узнав о смерти венгерского короля Белы I, Шаламон просит помощи у германского короля Генриха IV, который назначает поход в Венгрию на будущую весну.) (III. P. 101–103)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1071-й

Польский король Болеслав захватывает город и крепость Перемышль

Проведя зимнее время в Киеве, польский король Болеслав поспешил своевременно покинуть зимние квартиры, поскольку наступило время, когда можно было заняться делом. После того как Изяслав почтил его самого и его воинов величайшими и богатейшими дарами, он направляется к Перемышлю и берет несколько укреплений и городов, расположенных по реке Сану, [сдавшихся] частью добровольно, частью от страха или [под натиском] силы. Затем ему сообщили, что город Перемышль служит пристанищем множеству русских, которые из укреплений и сел собрали туда как в более безопасное и защищенное сильным гарнизоном место свое добро и

имение, [и] он решил приступить к нему [городу] со всеми силами. В то время это был крепкий город, со множеством горожан и приезжих, снабженный всеми военными сооружениями, а также глубокими рвами и высоко вздымавшимися валами, защищенный еще и рекой Саном, которая омывала город с севера. Эта река Сан, наполнившись и разлившись от дождей больше обычного, некоторое время мешала королю Болеславу, который готовился подвести войско к городу. Когда [вода] в нем спала, он перевел все войска через реку, берега [которой] русские никак не защищали, и разбил лагерь не более чем в миле от города; оттуда он при случае высылал воинов во вражескую округу то в одну, то в другую сторону, приказывая им заходить как можно дальше от лагеря, застигая врасплох ни о чем не подозреваших врагов. Напуганные этим враги отовсюду разбегались в леса и болота, а также непроходимые места, а многие уже не осмеливались выходить за стены замков и укреплений, чтобы беспокоить другой лагерь. Кроме того, было захвачено и привезено в королевский лагерь большое количество скота, жита и прочего провианта, так что в королевском войске продовольствия стало в большом изобилии. Затем в течение долгих дней между осаждавшими и осажденными происходили легкие стычки, ничем определенным не заканчивавшиеся. Однажды все-таки, когда русские большой толпой выскочили из города и добежали до стоянки короля, началась почти настоящая битва, и побежденные спешили укрыться в городе в таком страхе, что многие поляки, повиснув на их плечах, немалое число их захватили в плен или обезоружили. Подавив вылазки врага, король придвинул лагерь ближе к городу и распорядился окружить его с трех сторон – с четвертой его прикрывал замок. Затем в течение трех дней он непрерывно штурмует город, во многих местах выбивая и прогоняя врагов с [их] позиций копьями и стрелами, и овладевает частью города, обращенной в сторону долины [и] лишенной зищитников. На четвертый день, когда русские укрылись в замке, он захватывает город и весь отдает на разграбление воинам. После того как воинам была дана передышка, во время которой и раненым можно было оказать помощь под стенами захваченного города, он приказывает окружить замок кольцом вала. Несмотря на то что русские крепко стерегли его, он [Болеслав] не отказался от его захвата, хотя и трудного, так как [замок] был чрезвычайно укреплен и природой места, и многочисленными башнями. Все лето он потратил на осаду упомянутого замка, считая, как и вышло, что русских можно заставить сдаться под бременем голода. В самом деле, великое множество русских с женами и детьми, покинувшее город и укрывшееся в замке, день ото дня слабело от нестерпимого голода, особенно же от недостатка воды, маленький глоток которой едва-едва поддерживал [силы] защитников замка, ибо в тогдашних крепостях, расположенных на возвышенности, не было постоянного [источника] воды; множество лю-

дей, ежедневно погибавших, являло печальное зрелище для своих же. Страшась, что эта язва доберется и поразит и их, начальники замка и русские воины, [охваченные] все возрастающим отчанием, шлют вестника к королю Болеславу, просят позволения уйти из замка со всеми конями и имуществом, и в день, в который между ними была достигнута договоренность, предают замок королю Болеславу. Король Болеслав, овладев замком, приказывает крепче [прежнего] укрепить и восстановить стены, башни и прочие места города Перемышля, ослабленные или разрушенные его военными действиями, и размещает воинов в городе на зимовку, сам с первыми из знати и баронов укрывшись в замке[164]. (III. P 103–105)

Венгерский герцог Геза с братьями бежит к польскому королю Болеславу и просит помощи против Шаламона, снова коронованного благодаря императору Генриху

(Германский король Генрих IV возводит, как и обещал, на венгерский трон Шаламона; венгры подчиняются ему, изменив герцогу Гезе и его братьям Владиславу и Ламперту, которые бегут в Польшу к своим двоюродным братьям королю Болеславу и князю Владиславу.) Князь Владислав и их [Болеслава и Владислава] родительница королева Доброгнева принимают и приветствуют их, так как король Болеслав был тогда занят русской войной, и в изобилии снабжают всем необходимым для жизни[165]. (III. P. 105)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1072-й

Польский король Болеслав, вступив с войском в Венгрию, примиряет сыновей Белы с Шаламоном на тех [условиях], что тот получает две части королевства, а эти – треть с герцогским званием

Поскольку польского короля Болеслава обременяли две войны, а именно русская и паннонская, начатая и предстоявшая, он размышлял, какую из них предпочесть, к какой обратиться, – [сначала] молча, наедине с собой, а потом и многократно советуясь со своими [советниками]. Ибо не хотел оставлять ни русской войны, уже удачно начатой и ведшейся для восстановления на своем столе киевского князя Изяслава, ни отказывать своим братьям Гезе, Владиславу и Ламперту, возлагавшим все надеждв на его поддержку. И хотя, по мнению всех польских советников, следовало продолжить русскую войну, а от паннонской пока воздержаться, и более заботиться о собственных делах, чем о чужих, Болеслав, однако, счел позорным покинуть своих братьев, венгерских герцогов, в столь опасный момент [и], прервав русский поход, разместив в замке и городе Пере-

мышле сильный гарнизон, он объявляет как герцогам Гезе, Владиславу и Ламперту, так и собственным воинам, что намерен начать войну против венгерского короля Шаламона. Итак, с избранной дружиной опытных воинов, а также набрав новых воинов на место тех, которых оставил защищать Перемышль, он ведет своих братьев Гезу, Владислава и Ламперта назад в Венгрию в намерении пойти ради них на крайние меры и против Шаламона, и против любого другого их врага. *(Шаламон бежит, польское войско стоит под стенами Буды. Венгерские епископы посредничают при заключении справедливого мира, прося Болеслава убедить герцогов принять его.)* И когда король и герцоги ответили, что ради общего мира они примут любые почетные условия, которые зависят только от епископов – ведь польский король, всеми силами стремясь вернуться на русскую войну, жаждал или приостановить венгерскую войну уступками, или завершить миром, – то [все] немедленно отправились в Мусур[166], и между обеими сторонами был заключен мир на тех условиях, что пусть Шаламон, хотя и младший по рождению, пользуется королевскими короной, титулом и почестями, имея под своей властью две части Паннонского королевства, а Геза, Владислав и Ламперт [имеют] герцогское звание и владеют третьей частью; польский же король Болеслав и его войско, одаренные из общей обеих сторон казны, уходит. После того как таким образом был заключен мир – на заключение которого ушло все лето, – Болеслав с великой славой и обласканный той и другой стороной, ибо, если бы он отказался, мир не мог бы быть заключен, вернулся в Перемышль и там зазимовал[167] Геза, Владислав и Ламперт в Пече возложили на Шаламона корону в присутствии великого множества венгров. (III. P. 107–108)

(...)

Так как черниговские князья Святослав и Всеволод врагами выступили против брата, киевского князя Изяслава, Изяслав с сыновьями является к польскому королю Болеславу, прося восстановить его

По ничтожной причине между черниговскими князьями Святославом и Всеволодом[168], с одной стороны, и киевским князем Изяславом – с другой, возникла распря из-за границ [их] земель и последовавших [за этим] грабительских нападений, так что дело дошло даже до войны между ними. Собрав войско, черниговские князья Святослав и Всеволод выступают против киевского князя Изяслава. Изяслав же, считая верность своих воинов по отношению к себе зыбкой и хрупкой, опасаясь живым попасть в руки врагов, ушел из Киева. А князья Святослав и Всеволод, вступив в Киев в двадцать второй день марта месяца, занимают княжество и садятся в Киеве, нарушив отцовский запрет, который обязывал всех сыно-

вей не захватывать княжеств друг у друга. Киевский же князь Изяслав, с женой, сыновьями и множеством воинов, бежит в Польшу к польскому королю Болеславу, везя с собой золото, серебро, драгоценные сосуды и всякое роскошное и дорогое имение, которые все он либо подарил польскому королю Болеславу, либо роздал польским воинам, смиренно умоляя вернуть себя на киевский стол с помощью польского короля Болеслава[169].

Двадцать первого декабря в Киеве умирает черниговский князь Святослав, захвативший киевский стол; его переносят в Чернигов и погребают в церкви Святого Спасителя. На киевском княжении ему наследует его брат Всеволод[170]. Он [Святослав] оставил единственного сына Глеба, который после смерти Святослава владел отцовским княжеством, а именно Новогродком[171]. (III. P 109)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1073-й

Польский король Болеслав после шестимесячной осады берет крепость Волынь

Польский король Болеслав, выведя отряды своего войска из Перемышля и оставив там гарнизон, дабы держать население в верности, направляется в глубь Руси, желая восстановить на его столе князя Изяслава, и, уклонившись от пути, которым, как думали, он пойдет в Киев, свернул в земли Холмскую и Волынскую, которая впоследствии именовалась Владимирской, а ныне, по упразднении и того, и другого названия, зовется Луцкой. В те дни она была богатым и изобильным краем, со множеством сел, и [лишь] немногие города имели укрепления, являя легкую добычу для врага. Итак, большинство сдались добровольно, другие, в которых находились русские гарнизоны, были взяты малыми усилиями. В [той] земле было три главных крепости: Волынь, Владимир и Холм, но все выстроены из деревянных бревен на холмах, возвышенных самой природой; они охранялись небольшими русскими отрядами. Первым делом польский король Болеслав приказывает захватывать добычу, а некоторые села и деревни – сжечь. После того как он обошел и разграбил землю и в качестве добычи, [захваченной] у селян, набралось множество скота, он [*разрешает*] воинам отправить его в Польшу в сопровождении рабов. Наконец, он подводит войско к крепости Волыню и штурмует ее без устали ночью и днем. Но так как русские, защищавшие крепость, храбро сопротивлялись, надежда овладеть крепостью все более таяла. А так как, сверх того, большинство польских воинов убеждали [его] отложить осаду, он никоим образом не соглашался на [эти] уговоры, опасаясь, что если оставить крепость, не захватив ее, то это воодушевит русских на более упорное сопротивление. За шесть месяцев постоянной настойчивой осады сердца русских, защищавших крепость, оказыва-

ются сломлены отчасти страхом, отчасти надеждой на милосердие, которое, как они знали, было свойственно Болеславу; направив вестников о сдаче крепости, они ведут с королем переговоры и предлагают условие, чтобы всякий, кто пожелает, мог уйти со всем, что ему принадлежит, а кто предпочтет остаться, чтобы нес военную службу в королевских крепостях на равных правах с поляками и, кроме того, король пожаловал бы им две тысячи марок. После того как на этих условиях был заключен мир, крепость Волынь сдается королю. А пока польский король Болеслав действовал в Волынской земле, князь Всеволод, желая сразиться, подвел туда русское войско, но, ясно рассмотрев польское войско и убедившись в угрожавшей ему несомненной опасности, если он попытает счастья в битве, ушел восвояси[172]. (III. P. 110–111)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1074-й

Польский король Болеслав, победив князя Всеволода, подчиняет своей власти всю Русь

В самом начале лета к польскому королю Болеславу, который собирался вывести полки своего войска из Волыня для завоевания двух остальных крепостей, Владимира и Холма, прибывают послы владимирского князя Григория[173], которому в то время те самые крепости принадлежали. Препровожденные в королевский совет, они просят, чтобы [король] вывел из их земель свое войско и не допустил опустошения тех земель и завоевания крепостей, и уверяют, что их князь Григорий будет под властью короля вместе с крепостями и землями, сдастся и будет исполнять повеления. Король Болеслав, чтобы свободнее и быстрее проникнуть в глубь Руси, отвечает, что примет предложенные условия мира, если будут даны заложники. Согласившись на это и заключив временное перемирие, они возвращаются к своему князю и докладывают об ответе. Дать заложников казалось поначалу тяжко и оскорбительно, но еще более непереносимо и тяжко [было бы видеть] горящие дома и села. Итак, сам князь Григорий и его [приближенные] лично являются к королю Болеславу и, скрепив [договор] о подчинении, дают заложников. Болеслав не только благосклонно беседует с Григорием, но и щедро одаривает его, отпускает восвояси и, подняв войска, идет к главному городу и столице всей Руси Киеву, намереваясь завершить русскую войну не иначе, как только овладев Киевом. В то время у русских наиболее сильным и по обширности земель, и по численности войска считался князь Всеволод; он держал тогда под своей властью и Киевскую землю, и город, а также другие соседние области. Как только от разведчиков, да и по слухам он узнал, что польский король Болеслав идет на него войной и что театр войны перемес-

тился в его землю, он приказывает вооружаться всем ему подвластным и собирает и совокупляет многочисленные вспомогательные войска прочих соседних князей. Кроме того, многие знатные русские и воины, которые бежали из Перемышльской, Волынской и Холмской земель, либо завоеванных Болеславом, либо принятых им в подданство, добровольно присоединились к нему [Всеволоду], составив солидное войско. Князь Всеволод, ободренный их множеством и постоянными призывами к немедленному выступлению на врага, построив полки, стремительным маршем, необычайно [быстрыми] переходами подошел к лагерю Болеслава, а на следующий день вывел своих на битву. Болеслав, собрав военачальников, трибунов, сотников и командиров отрядов, а также всех воинов, говорит: "Сегодня нам предоставляется возможность сразиться с врагом, о чем вы все время молились; явите теперь доблесть, которой похвалялись на словах. Хотя враг превосходит и числом, и силой, возложим все надежды на помощь небес и доблесть. Ведь этот враг бывал не раз без труда побежден, разбит и разгромлен нашими отцами, докажите же храбростью, что и сегодня вы разгромите его и блестяще вернете себе и завладеете величайшей наградой за победу – богатейшим городом Киевом с <...> границ, которые прежде установили отцы наши" Укрепив [их] такой речью и построив в боевой порядок, он начал сражение. Обе стороны схватились с великой силой и некоторое время бились с переменным успехом. На правом крыле поляки сопротивлялись с трудом, нестройные крики восклицавших, будто враг бежит, при неясности положения своих [только] отвлекали от продолжавшейся схватки, строй смешался, и русские начали одолевать [и одолели бы], если бы Болеслав не подкрепил новым отрядом пошатнувшийся и близкий к бегству фланг. Таким образом битва была возобновлена с равными силами и велась почти с равным успехом. Наконец, после того как король Болеслав прорвал наиболее сильные боевые порядки врага, последовало немедленное бегство русских, и победители, преследуя рассеянных русских, большое их количество привели в лагерь. Князь Всеволод спасся бегством. Тогда пало множество русских, но и поляки не досчитались почти тысячи. И погрузив на возы <...> и похоронив павших, [*Болеслав*] с победоносным войском вернулся в Польшу, везя многочисленные русские трофеи[174]. (III. P. 112–113)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1075-й

Польский король Болеслав снова берет Киев и взимает с русских дань

Проведя всю зиму и часть весны среди своих пенатов, польский король Болеслав, собрав конное и пешее войско больше прежнего,

быстрым маршем поспешил на Русь и, подойдя к Киеву, столице Руси, окружил ее осадой. Так как русские, защищавшие город, часто совершали вылазки на королевский лагерь и легкие стычки между сторонами перерастали в большее, нередко все королевское войско поднималось словно на настоящую битву, идя на помощь своим, которых русские время от времени отгоняли, стреляя издалека стрелами. Наконец город стал страдать от голода, и, поскольку вражеские вылазки стали реже, [Болеслав] передвинул лагерь ближе к стенам; узнав также от перебежчиков, что голод и среди горожан, и среди воинов крепчает, он всячески позаботился и сам, и воинам, которых поставил во главе этого дела, [действуя] то угрозами, то обещаниями, поручил занять все дороги, чтобы нельзя было ничего подвезти осажденным, и тщательнее препятствовать любому подвозу. Сила духа и характера у короля была такова, что он сам занимался не только важными делами, но и мелочами, и, давая воинам или начальникам поручения, [касавшиеся] войны и осады, большинство исполнял сам, прежде чем те начинали действовать, то лично проверяя дозоры, то арестовывая и наказывая нерадивых, дабы воины, всегда ожидая появления короля, не ослабляли напряженного и постоянного рвения. Кроме того, обширная долина, [образуемая] полями, которые венцом окружали город, так что зрение не достигало ее края, как в море, и любой подвоз мог быть уже издалека перехвачен, весьма способствовала замыслу короля. К тому же город Киев, в ту пору чрезвычайно обширный и растянувшийся на множество протяженных сел, не был в достаточной мере укреплен каменными или бревенчатыми стенами и легко поддавался захвату, особенно [учитывая, что] воины, его защищавшие, были утомлены постоянным бдением и длительной осадой. Из-за того что поляки зорко караулили и следили за всеми дорогами и препятствовали всякому подвозу, город охватил ужасный голод, и каждый день умирали многие, истощенные голодом. Добавилось и бедствие заразы, а болезнь настигала как богатых, так и воинов. Опасаясь, что живыми попадут в руки Болеславу и полякам, они направляют к Болеславу послов о сдаче города. Послы просили только об одном: чтобы король явился перед побежденными милостивым победителем и пощадил пораженный голодом и заразой город, и к мольбам, по своему обычаю, прибавляли низковыйные поклоны; он, приняв их ласково, обещает свою благосклонность и милость, потому что, защищая город, они натерпелись такого ужаса, какого не заставит пережить побежденных даже разгневанный победитель. Как только об этом было сообщено в город, они сдали город в тот же день, не дожидаясь наступления следующего. Входя в него со множеством войска, Болеслав взмахнул мечом и, повторяя триумф своего прадеда Болеслава, первого короля польского, ударил в железные ворота и, поторив удар, оставил от взмаха клинка дыру в [железной] пластине ворот в знак победы и одоления. Принятый

горажанами с большой честью, он, как и обещал, проявил себя по отношению ко всем самым милосердным победителем; если чьи-либо дом, тело или имущество пострадали от кого-либо из его воинов, то он возмещал, приговаривая насильника к смертной казни. Одним этим он так привлек к себе сердца киевских жителей, что они по собственной воле поднесли самые дорогие дары, способные удовлетворить как короля, так и войско. Оставив себе немногое, он почти все раздал воинам, особенно тем, которые наиболее отличились доблестью или в сражении, или при штурме городов и крепостей, или в перебранках с врагом. Совершив этот памятный поступок и покорив Киев своей власти, он, после того как вся Русь была укрощена, наложил большую дань и доверил все дела князю Изяславу, родственнику из рода матери, сделав его правителем Киевского края. Каждый день из всех областей Руси привозились большие деньги, собирались большие богатства, на сбор и взыскание которых ушел остаток зимы[175].

После того как Глеб, сын черниговского князя Святослава, был подло убит своими и похоронен в Чернигове, в церкви святого Спасителя, Новгородское княжество наследовал сын Изяслава Святополк. Владимир же, другой сын Изяслава, сел в Смоленске, а третий, Ярополк, – в Вышгороде[176]. (III. P. 118–120)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1076-й

Когда Болеслав возгордился победой и погряз в любострастии, жены польских воинов вступили в связь с рабами и прочими; услышав об этом, поляки, оставив там [в Киеве] короля, тотчас же отправляются домой

Из-за задержки, ушедшей на зимовку в Киеве, крепость дисциплины во всем польском войске ослабла, и как польский король Болеслав, так и его воины, за исключением немногих, впали в такую пагубу от удовольствий, пиров, пьянства и любострастия, что было больше вреда от победы, чем от ее отсутствия, и что обладание победой приносило больше опасностей, чем выгоды[177] Ведь Киев богат продовольствием, которого любому хватало по горло, изобилуя мясом, медом, рыбой и хлебом, женщины там статные, со светлыми, красивыми волосами, но распутные. Увлеченные их красотой, и король, и польские воины, разгордясь к тому же от счастья победы и купаясь во всевозможном изобилии, опустились до самого последнего любострастия. Сам польский король Болеслав, видя, что достиг совершенного счастья в победах, овладении городами, трофеях, богатствах и великих почестях, впал в такую надменность и распущенность, что затруднил доступ к себе просителей, а ответы и поручения по большей части давал через посыльных. Не ограничи-

ясь обычным любострастием, он позорнейшим образом опустился до грязнейшей преступной содомии, подражая порочным нравам русских, у которых это преступление было в обычае. Побежденный пороками тех, кого победил оружием, он навлек на все свое потомство, да и на свое королевство и свой народ великий и длительный позор, смыть который в силах только божественное милосердие. Насколько тяжким было оскорбление, нанесенное таким преступлением величию Всемогущего, который даровал ему столько побед, столько удач и успехов, покажут события, о которых будет сейчас поведано. Сначала король стал презираем своими собственными поляками, а потом – и русскими, несмотря на то что подражал их же распущенности, и уважение и любовь к королю в сердцах воинов не то чтобы уменьшились, а оказались подрезаны под корень. Не только король один был наказан презрением и ненавистью своих и русских, но на [всех] поляков обрушился бич Божий. Ибо жены, сестры и дочери тех в особенности, кто слишком чрезмерно предавался разврату а Киеве, тяготясь долгим отсутствием мужей, стали жаловаться, что они сиротствуют почти целые семь лет и лишены мужской защиты и [возможности] рожать детей, и как преступление [мужей], так и юность и женский характер не позволяли им утешиться. Измученные долгим ожиданием мужей – а к тому же ходили слухи, что один скончал свои дни, другой убит в битвах, третий сошелся с наложницей – некоторые устремляются в объятия рабов: одни насильно, другие под воздействием ласк, притворных насмешек или выдумок. Когда [весть] о падении всех подряд жен поляков, благодаря постоянным слухам и постоянным вестникам, причем молва все преувеличивала до предела, донеслась до королевского лагеря, когда из страха или подозрения к действительности прибавляли много выдумок, [которые] и разносили, когда текла и день ото дня разрасталась при передаче от одного к другому зараза этого зла, в войске возникло такое громкое негодование, что наподобие одержимых одни бегали в палатки к другим, чтобы пожаловаться и поведать о своих обидах и бедах. А иных из них обуяло такое безумие, что безо всякого разрешения короля или извещения его они со всей возможной поспешностью устремились в Польшу. Затем примеру немногих последовало большое множество других воинов, задыхающихся [от желания] отомстить и пресечь преступление жен и рабов. И ни наказания со стороны короля, ни ласковые речи не могли помешать тому, чтобы почти ежедневно и ночью, и днем они не убегали, оставляя своего короля во вражеской земле, уже многие изведали суровость короля, было менее безопасно[3].

(III. P. 120–122)

---

[3] (Текст оригинала грамматически некорректен и спутан, что и отражено в переводе. – *Ред.*)

Поляки наказывают развратных рабов и жен

Польские воины, возвращенные из лагеря домой не настоятельными мольбами жен, как некогда скифы[178], а их нечестием, оказались на новой, рабской, войне – в справедливое отмщение от Бога за любострастие, которому они предавались в Киеве. (III. P 122)

(...)

Болеслав пылает гневом на воинов и их жен, прикладывая к их грудям щенков, и никто не осмеливается упрекнуть его за отвратительное преступление

Между тем ярость и гнев Болеслава начали распространяться не только на женщин, которые из почтения к мужьям или по малолетству не впали в преступление, но и на самих мужей. Вернувшись из Руси в Польшу с малыми отрядами, он, трепеща и пылая гневом, оплакивал, что был брошен на произвол судьбы посреди вражеской страны и врагов собственными воинами, с которыми был так щедр. (...) Поэтому он велит схватить воинов, которые положили начало бегству, и казнить смертью, а других, которые провинились, последовав [за первыми], – бросить в темницу или лишить имущества, у жен, которых пощадили мужья, – отнять отпрысков, прижитых от рабов, и приложить к соскам щенков в отмщение за совершенный блуд. (...) Хотя это достойно отвращения само по себе, но всего этого отвратительнее, что король Болеслав, как было видно, не оставил перенятого на Руси развратного и жестокого противоестественного обычая, [а] усугубил его. (III. P. 123)

(...)

Князья Руси Борис и Олег в союзе с половцами одерживают победу над черниговским князем Всеволодом и захватывают его крепость, которую потом Всеволод возвращает с помощью киевского князя Изяслава, причем князья Борис и Изяслав погибают в сражении

Движимые духом зависти и злобы, князья Руси Борис[179] и Олег, или Алексей[180], приводят варваров-половцев, чтобы вражески напасть и опустошить Русскую землю. Черниговский князь Всеволод встретил их двадцать пятого августа в месте, которое зовется Сичче, вступил в бой и был ими поражен и побежден. В этом сражении храброй смертью погибают знаменитый воин Гиван Жирославич, также Тукич, также Покей. Одержав верх, Борис и [*Олег*], опираясь на силу половцев, захватывают также крепость Чернигов и совершают множество нечестивых преступлений, проливая кровь невинных. Всеволод же со своим сыном Владимиром[181], теснимые и гонимые как поражением, так и потерей своего княжеского сто-

ла, обращаются к своему брату Изяславу, князю киевскому[182], и с громким плачем и стенаниями рассказывают ему о своих и своего народа бедствиях и несчастиях. Тот же, ласково их утешая, советует не терять присутствия духа: “Я, – говорит, – вам пример: лишенный всего и ограбленный, я некоторое время жил в чужих землях на подаяние и из милости поляков, с помощью которых я впоследствии все вернул” Поддерживая их не только словами, но и делом, он обещает помочь им против врагов Бориса и Олега. Скопив войска, киевский князь Изяслав со своим сыном Ярополком[183] и черниговский князь Всеволод со своим сыном Владимиром идут к Чернигову, в котором укрылись князья Борис и Алексей. Алексей отказывался [сражаться], да и князя Бориса отговаривал не доводить дело до крайности – решительного сражения, говоря ему: “Не станем сражаться против четырех князей, дядей и братьев наших, потому что они сильнее нас, но пошлем гонцов просить мира на справедливых условиях” Но Борис не согласился, а возгордясь, ответил: “Не заботься ничуть о победе, а, веселый и полный надежды, только жди исхода сражения” В начавшейся битве гибнет Борис, сын Чеслава[184], противившийся миру, и пали убитыми многие с той, и с другой стороны. Но и Изяслав, князь киевский, когда уже под конец битвы стоял в безопасности среди пеших воинов, гибнет от руки одного из воинов Алексея, который, прикинувшись своим, въехав в пещцев, поразил его, пронзив между лопаток. После того как Александр (так! – *Ред.*) и его войско бежали, Всеволод снова занял крепость Чернигов. Тело же князя Изяслава было привезено в Киев и, оплаканное его сыном Ярополком, похоронено в церкви Святой Марии[185]. Изяслав был великим блюстителем и служителем справедливости, велик телом и [высокого] роста. И наследовал ему в Киевском княжестве родной брат Всеволод как старший по рождению, посадив одного сына, Владимира, в Чернигове, а другого, Ярополка, – в Турове. (III. P 125–126)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1077-й

(...)

Князь Руси Роман, наняв в помощь себе половцев, идет врагом на киевского князя Всеволода, намереваясь захватить Киевское княжение. И хотя киевский князь Всеволод со своим войском выступил против него к Переяславлю, но при посредничестве всех баронов князья примиряются 2 августа. Недовольные этим половцы во время вспыхнувшего в лагере мятежа убивают Романа за то, что тот заключил мир, не посоветовавшись с ними[186]. (III. P. 129)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1078-й

(...)

Киевский князь Всеволод, узнав, что его племянник Ярополк, сын Изяслава, прежнего киевского князя, собирает против него войско, чтобы отобрать отцовский стол, посылает против него сына Владимира с войском; тем временем Ярополк, по лживому совету одного из советников Всеволода, бежит к польскому королю Болеславу, а Владимир, заняв крепость Луцк, пленяет его мать, жену и сыновей; впоследствии Ярополк с польской помощью все возвращает и заключает с Владимиром мир, но в конце концов его зарубает его приближенный; его тело, привезенное в Киев, с почетом похоронено князем Всеволодом, его сыновьями и боярами

Князь Ярополк[187], сын Изяслава, прежнего князя киевского, почтя за великую несправедливость, что Киевское княжество после смерти его отца Изяслава наследовал его дядя Всеволод, собирает войско, чтобы с его помощью напасть войной на Всеволода и изгнать его с киевского стола. Когда Всеволод узнал об этом, он собирает ближний совет и обсуждает, что делать. Один из числа советников подал ему совет, рассуждая так: "Собрав войско, пошли против Ярополка своего сына Владимира, а меня пошли прежде него: я обману Ярополка и одержу над ним победу без оружия" Тот одобрил такой совет, и лживый советник прибыл к Ярополку и сказал ему: "Не доверяй своим советникам и воинам, все они на стороне твоего врага Всеволода и поклялись предать тебя ему. Послушай моего верного совета и беги к польскому королю Болеславу, который некогда восстановил [на столе] твоего изнанного отца Изяслава, и проси у него помощи" Ярополк поверил коварной и лживой речи и, оставив Русь, бежал в Польшу, держа под подозрением всех своих советников и воинов[188]. Мать свою, жену, сыновей и домочадцев он помещает в крепости Луцке, велев им, чтобы как можно упорнее сопротивлялись врагу, пока он не вернется с польским войском. После того как он удалился в Польшу, к Луцку подошел сын Всеволода Владимир[189] с войском, которому тотчас и безо всякого сопротивления крепость была сдана; в ней он нашел мать, жену, сыновей и домочадцев Ярополка и пленниками увез их в Киев, а домочадцев продал. Польский же король Болеслав[190], не имея возможности лично оказать помощь Ярополку из-за раздора, возникшего между ним и воинами, посылает, однако, с ним войско из своих польских племен, при поддержке которого тот первым делом идет к Луцку. А сын Всеволода Владимир, не осмеливаясь сопротивляться ему и его силе, посылает послов и примиряется с ним, вернув немедленно или поклявшись вернуть не только Луцк и дру-

гие крепости Ярополка, которые ранее захватил, но и все принадлежащее Ярополку. Заключив мир, Владимир направился на свой стол в Чернигов, а Ярополк, наградив польское войско, отпустил его в Польшу и, когда ехал на повозке из Владимира в Звенигород, двадцать второго ноября был спящим зарублен своим приближенным Нерадцем[191]; а Нерадец бежал к князю Рюрику[192]. Тело Ярополка привезли в Киев, навстречу ему вышли Всеволод и двое его сыновей, Владимир и Ростислав[193], а также митрополит Иоанн[194], киевские бояре и все сословия с великим плачем о его убийстве и захоронили его в церкви святого Димитрия. При жизни он часто молился, чтобы ему выпало погибнуть той же смертью, как прадедам его Борису и Глебу, которых Русская церковь почитает святыми. Муж кроткий, братолюбец, дававший десятину во все лета своей жизни от всякого хлеба, скота, коней и всего своего имения[195].

(III. P. 131–132)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1081-й

(...)

Похвала и укоризна польскому королю Болеславу

(В делах похвальных с Болеславом II может сравниться только первый польский король Болеслав Храбрый; в позорных деяниях он – непревзойден.) Когда памятниками своих побед он наполняет Русь и Венгрию, когда раздвигает границы отечества, когда расточает щедрость ко всем, он подобен Болеславу Храброму. *(Но предаваясь содомии, свирепствуя по отношению к женам и воинам, убив святого Божия, он являет собой второго Помпилия.)*

(III. P. 144–145)

(...)

После бегства короля Болеслава князь Руси опустошает Польшу и вывозит оттуда трофеи

Князь Руси Василько Ростиславич[196], твердо зная, что польский король Болеслав бежал из Польши и что Польское королевство погублено великой смутой, замыслил опустошить его и, собрав наемников из половцев и из других народов, нападает на Польское королевство и стремительно и торопливо опустошает его, захватив и спалив несколько крепостей, и с добычей и трофеями возвращается на Русь[197]. (III. P. 146)

(...)

КНИГА IV

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1083-й

(...)

Умирает киевский князь Всеволод; его сын Владимир, опасаясь, что Святополк, сын Изяслава, прежнего киевского князя, начнет с ним войну за это княжество, уступает ему его добровольно

В русских землях явилась свирепая зараза, [и] погибло множество смертных того и другого пола. Также от эпидемии тринадцатого апреля умирает киевский князь Всеволод, сын Ярослава и внук Владимира, оставив сыновей Владимира и Ростислава, которые хоронят его в церкви святой Софии в Киеве. Он любил бедняков и вещи духовные; отец его Ярослав, умирая, благословил его за его смирение. После смерти Всеволода его старший сын Владимир размышлял так: "Если займу Киевское княжество, стол отца моего, то достанется мне война со Святополком, сыном Изяслава, ибо то был стол его отца" И рассудив так в душе, он послал послов, пригласил Святополка и оставил ему киевский стол. Сам он отправился в Чернигов, а его брат Ростислав – в Переяславль. Святополк же, прибыв в Киев на завершение Пасхи, был встречен киевлянами, почтен дарами и с той поры сел на столе отца и дяди[198]. (IV P. 149–150)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1085-й

(...)

Половцы наносят поражение киевскому князю Святополку, которому безуспешно помогали князья Ростислав и Владимир; там погиб и Ростислав во время кораблекрушения (так! –* Ред.*) на реке Стугна

Варвары-половцы, свирепейшие враги Руси, собрав многочисленное войско, замышляют опустошить русские земли[199] – особенно когда узнали, что Всеволод умер и Киевское княжество наследовал Святополк Изяславич. Но поначалу они посылают к Святополку послов убедить его соблюдать с ними мир по обычаю [его]

отца и дать им ответ относительно неуплаченной дани. Святополк же, оскорбившись их посольством, берет в плен половецких послов. Когда об этом стало известно половцам, они, расвирепев, начали жесточайшим образом опустошать Русскую землю. Святополк же, поняв, что схватив половецких послов, он поступил несправедливо, освободил и отпустил послов и стал добиваться от половцев мира, который поначалу отверг. Когда в этом было отказано, он призвал воинов к оружию, горячо желая сразиться с половцами. И в то время как неразумные воины хвалили его замысел, более рассудительные осуждали его, говоря, что даже если бы к их войску прибавились еще восемь тысяч, [все равно] сражаться с половцами им небезопасно. По совету воинов Святополк посылает к князьям Владимиру Черниговскому и Ростиславу Переяславскому, прося о помощи. Они, соединив войска, приходят к Киеву и резко выговаривают князю Святополку за то, что он, вопреки международному праву, учинил насилие над послами. Но советники убедили их, что после того как половцы беспрестанно терзают землю, раздоры надо отложить на другое время и скорее обратиться на защиту земли; они выводят войска в поле против врага и, сделав первую остановку у Котрополья[200], приходят к реке Стугне, где осведомляются о настроении воинов, хотят ли те сражаться. И поскольку мнения разошлись, князь Владимир советовал, перейдя реку, вступить с врагом в переговоры о мире. Хотя многие одобряли это, речь не понравилась киевлянам, которые отказались заключать какой-либо мир с половцами. Все согласились с таким решением, [и] перейдя реку Стугну, которая тогда была переполнена водами, они направляют выстроенные полки на врага. Ростислав держал левое, Святополк правое крыло, а Владимир – центр[201], и двадцать шестого мая они начинают битву. Половцы, выслав вперед лучников, нападают на русские войска, расположенные между двумя рвами[202]. Первым делом они поражают Святполка и его войско на правом крыле, и после того как воины Святополка обратились в бегство, за бегущими последовал и сам Святополк. Затем половцы обрушиваются на Владимира и Ростислава и поражают их, и Владимир и Ростислав бегут с оставшимися воинами, и Ростислав попадает в опасность на реке Стугне, когда волны стали захлестывать его. Брат его Владимир, пытаясь помочь ему, едва сам не захлебнулся в воде. После того как Ростислав и многие воины утонули, Владимир с немногими, переплыв реку, стал на другом берегу, оплакивая своего брата Ростислава и воинов, которые погибли вместе с ним в бою и в волнах. Оттуда Святополк бежит в Отрополь[203] и, пробыв там до вечера, под покровом наступившей ночи прибывает в Киев. Тело Ростислава, найденное в реке, было доставлено в Киев и похоронено в церкви святой Софии в отцовской гробнице. Половцы, взяв верх, простирают опустошение так далеко, как только могут, и окружают крепость Торч[204]. Осажден-

ные, мучимые голодом, просили помощи у Святополка, говоря, что если он им не поможет, они не выдержат голода долее. Хотя Святополк послал продовольствие, но его не смогли подвезти к крепости, так как враги со всех сторон стерегли дороги. После пятнадцатидневной осады Торча двумя отрядами половцев одна часть снялась и направилась против Киева, а другая осталась для осады. Святополк вышел навстречу половцам и в завязавшемся сражении, в котором полегло множество с обех сторон, половцы одолевают, а Святополк, когда его воины либо пали, либо попали в плен, в сопровождении всего двоих укрылся за стенами Киева. Половцы же возвращаются к крепости Торч с русской добычей и пленными, и среди осажденных поднимается великий плач, ибо, увидев пленных, они поняли, что князь их Святополк потерпел поражение; и поскольку они не могли больше держаться из-за голода, <потеряв всякую надежду на помощь,> они сдали крепость половцам. Взяв ее, половцы ее поджигают, а множество русских людей уводят пленниками в свою землю, где большинство погибает от суровой зимы, а остальные идут грязные и полунагие, расспрашивая друг друга, из какого они рода, края или села, громкими рыданиями и жалобами оплакивая свой плен и рабство. Шестнадцатого ноября умирает Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, и погребается в церкви святой Марии в Десятинове[205]. (IV P 153–155)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1086-й

(...)

Киевский князь Святополк, заключив союз с половцами, берет в жены дочь половецкого князя; князь Руси Олег с помощью половцев воюет крепость и землю Черниговскую; потом заключает мир с черниговским князем Владимиром Всеволодовичем

Киевский князь Святополк, чтобы как-то восстановить силы после поражения в двойной битве, заключает мир – позже, чем следовало – с половцами. Ради прочности его он берет в жены дочь половецкого князя Тугорхана. Добившись помощи от половцев, князь Руси Олег, воюет крепость Чернигов и ее землю; пока черниговский князь Владимир ограничивается защитой стен, Олег опустошает огнем окрестные монастыри, церкви, села и деревни. Владимир, видя свое крайне трудное положение, послав вестников, заключает с Олегом мир и, уступая Чернигов Олегу, удаляется в Переяславль. Но половцев, с позволения Олега, это не остановило от опустошения Черниговского края, где многие русские были убиты, многие пленены, многие уведены в рабство. Кроме того, саранча, в огромном количестве явившаяся в Русской земле, пожирает все и истребляет всходы, <и Русская земля в одно и то же время

чрезвычайно пострадала, с одной стороны, от опустошения и поражения от варваров, с другой – от напасти саранчи>[206].

(IV P. 157–158)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1087-й

Доброгневу, мать изгнанного короля Болеслава и польского князя Владислава, уносит рок

Польская королева Доброгнева, или Мария, вдова прежнего польского короля Казимира Первого и родительница польского короля Болеслава и князя Владислава, которая дожила до тех времен, [будучи] уже в преклонных летах и возрасте, зачахнув первым делом от погибельного падения своего сына, польского короля Болеслава, убийцы святого Станислава, а затем и от изгнания [его], умирает и с надлежащими почестями погребается в Краковской церкви князем Владиславом, почтившим похороны своей матери[207]

(IV P 158)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1088-й

Польский князь Владислав справляет вторую, а Мечислав, сын изгнанного Болеслава, – первую свадьбу

(После смерти жены Юдиты, польский князь Владислав берет в жены Софию, вдову венгерского короля Шаламона и дочь императора Генриха III. Несмотря на то что в первом браке София была бесплодна, Владиславу она родила со временем трех дочерей.) Тогда и князь Мечислав, сын польского короля Болеслава, едва выйдя из юношеского возраста, по устроению своего дяди польского князя Владислава, взял в жены <родную> сестру киевского князя Святополка по имени <Евдоксию>, дабы те области Руси, которые были покорены его отцом, благодаря такому родству сохраняли бы покорность более искреннюю и верную[208]. *(В Кракове состоялось большое собрание князей и баронов, торжественно отпраздновавших двойное бракосочетание – и Владислава, и Мечислава, князей польских.)* (IV P. 161)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1089-й

(...)

Мечислав, сын изгнанного короля Болеслава, умирает, оставив поляков в великой скорби; мать же его, проведя в глубоком горе несколько дней, последовала судьбе сына

(Мешко умирает, не успев оставить потомства от только что заключенного брака. Его хоронят в Краковской церкви.) Не-

счастную мать <князя> Мечислава и <супругу польского короля Болеслава Вышеславу продолжительная> скорбь, как личная, так и общая, на похоронах сына до такой степени изтерзала, она так оплакивала свои бедствия – и изгнание своего мужа, некогда славного короля Болеслава, и смерть сына – что ее, словно бездыханную и мертвую, вынесли из церкви, когда погребалось тело сына; некоторое время она покоилась на руках дам, пока наконец благодаря польским епископам, которые также присутствовали на погребальной службе и влили в уста бледной простертой королевы холодной воды, она не пришла в себя. (...) <Родительница его [Мечислава], не слушая раздававшихся утешавших голосов, в горе на всю жизнь и скорбная, словно на похоронах, никогда не оставляла раз посетившей ее скорби и, терзаемая двойным горем – и изгнанием супруга, и судьбой сына – немного спустя после пятых ид марта была взята роком.>[209] (IV. P. 165–166)

Половцы терпят поражение от князей Владимира Переяславского и Святополка Киевского, но опять возобновляют войну

Когда почти все князья и земли Руси были либо опустошены, либо покорены половцами, оставался один переяславский князь Владимир[210]. [Но] и на него и его землю нападают половцы с двумя князьями Кытаном и Итларем. Он, пока его земля не опустошена врагами, отправляет послов, принимая мир даже на несправедливых условиях, обязуясь платить половцам ежегодную дань. В связи с этим ему пришлось дать половцам в заложники своего сына Святослава, ибо иначе нельзя было договориться о мире. Тем временем переяславского князя Владимира убеждают и собственные воины, и киевский воин Славята, который прибыл к нему послом по какому-то делу от Святополка Киевского, чтобы он напал на успокоившихся и разбредшихся кто куда половцев и перебил их. Тот долго противился, считая это недостойным своей чести и [нарушением] слова, [но], в конце концов смирившись, согласился, поручив дело Славяте и другим воинам. Тот, первым делом выкрав сына Владимира Святослава, [бывшего] в заложниках, ибо половцы стерегли его слишком небрежно, убивает Кытана, одного из князей, и всех мужей, которые были с ним. Также и другого половецкого князя, Итларя, который гостил у одного из русских бояр по имени Ратибор, Владимир, послав других воинов, избивает со всем его окружением. Совершив это убийство, князья Святополк Киевский и Владимир Переяславский собирают как можно больше войск и, кроме того, требуют от князя Олега, чтобы он пришел к ним с подмогой против половцев. Тот обещал, сам же, схитрив, повернул на другую дорогу, а Святополк и Владимир нападают на лагерь половцев, не подозревавших ни о какой опасности, и, перебив многих, осмелив-

шихся сопротивляться, оставшуюся робкую толпу женщин, подростков, детей, скот, верблюдов и коней захватывают и уводят на Русь. Страшно негодуя на князя Олега, за то что тот, изменив своему обещанию, не пришел к ним на помощь, они посылают послов с обвинениями и упреками ему, что он не явился для отражения общей опасности от общего грозного врага, а также с требованием либо выдать им, либо убить сына Итларя, одного из половецких князей, который содержался у него. Когда же тот ответил, что <не> сделает <ни> того, <ни> другого, то возбудил против себя страшную ненависть как князей, так и русских воинов. После этого половцы не успокоились, но, собрав новое войско, все лето осаждают крепость князя Святополка Угров[211]. И она бы им сдалась, если бы Святополк, послав дары, не умилостивил бы половцев и не добился [их] ухода. За половцами следуют пруссы и, в огромном множестве напав на русские земли двадцать восьмого августа, опустошают их[212]. После того как новгородский князь Давид Святославич ушел из Новгорода в Смоленск, Мстислав Владимирович приходит по просьбе новгородцев из Ростова и занимает Новгородское княжество[213]. (IV P. 166–167)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1090-й

Русские отпадают от власти поляков[214]

Русские земли, подпавшие в правление короля Болеслава по праву как наследования, так и войны под власть Польского королевства, притворно показывая, после ухода польского короля Болеслава в Венгрию, зыбкую и сомнительную верность, замышляли мятеж вследствие смуты в Польском королевстве; после того как случилась и стала известна на Руси смерть князя Мечислава[215], которому эти земли принадлежали и в силу заключенного недавно брака, и по отцовскому и материнскому праву, они выступают с открытым мятежом и во всеуслышание заявляют, что свободны от зависимости и союза, в соответствии с которым прямо признавали подданство и королю Болеславу, и его сыну Мечиславу, и, взявшись за оружие, изгоняют и удаляют польских капитанов и наместников из русских крепостей и укреплений, в которых не было гарнизонов из верных воинов, заставляя их уйти из крепостей и укреплений, кого подкупив деньгами, а кого измучив голодом. Те же, кто не поддались на обман, уловки или подкуп, после долгой осады русскими, тогда как польский князь Владислав не принимал мер для подвоза <средств> осажденным, то делая вид, что не знает, то будучи занят другими войнами и государственными делами, заключают с русскими мирный договор о передаче крепостей и укреплений. Итак, за один-единственный год законное и продолжительное владение русскими землями было отнято у поляков из-за бездействия князя, ибо

русские сильнейшим образом ненавидели польскую власть не столько из-за несправедливого и корыстного правления, сколько из-за различия в обряде и вере. (IV. P. 167–168)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1091-й

Польский князь Владислав оружием покоряет мятежных поморян и пруссов

Отпадение Руси[216], которое польский князь Владислав, вопреки справедливости, стерпел, соблазнило на такое же отпадение Поморье и Пруссию[217] *(Владислав побеждает и тех, и других.)* (IV P 169)

(...)

Разные битвы князей Руси с половцами и с вероломным князем Руси Олегом

Князья Святополк Киевский и Владимир Переяславский, желая предупредить урон, который наносила русским землям свирепость половцев, устраивают снем в Киеве и, послав послов к князю Олегу, просят и его прибыть туда, чтобы перед судом епископов, монахов и бояр надлежащим образом прийти к согласию о защите Русской земли от половцев[218]. Тот высмеял слова послов и вызывающе ответил: "Не добьетесь, чтобы я склонил свою голову перед властью епископов, монахов и людей низкого звания" Оскорбленные таким ответом, князья Святополк и Владимир обращают оружие на Олега прежде, чем на половцев. Бежав от их лица из Чернигова, он укрылся в Стародубе, где, окруженный и запертый Святополком и Владимиром, претерпел тридцатидвухдневную осаду. Когда голод сломил наконец его и бывших с ним мужей, он просит мира, обещая, что будет под властью князей Святополка и Владимира. По милосердию князей он получил его [мир]; те и осаду снимают, и приказывают ему привести в Киев своего родного брата Давида. Он не просто подчиняется, а клянется крестоцелованием, что выполнит приказание. Тем временем к Киеву подходит с половцами князь Маниак и, [захватывая] большую добычу и неся разрушение, сжигает княжеский двор в Берестове. Кроме того, Тугорхан, другой половецкий князь и тесть Святополка, явился с половцами к Переяславлю. Но Святополк и Владимир организуют отпор, девятнадцатого июля <на реке Трубеже> происходит битва, и половцы, потерпев поражение, теряют убитыми даже своего князя Тугорхана и его сыновей. Половцы же, нисколько не испугавшись этого поражения, собрав новое войско, подходят к Киеву таким тихим строем, что еще немного, и они захватили бы небрежно охранявшуюся киевскую крепость. Об-

манувшись в своих ожиданиях, они жгут храмы, монастыри и деревни. Лицемерный клятвопреступник Олег, отказываясь явиться на княжеский снем, собрав войско, нападает на княжество Муромош, которое держал Изяслав[219], сын киевского (так! – *Ред.*) князя Владимира, утверждая, что оно принадлежит ему [Олегу] как отцовское наследство. Шестого сентября Изяслав со своим войском выходит против Олега, сражается и, хотя оба боролись за победу, Изяслав погиб, уступив победу Олегу. Поскольку воины Изяслава разбежались по разным местам, муромцы пустили в крепость князя Олега; также и крепость Ростов, так как ростовцы сдались ему и заплатили дань, он обратил под свою власть. Опасаясь могущества князя Олега и его тирании, другой сын Владимира и брат убитого Изяслава, Мстислав, который сидел в Новгороде, послав к Олегу послов, идет ему навстречу и обещает примирить его и с отцом, киевским князем Владимиром, и сам с ним примириться – неважно, что тот убил сына Владимира, а его брата, ведь убийство часто настигает не только князей, но даже королей и императоров. Олег же, возжелав Новгородского княжества и надеясь, что легко выгонит оттуда Мстислава, оставляет послов Мстислава без ответа и вражески вторгается в Новгородскую землю; выслав вперед на разведку своего родного брата Ярослава[219a], сам он с войском расположился в Турове (так! – *Ред.*). Ярослава же, зашедшего для разведки дальше, чем нужно, перехватывает Мстислав и его воины. Напуганный таким исходом, Олег отступает в Ростов, а Мстислав преследует его. Мстислав захватывает крепость Сусдан и сжигает ее, Олег же, остерегаясь, бежит в Муромош. Мстислав, послав послов, заключает с ним мир и распускает свое войско, полагая, что его сдержанность благотворно подействует на душу тираническую и склонную к убийству. Но Олег, узнав, что Мстислав распустил войско, нарушив договор, выступает против него со своим полком. Тот, бежав от лица Олега, призывает воинов к оружию и выходит навстречу Олегу, преследующему его. В течение четырех дней он, откладывая сражение, укрывался в лагере в ожидании киевлян и половцев, а также брата Вячеслава[220], посланных ему на помощь отцом Владимиром, о чем ему было известно через гонца. Когда они подошли, воины Мстислава завязывают пеший бой, и начинается битва с Олегом. В жестокой битве, закипевшей с обеих сторон, одолевает Мстислав, а побежденный Олег бежит в Муромош, где усилиями и тех, и других воинов примиряется с победившим его Мстиславом. Считая, что после совершения множества обманов он долее не будет в безопасности в русских землях, он с несколькими воинами бежит к резанам. Преследуя его, князь Мстислав обращается к воинам, которые ушли с ним, и к самому князю Олегу с ласковыми словами, исполненными глубокой надежды: “Позор тебе, позор нам, твоим братьям, позор и воинам твоим, что ты скитаешься по чужим землям, как несчастный изгнанник, давая повод для выдумок о тебе врагам и завистникам,

даже тем, у которых собираешься укрыться. Возвращайся в Русскую землю, где будешь жить в большей безопасности. Не настолько разгневаны на тебя твои братья, князья Руси, чтобы не простить все зло, которое ты причинил им и их землям, лишь бы ты раскаялся в своих преступлениях" Тот, поддавшись этим словам, соглашается, возвращается сам и возвращает из изгнания своих воинов, <и вернувшийся Олег, с позволения и согласия Мстислава, входит в Новгородскую крепость>. (IV P. 171–173)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1094-й

(...)

Князья Руси собираются на генеральный съезд и клятвенно скрепляют общее между собой согласие; его нарушает киевский князь Святополк, ослепив князя Василька; и снова начинаются всевозможные войны[221]

Намереваясь установить порядок для защиты русских земель, весьма страдавших от варваров-половцев, князья Руси Святополк Киевский, Владимир, Давид Григорьевич[222], Василько Ростиславич, Давид Святославич и [*его*] брат Олег собираются в Любече, во всеуслышание заявляют о своих претензиях и обидах, что из-за взаимных внутренних войн и столкновений варвары-половцы выходят победителями над ними, и приходят к общему решению, чтобы каждый довольствовался отцовским уделом, не досаждая другому в его области. А также устанавливают, что Святополк держит Киев, Владимир со своим сыном Изяславом (так! – *Ред.*) – Владимир, Давид Святославич и его брат Олег – Переяславль, Давид Григорьевич и Василько Ростиславич – Перемышль и Теребовль[223]. В соответствии с этим установлением был заключен и скреплен клятвой союз: общим врагом считается всякий, кто нарушит его. Русские воины, ликуя от великой радости, когда узнали, что их князья сумели прийти к столь <справедливому и> общему решению, стали расходиться по домам. Но сатана немедленно создал новый рассадник вражды между к<нязьями Руси>. Киевский князь Святополк, подозревая, что Василько Ростиславич ему не верен, входит в заговор с Давидом Григорьевичем и сначала пленяет Василька, который с миром пришел к нему в Киев, а [затем], отвезя в Звенигород[224], лишает его, долго сопротивлявшегося насевшим на него палачам, обоих глаз, так как полагает, что если тот [останется] невредимым, то ни он, ни его сыновья не смогут безопасно владеть киевским столом. А Владимир великим плачем оплакал ослепление своего брата (так! – *Ред.*) Василька[225], говоря, что никогда еще среди русских не случалось такого чудовищного беззакония. Наконец Владимир встречается с Давидом и Олегом Святославичами, [и] они отправляют к Святополку

Киевскому послов со словами: “Не сомневаемся, что ты хорошо понимаешь, сколь великое и сколь ужасное преступление совершил, ослепив нашего общего брата Василька. Как бы тяжело он ни провинился перед тобой, мы бы заставили его оправдаться перед нами, вызвав [его] и уличив в преступлении” Отвечая, тот прибег к вымышленному оправданию, будто узнал за верное и установленное, что Василько составил заговор с целью его убийства и завладения его княжеством. Владимир, Олег и Давид, более возмущенные таким ответом, чем смягчившиеся, выступают с войсками своих народов на Киев против князя Святополка. Напуганный сознанием преступления, Святополк <...>, что не выдержит их натиска и собирался бежать к половцам, если бы его не обнадежили митрополит и первые из киевлян. Они, выйдя навстречу князьям Владимиру, Давиду и Олегу и их войскам, униженно молили отложить оружие, простить Святополка и Давида и перестать терзать собственную плоть. Князья, уступив и поддавшись на столь смиренные мольбы, уходят, заключив со Святополком новый договор. А Давид, не довольствуясь ослеплением Василька, готовится напасть на его княжество, но, узнав, что Володарь, брат Василька, приготовил ему засаду [на случай], если он выступит, укрылся в Бужске, где был тут же осажден Володарем. Когда же Володарь стал допытываться от него, почему, совершив преступление против его брата, он обратил душу не к покаянию, а к совершению нового преступления, тот стал возлагать всю вину на Святополка <...> утверждая, что если не освободит его брата Василька, которого прежде ослепил, <то он отомстит ему>[и]. Давид согласился, освободил Василька и помирился с Володарем. И сел Василько в Теребовле, [а] Давид укрылся во Владимире. Но ранней весной [*Володарь*][к] пришел со своим ослепленным братом Васильком в Волынскую землю против Давида и, захватив крепость Всеволож, сожгли ее и множество народу, что были в крепости Всеволоже, перебили самым жестоким образом в отместку за содеянное над Васильком преступление. Затем они подводят войско к владимирской крепости, заключают ее в осаду и, отправив к осажденным послов, обещают пощадить весь народ и снять осаду, если им выдадут Василя и Лазаря. Когда это условие было принято и выполнено осажденными, [*Володарь*] и Василько прекращают осаду, а Василя и Лазаря, за то что, как говорили, те были виновниками ослепления Василька, вешают и расстреливают множеством стрел. Киевский же князь Святополк, намереваясь отомстить Давиду, который перед князьями Володарем[225а], Олегом и Давидом обвинил его в ос-

---

[и] (Внешне корректный латинский текст по содержанию явно дефектен вследствие пропуска: между “Святополка” и “утверждая” должны быть слова вроде: “Володарь же требовал освободить Василька” – *Ред.*)

[к] (Общепринятая конъектура вместо явно бессмысленного “Давид”, стоящего здесь и ниже в автографе Длугоша. – *Ред.*)

леплении Василька, направился в Брест, добиваясь от польских воинов и знати, что были размещены гарнизоном в крепости Бресте[226], помощи против Давида. Те, велев ему оставаться у них в Бресте и надеяться на лучшее, советуются с польским князем Владиславом, что им делать. А князь Давид, соперник Святополка, желая заручиться поддержкой поляков раньше, спешно, насколько только мог, направляется к польскому князю Владиславу и, предъявив ему множество золота, умоляет князя Владислава и поляков помочь ему против Святополка. Польский князь Владислав, в сильном сомнении и колебании, кому из соперников оказать поддержку, собрав войско из наиболее храбрых воинов, <...> в Брест, ведя с собой князя Давида, которого он надеялся помирить со Святополком. Так как Святополк находился в крепости Бресте, польский князь Владислав, разбив лагерь у реки Буга, старается путем раздельных переговоров свести и примирить Святополка и Давида. Поскольку он не мог добиться этого, ибо в озлобленной душе Святополка угнездилась тяжкая ненависть к Давиду, то, получив от Святополка много даров, возвращается в Польшу, отказавшись от поддержки кого-либо из двух соперничавших князей. И Давид осаждает и воюет Владимир[л] [227]. После того как он перенес семинедельную осаду, надеясь на помощь от польского князя Владислава, в конце концов он все-таки сдал крепость Святополку, бежал к польскому князю Владиславу, который принял, обласкал и содержал его милостиво. Захватив крепость Владимир, киевский князь Святополк двинул войско против Володаря и Василька. И те не уклоняются от битвы, а, также выстроив свои войска, решают как можно скорее сразиться. Когда оба войска двинулись на бой, Василько посылает к Святополку послов со словами: "Неужели тебе мало моего ослепления, что хочешь еще и душу разлучить с телом?" Тот ничего не отвечает, войска сходятся и после упорнейшей битвы того и другого войска, в которой с обеих сторон пало множество, победа досталась Васильку и Володарю. Святополк с двумя своими сыновьями, а также с двумя сыновьями князя Ярополка[228], также со Святославом, сыном Давида Святославича[229], и другими воинами, которые храбро помогали ему в сражении, прибыл во Владимир, причем ни Володарь, ни Василько, ни его войско не преследовали их, ибо опасались засад. Оставив во Владимире Мстислава[230], незаконного сына от наложницы, другого своего сына Ярослава он посылает к венграм[231] искать их помощи против Володаря и Василька, а сам спешит в Киев, чтобы собрать новое войско. Венгерский же герцог Коломан[232], поддавшись как на просьбы, так и на обещания Ярослава, сына Святополка, приходит с восемью

[л] (Такое явно дефектное чтение находим в автографе Длугоша, хотя из дальнейшего ясно, что Давыд не осаждает Владимир, а сам осажден в нем. Видимо, первоначально текст или его протограф были исправнее, так как перед "Владимир" в автографе обнаруживается стертый предлог "в". – *Ред.*)

тысячами бойцов, имея с собой двух епископов, разбивает лагерь у реки Вяра[233] и начинает осаждать и воевать перемышльскую крепость, в которой укрылся Володарь. Примерно в это время на Русь от польского князя Владислава, у которого он гостил с женой и домочадцами, вернулся Давид и, оставив жену в Перемышле у Володаря, направился к половцам, чтобы просить у них помощи против Святополка, в которой отказали поляки. Волею судьбы он встречает половецкий отряд с их князем Боняком и нанимает их на помощь Володарю и тем, кто был осажден венграми в Перемышле. Расположив лагерь неподалеку от Перемышля, половецкий князь Боняк в полночь встает и идет в бор и лес по соседству. Он издал вой, сбежались волки и чередой завыли в ответ, после чего Боняк вернулся в лагерь к своим и велит им вооружиться в твердой надежде <на победу>, по знаку, который он услышал в волчьем вое. На другой день, разделив войско на три части, он с первой нападает на лагерь и войско венгров, спрятав две оставшихся. Та завязывает бой и, исполняя повеление князя Боняка, делает вид, что побеждена, и обращается в бегство; венгерское войско, думая, что [*Боняк*] разбит, рассыпается, преследуя его. Тогда-то князь Боняк с русскими и половецкими князьями с оставшимися отрядами ударяет в тыл венграм, разбивает и поражает их. Множество венгров были либо убиты, либо утонули в реке <Вяре>, остальные же, когда разбегались по лесам и горам, были или убиты, или пленены русскими и половцами, которые их преследовали в течение двух дней. Среди них не досчитались и одного венгерского епископа по имени Купан, и многих знатных воинов. Герцог Коломан ушел невредимым; в тот день, рассказывают, четыре тысячи венгров, четыре тысячи пали[234], а остальные бежали; венгерским лагерем завладели русские и половцы. Ярослав, сын Святополка, спасшись бегством вместе с немногими, направился в Брест к полякам, считая, что находиться рядом с венграми в такой момент небезопасно. А князь Давид, воспрянув духом от этой победы, окружил осадой свою крепость Владимир, собираясь вернуть ее. Там между осажденными и осаждающими происходят частые схватки, и Мстислав, сын Святополка, которому отец поручил крепость Владимир, когда стрелял из крепости из лука, был поражен вражеской стрелой под пазуху и умер. После того как его гибель в течение четырех дней скрывали, а на четвертый, наконец, объявили, осажденные решили, что крепость надо сдать Давиду, а не чахнуть долее от голода. Но так как их терзал страх, что от Святополка последует еще более жестокое [чем от Давида] возмездие, они отправляют послов к Святополку с известием, в какой опасности пребывают и вследствие смерти его сына Мстислава, и вследствие недостатка в продовольствии и что если он спешно не поможет им, то они сдадут крепость Давиду. Святополк, понимая опасность, посылает своего палатина Путяту, чтобы доставить средства страждущим. Тот подошел с войском к крепости Владимиру, имея в сопровождении Свято-

шу, сына другого князя Давида, который [Святоша] прежде обязался в точности сообщать Давиду обо всем, что происходило в войске Святополка; разбив лагерь неподалеку от крепости, он на следующий день тихим строем вошел в крепость и мощным натиском на Давида и его войско, которое отдыхало, ни о чем не подозревая, разбивает и побеждает его, овладевает его лагерем, уничтожает осаду и, поставив посадником Василия, они возвращаются: Путята – в Киев, Святоша – в Луцк. Но Давид, бежав к половцам, добился от них помощи и с половецким князем Боняком осадил в Луцке Святошу, который, обманув его, стал виновником понесенного поражения. Под давлением голода тот оставил крепость Луцк и поспешил к своему отцу в Чернигов. Затем Давид и Боняк идут к Владимиру, намереваясь захватить его. Испуганный их приближением, владимирский посадник Василий, бросив крепость до их прихода, бежит, и Давид легко стал хозяином как владимирской, так и луцкой крепостей.

(IV P.180–185)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1097-й

(...)

Князья Руси заключают согласие с киевским князем Святополком

Князья Руси Владимир, Давид и Олег вывели в поле свои войска, намереваясь опустошить Киевское княжество. Они расположились лагерем у Городца, и им навстречу вышел киевский князь Святополк, чтобы попытать счастья в битве. Наконец, благодаря усилиям баронов всех сторон между ними начались переговоры о мире; после его заключения на справедливых условиях каждый <с миром> вернулся восвояси[235]. (IV P. 195)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1098-й

(...)

Краковский палатин Сецех после многих препирательств изгоняется из королевства князьями Болеславом и Збигневом несмотря на безуспешное сопротивление [их] отца Владислава

(По уговорам знати и сыновей Болеслава и Збигнева польский князь Владислав отставляет от всех должностей краковского палатина Сецеха, который укрывается в основанном им городе Сецехове. Болеслав и Збигнев намерены изгнать его силой. Владислав пытается остановить сыновей, в результате Болеслав захватывает резиденцию отца Плоцк и некоторые другие города.

10 – 11212

Гнезненский архиепископ Мартин добивается от Владислава обещания не вмешиваться в конфликт.) Отец соблюдает договор, [и] сыновья изгоняют Сецеха из королевства на Русь, а князю Владиславу возвращаются резиденции, захваченные Болеславом. Хотя этот Сецех спустя много лет, которые провел в изгнании, сумел по милости князя Болеслава [и] заступничеству епископов и баронов восстановиться [в прежнем звании], но не имел [тех] власти и влияния, которыми он в избытке обладал при князе Владиславе, так что даже [вызывал] ненависть[236]. *(Происхождение Сецеха.)*

(IV. P. 199– 200)

(...)

Киевский князь Святополк занимает крепость Владимир, а князь Давид бежит к польскому князю Владиславу

Желая вернуть крепость Владимир и Волынскую область, захваченные князем Давидом, киевский князь Святополк, выступив с пешим и конным войском, ранней весной подошел к Владимиру. Испугавшись его прихода, князь Давид, к тому же достоверно знавший ненадежность своей охраны, оставил крепость и с женой и всем добром направился к польскому князю Владиславу. Святополк, овладев крепостью Владимиром, через некоторое время был настигнут несчастьем – [смертью] своего сына Святослава (так! – *Ред.*), убитого своими же в двенадцатый день июня[237] (IV. P 200–201)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1099-й

(...)

Князья Руси приглашают Давида из Польши и назначают ему часть из своих владений и доходов

Кязья Руси, а именно четверо – Святополк, Давид, Олег и [*Владимир*], назначив на двенадцатый день августа общий съезд в Уветичах, сходятся каждый со своими советниками и после различных между собой переговоров устанавливают и заключают взаимный мир. Когда они пребывали там, к ним из Польши является вызванный их посланиями Давид и, получив возможность говорить, спрашивает, зачем его позвали, обещая ответить всякому, у кого есть на него жалобы. Князья отвечают ему через Владимира: "Ты сам просил нас через посла, чтобы тебе дозволено было присутствовать на нашем съезде и пожаловаться на обиды, которые ты терпишь. Вот мы сидим, готовые выслушать тебя со справедливостью, говори, если есть что-либо у тебя" После того как он пожаловался, что его лишили его наследственного владения, а именно Владимирского княжества, князья удаляются и, посовещавшись, присылают к Давиду послов: от Святополка – Путяту, от Владимира – Ратибора, а

от Давида и Олега – Торчина, которые говорят ему следующее: "У князей Руси нет намерения возвращать тебе владимирский стол, потому что ты вражескими мечами часто терзал русские земли, чего никто до тебя, как помнится, не делал. Они не стремятся убить или пленить тебя и не замышляют [тебе] никакого вреда; и хотя довольно было бы [с тебя] прощения вины, они оказывают еще и благодеяние, дабы ты не скитался беглецом и изгнанником в чужих странах на позор себе и им. Князь Святополк назначает тебе от себя Острог, Дубен и Черторыйск, Владимир – сто марок ежегодно, Давид и Олег – другие сто марок также ежегодно от себя" Приняв эти условия, Давид сел в Бужске. Впоследствии Святополк, сверх прежних владений, прибавил ему еще Дорогобуж, сидя в котором он и умер. С того же съезда были посланы послы и к Володарю с требованием взять к себе слепого Василька, чтобы [вдвоем] владели одним Перемышльским княжеством. Это условие было отвергнуто обоими[238]. (IV P. 203)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1100-й

(...)

Киевский князь Святополк побеждает и берет в плен князя Ярослава

Князь Ярослав Ярополчич, начав войну против Святополка Киевского, вступает в битву и терпит поражение. Пленив и сковав его, Святополк приводит его в Киев и заключает в темницу; впоследствии, по настоятельным просьбам киевского митрополита и монахов, он отпускается, пообещав впредь не предпринимать ничего враждебного по отношению к Святополку. Пятнадцатого сентября князья Руси Святополк, Владимир, Давид, Олег и Ярослав, устроив сходку с половецкими князьями у Стакова, заключают мир; чтобы он соблюдался тем прочнее с обеих сторон, они обмениваются заложниками. Тринадцатого апреля умирает полоцкий князь Всеслав[239]. (IV P. 206)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1101-й

Польский князь Болеслав разбивает князей Руси, возвращавшихся с большой добычей и множеством пленников после опустошения Польши

Новому войску князя Болеслава[240] грозит новый, доселе невиданный, враг. Ибо князья Руси Владимир Новгородский, Давид и Олег Переяславские, Володарь Перемышльский и Ярослав Ярополчич, несмотря на отказ киевского князя Святополка от такого похода, желая отомстить за обиды, нанесенные им польскими коро-

лями в прошлых войнах, и чтобы показать, что их силы выросли настолько, что следует скорее бояться их, а не им, собирают мощное войско и, разделив его на четыре части, поскольку в одном строю им было не поместиться и чтобы удобнее было опустошать и грабить и чтобы страх от нескольких войск был больше, вступают в Польшу, разоряют ее, всячески мстя, грабят и терзают, проходят немалое расстояние до самой реки Вислы, захватывают огромное количество добычи, трофеев и пленников. Исполнив обещанное, они уже тяжелым, медленным шагом двигались назад на Русь под тяжким [бременем] добычи [в виде] скота и рабов, как вдруг подошел князь Болеслав, который все то время, пока русские оставались [в Польше], потратил на сбор и подготовку войска для этой войны, и стал преследовать русских, уже перешедших рубежи Польского королевства и преисполненных пустого высокомерия и радости, оттого что завершают этот поход, не столкнувшись ни с каким сопротивлением. Но зная от разведчиков, да и сам, что вражеские силы в значительной мере больше и что предстоявшее сражение будет неравным особенно для его воинов, уставших от долгого пути, он решил воспользоваться удобным моментом <и что хотя враги велики числом, но его [воины] сильны храбростью и благоволением Вышних, рвутся в бой и опытны>[м]; когда всякое промедление становится вредным, так как враг может скрыться из виду и укрыться в крепостях, <полагая лучшим [вариантом] стремительность, ибо чем быстрее они подойдут, тем более неподготовленными найдут тех,> в ночной тишине, за которой следовал воскресный день, разведав, что русские погрузились в сон, он обрушивается на них и, велев воинам поднять крик погромче, нападает на всю их силу, поражает и повергает русских, дрожащих и испуганных, как обычно бывает в таких случаях, так что не было даже и малого числа сопротивлявшихся [и] сначала князья, а потом и остальные воины обратились в бегство, причем польские пленники всеми силами способствовали поражению русских. После страшной сечи, нагруженный множеством пленников и добычи, освободив своих польских [пленников] обоего пола, он вернулся к отцу под величания и селян, которых освободил, и воинов, которых обогатил большой вражеской добычей: счастливо будет государство польское при таком князе; счастлив народ, которым он будет править; счастливы времена, в которые, без сомнения, наступят прежняя слава и всяческое возрождение, украшение и расширение Польского королевства; счастливо и блаженно чрево, которое породило столь доблестного и удачливого воителя. (IV P. 206–207)

(...)

[м] (Эта вставка Длугоша грамматически плохо вписана в сложный контекст в самом латинском оригинале. – *Ред.*)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1103-й

Польский князь Болеслав празднует свадьбу со Сбыславой, дочерью князя Руси Святополка; в это время Збигнев пытается вместе с чехами разорять Польшу

Открывая замечательную часть нашего труда, до которой с Божией помощью кое-как добрались, да будет позволено мне предварить ее тем, что, насколько я помню, говорили большинство историков в высшей точке своих повествований. *(Пространная похвала Болеславу III.)* На следующий год по смерти отца, после того как епископы и бароны Польши уговорили долго медлившего и сопротивлявшегося [Болеслава], возражавшего, что он еще незрел годами, он взял в жены дочь старшего князя Руси[н], киевского князя Святополка, по имени Сбыславу, девицу, выдающуюся красотой и нравом, хотя одна приходилась другому ровно в четвертой степени родства, – [уж слишком] опасались советники, что столь благородная отрасль погибнет, не оставив побегов. Собираясь отпраздновать свадьбу в Кракове в шестнадцатый день ноября, он приглашает на нее незаконнорожденного брата Збигнева, которого <любил> больше родного и на которого перенес долг любви и почтения, какие имел обыкновение оказывать отцу[241]. *(Конфликт между Болеславом и Збигневом.)* (IV P. 210–211)

(...)

Все князья Руси договариваются [выступить] против половцев; войдя в их землю, они разоряют ее и, вступив с ними в сражение, побеждают их, убив двадцать князей

Так как половцы нарушали договоры, заключенные с князьями Руси, и чрезвычайно терзали русские земли постоянными набегами и грабежами, князья Руси собираются в восьмой день апреля на съезд в Киеве и назначают поход против половцев, не дожидаясь лета. Хотя русские воины утверждали, что не подобает вести войны в зимнее время и жаловались, что назначенный поход слишком обременителен для них, но после того как киевский князь Святополк указал, что им предстоит война с врагом, который весьма досаждает им, не соблюдая никаких времен [года], и с которым надлежит бороться в любое время, такой поход был решен с общего согласия. Чтобы провести его общими силами и войсками князей и народов Руси, [*когда*] были приглашены князья Давид и Олег, которых не было на киевском съезде, то Давид последовал приглашению, а Олег отказался прийти, притворившись больным. Итак, за Владимиром, шедшим со своим войском впереди, следовали на конях и кораблях киевский князь Святополк, князья Давид Святосла-

---

[н] (Возможен также перевод “князя старшей Руси”. – *Ред.*)

вич, Давид Всеславич, Мстислав, внук Григория, Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович, каждый со своим народом. Сойдя с кораблей, сев на коней и выстроивши полки, они подошли к Сутеню. Когда весть об их приближении разнеслась среди половцев, половцы собираются в великом множестве, чтобы сразиться с русскими, в уверенности, что уже [все равно что] победили и покорили их. Один из половецких князей по имени Русоба убеждал половцев оставить воинский задор и добиваться от русских, явившихся с огромным войском, скорее мира, который они же сами и нарушили. Хотя его совет был здравым, <другие> не послушали его, упрекая Русобу в малодушии и браня трусом, уверяя, что и пришедших русских победят, и земли и крепости их захватят, что нет такой силы, которая спасла бы русских от их нашествия. Узнав о таких гордых и свирепых речах, русские и их князья молили Божие милосердие о даровании победы свыше, в многочисленных обетах обещая щедрые вклады в церкви и монастыри. А Алтонога, муж храбрый и мужественный в бою, посланный половцами с немалым числом других в дозор, был перехвачен русскими дозорными и убит со всеми своими спутниками, так что не смог спастись никто. Это воодушевило русских, как бы предвещая им победу во всей войне. Когда половцы в огромном множестве, которое никто из русских не мог ни обозреть, ни сосчитать, двинулись на битву, наслал Господь на них страх и ужас, и охваченные трепетом и страхом, еще не сойдясь с русскими, не только они, но и кони их начали спотыкаться, обнаруживая какое-то несчастье; русские же, напротив, двинулись в бой стройно и с большим одушевлением, так что даже кони их выказывали радость <частым ржанием>. Половцы, пораженные и побежденные одним их видом, забыв о битве, повернули спины. Началась резня, не сражение, и бегущих половцев рубили здесь и там. В той битве пали двадцать половецких князей, а именно Русоба, Коча, Арсланопа, Киктанопа, Кумана, Асупа, Куртака, Ченегрепа, Сурбор и многие другие, много тысяч было иссечено, много [тысяч] взято в плен. Русские завладели лагерем половцев, русское войско, вдоволь обогатившись золотом, серебром, драгоценными камнями, скотом, верблюдами и прочим различным имением, там найденным, нагруженное множеством добычи и ведя множество пленных половцев, с победой вернулось на Русь. В тот день Бог сотворил большое благодеяние русским, предав в их руки злейших и жестоких врагов. Некоторое время спустя в том же году русские земли подверглись нашествию пруссов и литовцев[242]. (IV P. 212–214)

Мнение о князе Мечиславе, сыне бывшего короля-изгнанника Болеслава

<Некоторые составители польских анналов считают, что только теперь, в этот год, а не в 1065-й (так! – *Ред.*), как мы поведали вы-

ше, скончался князь Мешко, сын короля Болеслава, вместе со своей супругой Евдоксией, во вторые иды марта, случайно выпив однажды вместе яд, [издав] в Крушвице, где у него была резиденция, подтвердительную [грамоту] монастырю в Могильне, основанному его отцом. Подлинную подтвердительную грамоту, написанную на пергамене, я сам читал, видел и держал в руках в Могильненском монастыре.>[243] (IV. P. 212–214)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1104-й

(...)

У польского князя Болеслава рождается сын Владислав

У княгини Сбыславы, супруги Болеслава, в конце этого года появилось на свет прекрасное дитя, которое из святой купели в Краковской церкви принял упомянутый Гвальдон, епископ Бовэ, с другими, польскими, епископами; по велению отца его нарекли дедовским именем Владис<лав>[244]. (IV. P. 217)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1106-й

(...)

У половцев отнимается захваченная на Руси добыча

Когда половцы тайно и тихо напали на русские земли, разорив местность под названием Зареческ, киевский князь Святополк послал им вдогонку войско из своих народов, поставив во главе его Иоанна, и Иванка Захарьича, и Козарина. Те настигли их у Дуная и, хотя отбили и вернули добычу, захваченную ими у Зареческа, в бой с половцами не вступили[245]. (IV. P. 224)

Збигнев примиряется с братом, польским князем Болеславом, стараниями киевского князя Святополка; у Болеслава рождается дочь Святослава

<Тем временем> Збигнев, незаконнорожденный брат польского князя Болеслава, бежав от лица этого своего брата Болеслава из-за преступлений и обманов, совершенных им против Болеслава, прибыл к Святополку в Киев, надеясь, что тот, будучи тестем Болеслава, вернет ему милость Болеслава. После того как он пробыл там некоторое время, по просьбам Святополка ему <князем Болеславом> даруется прощение. Тут же злоупотребив им, он направился в Чехию, <чтобы с помощью новых обманов и хитростей подстрекать чехов против брата>[246].

<В тот год супруга польского князя Болеслава Сбыслава, забеременев, в двенадцатый день апреля разродилась дочерью, крещенной в Краковской церкви и нареченной Святославой.>[247] (IV. P. 224– 225)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1107-й

(...)

Вследствие того, что из-за мягкости Болеслава Збигнев все дальше заходил [по пути] обмана и коварства, и так как из перехваченных писем стало известно, что он подстрекал чехов и поморян против брата, Болеслав, первым делом договорившись с чехами, спешит в Поморье, занимая Гнезно и все, что было под властью Збигнева, который бежит в Мазовию; потом его настигают, и бароны примиряют его с князем Болеславом; ему пока что дается во владение Мазовия

(Нескрываемая вражда Збигнева к Болеславу; Збигнев помогает чехам, поморянам и пруссам разорять земли Болеслава. Наконец, перехватываются письма, в которых Збигнев подстрекает чехов и поморян против Болеслава.) Так как все это случилось в одно и то же время, Болеслав и его [советники] оказались в нерешительности: он колебался, идти ли ему сначала против чехов, или против поморян, или против брата Збигнева. Ввиду этого он послал также послов на Русь и в Паннонию, которые [послы] должны были добыть ему подмогу – некоторое чило воинов, добровольцев или наемников. Он сообщил и своему тестю киевскому князю Святополку, в какой опасности он находится, окруженный тройным врагом, прося, чтобы тот лично пришел на помощь с как можно более многочисленным войском. *(Тем временем Болеславу удается примириться с чехами, и он идет против поморян, которые в страхе разбегаются. Узнав об этом из Великой Польши в Мазовию бежит и Збигнев. Болеслав занимает его города и сажает там своих наместников.)* В то время, как он был занят этим, приходит на помощь войско венгров и русских. Перейдя с ними через Вислу в Мазовецкие земли, он собирался истребить скрывавшегося там Збигнева как погибель для своего правления. *(Збигнев в отчании молит о пощаде и чтобы ему оставили хоть какой-либо удел; посредниками выступают бароны и краковский епископ Балдвин. Болеслав временно оставляет ему Мазовию как наиболее удаленную от Чехии и Поморья.)* После того как таким образом между братьями было достигнуто примирение, оба войска, венгерское и русское, ушли восвояси[248]. (IV P. 229–231)

(...)

Князья Руси наносят поражение половцам

Намереваясь поправить поражение, нанесенное русскими и их князьями, половцы в большом множестве вторгаются в русские

земли с Боняком, Шаруканом и многими другими половецкими князьями [и] разбивают лагерь у Лубна. Против них выступают киевский князь Святополк, Владимир, Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав и Ярополк, князья Руси, с силами своих народов; перейдя реку Сулу, они двенадцатого августа неожиданно обрушиваются на половцев и их лагерь. Те, пораженные великим страхом, не могли ни выстроить и изготовить полки, ни собраться в отряды, а в суматохе кто поймав и вскочив на коня, а кто и пешком стали разбегаться из лагеря в ближайшие леса. Русские, рубя бегущих, учинили сечу большую, чем соответствовало бы их числу, многих половцев взяли в плен, гнав их до Хорола. Родной брат Боняка, князь Таза, был убит со множеством других. Завладев лагерем половцев и всем имением, русские возвратились по домам и городам своим с великой славой и радостью[249] (IV P 234–235)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1108-й

...)

Пока польский князь Болеслав был занят в Чехии, поморяне захватывают крепость Усте; Болеслав возвращает ее, поразив поморян и отправив в изгнание [своего] незаконнорожденного брата Збигнева, мужа коварного

Когда Болеслав возвращался из чешского похода, его повергли в глубокую печаль два известия. Ибо, с одной стороны, рок унес его супругу княгиню Сбыславу, а с другой – крепость Усте была захвачена (...) поморянами[250]. (IV. P 239)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1109-й

Император Генрих Пятый воюет Глогов; он покоряется, даются заложники, [но] после нарушения договора он [Генрих] снова нападает на него; в конце концов ему приходится отказаться от осады

(Разорив часть Силезии, Генрих V подступил к Глогову и начал осаждать его; защитники города договариваются с ним, что сдадут город, если Болеслав не подоспеет к ним в течение пяти дней, и скрепляют эту договоренность, выставив заложников.) У польского князя Болеслава уже было наготове многочисленное войско, ибо из Мазовецкой, Сандомирской, Люблинской земель к нему стеклось большое число пеших и конных, а также подошла русская

рать, и, полный надежд, он искал случая сразиться с императором[251]. *(Болеслав запрещает защитникам Глогова исполнять договор с Генрихом. Осада Глогова немцами и чехами оказывается неудачной.)* (IV. P 246)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1110-й

Польский князь Болеслав является к императору Генриху Пятому, просит о мире, жене для себя и сына и, получив их, удаляется

(После понесенного в прошлом году поражения Генрих соглашается на мир с Болеславом. Тот прибывает в Бамберг на встречу с императором, который обещает примириться с польским князем.) [В ответ] на столь щедрое и почетное предложение римского короля Генриха польский князь Болеслав просит себе в супруги сестру короля, а своему сыну Владиславу, рожденному от русской, – <дочь> короля Генриха по имени Христину. На все это король Генрих не медля соглашается[252]. (*В Бамберге происходит двойная свадьба. Болеслав возвращается с женой и малолетней снохой.*) (IV P 256–257)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1111-й

(...)

Варвары-половцы дважды поражаемы князьями Руси

Воодушевленные предыдущими победами, одержанными над половцами, князья Руси, которые ранее с трудом отражали наезды половцев, подвигаются на то, чтобы самим начать войну с половцами. Итак, назначив поход, киевский князь [*Святополк*] с сыном Ярославом, Владимир с сыновьями и Давид с одним сыном во второе воскресенье Четыредесятницы выводят пешие и конные войска в поле, возложив всю надежду на Бога и ангелов Его. Перейдя реку Сулу, они прибывают к Хоролу, где ставят повозки и выстраивают полки. Далее путь был к реке Голту, и после остановки на несколько дней от Голта переходят к другой столь же большой реке Ворскле. Преодолев эти реки, войско достигает Танаиса, который мы называем Доном, необычайной шириной превосходящего предыдущие реки, и оттуда идет во всеоружии, подняв воинские стяги и сомкнув ряды, словно завидев врага. Добравшись наконец до крепости Руканье и получив от мужей, которые находились в ней, рыбу и вино, войско, подойдя к другой крепости Суврову, сжигает ее и снова возвращается к реке Танаису. Половцы, не терпя разорения

свой земли, выступают против русских князей и полков и завязывают битву. В ходе ее русские воины подбадривали друг друга и клялись скорее умереть, чем обратиться в бегство, и, после того как передовые полки половцев были разбиты и рассеяны, остальные разбегаются. Спустя несколько дней половцы выставляют новое, еще более сильное войско из многих полков [и] идут, собираясь испытать судьбу в битве. Но судьба их была та же, что и у первых: вступив в сражение, они были поражены и побеждены русскими и их князьями, а бежавших половцев русские преследовали на [протяжении] многих миль <в течение четырех дней>, завладев их лагерем, конями, скотом, верблюдами, женами и детьми и всем прочим имуществом; после двойной битвы они победителями вернулись на Русь, <будучи приняты своими, с почетом вышедшими навстречу, с великой радостью>[253]. (IV P 260–261)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1112-й

(...)

Киевский князь Святполк умирает, ему наследует брат Владимир

Шестнадцатого апреля в Киеве умирает киевский князь Святополк, тесть польского князя Болеслава, и погребается в Киеве в церкви святого Михаила, которую основал двумя годами ранее, устроив ей позолоченный верх дорогой работы[254]. После его смерти киевляне направили послов к Владимиру, родному брату (так! *Ред.*) Святополка[255], чтобы тот пришел и занял киевский стол – отцовский и дедовский. Поскольку он, убитый горем, медлит прийти, то поднявшие бунт воины нападают сначала на двор киевского палатина Путяты, в то время богатого мужа, потом на всех иудеев, пребывавших в Киеве, и грабят. К Владимиру посылаются новые послы, чтобы он поторопился с прибытием, они рассказывают, какие грабежи, какие беды случились в Киеве, и одновременно объявляют, что киевляне боятся, что если он замедлит прибыть, то ярость и произвол воинов перерастут в грабежи храмов, монастырей и княжеских дворов. Обеспокоенный этими событиями не меньше, чем они того заслуживали, князь Владимир с великой поспешностью прибыл в Киев, был смиренно принят киевлянами и своим прибытием подавил поднявшийся и готовый [еще] подняться военный мятеж. А Ярослав, сын Святополка и родной брат польской княгини Сбыславы, уходит в свое Владимирское княжество[256]. Владимирский князь Ярослав, сын прежнего киевского князя Святополка, намереваясь разгромить народ ятвягов, буйный и досаждавший русским частыми набегами, направляется на них с войском. Опустошив значительную часть их земли, он также в сражении обращает в бегство их войско и, вернувшись победителем, двенадца-

того мая берет в жены дочь Мстислава и внучку Владимира. <Народ же ятвяжский по происхождению, языку, обычаям, верованиям и нравам был весьма сходен с литовцами, пруссами и жемайтами, будучи так же предан идолопоклонству; главной и центральной у них была крепость и город Дрогичин.>[257] (IV P 263–264)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1117-й

(...)

Ссоры между русскими князьями

Князь Руси Владимир, который после смерти своего родного брата[258] киевского князя Святополка получил киевский стол, имея подозрение, что с киевского стола его прогонит родной племянник Ярослав, сын Святополка, решил как можно скорее разбить его[259] И с военной помощью Давида, Василька, Ростислава Володаревича и сыновей Олега выступает против Ярослава и осаждает его, укрывшегося во владимирской крепости, так как полагал, что небезопасно сражаться со столькими князьями. Ярослав, не зная за собой никакой [вины], безоружным выходит из крепости к князю Владимиру и другим князьям Руси и мирными, смиренными словами успокаивает и примиряет с собой Владимира, неприязнь которого происходила от лживых наговоров льстецов. Тот немедленно снимает осаду и возвращается в Киев, <предварительно многими речами наставив и наказав Ярослава>. (IV P 284)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1118-й

(...)

Владимирский князь Ярослав бежит к польскому князю Болеславу

Киевский князь Владимир, проникшись вследствие уверений множества недоброжелателей тяжелым <...> на своего племянника владимирского князя Ярослава, который будто бы замышлял его убийство и изгнание с киевского стола, вызывает его письмами и через послов в Киев. Тот объявляет, что придет не иначе, как только если Владимир поклянется не причинить ему никакого зла. И хотя Владимир ради вящей уверенности Ярослава дал такого рода обещание, но Ярослав, которому советники и воины Владимира Киевского сообщили – неясно, искренне ли, или со злым умыслом – об опасной ловушке, подстерегавшей его в Киеве, отказался прибыть в Киев. Потом, сбитый с толку уговорами и лживыми и коварными советами своих воинов, он с женой, сыновьями и всем имуществом, поручив владимирскую крепость воинам, бежит в Польшу к

польскому князю Болеславу, некогда супругу его сестры Сбыславы, где был ласково и благосклонно принят польским князем Болеславом и пробыл там четыре года, получая от польского князя Болеслава все необходимое. Тем временем воины Ярослава сдали владимирскую крепость Владимиру Киевскому, ибо русские опасались, что ей завладеют поляки. <Тот посылает для княжения там своего сына Романа; после того как он четырнадцатого января умер, киевский князь Владимир назначил для управления Владимиром другого сына – Андрея.>[260] (IV P 285–286)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1121-й

Справляется свадьба между Владиславом, сыном польского князя Болеслава, и Христиной, дочерью императора Генриха

В это время достигла брачного возраста Христина, <дочь> императора Генриха Четвертого, а согласно иным – Пятого, которую польский князь ранее сосватал своему старшему сыну от первого брака Владиславу и которую, привезя ее из Алемании в Польшу, кормил вот уже десять лет[261]. Польский князь Болеслав, назначив день свадьбы, через послов и письмами приглашает на эти свадебные торжества своего зятя венгерского короля Стефана[262] с первыми из венгерских баронов, своего тестя (так! – *Ред.*) владимирского князя Ярослава, а также других князей Руси[264], и прелатов, баронов и знать своего Польского королевства. (IV P. 293)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1122-й

(...)

Польские воины захватывают перемышльского князя Володаря, нападавшего на польские земли, который потом выкупается за [некоторую] сумму серебра

Из-за того что перемышльский князь Володарь[264] часто нападал из крепости Перемышль на польские пределы и грабил их, польский князь Болеслав, отправив послов к Владимиру и другим князьям Руси, жаловался им на обиды, которые Володарь чинил Польскому королевству. Однако, поняв, что князья Руси делают вид, будто не замечают этих тяжких обид, приказывает своим воинам и военачальникам, чтобы впредь они не оставляли своих обид неотомщенными. Итак, воины, на которых польский князь возложил эту обязанность, идут против Володаря, грабящего польские преде-

лы, начинают сражение и, победив его и убив его лучших воинов, отбирают добычу, которую он вез из Польши, преследуют бегущего, настигают его в месте под названием Высоке и пленным приводят в Краков к польскому князю Болеславу, где некоторое время его держали в оковах. По прошествии времени в Краков прибывают послы перемышльского князя Василька и ведут переговоры о выкупе Володаря с польским князем Болеславом, который требовал за освобождение Володаря восемьдесят тысяч марок серебра; сговариваются, что за свободу Володаря заплатят двадцать тысяч [марок] серебра, и, заплатив немедленно двенадцать тысяч [марок] серебра, в [залог] остальных выплат оставляют заложником сына [князя] Ярослава, а впоследствии выплачивают полный выкуп, собрав пятьсот серебряных сосудов, а именно scultellis, picariis, кубков греческой работы. После освобождения Володарь примиряется с польским князем Болеславом и, заключив и скрепив клятвою союз как с ним, так и с <братом> венгерского короля Коломаном, Володарь двадцать второго июля возвращается в Перемышль[265].

(IV P 295)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1123-й

(...)

Польский князь Болеслав возвращает владимирского князя Ярослава

Польский князь Болеслав, решив восстановить своего родственника владимирского князя Ярослава, проведшего в Польше около четырех лет, в его княжествах и владениях, собирает войско из польских воинов и идет на Русь. Когда он стоял лагерем у Перемышля, подходит Коломан, брат венгерского короля, со значительным войском венгров, также намереваясь оказать помощь изгнаннику Ярославу против киевского князя Владимира. Кроме того, князья Руси Володарь и Василько Перемышльские, а также Владимир Володаревич, приняв сторону Ярослава, присоединяются со своими войсками к князьям Коломану Венгерскому и Болеславу Польскому. Владимирскому князю Ярославу выделяются из венгров и поляков семь тысяч всадников, с которыми он двинулся впереди войска Коломана и Болеслава, обремененного повозками и поклажей. Белз, Червен, Владимир и другие крепости, отнятые у Ярослава киевским князем Владимиром, были окружены названным войском и, выдержав едва несколько дней осады, сдаются Ярославу. После овладения ими все войска были переведены к столице Руси Киеву для одоления Владимира. Между тем владимирский князь Ярослав по обычаю прибыл к Киеву с приданными ему воинами на несколько дней раньше Коломана и Болеслава и завязывает сражение с пешцами, выступившими против него из Киева. По-

бедив их, он преследует их до ворот, которые именуются Польскими, поражая, пленяя и уничтожая. Но на место павших прибегает большое количество новых пещцев, и битва возобновляется, многие из польских и венгерских воинов, что сопровождали Ярослава, были перебиты отрядом киевских пешцев, даже конь князя Ярослава был ранен множеством копий и, не стерпев боли от них, сбрасывает своего седока, князя Ярослава, на землю. Так как русские старались схватить его, а поляки и венгры – вырвать из опасности, между ними запылал жестокий бой. Но одолели поляки и венгры, а русские, киевляне, были вынуждены прекратить сражение и укрыться в крепости. Однако князь Ярослав спустя немного дней умирает от нескольких ран, полученных в такой битве, а князья венгерский Коломан и польский Болеслав продолжают начатую осаду киевской крепости. Но начальник киевской крепости Андрей, поставленный Владимиром, который не [*осмелился*] остаться в ней [и] покинул крепость до прихода Коломана и Болеслава, начал при поддержке перемышльских князей Володаря и Василька умолять Коломана и Болеслава о мире, на который Коломан и Болеслав и согласились не медля долго, поскольку князь Ярослав, ради которого была предпринята эта война, погиб. После того как между князьями венгерским Коломаном и польским Болеславом, с одной стороны, и Володарем, Васильком и прочими князьями Руси – с другой, был заключен союз и дано обещание в любой нужде приходить друг другу на помощь, Коломан уходит в Венгрию, Болеслав – в Польшу[266].

Считается, что примерно в это время татары, попущением Божиим, вышли из горы, в которой были заключены долгое время, [пребывая] в большой нужде и голоде, народ грубый и бесплодный[267] (IV P. 297–298)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1124-й

Польский князь Болеслав отправляется в Дакию, откуда привозит в Польшу королевскую казну; и происхождение рода Лабендзов

(Слава князя Болеслава простирается на другие народы. Его благосклонности ищут чужестранцы. Один из них, по имени Петр, прибывает к нему на службу из Дании и быстро становится любимцем князя.) Польский князь Болеслав, стремясь крепче привязать его к себе и своему королевству, чтобы тот даже позабыл о своей родине [и] навечно поселился в Польше, одаривает его в вечное владение многими крепостями, городами, селами и имениями, среди прочего – городом Скжинно, соседними селами и всем Скжиннским комитатом, а также возвышает [его] и делает еще более знатным, выделяет и возносит блестящим браком, дав ему в же-

ны прекрасную девицу, русскую княжну по имени Марию, которая состояла в близком родстве с первой женой польского князя Болеслава[268]. *(В Дании король Генрих свергнут братом Авелем, но казна королевства оказалась спрятана отцом Петра. Перед смертью он завещает ее сыну. Петр рассказывает обо всем Болеславу, который идет с флотом на Данию, помогает свергнуть узурпатора и увозит казну. Многочисленные церковные постройки Петра. В его гербе – лебедь.)* (IV. P. 299)

(...)

Перемышльский князь Володарь в отсутствие Болеслава опустошает Польшу

Перемышльский князь Володарь, узнав, что польский князь Болеслав отплыл за море в Дакию, нарушает договор, который он заключил и скрепил клятвой в Киеве с польским князем Болеславом, посылает своего сына Владимира разорять Польскую землю. Тот вступил в нее внезапно, без предварительного разрыва договора, вражески свирепствовал, опустошая поля и сжигая кровли, вплоть до Беча, не встречая никакого сопротивления, и, захватив и согнав [в виде] добычи множество скота, увел его на Русь[269]

(IV P. 301–302)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1125-й

(...)

Польский князь Болеслав мстит перемышльскому князю Володарю, нанеся поражение его войску и разоряя русские земли

Польский князь Болеслав, движимый праведным гневом, вознамерившись отомстить Володарю и его сыну Владимиру за [совершенное] вопреки человеческому и божественному праву разорение своего Польского королевства и за попытку нарушить договор, со всеми своими силами нападает на Володаря и его Перемышльское княжество и, простирая опустошение так далеко, насколько возможно, сжигает крепости, села и деревни. Князь Володарь, выйдя против него со своими и других русских князей войсками, дает битву в месте под названием Вилихов, но встреченный многочисленнейшим польским войском был поражен и побежден, причем множество русских пали, как подкошенные, и потерял лагерь. Были тогда со множеством прочих убиты два знаменитых и опытных воина, а именно Навротник и Защитник, было также огромное количество пленных. Князь Володарь, не сумев воспрепятствовать бегству своих [воинов], бежал сам и, добравшись до Галича, стал собирать войско, желая снова биться с польским князем Болеславом,

который после [одержанной] победы, <напав> на русские земли, опустошил их все мечом и огнем[270]. (IV P 303)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1126-й

(...)

Умирают князья Володарь Перемышльский и Владимир Киевский

Девятнадцатого марта умирает перемышльский князь Володарь и погребается в Перемышле в церкви святого Иоанна, которую сам построил, оставив двух сыновей Владимира и Ростислава. По объявленному разделу Владимиру отошел Звенигород, а Ростиславу – Перемышль. Собрав кое-какое войско, <князья>, не решаясь идти водиночку, посылают его [войско] разорять Польшу. Оно и само было поражено страхом и, едва дойдя до границ Польши и спалив несколько сел у Вислоки, вернулось[271]. Десятого мая умер киевский князь Владимир, <будучи похоронен в церкви святой Софии в Киеве в отцовской гробнице>. Ему наследовал его <старший> сын Мстислав <и сел на киевском столе, а другой его сын Ярополк держал Переяславское княжество. Половцы же, прослышав о смерти Владимира, вражески обрушиваются на Русскую землю, но оказываются побеждены переяславским князем Ярополком и его войском, который сразился с ними, не дожидаясь помощи братьев, и многие утонули в реке>[272]. (IV P. 304–305)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1127-й

(...)

Братья Владимир и Ростислав, сыновья перемышльского князя Володаря, сражаются между собой

Между родными братьями Владимиром и Ростиславом, сыновьями прежнего перемышльского князя Володаря, возникли тайное соперничество и ненависть, перешедшие в столь тяжкую и явную вражду, что, жестоко разоряя княжества друг друга, они готовили погибель и смерть один другому. А чтобы легче осуществить это, каждый обратился к помощи извне, Владимир – к паннонцам, Ростислав – к русским. Поскольку венгры пришли к Владимиру на помощь, о которой тот просил, с опозданием, Ростислав, получив помощь от русских, а именно от киевского князя Мстислава, а также от Григория и Ивана Васильковичей, выступил против Владимира. Между тем через баронов и воинов начались переговоры о мире между братьями. После того как в течение многих дней они безуспешно старались заключить мир у Щиреца, снова вернулись к оружию. И перемышльский князь Ростислав, полагаясь на силу союз-

ных войск, окружает и штурмует крепость брата Звенигород, рассчитывая легко захватить ее. Но поскольку названную крепость храбро защищали три тысячи воинов, размещенных в ней Владимиром, Ростислав, потеряв некоторое количество своих воинов, снимает осаду [и] уходит. Хотя он с бо́льшим рвением возобновил осаду опять с теми же силами, но, видя, что его надежды не оправдываются, ибо люди Владимира, совершив вылазку из крепости, учинили резню среди его людей, снимает осаду[273]. (IV P 308)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1128-й

(...)

Не стерпев тяжкой вражды и противоборства со стороны перемышльского князя Ростислава, который часто досаждал ему и нападал на него, звенигородский князь Владимир вместе с женой и домочадцами бежал в Венгрию, надеясь с помощью какой-нибудь хитрости или уловки снискать помощь венгров против брата Ростислава[274]. (IV P. 310)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1129-й

(...)

Умирает киевский князь Святослав (так! – *Ред.*), которому на киевском княжении наследует его брат переяславский князь Ярополк, после того как киевляне добровольно послали за ним послов и приняли его с радостью и честью[275]. (IV. P. 312)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1132-й

(...)

<Когда князья Изяслав и Андрей с силами своих народов осадили крепость Киев, путем переговоров и усилиями советников обех сторон киевский князь Ярополк мирится с ними и дает Андрею Переяславль, а Изяславу Святославичу (так! – *Ред.*) – Владимир.>[276]

(IV P. 317)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1134-й

(...)

Так как киевский князь Ярополк готовит мятеж, то Петр Властович хитростью схватывает его и доставляет к князю Болеславу, тем воспрепятствовав отпадению [русских]

Между тем князья Руси по инициативе киевского князя <Ярополка> Владимир<овича>[277] многократно собирались на тайные

снемы, размышляя и совещаясь о свержении стеснительного ярма, под которым их до сих пор держали Болеслав и поляки. Зачинщик борьбы за освобождение князь <Ярополк> Владимир<ович> так рассуждал перед ними: "Тяжко ярмо, которое мы несли до сих пор и которое, если сейчас ничего не придумаем, будут вечно нести наши сыновья и внуки; позорное клеймо жжет нас и весь наш род, ибо мы, свободные и благородные, низведены до рабского состояния. Мы платим дань полякам, мы вынуждены отправляться на внешние войны с венграми, с чехами[278], подвергая опасности наши жизни вдали от дома, вдали от родины, и сражаться под водительством и началом князя другого обряда, [вызывая] насмешки и презрение. Если раньше этот позор приходилось сносить из страха впасть в поражения от оружия Болеслава и поляков еще горшие, чем прежде, то ныне, когда Болеслав и поляки заняты чешской и паннонской войнами, когда и спереди, и сзади [их] теснит мощный и грозный враг, нам предоставляется случай, о котором мы часто молились и благодаря которому, если будем помнить о нашем благородном происхождении, мы легко сбросим ярмо и вернем свободу себе, нашей родине и всему нашему народу. Трудно поверить, чтобы у польского князя Болеслава хватило сил вести одновременно три войны, если к венгерской и чешской войнам добавится третья, наша, когда станет ясно, что русские, благодаря которым он до сих пор был страшен как для чехов, так и для венгров, восстали против него и из помощников сделались врагами. Итак, под моим руководством и водительством возвратите свободу себе, детям и внукам вашим, дабы не пришлось нам, рожденным свободными, состариться в рабстве и передать этот позорный жребий нашим потомкам"
Когда вся знать легко согласилась с такой речью, все единодушно договариваются о восстании, которое будет объявлено в удобное время, и присягают во избежание преждевременного предательства. Однако этот заговор охранялся не настолько тщательно, чтобы все его содержание и замысел не стали тут же известны польскому князю Болеславу. Поскольку нрав у русских ненадежный, они легко проговариваются, и крайне редкая тайна сохраняется у них в неприкосновенности. Эта новость встревожила Болеслава и заставила его серьезно позаботиться о том, чтобы избежать опасности стольких войн в одно и то же время. Быстро призвав советников, он стал допытываться, что следовало бы предпринять в столь опасном деле. Одни давали одни, другие – другие советы, <но все> приходили к заключению, что разраставшийся заговор <русских> нанесет огромный урон состоянию государства, если его не пресечь побыстрее. Среди польских баронов был Петр Властович, комит из Ксёнжа[279], который отличался от прочих княжеских советников наибольшим присутствием духа и рассудительностью. Когда ему было велено высказаться, он сказал, что бессмысленно обтесывать сучья и ветки у подлежащего рубке дерева, не срубив [сначала] ствола

под корень, невозможно высушить воды, если бьет [питающий] реку источник. Затем он добавил, что излишне начинать войну с русскими землями, замышляющими мятеж, если сначала не будет покончено с зачинщиком мятежа и заговора, виновником всех зол – владимирским князем (так! – *Ред.*); тогда ослабнут усилия всех остальных русских. И когда все согласились с его рассуждениями, Петр сам берется выполнить все дело, притом что польский князь Болеслав оказывает ему большую помощь деньгами. Чтобы предстоявшее дело пошло легче и привело к желаемому результату, следовало прибегнуть к хитроумной ловушке. И вот Петр Властович, комит из Ксёнжа, в сопровождении немногих верных спутников, которые даже ничего не подозревали о том, что предстояло сделать, пришел к князю Владимиру (так! – *Ред.*), всем своим видом показывая, что он опечален и с ним что-то случилось. Когда владимирский князь с большим любопытством расспрашивает его о причине приезда, тот <...>, что он – изнанник, уставший от постоянных несправедливостей и обвинений со стороны польского князя Болеслава; в конце концов, чтобы с ним не приключилось чего-либо еще худшего, он предпочел добровольное изгнание и явился к князю, радушие и милость которого к нему давно известны, [и] умоляет, чтобы тот не отказал ему в приеме и покровительстве. Князь Руси <Ярополк> был обрадован приходом Петра Властовича, обрадованы и [прочие] русские, которые считали, что он будто провидением послан им на помощь в удобное время, когда они собирались поднять мятеж, и что его прибытие представит собой большую выгоду для их дела. Они рассчитывают, что тем самым и задуманный мятеж смогут осуществить быстрее, и предвидят, что победят Болеслава и поляков, [пользуясь] руководством и советами Петра Властовича, изнанника и врага Болеслава и поляков. Когда Петра Властовича его домочадцы <настойчиво спрашивали>, по какой причине он сделался изгнанником, ибо сами знали, что никакой [причины] нет, он приказал им успокоиться и не досаждать ему больше вопросами об этом, [сказал,] что исход дела, которое он делает, должен быть скрыт тайной молчания, и чтобы они немедленно были во всеоружии и готовы, как только настанет пора действовать. Наконец, когда в разведанный удобный момент он увидел, что князь Владимир<ович> <Ярополк> в сопровождении немногих сел завтракать, он, велев своим взять оружие, входит в зал, где возлежал Владимир<ович> <Ярополк>, признается, что он не гость, а враг, хватает князя, а когда тот пытается сопротивляться, повергает его наземь, заковав в оковы, стремительно мчит в Польшу, преодолевая реки, где предусмотрительно заготовил средства переправы, и привозит к польскому князю Болеславу в качестве рокового драгоценного подарка. Тот благосклонно хвалил его на всех советах и собраниях, за то что он, рискуя единственно своей головой, отвратил от родины великую войну; за столь выдающийся подвиг он был

удостоин также многочисленных имений и даров. Пленение князя Владимир<овича> (так! – *Ред.*), после того как заговор раскрылся и были наказаны многие другие, которые были причастны к делу заговора, удержало в верности остальных князей и баронов Руси, и война, уже во многом начавшаяся, угасла. (IV P. 320–323)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1135-й

(...)

Когда польский князь Болеслав отправился к императору, сын Ярополка, пользуясь предательством венгра, который ранее бежал к Болеславу, захватывает Вислицу и сжигает ее, жестоко перебив всех [жителей]

Хитрость Петра Властовича, комита из Ксёнжа, обманом захватившего владимирского князя, которая, казалось бы, доставила Польскому государству такие тишину и спокойствие, впоследствии послужила причиной тем более глубокого падения и погибели, ибо судьба встала на защиту права гостеприимства и международного права, которое, придя на государственный совет, [предложил] презреть и попрать комит из Ксёнжа Петр[280]. Василько, племянник киевского князя Ярополка[281], дабы помочь в беде своему дяде[o] и вернуть ему свободу, собрал все, какие мог, сокровища и заплатил сумму, которая была назначена по усмотрению Болеслава, обеспечив выкуп отца. Поскольку он знал, что открытой силой не сможет отомстить за свою и отца обиду, то, прибегнув к такому же обману и такому же предательству, жертвой которых стал его отец, он большими подарками и еще большими обещаниями соблазняет и подговаривает некоего венгра, у себя [на родине] выдающегося положением и знатностью, на совершение преступления, в котором труднее было заподозрить человека из другой страны – ведь любого русского проще было бы уличить в прямой лжи. *(Венгр бежит к Болеславу, якобы спасаясь от преследования венгерского короля Белы, и входит к нему в доверие. Тот дает ему в лен город Вислицу с окрестностями. Когда Болеслав отправился в Германию для возобновления мира с новым германским королем Лотарем, венгр посчитал, что время для исполнения задуманного пришло.)* Он во всеуслышание объявляет, будто и через письма, и через послов достоверно узнал, что открылся мятеж и князья Руси, восстав, со всеми войсками своих народов стремительно разоряют Польшу, [творя] жестокие убийства и грабежи. Поэтому официальным распоряжением он приказывает, чтобы вся знать и простой народ из всех

---

[o] (Так в латинском оригинале, в котором далее Ярополк и Василько последовательно именуются отцом и сыном. – *Ред.*)

окрестностей собрались в Вислицу как безопасное место и снесли туда добро и наиболее дорогие свои вещи; а чтобы его приказ был страшнее, прибавляет наказание, что имущество всех ослушавшихся приказа будет конфисковано в княжескую [казну]. И все, устрашенные вражеским нашествием и угрозой наказания, без промедления, как и приказывалось, исполняют повеление, и весь многолюдный край по сю сторону Ниды в огромном количестве, везя с собой также имущество, детей и все, что подороже, стекся в город Вислицу. Видя, что по его плану готово все необходимое для предательства, предатель-венгр <...> к князю Ярополку и его сыну, чтобы не замедлил явиться в шестые иды февраля[282] с войском насколько возможно большим к городу Вислице, которую [он] предаст со множеством народа и огромным количеством добра. Когда тот с величайшей поспешностью прибыл к Вислице, предатель-венгр ночной порой, пока все спокойно спали, тихо, чтобы обмануть всех, открыл ворота и впустил в город князя Ярополка с сыном и всеми его [воинами]. Войдя, тот устроил всобщую жесточайшую резню и чудовищное убийство, не щадя ни возраста, ни положения, ни пола, и, за исключением немногих, кто в суматохе ускользнули в реку, ради утоления своей ярости порубил или взял в плен всех горожан, и жителей, и тех, кто собрался в городе. Разграбив город и спалив огнем безо всякого сопротивления или противоборства, он возвращается на Русь, пьяный от польской крови, везя добычу, [ведя] пленников и скот. Это предательство, начавшись для венгра, [его] совершившего, так же, как и для Петра Властовича, имело тот же, даже еще много более печальный конец. Князь Руси Ярополк наградил предателя еще щедрее, чем обещал: сначала отрезал язык, потом ослепил на оба глаза, наконец, чтобы предательское семя не произвело никакого потомства, кастрирует и лишает детородных органов. *(Узнав о случившемся, Болеслав поразился коварству венгра и понял, насколько неверен характер венгров.)* (IV P 324–326)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1136-й

После предательской сдачи города Вислицы польский князь Болеслав опустошает всю Русь и увозит в Польшу огромную добычу

Желая заслуженной взаимностью отомстить за резню, устроенную князем Руси Владимировичем Ярополком во время предательского разорения города Вислицы, польский князь Болеслав приказывает взяться за оружие не только благородным, но также простолюдинам и селянам, вступает с яростным рыканием на Русь, дабы всеми силами покарать князя Владимировича и его сына за совершенное злодеяние. Видя неутолимый гнев польского князя Болеслава, терзаемый сознанием содеянного преступления, бросив

хоть сколько-нибудь надежные крепости и укрепления, [*Ярополк*] уходит в крайние пределы Руси, скрываясь в лесах, зарослях, болотистых и недоступных местах. Болеслав, во искупление крови своих [соотечественников], убитых в недостойной резне, велит простереть убийство повсеместно на всех русских. И произошло тогда избиение множества смертных; покончив со взрослыми, свирепость перебрасывалась на детей и на невинные кровли, и сколь больше убийств совершалось от гнева, чем по справедливости войны. Никто не испытывал жалости, не было никакого исключения ни для кого, сколь бы великий выкуп ни предлагался. И в отместку за гибель Вислицы была подвергнута жестокой погибели и сожжена пожаром вся Владимирская земля с прилегающими территориями, и в Польшу было уведено великое число как пленников обоего пола, так и скота[283]. (IV. P. 327)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1137-й

После поражения Руси в Польшу к Болеславу бежит галицкий князь Ярослав; когда тот [Болеслав], по обманному совету русских и венгров, пытается восстановить его на княжении, то терпит поражение из засады; из этого боя бежит некий польский палатин со множеством поляков, а потом, движимый раскаянием, вешается

После того как в отмщение за гибель Вислицы русская область подверглась тяжелому и жестокому разорению от польского князя Болеслава, князь Руси и знать, будто бесноватые или безумцы, мечутся от великой скорби из-за опустошения своей земли. Затем они собрали многочисленный съезд во Владимире и, хотя общее мнение склонялось к тому, чтобы начать против Болеслава и поляков открытую войну, но киевский князь Ярополк Владимирович, богатый и летами, и разумом, говорит, что война по правилам против Болеслава не принесет русским успеха, что если они хотят победить, надо прибегнуть к другому способу ведения войны с Болеславом и что Болеслава и поляков им можно победить только тайным обманом и хитростью; итак, пусть перестанут волноваться о войне с Болеславом, оставив ему задачу перехитрить Болеслава – ибо это более соответствует его, чем других характеру, и слушают его приказа, что бы и когда бы он ни повелел. Все горячо клянутся поддержать его усилия, [а] галицкого князя Ярослава[п], будучи уверены, что он с ними не согласен и обо всем, что делается у них, сообщит Боле-

---

(В латинском оригинале присутствует грамматический сбой: упоминание о Ярославе стоит в именительном падеже. Перевод дан по смыслу. – *Ред.*)

славу, изгоняют, свергают и лишают Галицкого княжества. Тот уступает их ярости, бежит в Польшу – ибо больше ему деваться было некуда – и, милостиво принятый Болеславом, получает для пребывания немалые владения. Спустя немного времени первые из галичан, довольно натерпевшись и пресытившись обманами и коварством князя Ярополка, приходят к князю Болеславу, молят вернуть им их князя Ярослава в свою землю, а чтобы его возвращение было более почетным и внушительным, сопроводить его в Галич своими [Болеслава] людьми, да и лично, собственной персоной. Они не видят тут никакой опасности, враги от страха перед Болеславом разбежались прочь, как звери по своим норам, в Галицком княжестве все спокойно и мирно. В заключение они сулят польскому князю большую благодарность за то, что он принял, обласкал, поддержал их князя, и за эту милость, оказанную их князю, они обязуются отплатить послушной и верной службой. Еще галицким русским не было дано никакого определенного ответа, как являются несколько знатных и благородных венгров, близкие соседи галичанам, которые также были участниками коварного заговора ради погубления Болеслава. Они говорят похожее и родственное [речам] галицких послов: чтобы не медлил двинуться на Галич с галицким князем, прибавляют просьбы и мольбы; уверяют, что для его восстановления придут в надлежащий момент со всеми своими войсками. Совершенно не разглядев ядовитого обмана, измышленного русскими и венграми, так как и тем, и другим были ненавистны и страшны сила и доблесть Болеслава, Болеслав – ведь тот, кто сиял прочими доблестями, страдал пороком легковерия, так что верил всему, что ему говорили, легче, чем надо было и чем было прилично его величию; вот почему вышло, что тот, кого невозможно было одолеть силой оружия, оказался побежден единственно легковерием, не разгадав направленного против него обмана – похвалив <...> венгров и русских, как будто они сделали благородное дело, обещает, что восстановит князя Ярослава и сам придет вместе с ним в назначенный день. Итак, поверив в искренность обоих посольств, он направляется к Галичу, будто на пир, с большим отрядом воинов, ведя с собой изгнанника князя Ярослава, и прибывает ко дню, о котором ранее договорился с русскими. Венгерские отряды, сначала встретив пришедшего [Болеслава, потом] все ушли в конец к самому последнему арьергарду войска. Это сразу же показалось подозрительным князю Болеславу, который вещим чувством почуял грозившую беду. Затем задолго [до Галича] навстречу вышли многочисленные отряды галичан, которые также разыгрывали дружелюбие и покорность и, встретив обоих князей, удалились туда же в конец и хвост [войска], где уже обосновались венгры, и немедленно стало ясно, что Болеслав и его люди заманены в ловушку. Польский князь Болеслав, которого доблесть и случай вынуждали принимать

решение, когда дело уже началось, призвав краковского палатина Всебора, воеводу войска, спрашивает: "Что думаешь, Всебор, по поводу тех подозрений, которые закрались в мою душу?" А когда Всебор [*просит*] подробнее [разъяснить], что он подозревает, тот отвечает: "Разве не видишь, что все отряды гуннов и русских, которые прибыли приветствовать нас, исполнив коварный долг, ушли к нам в тыл и арьергард и заняли это место заранее по обдуманному плану, чтобы когда, как я подозреваю, вскоре против нас выйдут другие полки, мы, окруженные сзади и спереди, были перебиты, наподобие зверей или скота. Думаю, что нам надо вырваться, прежде чем эти трудности скуют нас, и что надо попытать счастья в бою, храбростью и [собственной] рукой проложив дорогу, которой уйдем отсюда, прежде чем враг удвоит свои силы" Когда затем он <...> лживый народ, делающий одно, а изображающий другое, и что он [Болеслав] уступает и числом, и множеством (так! – *Ред.*), и считая, что наилучшим выходом в столь опасной крайности является попытать какого-нибудь счастья в битве, решает, пока враг сам на него не напал, завязать с ним бой, несмотря на то что численно уступает ему, но зато превосходно и кратко, по обстоятельствам времени, ободрив своих, призывая их лучше с честью расстаться с жизнью, чем попасть в жалкое рабство. Он еще не закончил речи, как вдруг появились густейшие полки русских, которые спешным маршем вел киевский князь Ярополк. Итак, не имея возможности долее откладывать сражение, ибо был уже в виду у врага, он еще и еще раз в немногих [словах] убеждает своих [воинов] помнить, что они – мужи, и не подставлять без боя свои выи; хотя со всех сторон его теснило море опасностей, но, оградясь [*безудержной*] и жаждущей победы храбростью, заставляющей забыть об опасностях, которые грозили спереди и сзади, он первым обрушивается на того из врагов, кто был впереди, и, поддерживаемый тем отрядом, который взял с собой, крепко бьется с врагом, учиняя большую сечу русским. *(Пространное описание храбрости Болеслава, который уже почти вырвал победу.)* Польский князь Болеслав, пусть и окруженный со всех сторон, все же мог бы выйти победителем, и его надежды вскоре исполнились бы, если бы один из главнейших баронов Болеслава палатин – имени, положения и происхождения которого никакие польские анналы, не знаю, по какой такой небрежности, не донесли – который и сам командовал полком, не бежал, охваченный страхом, покинув полк и сражение, и не увлек, оставив сражение, в такое же позорное бегство бóльшую часть польского войска и не отдал победу паннонцам и русским[284]. *(Болеслав вынужден бежать на коне, который отдал ему один из рядовых воинов. Бежавшему палатину он прислал шкурку зайца, прялку и шерсть, и тот от стыда повесился. А простого воина, который тоже спасся, Болеслав почтил и возвел в благородное звание. Болеслав соби-*

рает все сокровища, но все же не может выкупить всех пленных.) Польский князь Болеслав, муж великого духа, страдал от поражения, нанесенного ему бесчестным обманом венгров и русских, а также несправедливой судьбой. *(После сорока семи побед над врагами это поражение казалось ему смертельным ударом; он забывал о неровности фортуны, которая увенчала поражением жизнь Юлия Цезаря, Гектора, Ганнибала, Сципиона.)* (IV. P. 328– 333)

(...)

Дабы тем удачнее вести дела с русскими, Болеслав заключает мир с Собеславом

(Прежде чем истекло трехлетнее перемирие между чешским князем Собеславом и германским императором Лотарем, Собеслав и Болеслав сходятся на совет и заключают между собой вечный мир.) На этом совете присутствовал Владислав, старший сын польского князя Болеслава, который, в знак верного союза, принимает из купели сына чешского князя Собеслава по имени Венцеслав. Было ясно, что польский князь Болеслав тем легче согласился на этот мир, что, замирив Силезскую область и закончив чешскую войну, он мог тем активнее вести войну против русских, стремясь любыми средствами и стараниями поправить поражение, понесенное у них и вследствие их коварного обмана[285]. *(Пространная похвала Болеславу. Император Лотарь, вернувшись из Италии, умирает.)* (IV. P. 333–334)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1138-й

У Болеслава рождается сын Казимир; но он не может смягчить его [Болеслава] скорбь от недавнего поражения

Польская княгиня и супруга Болеслава, забеременев вторично, родила сына, которого в крещении нарекли Казимиром[286]. Но рождение еще одного сына не могло смягчить мук князя Болеслава, которые он сверх справедливой меры испытывал, почти что погибая, из-за поражения, понесенного у Галича, так что червь горькой скорби о его дражайших воинах – и тех, кто пали, и тех, кто были пленены – постоянно грыз и подтачивал его; к тому же из-за старческого возраста, гибели и поражения его воинов, исчерпания княжеской казны было нелегко, как он душой и умом стремился, собрать войско, с которым он смог бы должным образом отомстить паннонцам и русским. (IV. P. 335)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1139-й

Польский князь Болеслав, оставив пятерых сыновей, разделив королевство между четырьмя, а младенцу Казимиру не оставив ничего, умирает и погребается в Плоцкой церкви; его прозвали Кривоустым; муж, не сравнимый ни с одним из прежних королей

(В течение года после поражения у Галича Болеслав умирает от горя, разделив державу между сыновьями.) Первородному Владиславу, рожденному от русской, отдает Краковскую, Серадзскую, Ленчицкую [земли], Силезию и Поморье, постановив, чтобы по праву первородства у него была бóльшая и высшая власть повелевать и править, и указав, что если в Польском королевстве забота обо всем [и] целом не будет вручена одному, то все погибнет и распадется; Болеславу Кудрявому – Мазовецкую, Добжинскую, Куявскую и Кульмскую; Мечиславу Старому – Гнезненскую, Познанскую и Калишскую; Генриху Первому – Сандомирскую и Люблинскую земли, уделы и области. (...) Умер он в год своего правления тридцать шестой, а жизни – пятьдесят четвертый. Совершенно ясно, что единственно вследствие мучений и скорби из-за гибели своих [воинов] и поражения, обманом нанесенного [ему] под Галичем, столь безвременная смерть и роковой день скорее преждевременно восхи́тили, нежели освободили его, тогда как по природе жизнь его могла бы продлиться значительно дольше[287]. (IV. P. 336–338)

(...)

После несчастливой битвы с Ольговичами киевский князь Ярополк просит мира, который и получает

Сыновья князя Руси Олега, испросив и получив помощь у половцев, как враги напав на русские земли, сжигают города и села по реке Суле, затем идут к Переяславлю, неся убийство и множество бедствий, сжигают Устье и спускаются к Супону. Киевский князь Ярополк со своими братьями, сыновьями Владимира, выступает против них и сражается. После того как с обеих сторон пали многие, сыновья Олега терпят поражение и половцы бегут, а русские преследуют их, секут и берут в плен. Когда же, [прекратив] преследование, возвращаются к месту битвы, Ольговичи нападают на них и рубят, а киевский князь Ярополк и его племянник князь Василько со множеством бояр попадают в плен. Ярополк, ускользнув из плена, бежит в Киев; когда Ольговичи окружают его осадой, князь Ярополк, хотя и собрал заново большое войско, не захотел сражаться, а заключил с Ольговичами мир на справедливых условиях[288]. (IV. P. 339)

(...)

КНИГА V

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1140-й

(...)

<В десятый день февраля умирает киевский князь Ярополк Владимирович и погребается в церкви святого Андрея. Несмотря на то что брат его Вячеслав занял киевский стол, но когда Всеволод Ольгович со своим войском пришел к Киеву, то чтобы не быть вынужденным сражаться с ним, он [Вячеслав] заключает мир при посредничестве митрополита, уходит из Киева и идет в Туров. Всеволод же мирно занимает Киевское кяжество.>[289] (V P. 14)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1142-й

Владислав, вопреки мнению советников, с помощью русских требует от братьев подчинения и дани

(Польский князь Владислав жаждет завладеть уделами своих братьев Болеслава, Мéшка и Генриха.) Затем вскоре [Владислав] приказывает, чтобы во всех областях [Польши] подчинялись ему и никому другому, а мятежных и строптивых заставляет подчиниться или плетьми, или темницей, или конфискацией имущества. А поскольку считал, что польская знать и вельможи недостаточно верны ему, чтобы обеспечить исполнение этого преступления, он призвал к себе неких помощников из Руси – ведь и сам он был рожден от русской матери – и, опираясь на них, добивается овладения имением братьев, <дойдя даже до такого беззакония, что изгнал братьев из всех владений>[290]. (V P. 18)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1145-й

Владислав, собрав огромное войско из русских, изгоняет двух братьев, и архиепископ предает его за это анафеме; изгнанные же запираются вместе с Мечиславом в познанской крепости, предпочитая скорее умереть, чем подчиниться ярости брата

(...) Стянув войска из всех княжеств и владений и призвав на помощь русских в числе большем, чем когда-либо раньше, – ибо ки-

евский князь Всеволод прислал на подмогу с войсками своего сына Святослава, а также князя Изяслава Давидовича, а также галицкого князя Всеволодимира (так! – *Ред.*) – [Владислав] изгоняет родных братьев Болеслава из плоцкой, Генриха – из сандомирской крепости, прочие их укрепления сносит, а все их княжества и земли, прогнав законных князей, подчиняет [себе]. Остался один только Меслав (так! – *Ред.*) по прозвищу Старый, князь гнезненский, познанский и великопольский, к которому и бежали оба брата – Болеслав Кудрявый, князь Мазовии, и Генрих, князь сандомирский, изгнанные со своих столов. Все трое, придя к познанской крепости, укрепили ее воинами и оружием, намереваясь оказать сопротивление князю Владиславу, если они подвергнутся нападаению и здесь. Когда князь Владислав узнал об этом, он быстро направился туда и подвел, как можно скорее, войско, окружив познанскую крепость крепчайшей осадой, собираясь в одном месте и с помощью одной-единственной осады победить и схватить всех братьев. (...)

Во время этой осады войско князя Владислава, а в особенности пришедшие на помощь русские, не довольствуясь добычей, грабежом и бесчисленными злодеяниями, чинили надругательства даже над знатными матронами и девицами, а многих убивали, калечили и в варварской ярости творили прочие бесчеловечные и недостойные католиков деяния. (V P. 26–27)

(...)

Когда осажденные князья заметили, что во Владиславе и его воинах укрепилось пренебрежение к ним, и узнали через пленных и беглецов, что у врагов все находится в большом небрежении, приказывают своим вооружиться и попытать счастья, [считая], что много славнее умереть в бою от раны в грудь, чем быть добитым голодом и недоеданием в крепости. Когда и конница, и пехота были готовы к вылазке, по приказу князей на вершине башни был поднят красный флаг. Его поднятие вызвало удивление у воинов в войске Владислава, а в особенности у князей Руси <Святослава, Изяслава и Всеволодимира>, которые в тот момент сидели рядом с Владиславом; на настойчивые вопросы русских князей о значении [этого] знака князь Владислав, говорят, дал ответ, что осажденные князья предлагают сдачу [крепости] и молят о милости. Но когда русские посчитали, что было бы в высшей степени справедливо пощадить побежденных и сдающихся и воздержаться от убийства братьев и близких, жестокое сердце Владислава, жаждущее либо мести, либо погибели братьев, отвечает, что места для милосердия и примирения уже не осталось. Пока велись такие разговоры и беседы, осажденные князья с наиболее храбрыми и опытными воинами, решившими [*скорее*] умереть, чем отступить, а также со смешанной толпой [людей] всех сословий и возрастов, которые укрывались в городе, почти что в середине дня, когда враги были больше заняты

сном или обедом, вырываются [из крепости]; молодые подняли крик, который долго держал князя Владислава и его войско в нерешительности и растерянности, так как большинство сочло его [воплем] безумия, а не храбрости. Когда же они заметили, что те крайне беспорядочно и стремительно приближаются к ним, <то весьма напуганные всем этим, пришли в замешательство, потому что не было времени ни подумать, ни вооружиться>. (...) Потом повсеместно [началось] бегство пытавшихся спастись от меча и огня, а затем – резня. За короткое время могучая сила, собранная из поляков и русских, была разбита, обращена в бегство и вытеснена из лагеря. Они разбегались в разные стороны, а всадники, преследуя бегущих, учинили бегущим страшную сечу, особенно же русским. Некоторые захлебнулись в волнах, [и] трупы наполнили реки <Варту> и Гловну, у которых происходило сражение. Польский князь Владислав, бежав с русскими князьями и немногими другими, покинутый своими, отступил к Кракову и, несчастный и преисполненный горя, меняя лошадей, прибыл в Краков без сопровождения воинов, будто простолюдин, дав урок своим примером и современникам, и потомкам, дабы никто, понадеявшись на силу, не стремился притеснять других, лукаво искажая законы Божеские и человеческие и не внимая здравомыслящим советникам. Князья Болеслав, Мечислав и Генрих, не злоупотребляя победой, подарили свободу всем пленным из поляков. С этого времени их действия против Владислава были успешными, а все, что тот у них отнял, было вскоре возвращено. <Более того, овладев лагерем князя Владислава и трех русских князей и обогатившись многочисленной добычей из того и другого войска, то есть польского и русского, они вооружили в помощь себе многих воинов, не только своих, но и иноземных. Русские князья Святослав, Изяслав и Всеволодимир прибыли в Краков, [а] оттуда, оставшись как без воинов, так и без имущества, с немногими спутниками вернулись на Русь.>[291] (V P. 31–33)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1147-й

Владислав с честью принят римским королем и добивается от того, чтобы он послал послов к братьям просить [вернуть] его удел; им рассказывают о преступлениях князя Владислава; услышав об этом, римский король отказывает ему в какой бы то ни было поддержке и милости

(В Германию к королю Конраду III прибывает сначала Владислав, а потом его жена Христина с тремя сыновьями. Владислав просит Конрада о помощи.) Кроме того, он лично направился к чешскому князю Владиславу, а князя Руси просил через послов, всеми силами подстрекая [их], чтобы восстановили его в его королевстве. Польский князь Болеслав Кудрявый и его братья Мечи-

слав Старый и Генрих Первый были напуганы постоянными слухами, что для восстановления на королевстве их брата против них выступят, с одной стороны, как римский король Конрад, так и чешский князь Владислав со множеством силы, а с другой – русские[292]. *(Король Конрад обращается к братьям, ходатайствуя за Владислава. Те описывают его преступления и заверяют в своей верности Конраду. Конрад меняет свое отношение в делу Владислава.)* (V P. 38)

(...)

Выступив на освобождение Святой Земли, римский король с чешским князем держит путь через Польшу; там Болеслав и его братья наилучшим образом провожают его до моря, но ему не удается вернуть Владиславу расположение братьев

(Германский король Конрад выступает в крестовый поход; он выбирает путь через Польшу как наиболее безопасный, надеясь заодно примирить Владислава с братьями. Вместе с ним идут чешский князь Владислав со своим родным братом Генрихом и двоюродным Спытигневом. Болеслав встречает его и сопровождает, обещая вернуться к разговору о Владиславе после возвращения Конрада.) Итак, император, скорее попытавшись [поправить], чем поправив дела польского князя Владислава и не желая досаждать столь щедрому и любезному хозяину, двинулся из Польши через Русь и Валахию, и тогда польский князь Болеслав, приготовляя все, последовал за ним не только через Польшу, но и через Русь и Валахию, до самого Львиного моря. Оттуда император и князья, погрузив воинов и оружие на приготовленные для этого корабли, отплыли в Константинополь[293]. (V P. 41)

(...)

<Двенадцатого июля умирает киевский князь Всеволод, и киевский стол занимает сын Всеволода (так! – *Ред.*) Игорь. Это не понравилось киевлянам, и в Киев приходит приглашенный ими переяславский князь Изяслав. Хотя князь Игорь со своим братом Святославом выступили против него, но не вступив в сражение, оба бегут, и Изяслав вступает в киевскую крепость с честью и славой. А через четыре дня плененного Игоря приводят к Изяславу, который поместил его, приставив стражу, в темнице в монастыре святого Иоанна в Переяславле; тот просил избавить его от мучений и разрешить постричься в священники (так! – *Ред.*), и с позволения Изяслава его постригают. Когда немного дней спустя из-за заговора братьев Игоря, князей черниговских, вспыхнуло восстание киевлян, подавляя которое брат Изяслава Владимир чуть было сам не подвергся насилию, Игоря вывели из церкви, в которой он молился, и убили.>[294]

По наущению врага рода человеческого князья Руси, а именно Георгий, Ростислав, Олег и Святослав, движимые завистью, восста-

ют против киевского князя Изяслава, намереваясь лишить его киевского стола. Тот, собрав войско, идет против них. Несмотря на то что киевский митрополит неоднократно убеждал восстановить мир, Изяслав, надеясь на многочисленность своего войска [и] не послушав благого совета, вступает в битву и, после того как пали многие с той и с другой стороны, терпит совершенное поражение; многие из его [людей] погибли или попали в плен, сам же он, бежав, прибыл в Киев и, опасаясь, что победители осадят его, взяв жену и сыновей, отправился в Луцк. Князь же Георгий с помощью других князей сначала вступил в Переяславль, а затем прибыл в Киев и сел на столе отчем и деднем. А князь Изяслав, чтобы вернуть киевский стол и поправить понесенное поражение, стал раздаривать дары полякам и венграм; и пришли к нему на помощь зимой того же года два брата, именно князья Болеслав <Краковский и> Мазовецкий и Генрих Сандомирский со своими народами и воинами; пришли и венгры, которые всю зиму пребывали у него, разбив лагерь у Чемерина и горя желанием сразиться с его врагами. Однако видя, что он все медлит и человек боязненный, как польские князья Болеслав и Генрих, так и венгерские войска уходят от него. Узнав об этом, князья Руси выступают против него, а именно киевский князь Георгий с двумя сыновьями Ростиславом и Андреем, также Вячеслав, брат Георгия, и много других вспомогательных князей, и осаждают Изяслава в Луцке, не позволяя ничего доставлять осажденным. Когда же Изяслав выдержал продолжительную осаду, князья лишили его доступа к воде. Под давлением такой нужды и трудностей Изяслав со своими [людьми] стал через князя Владимирка просить о мире, который прежде отверг. Ростислав, сын Георгия Киевского, и Георгий, сын Ярослава, воспротивились этой просьбе, но так как Андрей, сын киевского князя Георгия, убеждал удовлетворить просьбу о мире, киевский князь Георгий с другими князьями Руси согласился с его мнением, заключил мир с Изяславом, скрепив его клятвой, снял осаду и вернулся в Киев[295]. (V P. 42–43)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1151-й

Польские князья Болеслав и Мечислав берут в жены двух дочерей князя Руси

Польский князь и монарх Болеслав, по прозвищу Кудрявый, видя, что Польское королевство умиротворено во всех отношениях и престол его монархии, по милости Божией, процветает, и желая обеспечить ему еще большие блага и прочный мир, завязывает родство с князем Руси <Всеволодимиром>, тогда [князем] <Галича>, и берет в жены его дочь Анастасию. С обильным приданым от отца и князей Руси она была приведена в Краков и соединена браком с названным князем Болеславом[296]. Свадебное празднество продол-

жалось в Кракове много дней, польские прелаты и бароны украшали его своим присутствием, а воины – турнирами и прочими воинскими зрелищами. <Следуя его примеру, великопольский князь Мечислав, или Мешко, взял в жены другую дочь князя Руси Всеволодимира, по имени Евдоксия, и свадьбу, как положено, отпраздновал в Познани; она прожила недолго и умерла, не оставив потомства мужского пола.>[297] (V P. 49)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1154-й

(...)

Изяслав посылает Мстислава, чтобы он привел поляков и венгров против Владимирка. И хотя поляки не пошли, с Мстиславом пришли венгры и король их <Стефан>. А галицкий князь Владимирко, видя множество венгров, не осмеливается сразиться с ними, а беспокоит их [нападениями] из укрытий. В конце концов, подвергшись их нападению, он переправляется через реку, где многих из его [воинов] убивают, другие попадают в плен или тонут. Он бежит в Перемышль, за ним следует венгерский король <Стефан> и осаждает его. И Владимирко начинает просить венгерского короля о мире, пока не пришел Изяслав. И сразу после этого приходит Изяслав со своим войском и, оставив позади своего брата Святополка с войском, один с немногими идет к венгерскому королю <Стефану>. Когда же он приходит к реке Сан, то <встреча>ется с препятствием, так как галицкий князь Владимирко занял все броды через реку своими конными и пешими воинами. Венгерский король двинулся со своими войсками к реке, и Владимирко, видя великое множество [войска], бежал в крепость Перемышль, а многие из его [воинов] были убиты или попали в плен. И видя, что он в весьма трудном положении, Владимирко начал просить мира. И хотя князь Изяслав не хотел мира, венгерский король <Стефан> согласился на мир, и по заключении мира король ушел в Венгрию, а Изяслав – в Киев[298].

В тот же год пришел Георгий со своими сыновьями, и с ростовцами, и с суздальцами, и с рязанскими князьями и двинулся на Русь к Киеву. И Изяслав вышел против него, а Владимирко вернулся в Галич. Когда Георгий был под Глуховом, на помощь ему в большом числе пришли половцы и князь Святослав, сын Олега. Киевский же князь Изяслав послал своего брата Ростислава на помощь Изяславу Давидовичу. Георгий пришел и осадил Чернигов, и были крепкие бои между осаждавшими и осажденными. Но как только половцы узнали, что Изяслав идет на помощь черниговцам, они в испуге разбежались. После того как они ушли, ушел и Георгий, направившись к Новгороду Северскому; оставив сына Василька, он отправился в Суздаль. А Изяслав, не найдя Георгия под Черниговом, идет к Новгороду и, заключив там мир с просящими [о нем], возвращается в Киев. А Василько пошел к своему отцу в Суздаль, послав сына

(так! – *Ред.*) Мстислава на половцев. Тот в одиночку опустошает [землю] половцев и, захватив большую добычу конями и скотом, овладевает даже и шатрами их, освобождает множество христиан и возвращается со славой. В тот же год умирает галицкий князь Владимирко[299]. (V P. 54–55)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1156-й

(...)

У польского монарха Болеслава Кудрявого рождается сын Болеслав

Княгиня Анастасия, супруга польского князя и монарха Болеслава <Кудрявого>, в первых родах произвела на свет сына, о рождении которого отец преисполнился великой радости и дал ему свое имя Болеслав[300].

Пытаясь отомстить за старую вражду, киевский князь Изяслав начинает войну против галицкого князя, сына Владимирка. Когда оба войска сошлись на реке Серет, происходит сражение, причем воины убеждают сына Владимирка, поскольку он был один, воздержаться от него [сражения] и уйти в Галич. Так как оба бьются за победу, происходит жестокая сеча и такая неразбериха, что [воины] не узнают друг друга и оба [войска] отступают, считая себя побежденными. И многие из галичан были взяты в плен воинами Изяслава, а многие воины Изяслава – галичанами. После того как бежали братья Изяслава Святополк и Владимир и его [Изяслава] сын Мстислав, Изяслав остался на поле битвы один с немногой дружиной, но, боясь, как бы галичане не напали снова, велел перебить всех пленных, за исключением наиболее знатных, которых увел с собой в Киев[301]. (V P. 58–59)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1158-й

(...)

Княгиня Анастасия, супруга польского князя Болеслава, родив сына, которого нарекли Лестком, умерла. Из-за ее кончины князь Болеслав долго терзался горем и некоторое время отказывался взять другую [жену][302]. (V P. 65)

(...)

Тринадцатого ноября умирает киевский князь Изяслав Мстиславич и погребается в монастыре святого Феодора; Изяслав Давидович хотел войти в Киев, но ему не позволили сыновья (так! – *Ред.*) Изяслава Вячеслав и Мстислав. И пришел из Смоленска брат Изяслава Ростислав и сел на киевском столе. Потом пришел Глеб,

[сын] Георгия, со множеством половцев к Переяславлю против Мстислава; переяславцы, храбро сопротивляясь, сражаются с ним, и в ту же ночь Глеб с половцами уходит от Переяславля. А Ростислав, взяв с собой Святославка Всеволодовича и Мстислава Изяславича, идет к Чернигову против Изяслава Давидовича, и когда пришел, ему сообщают о смерти его дяди Вячеслава. Он же, распустив свое войско, возвращается со Святославом в Киев, хоронит Вячеслава в церкви святой Софии и, вновь собрав войско, идет на Чернигов. Услышав об этом, Изяслав Давидович посылает за [сыном] Георгия Глебом, который приходит к нему на помощь с половцами. А Ростислав со своими войсками стал у Белавежи, и вышли против него Изяслав и Глеб, и лучники сражались за берега. Ростислав, видя великое множество половцев, испугался и посылает к Изяславу, давая ему от себя Киев, а от племянника Мстислава – Переяславль. Услышав об этом, Мстислав в негодовании сказал: "Ни у меня не будет Переяславля, ни у тебя – Киева," – и ушел со своим войском. Увидев это, бегут и все прочие, а половцы, преследуя их, многих убивают и берут в плен, [а] остальные разбегаются. Ростислав бежит в Смоленск, Мстислав и Святослав Всеволодович спасаются бегством в Киев. И половцы захватывают Святослава Всеволодовича, а Мстислав ускользает, приходит в Переяславль и, взяв свою жену, идет в Луцк. Киевляне же, оказавшись в очень трудном положении, посылают за Изяславом и принимают его в Киеве; он сажает в Переяславле Глеба, в то время как половцы творят много зла под Переяславлем, сжигая церкви и села. После этого Георгий идет на Киев, и после долгих переговоров Изяслав уступил ему Киев, и Георгий сел в Киеве на дедовском столе, распределив земли между сыновьями: Андрею дав Вышгород, Борису – Туров, Глебу – Переяславль, а Васильку – Порши[303]. (V P. 65–66)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1159-й

(...)

Киевский князь Георгий, держа зло и гнев на переяславского князя Мстислава, сына Изяслава, не довольствуясь изгнанием его из Переяславля, собрав и выстроив войска и поручив предводительствовать ими князьям Георгию Ярославичу и Ярославу, посылает их против князя Мстислава, пребывавшего в Пересопнице. Тот, объятый страхом перед врагом и видя, что сражение ему не по силам, из Пересопницы бежит в Луцк. Оставив крепость Луцк заботам и защите родного брата Ярослава, он бежит к польским князьям Болеславу, Мечиславу и Генриху, понимая и зная наверное, что Георгий Киевский собирается выгнать его и из Луцка и собирает [для этого] войска. Польские же князья, а именно Болеслав Краковский, Мечислав Познанский, Генрих Сандомирский, благосклонно приняв изгнанника Мстислава и снабдив его у себя всем необходимым, собрали силы из своих владений и врагами выступили

на Русь, намереваясь восстановить князя Мстислава <не> только на переяславском, но и на киевском столе. Киевский князь Георгий, опасаясь силы польских князей, через посредничество перемышльского князя Ростислава заключает мир с князем Мстиславом и его родными братьями Владимиром и Ярославом, сыновьями Изяслава, и возвращает им как Переяславское княжество, так и все, что им принадлежало, клятвенно обязуясь никогда не домогаться их владений. После того как между ними было заключено такое соглашение, князь Мстислав с великой славой возвратился на Русь, причем многие польские воины сопровождали его вплоть до Владимира, а многие и остались у него[304]. (V. P. 68)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1160-й

У Мечислава родится сын Болеслав; а Болеслав Кудрявый празднует новую свадьбу

(На торжества по поводу рождения сына у Мéшка Старого приезжают его братья Болеслав и Генрих.) Так как среди тайных бесед, которые князья вели между собой, главная была о том, чтобы князь и монарх Болеслав <Кудрявый> отложил звание вдовца и взял на себе бремя второго брака, то, сдавшись на постоянные уговоры братьев и советников, он по возвращению в Краков берет в супруги девицу Елену, дочь перемышльского князя Ростислава, и свадебные торжества в Кракове продлились много дней. Болеслав пригласил на нее и своих братьев, и прелатов, и баронов всего Польского королевства, а также немало русских бояр и знати, великолепно принял их и почтил щедрыми дарами[305]. (V P. 69)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1162-й

(...)

<Киевский князь Георгий Владимирович, поправ клятвенный договор, который заключил ранее с Мстиславом Изяславичем и его братьями Владимиром и Ярославом, начал против него войну и, поскольку тот не осмеливался дать битву, окружил его осадой в крепости Владимире. Во все дни осады происходили крепкие схватки между осаждавшими и осажденными, и пролилось много человеческой крови, причем польские воины, сопровождавшие князя Мстислава, постоянно совершали великие подвиги по отношению к осаждавшим и одержали над ними много побед. Князь Георгий был готов примириться с Мстиславом, если бы тот попросил об этом, но тот [продолжал] сопротивление, и [Георгий], ничего не добившись, потеряв многих из свой знати, побежденный ушел в Киев.>[306]

(V. P. 74)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1164-й

(...)

У великопольского князя Мечислава рождается сын Мечислав

<Евдоксия, супруга великопольского князя Мечислава, рождает в Познани второе дитя, которому в крещении дается отцовское имя Мечислав.>[307] (V. P. 78)

(...)

<В пятнадцатый день мая месяца киевский князь Георгий Владимирович, впав в болезнь, умирает в Киеве и погребается в церкви Святого Спасителя в Берестове. И хотя на киевский стол претендовали многие князья Руси, его по желанию киевлян занял князь Изяслав Давидович.>[308] (V P 78)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1167-й

(...)

<Владимирский князь Мстислав Изяславич, считая, что киевский стол принадлежит скорее ему, чем Изяславу Давидовичу, зимой этого года ведет войско на Киев. Поскольку киевляне были благосклонны его намерению, он обращает в бегство и изгоняет из Киева Изяслава Давидовича и завладевает киевским столом. Изяслав же Давидович, соступив Киева, сел в Ветиче. Но Мстислав Изяславич стал тут же тяготиться киевским столом и, призвав смоленского князя Ростислава, родного дядю, весной уступает ему Киевское княжество, а сам уходит во Владимир. Но недолгим было владение Киевским княжеством и для смоленского князя Ростислава; он также, возненавидев править им и опасаясь изгнания, уступает [его] князю Владимиру Мстиславичу.>[309] (V P. 85–86)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1168-й

После смерти Генриха его княжество переходит к младшему брату Казимиру, который женится

(Генрих умирает без наследников, и Болеслав с Мечиславом решают отдать его удел брату Казимиру, которому уже было за тридцать и который не имел собственного удела, живя за счет старшего брата Болеслава. Казимир получает Сандомирскую и Люблинскую земли, за исключением собственно Сандомира с окрестностями, который отошел Болеславу.) По уговорам братьев и знати королевства, князь Казимир берет супругу из князей Руси – дочь белзского князя Всеволода <девицу Елену>. Свадебные торжества были отставлены из-за поражения, недавно понесенного в Пруссии[310].

<В этом году супруга великопольского князя Мечислава Евдоксия рождает сына, которого нарекают Владиславом.>[311] (V P. 87)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1170-й

(...)

<Движимый великим негодованием, владимирский князь Мстислав Изяславич изгоняет из Киева Владимира Мстиславича, который вытеснил из Киева его дядю Ростислава. Тот бежал к половцам, [а] Мстислав Изяславич начал княжить в Киеве. Не терпя этого, суздальский князь Андрей посылает против него своего сына Мстислава с ростовцами и владимирцами. На помощь к нему – ибо такое недоброжелательство к Мстиславу Изяславичу царило в сердцах многих – приходят девять князей Руси, а именно Глеб Переяславский, Роман Смоленский, Давид Вышегородский, Владимир Андреевич, Димитрий Георгиевич, родные братья Георгий и Славец (так! – *Ред.*), Олег и Григорий Святославичи. Когда названные князья осадили Киев, Мстислав Изяславич заперся в замке и в течение многих дней терпел осаду, но, не стерпев голода, с братом и немногими спутниками бежал из Киева во Владимир. Овладев замком, князья берут в плен супругу Мстислава, сына и воинов, а город Киев отдают на расхищение воинам, которые грабят не только дома горожан, но и священные здания и монастыри. Мстислав Андреевич сажает в Киеве своего дядю Глеба, который, получив этот стол, дал своему сыну Переяславское княжество.>[312] (V. P. 90–91)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1171-й

(...)

<Этим летом половцы, собравшись в большом множестве, приходят на Русь против Киева, простирают опустошение далее обычного, ибо не видят сопротивления, и захватывают множество смертных обоего пола, крупный и мелкий скот, а также много добычи. И когда награбленную добычу довезли до самой орды, князь Михалко, по поручению своего брата киевского князя Глеба, настиг их с русским войском, дважды за день сразился с ними и, победив в обеих схватках, освободил всех пленников, которые были захвачены.>[313] (V P. 95)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1172-й

(...)

<Умирает киевский князь Глеб, просидев на киевском княжении два года, и погребается в церкви Святого Спасителя в Берестове. А суздальский князь Андрей назначил на его место смоленского князя Романа и послал его княжить в Киев. Тот, приняв правление в Киевском княжестве, сажает в Смоленске своего сына Ярополка; по прошествии времени его изгоняет из Киева Ярослав Изяславич и садится на киевском столе.>[314] (V P. 97)

(...)

КНИГА VI

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1178-й

Желая отомстить, князь Мечислав грозит войной Казимиру, [но] безуспешно, так как не смог получить помощи от зятя

(Великопольский князь Мешко Старый не смирился с потерей принципата и намерен воевать с краковским князем Казимиром.) Но для такой войны надо было добиться помощи от соседних князей, его зятьев; без нее будущая схватка с Казимиром, к которому, располагавшему в изобилии собственными воинами и оружием, наверняка пришла бы еще и русская подмога, казалась опасной[315]. *(Мешко шлет послов к чешскому князю Собеславу, а также к герцогам саксонскому и лотарингскому, своим зятьям, но те отказывают в помощи, извиняясь тем, что заняты другими войнами.)*

(VI. P. 115)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1179-й

(...)

<После того как князь Руси Ярослав Изяславич несколько лет просидел на киевском княжении, черниговский князь Святослав, завидуя его счастливому жребию, собрав немалое войско, вознамерился отнять у него киевский стол. Он выступает против него тайно, без объявления о расторжении мира, пока Ярослав Изяславич беспечно пребывает в киевском замке, и, так как его считают другом и братом, со всем своим войском вступает в [никем] не защищаемую киевскую крепость и занимает ее. В суматохе князь Ярослав с трудом спасается бегством, но его супругу, его младшего сына и всю дружину Святослав берет в плен. Святослав завладел также его богатейшей казной и всем имуществом и, забрав пленников и добычу в Чернигов, оставил киевскую крепость, опасаясь нападения. Узнав об этом, Ярослав Изяславич, собрав союзные войска, имея, сверх того, в своем сопровождении двух племянников-князей, сыновей Ростислава, с [их] людьми, приходит в Киев. Укрепив киевский замок сильным гарнизоном, он возлагает всю вину за совершенн-

ное против него черниговским князем Святославом преступление на киевлян, поскольку оно будто бы было совершено с их помощью, по их совету и при их попустительстве. [Поэтому] он, ограбив наиболее богатых горожан, хватает также всех игуменов, священников, монахов, монахинь и всех латинян, беря за их освобождение огромный выкуп, остальных продает [в рабство] и совершает по отношению к киевлянам многие злодейства. Потом выступает против своего врага и грабителя черниговского князя Святослава и осаждает его в Чернигове, но видя, что успеха нет, заключает с ним мир.>[316] (VI. P. 118)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1182-й

Казимир, овладев Брестом, под ропот своих [воинов] идет на Русь, где под Галичем, победив двух князей, восстанавливает в [прежнем] состоянии [своего] родственника Мстислава и с победой возвращается с войском домой

Известие об отпадении города Бреста и области, расположенной по реке Бугу, побудило князя и монарха Казимира немедленно взяться за оружие. Собрав воедино конные и пешие войска, он стремительным маршем подходит к Бресту, осаждает его и в течение двенадцати дней побеждает и захватывает[317] После того как под топором пали головы зачинщиков измены, он строит там укрепление, господствующее над городом, и, снабдив [его] крепким гарнизоном, чтобы держать народ в повиновении, ведет войско на город Галич и [его] землю, чтобы восстановить своего родственника князя Мстислава, которого братья под лживым предлогом, будто он – не законный [сын], а рожден от тайного и незаконного брака, изгнали из королевства. Большинству польской знати этот поход казался тягостным, они с трудом выступили в него, втайне и негласно упрекая князя Казимира за то, что не ограничиваясь собственными войнами, он берется за войны внешние, не обещающие ни удачи, ни выгоды; кроме того, недостойно, чтобы они в несправедливой войне вдалеке от дома безвозмездно сражались за человека сомнительного и темного происхождения. Хотя Казимир знал, что сетования воинов в лагере делаются все громче, но, ничуть не смущаясь их ропотом, он ведет войско дальше. Уже дошли почти до Галича, и на следующий день готовилась осада галичан, как вдруг разведчики сообщают, что приближаются князья Всеволод Белзский и Владимир Галицкий, родной брат Мстислава, со всеми русскими князьями и боярами и вражеским войском. Тут уже не тайно, а открыто поляки осыпают упреками своего князя Казимира, да и воеводу Николая, краковского палатина, честят обидными речами, будто он был зачинщиком этой войны, жалуясь, что их подвергают очевидной опасности и чуть ли не предают русским. Ведь они видели, что русское войско

несчетно, словно все русские земли, как сговорившись, соединились на погибель полякам. Кроме врожденной ненависти к полякам, русских толкали на бой замеченная ими малочисленность поляков и собственная многочисленность, а также гадатели, которые на вопрос об исходе войны, предсказывали им всяческую удачу, а полякам – бедствия. Казимир, не устрашившись видом и численностью врагов, выстроив войска, ободряет воинов, указывая, что русское множеств составлено, за редкими исключениями, из ничтожных рабов и если не давать им волю, то они легко уступят победу, да и сколь часто большинство бывало побеждено меньшинством. Подбодрив такими [словами] воинов и воодушевив их надеждой на победу, он поручает левое крыло краковскому палатину Николаю, сам держит правое и велит трубить сигнал к началу битвы. Да и русские тоже, подняв громкий крик, яростным натиском бросаются в бой, и некоторое время шло жестокое сражение между двумя массами людей. И вот уже начинает отступать левое крыло, бывшее под началом палатина Николая, ибо [их] кони либо пали, либо были изранены [стрелами] легковооруженных лучников, но Казимир, которому доложили об опасности, подводит на левое крыло отряд воинов и, прогнав русских лучников, восстанавливает равновесие. Тут на правом крыле польская фаланга, прорвав и смяв строй русских, простерла мечи на остальные русские полки, тогда как на левом крыле русские разбегаются, пораженные и гонимые палатином Николаем. Но и те, кто сражались против правого крыла, смущенные страхом бегущих, не замедлили обратиться в бегство. Князья Всеволод Белзский и Владимир Галицкий, чтобы не попасть живыми в руки Казимира, меняя лошадей, ускользают от преследователей. Большое число русских в том сражении было или убито, или пленено, русский лагерь, полный всякого добра, разграблен по приказу Казимира, да и галицкая крепость и город немедленно сданы победителю Казимиру, который препоручает его князю Руси Мстиславу, своему родственнику, взяв с него прежде клятву, что тот никогда не оставит ни его, ни польский народ ни в счастье, ни в несчастье. И восстановив его вполне на Галицком королевстве и уладив дела на Руси, Казимир воротился в Польшу[318]. Всеволод же, князь белзский, беглец с поля битвы, прибывает с немногими в свою крепость Белз, а галицкий князь Владимир уходит в Венгрию просить у венгерского короля Белы помощи и поддержки, как военной, так и денежной для того, чтобы вернуть себе Галицкое княжество[319] (VI. P 127–129)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1184-й

(...)

<После смерти киевского князя Ярослава Изяславича киевское княжение занимает черниговский князь Святослав. Примерно в то

же время, четырнадцатого июня, умер владимирский князь Михалко, которому во всех княжествах наследовал его брат Всеволод. Мстислав Ростиславич, намереваясь прогнать его со столов, которые ему достались, поднялся против него с ростовцами и, побежденный Всеволодом, бежал в Ростов, а потом в Новгород. Воодушевленный этой победой, Всеволод идет против князя Рязани, имея в своем сопровождении не только свои народы, но и двоих сыновей киевского князя Святослава Всеволодовича – Олега и Владимира, а также своего племянника переяславского князя Владимира Глебовича. Рязанский же князь Глеб, прибегнув к хитрости, взяв в помощь половцев, спешно пошел на Владимирскую землю, которую до такой степени жестоко разорил огнем, убийством и грабежом, что всячески грабил и оскорблял [даже] церкви, монастыри и их служителей. Когда об этом сообщают князю Всеволоду, он быстро возвращается от Рязани, сражается с Глебом и половцами и, не без больших потерь с обеих сторон, побеждает, беря в плен и рязанского князя Глеба, и его сына Романа, и брата его жены Мстислава Ростиславича, и двоих его племянников Мстислава и Ярополка, и всю его дружину. Половцев же он громит, истребляет и убивает. Впоследствии, спустя некоторое время, он приказал рязанского князя Глеба убить в темнице, а племянников его Мстислава и Ярополка ослепил, остальных отпустив на свободу.>[320] (VI. P. 134)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1185-й

Галицкий князь Мстислав своими же отравлен ядом, и венгерский король Бела, заточив в темницу изнанника Владимира, посылает на Русь своего сына Андрея, который захватывает Галицкое княжество

Едва минуло три года с тех пор, как галицкий князь Мстислав польским князем и монархом Казимиром был восстановлен во владении княжеством Руси, побежденный же Владимир – изгнан и вытеснен в Венгрию, а Мстислав стал отвратителен и ненавистен своим русским, так как он и не терпел множества их злоупотреблений, и, не доверяя своим, казался более щедрым и расположенным к польским воинам, пребывавшим при нем, чем к русским. Поэтому русская знать, в особенности те, кто держали сторону изгнанника Владимира, составляет заговор с целью его убийства. Поскольку осуществить его открытой силой они не могли, боясь подвергнуть себя опасности, ибо безопасно подойти к Мстиславу, окруженному верными телохранителями, палачам было невозможно, они губят невинного, тайно подмешав яд в питье. Изгнав польских воинов, бывших в свите Мстислава, [и] заняв галицкую крепость, они посылают в Венгрию за Владимиром, [*чтобы*] он скорее приходил и после смерти врага снова занял свое княжество. Обрадованный этим

известием, Владимир сообщает о нем венгерскому королю Беле и молит, чтобы тот, кто принял изгнанника в положении сомнительном и бедственном, держал [у себя], кормил, соизволил бы в поправившихся обстоятельствах, обещающих счастливый исход, помочь ему воинами, конями и деньгами ради возвращения княжества, ибо знает, что польский князь Казимир ему враг и строит козни; узнав о смерти Мстислава, он уже послал вместо него в Галич владимирского князя Романа. Но венгерский король Бела, посчитав, что пришло удобное время захватить Галицкую землю для себя и для Венгерского королевства, заключает изгнанника Владимира в оковы, а сына своего Андрея с конным и пешим войском направляет на Русь, приказав как можно скорее занять галицкую крепость. Русские, державшие галицкую крепость, в неведении о всем том, что делал венгерский король Бела, и не зная о пленении своего князя Владимира, с великим ликованием принимают Андрея, сына венгерского короля, как помощника в их деле и впускают в галицкую крепость, ибо он солгал, будто идет впереди Владимира. Он, легко справившись с малочисленными русскими благодаря множеству своих людей, занимает галицкую крепость и, изгнав русских, хотя и оставив некоторых, которые считались сторонниками нового порядка, берет под свою власть как крепость, так и Галицкое княжество; устроив там личную резиденцию, он осуществляет княжеский власть над галичанами. Все должности он раздает венграм, поскольку русских считает людьми двоедушными, и всем управляет через венгров, чрезвычайно остерегаясь яда, которым, как он знал, был недавно отравлен Мстислав. Русские тайком и скрытно жалуются, что их отовсюду теснят, всюду ими пренебрегают, что их погубили, плачут, что, захватив их князя Владимира, теперь и их склонили под ярмо, и за свое преступление, совершенное по отношению к Мстиславу, расплачиваются, [терпя] другое преступление[321].

(VI. P 136–137)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1186-й

(...)

В тот год случилось заметное затмение солнца, за которым последовала сильная смертельная для людей зараза, повальной болезнью унесшая множество смертных, <которая свирепствовала в польских и русских землях>[322]. (VI. P 140)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1187-й

Владимир, подкупив стражу, бежит из Венгрии и, пока пытается взять галицкую крепость, совершает набег на Польшу

и захватывает добычу, которую отбирает преследующее [его] войско Казимира

Галицкий князь Владимир почти два года терпел тягости заточения у венгерского короля Белы, бросившего его туда, осквернив закон гостеприимства, дабы тем надежнее его сыну Андрею было владеть Галицким княжеством, и понял, что устроить его выкуп будет трудно. Поэтому он прибег к хитрости, подкупил своих стражников, соблазнив их щедрыми обещаниями, и вырвался из оков и темницы, причем беглеца сопровождали, показывая ему дорогу, те самые стражники, которые дали ему ускользнуть, и прибыл на Русь. Попытавшись захватить крепость и свое Галицкое княжество, он был прогнан венграми, сильный гарнизон которых находился в крепости Галиче с королевским сыном Андреем, и стал кружить по русским землям, словно бродяга или беглец, не имея пристанища, где мог бы закрепиться. Вокруг него собралась дружина из привыкших жить разбоем или наемничеством, а также из осужденных преступников, с которой он начал нападать на окрестные русские области, грабя их. Но и Польская земля не была в безопасности от его насилия. Под праздник Успения Владычицы нашей он вторгается в Польшу, занятую сбором урожая и жатвой, подвергнув нашествию весь край по сю сторону от Перемышля, который был тогда под властью поляков, и, творя повсюду вражеское насилие, грабит или сжигает церкви, города, села, захватывает в плен благородных матрон, невест и дочерей знати, а также некоторое количество селян; эту добычу он быстро доставляет в Киев и, продав их, подкрепляет [бедственное положение] и восполняет нужду свою и своих [людей]. Польский князь и монарх Казимир не стерпел пленения и убийства своих [людей] и, дав войско краковскому палатину Николаю, прогнал Владимира, не осмелившегося нигде остановиться и сразиться, из Киевской области, а своих пленников выручил отчасти силой, отчасти выкупом и вернул им свободу. Однако ярость галицкого князя Владимира не утихала, он перебрался со своими [людьми] в непроходимые леса и горы и, пользуясь ими как убежищем, утолял терзавший его и его [людей] голод за счет грабежа соседних земель[323]. (VI. P. 141–142)

Происхождение татарского народа и каким образом он усилился

Племя и народ татар, в прежние времена миру не известые, ведут свое происхождение, отделившись от армян, с которыми они имеют общность как в сходстве внешности, так и в тождестве языка. Обитая в северных краях, близ города Корочора, в степях, не имея ни деревень, ни городов и платя дань королю Бухаму, которого звали пресвитером Иоанном, они видят, что выросли в огромный народ, [и] ставят себе собственного короля из своего рода, по име-

ни Хинхис, мужа весьма деятельного. Под его водительством они нападают на соседние земли, подчиняют их себе, а после того как на славу нового короля со всех сторон стали стекаться татары, которые служили в разных странах, они поднялись до такой дерзости, что послали послов к своему прежнему королю сватать его дочь в жены новому королю. Тот возмутился их просьбой и, желая вернуть их к привычной дани, объявил им войну, сразился, был побежден и убит ими. И с того времени народ татар начал набирать величайшую силу[324]. (VI. P. 142)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1188-й

Владимир смиренно просит [и] получает прощение у Казимира, войско которого прогоняет из Галича венгров, и [Владимир] восстанавливается на княжении

Галицкий князь Владимир не мог нигде найти безопасного пристанища из-за недавнего преступления против польского князя и монарха Казимира и Польской земли, ведь Казимир приказал разыскивать его даже в недоступных местах и логовищах, где тот скрывался, дабы казнить или схватить в должное искупление содеянного безакония. Боясь подвергнуться суду, для которого его разыскивали, он осаждает князя Казимира нижайшими просьбами через частых послов, а наконец и сам лично, когда ему гарантировали безопасность, простирается ниц, дабы тот простил его за его преступления и заблуждения и проявил милосердие и благосклонность к тому, который будет ему верным и послушным слугой и другом и искупит прежние прегрешения сугубой искренней преданностью. Казимир, тронутый смиренными мольбами, принимает Владимира, неистового врага, в друзья, легко прощая его за его великое вероломство по отношению к себе и Польше. И хотя достаточно и даже более, чем достаточно, было бы [только] простить вину, он к милосердию прибавляет еще проявление великого благодеяния. Собрав и снарядив большое войско, он поручает его верности и предводительству краковского палатина Николая [и] отправляет на Русь, чтобы восстановить изгнанника и недавнего врага своего Владимира в Галицком княжестве. Для иноземных народов этот поход послужил поводом для насмешек, ибо казалось невозможным, чтобы поляки могли лишить владения Галицким княжеством короля паннонцев Белу и его сына Андрея, у которого в то время было в изобилии оружия, воинов и всякого богатства. Да и польские бароны были недовольны этим походом, а воины неохотно шли на войну, печалясь от того, что проявляют незаслуженную враждебность к соседнему дружественному королю, а ненавистный враг не только ставится вровень с другом, но даже ему предпочитается. Итак, краковский палатин Николай с польским войском, в сопровождении

изгнанника Владимира, подойдя к Галичу, окружает осадой крепость Галич, в которой заперся сын венгерского короля Андрей с венграми. Собрав селян, он строит вокруг венцом городки и укрепления, замыкающие крепость, тщательно следя, чтобы к осажденным ничего не подвозили, ибо знал, что крепость плохо обеспечена провизией. Венгров укрепляла крепкая надежда на короля Белу; они не сомневались, что он вскорости явится с большим войском и прорвет осаду, поскольку его неоднократно просили об этом через послов. Но когда поначалу венгров стал мучить голод, а потом их сердца охватило отчаяние от опоздания помощи со стороны короля Белы, они, послав к начальнику войска краковскому палатину Николаю вестников о сдаче крепости, по этой [причине] договариваются о мире с условием, что всех выпустят без ущерба людям и имуществу. В назначенный день, сдав крепость, они уходят в Венгрию, получив от палатина Николая сопровождавших до границы, чтобы с ними не случилось никаких неприятностей. Палатин Николай, удачно завершив своей поход, крепость Галич, как ему было приказано и повелено польским монархом Казимиром, возвращает князю Владимиру, обязав его клятвой, что и сам он, и его наследники будут искренне послушны князьям Польши, вечно пребывая в их власти и подчинении, что бы с ними ни случилось. Этот поход и изгнание венгров из Галича доставили Казимиру великую славу среди русского народа, распространив повсеместно страх перед его властью; каждый славил его за то, что он сделался противником венгерского короля Белы, который схватил своего гостя и друга и лишил его княжества, а Казимир его, хотя [тот и был его] жестоким врагом, возвысил своим милосердием и восстановил в его княжестве, прогнав захватчиков[325]. (VI. P. 142–144)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1189-й

Венгерский король Бела, горюя по поводу изгнания сына из Галича, совершает вторжения в Польшу, а Казимир, в свою очередь, – в Венгрию

Тяжело переживая изгнание своего сына Андрея из крепости и княжества Галицкого, венгерский король Бела возлагает всю вину за столь горькую и страшную свою обиду на польского монарха Казимира и многочисленными жалобами усугубляет свое горе, говоря, что он претерпел великую несправедливость от польского князя Казимира, в котором он не сомневался как в друге, и был лишен крепости и княжества Галицкого вопреки человеческому и Божескому праву и вопреки союзу, который с древних времен соблюдали Венгерское и Польское королевства[326]. (VI. P. 145)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1190-й

Бесплодная попытка заключить мир между поляками и венграми на совете обеих сторон

Желая покончить с войной между Польским и Венгерским королевствами, возникшей из-за того, что польский князь Казимир восстановил галицкого князя Владимира, пока она не разрослась, все бароны и советники [обоих] королевств собираются на границе королевств и ведут между собой долгие споры, причем каждая из сторон считала свое дело более правым. Венгры жаловались, что они и их король Бела были лишены владения Галицким княжеством, добытым оружием, поляки, напротив, возражали, что Галицкая земля и прочие русские [земли] принадлежали им, будучи обязаны данью и подчинением[327] *(Договориться смогли лишь о перемирии на три года с твердым условием, что потом переговоры возобновятся.)*

(VI. P 147)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1191-й

Поляки, недовольные восстановлением Владимира в Галиче, во время пребывания Казимира на Руси возвращают монархию Мечиславу, который занимает все крепости, кроме краковской; услышав об этом, Казимир спешно приходит и все отбирает назад, а захваченного сына Мечислава, одарив подарками, отпускает, откуда видно, что Казимир был верен брату и до самой смерти горячо его любил

Никому из польских баронов не было по душе осуществленное, как мы уже сказали выше, два года назад польским князем и монархом Казимиром восстановление на Галицком княжестве галицкого князя Владимира, ранее терзавшего польские пределы вражескими набегами, и в тайных разговорах и беседах они часто подвергали это восстановление насмешкам: человека достойного смерти [Казимир] не только [*не*] подверг какому-либо наказанию, но даже возвысил почестями и достоинством – дело, [которое] послужит опасным примером и в конце концов обернется для них погибелью, ведь из-за такой безнаказанности остальные князья Руси загорятся желанием разорять Польшу, и такое опустошение будет шириться из-за столь неумеренной мягкости. Вследствие того что все польские бароны, главнейших из которых насчитывалось семьдесят, были возмущены и оскорблены таким делом, против князя Казимира начинает мало-помалу зреть заговор, который в конце концов клонится к открытому восстанию. Возненавидев по причине упомянутого беззакония владычество Казимира, они решают восстановить в Краковском княжестве и монархии великопольского князя Мечи-

слава Старого, когда-то ими изгнанного, который и сам всеми способами добивался своего восстановления, и договариваются о времени [восстания]. В ту пору князь Казимир удалился в русские края, чтобы уладить некие дела между князьями Романом Владимирским и Всеволодом Белзским, спорившими по поводу границы между княжествами. Краковские бароны, сочтя это время наилучшим для исполнения [своих] намерений, извещают через послов и письмами Мечислава Старого; а чтобы, сверх того, тем легче склонить сердца знати, горожан и простого народа к восстановлению Мечислава Старого, они выдумывают, будто князь Казимир в русских краях погиб, отравленный ядом. *(Мешко овладевает Краковом, за исключением замка, и тогда строит в городе собственный замок.)* А польский князь и монарх Казимир, узнав о такой новости, немедленно прибывает в Краков с немногими поляками и с князьями Романом Владимирским и Всеволодом Белзским, <а также с краковским палатином Николаем>. Получив известие о его прибытии, Мечислав Старый бежит в Познань, оставив, однако, в краковской крепости, которую только что построил, и в других крепостях и укреплениях сына Болеслава и воина Генриха Кетлича, который постоянными уговорами и внушил ему мысль о возвращении монархии, а также сильный и многочисленный воинский гарнизон. *(Казимир отпускает сдавшегося Болеслава и воинов Мéшка Старого.)* Только Генрих Кетлич, советами которого, как было известно, руководился Мечислав Старый и был подвигнут на возвращение [себе] монархии <и который стал> причиной <всего> гражданского раздора между братьями, <сознавая свое преступление>, бежал <в большую> церковь, <а именно в ее крипту,> и в этом углу надеясь<...>[p], <где и прятался. А когда ворвались русские и начали толпиться у стен церкви, страстно желая [*разграбить*] имущество и [*сокровища*] церкви и все убранство, священники и церковные служители, да и весь польский люд подняли крик, [обращаясь] к князю Казимиру и моля его заступиться, чтобы он защитил Краковскую церковь от вторжения русских и расхищения. Тот, приблизившись, утихомирил русских и строго запретил им грабить церковное имущество. Между тем Генрих Кетлич, услышав из крипты шум, вышел и, неузнанный, смешался с толпой, пытаясь и надеясь бежать из крепости. Когда сделать это ему не удалось, его хватают и приводят к князю Казимиру. Тот, выбранив его и надавав ему пощечин, отдает его в плен князю Роману и, дабы он не был более сеятелем вражды между братьями,> отправляет его в изгнание на Русь, где он в старости и умирает. Князей Романа Владимирского и Всеволода Белзского с русскими войсками, которые оказали ему помощь, он отпускает на Русь[328]. (VI. P. 148–151)

(...)

---

[p] (Здесь в латинском оригинале явно пропущено несколько слов. – *Ред.*)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1193-й

Поляки приходят к вечному согласию с венграми, и король Бела и князь Казимир, встретившись, скрепляют мир

(Покорив пруссов, Казимир намерен уладить венгерские дела на переговорах советников с обеих сторон.) На них со стороны Польского королевства прибыли краковский епископ Фулькон, краковский палатин Николай и другие польские советники, а со стороны Венгерского королевства – епископы эстергомский и эгерский с венгерским палатином и некоторыми другими баронами. После долгих обсуждений смятенные души усмиряются, и они решают, что венгерский король Бела, довольствуясь своим обширнейшим Венгерским королевством, согласится, чтобы русские земли принадлежали Польскому королевству[329]. *(Затем на личной встрече Белы и Казимира договор скрепляется клятвой, и восстанавливается вечный мир между Венгрией и Польшей.)* (VI. P. 154)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1194-й

(...)

<Князья Руси, собравшись на съезд в Киеве, назначают поход против половцев, которые постоянными набегами разоряли эти земли. Как только настало лето, киевский князь Святослав Всеволодович, князья Рюрик Ростиславич, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Владимир Глебович, Мстислав Романович, Изяслав Давидович и Всеволод Мстиславич, а также галицкие, владимирские и луцкие воины, присланные владимирским князем Романом, приходят в Половецкую землю и, после того как половцы вышли против них в великом и крепком множестве, двадцатого июня сражаются с половцами, похвалявшимися своей силой, и рукой Господней поражают и повергают их в большой битве; многие были убиты или взяты в плен, а бегством спаслись немногие; захватив их лагерь и кибитки, нагруженные добычей и трофеями, [русские] возвращаются с победой и славой.>[330] (VI. P. 158–159)

(...)

<Князь Руси Игорь, желая себе такой же и еще большей славы, чем ранее снискали князья Руси, разорив половцев, идет на половцев с двумя сыновьями и новгородцами северскими и со своим братом Всеволодом Ольговичем (так! – *Ред.*) и черниговскими воинами. Хотя они [русские] уже поразили их [половцев] в большом количестве, но, не довольствуясь одной-единственной победой, решили идти за Дон, дабы уничтожить весь народ половецкий и приобрести славу тем большую, чем дальше проляжет их путь, которым до них никто не осмеливался и не пытался [ходить]. Между тем по-

ловцы, в огромном множестве выйдя против них к Дону, поразили и уничтожили всех, не дав уцелеть в этой сече никому. Затем они вторгаются в русские земли под Переяславлем и захватывают все крепости по реке Суле.>[331] (VI. P 159)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1195-й

(...)

Краковские воины, прослышав о силе Мечислава, собирают вместе с русскими мощное войско и поражают Мечислава и его войско; из этой войны обе стороны выходят побежденными, ибо раненый Мечислав бежит, а сандомирский палатин Говорек попадает в плен

Краковские бароны и воины хорошо знали, с каким тщанием и рвением готовится великопольский князь Мечислав Старый к будущей войне с ними, какие готовит запасы, какое, наконец, войско, и сами собирают полки из княжеств Краковского, Сандомирского, Люблинского, Мазовецкого, Куявского, Брестского, расположенного на Буге, и из других краев Руси, которые подчинялись Казимиру, пока он был жив; кроме того, они зовут на помощь себе владимирского князя Романа <Мстиславича>, родственника сыновей Казимира, обязанного Казимиру многими благодениями. С тремя полками, из которых один вел краковский палатин Николай, другой – сандомирский палатин Говорек, третий – Роман, князь владимирский, или луцкий, они выступают навстречу великопольскому князю Мечиславу Старому и его союзникам, чтобы воспрепятствовать опустошению полей и сел, которые Мечислав уже приказал сжечь. Мечислав Старый со своим только войском уже дошел до Андреевского монастыря и города, расположенного в Краковском диоцезе, разбив лагерь у реки Мозгава, протекающей в <четырех> милях от названного монастыря, когда узнал, что подошло вражеское войско краковских воинов. В этом-то месте оба войска, изготовившись, сходятся. Краковские воины, зная, что к Мечиславу еще не подошли [призванные] на помощь князья, для того чтобы не сражаться со всеми одновременно, нападают на полк Мечислава, надеясь на легкую победу; левое крыло держал князь Роман, правое – краковский палатин Николай, а сандомирский палатин Говорек был оставлен в резерве. Сражение затянулось до вечера, хотя началось в третьи [вигилии], и велось с удивительным боевым пылом с обеих сторон. *(Бьются родственники и близкие; гибнет Болеслав, сын Мéшка Старого; сам Мешко ранен и бежит.)* Да и владимирский князь Роман <Мстиславич>, многократно раненый в грудь, видя, что его русские частью полегли, частью обращены в бегство, и сам выходит из битвы, чтобы избежать опасности. *(Битва кончается большими потерями для обеих сторон.)* (VI. P. 161–163)

(...)

Епископ Фулькон, узнав о произошедшей битве, зовет назад своего брата Николая, преследующего Мечислава, и заботится о защите краковской крепости

Краковский епископ Фулькон, волнуясь об исходе предстоявшей битвы, находился в селе <своем Дзержашне> на расстоянии двух миль от места сражения и, пребывая между надеждой и страхом, слезными молитвами молился о победе для своих. Между тем прибывает кто-то из бежавших с [поля] битвы и на жадные расспросы епископа об исходе битвы отвечает, что в страшной сече краковяне, сандомирцы и владимирский князь Роман со своими войсками разбиты великопольским князем Мечиславом Старым и что как палатины, так и Роман с лучшими [воинами] пали в бою, а князь Мечислав, увенчанный преславным триумфом, с грузом добычи и стягами побежденных им врагов быстрым маршем спешит занять Краков. Не успел он еще закончить своей речи, как явился другой, а потом еще и еще, [каждый] рассказывая различно о случившемся. Жаждая узнать, где же правда, епископ Фулькон [*посылает*] на место сражения одного из своих священников, переодев его, разведать в подробностях, что и каким порядком случилось и какая судьба постигла палатинов краковского и сандомирского и князя Романа, веля ему быть ловким, дотошным и осторожным. Тот, идучи пешком, до захода солнца прибыл на место сражения и, расспросив и разузнав правду от тех, кто были еще наполовину живы, и от тех, кто собирал трофеи с умерших или испускавших дух, вернувшись к своему предстоятелю Фулькону, излагает все случившееся по порядку, докладывая, что великопольский князь Мечислав Старый и из-за гибели своего сына Болеслава, и из-за раны ушел как бы побежденным, что сандомирский палатин Говорек разбит и пленен опольским князем Мечиславом и его войском, которое пришло позже, что раненый князь Роман <Мстиславич> ушел на Русь, остальные разошлись по разным местам, как пришлось. И епископ Фулькон, повергнутый в глубокую печаль, заботясь о [князьях-]сиротах и отчизне, следующей ночью догоняет князя Романа и настойчиво просит его вернуться с остатками [войска], которые были с ним, в Краков, чтобы защитить крепость и княжеских сыновей от ярости Мечислава Старого, который, как он [Фулькон] полагал, пополнив войско, вернется занять Краков. Но князь Роман отвечает, что ему мешают две причины: и недостаток войска, которое либо погибло в битве, либо растеклось, и полученные раны, которые были воспалены. На вопрос же епископа, <как он думает,> что <необходимо и лучше всего> предпринять в столь опасный момент для безопасности родины, тот отвечает, что следует всячески позаботиться о столице и обезопасить Краков, главу и первый [город] всех земель, от вражеского нашествия; если он будет цел и в безопасно-

сти, все остальное обойдется[332]. *(Фулькон следует совету и возвращает палатина Николая, который хотел преследовать Мéшка, для защиты Кракова.)* (VI. P. 164–165)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1198-й

Умирает галицкий князь Владимир, и польский князь Лестко Белый, победив князя Романа (так! – **Ред.***), овладевает Галицким княжеством*

Умирает галицкий князь Владимир, восстановленный в Галицком княжестве, из которого был изгнан паннонцами, благодаря благодеянию и поддержке прежнего польского князя и монарха Казимира. Поскольку он не оставил наследника, возникли большая смута и раздор между краковскими князьями Лестком и Конрадом, а также их опекунами, краковскими воинами, с одной [*стороны*], и русскими и князьями Руси – [*с другой*]. Следовало полагать, что согласно праву и справедливости, а сверх того, в силу союза, заключенного Владимиром с князем Казимиром при восстановлении [в Галиче], Галицкое княжество отойдет к Польскому королевству и к сыновьям Казимира, о чем были в свое время приведены к присяге и галицкие воины. Но [дело] выглядело [так, что] домогательства многих русских князей, требовавших дать названное княжество им в лен, приведут ко многим беспорядкам и мятежам. Дабы пресечь их, пока они не распространились широко, сочли за благо послать в Галич краковского палатина Николая с конным и пешим [войском], который позаботился бы о положении дел в пустующем княжестве и устроил бы так, чтобы оно могло быть присоединено к Польскому королевству в виде провинции. Князь Лестко тут же расплакался и, нежно обнимая сначала опекунов, а потом каждого из советников, просил, чтобы его не оставляли, а взяли с собой в этот поход. Но так как и его мать княгиня <Елена>, и советники возражали и убеждали, что ему безопаснее пока оставаться во дворце, он сказал: “Что толку, если бессловесные и лишенные всякого рассуждения стяги пойдут с вами, а я, ваш будущий князь, останусь? Умоляю, возьмите меня, чтобы я набирался смелости, общаясь со смелыми мужами, ибо мне противно и стыдно оставаться долее в окружении женщин. И если не послушаетесь, я пойду вслед за вами, пусть даже и с одним-единственным только спутником” Этими и другими словами, в которых проявились его будущие дарования [и] которые явно свидетельствовали о его княжеском характере, он добился от советников, чтобы его взяли. Итак, когда он в сопровождении большого числа воинов прибыл в галицкие пределы, галицкая знать выходит ему навстречу и с честью и поклоном принимает его как своего законного господина. Первым делом они умоляют его, чтобы он сам управлял ими, сам распоряжался и правил в Галицком княжестве, заявляют, что они не

примут власти других князей Руси и скорее умрут честной смертью. Лестко, похвалив и обласкав их, приказывает идти впереди [своего войска]. Они же, оскорбленные на Лестка и его опекунов за то, что он, как они узнали по слухам, намерен посадить [*у них*] князем и правителем владимирского князя Романа <Мстиславича>, берутся за оружие и заступают Лестку путь как врагу. Но когда их передовые отряды без труда были разбиты [и] обращены в бегство, а остальные, в которых находилось бесчисленное множество пешцев, пораженные страхом разбежались, и Лестко поспешил к Галичу, чтобы овладеть крепостью, галичане высылают вестников, просят и получают прощение, открывают ворота Лестку и обещают исполнить все, что он ни прикажет. (VI. P. 168–169)

Владимирский князь Роман, племянник умершего, получает от Лестка Белого Галицкое княжество ко всеобщей скорби галичан

После того как польские князь Лестко вполне овладел и крепостью, и княжеством галицкими, тогда только дело дошло до острого соперничества между князьями Руси, претендовавшими на Галицкое княжество, и после долгих споров, вспыхнувших между ними, [и] после того как остальные отказались от [своего] намерения, только один Роман <Мстиславич>, родной <племянник> (так! *Ред.*) покойного галицкого князя Владимира, требовал отдать ему Галицкое княжество, [приводя] различные доводы и соображения. Он-то и заставил остальных князей Руси отказаться от притязаний на Галицкое княжество, кого – просьбами и уговорами, кого – страхом. И в отношении польского князя Лестка и его советников он, испрашивая названное Галицкое княжество, прибегал к разнообразным хитростям, ежедневно подводя под свою просьбу новые подпорки. Он доказывал, что будет несправедливо, если наследство его родного <дяди> перейдет к кому-либо, кроме него, усилив его скорбь от смерти <дяди>; что, помимо этого, никто из князей в такой степени, как он, не заслужил по справедливости такого благодеяния, о чем свидетельствуют его заслуги перед польским князем Лестком, недавние раны, полученные при Мозгаве, и множество его воинов, там погибших. К этим доводам он прибавлял и угрозы, восклицая, что оружием и всяческой враждой отомстит за свою обиду, если его не допустят к Галицкому княжению и наследству <дяди>. Решение этого дела оказалось для польского князя Лестка и его советников трудным, затянувшись на много дней, в течение которых князь Роман, поведя себя сдержаннее, просил отдать ему Галицкое княжество не в полное, а во временное владение, не в собственность и [с правом] титула, а в управление как попечителю. Не было никого из польских советников, кому было бы по душе отдать столь изобильное княжество Роману, который и без того был бога-

тым и могущественным на Руси, дабы тот не возгордился и не стал строптивым, превратившись из подданного в жестокого врага; ведь присоединение этого княжества, полезного и крайне нужного, к Польскому королевству принесло бы многие выгоды. Кроме того, на них влияли жалобные мольбы галицких баронов и воинов, которые боялись быть отданными под власть коварного и лицемерного князя с его всевозможным тиранством, что падет на них. Они обещали также польскому князю Лестку, если их, превратив в провинцию [Польши], не отдадут Роману, платить ежегодно определенное количество золота, серебра, драгоценных камней, одежд, коней, быков и вьючных животных. Это привлекало князя Лестка и польских советников, однако с учетом будущей войны с Романом, если придется отклонить его просьбы, и ввиду враждебной угрозы со стороны великопольского князя Мечислава Старого, князь Лестко и польские советники, дабы не оказаться теснимыми и спереди, и с тыла, предпочли пренебречь собственными выгодами и просьбами остальных князей Руси и галицких воинов и отдать Галицкое княжество владимирскому князю Роману, рассчитывая, что он будет им верным подданным. Тогда они вручают ему в лен и передают во владение названное княжество, не без горестных мучений со стороны галичан, предвидевших для себя многие беды. Роман приносит клят-венную присягу блюсти верность, покорность и послушание польскому князю Лестку, а также справедливость и правду по отношению к галицким воинам и подданным. Устроив таким образом галиц-кие дела, князь Лестко со своим войском вернулся в Краков[333]. (VI. Р 169–171)

(...)

<Умирает главный из князей Руси, киевский князь Святослав, и погребается в церкви святого Кирилла, которую построил его отец, князь черниговский. После его смерти у киевлян стал княжить князь Рюрик Ростиславич, но когда спустя некоторое время он был изгнан киевлянами, то бежал к половцам.>[334] (VI. P. 173)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1199-й

Галицкий князь Роман за короткое время погубляет своим тиранством всю галицкую знать, наводя страх на соседей

Получив Галицкую провинцию благодаря благосклонности, доброте и щедрости польского князя Лестка Белого, владимирский князь Роман поначалу с галичанами был ласков, [но] вскоре сделался суров и жесток до крайности; недолго продержалось, оказавшись непрочным, его обещание, данное польскому князю Лестку, управлять Галицким княжеством по праву и справедливости. Поправ

клятву и договор, он призывает к себе и хватает первых из галичан, ничего дурного от него не ожидавших, из которых кого публично казнит мечом, кого закапывает и засыпает песком, кого на глазах у всех разрывает на части, с кого сдирает кожу, у кого вырывает внутренности, многих, привязав наподобие мишени к столбу, расстреливает стрелами и умерщвляет разными [другими] казнями. Родные, близкие и сыновья убитых воинов и почти вся знать, потрясенные столь ужасной жестокостью, бежали в соседние земли, возлагая в своих стенаниях и жалобах всю вину на польского князя Лестка и поляков, что поставили над ними столь лютого князя, не имеющего, кроме человеческого облика, ничего человеческого. Тогда Роман, употребив свою хитрость, преувеличенными ласками и обещаниями снова призывает их и, продержав недолго в чести и милости, в конце концов убивает, подвергнув различным пыткам. Он истребляет и уничтожает своим тиранством почти всю галицкую знать, имея обыкновение, в оправдание своих преступлений, употреблять пословицу, ставшую [для него] своего рода торжественным оракулом небес: "Никто не сможет спокойно насладиться медом, если сначала не пригнетет пчелиный рой" Своей свирепостью и тиранством он навел не только на своих, но и на соседей такой страх, снискал себе за короткое время такую славу и власть, что с легкостью повелевал всеми русскими областями и все князья Руси были его данниками и подданными. Это часто удручало поляков, не обернулось бы дело к их погибели, <[но] они чаще всего молчали, опасаясь, чтобы угроза тирании Романа когда-нибудь не пала и на них>[335]. (VI. P. 173–174)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1200-й

(...)

Греческий город Константинополь, в котором тогда правил Аскарий, захватывают венецианцы и франки. Долгое время в его захват не верили, потому что существовало пророчество, что его не сможет взять никто, кроме ангела; но когда враги вошли в город через стену, на которой был изображен ангел – тогда только обнаружились истинный смысл предсказания и сходство [с ним] заблуждения. Аскарий же, константинопольский император, после взятия города перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галацию, или Галицкую землю, которая является частью Руси, до сих пор состоящей под Польским королевством, и, <будучи милостиво и благосклонно встречен, принят и размещен князем Руси Романом, некоторое время пребывал там>[336]. (VI. P. 177)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1201-й

(...)

Умирает вроцлавский князь Болеслав Высокий, оставив наследником Генриха Бородатого, супруга святой Ядвиги

(Умирает вроцлавский епископ Ярослав, сын вроцлавского князя Болеслава Высокого.) И через несколько дней, последовав за своим сыном, епископом Ярославом, <в восьмые иды декабря> умирает вроцлавский князь Болеслав Высокий и погребается в монастыре Любёнж. У него было двое жен, а именно русская Вячеслава и Адельхейда, сестра императрицы, супруги императора Конрада Второго. От Вячеславы он родил вроцлавского епископа Ярослава, Болеслава и дочь по имени Альгу, а от Адлейды родил Генриха, по прозвищу Бородатый, Конрада, <Иоанна> и дочь Адельхейду, которая была выдана замуж за моравского маркграфа Дипольда. Но так как все сыновья Болеслава Высокого безвременно умерли <и похоронены в монастыре Любёнж>, остался один Генрих Бородатый, наследовавший отцу на вроцлавском княжении и в других владениях[337] (VI. P 180)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1202-й

(...)

Рюрик Ростиславич, горько переживая свое изгнание из Киевского княжества, получив в немалом количестве поддержку половцев, к которым бежал, сопровождаемый также сыновьями Олега, подходит к Киеву и, поскольку никто не осмеливался стать против него и защитить киевскую крепость, второго января захватывает киевскую крепость. Свирепое множество варваров-половцев терзает город всевозможными мучительствами [и] жестокими грабежами, бесчинствуя даже во всех церквах, монастырях и зданиях, посвященных Богу, и против Его служителей, ограбив митрополичью церковь святой Софии и все прочие. После того как были частью перебиты, частью ослеплены все старики и больные, они увели в плен в свою землю священников, монахов, монахинь, всех киевских бояр, горожан и весь народ с женами, детьми и грудными младенцами. В это время половцами были пленены Мстислав Владимирович, а также князь Ростислав и его дружина. Совершив такие злодеяния, Рюрик сел на киевском столе, запустелом и почти безлюдном[338].

(VI. P. 184–185)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1204-й

Галицкий князь Роман отказывает в дани Лестку Белому, объявляет себя его врагом и вторгается в его земли;

после того как он совершает несколько набегов, Лестко наносит ему поражение

Отказ и уступка Краковского княжества, на которые Лестко Белый вдруг решился скорее по беспечности, нежели обдуманно, вопреки всем своим первым советникам, поначалу казались ему делом неважным и незначительным, [однако] с течением времени это не просто уменьшило его славу и величие, но и воздвигло и подняло на него врагов и завистников. Так, владимирский князь Роман, который с благосклонного позволения Лестка получил еще и Галицкое княжество, узнав, что тот лишился Краковского княжества и монархии и ограничился только Сандомирским, Люблинским, Мазовецким и Куявским княжествами, начал выказывать к нему пренебрежение как из-за уменьшения владений, так и за легкомыслие, не достигшее еще мужского возраста и подходящее для [нанесения ему] всяческих обид. Взбунтовавшись, он отказывает в дани, которую до тех пор платил, и объявляет себя не вассалом и не подданным, а жестоким врагом Лестка и его княжеств; так, он отнимает все добро у польских купцов в своих землях, запрещая им впредь торговать со своими подданными. К тому же он сначала тайно, а вскоре и открыто совершает наезды, тревожа соседние ему Люблинскую и Сандомирскую земли, во многих местах для нападений на земли Лестка он размещает гарнизоны из большого количества воинов. Некоторое время князь Лестко терпел эти жестокие обиды и, отправив послов к Роману, убеждал его образумиться, полагая, что доброжелательством излечит его буйство скорее, чем ответной враждебностью. Но так как Роман, от слов и посольств <Лестка> скорее распалившись, нежели утихнув, не дал мирного ответа, Лестко прибег к сдерживающим мерам и, установив сменные караулы, поразил русских, неосторожно продвинушихся далеко и разошедшихся для грабежа, в нескольких удачных схватках, скоро укротив их заносчивость[339] (VI. P. 191–192)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1205-й

Владимирский князь Роман с мощнейшим войском со всей Руси доходит до Завихоста, где терпит сокрушительное поражение от князей Лестка и Конрада и убит к великой славе поляков

Князь владимирский и галицкий Роман Мстиславич, родной племянник покойного краковского и сандомирского князя Конрада через сестру [последнего], не довольствуясь отдельными легкими набегами, которыми до сих пор тревожил польские края, дошел до такого безрассудства, что не постеснялся начать большую войну против князей Лестка и Конрада, своих господ, которым ранее клятвен-

но обязался хранить верность и послушание, и вторгся в их княжества. Огромные средства, приобретенные тиранством, подчинение почти всей Руси, стянутые из этой Руси конные и пешие войска, Польская держава, разодранная, разрозненная и расчлененная на множество княжеств, раскол и раздоры между первыми людьми королевства, наконец несовершеннолетие самих князей Лестка и Конрада, – [все это] активно подталкивало к началу войны и без того высокомерную и жестокую душу Романа. Добавим и резкий ответ, данный его посольству Лестком и Конрадом. Он ведь требовал и настаивал возместить ему убытки и затраты, понесенные в сражении в Суходоле против Мечислава Старого, <передать, уступить и отписать ему в вечное владение весь Люблинский край>; ему ответили, что как беглец и дезертир он ничего не заслужил. Разгневавшись от такого ответа еще больше, он вторгся в Польшу с большим войском. Однако прежде чем, собрав воедино все войска и полки, выйти за пределы Руси, Роман Мстиславич посылает особых послов с дарами к владимирскому епископу своего схизматического обряда с просьбой дать ему святительское благословение на поход в Польшу и ее опустошение в течение трех лет, дабы тем удачнее вести войну и вернуться с вражескими трофеями. Владимирский же епископ, презрев присланные дары, послам, также настоятельно добивавшимся благословения, отвечает, что не благословит князя Романа, который затевает неправедные войны и начинает против поляков войну не только не справедливую, а и заслуживающую проклятия, ибо поляки не раз считали необходимым сражаться за русских с варварскими народами, подвергая свои жизни смертельной опасности. Князь Роман, чрезвычайно разгневанный таким ответом, передает владимирскому епископу, что как только он вернется с польской войны, то отомстит за это оскорбление и отрубит епископу голову. Но владимирский епископ, пренебрегая его угрозами, ответствует, что пугать его напрасно, ибо ради правды он не побоится и смерти, да и неизвестно, вернется ли Роман с нечестивой войны. Величие веры, которое было бы достойно удивления даже в католическом епископе. Итак, собрав из конных и пеших воинов огромнейшее, многочисленное войско, князь Руси Роман ранним летом спустился в польские земли [и] первым делом вторгся в соседнюю ему Люблинскую область, окружив осадой люблинскую крепость, которую удерживал гарнизон польских воинов. Целый месяц он не жалеет многих попыток и усилий, чтобы овладеть ею, так как поляки стойко защищались. <Взятых в плен знатных женщин, жен и дочерей воинов он велит держать, как скотину, за какой-то изгородью, разрешая своим русским бесстыдно обращаться с ними.> Между тем по приказу князей Лестка и Конрада из Сандомирской, Мазовецкой и Куявской провинций к Сандомиру стекается большое войско, набранное не только из воинов, но и из селян, которое пополнили также воины-добровольцы из Краковского княжества. Роман, узнав от

разведчиков, что Лестко и Конрад, собрав войска, находятся во всеоружии, снял осаду с Люблина, потому что видел ее безуспешность, и двинулся во внутренние области Польши, все подвергая грабежу и пожару; <и грозится не только разорить Польское королевство, но и истребить божественную отрасль латинян. Тогда посылают краковского епископа Фулькона с плоцким епископом Витом и несколькими баронами, чтобы смягчить его ярость и переговорить о мире, обещая справедливое возмещение, если поляки в чем-то погрешили против союзного договора. А он, замышляя коварство, обещает мир, отправляет назад обманутых послов и начинает продвигаться дальше. Захватив неких клириков, он приказал осыпать их стрелами, чтобы выпытать у них правду о том, где скрывается Лестко с войском>. Подойдя к реке Висле, он переправляется через нее частично на кораблях и лодках, частично по бродам, найденным в нескольких местах, поскольку от летнего зноя воды ее спали, и разбивает лагерь под городом Завихостом. Расположившемуся там князю его разведчики то и дело доносят о приближении поляков. Хотя он смеялся над этими донесениями, слова разведчиков подтверждают воины, которых он отправил в дозоры. И несмотря на то что Роман не поверил и им, утверждая, что поляки ни в коем случае не станут с ним биться, девятнадцатого июня, в день, посвященный [памяти о] мученичестве святых Гервазия и Протасия, на восходе солнца подходят князья Лестко и Конрад с польским войском <под предводительством мазовецкого палатина Христина> и, готовые к битве, строят полки. Роман, из надменного превратившись в испуганного, едва [успев] из-за нехватки времени под стрелами наседавших и теснивших его польских лучников приказать развернуть передовые полки, и сам выводит свое войско, скорее беспорядочное, чем в положенном строю, и, вступив в битву, сражается. Оба войска, подняв страшный крик, с копьями наперевес сшиблись и поначалу сражались с равным успехом. Поляков в битве поддерживало справедливое негодование, что их вассал, которому не нанесли никакой обиды, сам объявил им войну, русских – память о свободе и сам князь, подбадривавший каждого. Польские князья Лестко и Конрад, хотя и были при войске, но не имея возможности участвовать в битве по возрасту, неподалеку от места сражения ожидали исхода дела, пребывая между надеждой и страхом, готовые скрыться со своей охраной в надежное место, если победа достанется врагу. Между тем, когда в яростной битве первые ряды русских были смяты и разбиты поляками, положение поляков стало более препочтительным, чем русских. Но вследствие великой многочисленности и того, что Роман вместо павших и раненых подводил свежих [воинов], сражение, во многих местах было утихшее, возобновляется благодаря предусмотрительности и заботам Романа. Поляки, разгневанные не на русских, а на вероломного предателя и дезертира князя Романа, единодушно жаждут убить его и, сплотившись, приближаются и нападают

на Романа, сражающегося в первых рядах и узнаваемого благодаря инсигниям. <*Глазам князя*> Романа <*явилась вся тяжесть [положения]: весь отряд, который окружал и до сих пор мужественно защищал его, был истреблен поляками, самые деятельные и храбрые защитники погибли на глазах князя и, падая друг на друга, мешали бегству и князя Романа, и других русских. Видя себя перед угрозой крайней опасности, – даже конь, на котором он сидел, после многих ран от копий старался сбросить его – Роман прорвался через гущу сражавшихся и достиг Вислы, где конь пал, покинув князя. Там он столкнулся с еще большей опасностью: как переправиться через реку, чтобы выскользнуть из рук* [врагов]*? Наконец его люди привели ему, как рассказывают, изможденную клячу, на которой он с трудом переправился через реку, а животное, с помощью которого переплыл реку, благодарил за свое спасение, словно мать родную. Затем он смешался с толпой своих бегущих воинов и был среди беспорядочной толчеи убит поляками, которые преследовали бегущих и посчитали его рядовым воином. Когда воины и люди князя Романа, которые ускользнули от смертельной опасности, переплыв Вислу, сгрудились и стеснились на другом берегу Вислы, поджидая, не спасутся ли и другие их товарищи, береговая почва, истоптанная копытами коней и не выдержав груза* [тяжести] *стоявших на ней, расселась сверху донизу и обрушилась, поглотив множество врагов, стремглав падавших в Вислу. Вся слава триумфа над русскими безо всяких возражений была отдана комиту Христину, палатину плоцкому, который как предводитель войска своим искусством и стойкостью решил исход сражения.*> Видя <...>, русские, давно бы уже склонившиеся к бегству, если бы только не мешал Роман, обращают спины и не глядя, в отчаянии, как придется, бросаются в реку Вислу, неподалеку от которой и происходила битва, и, поглощаемые водной пучиной, тонут толпами, давя друг друга. <Многие оказались засыпаны, когда обрушился истоптанный копытами коней берег Вислы, к которому они вплавь, спасаясь, устремились.> Немногие, которых спасло умение плавать или сила выносливых коней, переплыли, но и они по большей части были порублены или взяты в плен польскими воинами, преследовавшими их ночью и днем вплоть до самого Владимира, [а] некоторые – селянами, когда они блуждали по лесами или искали убежища в селах, так что из этого могущественнейшего и многочисленнейшего войска Романа уцелели, как известно, совсем немногие, которые и сообщили своим о столь сокрушительном поражении. По берегам Вислы громоздились горы трупов, поскольку русским, которые медлили здесь, [не решаясь] довериться водному потоку, была устроена сеча даже большая, чем заслуживало их число, так что река Висла, окрасившись человеческой кровью, некоторое время примешивала красный поток к природному, свидетельствуя зрителю о размерах сечи. Наконец, многие захлебнулись, не умея плавать, под тяжестью ору-

жия или по преклонности лет. Поляки, овладев лагерем и трофеями русских, неимоверно обогатились и возвеличились нейденным там изобильнейшим богатством, золотыми и серебряными чеканными сосудами, одеждами, конями, оружием. А победа эта стала столь славной и знаменитой, что о ней постоянно говорили у соседних племен и народов. Поляки, которые что-то получили от нее, которых она вознесла славой, богатством или честью, не переставали рассказывать о ней и ее событиях в различных песнях; мы и по сей день слышим, как их нараспев исполняют в театрах. Тело князя Романа, которое по приказу князя Лестка уже было погребено в Сандомире, было выкопано и, ценой свободы всех взятых в плен поляков, выкуплено у князя Лестка русской знатью за тысячу марок серебра и перевезено для погребения во Владимир. Польские князья Лестко и Конрад, отнеся всю победу на счет Божией милости и помощи святых, особеннно тех, в день которых произошло сражение, воздвигают в Краковской церкви престол святым Гервазию и Протасию и одаряют его щедрейшими вкладами. С течением времени у него, как известно, их поотнимали до такой степени, что от столь богатого имения остались разве что каменная <...> на Посольской площади, да и то заброшенная и разрушенная дождями, и место на задворках домов каноников. Поражение князя Романа и его войска нанесло такой урон русской знати и народу, настолько унизило их, что впредь они не осмеливались беспокоить польские земли. Владимирскому епископу оно доставило среди своих русских величайшую похвалу; он стал весьма известен благодаря славе и молве, будто, предвидя будущее, предсказал князю Роману поражение. Говорят, в ночь перед битвой Роману приснился сон, будто небольшая стайка птичек с красной головкой, которых мы называем sczygelky (т.е. щеголками. – *Ред.*), прилетевших с той стороны, где расположен Сандомир, поглотила огромное число воробьев. Когда утром он рассказал об этом друзьям, то большинство молодых сочло это добрым знаком, а рассудительные старики доказывали, что сон зловещий, предвещая полякам исход успешный, а русским – несчастный и бедственный[340].
(VI. P. 192–197)

Князья Руси сокрушают половцев

Князья Руси, скорбя из-за того, что жестокое разорение, которое они и их земли претерпели от половцев, до сих пор остается для тех безнаказанным, решают назначить поход против половцев. И вот в подходящее время, собрав свои конные и пешие войска, князья Руси выступают против половцев, а именно Рюрик Киевский, Ярослав Переяславский, сын Всеволода Великого, Роман Мстиславич Галицкий и Владимирский и Ростислав Мстиславич. Напав на кибитки, которые сами они чаще именуют собственным привычным словом башни, то есть wyesze (вежи. – *Ред.*), захва-

тывают огромные толпы народу обоего пола, перебив стариков, и большую добычу, верблюдов и крупный и мелкий скот, и уводят на Русь, но более всего [возвращают] русских пленников. Нагруженные добычей и трофеями, не <столкнувшись> ни с какими-либо препятствиями, ни с каким-либо сопротивлением, они, как на крыльях, возвращаются на Русь, отчего в русских землях воцаряется великое ликование. А поскольку половцев для разорения Руси нанял киевский князь Рюрик, как раз и бывший виновником всех бед, которые претерпела Русская земля, то когда они вернулись из Половецкой земли, он, по просьбе и с одобрения других, был схвачен галицким и владимирским князем Романом Мстиславичем. Тот приводит его в оковах в Киев, постригает его в монахи, а его жену – в монахини, дочерей его оставив на свободе, а сыновей Ростислава и Владимира схватив и пленниками отведя в Галич[341]. (VI. P. 197)

Первые слухи об имени литовцев

Примерно в то же время литовцы, собравшись в большом количестве, приходят на Русь; против них выступают князья Ольговичи и сражаются с ними. И хотя пало много русских, но литовцы оказались разбиты совершенно, почти все были либо пленены, либо убиты, бежали немногие. Тогда-то впервые услышали [самое] имя литовского народа, которое до того дня было неизвестно; <будучи рабами русских, они в течение долгих лет <...> пояса, лыко>[342].

Князь Святослав Мстиславич, узнав, что на киевском столе нет князя, с одобрения киевлян вступает в киевскую крепость, так как другие не решались на такое дело из страха перед галицким князем Романом Мстиславичем, намереваясь княжить там по обычаю монарха. Поскольку это было невыносимо для галицкого князя Романа Мстиславича, который хотел, чтобы именно его почитали русским монархом и чтобы ему принадлежала высшая власть на Руси, он со своею силой приходит в Киев и с позором изгоняет и вытесняет из Киева Святослава Мстиславича, посадив на киевском столе Ростислава Рюриковича, которого держал у себя в плену. Он отпускает из плена и другого его брата – Владимира, чтобы шире была молва как о его могуществе, так и о милосердии и чтобы росло уважение перед его именем, чтобы тем легче осуществить поход против Польши, в который он в том году собирался[343]. (VI. P. 198)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1206-й

После смерти краковского палатина Николая Лестко Белый избирается монархом и, послав войско на Русь,

берет в плен и велит повесить князя Руси Святослава с другими русскими

Сандомирский князь Лестко Белый, после славной победы, одержанной над князем Руси Романом, стал известен и знаменит как в чужих, так и в собственных землях; да и для краковской знати, которая только из желания угодить краковскому палатину Николаю, оставив естественного <...>, была вынуждена принять в качестве господина и монарха <ратиборского> князя <Владислава> Мечиславича и отдать ему Краков, он стал более мил и более желанен. *(После смерти краковского палатина Николая, который покровительствовал партии Владислава Лясконогого, сына Мéшка Старого, на краковском столе садится Лешек Белый, а Владислав уходит в Познань.)* А краковский князь Лестко Белый посылает войско из краковских, сандомирских и люблинских воинов под предводительством и возглавлением сандомирского каштеляна Сулислава для опустошения Руси; тот берет в плен князя Руси Святослава, отца Агафии, которая впоследствии будет выдана за мазовецкого князя Конрада, вместе с четырьмя знатными русскими воинами и, по приказу Лестка, казнит несчастных, повесив на дыбе; из-за этого преступления, я полагаю, и сам Лестко был также убит, и род его не получил продолжения[344]. (VI. P. 199–200)

(...)

Князья Руси, втайне раздираемые различными смутами [взаимной] ненависти и раздоров, доходят, наконец, до открытой вражды, которую не в силах скрывать более, и столкновения, а именно князья Георгий Владимирский и Ярослав Переяславский, с одной стороны, и Владимир, Константин и Мстислав, князья смоленские и новгородские, родные братья (так! – *Ред.*), – с другой, вступают в битву, обратя меч в собственную плоть. И после того как с обеих сторон было убито, взято в плен или потоплено в волнах множество народу, победа досталась Константину, Владимиру и Мстиславу. Они преследуют владимирского князя Георгия, бежавшего во Владимир, и окружают осадой владимирскую крепость. Георгий, видя, что из-за недостатка воинов он не может защитить крепость, выходит к князьям-победителям, прося мира. С ним заключают мир на том условии, что он уйдет из крепости. Когда он ушел, [крепость] отдали Константину. Потом князья-победители ведут войско против Ярослава, который после бегства укрылся в Переяславле; он тут же запросил у победителей мира. Так как он добился его на справедливых условиях – ему даже разрешили оставить за собой Переяславль, – то послал множество даров примирившимся [с ним] князьям. Говорят, в той битве полегло более десяти тысяч русских[345]. (VI. P. 200–201)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1207-й

(...)

Против литовцев, которые в то лето опустошают Русь, выступают князья Руси Владимир Рюрикович Киевский, в сопровождении смоленских дружин, Роман Борисович, Константин, Мстислав и Ростислав Давидовичи и побеждают литовцев в большой сече, убив также многих литовских князей; преследуя бегущих литовцев на большом протяжении, они убивают многих по селам, лесам и прочим укромным местам, где те прятались от лица преследовавших[346]. (VI. P. 202)

(...)

В то время князь резанов по имени Глеб, человек невероятной жестокости и алчности, желая завладеть всем княжеством резанов, путем нечестивого убийства устранил шестерых своих родных братьев, да и множество бояр, которых подозревал в сопротивлении своим замыслам и стремлениям, истребил всевозможными способами казни[347] (VI. P. 203)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1208-й

После гибели Романа все русские посылают к венгерскому королю Андрею за его сыном Коломаном, [желая] его в правители; он, заняв Русь, велит короновать себя католическим епископам, и русские прогоняют его и его [людей]

После того как у Завихоста был убит владимирский и галицкий князь Роман, который отчасти тиранством, отчасти щедростью и хитростью захватил власть и княжение почти целой Руси и заставил князей Руси подчиниться ему и платить дань, многие домогались власти над Русью либо оружием, либо уговорами, либо подкупом. А русская знать и бояре, раздираемые противоположными устремлениями, терзали отечество ужасными войнами. И вот знатнейшие [из них] решили, что для прекращения гражданской войны надлежит прибегнуть к соседним королевствам, дабы силами и мощью какого-либо из них справиться с возникшим злом и еще могущим возникнуть. И хотя некоторые убеждали просить помощи у польских князей и перейти под их власть, но память о свежем поражении, понесенном у Завихоста, мешала обратиться к Польше[c]. Русская знать обратилась к паннонцам, которые, как казалось, более подходили для такого дела, и нижайше просила их короля Андрея

---

[c] (в латинском оригинале здесь стоит не очень понятное *ne ad Polonos deficerent*; перевод дан по общему смыслу. – *Ред.*)

назначить себе господином его сына Коломана, обещая блюсти ему верность и искренне чтить. Приняв русское посольство, венгерский король легковерно отправляет сына Коломана с большим войском на Русь, чтобы подавить внутренние волнения и принять Галицкое королевство Руси. Когда он прибыл в Галич, то был принят первыми из русских князей и боярами с положенной честью, ему была вручена власть над галицкой крепостью, а Мстислав Мстиславич, один из князей Руси, был лишен Галицкого княжества. Коломан, примерно одновременно со входом в Галич, велел католическим епископам, <а именно краковскому епископу Винцентию, польскому канцлеру Ивону и другим епископам,> которых привел с собой из Паннонии, помазать и короновать себя, величая и титулуя королем Галации, <а супругу свою Саломею – королевой,> ибо так научил его отец, венгерский король. Когда Коломан совершил такое, не посоветовавшись с русскими, это оттолкнуло их сердца, и без того непостоянные, наполнив их ненавистью и смущением, ибо они подозревали, что эта коронация приведет к погибели и их обряда, и их народа. Все сговариваются против Коломана, и когда войско Коломана, которое сопровождало его в Галич, вернулось в Венгрию и Коломан чувствовал себя в безопасности, князь Руси Мстислав Мстиславич, <прозванный за свое превосходство [над прочими] Храбрым,> при поддержке русских и половцев подошел к Галичу, захватил, разграбил и сжег несколько галицких укреплений и усадеб и придвинул осаду к самой галицкой крепости. Так как во время осады сверху был убит половецкий князь Мичеевича, половцы, в отместку за своего князя, совершили в Галицкой земле множество нечестивых злодеяний, разрезая некоторых галичан на четыре части, других убивая, сжигая, калеча, а многих уводя в вечное рабство. <Взяв силой галицкую крепость, русские убили и пленили многих из польской и венгерской знати и тех, кто не мог немедленно представить за себя выкуп золотом, продали в рабство. Новый же король Коломан был изгнан и спасся позорным бегством; бежали [также] краковский [*епископ*] Винцентий и польский канцлер Ивон.> В тот же год названный Коломан берет в жены девицу Саломею, сестру краковского князя Лестка, <с которой до самой смерти вел целомудренную жизнь, сохранив сокровище девства свое и супруги>[348]. (VI. P. 204–205)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1209-й

Венгерский король Андрей, намереваясь отомстить за изгнание своего сына из Галицкого княжества, посылает его на Русь с большим венгерским и польским войском,

там русские поражают и разбивают венгров и поляков, захватив в плен короля Коломана, выдать которого вместе с женой князь Мстислав отказался

Стыдясь изгнания своего сына Коломана из Галицкого королевства, венгерский король Андрей, с большим тщанием и не жалея денег, подготовил большой поход на Русь. Он ведь точно знал, что в заговоре с целью его изгнания участвовали почти все князья Руси, которые с величайшим старанием вынашивали на это лето войну. Они стремились избежать двух угрожавших [им] опасностей: во-первых, как бы венгры не установили в их земле свой закон, если Коломан утвердится на своем троне в Галицком королевстве, а во-вторых, как бы им не понести наказание за нападение и осаду Коломана в Галиче в прошлом году и как бы их не постигла справедливая кара за те жестокости и нечестия, которые они сами и половцы учинили по отношению к галичанам. Венгерский король Коломан, видя, что князья Руси привели [себе] в помощь большое количество половцев, и сам, послав к польскому монарху Лестку Белому, получил для отправки на галицкую войну значительное войско из польских воинов. Итак, ко времени, о котором договорились король Андрей и князь Лестко, как венгерское, так и польское войска сошлись у Галича; венгерское вел венгерский палатин Аттила Фильня, польское – краковский палатин <Николай, выдающийся военачальник>. Не медлят и русские: подходят четыре князя, а именно Мстислав Мстиславич, Владимир Рюркович, Ростислав Давидович и другой Ростислав – Мстиславич, тогда как прочие князья прислали свои войска, а также огромное половецкое войско, вдвойне превосходившее по числу и венгров, и поляков. Собираясь вести войну против русских по общему [между собой] совету, венгры и поляки первым делом насколько возможно укрепляют галицкую крепость. Но и внутри самой крепости, укрепив церковь Святой Марии, сооружают второе укрепление, еще более сильное; оставив [в крепости] под охраной наиболее храбрых воинов, какие только были среди венгров и поляков, Коломана с женой, а также с матронами, женщинами и немощными, сами выступают из Галича против русских, и, выстроив полки, идут в битву – поляки, держа правое крыло, венгры и галичане – левое, а вперед выслав легковооруженных воинов, [и так] нападают на русских. Русские также расположились двумя полками: во главе одного был Мстислав Мстиславич, второго – князь Владимир, а половецкие отряды стояли в некотором отдалении, задумав и замыслив выйти как бы из засады в разгар боя. Мстислав Мстиславич, чтобы посмотреть, какова сила врага, поднялся на возвышенность, но подвергся жарким упрекам князя Владимира, что в момент опасности предпочитает действовать скорее как разведчик, а не как князь и что его отлучка грозит погибелью всему русскому войску; тот не-

медленно спускается и воодушевляет своих на битву, призывая их положиться на силу Святого Креста, которая принесет победу. В это время польские полки смело нападают на войско Владимира; после того как пало множество русских, войско Владимира было разбито и обратилось в бегство вместе с Владимиром и двумя другими князьями Ростиславом Давидовичем и Ростиславом Мстиславичем, которые также были там. Беглецов на протяжении многих миль преследовало не только польское, но и венгерское войско, многих поражая и беря в плен, думая, что сражение уже закончено. Это обстоятельство и долгое преследование отняли победу у венгров и поляков, доставив им великое поражение. Ударив в тыл венграм и галичанам, которые наступали, нарушив строй, Мстислав с половцами без труда их разбил и уничтожил. Кроме того, князья Ростислав Давидович и Ростислав Мстиславич, заметив, что венгры перестали их преследовать, останавливают бегство, вернувшись в бой, нападают на фланг венгерского войска и, поразив многих, захватывают венгерского палатина Тилу, так что русские одерживают полную победу над венграми и галичанами. После пленения палатина венгры и галичане пали духом и были совершенно уничтожены половцами, поскольку у них не было возможности ни сражаться, ни бежать, ибо со всех сторон были русские и половцы. Между тем поляки, бившие и преследовавшие Владимира, возвращаются, везя добычу и ведя с собой великое число пленников, ничего не зная о поражении, постигшем венгров и галичан, и распевая родные песни в уверенности, что одержали полную победу. Однако, окруженные со всех сторон [войском] Ростислава Давидовича и половцами, они гибнут, не имея возможности ни сражаться, ни уйти. Потом русские устанавливают и поднимают вверх польский стяг, к которому стеклись остатки поляков, которые либо избежали сечи, либо вернулись после [своего] преследования Владимира, думая, что здесь расположились свои; все они были перебиты. Число погибших нельзя было даже сосчитать, так что реки стали красными от крови, а стенания умиравших и раненых были слышны в галицкой крепости. Непогребенные трупы убитых лежали, как песок, и не было вокруг Галича никого, кто мог бы похоронить павших. Половцы же завладели множеством ценной добычи: конями, оружием, одеждами, уведя также в свою землю множество венгров и поляков, которым предстояло вечное рабство. А Мстислав Мстиславич, одержав победу и гордо злоупотребив победой, приказал своим русским не оставлять в живых ни одного венгра или поляка. Поэтому их, как скот, резали не только враги-русские, но – желая изъявить услужливость по отношению к Мстиславу и его приказу – даже и галичане, у которых те искали убежища или укрытия, и почти все войско венгров и поляков было уничтожено. Тогда русские, охваченные радостью, превозносили князя Мстислава Мстиславича, и за одержанную победу, и за приказ пе-

ребить побежденных венгров и поляков, громко восклицая: "О великий княже и победителю Мстиславе Мстиславич! О храбрый ястреб, посланный Богом на устрашение сильных и их оружия! [Уже] не похваляются те, кто хотели победить тебя, себе назначая победу, ибо все они повержены и поражены тобой, великим и славным господином нашим" Затем, захватив с собой венгерского палатина Аттилу, князь Мстислав подошел к галицкой крепости, из который венгры и поляки, приготовляясь к предстоявшей осаде, уже выгнали русских галичан с их женами и детьми, опасаясь их предательства, а также нехватки продовольствия. А когда ему не открыли [ворот] крепости, хотя венгерский палатин Аттила и уговаривал открыть [их] и не сопротивляться более победителю, которому Богу было угодно вручить и власть над Галицким королевством, и победу, то Мстислав вернулся в лагерь и снова послал к защитникам крепости вестником одного из своих русских Димитрия, убеждая открыть [ворота]; когда же тот вернулся ни с чем, то снова явился лично и, потерпев неудачу в третий раз, на другой день окружил всю крепость, уверяя, что прикончит осажденных не штурмом, а одним сидением. Но поскольку Коломан и те, кто были с ним в крепости, во время осады беспечно охраняли задние ворота крепости, то в одну из ночей русские, сделав подкоп, врываются в крепость и, завладев воротами, впускают Мстислава с войском, тогда как венгры и поляки, пораженные чрезвычайным страхом, кто бегут из крепости, а кто бросаются вниз – ведь в ночном мраке под влиянием ужаса все казалось хуже, [чем было на самом деле]. Захватив крепость, Мстислав с наступлением рассвета подошел к укреплению вокруг церкви Святой Марии, в котором, узнав о вторжении [Мстислава], укрылся сын короля Коломан с женой, лучшими воинами и женщинами, и начал ее осаду, все время требуя встречи с сыном короля Коломаном. Когда же, по совету венгерских и польских воинов, ему в этом было отказано, он решил ужесточить осаду. Так как Коломана и его [людей] мучила жажда, Мстислав послал им сосуд воды, которую приняли, как великий дар, и по мере распределяли каждому; [но] ее едва хватило половине [осажденных]. Затем под давлением голода осажденные сдаются Мстиславу, получив только [обещание сохранить им] жизнь, и открывают ворота. По приказу Мстислава вывели венгерских баронов с женами и многих знатных лиц, женщин и матрон, а также известное число польских воинов; всех их он либо отдал половцам, либо подарил своим придворным. Последним из всех был выведен сын короля Коломан с женой; он был принят Мстиславом и отправлен в Торческ, где по приказу Мстислава должен был охраняться с особой тщательностью и старанием. Мстислав же, распустив войска, сел в Галиче. Когда вестника о таком поражении привели к венгерскому королю, тот, пораженный глубоким горем, ударяя себя кулаком в лоб, дал волю слезам, оплаки-

вая свое столь позорное поражение. Утерев их по совету жены, он посылает своего воина Яроша к князю Руси Мстиславу, убеждая отпустить его сына с женой и других заключенных и заявляя, что если [Мстислав] этого не сделает, то он выступит против Руси со всеми силами. Тот, ничуть не испугавшись угроз, отвечает, что победа не в его [короля] воле, а в Божией и что если он явится, тот встретит его и поразит с помощью Божией. Венгерский король Андрей, от такого ответа <...> и еще более растерявшись, тем более что и советники порицали его за надменное посольство и [говорили], что если он не выкажет тому большей уступчивости, то не увидит сына, следует [этому] более мягкому совету и шлет к Мстиславу того же Яроша с менее резким посольством, предлагая мир на справедливых условиях и прося освободить сына. Сверх того, супруга короля Андрея, отправив к Мстиславу отдельное посольство, покорнее, нежели то в обычае у королев, молила отпустить сына. Мстислав же, опасаясь, что если он отпустит Коломана, то против него возобновится война, отказался освободить Коломана; оставив в галицких крепостях своих посадников, он отправился в Киев к киевскому князю Мстиславу Романовичу. Проведя там много дней в празднествах и удовольствиях, он вернулся в Галич и стал в нем княжить[349]. (VI. P. 206–209)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1210-й

Лестко, занявшись исправлением права в королевстве, дал в лен Свентопелку Поморскую землю, взяв с него клятву верности; тот вскоре изменил

Желая проверить все земли и провинции, которые достались ему в жребий и в удел, князь и монарх польский Лестко Белый прибывал особо в каждую из них по очереди, утишая скорбь и сердечную печаль, которая прочно обосновалась в его душе из-за поражения от русских под Галичем. (VI. P. 210)

(...)

Венгерский король Андрей ради освобождения из плена своего сына Коломана и его жены Саломеи провел через своих баронов и советников многочисленные переговоры и встречи с Мстиславом Мстиславичем. И на последней встрече, состоявшейся на границе Венгрии, был заключен между Венгрией и Русью вечный мир на условиях, что другой сын короля – Бела возьмет в супруги дочь Мстислава Марию, Мстислав же через три года уступит Галицкое княжество Коломану и как самого Коломана и его жену, а так же всех пленников, которые были у него в руках, <...>. Все это было исполнено в том [же] году[350]. (VI. P. 212)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1211-й

Князь Лестко через сандомирского каштеляна Сулислава в большом количестве поражает русских, которые уже начали было презирать поляков, и берет в плен множество знати и князей их

Князья Руси, разгордившись от счастливых обстоятельств и удачных сражений, в результате которых сначала выгнали Коломана, сына венгерского короля, из Галицкого королевства, а потом разбили в большой битве, стали совершать множество набегов на польские земли. С помощью и по подсказке литовцев они захватывали добычу и с крайней поспешностью возвращались, нигде не решаясь задержаться, весьма беспокоя и разоряя польские пределы и уже усвоив себе надменную и хвастливую [привычку] презирать и насмехаться над поляками. Обеспокоенный этими обстоятельствами, польский князь и монарх Лестко Белый, по зрелом размышлении с советниками, посылает на Русь сандомирского каштеляна Сулислава с наличными воинами, чтобы отомстить русским и прекратить их набеги. Сандомирский каштелян Сулислав вступает в русские земли, опустошает их огнем и мечом и, собрав большое число пленников, в цепях отправляет их в Польшу. А князья Руси, не терпя столь жестокого разорения своих земель, выступают ему навстречу, предоставляя [тем самым] возможность для битвы, от которой они хитроумно уклонялись в предыдущие годы. В начавшемся сражении русские, после того как поляки смяли передовые полки, были легко побеждены и обращены в бегство, а Святослав Мстиславич и четверо других князей, а именно Георгий, Ярослав, Владимир и Константин, а также большое число воинов и русской знати попали в плен, но не меньшим было [число] погибших, против которых разгневанные поляки обнажили мечи. Русских воинов и знать сандомирский каштелян Сулислав держал в оковах и увел в Польшу; большинство из них были либо отпущены из неволи по милости князя Лестка, либо были выкуплены своими. А князя Святослава и четырех других князей, плененных вместе с ним, он удержал в оковах в отместку за воровские набеги, которыми они много терзали и досаждали Польше, а также во избежание [таковых] в будущем, победоносное же войско, обогатившееся и нагруженное трофеями побежденных, не без великой для себя чести привел назад в Польшу. Впоследствии, с течением времени, князей Руси Святослава Мстиславича, Георгия, Ярослава, Владимира и Константина польский князь Лестко освободил из плена[351].

В тот год в мае месяце появилась звезда-комета, которая, протянув огненный хвост от востока на запад, восемнадцать дней пребывала весьма поблизости от русских земель, предвещая поражение, которое они потерпели в следующем году от татар[352]. (VI. P. 212–213)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1212-й

(...)

Татары впервые приходят на половцев и разбивают и поражают все войско их русских союзников

Неведомый до того дня народ татар, о котором едва [кое-что] слышали, желая распространить свое господство на северные страны, после разгрома и покорения половцев, обитавших по ту сторону моря, а также многих других племен подступил и к землям тех [половцев], которые жили по соседству с русскими по сю сторону моря. Те, не надеясь на свои силы, сообщают об угрожавшей им опасности русским, прося поддержать их всеми силами и говоря, что если они окажутся побеждены татарами, то та же угроза нависнет и над русскими. В то же время к князьям Руси прибывают татарские послы, убеждая их не вмешиваться в половецкую войну и союзом с половцами не вынуждать татар вести войну против Руси; но если они благоразумны, то пусть прогонят половцев, которые уже доставили Руси множество бед, от своих пределов, а татары наверняка прогонят их из других областей. Но князья Руси, последовав недальновидному совету и не подвергнув дело зрелому размышлению, нарушают международное право, убивают татарских послов и выступают с войском против татар на помощь половцам, а именно: Мстислав Романович с киевскими воинами, Мстислав Мстиславич с галицкими воинами, а также Владимир Рюрикович и прочие князья Руси, также князья черниговские, также князья смоленские, также вся Половецкая земля и все ее князья. Часть русских князей и воинов шла на конях, а часть [плыла] на кораблях, [и так] дошли до Протолчи; там все пересели на коней и через двенадцать переходов достигли реки Калчи, где уже разбили свой лагерь татары. Татары, не дав русским и половцам времени на передышку, немедленно напали на них в семнадцатый день. Когда смятые половцы стали разбегаться, смешиваются и русские полки, и двое князей – Мстислав Киевский и <...> Черниговский – попадают в плен, а после долгой сечи, в которой многие либо пали, либо были пленены, остальные разбегаются. Но и бежавшим угрожала другая, не менее страшная опасность – со стороны союзных половцев, через земли которых они устремляли свое бегство; не щадя ни возраста, ни положения, половецкие селяне убивали русских: всадников – ради коней, пеших – ради одежды. А те из русских, кто укрылись в горах, умерли от голода, множество утонуло в реках, и случилось в тот день такое страшное бедствие, какого никогда не видывали и не слыхивали в русских землях. Галицкий же князь Мстислав Мстиславич, после того как, спасаясь бегством, добрался до кораблей и переправился через реки (так! – *Ред.*), велел иссечь корабли, опасаясь татарской погони, и оттуда, исполненный страха и трепета, беглецом прибыл в Галич. Когда же все остальное множество русских, спасаясь бегством, прибыло к кораблям и обна-

ружило, что они разбиты, они, охваченные горем, что не смогут переплыть волн, ослабленные голодом, погибли там за исключением князей и некоторых их воинов, которые переправились через реки на лодках. Владимир Рюрикович, также спасшийся бегством, прибыл в Киев и занял киевский стол. То было первое поражение, которое русские потерпели от татар[353]. (VI. P. 215–216)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1216-й

(...)

Война между литовцами и русскими

Когда литовцы зимой этого года пришли грабить [одну из] земель Руси и, набрав добычи, по своему обычаю бросились бежать, то их настиг князь Ярослав Всеволодович с новгородцами и, сразившись, поразил их. Но и для русских победа была не бескровной, ибо погибли князь Давид Торопецкий и многие другие русские воины[354]. Позднее, когда другое литовское войско разоряло город и область Полоцкую, князь Мстислав Давидович со смоленскими воинами, стремительным маршем прибыв к Полоцку и застигнув литовцев врасплох, побил [их] и порубил без числа, а многих, кто прятались по дворам и домам, вытаскивал оттуда и казнил разными казнями, других утопил в озерах, так что истребил почти всех, лишь немногие ушли[355]. (VI. P. 224)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1218-й

(...)

Коломан возвращает себе Галицкое княжество

Коломан, сын венгерского короля Андрея, придя на Русь с большим войском венгров, был с большой честью принят галичанами и князем Мстиславом Мстиславичем. Князь Мстислав, в силу договора, заключенного с его [Коломана] отцом, королем Андреем, отказался от Галицкого княжества и крепости [Галича] и, выйдя из них, удалился в Торческ. В следующем году, отложив земное, он погребается в церкви Святого Креста в Киеве, которую сам построил. С той поры Коломан стал мирно править Галицким княжеством. Однако его мирное правление было недолгим[356].

Черниговским князьям, которые двинули войска своих народов на Каменец, князь Мстислав прислал на помощь смольнян и половцев. Так как жители Каменца не могли противостоять их силе, их область, претерпев всевозможные бедствия, была покорена[357].

(VI. P. 229–230)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1220-й

Лестко берет в жены Гремиславу, дочь князя Руси Ярослава

Краковская знать, опасаясь, как бы им не пришлось оказаться под властью чужих князей, если их собственные князья Лестко Белый и Конрад умрут без наследников, настаивают, чтобы князь Лестко, которому было двадцать восемь лет, женился. Мнения советников разделились: одни считали более выгодным будущее родство с венграми, другие – с алеманами, третьи – с чехами, а иные – с русскими. Наконец победила та часть, которая убеждала в [необходимости] дружбы с русскими. В то время дружбу с русскими посчитали предпочтительнее, то ли потому что польское владычество могло бы [тем самым] распространиться шире, то ли потому что можно было бы восстановить мир с русскими, не завершенный из-за многих войн и столкновений. Итак, следуя мнению советников, Лестко Белый берет в жены Гремиславу, дочь князя Руси <Ярослава>, девицу превосходную и родом, и нравом, и красотой. Богатая и блестящая свадьба празднуется в городе Кракове; ее торжества продлились много дней из-за воинских игр и турниров. Благодаря этому родству и для поляков, и для русских воссиял прочный и наилучший мир, было упразднено бремя войны, в которой они сталкивались друг с другом, и забыты прежние обиды, а также освобождены пленные, взятые в минувших войнах, как знатные, так и селяне[358]. (VI. P. 231–232)

(...)

Князья Руси, движимые великой завистью, что Коломан, сын венгерского короля, до сих пор мирно владеет крепостью и землей Галицкой, подстрекают князя Даниила Романовича, который и сам о том же думал, ибо эта земля прежде принадлежала его отцу. Тот, подкрепленный их помощью, приходит к Галичу и, найдя все в небрежении, занимает крепость, изгнав оттуда в Паннонию Коломана с венграми[359]. (VI. P. 232)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1221-й

(...)

В одинадцатые календы июля в городе Корчине княгиня Гремислава, супруга краковского и сандомирского князя Лестка Белого, произвела на свет прекраснейшего младенца, который, по повелению отца, был назван Болеславом. В великом ликовании от его рождения, так как выпросил его усиленными молитвами, отец устроил в Кракове многодневные блестящие торжества и, в благодарность за дар небес, роздал множество щедрых пожертвований церквям, монастырям, святым местам, а также неимущим[360].

Венгерский король Андрей, желая отомстить за свою и своего сына Коломана обиду, нанесенную князем Даниилом Романовичем, посылает против Даниила и галичан двух своих сыновей Коломана и Белу с многочисленным войском и лучшими баронами. Они три недели осаждали и воевали галицкую крепость, и овладение ею, казалось, уже близко, но двоякое бедствие – а именно дизентерийная зараза и голод, свирепствовавший в войске и его конях, – заставил их, потеряв многих и оставив задуманное, вернуться в Венгрию. Многие, забредшие слишком далеко в поисках пропитания, были захвачены русскими или убиты[361]. (VI. P. 234)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1222-й

(...)

Венгерский король Андрей, собрав в этом году новое войско, посылает сына Коломана против галичан, которому удача сопутствовала больше, чем в прошлом году: так как князь Даниил Романович не осмелился долее противостоять ему и его силе, он безо всякого сопротивления занял и Галицкую землю, и крепость[362]. (VI. P. 236)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1224-й

(...)

Княгиня Гремислава, супруга Лестка Белого, родила дитя женского пола, которое хотя и было [только] наполовину желанным для отца Лестка, но радовало уже одним тем, что рожденная тогда дочь и опровергла упреки его супруге в неплодности, и была вернейшим залогом будущего мужского потомства. По велению отца ее нарекли в крещении Саломеей[363]. (VI. P. 240)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1225-й

(...)

<Коломан, сын венгерского короля Андрея, после того как три года просидел на галицком княжении, умер в галицкой крепости от болезни, а может быть, и от яда. После его смерти князь Даниил Романович, с согласия русских, занял крепость и землю Галицкую и сел в ней. Но князь Изяслав, желая присвоить себе Галицкое княжество, вооружившись половецкой подмогой, идет против него; состоялось сражение, в котором князь Даниил терпит поражение, а князь Владимир и его брат, которые пришли на помощь Даниилу, попадают в плен. В результате крепость и земля Галицкая, с согласия Изяслава, перешла под власть князя Михалка.>[364] (VI. P. 243)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1226-й

(...)

<Гремислава, супруга князя и монарха Польского королевства Лестка Белого, произвела на свет в крепости Новом Корчине прекраснейшего сына, рождение которого стало большой радостью. (...) Он был, по велению отца Лестка, наречен Болеславом.>[365]

(VI. P. 245)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1228-й

(...)

В огромном количестве, которое едва можно было сосчитать, придя на русские земли, татары совершают множество злодеяний, убивают и жгут. Они опустошают, разграбляют всю Рязанскую землю и, убив рязанского князя, умерщвляют даже стариков и детей, а все остальное множество берут в плен и уводят в рабство, захваченные же крепости сжигают. Не удовольствовавшись этим, они зимой того же года приходят снова – на Суздальскую землю и, совершенно опустошив всю землю, убивают также князя Григория (так! – *Ред.*) и его сыновей, а также многих других суздальских князей; отобрав у князя Владимира крепость Ростов, они сжигают замок, завладев множеством пленников и добычей досыта[366].

(VI. P 253)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1229-й

(...)

Огромное множество татар, придя в Смоленскую и Черниговскую земли, терзает и разоряет их жесточайшими убийствами, не щадя никакого возраста. Захватив много крепостей и укреплений, из которых бежали князья и воины, не осмеливаясь оставаться в них, они сжигают. И не испытав никакого сопротивления, ибо все попрятались перед их лицом в болотистые, непроходимые и лесные места, обремененные множеством пленников и добычей, они возвращаются восвояси[367]. (VI. P 256)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1233-й

(...)

<Киевский князь Владимир, опасаясь, что братья-проповедники, а именно Мартин из Сандомира, киевский приор, и прочие его братья как мужи набожные и примерные погубят и смешают его греческий обряд, названных братьев из церкви Святой Марии в Киеве, приписанной к названному ордену, и вокруг которой у них был кон-

вент, <...> и изгоняют, запретив им возвращаться под страхом наказания.>[368] (VI. P. 266)

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1238-й

(...)

Основание монастыря братьев-проповедников в Галиче

<В городе Галиче основывается монастырь братьев-проповедников и там поселяются братья из Польской провинции [ордена].>[369] (VI. P. 283)

(...)

КОММЕНТАРИЙ

[1] (Длугош воспроизводит чрезвычайно популярную в средневековье терию о разделе вселенной между сыновьями библейского праотца Ноя (*Ведюшкина И.В.* Библейское предание. С. 60–83), соединяя ее с элементами традиционных, идущих от античности географических представлений и географической номенклатуры: об истоках Дона-Танаиса в мифических Рифейских горах на крайнем севере Европы, о Танаисе как границе между Европой и Азией и др. "Тирренский океан" – Средиземное море; "Северный океан", или "Сарматское море" – моря Атлантики, омывающие Европу с севера; "Гадитанский океан" – Атлантика по ту сторону Гадеса, т. е. Гибралтарского пролива; "Меотида" – Азовское море; "Босфор" – видимо, Босфор Киммерийский, т. е. Керченский пролив. "Булковец" как польское название Любека является искажением формы "Буковец", которую находим в гл. 8 Великопольской хроники (ВПХ. С. 64); хронист считает Любек "населенным поляками", следуя своему отождествлению поляков и "лехитов", к которым причислены также все прибалтийские и эльбо-одерские славяне (ВПХ. С. 60–61; гл. 4). – *Ред.*).

[2] Разделение человечества на потомков четырех сыновей Негнона заимствовано Длугошем из Истории бриттов, но распределение их по местам обитания принадлежит самому Длугошу. (Так называемая История бриттов (Historia Brittonum) написана в Уэльсе, вероятно, ок. 829/830 г. и традиционно, хотя, как есть основания думать, неосновательно, связывается с именем легендарного валлийского книжника Нення (*Prelog J.* Nennius. Sp. 1089–1090). Однако в Истории третий сын Алана назван не Негноном (*Negno*), а Негвой (*Negua*) (MGH AA. Berlin, 1898. T. 13 / Ed. Th. Mommsen. P. 149, 160, 170). – *Ред.*).

[3] Сведения о Кашубии почерпнуты Длугошем из его основного польского источника – Великопольской хроники (ВПХ. С. 53–54; пролог). ("Кашубия" – название, которое со втор. пол. XIII в. обозначало западнопоморские земли, а затем, с 1460-х гг., распространи-

лось и на Восточное Поморье (Померанию) (*Strzelczyk J.* Kaschuben. Sp. 1028–1029. – *Ред.*).

[4] *Sarnia* – ошибочно вместо *Sarbia*; известие заимствовано из хроники Дежвы: "Сарбия, которая теперь называется Саксонией" (MPH. 1872. T. 2. P. 164); о хронике Дежвы см.: *Banaszkiewicz J.* Kronika Dzierzwy. (Хронист выражается так, вероятно, в связи с тем, что земли лужицких сербов уже в раннее средневековье прочно вошли в политический состав Саксонского герцогства. – *Ред.*).

[5] ("Предок всех славян" – видимо, поименованный выше Алан. "Сеннаар" – Вавилон или, шире, Месопотамия; "Понтийское море" Черное море, которое ниже Длугош предпочитает называть, как правило, Львиным (см. примеч. 64). – *Ред.*).

[6] "С(к)лавония" – подобный термин впервые встречается в византийских источниках VI в. Так, у Феофилакта Симокатты он обозначает территории, лежащие к северу от Дуная. С кон. X в. так называли и земли западных славян. Наполненность содержания этого термина у того или иного автора прямо пропорциональна степени осознания им славянской общности своего времени. Византийские и западные писатели называли "С(к)лавиниями" или "С(к)лавиями" территориальные и военно-политические союзы славян, употребляя это имя как родовое понятие для всех славянских объединений, хотя им порой были известны и собственные названия таких союзов (*Литаврин Г Г* Славинии. С. 193–203; *Иванова О. В., Литаврин Г Г* Славяне и Византия. С. 85–90). У Кадлубка лишь один раз встречается название "Славия" – при упоминании о владениях первого властителя Польши Попеля из династии, предшествовавшей Пястам (*Kadl.* P. 23).

[7] Подобное описание встречается уже у Анонима Галла: "Со стороны аквилона Польша является северной частью Склавонии. Она имеет с востока Русь, с юга – Венгрию, с юго-запада – Моравию и Богемию, с запада – Данию и Саксонию" (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 49–50). Текст заимствован Длугошем у Анонима Галла, а Галлом – у Орозия (*Gall.* P. 7. Not. 8).

[8] ("Сарматские горы", или, как иногда у Длугоша, "Сарматские Альпы" – Карпаты; это название в форме "Sarmatharum rupes" встречаются уже у Солина (*Solin.* 20, 2), к которому хронист прямо отсылает в других местах (см., например: *Dlug.* 1. P. 116; наст. изд. С. 78. *Ред.*).

[9] (Имеются в виду, несомненно, Белгород Днестровский и Черн, или Черңгород, который назван рядом с Белгородом среди городов "на Дунаи" в Списке градом русским, дальним и ближним (НПЛ. С. 475; ПСРЛ. Т. 23. С. 163). – *Ред.*).

[10] ("Великое озеро" – Курский (Куршский) залив, у входа в который находится Клайпеда (по-немецки Мемель). – *Ред.*).

[11] (Почему Длугош считает, что в древности Днепр называли Дрином, неясно; под эти именем, как и сейчас, была известна только одна река – правый приток Савы (*Patsch*. Drinus // RE. Reihe 1. 1905. Hbbd. 10. Sp. 1709). Истоки Днепра между Ржевом и Вязьмой (видимо, последнюю следует подразумевать под *Wyasznya* Длугоша) во времена хрониста находились не "в московских пределах", а у восточных рубежей Великого княжества Литовского. Дашев – город на берегу Днепровского лимана, на месте которого в 1492 г. была возведена крепость Кара-Кермен (нынешний Очаков). "И та, и другая река" – либо Днепр и Южный Буг, упоминание о котором было утрачено при редактировании и переписке, либо названные выше Rossza и Lilia – и тогда пассаж об извилистом течении Немана и Днепре-Дрине является неудачной вставкой. – *Ред*.).

[12] ("Турло" – тюркоязычная форма гидронима, являющаяся искажением античного греческого названия *Тирас* и отражением которой является греч. *Τρουλλος* у Константина Багрянородного (сер. X в.) (*Const*. De adm. 38.70; *Фасмер М*. Этимологический словарь. Т. 1. С. 518–519; *Шрамм Г* Реки. С. 58 и сл.). Гидронима *Therisannis* источники не знают; возможно, эта форма возникла по недоразумению из-за слитного прочтения слов "Thiras amnis", т. е. "река Тирас" (*Pieradzka C., Modelska-Strzelecka B*. [Комментарий]. P. 352. Not. 1 ad p. 83). – *Ред*.).

[13] См. примеч. 61.

[14] (Термины "Паннония", "паннонцы" (*Pannonia, Pannonii*) в средневековой географической традиции часто обозначали Венгрию и венгров; Длугош употребляет эти названия повсеместно наряду с обычными *Hungaria, Hungari*. – *Ред*.).

[15] (О "Белой крепости" см. примеч. 9. "Эвксинское море" – обычное в античности название Черного моря, которое Длугош часто именует также Понтийским или Львиным морем (см. примеч. 64). Под "Валашской землей" Длугош имеет в виду, несомненно, Молдавское княжество, которое после 1370 г., действительно, неоднократно было вынуждено подтверждать вассальную зависимость от Польши (при жизни Длугоша – в 1456 г.). – *Ред*.).

[16] См. примеч. 8.

[17] ("Ясский торг" – современный город Яссы; название происходит от аланского этнонима "я(с)сы" В 1239/41 г. часть алан-ясов ушла от монголо-татар в Венгрию; вариант "Филистимский форум" связан с именованием этих ясов в венгерской латиноязычной письменности "филистимлянами" (*Philisteni*); лат. *forum* значит "торг" – *Ред*.).

[18] Если при описании Вислы хронист методично перечислял левые, а затем, по порядку, правые притоки, то здесь он смешивает все реки вместе: и левые притоки – Полтев, Рату с ее бассейном (Блотня, Свинья, Древня, Белз, Хучва, Влодава, Лив, или Ливец, с Коштри-

ном, и правые – Волшвин, Мухавец и Нур, или Нурец (*Szelińska W* Chorografia. S. 60).

[19] Речь идет о сражении 1018 г. на реке Буге между польским князем Болеславом Храбрым и киевским князем Ярославом Мудрым, которое, в виде нескольких битв, будет описано Длугошем ниже под 1008, 1009 и 1018 гг. (В латинском оригинале – непереводимая игра слов: "fluore atro" – vires attrite": "*черные* воды" – "*разгромленные* силы" – *Ред.*)

[20] В наше время река Белз называется Солокией, но когда-то она дала имя городу Белзу, построенному на ее берегах (*Szelińska W* Chorografia. S. 60).

[21] Блотня впадает не в Буг, а в Рату, которая, в свою очередь, впадает в Буг (*Szelińska W* Chorografia. S. 60–61).

[22] (Турунтом названа у Птолемея (III, 5, 1) река, устье которой расположено третьим по счету за устьем Вислы и которая поэтому обычно идентифицируется не как Неман, а как Вента или Западная Двина (*Albert-Herrmann* // PW. Reihe 2. 1948. Hbbd. 14. Sp. 1453). *Ред.*).

[23] О Днепре и его притоках у Длугоша см.: *Szelińska W* Chorografia. S. 95. ("Борисфен" – обычное для античной и антикизирующей географической номенклатуры название Днепра, встречающееся уже у Геродота. О названии "Дрин" применительно к Днепру у Длугоша см. примеч. 11. Длугош приводит также "татарский" вариант гидронима – *Erzesze*, однако известно, что крымские татары называли Днепр *Özu*/*Özi* (*Шрамм Г* Реки. С. 65 и сл.). Не является ли приведенная хронистом форма искажением гидронима *Βαρουχ*, который у Константина Багрянородного (*Const.* De adm. Cap. 36.68) квалифицируется как "гуннское" название Днепра? – *Ред.*).

[24] Река Тетерев впадает не в Припять, а непосредственно в Днепр. (Есть ли уверенность, что *Czetrzew* Длугоша – это именно Тетерев? – *Ред.*).

[25] Видимо, речь идет о деревне Попилев, лежащей недалеко от истоков Ясельды.

[26] Среди рек бассейна Днепра хронистом, как это случается и в других случаях, названы два посторонних гидронима *Swyna* и Полота.

[27] (Южный Буг впадает не в Днепр, а в Днепровский лиман, который в данном случае рассматривается Длугошем как часть реки; поэтому на берегу Днепра оказывается и город Дашев (см. примеч. 11). *Ред.*).

[28] Река Брежница, или Брежанка, длиною всего 35 км, берет начало у городка Владимирец и впадает в нижнюю Горынь с запада (*Szelińska W. W* Chorografia. S. 98). (Видимо, граница по Брежнице отражает старый волынско-туровский рубеж: Дубровицкая волость в низовьях Горыни еще в древнерусские времена принадле-

жала Туровскому княжеству. Луцк входил в состав Великого княжества Литовского, а не Польши, но Длугош проводит по Брежнице границу между Луцкой землей и Литвой, потому что, как многие в Польше, считал Волынь польской, а не литовской территорией; о польско-литовском конфликте из-за Волыни, обострившемся по смерти в 1452 г. волынского князя Свидригайла, см.: *Грушевський М.* Історія. Т. 4. С. 242 и след. – *Ред.*).

[29] (Длугош называет Одру (Одер) Гутталом, видимо, вслед за Солином (*Solin.* 20, 2; см. также: *Plin.* IV, 100). В этих источниках Гуттал – первая из рек Германии, впадающих в Северный океан и перечисляемых с востока на запад, и потому чаще всего отождествляемая с Неманом. Однако, так как в перечислении Плиния и Солина отсутствует Одра, иногда в Гуттале видят именно попавшую не на место Одру (*Kiessling* // PW Reihe 1. 1912. Hbbd. 14. Sp. 478 – *Ред.*).

[30] Термин "лехиты" для обозначения всего польского народа ввел Винцентий Кадлубек, имя же "Лех" впервые встречается позднее, в Великопольской хронике. В историографии существовало мнение, что Кадлубек образовал термин "лехиты" по подобию др.-русск. *ляхы.* Однако в недавнем исследовании К. Шлёнского показано, что имя "Лех" было известно в еще более раннем польском средневековье (*Śląski K.* Wątki. S. 51–60). Этимологически оно восходит к этнониму, происходящему от слав. **lęd-* "необработанное поле", откуда др.-русск. *ляхъ,* чешск. *lach,* литов. *lenkas* и т. д.

[31] См. примеч. 64.

[32] О прародителе поляков Лехе и его братьях Русе и Чехе впервые пишет Великопольская хроника, говоря о происхождении славян из Паннонии (ВПХ. С. 52). В этом предании нашла свое окончательное утверждение народная традиция, повествующая об этническом родстве трех славянских народов (*Флоровский А. В.* Чехи. С. 3–4). Образ Леха, мифического праотца поляков, обнаруживается впервые именно в этой хронике. Чех как эпоним чехов встречается уже в источниках XII в. Имя *Рус*, известное в Польше с давних времен, становится в хронике эпонимом русского народа. Как пишет польский историк А. Гейштор, "поскольку два брата, Лех и Чех, принадлежали также и к тогдашней чешской историографии (Пулкава), то польское добавление к ним личности Руса свидетельствует об обогащении мифического мотива еще одним отражением в языке реального соседства. Ибо польский наблюдатель этой части света, правильно оценивая этническую близость поляков и чехов, не мог обойти молчанием также и другую существенную для поляков близость, а именно близость с Русью. Великопольский хронист, как известно, был неравнодушен к славянству, особенно к западному. Тремя братьями – эпонимами трех славянских этносов – он заполнил всю Европу... Длугош повторил этногенетическую

идею Великопольской хроники, хотя и колебался, был ли Рус братом или скорее племянником Леха? Нам остается сомневаться, не без умысла ли произошло такое снижение степени родства" (*Гейштор А*. Образ Руси. С. 10, 18–19). То, что Рус оказывается не братом, а более дальним родственником Леха, должно, по мнению Длугоша, убедить читателя в том, что потомкам Леха принадлежит первенство в Восточной Европе и прежде всего на Руси (*Strzelczyk J*. Mity. S. 105–111). (Лат. *nepos* может значить как "внук" или просто "потомок", так и "племянник"; останавливаемся вслед за польскими переводчиками Анналов на более неопределенном "потомок", поскольку никакой четкой генеалогии Руса в его родстве с Лехом Длугош не предъявляет. – *Ред*.).

33 Длугош говорит здесь, безусловно, о знакомой ему Руси XV в., высказывая стереотипное представление о ней как о "богатейшей стране", изобилующей мехами (*Гейштор А*. Образ Руси. С. 14, 23–24).

34 (Не вполне понятно, что значит "течет посредине между ними"; возможно, имеются ввиду Висла, о которой шла речь в предыдущей фразе, и Одра. – *Ред*.).

35 Латинизированные формы *Poloni, Polani, Poleni* впервые появляются в источниках нач. XI в. – Житии св. Адальберта-Войтеха (написанном Бруно Кверфуртским: *Brun*. vita Adalb. 25. P. 32. – *Ред*.) и хронике Титмара Мерзебургского (*Thietm*. IV, 55 ff. P. 194 ff. *Ред*.) – и обозначают жителей Древнепольского государства. В Повести временных лет термин "поляне" относится лишь к одному из польских племен (*Lehr-Spławiński T* Najstarsze nazwy. S. 262). Мысль, подобная Длугошевой, высказана и в Повести применительно к днепровским полянам: "Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един" (ПВЛ. С. 16). Относительно родства польского племени полян с киевскими полянами, возможно, пришедшими с территории Польши, см.: *Кобычев В. П*. В поисках прародины славян. С. 99. Помимо общности имени, родство доказывается также перекличкой названия *Киев* с польскими топонимами *Kujawa* и др., восходящими к польскому ландшафтному термину *kujawy* "холмы" (*Rospond S*. Struktura. S. 24–25; ср. обзор: *Свердлов М. Б*. Дополнения. С. 590). (Распространенившееся в последнее время представление о происхождении др.-русск. *Кыевъ* от славянской топоосновы **kuj-* вряд ли верно (*Назаренко А. В*. По поводу одной гипотезы. С. 220–222; *Трубачев О. Н*. В поисках единства. С. 47–78). – *Ред*.). Исследователи полагают, что сходные названия либо были перенесены из одной области в другую, либо возникли независимо друг от друга из одинаковой языковой среды: "В том и другом случае такой параллелизм отражает общность населения обеих территорий" (*Никонов В. А*. Введение. С. 115–116).

35а (Имеются в виду древнерусский этноним *ляхъ* (см. примеч. 30), сербохорватский *lȅh*, венгерский (именно венгров следует подра-

зумевать под "гуннами" Длугоша) *lengyel*, происходящие от того же корня. В болгарском языке, вопреки Длугошу, такого названия не засвидетельствовано. Утверждение хрониста, будто в русских летописях с "гордостью" говорится о происхождении Руси "от корня князя Леха" – сильное преувеличение. Древнерусским источникам этот эпоним неизвестен; сказано лишь, что "от рода ляхов" происходят восточнославянские племена радимичей и вятичей (что Длугош не преминет отметить в своем месте: с. 226. *Ред*.).

[36] Вандалы – одно из восточногерманских племен. О Висле-Вандале пишет Великопольская хроника (ВПХ. С. 54, 58; пролог, гл. 1) (где употреблен и этноним "вандалиты" До великого переселения народов вандалы селились на территории современной Польши. Созвучие имени "вандалы" с немецким названием соседних славян – *Wenden* часто давало средневековым авторам повод для перенесения названия "вандалы" или подобного на славян. –*Ред*.).

[37] Сказывается склонность Длугоша к сарматской теории, согласно которой многие европейские народы, в частности поляки, вели свое происхождение от древних сарматов – народа, с III в. до н. э. по IV в. н. э. населявшего степи от Тобола до Дуная. В XV в., при жизни Длугоша, эта теория только набирала силу, но позже в польских аристократических кругах "сарматизм" был весьма распространен (*Ulewicz T* Sarmacja).

[38] См. примеч. 8.

[39] Несомненно, здесь Длугош пытается исправить мнение автора Великопольской хроники, писавшего о родстве славян и германцев (ВПХ. С. 55; пролог).

[40] (Несколько невразумительное описание пределов "Скифии" у Длугоша ("между Танаисом, Эльбой и Вистулом") объясняется, вероятно, неопределенностью западной границы Скифии в античной и средневековой традиции, в которой рубеж между Скифией и Германией, действительно, проводился то по Эльбе, то по Висле (как тут же пишет сам хронист). – *Ред*.).

[41] Если внимательнее присмотреться к этим "обширнейшим русским королевствам", то станет видно, что Русь Длугоша, судьбы которой хронист прослеживает на протяжении веков – это прежде всего те русские земли, которые в его время находились в пределах Польского королевства и Великого княжества Литовского, с эпизодическим включением Новгорода (*Гейштор А*. Образ Руси. С. 10–11, 19).

[42] (Одоакр был покорителем германского племени ругов на Среднем Дунае и королем Северной Италии в 476–493 гг. Вследствие того, что этноним *Rugi* в средневековых латинских текстах нередко прилагался к Руси (*Назаренко А.В*. Древняя Русь. С. 45–48),

“король ругов” Одоакр в ряде средневековых компиляций по всемирной истории по крайней мере уже с XII в. превращается в “короля Руси” Длугош заимствовал сведения о “короле Руси” Одоакре из хроники Мартина из Опавы (Троппау) (XIII в.), где Одоакр также назван “русином по происхождению” (“Ruthenus genere”) (MGH SS. 1872. T. 22. P. 454); Мартин же почерпнул это убеждение у знаменитого энциклопедиста XII в. Готфрида из Витербо (*Gotifr. Viterb.* Panth. XXII, 19. P. 188: “natione Rutenus”). Рассказ Длугоша обременен хронологическими несоответствиями; Одоакр погиб в 493 г. (не после 509 г., как у Длугоша) после вторжения в Италию в 488 г. остготов во главе с королем Теодорихом (473–526); святительство папы Льва I приходится на 440–461 гг.; правление императора Льва I – на 457–474 гг.; Орест – главнокомандующий войсками на западе Римской империи и отец последнего западноримского императора Ромула Августула (475–476) был убит Одоакром в 476 г. – *Ред.*).

43 Нобель – озеро в Полесье, образованное соединением рукавов Припяти.

44 Имеется в виду озеро Любяж в районе Пинска.

45 Ныне такого озера не существует. Возможно, некогда оно было искусственным или оказалось впоследствии заболочено (*Szelińska W* Chorografia. S. 86).

46 Река Крна (или Трна) впадает в Западный Буг.

47 (То замечательное обстоятельство, что истоки Двины, Волги и Днепра находятся рядом, подчеркивалось, как известно, еще автором Повести временных лет, который утверждал, что все три реки истекают из “Оковского леса” (ПВЛ. С. 9). Длугош говорит о “большом озере или болоте”, под которым, очевидно, надо подразумевать озеро Селигер. С древними названиями европейских рек Длугош путается. Скиф. *Πορατα* и греч. *Πυρετος,* о которых сообщал уже Геродот, относятся, несомненно, не к Волге, а к Пруту (*Шрамм Г* Реки. С. 34); гидроним *Poricus* по другим источникам не известен. Под “горой Танаисом” хронист, видимо, имеет в виду так называемые Рифейские горы, из которых, согласно античным географическим представлениям, заимствованным и Длугошем (см. примеч. 1), истекал Танаис-Дон. – *Ред.*).

48 См. примеч. 9.

49 См. примеч. 12.

50 (В Дакии действительно в IV в. существовало королевство вестготов. Какое место из сочинений блаж. Августина (354–430) имел в виду Длугош, нам выяснить не удалось. – *Ред.*).

51 (Различение Длугошем Западной, Европейской, Сарматии и Сарматии Восточной, лежащей “ниже Каспийского моря”, основано, вероятно, на выделении в западной средневековой традиции, вслед

за Исидором Севильским (ум. в 636 г.), Нижней (Европейской) Скифии (Scythia Inferior) в отличие от Скифии как таковой, к востоку от Каспия (*Isid.* 14, 3, 31; *Чекин Л. С.* Картография. С. 220). *Ред.*).

[52] Это озеро, расположенное близ города Томашева, ныне – весьма скромных размеров. Предание о каменной горе встречается только у Длугоша (*Szelińska W* Chorografia. S. 9).

[53] Гора в городе Кобрине, расположенном к востоку от древнерусского Берестья (современного Бреста) (*Szelińska W* Chorografia. S. 108).

[54] Холм – древнерусский город на реке Ухерке. Гора, о которой пишет Длугош, ныне занимает юго-восточную часть города.

[55] Кременец – одна из самых высоких гор Кременецкой гряды; впоследствии получила название Горы королевы Боны или Горы доброй королевы.

[56] Название горы происходит, видимо, от греч. *αλς* – "соль", поскольку близ нее издавна были солеварни, а город Галич снабжал солью не только Русь, но часть Европы. (Эта этимология вряд ли верна; ср.: *Фасмер М.* Этимологический словарь. Т. 2. С. 388. – *Ред.*).

[57] Гора на севере Львова; латинизированное название – Кальвария.

[58] Лат. *Alta* означает "высокая"

[59] Потилица, или Потиличка, впадает в Рату к юго-западу от Равы Русской (*Szelińska W* Chorografia. S. 108).

[60] (Из содержания ясно, что либо термин *Polonia Maior* "Великая Польша" Длугош понимает в данном случае не в его историческом, узком значении (земли по Варте), а в расширительном, либо (что вероятнее) Бескиды и горы Мазовии включены в описание в силу того, что заголовки в хорографическом разделе Анналов не всегда последовательно отражают реальное содержание главок. – *Ред.*).

[61] Речь идет о Восточных Бескидах, с северных склонов которых горными потоками стекают названные Длугошем Днестр, Сан и Стрый.

[62] Об этом камне других сведений в источниках нет. Речь идет о Льве Даниловиче (ум. ок. 1300 г.), князе Западной Галичины с 1264 г., а с 1269 г. – также и Восточной; у него были весьма оживленные связи как с Польшей, так и с Венгрией.

[63] Львов – город в междуречье Буга и Днестра, основанный в сер. XIII в. галицко-волынским князем Даниилом Романовичем для своего сына Льва. Попал под власть Польши при Казимире Великом в 1349 г. (По обычному счету польским королем Владиславом III считается Владислав Варненьчик (т. е. Варнский) (1434–1444), в 1440–1444 гг. также король Венгрии; однако католическая архиепископия, существовавшая с 1375 г. в Галиче, была перенесена во Львов не им, а Владиславом II (Ягайлом) (1386–1436) в 1412/14 г. – *Ред.*).

[64] ("Львиным морем" (mare Leoninum) Длугош часто называет Черное море. Подчеркиваемая в данном случае связь процветания Львова с подвозом черноморских товаров (вверх по Днестру) позволяет догадываться, что топоним "Львиное море" производен от названия Львова как "Львиного города" (Leopolis). – *Ред.*).

[65] Перемышль – древнерусский город в Прикарпатье на правом берегу реки Сана (ныне на территории Польши). Впервые упоминается в летописи под 981 г.; возможно, входил в число так называемых Червенских городов (*Исаевич Я. Д.* Грады Червенские. С. 119). Располагался на международном торговом пути, связывавшем Центральную Европу со Средней Азией и Ближним и Дальним Востоком (*Даркевич В. П.* К истории. С. 99), отсюда все возраставшее значение города и прилегавшей области в русско-польско-венгерских спорах. (Пржемыслав – легендарный прародитель чешской княжеской династии Пржемысловичей (*Cosm.* I, 6–9. P. 15–22). В третьей четверти X в. восточнославянские хорваты, центром которых был Перемышль, входили в сферу политического влияния Древнечешского государства. Именно к этому времени, возможно, и относится возникновение Перемышля, в силу чего могло возникнуть представление о связи его названия с эпонимом чешских князей. – *Ред.*).

[66] (Каменец Подольский на среднем Днестре. – *Ред.*).

[67] См. примеч. 72.

[68] Луцк, древнерусский Луческ – город на Волыни, до серед. XII в. входивший в состав Владимиро-Волынского княжества. Сведений об основании Луцка князем Владимиром, крестителем Руси (очевидно, его имеет в виду Длугош), нет.

[69] (Древнерусский город Холм между реками Вепшем и Западным Бугом, основанный галицко-волынским князем Даниилом Романовичем ок. 1237 г. (*Котляр М. Ф.* [Комментарий]. С. 222); Хрубешов расположен несколько южнее, на реке Хучве. – *Ред.*).

[70] (Гай Юлий Солин, латинский писатель III в., автор Собрания диковинок – Collectanea rerum memorabilium (*Solin.*) – сочинения, которое по большей части представляет собой пересказ Естественной истории Плиния; было чрезвычайно популярно в средневековье. *Ред.*).

[71] (В предыдущей главке Длугош повествует о разделении управления польскими землями, после того как вымер род Леха, между двенадцатью правителями, что привело к несогласиям и войнам. – *Ред.*).

[72] Обращалось внимание на сходство предания о Кие, Щеке и Хориве с армянским преданием о трех братьях – Куаре, Мельтее и Хореане – в источнике, происхождение которого еще в точности не определено (речь идет об Истории Тарона Овхана Мамиконяна, ав-

тора, вероятно, VIII в.: *Марр Н. Я.* Книжные легенды. С. 257–287. – *Ред.*), и потому трудно сказать, русская ли легенда повлияла на армянскую, или же наоборот (*Strzelczyk J.* Mity. S. 911). У Длугоша Кий занимает иерархическую ступень, подобающую старшему брату из рода Леха, будучи одним из польских языческих князей (*Trunte H.* Kyj. S. 1–25; *Banaszkiewicz J.* "Origo et religia" S. 37–62; *idem.* Polski dzieje. S. 7 ff.).

73 Согласно Повести временных лет, три легендарных брата сидели на горах, получивших названия по их именам (ПВЛ. С. 9); мысль об основании трех крепостей принадлежит самому Длугошу.

74 Длугош в целом следует за древнерусской летописью, но в ней нет князя по имени Дулеб (ПВЛ. С. 10); Длугош просто продолжает эпонимический ряд, начавшийся с Леха – эпонима лехитов. (В латинском оригинале хронист неоправданно изменяет и унифицирует морфологическую модель племенных названий: *Radziniczanye,* а не "радимичи" *Wyaticzanye,* а не "вятичи", *Dulyebyenye,* а не "дулебы" – *Ред.*).

75 Неясно, почему к древлянам и другим племенам, названным в данном контексте в Повести временных лет (ПВЛ. С. 10–11), Длугош прибавил дулебов. Не потому ли, что к племенам Юго-Западной Руси он относился пристрастно? (Хронист не замечает, что вступает в противоречие с самим собой: только что и радимичи, и вятичи были признаны им происходящими от поляков. – *Ред.*).

76 Длугош не связывает Аскольда и Дира с варягами, как то делал древнерусский летописец, а выводит их из династии Кия. Некоторые исследователи допускали, что Длугош мог пользоваться в данном случае каким-то более достоверным, чем дошедшие до нас, древнерусским источником (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 348; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи. С. 16–18; и др.).

77 Призвание варягов Длугош своеобразно объясняет демократичностью и сраведливостью новгородского общества: никого из своих близких они не хотели предпочесть по причине равноправия. (Текст скорее имеет тот смысл, что новгородцы не желали терпеть власти кого-либо из равных им по происхождению. – *Ред.*).

78 По Длугошу, Рюрик – князь Новгорода (так в Лаврентьевском и некоторых других списках Повести временных лет: ПВЛ. С. 13), однако есть списки, согласно которым он садится поначалу в Ладоге и лишь потом строит Новгород (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Слои IX в. в Новгороде археологически не фиксируются, зато они обнаружены на Рюриковом городище под Новгородом (*Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. – *Ред.*).

79 О призвании варяжских князей, их именах и значении этого известия существует значительная противоречивая литература; см. ее обзор: *Свердлов М.Б.* Дополнения. С. 595–596. (Интересно, что

Длугош явно славизирует по форме имя Рюрика: "Рурек", "Рурко" – *Ред.*).

80 Игорь – киевский князь, согласно летописной легенде о призвании варягов, сын Рюрика; умер в 944/5 г. О гибели князя Игоря и мести княгини Ольги древлянам см.: ПВЛ. С. 26–28 (под 945 г.). В результате неверного прочтения летописный древлянский князь Мал превратился у Длугоша в Нискину (Нишкину). (Трудно согласиться с предположением, будто чтение "Нискина" могло возникнуть в результате того или иного искажения первоначального варианта "Мал" Более того, это различие в именах служило для А. А. Шахматова одним из главных аргументов в пользу его гипотезы о том, что на пространстве X–XI вв. использованный Длугошем древнерусский источник контаминировал сведения свода 1423 г., некоего Галицкого свода и Древнейшего свода (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 352–352, 364–365). Объяснение А. А. Шахматова, исходившего из варианта некоторых списков труда Длугоша *Miskina* и видевшего в последнем искажение гипотетического имени "Мьстина", вряд ли можно признать удачным; оно является частью одного из самых уязвимых построений текстолога – о Мстише Свенельдиче как убийце князя Игоря (см. подробную критику: *Поппэ А. В.* Родословная. С. 64–91). Вопрос о происхождении имени "Нискина" у Длугоша остается, таким образом, открытым. Интересно отметить, что пересказывая летописное предание о древнейших князьях, Длугош ни слова не говорит об Олеге. – *Ред.*).

81 Святослав – киевский князь, сын Игоря, умер в 972 г. (Рассказ Длугоша здесь снова принципиально отличен от Повести временных лет, где поход на древлян и возложение на них дани отнесены не ко времени возмужания Святослава, а к 946 г., следующему году после убийства Игоря, когда Святослав был еще ребенком (ПВЛ. С. 2829). Отсутствует и колоритная так называемая "четвертая месть Ольги" – подожжение Искоростеня с помощью воробьев, внесенная в летопись, по А. А. Шахматову, составителем Повести временных лет (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 108–110; исследователь в своем анализе не использовал в данном случае Анналов Длугоша). – *Ред.*).

82 Во время путешествия княгини Ольги в Константинополь, которое, как и крещение княгини, Повесть временных лет относит к 955 г. (ПВЛ. С. 29–31), императором был Константин VII, тогда как Иоанн I Цимисхий вступил на престол только в 969 г. (Упоминание Цимисхия сближает русский источник Длугоша с Лаврентьевским списком Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60) или со Сводом 1423 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 50), тогда как в Ипатьевском (а также Радзивиловском и Академическом) находим Константина (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 49). В целом о проблематике визита Ольги в Царьград и ее крещения см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 219–310. – *Ред.*).

[83] (Несколько сокращенное изложение летописной статьи 965 г. (ПВЛ. С. 31), причем хронист ошибочно посчитал тюрок хазар славянским племенем – видимо, по аналогии с другими племенами, на которых совершал походы Святослав. – *Ред.*).

[84] По Длугошу, дань Святославу платили болгары, тогда как, согласно Повести временных лет, князь "седе княжа в Переяславци, емля дань на грьцех" (ПВЛ. С. 31). О нападении печенегов на Киев пишется почти так же, как в летописи, но снова нет речи о том, что Святослав в это время – в Переяславце, равно как и о том, что он действительно вернулся в Киев и вторично отправился в Болгарию после смерти Ольги (ПВЛ. С. 32). Киевская княгиня Ольга умерла, согласно Повести, в 969 г.

[85] В рассказе Длугоша о разделе княжеств Святославом между сыновьями Владимира отправляет в Новгород отец, тогда как в Повести временных лет его избирают новгородцы (ПВЛ. С. 33) (В летописи отсутствует также завещание Святослава сыновьям "довольствоваться своей долей" – *Ред.*).

[86] Об убийстве Святослава печенегами сообщает также византийский историк Иоанн Скилица (см. в кн.: *Лев Диакон*. С. 133). Длугош рассказывает об этом даже пространнее, чем древнерусский летописец (ПВЛ. С. 35). Кроме того, в отличие от Повести временных лет, у него не болгары-переяславцы предупреждают печенегов, а кто-то из Руси и киевляне. Длугош ничего не сообщает о вынужденной зимовке Святослава у днепровских порогов. По Длугошу, князь попадает в руки печенегов живым. В заключение хронист философски замечает, что Куря, пия из чаши-черепа, мог "ежедневно вспоминать свой триумф" Длугош, увлекавшийся историей Тита Ливия, не мог оставить без внимания такую деталь, как изготовление чаши из черепа врага. По словам Ливия, окованную золотом чашу галлы сделали из черепа консула Постумия (*Ливий*. Т. 2. С. 127 [Гл. XXIII, 24, 12]. – *Ред.*).

[87] (Летописный Овруч; вероятно, искажение возникло на основе формы без вторичного начального *о*-: др.-русск. *Въручь* или подобной. – *Ред.*).

[88] Об убийстве Олега братом Ярополком, а затем Ярополка – Владимиром ср.: ПВЛ. С. 35–37. Интересно, что Длугош, представитель морализирующего духовенства, умолчал, что беременная жена Ярополка, которую взял Владимир, в прошлом была монахиней. (Здесь Длугош называет Владимира старшим из Святославичей, тогда как чуть выше, да и в статье 971 г., старшим значится Ярополк. Заметим, что в Повести временных лет об относительном возрасте Святославичей, ни даже о старшинстве Ярополка нигде не говорится. Ср., впрочем, примеч. b на с. 82. Захват Владимиром Киева в Повести отнесен к 980 г., но более верной представляется дата из летописчика в Памяти о похвале князю Владимиру Иакова

Мниха – 978 г. См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 376–378. *Ред.*).

[89] Ср. рассказ о поставлении кумиров в Повести временных лет: ПВЛ. С. 37.

[90] "Уши из золота" у Длугоша появились, несомненно, в результате слуховой или зрительной ошибки на основании летописного "ус злат"

[91] О женолюбии Владимира-язычника ср.: ПВЛ. С. 37–38. (Список сыновей Владимира полностью совпадает со списком в Повести временных лет. – *Ред.*).

[92] (Из достаточно обширного летописного перечня походов Владимира (ПВЛ. С. 38–39) у Длугоша видим только поход "к ляхом" и на радимичей; последний к тому же, видимо, по недосмотру продублирован, причем этноним искажен – *Radimiczysz*, если только это не воспринятая писцом со слуха форма дательного падежа множественного числа: *Radimiczis*. – *Ред.*).

[93] Увлекательный летописный рассказ о выборе веры князем Владимиром (ПВЛ. С. 39–49) (в котором, впрочем, львиную долю занимает Речь философа, вставленная в летопись, надо думать, составителем Начального свода: НПЛ. С. 133–148. – *Ред.*) Длугош свел к короткому повествованию. Удивительно, что он никак не отреагировал на отрицание латинского обряда и даже с сочувствием и пониманием отнесся к греческой вере.

[94] Ср. летописный рассказ о крещении Владимира в Корсуне (ПВЛ. С. 49–52), который в ряде заметных деталей разнится с изложенным у Длугоша. У Длугоша в Корсунь к Владимиру прибывают с сестрой сами византийские императоры Василий II (976–1025) и Константин VIII (976–1028), тогда как в Повести временных лет прибывает только царевна Анна; по Длугошу, Владимир обещает за Анну вернуть Корсунь, в то время как в летописи он грозит и со столицей Византии поступить, как с Корсунем; (у Длугоша слепота, напавшая на Владимира накануне крещения, заставляет его сомневаться в правильности своего намерения креститься, чего не видим в летописи, хотя вариант Длугоша выглядит более логичным. Мотив сомнения присутствует и в ряде русских текстов о крещении св. Владимира: например, в так называемом Житии Владимира особого состава (*Шахматов А. А.* Корсунская легенда. С. 47). См. в целом: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 443–444. – *Ред.*).

[95] О крещении киевлян, построении Десятинной церкви и проч. ср.: ПВЛ. С. 52–55. Отличия у Длугоша немногочисленны (но существенны. – *Ред.*): вместо летописного "дьявола", о поражении сетует "дракон" (он побежден не от "невегласа" Владимира, а от "одной-единственной женщины": не отзвук ли это мотива Анны как "жены доброй", *mulier suadens*, который, как можно думать, был свойствен первоначальному преданию об обращении св. Владимира, но

впоследствии был элиминирован (*Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 437–445, 449)? Далее, киевлян крестят не "попы царицыны и с корсуньскыми", а "епископ корсунский и пресвитеры" Крещение киевлян у Длугоша происходит "на третий год" после крещения Владимира, тогда как во всех списках Повести временных лет об этом сообщается в той же погодной статье 6496 г. По летописи, "мастеры от грек" Владимир привел для строительства Десятинной церкви, а у Длугоша они строят "множество церквей из камня и кирпича" Важно, что в летописи церковная десятина представляет собой "от именья моего (Владимира. – *Ред.*) и град моих десятую часть"; между тем Длугош говорит совсем о другом: об "имениях и налогах", а также части урожая со всего населения – "как бояр, так и селян" "Налоги" (по-древнерусски "продажи") действительно входили в состав десятины, но согласно не Повести временных лет, а Церковному уставу св. Владимира (ДКУ С. 15 и след.; об Уставе см.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы. С. 12–135), но десятины как продовольственного налога с населения на Руси времени Владимира не было; он в той или иной форме характерен для Западной церкви, а в славянских странах, в том числе, похоже, и на Руси – для значительно более поздней эпохи (*Флоря Б. Н.* Отношения. С. 31–50). Но почему Длугош говорит не о десятой, а о "первой части урожая"? Допускаем, что в его древнерусском источнике, включавшем один из списков Устава св. Владимира или цитировавшем последний, "десятое" было написано как "i-е" (см., например: ДКУ С. 15–16), что хронист или переписчик на каком-то этапе работы мог прочесть как латинскую единицу. – *Ред.*).

96 (Имеется в виду племя восточнославянских хорватов, сидевших в Верхнем Поднестровье. О походе Владимира на хорватов Повесть временных лет сообщает под 993 (в Лаврентьевском списке – под 992) г. (ПВЛ. С. 54). – *Ред.*).

97 О приходе на Русь печенегов после "войны хорватьскыя" см.: ПВЛ. С. 54–55. (В конце фрагмента "...был родом из Переяславля" – ошибка: летописное "зане перея славу отрок от" было прочтено как "зане Переяславу отрок от" или т.п. В заголовке и в начале фрагмента хронист, сам того не замечая, путает печенегов с половцами, о которых ему часто приходится вести речь ниже. *Ред.*).

98 (О поражении Владимира от печенегов и построении Преображенской церкви – не в Киеве, как пишет Длугош, а в Василеве, где произошла битва – см.: ПВЛ. С. 55–56. Непонятно, что значит "по греческому обряду": календарно празднование Преображения Господня в Западной и Восточной церкви совпадает, приходясь на 6 августа. – *Ред.*).

99 Исследователи отмечают удовлетворение, с каким Длугош пишет о многолетнем мире в польских и русских землях после заключе-

ния дружеского договора между Болеславом I Храбрым и Владимиром Святославичем. А. Гейштор полагал, что Длугош в данном случае "вкладывал в образ Руси свое видение Польши XV в. когда он делает акцент на мирных взаимоотношениях, даже воображаемых, как примирение Владимира с Болеславом Храбрым" (*Гейштор А*. Образ Руси. С. 13, 22). Хотя, вероятно, Длугош руководствовался и текстом летописи: Владимир "бе живя с князи околними миромь, с Болеславом Лядьскымь, и с Стефаномь Угрьскымь, и с Андрихомь Чешьскымь" (ПВЛ. С. 56). (Вряд ли "мирные взаимоотношения" Владимира и Болеслава можно назвать "воображаемыми", причем не только в силу приведенной цитаты из Повести временных лет. Из хроники Титмара (IV, 58; VII, 72) известно, что между двумя князьями и в самом деле существовал мирный договор, скрепленный браком Святополка Владимировича и Болеславны; вопрос лишь в том, когда именно примерно после 1007 г. был заключен этот договор; см. подробнее: *Назаренко А. В*. Немецкие латиноязычные источники. С. 134–135, 139–141, 167–170. Примеч. 52. Но откуда хронист мог почерпнуть данные о союзе? Глухие сведения о каком-то родстве между Болеславом и Святополком есть у Анонима Галла, который именует Святополка "неким русским из рода" Болеслава (*Щавелева Н. И*. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 44, 51), но этого, конечно, едва ли достаточно. Остается думать, что Длугош, по своему обыкновению, развил в небольшой рассказ краткую летописную ремарку. – *Ред*.).

100 (*Moronye* Длугоша – это Муром; похоже, в выражении "Глеба Муроме" (ПВЛ. С. 54) хронист принял форму местного падежа за именительный. – *Ред*.).

101 В Повести временных лет эти события изложены под 1014–1015 гг. (ПВЛ. С. 58–62), кроме сведений об уделах Владимировичей, которые в Повести помещены выше, в статье 988 г. (ПВЛ. С. 54). Многое в изложении Длугоша выглядит иначе, чем в летописи. Если в Повести начашийся было конфликт между Владимиром и Ярославом продолжения не получает из-за болезни и смерти Владимира, то у Длугоша Ярослав захватывает Киев еще при жизни отца. Если в Повести больной Владимир посылает Бориса против печенегов, то у Длугоша он отправляет Бориса и Святополка против мятежного Ярослава. Если в Повести Святополк садится в Киеве при не вполне ясных обстоятельствах после смерти Владимира, то у Длугоша он захватывает Киев, после того как вместе с Борисом наносит поражение Ярославу. Бориса по приказу Святополка убивают не вышегородцы, а новгородцы (что, впрочем, может быть зрительной ошибкой. – *Ред*.), Глеба не закалывают, а отрубают ему голову (братьев хоронят не в Вышгороде, а в Киеве. – *Ред*.). Следует учитывать, что в основе летописного рассказа лежит агиографический взгляд на события, сложив-

шийся в рамках формирования житийной традиции о свв. Борисе и Глебе и не лишенный некоторой условности. Так, в ней мы не находим убедительного объяснения, почему Святополк, старший сын Владимира, стал покушаться на жизни своих юных братьев, объявивших о повиновении старшему, игнорируя действительных соперников – в первую очередь Ярослава (*Poppe A.* Der Kampf. S. 278). (Однако и в рассказе Длугоша объяснения такому поведению Святополка тоже нет. Радикальные отличия текста Длугоша от сохранившихся древнерусских источников продолжают оставаться источниковедческой загадкой. Только некоторые из них могут объясняться умозаключениями самого хрониста: например, мнение, будто Владимир оставил младшим сыновьям Станиславу, Позвизду и Судиславу Киев и Берестово (!). – *Ред.*).

102 Рассказ Длугоша о битве у Любеча сходен с Повестью временных лет, в которой события датированы 1016 г. (ПВЛ. 62–63); о справедливости этой датировки см.: *Назаренко А. В.* О датировке. С. 13–19; *он же.* Древняя Русь. С. 454–460. (Некоторые отличия все-таки заметны: летописная "сеча зла" у Длугоша оказывается беспорядочным бегством не успевших вооружиться Святополка и его войска; нет в летописи и характерной детали, что "киевляне сами предались" Ярославу. – *Ред.*).

103 Поход Болеслава на Русь летом 1018 г. с целью восстановления на киевском столе Святополка широко освещен в польских источниках: в хрониках Анонима Галла (*Gall.* I, 7; 10. P. 21–25, 28–29; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 43–45, 50–53), Винцентия Кадлубка (II, 12: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 86–87, 98–99), в Великопольской хронике (гл. 12: ВПХ. С. 67–68), поэтому рассказ Длугоша представляет собой контаминацию польских и русских (ср.: ПВЛ. С. 63) известий. При этом Длугош (как и в других случаях: см. примеч. 158, 349. – *Ред.*) прибегает к домыслам и пользуется именами из других эпох: польский воевода Сецех был воспитателем князя Болеслава III Кривоустого (1102–1138) (*Щавелева Н. И.* О княжеских воспитателях. С. 123). Точная датировка битвы на Буге (у Волыня) 22 июля 1018 г. есть у Титмара Мерзебургского (VIII, 31: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 136–137, 142). (Согласно Повести временных лет, после поражения на Буге Ярослав бежит "с 4-ми мужи" не в Киев, а в Новгород. – *Ред.*).

104 (Сведений об осаде Киева Болеславом ни в польских, ни в каких-либо других источниках нет. Напротив, в некоторых из них – например, у Анонима Галла – подчеркивается добровольная сдача города. – *Ред.*).

105 Золотые ворота были сооружены в конце 30-х гг. XI в. (ПВЛ. С. 66), о чем ниже на основании древнерусских источников пишет

сам Длугош; следовательно, “вонзать меч в ворота” мог только правнук Болеслава I Болеслав II, вошедший в Киев в качестве союзника киевского князя Изяслава Ярославича в 1069 г. Традиция приписала этот поступок Болеславу Храброму. Меч его, получивший якобы в результате щербины и потому именуемый Щербецом, стал национальной реликвией. Впрочем, здесь легко усмотреть традиционное общее место: точно так же завоеватели пронзают ворота покоренных городов, например, и в венгерских источниках (*Gumowski M.* Szczerbiec. S. 7–18; *Kuczyński S.* O polskim mieczu. S. 562; *Kürbisówna B.* Inskripcje. S. 273 ff.).

[106] (Сведений о повторной битве Болеслава с Ярославом под Киевом ни в каких других источниках нет. – *Ред.*).

[107] (Данные о величине сборов взяты из древнерусской летописи, причем указание на 18 гривен с бояр у Длугоша превратилось в 50: вероятно, славянскую цифирь **иі҃** хронист неверно прочел как **н҃**. – *Ред.*).

[108] Говоря о воздвижении Болеславом колонн на Днепре в знак победы и как указание на восточные пределы Польской державы, Длугош с помощью домыслов амплифицировал сведения своих польских предшественников, у которых речь идет только о столпах на западных границах Польши – на реке Солаве (современной Заале), левом притоке Эльбы; у Анонима Галла (I, 6) видим “железные меты” (“metae ferreae”), у Кадлубка (II, 12) – “железные колонны” (“columnae ferreae”) (*Галл.* С. 33; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 86, 98).

[109] По древнерусским источникам известно имя только одной сестры Ярослава из двух уведенных Болеславом в Польшу – Предславы. (Форма имени у Длугоша – Przeczslawa – объясняется, возможно, восприятием со слуха: *cz* < *ds*. – *Ред.*). Заслуживает внимания гипотеза, выдвинутая польским ученым Г. Лябудой относительно дальнейшей судьбы Предславы. По его мнению, вся русская колония была поселена на Оструве Ледницком близ Познани, где при участии грека Анастаса начали строить дворец, остатки которого, вскрытые в настоящее время, обнаруживают сходство с византийской архитектурой. Кроме сакральных сооружений, на Ледницком острове найдены и ритуальные предметы византийского происхождения (*Labuda G.* Tajemnice. S. 103, 109). “Многие русские крепости”, в которых Болеслав оставил польские гарнизоны – это Червенские города на пограничье между Польшей и Русью (ПВЛ. С. 63. – *Ред.*). Соперничество обеих стран за обладание ими объяснялось стратегическим и экономическим значением Червенских городов, расположенных на важных международных путях Киев – Червен – Краков – Прага и Берестье – Белз – Галич (*Поппе А.* Деякі питання. С. 55–65; *Исаевич Я. Д.* Грады Червенские. С. 109).

[110] Сведения о якобы повторном сражении на Буге, навязанном Яро-

славом возвращавшемуся в Польшу Болеславу, Длугош заимствует из польской хронистики (Анонима Галла, Кадлубка: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 44–45, 52–53, 86–87, 98–99), до чрезвычайности их риторически распространяя. (Коронация Болеслава состоялась много позже, в 1025 г. Длугош следует польской традиции, которая связывала коронацию с учреждением в Гнезне архиепископии в 1000 г. – *Ред.*).

111 (Искаженное название летописной Альты (Льты); см. также примеч. 145. Искажение палеографически объяснимо на почве латинской графики: вследствие близости в написании лат. *t* и *c Olcha* Длугоша легко могло возникнуть из *Oltha* – *Ред.*).

112 Речь идет о событиях 1019 г., о которых в Повести временных лет говорится под 1018 и 1019 гг. (ПВЛ. С. 63–64) (причем под пером Длугоша из одного сражения между Святополком и Ярославом получилось два – и оба на месте гибели Бориса. – *Ред.*). Длугош говорит о захоронении Святополка "в неизвестном месте", тогда как в Повести, напротив, утверждается, что "есть же могыла его в пустыни и до сего дне"

113 (Единственным территориальным приобретением Болеслава I в результате киевского похода 1018 г. стали Червенские города (см. примеч. 109), причем можно спорить, относился ли к ним и Перемышль. Русские земли, "расположенные около Киева" являются обычным для Длугоша панегирическим домыслом. Говоря, что Ярослав не решался тревожить Болеслава по поводу занятых тем русских городов, хронист не замечает, что вступает в противоречие с собственным рассказом под 1018 г. – *Ред.*).

114 О столкновении Ярослава с племянником, полоцким князем Брячиславом Изяславичем (1001–1044) (которого Длугош именует на чешский манер Бретиславом. – *Ред.*) в Повести временных лет читаем под 1021 г. (ПВЛ. С. 64). Длугош вносит в летописный текст некоторые дополнения: Брячислав идет на Новгород с войском варягов, захватывает все Новгородское княжество, сажает в Новгороде своих посадников.

115 (Странным образом победа Мстислава Тмутараканского над касогами, о которой Повесть временных лет красочно повествует под 1022 г. (ПВЛ. С. 64), у Длугоша приписана Ярославу и сжата до бесцветной заметки, причем этноним "касоги", который чуть ниже, в рассказе о войне Мстислава и Ярослава, встречается во вполне корректной форме, тут подвергся искажению. Интересно, что *Koschohori* Длугош употребляет не как этноним, а как несклоняемый экзотический хороним. Возникает впечатление, что древнерусский источник Длугоша в данном месте был дефектен, так что хрониста могло ввести в заблуждение начало статьи 1022 г. с упоминанием Ярослава (его похода к Берестью). – *Ред.*).

[116] Ср. события 1023–1024 гг.: ПВЛ. С. 64–65. Хронист опускает колоритное описание Лиственской битвы, зато подчеркивает милосердие братьев и их стремление к миру. Опущено и вкрапленное в статью Повести 1024 г. сообщение о подавлении мятежа волхвов в Суздале, хотя, казалось бы, представителю духовенства следовало бы обратить внимание на борьбу с остатками язычества на Руси. (Любопытно, что и здесь, как в рассказе о столкновении Святополка и Ярослава, Длугош без нужды из одной битвы делает две. Кроме того, в отличие от Повести, в которой Мстислав садится в Чернигове, так как "не прияша его кыяне", у Длугоша "киевляне подчинились власти победителя Мстислава" "Ворагуны" (*Vorahuni*) Длугоша – это летописные варяги; их предводителем в Повести значится Якун, в связи с чем *Yakvy* Длугоша читаем как "Якуй", а не как "Яквы" (графемы *v* и *u* в латинском письме, в том числе и у Длугоша, часто взаимозаменямы). – *Ред.*).

[117] Следуя за Анонимом Галлом (*Gall.* I, 10. P. 28–29), Длугош по недоразумению дублирует битву на Буге, уже описанную под 1008 г., на этот раз правильно датируя ее 1018 г. на основании своих древнерусских источников и польских анналов (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148, 154–156) (у Анонима Галла датировки нет).

[118] (Эти сведения, также заимствованные, очевидно, у Анонима Галла, Длугош почему-то поместил не в статье 1008 г., в которой препарирована гл. I, 7 хроники Анонима, а отдельным блоком, никак не связав войну, начавшуюся из-за отказа Ярослава на сватовство польского князя, с киевским походом. – *Ред.*). Болеслав Храбрый действительно безуспешно сватался к сестре Ярослава Предславе (см. выше примеч. 109) в 1017 г., о чем пишет и Титмар (VIII, 32) (см. подробнее: *Назаренко А. В.* О датировке. С. 17–19; *он же.* Немецкие латиноязычные источники. С. 196–197. Примеч. 100; *Щавелева Н. И.* Польки. С. 51–52). Получив отказ, он женится в феврале 1018 г. на Оде, сестре майсенского маркграфа Херманна (*Balzer O.* Genealogia. S. 78). (Длугош ошибается, называя жену Болеслава, смерть которой позволила князю свататься к Предславе, Юдитой; ее звали Эмнильдой: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 86–89. – *Ред.*).

[119] (Чешский князь Болеслав III (999–1003, с перерывом), ум. в 1037 г. Как раз после пленения и ослепления Болеслава III в 1003 г. Болеслав Храбрый занял Чехию и Моравию; впрочем, Чехия была утрачена для польского князя уже в 1004 г. См. об этих событиях. например: *Королюк В. Д.* Западные славяне. С. 190–199. – *Ред.*).

[120] Мешко II, польский король в 1025–1034 гг. (с перерывом), сын Болеслава Храброго (*Labuda G.* Mieszko II). (Имя "Мешко", встречающееся во всех более ранних источниках, Длугош уже в готовом

автографе собственноручно последовательно исправил везде на "Мечислав"; некоторые исследователи признают эту правку этимологически верной, хотя в целом происхождение имени остается загадочным: *Hertel J.* Imiennictwo. S. 64 ff. Рикса – жена Méшка II, дочь рейнского пфальцграфа Эццона и Матильды, сестры германского императора Оттона III: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 114–117. – *Ред.*).

[121] Ср. рассказ Повести временных лет о польском походе Ярослава и Мстислава под 1031 г. (ПВЛ. С. 65). (Река "Порши" есть не что иное как не понятое Длугошем "поРъси" его древнерусского источника, т. е. по реке Роси, южнее Киева; см. также примеч. 303. – *Ред.*).

[122] О каких-либо карательных мероприятиях Méшка II на Руси сведений нет. (В то же время те или иные военные действия польского короля против Руси, вполне возможно, имели место, причем именно в связи с походом Ярослава и Мстислава, но не вследствие его, так как именно в 1031 г. (см. примеч. 121) Мешко вынужден бежать в Чехию. Поход 1031 г. был частью союзных действий Руси и Германской империи Конрада II (1024–1039) против Польши с целью возвращения на родину изгнанных братьев Méшка Бесприма и Оттона, а также двоюродного брата Дитриха: *Пашуто В.Т* Внешняя политика. С. 38, 123; *Lübke Ch.* Regesten. T. 4. N 599, 600, 606. – *Ред.*).

[123] (Имеется в виду польско-чешский конфликт, в результате которого ок. 1029 г. чехи вернули себе Моравию, отнятую еще Болеславом I: *Lübke Ch.* Regesten. T. 4. N 589. – *Ред.*).

[124] Ср. статью Повести временных лет под 1036 г. (ПВЛ. С. 66). (Существенная деталь: Длугош применяет к Ярославу термин "единовластец"; это значит, что его древнерусским источником в данном случае была летопись типа Ипатьевской, так как именно в Ипатьевском и Хлебниковском списках Повести находим это чтение (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 138), тогда как в Лаврентьевском, а также Новгородской IV и Софийской I (т.е. Своде 1423 г., по терминологии А. А. Шахматова) видим "самовластец", в Радзивиловском и Академическом – "самодержец" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150 и примеч. 52): *Шахматов А. А.* Разыскания. С. 351. Не находит соответствия в Повести сообщение Длугоша, будто церковь св. Софии была построена Ярославом "по обету, данному до битвы" и будто она стала митрополичьим кафедралом только впоследствии, т.е. через некоторое время после ее построения. – *Ред.*).

[125] Сильно сокращенный парафраз Повести временных лет под 1037 г. (ПВЛ. С. 66). (В Повести нет, однако, сведений о покрытии Золотых ворот золотом. Скорее всего, мы имеем здесь дело с самостоятельным осмыслением названия хронистом, которому была неизвестна связь киевской реалии с Золотыми воротами

Константинополя. Золотые ворота расположены на юго-западе Киева времен Ярослава и, таким образом, действительно в известной степени "обращены в сторону Польши", но не совпадают с известными с сер. XII в. Лядскими воротами. – *Ред.*).

126 (В польских хроникальных источниках Длугоша нет сведений о нападении Ярослава Владимировича на Мазовию. Вероятно, поэтому, что в данном случае хронист таким образом интерпретирует сообщение Повести временных лет под 1041 г.: "Иде Ярослав на мазовьшаны в лодьях" (ПВЛ. С. 67), не зная, что этот поход, как и поход, о котором Повесть сообщает под 1047 г. (ПВЛ. С. 68), был совершен в союзе с польским князем Казимиром I против мазовецкого князя Маслава (Мецлава, Моислава) (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 39–40) (см. также примеч. 131, 133). В то же время хронист справедливо опускает явно фантастические сведения Кадлубка (II, 14: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 87, 99) и Великопольской хроники (гл. 12: ВПХ. С. 70), будто Русь, напротив, помогала мазовшанам против Казимира. – *Ред.*).

127 (Имеется в виду смута после смерти в 1034 г. Мéшка II, которая повела к временному распаду Древнепольского государства. О Маславе см. примеч. 133. Зависленские владения Маслава названы Длугошем "Плоцкой землей" анахронично: Плоцк возвышается и становится княжеской резиденцией только в конце XI в. при Владиславе I. – *Ред.*).

128 (Ср. рассказ Повести временных лет под 1043 г.: ПВЛ. С. 67. У Длугоша нет сведений о пленении и ослеплении русских воинов греками, а морское поражение византийского флота во время преследования Владимира превратилось в сухопутное: вероятно, Длугош не понял употребленного летописцем греческого слова *олядии* "род корабля" (< греч. *χελάνδια*) – *Ред.*).

129 Казимир I Восстановитель, сын Мéшка II, князь польский (1034–1058). Ок. 1037/38 г. в результате народных волнений (а также государственной смуты и вторжения чехов. – *Ред.*) был вынужден бежать в Германию. Поддержка германского императора Конрада II и Руси Ярослава Мудрого дала возможность Казимиру снова вернуться в Польшу в конце 1038 или 1039 г. уже ленником Германской империи. (Королевские инсигнии был вынужден выдать Конраду II еще Мешко II, так что сообщение Длугоша о королевской коронации Казимира I не соответствует действительности. *Ред.*).

130 Из источников Длугоша о браке Казимира с русской княжной сообщают Галл Аноним (I, 19: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47, 53), Великопольская хроника (гл. 12: ВПХ. С. 70), которая называет имя супруги Казимира – Мария, но ошибочно считает ее дочерью некоего князя

Романа, и Повесть временных лет (ПВЛ. С. 67), которая, как и Длугош, ведет речь о сестре Ярослава. Эти данные подтверждаются и свидетельством так называемого Саксонского анналиста (*Ann. Saxo.* P. 683) под 1039 г. о браке Казимира с "дочерью короля Руси" Некоторые исследователи подвергают известие Повести сомнению, предпочитая считать жену Казимира не сестрой, а дочерью Ярослава (*Kętrzyński S.* Na marginiesie. S. 8. Przyp. 17; *idem.* Polska. S. 444; *Kowalenko W* Kazimierz Odnowiciel. S. 398), тем более что гипотеза Н. А. Баумгартена о женитьбе Владимира Святославича ок. 1012 г. на родственнице германских Оттонов (*Baumgarten N.* Le dernier mariage. P. 165–168) вряд ли состоятельна (*Назаренко А. В.* Русь и Германия. С. 39–89). Однако при всем том факт второго брака Владимира после смерти Анны в 1011/12 г. трудно подвергнуть сомнению ввиду ясного свидетельства Титмара (VIII, 33) о том, что Болеслав захватил в 1018 г. в Киеве в плен мачеху (noverca) Ярослава (*Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 137, 142 и 191–193. Примеч. 98). Спорной представляется и датировка брака Казимира. Ряд историков относят этот союз к 1042 г., следуя отчасти и за Повестью временных лет, где он отмечен в статье 1043 г. (*Grudziński T* Ze studiów. S. 85; *Bieniak J.* Państwo. S. 138–142), другие отодвигают дату к 1039 г. (*Balzer O.* Genealogia. S. 83–89; *Kętrzyński S.* Kazimierz. S. 125; *Kuczyński S.* Nieznany traktat. S. 120). (Относительно происхождения супруги Казимира, которую Длугош неосновательно считает дочерью Владимира от Анны, и даты брака см. подробный историографический обзор: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 131–139. Повесть временных лет говорит о возвращении Казимиром русских пленников, взятых Болеславом I; "крепости и области" (Червенские города) были возвращены Ярославом еще в ходе войны 1031 г. – *Ред.*).

131 Значение русско-польского союза было чрезвычайно велико для тогдашнего Древнепольского государства. Решалась судьба державы Пястов, которая после смерти Болеслава Храброго оказалась в сложной внутренней и внешнеполитической обстановке. Нападение чешского князя Бржетислава I (1034–1055) на Гнезно в 1039 г. и присоединение к Чехии Силезии с Вроцлавом подрывали основы государства в целом. Под властью Казимира к моменту его возвращения в Польшу остались лишь Малая и Великая Польша (*Polek K.* Kraków. S. 495–508). Серьезную опасность представляла чешско-поморско-мазовецкая коалиция, союзничавшая с пруссами. Поддержка Руси была на этом фоне очень кстати. Были оговорены и спорные вопросы, касающиеся пограничных Червенских городов (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 39–40; *Gruba J.* Problematyka. S. 11–15) (т. е. эти территории, отвоеванные Ярославом и Мстиславом Владимировичами в 1030–1031 гг.

(ПВЛ. С. 65; см. также примеч. 123), закреплялись за Русью. *Ред.*). Ок. 1043 г. русско-польский союз был подкреплен еще одним браком: сын Ярослава Мудрого Изяслав женился на сестре Казимира Гертруде (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 144–147. См. также примеч. 146. – *Ред.*).

132 Польские источники именуют жену Казимира Добронегой (а не Доброгневой, как у Длугоша. – *Ред.*) (Ann. cap. Crac. P. 53; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148) или Марией; последнее имя всплывает в поддельном послании XI в. папы Бенедикта IX (1032–1045/55) (MPH. 1864. T. 1. P. 358. – *Ред.*), а затем отмечено рядом поздних польских источников (например, в житиях св. Станислава: MPH. 1884. T. 4. P. 272, 382. – *Ред.*), в том числе Великопольской хроникой, где оно названо наряду с именем "Добронега" ("Dobronegam alias dictam Maria": ChPM. P. 19; ВПХ. С. 70. – *Ред.*). Как считается, второе имя *Добронега* княгиня получила в Польше (*Линниченко И. А.* Взаимные отношения. С. 49; *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór. S. 115). Известие Длугоша о повторном крещении Ярославны можно рассматривать как свидетельство практики перекрещивания при переходе из католичества в православие и наоборот. От латинянок, вступавших в брак с русскими, требовалось перекрещивание (см. буллу папы Григория IX (1227–1241) от 1232 г.: HRM. N 34), хотя, как полагают, на Руси не было канонического установления, которое предписывало бы такое перекрещивание, и достаточно было миропомазания (*Синайский А.* Отношение. С. 95–96). Аналогичной была, вероятно, и западная практика. Только в XVI в. буллой папы Александра VI (VMPL. T. 2. P. 295) было разрешено не креститься вторично тем православным, кто желает "приять единство с верой католической и латинской церковью" (*Герберштейн С.* Записки. С. 99–101). В рассказе Длугоша определенно слышится голос католического епископа, для которого русские – "схизматики" Среди поляков "ярлык схизмы и секты пристал к Русской церкви навсегда, и не только благодаря перу Длугоша" (*Гейштор А.* Образ Руси. С. 22); ср. анонимное Описание Восточной Европы 1308 г., в котором русские именуются схизматиками и неверными (Descriptio Europe orientalis. P. 41). (Именно ввиду пристрастности Длугоша в этом вопросе его известие о повторном крещении Ярославны выглядит сомнительным: для хрониста было естественно именно так интерпретировать наличие двух имен у русской княгини. Между тем в древнерусском княжеском доме того времени двуименность – наличие мирского, династического, и крещального имени – была правилом. Есть прямые свидетельства тому, что при заключении политических межконфессиональных браков в княжеской среде в то время не требовалось не только перекрещивания, но и вообще перехода в новую конфессию,

пусть даже только путем миропомазания, хотя в браке и давалось новое имя (о практике смены имени в таких случаях, причем не обязательно в иноконфессиональной среде, см.: *Thoma G.* Namensänderungen). Так, по сохранившемуся латинскому молитвеннику Гертруды, польской жены киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1078, с перерывами), видно, что она до конца дней оставалась католичкой (Manuscriptum Gertrudae. P. 105–157); гипотеза о возвращении ее в католичество во время изгнания из Руси вряд ли состоятельна: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 566–569. Коль скоро еще в отлучительной грамоте кардинала Гумберта константинопольскому патриарху Михаилу Кируларию (1043–1058) от 1054 г. греки обвинялись в том, что "подобно арианам перекрещивают крещеных во имя Святой Троицы, а пуще всего – латинян", то можно заключить, что хотя фактически практика перекрещивания латинян – видимо, на низовом уровне приходских священников – существовала, Западная церковь, признавая провозглашаемое в Символе веры "единокрещение" ("baptismum unum"), считала в это время повторное крещение уже крещеных именем Св. Троицы недопустимым, т. е. сама его, по крайней мере *de iure*, не практиковала. Общий обзор свидетельств на эту тему см.: *Голубинский Е. Е.* История. Т. I/2. С. 805–807. – *Ред.*).

133 Маслав был, вероятно, комитом Мазовии при короле Мéшке II, но в ходе кризиса польской государственности после смерти Мéшка попытался отделиться от Польши. В 1047 г. в ходе войны с Казимиром I он погиб, и Мазовия вернулась в состав державы Пястов (*Bieniak J.* Państwo; *Urbańczyk S.* Miecław; *Urbańczyk S., Beniak J.* Miecław. S. 247; *Руссоцкий С.* Мазовецкая государственность. С. 157). (Сведений о русской помощи Казимиру против мазовшан в польских памятниках не отыскивается, поэтому Длугош взял их, очевидно, из своего древнерусского источника; ср.: ПВЛ. С. 67–68 (под 1041 и 1047 гг.), а также несколько отличные данные Свода 1423 г.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 116 (под 1043 и 1047 гг.); Т. 6. Вып. 1. Стб. 178–180 (под 1041, 1043 и 1047 гг.). См. также примеч. 126; о проблематике в целом см., например: *Королюк В. Д.* Западные славяне. С. 308–323. – *Ред.*).

134 Будущий польский князь Болеслав II Смелый или Щедрый (1058–1079), король с 1076 г. Время его рождения, по оценками историков, колеблется от 1039 до 1041/42 г. (см. обзор: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 153–154. – *Ред.*).

135 Владислав-Герман, или Владислав I, польский князь в 1079–1102 гг. Иногда считают, что имя "Владислав" появилось в польской княжеской династии благодаря русским связям Казимира I (*Powierski J.* O pochodzieniu. S. 36–47). (Датировка рождения Владислава замыкается между 1042 и 1044 гг.: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 159–162. – *Ред.*).

[136] (Систематические выплаты в папскую казну, носившие название "денария св. Петра" ("denarius sancti Petri"), имели место в Польше еще при Болеславе I, но потом прекратились во время политической смуты. Польша принадлежала к странам, которые с XI–XII вв. прочно сохраняли этот обычай (Венгрия, скандинавские королевства), на древность которого именно в Польше ссылался уже папа Иннокентий IV (1243–1254) (*Potthast A.* Regesta. N 14975); о проблеме в целом см.: *Maschke E.* Der Peterspfennig. – *Ред.*).

[137] Мешко, согласно Рочнику краковского капитула, родился 16 апреля 1045 г. (Ann. cap. Crac. P. 48. – *Ред.*); ум. в 1065 г.

[138] (Имеется ввиду так называемая Саксонская династия германских королей и императоров, наиболее известными представителями которых были Оттон I (936–973), Оттон II (973–983) и Оттон III (983–1002). Близость к династии Оттонов обусловлена браком Мéшка II и Риксы (см. примеч. 120), но имя "Оттон" в польской княжеской династии встречается и раньше: так звали младшего брата Мéшка (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 122–124), названного в честь Оттона III. – *Ред.*).

[139] Король Венгрии Андрей (Эндре) I (1046–1060) (восшедший на трон при военной и политической поддержке Ярослава Мудрого, свергнув короля Петера (1038–1046, с перерывом). Имя его русской жены сообщает только Длугош, хотя сам факт брака подтверждается целым рядом других, как венгерских (SRA. T. 1. P. 56, 345), так и иностранных (*Adam Brem.* III, 13, schol. 62. P. 153), источников. В науке брак часто датируют временем ок. 1039 г., однако наиболее вероятной датой является ок. 1046 г., примерно одновременно с восшествием Андрея на престол. – *Ред.*). Историки связывают с именем Ярославны строительство в Венгрии двух православных монастырей – у Вышеграда и в Тормове (комитат Бихар) (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 52).

[140] Шаламон (Соломон), король Венгрии (1063–1074) (ум. в 1087 г. *Ред.*); Давид, второй сын Андрея I, ум. после 1091 г.

[141] Сокращенное изложение сообщения Повести временных лет под 1054 г. (ПВЛ. С. 70). Изяслав Ярославич, второй после умершего в 1052 г. Владимира сын Ярослава Мудрого. Был посажен отцом в Киеве и оставался киевским князем до 1068 г., когда киевляне, недовольные его нерешительностью в борьбе с половцами, восстали, вынудив Изяслава бежать в Польшу к племяннику своей жены Болеславу II. В 1069 г. он с польской помощью вернул себе Киев, но в 1073 г. его изгоняют братья Святослав и Всеволод. В 1077 г., после смерти Святослава, Изяслав снова становится киевским князем, но в 1078 г. погибает. Святослав Ярославич получил от отца Черниговское княжество, в 1073 г. отнял у Изяслава Киев, где просидел до 1076 г., когда умер. Был женат на немке Оде (двоюродной племяннице германского короля Генриха IV.

Ред.). Всеволод Ярославич, получивший от отца Переяславль Русский и Ростов, с 1078 г. и до смерти в 1093 г. – князь киевский. Был женат на родственнице (дочери?) византийского императора Константина IX Мономаха (1042–1055). "Григорий" Длугоша – это Игорь (Ярославич, получивший при разделе 1054 г. Волынь, затем, в 1057 г., после смерти брата Вячеслава, был переведен в Смоленск. Вячеслав Ярославич, получивший в 1054 г. Смоленск, скончался в 1057 г. День смерти Ярослава, приведенный Длугошем – 7 ноября – не возводи́м к летописи, где находим "в суботу 1 поста святаго Феодора", или, учитывая чтения различных списков Повести, "месяца февраля, в суботу 1 поста, на святаго Феодора" (*Шахматов А. А.* Повесть. С. 205 и примеч. к строке 10). *Ред.*).

142 (Пересказ сообщений Повести временных лет под 1057 и 1060 гг.: ПВЛ. С. 71. Хронист ошибается, считая Вячеслава бездетным: сын его Борис погиб в 1078 г. в схватке с Изяславом и Всеволодом Ярославичами, о чем ниже сообщает и Длугош; см. примеч. 179. Григорий – Игорь Ярославич. – *Ред.*).

143 "Четыре мальчика" – это сыновья Болеслав, Владислав, Мешко и Оттон, о рождении которых Длугош сообщал выше (см. примеч. 134–135, 137–138). Аналогичное сообщение находим у Анонима Галла (I, 19): Казимир имел от Добронеги "четырех сыновей и одну дочь, просватанную впоследствии за короля Чехии" (*Галл.* С. 51). Имени ее Аноним, в отличие от имен сыновей, не называет. У Козьмы Пражского она именуется Святавой (*Zuatava*) (*Cosm.* II, 20. P. 112. – *Ред.*). Вероятно, ее полным именем было "Святослава" (Об этом можно говорить с полной определенностью, так как под именем *Zwatislava* княгиня упомянута под 1 сентября в помяннике Пегауского монастыря: Calendarium Pegavense. Col. 142; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 176. – *Ред.*). В 1062 г. она была выдана за чешского князя Вратислава II (1061–1092), короля с 1085/86 г.

144 (Пересказ летописной статьи 1061 г.: ПВЛ. С. 71; "Секал" – форма имени, близкая к "Сокал" Ипатьевского и Хлебниковского списков (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152), с которыми в данном случае сходны Радзивиловский и Академический (см. также: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 121; Т. 6. Вып. 1. С. 184; Т. 23. С. 22), тогда как в Лаврентьевском находим "Искалъ" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163 и примеч. 18). – *Ред.*).

145 Речь идет о событиях 1068 г. (ПВЛ. С. 73–75). Изяслав, Святослав, Всеволод – трое старших сыновей Ярослава Мудрого, об уделах которых Длугош, в соответствии со своими древнерусскими источниками, сообщил выше под 1051 г. (см. примеч. 141). Никаких следов обширного Поучения о казнях Божиих, включенного в эту годовую статью Повести временных лет в связи с катастрофиче-

ским поражением от половцев, у Длугоша нет. Не значит ли это, что в древнерусском источнике хрониста его и не было? "Олха" – искаженное название реки Альты (см. также примеч. 111).

[146] Изяслав приходился Болеславу не "братом", как пишет Длугош, а мужем его тетки Гертруды, дочери Казимира I. (Однако польские источники Длугоша о русском браке Гертруды ничего не сообщают; свидетельство Новгородской IV и Софийской I летописей, которые отмечают замужество сестры Казимира за Изяслава в конце статьи 1043 г., одновременно с известием о русском браке самого Казимира (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 116; Т. 6. Вып. 1. С. 179), осталось Длугошу не известным, несмотря на то что так называемый Свод 1423 г., по А. А. Шахматову и некоторым другим исследователям, числился среди древнерусских источников Длугоша. Поэтому родство Болеслава II и Изяслава хронист исчислял не через польскую мать последнего, а через русскую мать Болеслава, дочь Владимира Святославича; об этом прямо свидетельствует уточнение "родному брату от тетки" (мать Болеслава приходилась теткой Изяславу). При таком счете и Болеслав, и Изяслав были внуками Владимира и, следовательно, действительно двоюродными братьями; о неоднозначном употреблении Длугошем термина *(frater) germanus*, который мы везде условно переводим как "родной брат", см. примеч. 255. Именование Длугошем Болеслава II королем для периода до 1076 г. анахронично. – *Ред*.).

[147] (О Мстиславе и Святополке Изяславичах см. примеч. 163, 198. *Ред*.).

[148] ("Паннонский изгнанник" – это венгерский герцог, а затем король Геза I (см. примеч. 165); "чешский" – младший брат чешского князя Вратислава II (1061–1092) Яромир, которого Вратислав заставил в 1061 г. вступить в духовное звание и который в знак протеста бежал в Польшу, откуда вернулся только в 1068 г., чтобы стать пражским епископом. "Русский изгнанник" – Изяслав Ярославич. – *Ред*.).

[149] Всеслав Брячиславич, князь полоцкий, с двумя сыновьями хитростью захваченный Ярославичами в плен после неудачной для себя битвы на реке Немиге. С небольшими перерывами сохранял полоцкий стол с 1044 по 1101 г. Описаны события 1067 г. (ПВЛ. С. 72), которые по неясной причине Длугош переставил местами с рассказом о поражении Ярославичей от половцев и освобождении Всеслава. (Очевидно, для этого были какие-то основания; хронист начал было рассказ о пленении Всеслава в статье 1058 г., т.е., по своей хронологии, за год до поражения Ярославичей от половцев (1068 г.; по Длугошу – 1059), но прервал изложение на полуслове: см. с. 108, текстологич. примеч. а к 1058 г. – *Ред*.). Бретислав – полоцкий князь Брячислав Изяславич (см. примеч. 114), отец Всеслава, двоюродный брат Ярославичей. (По летописи,

трое Ярославичей ополчились на Всеслава за разграбление им Новгорода, что подтверждается и независимым свидетельством Новгородского первой летописи старшего извода под 1066 г. (НПЛ. С. 17). Длугош почему-то предпочитает говорить о какой-то не совсем понятной "зависти" Ярославичей к Всеславу. – *Ред.*).

150 Река Немига, приток Свислочи (*Насонов А. Н.* "Русская земля" С. 155, 245). (Форма *Nyemcza* могла получиться в результате зрительной ошибки из первоначального *Nyemiza/Nyemeza*, которое отражало летописное "на Немизе" – *Ред.*).

151 См. примеч. 137.

152 См. примеч. 135.

153 (Сведения Длугоша о браке Болеслава II с дочерью русского князя не подтверждаются никакими другими источниками (В. Н. Татищев, развивая Длугоша, видит в тесте Болеслава черниговского князя Святослава Ярославича: *Татищев В. Н* История. Т. 2. С. 84). Несмотря на это некоторые исследователи принимают данные Длугоша, хотя иногда и с оговорками (*Линниченко И. А.* Взаимные отношения. С. 53; *Baumgarten N.* Généalogies. Table IV № 5; *Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 42; и др.). Однако они вряд ли заслуживают доверия (*Balzer O.* Genealogia. S. 95; *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 580–582), хотя русское происхождение супруги Болеслава и матери его единственного сына Мéшка не исключено (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 155–156). На тенденциозный вымысел Длугоша, вероятно, указывает и то нарочито подчеркиваемое им обстоятельство, будто русская княжна была единственным ребенком своего отца и его наследницей, что явно не подходит ни к одному из тогдашних русских князей и, напротив, соответствует магистральной идее хрониста о наследственной принадлежности части Руси польским князьям. Имя "Вышеслава" в статье 1067 г. автографа отсутствует, для него оставлен пробел, заполненный в изданиях; но в статье 1069 г. оно вписано рукой самого Длугоша. – *Ред.*).

154 Мешко (1069–1089), сын польского князя и короля Болеслава II; в 1079 г. вместе с отцом и матерью бежал в Венгрию, откуда был вызван в Польшу дядей Владиславом-Германом в 1088 г., но уже в следующем году умер. О русском браке Мéшка и его смерти Длугош сообщает ниже в статьях 1088 и 1089 гг. (Ламперт-Зула – епископский краковский в 1061–1071 гг. – *Ред.*).

155 (В своем пространном рассказе под 1070–1071 гг. Длугош, чрезвычайно амплифицируя, переосмысляет сведения о помощи Болеслава II беглому Изяславу Ярославичу, которые он почерпнул из своих древнерусских источников (ср. статью 1069 г. Повести временных лет: ПВЛ. С. 75). – *Ред.*).

156 (Бела I, венгерский король в 1061–1063 гг., был женат на сестре Казимира I, т. е. тетке Болеслава II; ум. в 1063 г., так что уверения

Длугоша о скорби Болеслава по поводу смерти Белы под 1070 г., как и последующий рассказ о возвращении в Венгрию Шаламона, выглядят анахронично (Длугош датирует смерть Белы 1069 г.). *Ред.*).

[157] Имеется в виду киевский поход Болеслава I Храброго в 1018 г., о котором Длугош много писал выше.

[158] Всебор – воевода не Болеслава II, а Болеслава III Кривоустого (ВПХ. С. 104, 108), упоминаемый также и у Длугоша (см., например, под 1137 г.) (ср. примеч. 103. – *Ред.*).

[159] О колоннах, якобы воздвигнутых Болеславом I, см. примеч. 108.

[160] (Длугош не устает проводить мысль о Руси как части польских земель и, подобно Ливию, вкладывает ее в уста своих героев. (Осса – правый приток Вислы, который считался границей между Польшей и Пруссией (*Dlug.* P. 77). Утверждение Длугоша о польских пределах, якобы простиравшихся до Савы – как минимум, фантастическое преувеличение, и более в Анналах оно нигде не встречается. – *Ред.*).

[161] "Вышеслав" – Всеслав Полоцкий (см. примеч. 149), в других местах Анналов Длугоша именуемый своим правильным именем.

[162] (Здесь и ниже (см. примеч. 168) Длугош по непонятной причине считает Всеволода Ярославича одним из черниговских князей, хотя выше сообщал о его посажении в Переяславле и правильно именовал князем переяславским. – *Ред.*).

[163] Надо отметить, что следуя в целом в сюжетной канве за древнерусской летописью (ПВЛ. С. 75; под 1069 г. – *Ред.*), Длугош воздержался от пересказа анекдотических рассказов своих польских предшественников о пребывании Болеслава II в Киеве (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 46, 53, 87–88, 100–101), которые столь занимали комментаторов (*Grudziński T* Ze studiów. S. 24–25; *Kościelak L.* Narodziny. S. 49–51; *Kozłowska-Budkowa Z.* W sprawie. S. 121–125). (Мстислав Изяславич – вероятно, старший сын Изяслава Ярославича; в 1060-е гг. сидел в Новгороде, в 1068 г. бежал вместе с отцом в Польшу, вернулся в 1069 г. и тогда же умер на полоцком столе. – *Ред.*).

[164] Об осаде и захвате Болеславом II Перемышля нет никаких известий ни в польских, ни в русских источниках; высказывалось мнение, что Длугош измыслил эти события (*Лимонов Ю. А.* Культурные связи. С. 38). О Перемышле см. примеч. 65. Так или иначе, с 1080-х гг. Перемышлем владел Рюрик Ростиславич, внук Ярослава Мудрого, затем он переходит в руки брата Рюрика – Володаря Ростиславича и его потомства. Южная граница Перемышльской волости проходила в Карпатских хребтах, западная – в лесах между реками Вислокой и Дунайцем и Сандомирской пущей (*Исаевич Я. Д.* Грады Червенские. С. 107–108); эта польская граница

"горной страны Перемышльской", как она именуется в летописи, была достаточно неустойчивой (*Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівсьтво. С. 7). (Междуречье Дунайца и Вислоки, по Длугошу, в XII в. было уже польской территорией; см. примеч. 269. – *Ред.*).

[165] (Геза, Владислав (Ласло) и Ламберт – это сыновья венгерского короля Белы I (см. примеч. 156), которые вели борьбу с двоюродным братом венгерским королем Шаламоном (1063–1074) (см. примеч. 139); в ее результате престол перешел к Гезе I (1074–1077), а затем к Ласло I Святому (1074–1095). Поскольку Бела I был женат на сестре польского князя Казимира I, то сыновья Белы приходились двоюродными братьями Болеславу II, что и обусловило их союзные отношения. Длугош напрасно титулует германского короля Генриха IV (1056–1106) императором, каковым тот стал только в 1084 г. См. также примеч. 167. – *Ред.*).

[166] (*Muzur* Длугоша – ошибка или описка вместо *Muzun*; имеется в виду Мошонь (Визельбург) – крепость несколько южнее Пожони (Братиславы). – *Ред.*).

[167] (Рассказ Длугоша анахроничен (см. примеч. 156). По венгерским источникам известно, что Болеслав поддержал Гезу и его младших братьев, способствовав возвращению их из Польши в Венгрию и заключению мира между ними и Шаламоном в 1064 г. (SRA. T. 1. P. 361–362). В 1072 г. отношения между Шаламоном и сыновьями Белы были мирными. В столкновении 1074 г., после которого Геза вынудил Шаламона бежать в Германию, Геза посылал за помощью в Польшу и на Русь, но она не пришла, так что в решающем сражении при Модьороде 14 марта 1074 г. союзником Гезы и Ласло выступил только оломоуцкий князь Оттон I, младший брат чешского князя Вратислава II, женатый на дочери Белы I (SRA. T. 2. P. 380–391). Таким образом, участие Болеслава II в венгерских событиях у Длугоша, судя по всему, сильно преувеличено, хотя верно схвачена общая картина политической изоляции польского князя в 1070-е гг., к врагам которого следует причислить также германского короля Генриха IV, твердо поддеживавшего Шаламона, и чешского князя Вратислава II, верного союзника Германии. Генеалогически старший Шаламон (его отец Андрей I был старшим братом Белы I) был, тем не менее, младшим по возрасту: он родился в 1053 г., тогда как Геза – ок. 1044 г., а чуть позже – и Ласло. – *Ред.*).

[168] (См. примеч. 162. – *Ред.*).

[169] Длугош пересказывает события, изложенные в Повести временных лет под 1073 г. (ПВЛ. С. 78–79). Вторичное изгнание Изяслава оказалось длительным: с 1073 по 1077 г.; не найдя поддержки в Польше, киевский князь искал ее в Германии и Риме. (О сложных проблемах, связанных с реконструкцией обстоятельств изгнания

Изяслава Ярославича в 1073 г. и пребывания его и его семейства за границей, см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 505–539. Болеслав помог Изяславу только после того, как политическая ситуация в самом Киеве радикально переменилась в результате смерти Святослава. – *Ред.*).

170 (Длугош переходит к летописным событиям 1076 г. (ПВЛ. С. 85). – *Ред.*).

171 (Известия о Глебе Святославиче в статье 1076 г. в сохранившихся списках Повести временных лет нет; см. о нем ниже примеч. 176. "Новогродек" Длугоша – это Новгород, если полагать, что хронист по какой-то причине суммирует здесь сведения о Глебе, изложенные им ниже в статье 1075 г. Но почему тогда он называет этот "Новогродек"-Новгород княжеством Святослава, которого везде правильно именовал князем черниговским? – *Ред.*).

172 (Рассказ Длугоша о военных действиях Болеслава II на Волыни перед походом на Киев не находит себе подтверждения в других источниках и носит явно анахронический характер: Холм в XI в. еще не существовал (см. примеч. 69), Волынь, напротив, к 1070-м гг. давно уступил свою роль стратегической крепости Владимиру и Берестью. Указание на якобы шестимесячную осаду Волыня противоречит тому, что уже 15 июля 1077 г. Изяслав с Болеславом вступают в Киев. Видимо, повествование Длугоша есть не что иное как идеологически мотивированная амплификация краткой летописной заметки под 1077 г.: "Всеволод же иде противу брату на Волынь, и створиста мир" (ПВЛ. С. 85). – *Ред.*).

173 Под "Григорием" Длугош имеет в виду, вероятно, Игоря Ярославича, получившего Волынь в 1054 г. (см. примеч. 141); однако Игорь умер в 1060 г., к тому же на смоленском столе (ПВЛ. С. 78). Известие о князе "Григории"-Игоре принято считать вымыслом Длугоша, однако в Поучении Владимира Мономаха есть намек на какие-то сражения с поляками в районе Берестья: "посласта Берестию брата на головне, иде бяху ляхове пожгли" (ПВЛ. С. 102), что было, видимо, как раз примерно в 1074 г. Так что Длугош, путая даты и события, тем не менее считает важным донести до читателя сведения об очередных победах польского князя. (Что зимой 1074–1075 гг. Болеслав вел какие-то военные действия на польско-русском пограничье, у Берестья, едва ли подлежит сомнению, хотя слово "ляхове" в единственном списке Поучения отсутствует, являясь общепринятым добавлением издателей по смыслу. Однако Поучения среди источников Длугоша не было. Но даже если хронист имел сведения о военном конфликте зимой 1074–1075 гг. из каких-то других источников, все равно ясно, что локальное пограничное столкновение он превратил в мифическую завоевательную кампанию, в ходе которой вся Волынь якобы перешла под власть Польши. Коль скоро Владимир Мономах,

сидевший тогда во Владимире-Волынском, ходил в 1075 г. "блюсти город тих" Берестье, то, следовательно, в самом Владимире было все в порядке. В любом случае никакого князя "Григория"-Игоря в это время на Волыни не было, так как после смерти Святослава Ярославича в конце 1076 г. и до возвращения Изяслава в 1078 г. на Волыни сидел Олег Святославич. – *Ред.*).

174 (Сведения Длугоша о битве между Болеславом и Всеволодом Ярославичем, который, и в самом деле, после смерти Святослава стал князем киевским, не соответствуют действительности: встреча Всеволода и Изяслава закончилась миром (ПВЛ. С. 85). – *Ред.*).

175 (Все пространное риторическое повествование об осаде и взятии Болеславом II Киева является всего лишь до чрезвычайности преувеличенным переосмыслением кратких известий его польских предшественников Анонима Галла (I, 23) и Винцентия Кадлубка (II, 18) о победоносном вступлении польского князя в Киев в 1069 г.; никаких намеков на военные столкновения при этом в них нет, а есть лишь эпизод с ударом меча в Золотые ворота (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 46, 53, 88–89, 99–100). О победе Болеслава над "королем Руси" и его убийстве, взятии Киева и т. п. столь же неосновательно, хотя и значительно менее многословно пишет только автор Великопольской хроники (ВПХ. С. 71). – *Ред.*).

176 Сведения о гибели Глеба Святославича, вокняжении в Новгороде Святополка Изяславича и распределении княжеских столов после второго возвращения Изяслава Ярославича в Киев взяты из древнерусского источника, ср.: ПВЛ. С. 85 (под 1078 г.); (см. также примеч. 171. Старший сын покойного князя киевского Святослава Глеб сидел в Новгороде с 1073 г.; погиб в Заволочье 30 мая 1078 г. Слов о том, что Глеб был "подло убит своими", ни в Повести временных лет, ни в Новгородской первой летописи (НПЛ. С. 18) нет. Вместе с тем это толкование событий Длугошем, вполне вероятно, справедливо: договор Всеволода и вернувшегося в Киев Изяслава предполагал вытеснение Святославичей с их столов; такова была и судьба волынского князя Олега Святославича (см. о нем ниже и примеч. 180). О Ярополке и Святополке Изяславичах см. примеч. 183, 198; Владимира Всеволодовича Мономаха (примеч. 181) Длугош принял за Изяславича из-за двусмысленности летописного текста: Владимир назван после Святополка и Ярополка без каких-либо уточнений родства. – *Ред.*).

177 Дальнейший рассказ о нравственном разложении Болеслава и польского войска в Киеве, о польках, вступивших в связь с рабами и проч. заимствован Длугошем из Великопольской хроники (гл. 13–14: ВПХ. С. 73–74) и частично из хроники Кадлубка (II, 18–19) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 88, 100). Однако в Великопольской хронике нет

упреков в надменности и распутстве самому князю Болеславу. Краковский епископ XV в., воспитатель королевских сыновей намеренно осуждал правителя, дабы потом объяснить его жестокость к провинившейся знати и, конечно, к краковскому епископу св. Станиславу, четвертованному свирепым королем за попытки увещевать его. Обвиняя Болеслава в "содомском грехе", который тот якобы позаимствовал на Руси, Длугош идет вслед за житиями св. Станислава (MPH. 1884. Т. 4. P. 278, 384). Здесь хронист был особенно чувствителен: так, он объяснял варненское поражение польского короля Владислава III (1434–1444) в 1444 г. тем, что тот предавался "мужской похоти" (*Dlug*. Lib. VII. P. 729) (*Гейштор А*. Образ Руси. С. 13, 16, 24–25). Также и слова Кадлубка, а за ним и Длугоша, о щенках, прикладывавшихся к грудям женщин вместо младенцев, почерпнуты из канонизационной грамоты св. Станислава середины XIII в. (MPH. 1872. Т. 2. Р 206 ff.) (*Plezia M*. Od Aristotelesa do Złotej Legendy. S. 366 ff.).

178 (Имеется в виду рассказ римского историка III в. Юстина, сократителя огромной Римской истории Помпея Трога (I в.), упоминаемый у Кадлубка (II, 19), об измене скифских жен с собственными рабами, пока их мужья пребывали в походе в Азию (*Iust*. II, 5). *Ред*.).

179 (Борис Вячеславич, сын покойного смоленского князя Вячеслава Ярославича. В дальнейшем речь идет о событиях осени 1078 г., завершившихся роковым для Бориса и киевского князя Изяслава Ярославича сражением на Нежатиной ниве (ПВЛ. С. 85–86). Рассказ Длугоша следует летописному. "Сичче" Длугоша – это искаженное летописное "Сожице" (видимо, в источнике хрониста название было написано с выносным над строкой "ж"), "Гиван" и "Покей" – это Иван и Порей летописи, "Тукич" получился из-за неверного разделения на слова фразы "Тукы Чюдин брат" Древнерусский источник Длугоша представлял собой в данном случае список Повести временных лет типа Ипатьевского, так как в списках группы Лаврентьевского испорчена дата сражения на Сожице – 25 августа: в Радзивиловском и Академическом видим 26 августа, в Лаврентьевском 25, но с утратой названия месяца (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200 и примеч. 41). Кроме того, в Радзивиловском и Академическом списках отсутствует упоминание о Порее, а в Лаврентьевском оно слито с последующим текстом: "Порей и ини" превращено в "Пореяни" Из-за некоторой неотчетливости летописного текста в конце статьи 1078 г. Длугош посчитал названного здесь Ярополка сыном Всеволода, хотя речь идет об Изяславиче. – *Ред*.).

180 Олег Святославич, сын черниговского, а затем киевского князя Святослава Ярославича (см. примеч. 141). Лишенный волынского стола после возвращения Изяслава Ярославича в Киев в 1077 г.

(Олег был выведен из Владимира только весной 1078 г. – *Ред.*) и не получив поддежки Всеволода Ярославича, Олег бежал в Тмутаракань, где княжил его младший брат Роман Святославич, и вместе с другим князем-изгоем Борисом Вячеславичем безуспешно пытался в 1078 г. при помощи половцев захватить под Всеволодом отцовский Чернигов. Вернувшись в Тмутаракань, он был схвачен и оказался в византийском плену, в котором пробыл до 1083 г. С 1083 по 1094 г. княжил а Тмутаракани. В 1094 г., после смерти киевского князя Всеволода Ярославича, с половецкой помощью вернулся на Русь, вытеснив из Чернигова Владимира Мономаха. На Любечском съезде 1097 г. за Олегом и его братом Давыдом было закреплено Черниговское княжество, причем Олег сидел, вероятно, в Новгороде-Северском. Ум. в 1115 г. Был женат на гречанке Феофано Музалон, затем – на дочери половецкого князя Осолука. Длугош называет Олега Алексеем по созвучию имен, так же как Игоря – Григорием (см. примеч. 173).

181 (Всеволод Ярославич оказался на черниговском столе в 1077 г., уступив Киев Изяславу (*Назаренко А. В.* Черниговская земля. С. 59–66). Его сын Владимир Мономах занимал в это время стол в Переяславле. – *Ред.*). Владимир Всеволодович Мономах, родился в 1053 г. от первого брака Всеволода с родственницей (дочерью?) византийского императора Константина IX Мономаха, откуда и прозвище князя. Владимир был одним из авторитетнейших и политически умудренных князей, настойчиво боровшимся против братоубийственных распрей, организатором и участником походов в Половецкую степь. Его жизнь и взгляды мы знаем лучше, чем кого-либо другого из современников-князей благодаря автобиографическому Поучению и Посланию Мономаха к двоюродному брату Олегу Святославичу. При жизни отца занимал различные столы: в Ростове (на Волыни, в Турове. – *Ред.*), Смоленске, затем, в 1078–1094 гг. – в Чернигове, в 1194–1113 гг. – в Переяславле. С 1113 г. до самой смерти в 1125 г. – князь киевский. Был женат на Гиде, дочери последнего англосаксонского короля Харальда. (По последним данным, Мономах женился еще дважды, имея от второго брака сыновей Юрия Долгорукого, Андрея и Романа: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 585–616. – *Ред.*).

182 Об Изяславе см. примеч. 141.

183 Ярополк, в крещении Гавриил (см., однако, ниже. – *Ред.*), был, по нашему мнению, младшим сыном киевского князя Изяслава Ярославича; его матерью была полька Гертруда, дочь короля Ме́шка II, которая, таким образом, по матери приходилась правнучкой германскому императору Оттону II (973–983). Судьба Ярополка необычна. Во время второго изгнания своего отца он сыграл значительную политическую роль, когда Изяслав и его польская супруга искали помощи у римского папы Григория VII (1073–1085).

Исполнителем их планов стал Ярополк. Он переходит в католическую веру матери, получает второе христианское имя Петр. В написанном рукой самой Гертруды латинском молитвеннике, который был украшен пятью роскошными цветными миниатюрами, есть изображения Петра-Ярополка, его жены Ирины (по-немецки – Кунигунды, падчерицы тюрингенского маркграфа Деди. *Ред.*) и самой Гертруды (Manuscriptum Gertrudae). О сыне Петре Гертруда молится к Христу, Пресвятой Деве, св. Елене и, конечно, к св. Петру, молится о защите войска Петра, его семьи и его самого "во имя *единства* (выделено нами. – *Н. Щ.*) святой церкви" (*Щавелева Н. И.* Молитвы. С. 30–32). Гертруда лелеет надежду на единство церкви. Это во многом объясняет поступки ее сына Ярополка, прибегшего к покровительству Рима. Княгиня молит Богоматерь окружить сына Петра в битве "необоримой стеной" ("muro inexpugnabili"). Невольно приходят на память буллы, идентифицированные В. Л. Яниным как печати Изяслава и Ярополка. Они несут изображения святых покровителей этих князей – св. Димитрия и св. Петра, а на другой стороне – поясное изображение Богоматери Оранты, прозванной киевлянами Нерушимой стеной; по мнению исследователя, этими печатями князья пользовались в изгнании (*Янин В. Л.* Актовые печати. Т. 1. С. 150). Для аудиенции у папы почва была готова, и сын киевского князя, преданный католик, отправляется в Рим. Об этом известно из послания Григория VII от 17 апреля 1075 г. (Reg. Greg. VII. N II, 74. – *Ред.*), адресованного не только Изяславу, но и Гертруде (папские обращения к женщинам крайне редки). Это говорит о признании особых заслуг русской княгини перед папским престолом (*Щавелева Н. И.* Князь Ярополк. С. 132–136). (Н. И. Щавелева трактует сюжет в соответствии с гипотезой В. Л. Янина о том, что во время пребывания в изгнании Ярополк Изяславич перешел в католичество (*Янин В. Л.* Русская княгиня. С. 142–164). Однако эта гипотеза не представляется убедительной по целому ряду причин (*Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 566–570); крещальное имя "Петр" Ярополк носил в православии, и печати с изображением архангела Гавриила, атрибутированные В. Л. Яниным как печати Ярополка, последнему, таким образом, не принадлежали. Печати с изображением Богоматери и того или иного патронального святого В. Л. Янин в целом склонен считать, вслед за Н. П. Лихачевым, епископскими (*Янин В. Л.* Актовые печати. Т. 1. С. 147–150), но по отношению к печатям с изображением св. Петра не делает этого на том основании, будто во владениях Ярополка "при его жизни епископских кафедр не было" Это неверно. По самым осторожным оценкам епископия во Владимире-Волынском была учреждена в 1080-е гг., т. е. как раз еще в княжение там Ярополка Изяславича (*Poppe A.* Państwo. S. 175–179; *Щапов Я. Н.* Государст-

во. С. 39–40), а вероятно, и того раньше (*Назаренко А. В.* Владимиро-Волынская епископия. – *Ред.*).

184 (Т. е. Вячеслава Ярославича. – *Ред.*).

185 В Десятинной церкви. Так сообщает и Повесть временных лет, но в Слове о полку Игореве говорится о погребении в соборе святой Софии (Слово о полку Игореве. С. 5–6). Верность известия Слова пытается обосновать В. А. Кучкин (*Кучкин В. А.* "С тоя же Каялы Святоплъкъ..." С. 87–113).

186 Фрагмент является сокращенным, а отчасти искаженным парафразом летописи, ср.: ПВЛ. С. 87 (под 1079 г.). Роман – младший сын киевского князя Святослава Ярославича, сидевший в Тмутаракани либо с 1067 г., когда погиб княживший здесь Ростислав Владимирович, либо с 1068/69 г., когда старший из Святославичей Глеб получает Новгород. Убит половцами 2 августа 1079 г. Длугош ошибочно перенес эту дату на время заключения мира между Всеволодом и Романом (в Повести временных лет – между Всеволодом и половцами). Отсюда и ошибочный вывод, будто половцы убили Романа, будучи недовольны миром. (Длугош не понял сути событий: горячий Роман явно хотел продолжить неудачное начинание старшего брата Олега, пытавшегося закрепиться в Чернигове в предыдущем году, а не захватить Киев, как домысливает Длугош. – *Ред.*).

187 Далее Длугош пересказывает события, изложенные в Повести временных лет под 1085–1086 гг. (ПВЛ. С. 87–88). (В киевское вняжение Всеволода Ярославича Ярополк княжил на Волыни, к которой был придан Туров; оказался в конфликте со Всеволодом, который наделил за счет Южной Волыни своих двоюродных внуков, сыновей Ростислава Владимировича, а в 1084 г. отделил от Волыни Дорогобуж, отдав его Давыду Игоревичу; так что дело не в желании Ярополка занять киевский стол, как полагает Длугош; в ходе противоборства с Ростиславичами Ярополк и погиб в 1086 г. – *Ред.*).

188 (Весь драматический рассказ Длугоша о коварстве некоего советника Всеволода есть всего лишь амплификация летописной реплики "послуша злых советник" – *Ред.*).

189 Владимир Мономах (см. примеч. 181).

190 (В Польше в это время – в 1085 г., а не в 1078, как у Длугоша – правил не Болеслав II, а его младший брат Владислав-Герман (см. примеч. 135). О сложном внешнеполитическом контексте, в который были вписаны отношения Ярополка и Всеволода к Владиславу-Герману в это время, см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 539–553. – *Ред.*).

191 (О том, что Нерадец был "приближенным" именно Ярополка в древнерусской летописи сведений нет. – *Ред.*).

[192] (Рюрик Ростиславич, старший из сыновей Ростислава Владимировича, сидевший в Перемышле; ум. в 1092 г. – *Ред.*).

[193] (Ростислав, младший сын Всеволода Ярославича, рожденный, в отличие от Владимира Мономаха, от второго брака; родился в 1070 г., погиб в 1093 г. Возможно, в 1086 г. он уже занимал переяславский стол, на котором видим его после смерти отца. – *Ред.*).

[194] (Киевский митрополит Иоанн II (до 1077/78–1089). – *Ред.*).

[195] Несмотря на латинское прошлое, католическое имя (ср., однако, примеч. 183. – *Ред.*) и обращение к папе, Ярополк заслужил похвалу русского летописца (ПВЛ. С. 88). Сквозь риторику похвального слова проступает историческая канва. Тело убитого князя встречает сам митрополит, следовательно, Ярополк сумел внушить почтение к себе деятелям Православной церкви. Погребли князя не в церкви св. Димитрия, как пишет Длугош, а в Димитриевском монастыре, заложенном его отцом, в церкви св. Петра, которую он сам начал строить. Похвала от печерского летописца объяснялась еще и богатыми вкладами Ярополка в Печерский монастырь (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152).

[196] Василько Ростиславич, внук Ярослава Мудрого, сын тмутараканского князя Ростислава Владимировича (1064–1067); по решению Любечского съезда князей в 1097 г. получил Теребовль (он был получен Васильком скорее всего еще при Всеволоде, в первой половине 1080-х гг. – *Ред.*). С согласия киевского князя Святополка Изяславича в том же году был пленен и ослеплен волынским князем Давыдом Игоревичем. Несмотря на попытки Святополка вытеснить Василька и его брата Володаря из их южноволынских владений, они удержались там.

[197] Болеслав II был вынужден бежать из Польши в 1079 г. О набеге Василька на Польшу в источниках сведений нет, но в Повести об ослеплении Василька, включенной в Повесть временных лет, в уста князю вложены слова: “Аз бо ляхом много зла творих” (ПВЛ. С. 113). Возможно, в сообщении Длугоша слышится отзвук реальных событий. (О походе Василька с половцами, как о том пишет и Длугош, на Польшу Повесть временных лет прямо сообщает под 1092 г. (ПВЛ. С. 91). О возможном политическом смысле этой акции см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 555–557. Длугош помещает известие о нападении Василька под 1081 г. потому, что неосновательно увязывает его с неурядицами в Польше после изгнания Болеслава II в 1079 г. Однако в это время родившиеся в 1060-е гг. Ростиславичи скорее всего еще не имели собственных столов и уж во всяком случае не могли предпринимать самостоятельных внешнеполитических действий, находясь под опекой волынского князя Ярополка Изяславича, дружественного Польше; ср.: ПВЛ. С. 87 (под 1084 г.). – *Ред.*).

198 (Длугош излагает события, о которых в Повести временных лет идет речь в конце статьи 1092 и начале статьи 1093 г. (ПВЛ. С. 91–92). Однако в Повести не сказано о том, что Всеволод, скончавшийся на предпасхальной неделе, умер от тех "различных недугов", которые свирепствовали в Киеве до Великого поста 1093 г. Святополк прибыл в Киев, согласно Повести, 24 апреля, "в день антипаскы" (Антипасха, или Фомина неделя, – следующее воскресенье после Пасхи), что Длугош передает не вполне понятным "in Conductu Paschae", которое в русском переводе, в свою очередь, условно передано как "на завершение Пасхи" (можно было бы перевести и "в течение пасхальных [торжеств]"), поскольку по древней церковной традиции Антипасха считалась окончанием пасхальных торжеств (*Пономарев А. В.* Антипасха // ПЭ. 2001. Т. 2. С. 544–545), хотя официальным наименованием Антипасхи в литургическом обиходе Римской церкви является "Dominica in Albis" Святополк – единственный из оставшихся к тому времени в живых сын киевского князя Изяслава Ярославича; с 1079 г. сидел в Новгороде, в 1088 г. перебрался в Туров, сохранив, однако, как можно думать, на некоторое время (до 1091 г.?) за собой и Новгород (*Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 548–551); с 1093 г. и до смерти в 1113 г. – князь киевский. *Ред.*).

199 (Следует подробный парафраз обширного летописного рассказа под 1093 г. (ПВЛ. С. 92–95). – *Ред.*).

200 (Ошибочная агглютинация на основе летописного "къ Треполю" (ПВЛ. С. 92). – *Ред.*).

201 (По летописи, Ростислав стоял в центре, а Владимир – на левом крыле (ПВЛ. С. 93). – *Ред.*).

202 (По летописи, русский лагерь находился не между рвами, а "между валома" (ПВЛ. С. 93). – *Ред.*).

203 (Снова агглютинация из летописного "въ Треполь", причем хронист не замечает, что речь идет о том же самом городе, который он выше (см. примеч. 200) назвал "Котропольем" Эти наблюдения лишний раз подтверждают, что под рукой Длугоша был список Повести временных лет, близкий к группе Ипатьевского, где находим не "къ Треполю" и "въ Треполь", как в списках группы Лаврентьевского, а "къ Тръполю", причем "ъ" в предлоге переделано из "о", и "во Треполь", причем "е" переделано из "ь" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 210, примеч. и, 45; 211 и примеч. м. – *Ред.*).

204 (Торческ; в летописи в этом месте употреблена адъективная форма "Торцьскыи (град)", что делает реконструкцию Длугошем исходной формы типа "Торчь" вполне логичной. – *Ред.*).

205 (Ср.: ПВЛ. С. 95. Других сведений о Ростиславе Мстиславиче, внуке Изяслава Ярославича, нет. 16 ноября – это дата погребения князя в Десятинной церкви (которую Длугош принял за название

города), а не его смерти, как у Длугоша. Большой разрыв между днями смерти – 1 октября – и погребения позволяет думать, что Ростислав княжил где-то далеко от Киева – например, в Тмутаракани. – *Ред.*).

206 (Изложены летописные события 1094 г.: ПВЛ. С. 95. – *Ред.*).

207 (О Добронеге-Марии см. примеч. 130, 132; ее кончина именно под 1087 г. отмечена и в Рочнике краковского капитула (Ann. cap. Crac. P. 53; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148). Станислав – краковский епископ с 1071 (?) по 1079 г., казненный по приказу Болеслава II, с которым оказался в конфликте, вероятно, в связи с планами князя реорганизовать Польскую церковь, вернув прежнее влияние гнезненской кафедре. Канонизирован в 1254 г. (*Grudziński T* Bolesław Smiały-Szczodry; *Strzelczyk J.* Stanisław. Sp. 56). Владислав – польский князь Владислав I Герман; см. примеч. 135. – *Ред.*).

208 ("Мечислав" – Мешко, сын Болеслава II (см. примеч. 134). О его браке под 1088 г. сообщают польские рочники (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148, 154–156), а о том, что жена была русской, – Галл Аноним (*Gall.* I, 29. P. 55; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 46, 54). Вместе с тем, хроника Длугоша является единственным источником, в котором находим имя русской княжны и точные сведения о ее происхождении. Несмотря на то что в некоторой части историографии эти данные пользуются доверием (*Baumgarten N.* Généalogies. P. 10. Table II, N 4; *Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 43, 425, генеалогич. табл. 6, № 3; *Головко А. Б.* Древняя Русь. С. 59; и др.), они выглядят подозрительно (*Balzer O.* Genealogia. S. 113; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 181; *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 547–548). Имя "Евдоксия" хронист мог позаимствовать из поддельной грамоты об основании Могильненского монастыря, на которую прямо ссылается в другом месте (см. примеч. 243), но которая имела в виду не Мéшка Болеславича, а Мéшка Старого и его жену Евдоксию (см. примеч. 297). Кроме того, косвенные данные позволяют догадываться, что жена Мéшка Болеславича была не сестрой, а дочерью Святополка Изяславича, который, впрочем, был тогда не киевским, как у Длугоша, а новгородским и туровским князем и также, вероятно, официальным преемником Всеволода Ярославича на киевском княжении (*Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 549–550). *Ред.*).

209 (Мешко был отравлен в 1089 г. Никаких сведений о судьбе его русской супруги в источниках нет. О матери Мéшка, якобы Вышеславе, см. примеч. 153. Пятые иды марта – 11 марта. – *Ред.*).

210 (Далее изложены события, о которых в Повести временных лет рассказано под 1095 г.: ПВЛ. С. 95–96. Единственное отличие (за

исключением сокращений): по Длугошу, половцы ушли от Юрьева, а по Повести, он был все-таки сожжен – видимо, по договору с половцами – *Ред.*).

[211] (Юрьев на Роси; "Угров" Длугоша, вероятно, – искажение летописной формы "Гурьговъ" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 219). – *Ред.*).

[212] (О нашествии пруссов сказано по недоразумению, так как в летописи речь идет о "прузах"-саранче. Интересно, что совершенно аналогичное сообщение под 1094 г. (1086 у Длугоша) не доставило хронисту никаких затруднений. Датировка 28 августа, что важно отметить, есть только в списках группы Ипатьевского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220), и в Новгородской первой летописи (НПЛ. С. 19, 202), которой среди источников Длугоша не было. – *Ред.*).

[213] (События начала 1096 г. Давыд Святославич – сын киевского князя Святослава Ярославича; в отличие от своих братьев Глеба и Олега, кажется, благополучно пережил гибельные для Святославичей события 1077–1078 гг., связанные с возвращением в Киев Изяслава Ярославича. Где он княжил в 1080-е гг., неизвестно; в 1095 г. видим его в Смоленске, откуда Святополк и Владимир переводят его в Новгород, вероятно, опасаясь после возвращения Олега Святославича в Чернигов в 1094 г. создания компактной смоленско-черниговской территории, подвластной Святославичам. В Новгороде Давыд не удержался, попытался вернуться в Смоленск (об этом и пишет Длугош), но по решению Любечского съезда 1097 г. вынужден был вместе с братом Олегом довольствоваться отчим Черниговом. Черниговским князем Давыд и ум. в 1125 г. Мстислав Владимирович, старший сын Владимира Мономаха; родился в 1076 г., вероятно, в 1091 г. (а не в 1088, как обычно считается) посажен в Новгороде, откуда в 1095 г. переведен в Ростов; вернулся в Новгород в 1096 г., где и оставался до 1117 г., когда был переведен отцом в Белгород под Киев в связи с планами Мономаха передать киевский стол после себя именно Мстиславу, что и произошло в 1125 г.; ум. в 1132 г. князем киевским. *Ред.*).

[214] По мнению исследователей, эта статья является вымыслом Длугоша в соответствии с его представлениями об исконной принадлежности русских земель польским князьям, так как никаких сведений об описанных в ней событиях в других источниках нет (*Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór. S. 139; *Pieradzka C.* [Комментарий]. Т. 2. S. 400).

[215] (Мешко Болеславич, см. примеч. 208–209. – *Ред.*).

[216] См. статью Анналов 1090 г.

[217] (Об "отпадении" Поморья от Польши при Владиславе I Германе говорить не приходится, так как оно было утрачено еще при Болеславе I в нач. XI в., а его возвращение началось только при Бо-

леславе III в нач. XII столетия. Пруссия же, как и Русь, никогда не находились под властью польских князей. – *Ред.*).

218 (Ниже изложены летописные события 1096 г. (ПВЛ. С. 96–98, 108–109) с многими погрешностями. Осада Стародуба длилась не тридцать два, как у Длугоша, а тридцать три дня (похоже, хронист нетверд в чтении кириллических цифр); хан Боняк назван Маниаком; Муром трижды назван Муромошем; Владимир Мономах почему-то поименован князем киевским; Олег, по Длугошу, стоит лагерем не у Ростова, а у Турова (!); Суздаль превращен в "Сусдан" (Длугош незнаком с топографией Северо-Восточной Руси), причем его сожжение хронист приписывает Мстиславу Владимировичу; Ярослав Святославич у Длугоша попадает в плен к Мстиславу; Мстислав бежит от Олега, снова пришедшего из Мурома; победив Олега, Мстислав заключает с бежавшим в Муром Святославичем мир; Рязань Длугош считает лежащей вне Руси; топоним "Рязань", как и постоянно ниже, склоняется как этноним (похоже *-i* в *Reszani*, употребленное сначала как обозначение мягкости звука, потом было воспринято как показатель латинского именительного падежа множественного числа); возвращение Мстислава в Новгород понято как приход в Новгород Олега. *Ред.*).

219 (Изяслав – второй или третий сын Владимира Мономаха; княжил в Курске; захват им Мурома, принадлежавшего Чернигову, был, видимо, ответом на возвращение Давыда Святославича из Новгорода в Смоленск (см. примеч. 213); погиб в 1096 г. при попытке отстоять Муром от Олега Святославича. – *Ред.*).

219а (О Ярославе Святославиче см. примеч. 239. – *Ред.*).

220 (Вячеслав, четвертый сын Владимира Мономаха; видимо, в 1096 г., в ходе событий, описанных Длугошем, был посажен отцом в Ростове; затем (с 1113 г.) сидел в Смоленске, а еще позднее (с 1125 г.?) – в Турове, где с небольшими перерывами оставался до 1146 г. В конце жизни выступал соправителем племянников Изяслава и Ростислава Мстиславичей на киевском столе. Ум. в 1154 г. – *Ред.*).

221 (Пересказ летописной статьи 1097 г. о знаменитом Любечском съезде князей с включением так называемой Повести об ослеплении Василька Теребовльского: ПВЛ. С. 109–116. – *Ред.*).

222 (Давыд Игоревич (см. примеч. 141, 173), сын волынского, а затем смоленского князя Игоря Ярославича, внук Ярослава Мудрого. После гибели в 1086 г. волынского князя Ярополка Изяславича получил от киевского князя Всеволода Ярославича Волынь, которую вынужден был оставить в 1100 г. в качестве наказания за ослепление Василька Ростиславича и довольствоваться Дорогобужем, где и ум. в 1112 г. – *Ред.*).

223 (В летописной статье 1097 г. владения участников съезда указаны *explicite* только для Давыда Игоревича (Владимир-Волынский) и Ростиславичей (Перемышль Володаря и Теребовль Василька); отчасти, возможно, поэтому Длугош совершает много ошибок, пытаясь установить эти владения. Владимир Мономах владел Переяславлем, Смоленском и Ростовом, а не Владимиром (о его к тому времени уже покойном сыне Изяславе, который здесь почему-то назван, хотя о других Владимировичах умолчано, см. примеч. 219); Давыд и Олег Святославичи владели Черниговской землей, а не Переяславской, а Давыд Игоревич Владимиром Волынским, а не Перемышлем. – *Ред.*).

224 (Так в списках группы Ипатьевского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284), тогда как в списках группы Лаврентьевского ослепление происходит в Белгороде (ПСРЛ. Стб. 260). – *Ред.*).

225 (Василько был двоюродным племянником, а не братом Владимира Мономаха, так же как Святополка, Олега и Давsда. – *Ред.*).

225a (Должно быть не "Володарем", а Владимиром, т.е. Мономахом. Хронист или переписчик ошибся под влиянием предшествующего рассказа о переговорах Давыда и Володаря. – *Ред.*).

226 (Домысел Длугоша; Берестье принадлежало Руси и было западным форпостом Туровской волости, которая принадлежала тогда Киеву, так что Святополк пребывал в собственном городе; он пытался, как видно, воспрепятствовать польской помощи Давыду. *Ред.*).

227 (Возможно, Длугош не понял древнерусского оригинала "приде Давыд Володимерю": Давыд вернулся в свой Владимир, о чем свидетельствует и дальнейшее повествование самого хрониста. *Ред.*).

228 (Т. е. с сыновьями Ярополка Изяславича, брата Святополка, Ярославом и Вячеславом; о Ярославе Ярополчиче см. примеч. 239; о Вячеславе – примеч. 242. – *Ред.*).

229 (Святослав, сын черниговского князя Давыда Святославича, который, в отличие от Владимира Мономаха, поддержал войну Святополка против Ростиславичей; Святослав, часто именуемый уменьшительно-ласкательным вариантом имени Святоша, в 1107 г. постригся в монахи в Киево-Печерском монастыре. – *Ред.*).

230 (Мстислав Святополчич, посаженный отцом в 1097 г. во Владимире Волынском, погиб, защищая город от Давыда Игоревича летом 1099 г. – *Ред.*).

231 (Ярослав Святополчич, получивший от отца Волынь в 1100 г., сохранял ее до конфликта с Мономахом в 1118 г., о чем Длугош сообщает в своем месте (см. примеч. 259); послать за венгерской помощью именно Ярослава было логично: ведь он был женат на дочери венгерского короля Ласло I; в грамоте Ласло Шомодьвар-

скому аббатству от 1091 г. Ярослав назван зятем венгерского короля (DHA. N 88. P. 267–268). – *Ред.*).

232 (Кто такой венгерский "герцог Коломан", о котором здесь и ниже пишет Длугош? В данном случае должен был бы иметься в виду будущий венгерский король Коломан (Кальман) (1095–1114/16), сын Гезы I и племянник правившего до 1095 г. Ласло I – ведь события датированы в Анналах 1094 г. (у Длугоша смерть Ласло датирована верно – концом июля 1095 г.). Действительно, согласно и летописи, и венгерским источникам (здесь, как и в летописи, подробно описано поражение от половцев), союзное Святополку войско, привел сам король Коломан (SRA. T. 1. P. 423–426). Однако такая трактовка не согласуется с появлением этого же (или другого?) Коломана у Длугоша при описании событий 1122 г. (см. примеч. 265). – *Ред.*).

233 ("Вяр" – летописный Вагр, река под Перемышлем. – *Ред.*).

234 (В Повести временных лет потери венгров исчислены в сорок тысяч, причем конструкция фразы у Длугоша ("рассказывают, четыре тысячи венгров пали") воспроизводит летописную ("глаголаху бо, яко погыбло их 40 тысящь"), из чего можно заключить, что хронист просто исправил справедливо показавшееся ему невероятным число погибших. – *Ред.*).

235 (Об этом мире у Городца Длугош говорит вслед за летописью; ср. Повесть временных лет под 1098 г.: ПВЛ. С. 116. Хронист не замечает, что речь идет о событии, уже описанном его русским источником и им в сводной статье 1094 г. – *Ред.*).

236 (Краковский палатин Сецех был ближайшим воеводой стареющего польского князя Владислава-Германа. Причины его конфликта с Владиславичами неясны. Главный источник об этих событиях – Аноним Галл (II, 16) уверяет, что Сецех стремился захватить престол после смерти Владислава, что представляется маловероятным; см. обзор точек зрения и литературу вопроса: *Gąsiorowski A.* Sieciech // SSS. T. 5. S. 155–156. Длугош следует в общем рассказу Анонима Галла, но вносит в него некоторые добавления, источник которых неизвестен. К такого рода добавлениям относятся и сведения о пребывании Сецеха в изгнании именно на Руси. О Болеславе см. примеч. 240. – *Ред.*).

237 (И снова, следуя летописи, кратко повторяющей в погодных статьях некоторые события, уже упомянутые в сводной Повести об ослеплении Василька Теребовльского (ПВЛ. С. 116; под 1099 г.), Длугош дублирует собственный рассказ о войне Давыда со Святополком и гибели Мстислава Святополчича, которого он ошибочно назвал Святославом, добавив от себя, будто "он убит своими же" – *Ред.*).

238 (Пересказ летописного повествования о съезде в Уветичах в 1100 г. (ПВЛ. С. 116–117), но с некоторыми погрешностями или отклоне-

ниями. Среди участников вначале назван Володарь вместо Владимира Мономаха, который, однако, исправно фигурирует в дальнейшем; дата съезда у Длугоша (12 августа) отличается от летописной, которая, впрочем, двоится: в Ипатьевском и Хлебниковском списках находим 14 августа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 249), а в Лаврентьевском и родственных ему – 10 августа (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 273); вместо Бужского острога, т. е. летописного Бужска (который упомянут чуть ниже и у Длугоша), Давыд получает, по Длугошу, Острог – город на Горыни, известный в его время; в летописи Владимир и черниговские князья Давыд и Олег дают Давыду Игоревичу по двести гривен, а у Длугоша – по сто, причем хронист добавляет отсутствующее в летописи "ежегодно" Кроме того, Длугош не понял (впрочем, как и современные отечественные переводчики летописи на русский язык) летописной фразы "ввергль еси ножь в ны" (см.: *Назаренко А. В.* Новый труд. С. 136–137), говоря о "вражеских мечах", которыми Давыд "терзал русские земли", из-за чего их упрек Давыду, будто никто до него такого не делал, выглядит лицемерием. – *Ред.*).

239 (Пересказ летописной статьи 1101 г. (ПВЛ. С. 117), причем сообщение о смерти Всеслава Брячиславича Полоцкого из начала статьи перемещено в конец, а сама смерть датирована 13 апреля, а не 14, как в Повести временных лет. Ярослав Ярополчич, сын Ярополка Изяславича, брата Святополка, князь берестейский; отпущенный Святополком из заключения в 1101 г., хотя и не возвращенный в Берестье, он в 1102 г. бежит из Киева, но попадает в плен к Ярославу Святополчичу, в котором и погибает 11 августа 1102 г. Мир с половцами заключается у Сакова, а не "у Стакова", как у Длугоша. Ярослав, участник договора о мире – это Ярослав Святославич, младший брат черниговских князей Давыда и Олега, сын Святослава Ярославича от второго брака, впоследствии князь черниговский (в 1123–1127 гг.), затем муромский (в 1127–1129 гг.). – *Ред.*).

240 (Болеслав III Кривоустый, сын польского князя Владислава I Германа, родился в 1085 г., польский князь в 1102–1138 гг. Статья, вне сомнения, является плодом творчества самого Длугоша; другими источниками военный конфликт между Русью и Польшей в самом начале правления Болеслава не подтверждается. Фантастическим выглядит и состав князей, якобы напавших на Польшу: Владимир Мономах назван князем новгородским, Давыд и Олег Святославичи – князьями переяславскими (см. примеч. 180, 223), Ярослав Ярополчич с 1101 г. находился в плену, а в 1102 г. умер (см. предыдущее примеч.). – *Ред.*).

241 (Сведения о браке юного Болеслава III со Сбыславой Святополковной взяты Длугошем из древнерусской летописи (ПВЛ. С. 117). В польских источниках этих сведений нет; Аноним Галл

(II, 23) сообщает лишь, что брак Болеслава был близкородственным и потому потребовал особой папской санкции (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47, 54; обзор других, более поздних, источников см.: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 188). Эти сведения Длугош также отразил в Анналах, уточнив степень родства – "в четвертой степени"; Болеслав и Сбыслава приходились друг другу троюродными братом и сестрой (о их родстве, способах его исчисления и проблематике запрещений на близкородственные браки в средние века см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь. С. 559–584). Летописую датировку 16 ноября, которую Длугош воспринял как день бракосочетания, скорее всего надо понимать как день отъезда Сбыславы из Киева. Таким образом, свадьба состоялась, вероятнее всего, уже в 1103 г., под которым она значится и в Свентокшиском рочнике древнем (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 154). Збигнев, старший сын польского князя Владислава I Германа от иной матери, нежели Болеслав III. Иногда считается, что версия о его матери как наложнице была создана с целью сделать возможным ок. 1080 г. венчание Владислава с Юдитой, дочерью чешского короля Вратислава II, хотя имя Збигнева не похоже на династическое, пястовское. По смерти отца Збигнев оказался его главным наследником, тогда как Болеславу достались только Вроцлав, Краков и Сандомир. Конфликт Збигнева с Болеславом быстро принял международные формы. Ок. 1112 г. Збигнев был ослеплен младшим братом и (вероятно, вскоре) умер. – *Ред.*).

242 (Описан поход против половцев, рассказ о котором содержится в Повести временных лет под 1103 г. (ПВЛ. С. 117–118). Отметим отличия Длугоша от Повести. Длугош не называет собравшихся князей, поименованных в Повести (Святополк и Владимир). В существующих списках Повести нет датировки съезда 8 апреля, что, впрочем, представляется явной ошибкой, так как последующая битва с половцами состоялась, по Повести, 4 апреля. Согласно Повести, князья собрались "на Долобьске", по Длугошу – в Киеве или под Киевом (латинский предлог *apud* у Длугоша можно понять двояко): вряд ли хронист мог сам знать, что речь идет о Долобском озере близ Киева. Интересно, что инициатором похода, которым в летописи является Мономах, у Длугоша выступает Святополк: именно он убеждает поторопиться колеблющихся воинов. Несколько отличается написание имен ряда половецких князей ("Алтоног" вместо Алтунопа и проч.). В конце статьи краткое известие о нашествии саранчи ("прузи") Длугош снова (см. примеч. 212) принял за нашествие пруссов, добавив к ним заодно и литовцев. Помимо Владимира Мономаха, Святополка Изяславича и Давыда Святославича, в походе участвовали: Давыд Всеславич, сын полоцкого князя Всеслава Брячиславича, ставший

полоцким князем когда-то до 1127 г.; Мстислав, "Игорев внук" – племянник Давыда Игоревича, видимо, им и посланный; Вячеслав Ярополчич, сын Ярополка Изяславича, племянник Святополка, умерший в 1104 г.; Ярополк Владимирович, сын Мономаха, будущий князь киевский (см. примеч. 272). – *Ред.*).

243 (Могильненский монастырь был основан при Болеславе II (после 1075 г.) или в нач. XII в. (*Podwińska S.* Mogilno // SSS. T. 3/1. S. 274–275). О смерти Мéшка Болеславича Длугош писал выше, но правильно под 1089, а не под 1065 г. Вторые иды марта – 14 марта, если понимать это выражение как синонимичное обычному "pridie Idus Martias": "накануне мартовских ид" 13/14 марта – это день смерти Мéшка III Старого, которого составители подложной грамоты об учреждении обители в Могильне под Крушвицей якобы в 1103 г. и перепутали с Мéшком Болеславичем. – *Ред.*).

244 (Владислав II Изгнанник (см. примеч. 287); Владислав родился не в 1104, а в 1105 г. (Ann. cap. Crac. P. 54; *Balzer O.* Genealogia. S. 126; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 204). "Гвальдон" – Валон (Вальдон), епископ Бовэ, в апреле 1104 г. стал архиепископом парижским и в Польше в качестве папского легата пребывал апреле–мае 1103 г. (*Pieradzka C.* [Комментарий]. T. 2. P. 418. Not. 2 ad p. 217), поэтому его восприемничество по отношению к Владиславу – анахронизм. – *Ред.*).

245 (Пересказ начала летописной статьи 1106 г. (ПВЛ. С. 119). Слова "у Дуная" лишний раз сближают источник Длугоша с Ипатьевским и Хлебниковским списками Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257), тогда как в Лаврентьевском и родственных ему списках этого уточнения нет. – *Ред.*).

246 (В ожесточенном конфликте с Болеславом III Збигнев пользовался поддержкой главным образом чешского князя Сватоплука (1107–1109), но сведений о пребывании Збигнева в Чехии, о котором пишет Длугош, в других источниках нет. Зато в Повести временных лет, причем именно под 1106 г., также после известия о набеге половцев на Зареческ, читаем: "В то же лето прибеже Избыгнев к Святополку" (ПВЛ. С. 119). Итак, сведения взяты Длугошем из древнеруского источника. – *Ред.*).

247 (В других источниках сведений о Святославе, дочери Сбыславы и Болеслава III, нет; в генеалогические справочники она не включена. – *Ред.*).

248 (О русской помощи Болеславу III в борьбе против Збигнева сообщает уже Аноним Галл (II, 38), уточняя также, что ее привел волынский князь Ярослав Святополчич (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48, 55). – *Ред.*). Есть предположение, что вскоре после женитьбы Болеслава III на Сбыславе брату Сбыславы Ярославу была отдана в жены сестра Болеслава (*Baumgarten N.* Généalogies. P. 10. Table II, N 11; *Наза-*

ренко А. В. Древняя Русь. С. 563; ср.: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 194–197). Участие Ярослава в борьбе Болеслава III с братом Збигневом говорит в пользу такой гипотезы (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48, 55). Малая известность польской жены Ярослава объясняется кратковременностью брака: в 1112 г., ко времени женитьбы князя на Мстиславне (см. примеч. 256), ее, видимо, уже не было в живых.

249 (Почти дословный пересказ летописной статьи 1107 г.: ПВЛ. С. 119–120. Среди участников похода: Святослав – или сын Олега Святославича, впервые упоминаемый под этим годом, или, менее вероятно, сын Владимира Мономаха; Мстислав, Вячеслав и Ярополк – Мономашичи. – *Ред.*).

250 (Поход Болеслава III в Чехию относится действительно к 1108 г., но помещение известия о смерти Сбыславы Святополковны в статью 1108 г. выглядит сомнительным. В других источниках даты ее смерти нет; молчит об этом и современник событий Галл Аноним, откуда обычно делается логичный вывод, что Сбыслава скончалась после завершения работы Анонима над своей хроникой, т. е. не ранее 1113/14 г. Так как уже в 1115 г. был заключен второй брак Болеслава III с немкой Саломеей (см. примеч. 252), то кончину Сбыславы вернее всего было бы отнести к 1114 г. (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 189–191). Усте – крепость на реке Нотеце, правом притоке нижней Варты. – *Ред.*).

251 (Генрих V, германский король в 1106–1125 гг., император с 1111 г. Военные действия в Силезии против Болеслава III были предприняты им в союзе с Чехией в 1109 г. и направлены на поддержку Збигнева и практическое восстановление ленной зависимости Польши от Германского королевства, но не принесли успеха; в их ходе даже погиб чешский князь Сватоплук. О русской помощи Болеславу в этой войне пишет и Аноним Галл (III, 4) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48, 56). Интересно, что Длугош сообщает только о русской помощи, ничего не говоря о венгерской, о которой ведет речь Аноним. – *Ред.*).

252 (Мир Болеслава III с Генрихом V состоялся в 1109/10 г., но об обручении малолетнего Владислава, родившегося в 1105 г., будущего польского князя Владислава II, с дочерью Генриха других сведений нет, и оно отрицается в современной историографии (*Balzer O.* Genealogia. S. 128 ff.; *Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. T. 1. S. 44. Przyp. 38, 46); о бракосочетании Длугош сообщает под 1121 г. (см. примеч. 261). Говоря о втором браке самого Болеслава с сестрой Генриха, Длугош опирается на сведения Великопольской хроники (гл. 27: ВПХ. С. 95), несомненно, ошибочные как ввиду вероятной датировки смерти первой супруги Болеслава Сбыславы (см. примеч. 250), так и ввиду того, что имя второй же-

ны польского князя известно – это Саломея, дочь швабского графа Генриха из Берга, брак которой с Болеславом III относится к 1115 г. (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 190) или, несколько шире, к 1114/15 г. (*Labuda G.* Uzupełnienie. S. 7–9). – *Ред.*).

253 (Описаны события 1111 г. по летописи близкой к Ипатьевской, причем вместо Святополка по недосмотру назван Святослав (ср.: ПВЛ. С. 122–123); "Руканье" – половецкий город Шарукань, "Суврови" – Сугров. – *Ред.*).

254 (Здесь и далее – летописные события 1113 г. (ср.: ПВЛ. С. 126). В летописи нет упоминания о "позолоченном верхе" церкви св. Михаила, построенной Святополком, но заключение об этом Длугош мог сделать на основании устойчивого названия собора Михайловским Златоверхим. Но откуда он мог взять дату его заложения ("двумя годами ранее"), если в Повести временных лет это событие отнесено к 11 июля 1108 г. (ПВЛ. С. 120)? Быть может, имеется в виду окончание строительства? Сбивчивость хронологии Длугоша представляет собой немалую загадку. – *Ред.*).

255 (Лат. *(frater) germanus,* строго говоря, значит "родной брат", но Длугош, как видно, здесь и в ряде других мест ниже (см., например, примеч. 146, 258) употребляет этот термин расширительно – "брат вообще"; иначе его ошибки такого рода пришлось бы объяснять простой невнимательностью и забывчивостью – ведь он знал о действительном происхождении Святополка и Владимира (см. статью 1083 г.). – *Ред.*).

256 (Волынь Ярослав Святополчич получил от отца еще в 1100 г., после окончательного изгнания оттуда Давыда Игоревича. Известия о Ярославе на похоронах отца и его уходе после них на Волынь в летописи нет, хотя ожидать присутствия Святополчича в Киеве в это время было бы естественно – не в связи с болезнью отца (она была внезапна), а в связи с праздником Пасхи, которая в 1113 г. приходилась на 6 апреля; княжичи имели обыкновение собираться на Пасху к сюзерену-отцу. Поход Ярослава Святополчича на ятвягов и его женитьба на Мстиславне относятся ко времени не после смерти Святополка, а до нее – к весне 1112 г. (ПВЛ. С. 125) и, таким образом, датирована у Длугоша правильно. *Ред.*).

257 (Наблюдение Длугоша о родстве ятвягов, пруссов и литовцев верно; все эти три народа составляют балтскую этно-языковую семью. – *Ред.*). Дрогичин (древнерусский Дорогичин) – это не ятвяжская столица, как думает Длугош, путая его, видимо, с Райгродом (*Musianowicz K.* Drohiczyn. S. 96), а город, основанный на среднем Буге, на дреговичско-мазовецко-ятвяжском пограничье ок. сер. XI в. русскими князьями на месте более древнего городища. После Берестья Дрогичин был важнейшим центром в Побужье и имел большое торговое значение (как то доказывают находимые

здесь в большом количестве свинцовые товарные (так называемые "дрогичинские") пломбы XI–XIII вв. с кириллическими надписями (*Poppe A.* Drohičin. Sp. 1406; *Перхавко В. Б.* Распространение пломб. С. 211–247). – *Ред.*).

258 (См. примеч. 255. – *Ред.*).

259 (Так Длугош интерпретирует летописные события 1117 г.: ПВЛ. С. 129; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283–284; в Лаврентьевской летописи рассказ много короче и датирован по ультрамартовскому стилю 1118 г. В летописях причины конфликта не приводятся, речь идет только о непокорности Ярослава. Хронологическое совпадение конфликта с Ярославом и перевода из Новгорода под Киев Мстислава Владимировича позволяет думать, что этим переводом и планами передачи Киева Мстиславу Владимир Мономах нарушил какой-то договор со Святополчичем о киевском столонаследии. Список участников похода у Длугоша и в Ипатьевской летописи (в Лаврентьевской союзники Владимира не названы) существенно разнится. У Длугоша, кроме Владимира Мономаха, видим Давыда Святославича Черниговского, Василька Ростиславича Теребовльского, Ростислава, сына Володаря Ростиславича Перемышльского (см. ниже примеч. 264), и сыновей покойного Олега Святославича (в расчет могут приниматься скорее всего Всеволод, Игорь и Святослав). Этот список выглядит более исправным, чем список Ипатьевской летописи, который открывается явно контаминированным "Давид Ольговичь" (при том, что об Ольговичах умалчивается); кроме того, вместо Ростислава Володаревича значится сам Володарь – однако вряд ли Длугош включил имя малоизвестного Ростислава (в дошедших до нас летописях он вообще не упоминается) из каких-то своих соображений; следовательно, и здесь в протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков логично усматривать какую-то неисправность, отсутствовавшую в источнике Длугоша. – *Ред.*).

260 (Перетолкованное и сильно расширенное изложение летописных событий 1118 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285. В летописной заметке ничего не говорится об опасениях Владимира Мономаха, о переговорах его с Ярославом, о коварстве Владимировых советников. Но самое главное – по Ипатьевской летописи, Ярослав бежит не к польскому князю Болеславу III, а "в угры"; зато о его бегстве "в ляхы" читаем в Лаврентьевской летописи под ультрамартовской датой 1119 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292). Сходно именно с Лаврентьевской и известие Длугоша об отправлении Владимиром на владимирский стол своего сына Романа как следствии бегства Ярослава: в Ипатьевской, в результате хронологических сбоев в конце Повести временных лет, сообщение о посылке Романа предшествует известию о бегстве Ярослава. Таким образом, снова (ср. предыдущее примеч.) видно, что Длугош пользовался летописным

источником, близким к Ипатьевской летописи, но с некоторыми содержательными от нее отличиями. К их числу относится и датировка смерти Романа Владимировича 14 января (в Ипатьевской – 6 января). Андрей, как и Роман – сын Владимира Мономаха от второго брака, родился в 1102 г., княжил на Волыни до 1135 г., когда его брат киевский князь Ярополк Владимирович перевел его в Переяславль; на переяславском столе Андрей и умер в 1142 г. – *Ред.*).

261 См. примеч. 252. (Император Генрих V считается иногда IV-м, так как Генрих I (919–936) императором не был. – *Ред.*).

262 (Стефан (Иштван) II, венгерский король в 1114/16–1131 гг., сын короля Коломана (Кальмана). Длугош считает его зятем Болеслава, опираясь на показание Великопольской хроники (гл. 27), будто Болеслав III "свою дочь от русской жены выдал за сына короля венгров Коломана" (ВПХ. С. 95), т.е. за Стефана. Скорее всего оно является недоразумением (*Щавелева Н. И.* [Комментарий]. С. 218. Примеч. 9). Вопрос о жене Стефана II сложен. Венгерская традиция называет ее дочерью норманнского герцога Апулии и Калабрии Роберта Гвискара (SRA. T. 1. P. 437); эта точка зрения выглядит анахроничной (Роберт умер в 1085 г.), хотя и имеет сторонников (*Bak J.M.* Stephan II. Sp. 114). Другие исследователи полагают супругой Стефана II дочь капуанского графа Роберта I или Генриха II, бургграфа регенсбургского. – *Ред.*).

263 (После бегства из Руси в 1118 г. Ярослав до 1123 г. пребывал в Польше. В латинском языке не было специального термина для обозначения брата жены (вроде русск. *шурин*), и использовались описательные конструкции *frater uxoris* и т. п.; возможно, потому Длугош несколько неожиданно употребляет лат. *socer* "тесть" (каковым Ярослав по отношению к Болеславу III вовсе не был) в значении "шурин" О каких "других князьях Руси" идет речь, неясно, и строить предположения на этот счет излишне, коль скоро сам брак Владислава II и Христины является неудачным домыслом Длугоша. – *Ред.*).

264 Володарь Ростиславич, сын тмутараканского князя Ростислава Владимировича (1064–1067), правнук Ярослава Мудрого, князь перемышльский после 1092 г.; умер в 1124 (или, скорее, в 1125 г.: см. примеч. 271. – *Ред.*). В начале 1120-х гг. Володарь готовился к войне с Польшей. Болеслав III Кривоустый вел напряженную борьбу с поморянами, и вынужденное отвлечение на конфликт с Перемышлем могло подорвать его успехи в Поморье. Опасная ситуация складывалась и при дворе польского князя. Назревал бунт палатина Скарбимира, пользовавшегося, видимо, поддержкой Владимира Мономаха и его сына волынского князя Андрея (*Zakrzewski S.* Okres. S. 89 ff.), а теперь, возможно, бывшего в заговоре с поморянами и Володарем (*Kijas A.* Wołodar. S. 573).

265 Длугош рассказывает о пленении поляками (Петром Властовичем) русского князя дважды: под 1122 г., в соответствии с действительностью, применительно к Володарю Ростиславичу Перемышльскому (но без упоминания о Петре Властовиче), а под 1134 г. – фантастически, применительно к киевскому князю Ярополку Владимировичу и Петру Властовичу (см. примеч. 277). Его источником служит аналогичный рассказ Кадлубка (III, 20; 22) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 88–89, 100–102) (заимствованный и Великопольской хроникой (гл. 28): ВПХ. С. 96–97. – *Ред.*). Володарь был выкуплен достаточно скоро; уже под 1123 г. он упомянут в числе участников осады Владимира (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287). (Датировка события именно 1122 г. показывает, что Длугош обратил внимание и на летописную заметку под этим годом: "И Володаря яша ляхове лестью, Василкова брата" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286; Т. 1. Стб. 292). Не всегда дополнительную информацию Длугоша можно понять как домысел или толкование. Так, данные о месте пленения Володаря ("Высоке" – идентификации нет) и точной дате его возвращения в Перемышль (22 июля) служат как будто указанием на то, что его древнерусский источник был пространнее, чем лапидарная ремарка в сохранившихся сводах (ср. примеч. 271). К этому источнику можно было бы возвести и подробные сведения о величине выкупа, а также данном с русской стороны заложнике. Но кто такой князь Ярослав? Если здесь не путаница Длугоша с Ростиславом Володаревичем (а это маловероятно, так как, видимо, этот же Ярослав упоминается в Анналах и позже: ср. примеч. 284), то придется допустить существование не известного по другим источникам Володаревича. Непонятна и фигура Коломана, "брата венгерского короля", о котором у Длугоша речь идет и ниже, под 1123 г. Венгерским королем в то время был Стефан II (см. примеч. 262), у которого не было брата Коломана. Можно было бы подозревать влияние анахронического известия в гл. 27 Великопольской хроники (автор явно ретроецирует на 1120-е гг. брак венгерского королевича Коломана с полькой Саломеей, который состоялся столетием позже: см. примеч. 348, 363), где речь идет о браке Болеславны – но, впрочем, не с "братом", а с "сыном короля венгров Коломаном" (ВПХ. С. 95). Так как поначалу в латинском тексте стояло "с венгерским королем Коломаном" и только потом Длугош собственноручно предпринял правку, можно было бы предполагать, что хронист в данном случае просто был нетверд в хронологии венгерских королей, полагая тогдашним королем Коломана (Кальмана) (1095–1114/16), отца Стефана II; однако такому предположению противоречат упоминания о Стефане II в предыдущих годовых статьях. Ср. примеч. 232. Теребовльского князя Василька Длугош здесь и ниже, в статье 1123 г., ошибочно именует перемышльским. – *Ред.*).

266 (Описаны события, рассказ о которых находим в Киевской летописи под 1123 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287–288). Однако у Длугоша они изложены заметно иначе, с целым рядом отсутствующих в летописи деталей. В летописи нет сведений о встрече венгров, поляков и Ростиславичей у Перемышля; нет сведений, что поляков возглавлял сам Болеслав III, а венгров – загадочный "брат короля" и "герцог" Коломан (см. о нем примеч. 232, 265) (по венгерским источникам, венгерское войско возглавлял сам Стефан II: SRA. T. 1. P. 437–438); нет данных о численности иностранной помощи Ярославу Святополчичу; ничего не говорится о взятии Белза, Червена и Владимира. Явным домыслом или недоразумением Длугоша является рассказ об осаде Киева, во время которой (а не под Владимиром) якобы гибнет Ярослав; иначе, чем в летописи, изложены обстоятельства гибели Ярослава, которые больше напоминают рассказ венгерской хроники (Ярослав гибнет в бою во время вылазки осажденных). – *Ред.*).

267 (Отзвук предания о "нечистых" народах Гог и Магог, "заклепанных" Александром Македонским внутри горы, которым предстоит вырваться из заточения перед концом света, согласно Откровению Псевдо-Мефодия Патарского. Откровение возникло в Сирии, вероятнее всего, в VII в., вскоре крайне широко распространилось по всему христианскому миру в греческих, латинских, славянских переводах и чрезвычайно повлияло на эсхатологические представления средневековья. Популярность Откровения в латинской письменности во многом объясняется его включением на рубеже 60–70-х гг. XII в. в Историю (Historia scholastica) Петра Коместора. Отразилось оно и в Повести временных лет, в статье 1096 г. (ПВЛ. С. 107–108; *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 98–100), где оказалось применено к половцам в результате их опустошительных набегов на Русь в 1090-е гг., и в летописной повести о битве на Калке – применительно к татарам (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 503; НПЛ. С. 61). Комментаторы варшавского издания Анналов никак не отозвались на это известие Длугоша; между тем латинской литературе также свойственно соотнесение татар с эсхатологическим "заклепанным народом" например, уже в созданной незадолго до 1236 г. третьей редакции латинского романа об Александре Великом – Historia de preliis (*Pfister F* Die Historia de preliis. S. 267), которая приобрела широкую известность еще и благодаря стихотворному переложению 1236/38 г. Квилихина. – *Ред.*).

268 (Рассказ Длугоша опирается на гл. 27 Великопольской хроники. О личности и происхождении Петра из рода Лабендзов, т. е. Лебедей, см. примеч. 279. Чаще всего считается, что русская княжна, супруга Петра, была сестрой Сбыславы, дочери киевского князя Святополка Изяславича, первой жены Болеслава III (см. примеч.

241) (*Baumgarten N.* Généalogies. Table II. N 17; *Wasilewski T* Piotr Włostowić. S. 113), хотя и автор Великопольской хроники, и Длугош говорят неопределенно о "родственнице" Сбыславы; комментатор варшавского издания Анналов предпочитает почему-то писать о дочери черниговского князя Олега Святославича (*Pieradzka C.* [Комментарий]. P. 447. Nota 3 ad p. 299). Скжинно – город к западу от Радома, на торговом пути из Руси в Поморье (*Wędzki A.* Skrzynno // SSS. T. 4. S. 235–236). Морская экспедиция Болеслава против Дании скорее всего – миф, хотя и созданный задолго до Длугоша: *Щавелева Н. И.* [Комментарий]. С. 217. Примеч. 2 (к гл. 27). – *Ред.*).

269 (Древнерусские источники о нападении на Польшу после 1123 г. молчат, хотя в политической ситуации 1124 г. оно выглядит вполне вероятным: примирение Ростиславичей с Владимиром Мономахом могло иметь условием военные действия первых против Болеслава. Об использовании какого-то источника, возможно, древнерусского, говорит и топографическая точность: "вплоть до Беча" (Беч – крепость в верховьях Вислоки, между верхней Вислой и Карпатами). "Владимир" – Владимирко, сын Володаря Ростиславича, князь звенигородский и белзский (1124–1141), затем князь галицкий (1141–1153), основатель единого Галицкого княжества. – *Ред.*).

270 (В других источниках сведений об этих событиях нет, хотя подробности рассказа – место битвы ("Вилихов", по другим источником не известен), имена погибших (производящие, впрочем, впечатление недоразумения, в результате которого за имена собственные были приняты апеллятивы; ср. др.-русск. *навороnникъ* "воин передового отряда": СРЯ XI–XVII вв. 1983. Вып. 10. С. 41) – позволяют предполагать, что Длугош опирается на какой-то древнерусский источник, уделявший повышенное внимание Ростиславичам (см. примеч. 271). Некоторое сомнение вызывает упоминание Галича. Дело в том, что Галич находился тогда во владении Василька Ростиславича и оказался в руках Владимирка Володаревича только в 1141 г., после смерти его двоюродного брата Ивана Васильковича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308). Впрочем, было бы естественно думать, что действия против Польши были совместными для Володаря и Василька. – *Ред.*).

271 (Этот массив "галицкой" информации не находит себе соответствия в сохранившихся летописных сводах, в которых есть лишь краткая заметка о смерти Василька, а за ним – Володаря под 1124 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293; Т. 2. Стб. 288–289). Дневная дата смерти Володаря, сообщаемая Длугошем (19 марта), не вызывает сомнений; последовательность перечисления событий в Лаврентьевской летописи – смерть Василька, смерть жены Святополка 28 февраля, смерть Володаря – косвенно подтверждает ее; в таком

случае Володарь умер 19 марта 1125 г. (а не 1126, как у Длугоша). О церкви св. Иоанна Предтечи в Перемышле по ранним письменным источникам ничего не известно, но ее существование в это время подтверждается археологически (*Раппопорт П. А.* Русская архитектура. С. 112. № 201). Молчат летописи и о Ростиславе Володаревиче, о котором, так же как и об уделах Владимирка и Ростислава, знает, кроме Длугоша, только В. Н. Татищев (*Татищев В. Н.* История. Т. 2. С. 136–137). Блок галицких известий (см. также примеч. 265, 269–270, 273–274, 284), который никак нельзя отнести к вымыслам Длугоша, представляет собой сложную источниковедческую проблему, заставляя исследователей иногда даже постулировать особый галицкий источник Анналов – например, гипотетический перемышльский свод, по Е. Перфецкому (*Perfeckij E.* Historia Polonica. S. 87–94). Вопрос остается открытым. – *Ред.*).

272 (В целом соответствует летописному рассказу под 1125 г. (в Ипатьевской – под 6434 ультрамартовским годом) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294–296; Т. 2. Стб. 289–290), где, однако, смерть Мономаха датирована 19, а не 10 мая. Не перепутал ли хронист порядковое число дня смерти Мономаха с таковым Володаря? Слова “а другой его сын Ярополк держал Переяславское княжество” сближают древнерусский источник Длугоша в данном случае больше с текстом Лаврентьевской летописи, где, в отличие от Ипатьевской, такая фраза тоже следует за сообщением о вокняжении в Киеве Мстислава: “а Ярополк, брат его, иде Переяславлю” О Мстиславе Владимировиче см. примеч. 213. Ярополк второй или третий сын Мономаха, но к тому времени (после смерти в 1096 г. Изяслава Владимировича: см. примеч. 219) в любом случае следующий по старшинству за Мстиславом Мономашич; в 1125–1132 гг. – князь переяславский, в 1132–1139 гг. – киевский. – *Ред.*).

273 (Снова перед нами блок сведений из галицкой истории, находящий себе соответствие только у В. Н. Татищева (под 1126 г.), причем ясно, что последний черпал не из Длугоша или пользовавшегося Длугошем М. Стрыйковского, а из другого источника, так как его рассказ детальнее рассказа Длугоша (*Татищев В. Н.* История. Т. 2. С. 138). Есть между ними и противоречия. В отличие от Длугоша, говорящего о Григории, т. е. Игоре, и Иване Васильковичах, у В. Н. Татищева находим Игоря и Ростислава (может быть, Ростислав был Иваном в крещении?). “Щирец” Длугоша, по недоразумению переделанный у В. Н. Татищева в Чирск, а у Н. М. Карамзина, пересказывавшего Длугоша, – в Серет (*Карамзин Н. М.* История. Т. 2. С. 106), – это Щирец, левый приток верхнего Днестра, который, очевидно, служил границей между Перемышльской и Звенигородской волостями – свидетельство аутентичности информации Длугоша. – *Ред.*).

[274] (Параллель этому сообщению снова обнаруживается только у В. Н. Татищева, который, впрочем, говорит о бегстве Владимирка в Венгрию под 1126 г. и объясняет дело тем, что тот бежал "к тестю" (*Татищев В. Н.* История. Т. 2. С. 138), тогда как, по Длугошу, звенигородский князь надеется не на родство, а на "какую-нибудь хитрость" Не исключено, что хронист мог опустить как неудобные сведения о родстве дружественного Польше венгерского короля Стефана II с враждебным ей Владимирком. Однако кто мог быть тестем Владимирка? Сам Стефан, родившийся в 1101 г., на эту роль не подходит, его дядя Альмош находится в изгнании в Византии. Н. А. Баумгартен выходит из положения, постулировав брак Владимирка не с дочерью, а с сестрой Стефана (*Баумгартен Н. А.* Первая ветвь. С. 8–9). Возможно. Но это сильно снижает доказательность известия В. Н. Татищева и повышает вероятность сказанного Длугошем. – *Ред.*).

[275] (Парафраз летописного известия о смерти киевского князя Мстислава (у Длугоша ошибочно – "Святослава") Владимировича под 1132 г. в Лаврентьевской и под ультраматровским 1133 г. в Ипатьевской летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301; Т. 2. Стб. 294), причем ближе к Лаврентьевской, где тоже есть слова о воле киевлян: "людье бо кыяне послаша по нь" – *Ред.*).

[276] (Длугош дает конец ультрамартовской летописной статьи 1135 г. (события 1134 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303; Т. 2. Стб. 297), не прозревая, понятно, всей сложности описываемого междукняжеского противоборства. Изяслав, сын недавно умершего Мстислава Владимировича (которого Длугош снова именует "Святославом"), и его дядя Андрей были не союзниками против киевского князя Ярополка Владимировича, а противниками: Изяслав был на стороне черниговских Ольговичей, которые и собирались (только собирались!) идти на Киев. В результате, чтобы дать Изяславу Волынь, оттуда был выведен Андрей, который получил Переяславль, оставленный другим Мономашичем Юрием Долгоруким. – *Ред.*).

[277] (Заимствуя рассказ Кадлубка о пленении Петром Властовичем перемышльского князя Володаря (III, 20) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 88–89, 100–102), Длугош переносит его на киевского князя Ярополка Владимировича; при этом сообщение о захвате Володаря в Анналах также имеется, но основано оно на других источниках, и о Петре в нем не упоминается (см. примеч. 265). Из самого текста под 1134 г., однако, видно, что первоначально в нем речь шла не о Ярополке, а о некоем Владимире, прототипом которого послужил Володарь (Wladarius) Кадлубка и которого хронист считал, к тому же, владимирским, а не киевским князем (у Кадлубка Володарь назван просто "русским князем"); собственноручно исправ-

ляя "Владимир" на "Ярополк Владимирович" Длугош по недосмотру оставил несколько упоминаний без исправления. Причину такого дублирования одного и того же события под пером Длугоша приходится видеть, вероятно, в одновременном использовании древнерусских и польских источников. Дело в том, что пленение Володаря в древнерусских летописях датировано 1122 г., а падение Вислицы, которое Длугош, вслед за Кадлубком, считал местью за это пленение (см. примеч. 281), в Великопольской хронике (гл. 29) датировано 1135 г. (ВПХ. С. 102). Эта последняя дата, встречающаяся и в польских рочниках (MPH NS. 1978. T. 5. P 57, 236), относится, очевидно, ко взятию Вислицы венграми Белы II (*Włodarski B.* Ruś. S. 56; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 120–121. Примеч. 9). – *Ред.*).

278 (Дружественные отношения Болеслава III с Венгрией Коломана и Стефана II расстроились с приходом к власти венгерского короля Белы II (1131–1141), ослепленного Коломаном вместе со своим отцом герцогом Альмошем. Болеслав поддержал другого претендента на венгерский трон Бориса, сына Коломана от второго брака с дочерью Владимира Мономаха Евфимией. Бела II был в союзе с чешским князем Собеславом I (1125–1140), женатым на сестре венгерского короля (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 167–168). – *Ред.*).

279 Петр Властович был одним из самых знаменитых польских вельмож XII в. Существует несколько гипотез о его происхождении – чешская, силезская, русская; Великопольская хроника (гл. 27) (а вслед за ней и Длугош: см. примеч. 268. – *Ред.*) называет его выходцем из Дании (ВПХ. С. 94–95) (см. обзор: *Cetwiński M.* Piotr Włostowić. S. 429–443). Наиболее аргументированными представляются силезская (*Stadnicki K.* Przyczynek. S. 174–175; *Friedberg M.* Ród Labędzów. S. 7 ff.) и русская версии (*Reiche F* Die Herkunft. S. 127–132; *Sawicki W* Studia. S. 171, 189). Близкое знакомство Петра с обычаями и языком Руси может быть объяснено его женитьбой ок. 1117 г. на русской княжне (см. примеч. 268), что и облегчило Петру проникновение в доверие Ростиславичей. Не вызывает удивления в этой связи и кириллическая надпись с именем дочери Петра Агафии на тимпане церкви Олбинского аббатства (*Mączewska-Pilch K.* Tympanon. S. 17). Петр был силезским палатином; Длугош называет его комитом – термином, который употреблялся в средневековой Польше для обозначения высоких сановников при княжеском дворе (*Rutkowska-Płachcińska A.* Comes. S. 676–686; *Bogucki A.* Komes). (Ксёнж – топоним, довольно распространенный в Польше; с каким из них надо соотнести Петра Властовича, неясно (*Friedberg M* Ród Łabędzów. S. 59 ff.). – *Ред.*). Обстоятельства похищения русского князя заимствованы Длугошем у Кадлубка, об источниках которого в данном случае см.:

Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 117–118. Примеч. 11.

280 Эти слова осуждения в адрес Петра находят себе некоторое соответствие в сообщении Великопольской хроники (гл. 32) о возложенном на Петра церковном покаянии (ВПХ. С. 108) (где оно, однако, объясняется апокрифическим присвоением сокровищ датского короля. – *Ред.*). Это свидетельство подтверждается и данными Кадлубка о грандиозном церковном строительстве Петра. При польском князе Владиславе II в 1140-х гг. Петр попал в опалу и подвергся жестокой расправе, о чем как о справедливом возмездии сообщает и Киевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319).

281 (Последующий рассказ о разорении Вислицы заимствован Длугошем у Кадлубка (III, 22): *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 89–90, 102–103). Но у Кадлубка месть осуществляет не названный по имени сын Володаря, тогда как Длугош превращает его в Василька, которого сначала называет племянником, а потом сыном Ярополка. Этот Василько – личность мифическая только наполовину. Ярополк был бездетен, но племянник Василько у него действительно существовал, и Длугош знал о нем (см. примеч. 288). – *Ред.*).

282 (Шестые иды февраля – 8 февраля. – *Ред.*).

283 (Парафраз столь же риторического рассказа Кадлубка (III, 24): *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 90, 103. От себя Длугош добавляет некстати только имя Ярополка Владимировича (см. примеч. 272) и указание на Владимирскую землю как объект нападения Болеслава III. Это уточнение хрониста также неудачно, так как именно Волынь Андрея Владимировича скорее всего поддерживала Польшу, тогда как ее противником и союзником Венгрии был звенигородский князь Владимирко Володаревич. – *Ред.*).

284 (Длугош пересказывает гл. 30 Великопольской хроники, где, однако, нет никаких имен русских князей, а говорится только о "князьях другой Руси" (т. е. не той, что разорил Болеслав), которые изгоняют из Руси непонятного "галицкого короля, зятя князя Болеслава" (ВПХ. С. 103). Длугош справедливо опустил явно не соответствующее действительности определение изгнанника как "зятя" Болеслава III, но откуда он взял его имя "Ярослав"? Оно – не случайно, так как Ярослав упомянут и под 1122 г. в числе выкупавших Володаря Ростиславича из польского плена (см. примеч. 265). По русским источникам Ярослава ни среди Володаревичей, ни среди Васильковичей не значится, что, впрочем, еще не может служить решающим контраргументом. Но ведь Ярослав не известен и В. Н. Татищеву, который, как видно, пользуясь летописным источником, сходным с источником Длугоша, знает, как и Длугош, о внуках Ростислава Владимировича, о которых нет ни-

каких сведений в сохранившихся летописных сводах (см. примеч. 273). Личность Ярослава остается загадкой. Нет сведений в других источниках и о походе Болеслава III на Русь в это время, хотя не видно и причин, по которым польский автор мог бы придумать известие о поражении польского князя. – *Ред*.).

285 (Речь идет действительно о событиях 1137 г., когда у чешского князя Собеслава I (1125–1140) родился сын Венцеслав. Старший сын Болеслава III – Владислав II Изгнанник (см. примеч. 244). *Ред*.).

286 (Будущий Казимир II Справедливый (см. примеч. 310), младший сын Болеслава III от второй супруги Саломеи, родился действительно в 1138 г. – *Ред*.).

287 Знаменитый раздел Польши между сыновьями Болеслава III, который учреждает систему принципата политического старейшинства одного из братьев, которое выражалось в частности в обладании принцепсской областью – Краковом и Гнезном (см., например: *Labuda G*. Testament. S. 171–194; *Buczek K*. Jeszcze o testamente. S. 621–639; и др. – *Ред*.). Владислав – единственный сын Болеслава III от брака со Сбыславой Святополковной, польский князь-принцепс в 1138–1146 г., был женат на Агнесе, дочери австрийского маркграфа Леопольда III, сестре германского короля Конрада III (1137–1151). По завещанию отца получил, кроме Кракова (и Гнезна, т. е. восточной части Великой Польши. – *Ред*.), Силезию и верховную власть над Гданьской маркой (Поморьем). Стремился к единоличной власти, вследствие чего оказался в конфликте с братьями (о чем Длугош и пишет ниже), потерпел поражение и с 1146 г. и до самой смерти в 1163 г. жил в изгнании в Германии. (Ленчица, вопреки Длугошу, была уделом вдовы Болеслава III Саломеи. – *Ред*.). Болеслав – Болеслав IV Кудрявый, получивший по завещанию отца Мазовию, в 1146–1173 гг. – князь-принцепс; Мечислав – Мешко III Старый, получивший от отца Великую Польшу (т. е. ее западную часть с Познанью, без Гнезна, вопреки Длугошу. – *Ред*.), верный союзник старшего брата Болеслава IV, после смерти которого так и не смог закрепиться в качестве принцепса, проведя почти весь остаток жизни (1177–1199 гг.) в борьбе с младшим братом Казимиром II, овладевшим Краковом, и его сторонниками (см. примеч. 310); принцепс в 1199–1202 гг. Генрих (которого Длугош непонятно почему называет "Первым" – *Ред*.) получил от отца Сандомир и умер в 1166/67 г. (Болеслав III умер не в 1139 г., как считает Длугош, а 28 октября 1138 г. – *Ред*.).

288 (Длугош излагает события 1135 г., являющиеся непосредственным продолжением тех, о которых он рассказал в статье 1132 г. И Лаврентьевская, и Ипатьевская летописи повествуют о них под ультрамартовским 1136 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303–304; Т. 2. Стб.

295–297), но Длугош имел под рукой летопись, в данном случае сходную с Лаврентьевской. Именно вследствие недомолвки, имеющейся и в Лаврентьевской, он ошибочно посчитал, что Ярополк попал в плен к Ольговичам. Племянник Ярополка Василько, сын Марицы, дочери Владимира Мономаха и претендента на византийский престол Льва Псевдо-Диогена, также не попал в плен, а был убит (ср. примеч. 281). "Супон" Длугоша – летописный Супой; ошибка, легко объяснимая при чтении кириллического оригинала. – *Ред*.).

289 (Длугош повествует о событиях начала 1139 г. по летописи близкой к Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306–307), указывая, однако, другую дневную дату смерти Ярополка Владимировича – 10, а не 18 февраля (последнюю находим и в Ипатьевской: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302), если, впрочем, здесь не механический пропуск слова *octavus*, так как числительное "18-й" Длугош пишет *decimus octavus* вместо обычного *duodevicesimus*. О Вячеславе Владимировиче см. примеч. 220. Всеволод Ольгович, старший сын черниговского князя Олега Святославича, в 1127–1139 гг. князь черниговский, в 1139–1146 гг. – киевский. – *Ред*.).

290 (Первый этап конфликта между Владиславом II и его младшими братьями действительно начался, вероятно, в 1142 г. Под этим годом в Ипатьевской летописи читаем сообщение о браке Звениславы, дочери нового киевского князя Всеволода Ольговича, с сыном Владислава Болеславом Высоким, будущим силезским князем, и об отправленной зимой 1142–1143 гг. Всеволодом военной помощи Владиславу, к которой присоединился и Владимирко Володаревич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 312). Так что русская помощь Владиславу, о которой пишет Длугош, была обусловлена этими новыми союзами (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 153), а не наполовину русским происхождением польского князя, как догадывается хронист. – *Ред*.).

291 В 1145 г. (после смерти в 1144 г. вдовы Болеслава III Саломеи. *Ред*.) начался второй, завершающий, этап столкновения Владислава II с братьями. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, хотя и с разной степенью подробности, упоминают о помощи, направленной киевским князем Всеволодом Ольговичем Владиславу в 1145 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 312; Т. 2. Стб. 318). (Однако это был не тот поход, что описан у Длугоша. Различаются, во-первых, имена русских князей, участников похода; в Ипатьевской летописи (в Лаврентьевской назван только Игорь) видим Игоря и Святослава Ольговичей, братьев Всеволода, Владимира Давыдовича, его двоюродного брата, и его сына Святослава Всеволодовича, тогда как Длугош называет Святослава Всеволодовича, Изяслава Давыдовича, родного брата Владимира, а также некоего "Всеволодимира", князя галицкого, каковым тогда был Владимирко Во-

лодаревич (ср. примеч 296). Во-вторых, совсем иначе выглядят результаты обоих экспедиций. *Ред.*). В летописи Болеслав и Мешко покорно заключают мир, уступив “4 городы” (т. е., вероятно, Серадзско-Ленчицкую землю) Владиславу, которому, таким образом, удалось разъединить великопольские и мазовецкие владения своих противников (*Labuda G*. Zabiegi. S. 168) (если считать, что Гнезно с самого начала не было в руках Владислава. – *Ред.*); Игорю Ольговичу при этом достается Визна, город на Нареве, к северу от Дрогичина, открывающий дорогу в Пруссию. О познанском походе сохранившиеся русские источники молчат. Осада Познани датируется весной 1146 г. Магдебургские анналы засвидетельствовали прибытие Владислава II ко двору германского короля Конрада III в намерении получить помощь в задуманном предприятии (Ann. Magdeb. P 81, 87). Конрад запоздал, и его приход в Польшу осенью 1146 г. больше походил на интервенцию: Владиславу он не помог, а вассальной зависимости от Польши добился. О русской помощи Владиславу в этом походе сообщает и чешская хроника Винцентия Пражского (ок. 1170 г.), ошибочно датируя событие 1149 г. (MGH SS. 1861. Т. 17. P 664). Сюжетно рассказ Длугоша следует в целом Великопольской хронике (гл. 31–32) (ВПХ. С. 106–111) (в которой, однако, поражение Владислава под Познанью ошибочно датировано 1142 г. Если осада Познани происходила весной, то названные Длугошем князья не могли в ней участвовать, так как и Святослав Всеволодович, и оба Давыдовича поименованы среди участников похода, организованного Всеволодом Ольговичем весной же 1146 г. против галицкого князя Владимирка, который, странным образом, хотя и под искаженным именем, также фигурирует у Длугоша; более того, в галицком походе участвует и сын польского князя Болеслав (ПСРЛ. Т 2. Стб. 319). – *Ред.*).

292 (Обращение Владислава II к чешскому князю Владиславу II (1140–1174), о котором знают и чешские источники, объясняется их родством: они были женаты на родных сестрах, дочерях австрийского маркграфа Леопольда III (1095–1136); Длугош не прозревает этого, так как ошибочно считает супругой польского князя апокрифическую Христину, якобы дочь германского императора Генриха V (см. примеч. 252, 261). Вряд ли Владислав мог просить о помощи также и “князя Руси”, так как в 1146 г. его русский союзник киевский князь Всеволод Ольгович умер (Длугош сообщает об этом под следующим 1147 г.) и в Киеве вокняжился волынский князь Изяслав Мстиславич, который еще в 1145 г. уклонялся от участия в военных действиях против младших Болеславичей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 318). – *Ред.*).

293 (Речь идет о втором крестовом походе 1147–1148 гг. Однако известно, что германский король Конрад III двигался не через Поль-

шу, Русь и Валахию (такой путь, видимо, казался Длугошу естественным по обстоятельствам его времени), а через Венгрию и болгарские земли Византийской империи (см., например: *Otto Fris.* Gesta I, 48. P 218). О “Львином море” см. примеч. 64. – *Ред.*).

294 (В сильном сокращении изложены события 1146–1147 гг. по летописи, близкой к Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 313–318). Отличия: дневная дата смерти Всеволода Ольговича у Длугоша – 12 июля, 30 июля – в Лаврентьевской (в Ипатьевской – 1 августа: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321); Игорь Ольгович ошибочно назван сыном, а не братом Всеволода. Датировка Длугоша неверна в любом случае, так как статья 1146 г. в Лаврентьевской летописи содержит эксплицитную дату возвращения Всеволода из похода против Владимирка Володаревича после “Бориша дни”, т. е. после 25 июля (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 312). – *Ред.*).

295 (Также сильно сокращенный пересказ летописных событий 1149 г. (первое изгнание Изяслава Мстиславича из Киева его дядей Юрием Владимировичем Долгоруким) по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 312–326). Место, соответствующее “и приде к нему Олговичь и Всеволодичь оба Святослава” в Лаврентьевской, в источнике Длугоша, видимо, было испорчено, так как хронист ведет речь не о Святославе Ольговиче и Святославе Всеволодовиче – черниговских князьях, союзниках Юрия Долгорукого, – а об Олеге и Святославе. Переяславского епископа Евфимия, который уговаривал Изяслава примириться с Юрием, Длугош принял за киевского митрополита. Уход польской и венгерской подмоги Длугош объясняет нерешительностью Изяслава – быть может, намеренно искажая свой летописный источник, так как в Лаврентьевской летописи, напротив, говорится: “и убояшася ляхове и угри” и т. д. Участников похода на Луцк Длугош правильно идентифицирует как Ростислава и Андрея Юрьевичей (сыновей Юрия Долгорукого) и Вячеслава Владимировича (князя туровского). “Владимирко” – Владимирко Володаревич Галицкий; “Георгий, сын Ярослава”, – Юрий, сын Ярослава Святополчича, впоследствии князь туровский. – *Ред.*).

296 Болеслав IV был женат на Верхуславе, дочери Всеволода Мстиславича, старшего из сыновей Мстислава Великого. (Брак состоялся, вероятнее всего, в 1136 г. (*Włodarski B.* Ruś. S. 57. Przyp. 19; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 228–229), хотя единственный источник, сообщающий о нем, Ипатьевская летопись, пишет о замужестве Всеволодовны “в ляхы” под 1137 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300). Дело в том, что об изгнании Всеволода из Новгорода, состоявшемся в 1136 г., Ипатьевская сообщает под 1138 г.; логично думать, что иностранный брак был заключен с дочерью новгородского князя, а не с безместным изгнанником, едва утвердившимся во Пскове. Возможно, христианским именем Верхуславы,

действительно, было Анастасия. Сохранилось евангелие (так называемое Евангелие княгини Анастасии) плоцкого происхождения, датируемое сер. XII в., на окладе которого у ног Спасителя изображена женская фигура с указанием имени ANASTASIA; владелицу евангелия иногда отождествляют с Верхуславой Всеволодовной (см. обзор: *Jasiński K.* Wierchosława. S. 47). Если так, то становится отчасти понятным происхождение странного имени "Всеволодимир": зная, что отца Верхуславы-Анастасии звали Всеволодом, и почему-то полагая, что тестем Болеслава IV был галицкий князь Владимирко, хронист контаминировал оба имени (см. также выше примеч. 291). Против такого предположения говорит, однако, тот факт, что русский источник Длугоша за эти годы был близок к Лаврентьевской летописи, в которой сведений о Верхуславе нет. Но даже если Длугош имеет в виду именно Верхуславу, почему он так неверно датирует 1151 г. ее замужество? Вслед за историографией надо признать, что генеалогические сведения Длугоша за XII в. изобилуют неудачными домыслами и явными ошибками (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 235). – *Ред.*).

297 Откуда Длугош взял эти сведения, неизвестно. Мешко III женился в 1151/54 г., вероятно, на дочери киевского князя Изяслава Мстиславича Евдоксии (*Balzer O.* Genealogia. S. 159–160). Интересно, что примерно в это же время сестра Ме́шка и Болеслава IV Агнешка выходит замуж за Мстислава Изяславича (*Щавелева Н.И.* Польки. С. 56) (см. примеч. 303). (Это был второй брак великопольского князя; первой его женой была венгерка – видимо, дочь короля Стефана II. Кадлубек (IV, 2) знает только о русском происхождении второй супруги Ме́шка (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 92, 105). Ее имя "Евдоксия" – и здесь Длугош прав – сообщают актовые источники и некрологи (KDMP T. 2. N 376; MPH. 1888. T. 5. P. 730). Дата брака устанавливается по косвенным соображениям. Сведения Длугоша о Евдоксии сбивчивы. О ее скорой смерти и бездетности он говорит, видимо, потому, что под 1158 г. сообщает о третьем браке Ме́шка с родственницей германского короля Фридриха I Барбароссы (1152–1190), что не мешает ему под 1164 и 1168 гг. сообщить о рождении двух сыновей Ме́шка от Евдоксии (см. примеч. 307, 311). В современной науке данные Длугоша о третьем браке Ме́шка признаются недостоверными; в таком случае *terminus post quem* для кончины Евдоксии будет 1187 г. (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 240–242).– *Ред.*).

298 (Подробный пересказ летописного повествования под 1152 г. по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 336–337). Речь идет об очередном эпизоде борьбы волынского и киевского князя Изяслава Мстиславича с верным союзником сво-

его главного врага Юрия Долгорукого галицким князем Владимирком Володаревичем. Союзником Изяслава выступает венгерский король Геза II (1141–1162), шурин киевского князя (он был женат на сестре Изяслава Евфросинии). Имя Гезы в летописи не названо, и Длугош очень сильно ошибся, идентифицировав его со Стефаном II, дядей Гезы, умершим двадцатью годами ранее. Еще одна неточность – венгры переправляются не через Сан, как у Длугоша, а через Санок. "Святополк, брат Изяслава" – Святополк Мстиславич, младший брат Изяслава Мстиславича, посаженный им на Волыни, где он и умер в 1154 г. – *Ред.*).

299 (Пересказ второй половины статьи 1152 г. по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338–340). Из-за некоторых неудачных сокращений, предпринятых хронистом (или вследствие дефектности его древнерусского источника?), логика его рассказа иногда неясна. Юрий Долгорукий идет на помощь своему черниговскому союзнику новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, а не "к Киеву" К Киеву, узнав о выступлении Юрия, идет другой его союзник Владимирко Галицкий, против которого (а не против Юрия) и выступает из Киева Изяслав Мстиславич; именно поэтому "Владимирко вернулся в Галич" Изяслав посылает своего брата смоленского князя Ростислава Мстиславича на помощь черниговскому князю Изяславу Давыдовичу, двоюродному брату и сопернику Олега Святославича, потому что именно против Чернигова Изяслава Давыдовича и направлен поход Юрия Долгорукого и Святослава. У Василька Юрьевича, оставленного отцом в Новгороде Северском для помощи Святославу, не было сына Мстислава. На половцев, союзных Святославу, был послан Мстислав Изяславич, тогда сидевший по воле отца, киевского князя, в Переяславле. – *Ред.*).

300 (Болеслав, сын Болеслава IV, умер в 1172 г. молодым, что делает дату его рождения, приведенную Длугошем, достаточно правдоподобной. По другим источникам год рождения Болеслава не известен (ср.: *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 270–271). Об Анастасии см. примеч. 296. – *Ред.*).

301 (Довольно верный пересказ летописных событий 1153 г. (непосредственно следовавших за изложенными у Длугоша под 1154 г.) по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340–341). Допущена только одна неточность: галичане уговаривали своего князя не воздержаться от сражения с киевским князем Изяславом Мстиславичем, а уйти в Галич, предоставив им сражаться, ибо боялись потерять князя, "поскольку он был один" (т. е. других сыновей у Владимирка не было). Сын Владимирка не назван по имени и в Лаврентьевской летописи, тогда как в значительно более пространном рассказе Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465–468) его имя Ярослав упомянуто. Речь идет о Ярославе

Владимировиче Осмомысле, князе галицком в 1153–1187 гг. Святополк Мстиславич был тогда князем владимиро-волынским; Владимир Мстиславич, самый младший из братьев Изяслава, князем дорогобужским. – *Ред.*).

[302] Лестек, или Лешек, второй сын Болеслава IV, родившийся ок. 1160 г., умерший в 1186 г. князем мазовецким. Об Анастасии см. примеч. 296.

[303] (Длугош продолжает последовательно излагать события перв. пол. 1150-х гг. по своду, сходному с Лаврентьевской летописью; на этот раз он повествует о смерти Изяслава Мстиславича в ноябре 1154 г. и последовавшей за этим борьбе за Киев, которая закончилась третьим, и последним, вокняжением там Юрия Долгорукого в марте 1155 г. (ПСРЛ. Т 1. Стб. 341–345, где, однако, о вокняжении Юрия в Киеве сказано еще в статье 1154 г.). Характерным отличием русского источника Длугоша было употребление топонима "Белавежа" вместо "Боловес" который встречаем в данном случае как в Лаврентьевской, так и Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 474), причем в других случаях и в последних двух летописях название этого города на черниговско-переяславском пограничье встречается в форме "Белавежа" Нет в сохранившихся сводах и указания на то, что половцы, после неудачного нападения на Переяславль Мстислава Изяславича, отошли "в ту же ночь" "Распустив войско" (у Длугоша применительно к Ростиславу, после того как он узнал о смерти Вячеслава) является, вероятнее всего, просто неточным переводом летописного "оставя полкы" Вячеслава Владимировича, дядю Изяслава и Ростислава Мстиславичей, хронист принял по недоразумению за Изяславича. В остальном перевод Длугоша точен. Изяслав Давыдович, черниговский князь, бывший союзник Изяслава, стал противником Ростислава, помирившись с двоюродным братом Святославом Ольговичем и Юрием Долгоруким. Святослав(ко) Всеволодович сын покойного черниговского и киевского князя Всеволода Ольговича, будущий киевский князь в 1176–1194 гг.; Святослав был племянником Мстиславичей, так как Всеволод был женат на дочери Мстислава Великого Агафии. Глеб Юрьевич – сын Юрия Долгорукого, в киевское княжение отца не раз держал Переяславль Русский, в 1169–1171 гг. старший брат Андрей Боголюбский сделал его киевским князем. Впервые упоминаемая здесь жена Мстислава Изяславича – это Агнешка, дочь польского князя Болеслава III от его второго брака (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 261–264). Обручение Мстислава и Болеславны относится еще к 1141 г., когда назревал первый конфликт между польским князем Владиславом II и младшими Болеславичами, родными братьями Агнешки, и было призвано противодействовать союзу Владислава с киевским князем Всеволодом Ольговичем (см. примеч. 290). Агнешка

пережила мужа, умерев после 1182 г. "Порши" Длугоша, полученное Васильком Юрьевичем от отца – это Поросье (область к югу от Киева по реке Роси) (ср. примеч. 121). – *Ред.*).

304 (Длугош существенно дополняет летописный рассказ 1155 г. о временном завершении конфликта киевского князя Юрия Долгорукого с его внучатым племянником волынским князем Мстиславом Изяславичем; этот рассказ в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях примерно совпадает (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 345–346; Т. 2. Стб. 479– 481). Краткое летописное сообщение о Мстиславе "а сам иде в ляхы" (в Ипатьевской летописи его нет, но текст в ней в этом месте явно испорчен; в Хлебниковской он исправен: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479. Примеч. 28) хронист разворачивает в пространую картину военной помощи Болеславичей своему русскому шурину, не избегнув при этом ошибок. Переяславля Мстислав себе не вернул; Юрий Долгорукий идет на мир с Изяславичами не из страха перед поляками, а вследствие ходатайства за племянников смоленского князя Ростислава Мстиславича, который под пером Длугоша превратился в (мифического?) Ростислава Перемышльского (ср. следующее примеч.). Отметим еще недоразумение: суздальского воеводу Жирослава, возглавлявшего киевское войско вместе с туровским князем Юрием Ярославичем, хронист принял за некоего князя Ярослава – ошибка тем более досадная, что против Мстислава и в самом деле действовал галицкий князь Ярослав Владимирович. Сложнее обстоит дело с "родными братьями" Мстислава Владимиром и Ярославом. Ярослав – это действительно младший брат Мстислава, сидевший в Луцке, Владимир же – дядя, которого Мстислав, изгнанный из Переяславля, чуть позже, в 1156 г., вытеснил из Владимира Волынского; об этом совершенно ясно сказано в Ипатьевской летописи. Отсюда заключаем, что под рукой Длугоша все-таки снова был текст, сходный с Лаврентьевской, в которой Ярослав Изяславич и Владимир Мстиславич оба неоправданно подпадают под определение "братаничей" т. е. племянников, Ростислава. – *Ред.*).

305 (Болеслав IV был действительно женат дважды. Однако его вторую жену звали не Еленой, а Марией, как она названа в документе, датированном декабрем 1167 г. (KDKK. Т. 1. N 1). Ее происхождение неизвестно, так же как неизвестно и время заключения брака. По очень зыбким оценкам, оно замыкается примерно между 1149 (*Balzer O.* Genealogia. S. 160) и 1160 г. (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 229–230), причем сведения Длугоша и О. Бальцер, и К. Ясиньский признают не заслуживающими доверия. Перемышльский князь Ростислав в то время никаким источникам, помимо Длугоша, не известен; чуть выше, под 1159 г., о нем говорится явно по недоразумению вследствие путаницы с Ростиславом Смоленским (см. предыдущее примеч.). – *Ред.*).

[306] Источником Длугошу служила статья 1156 г. Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347) (вернее, свода, близкого к ней. *Ред.*). Сведения о польских вспомогательных войсках домыслены самим хронистом. (О "братьях" Мстислава Владимире и Ярославе см. примеч. 304. – *Ред.*).

[307] Выше (см. примеч. 297) Длугош утверждал, что Евдоксия умерла вскоре после свадьбы, не оставив потомства. (И о Болеславе, будущем князе куявском (родился в 1159, умер в 1195 г.) хронист сообщил под 1160 г. как о сыне Ме́шка III уже от третьего брака с немкой Адлейдой. – *Ред.*). Мешко, родился ок. 1160/65 г., умер в 1193 г. князем калишским. Ср. примеч. 311.

[308] (Длугош излагает статью 1157 г. летописного свода, близкого к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348: после смерти киевского князя Юрия Долгорукого киевляне предлагают киевский стол черниговскому князю Изяславу Давыдовичу), опуская известия о событиях в Суздальской земле. Однако в Лаврентьевской сведений о посажении Изяслава нет; их, конечно, можно домыслить на основе последующих событий (изгнания Изяслава из Киева, о чем речь идет в статье следующего года), но вряд ли можно домыслить, что Изяслав пришел в Киев "по желанию киевлян" – а об этом прямо сказано в более пространном повествовании Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489). Следовательно, в распоряжении Длугоша был текст в данном случае более исправный, чем Лаврентьевская летопись, быть может, связанный со сводом типа гипотетического Свода 1423 г., в котором было не только сообщение о вокняжении Изяслава, но и указание, что его "посадиша" (т. е., как можно догадываться, киевляне) (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 229). – *Ред.*).

[309] (Снова Длугош пересказывает краткие сведения свода, близкого к Лаврентьевской летописи, о событиях в Киеве, опуская информацию о Суздале (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348), и снова говорит о благосклонности киевлян (см. предыдущее примеч.) – на этот раз к Мстиславу Изяславичу, чему ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской соответствия не находим. "В Ветиче" – непонятое Длугошем летописное "в вятичах": название области хронист принял за название города. Точная хронология событий восстанавливается по Ипатьевской: Изяслав сидел в Киеве с мая 1157 по декабрь 1158 г. Мстислав уступил Киев дяде Ростиславу Смоленскому в апреле 1159 г. Далее Длугош говорит сразу об окончании киевского княжения Ростислава Мстиславича в марте 1167 г. (можно ли назвать его "недолгим"?), причем ошибочно связывает это окончание не со смертью Ростислава (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353), а с добровольной уступкой стола младшему брату Владимиру Мстиславичу. Следует упомянуть, что статьи Лаврентьевской летописи за 1160-е гг. в целом весьма кратки и бедны известиями о событиях на юге Руси;

нет в ней и известия о вокняжении в Киеве Владимира, хотя есть известие об его оттуда изгнании. – *Ред.*).

310 (Казимир II Справедливый, младший сын польского князя Болеслава III, получивший после смерти брата, сандомирского князя Генриха, в 1166/67 г. часть Сандомирского княжества; в 1177 г. оппозиционные Мéшку III магнаты передали Казимиру Краков (см. примеч. 315), и он стал князем-принцепсом, каковым пребывал до смерти в 1194 г. Говоря о Всеволоде Белзском, Длугош допускает очевидный анахронизм: белзский князь Всеволод был сыном Мстислава Изяславича, женившегося ок. 1151 г. (см. примеч. 297); следовательно, в 1160-е гг. Всеволод никак не мог иметь взрослой дочери. Другой Всеволод из волынских князей – Всеволод Ярославич, двоюродный брат Всеволода Мстиславича, также не подходит, ибо женился только в 1167 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527). Супругу Казимира звали действительно Еленой, но данные Длугоша о ее происхождении в науке справедливо признаются недостоверными. Согласно гипотезе О. Бальцера, Елена была дочерью смоленского и киевского князя Ростислава Мстиславича (*Balzer O.* Genealogia. S. 184 ff.), но в последнее время преобладает мнение Т. Василевского, идентифицировавшего Елену как дочь моравского (зноемского) князя Конрада II (ум. после 1161 г.) (*Wasilewski T* Helena; *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 266–267), хотя у гипотезы О. Бальцера продолжают оставаться авторитетные сторонники (*Labuda G.* Kasimir II. Sp. 1031); в самом деле, как иначе объяснить, что сын Казимира II Лешко приходился "братом" внуку Ростислава Смоленского Мстиславу Мстиславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731)? Оценки времени брака колеблются в пределах 1160–1166 гг. О неудачном походе против пруссов, состоявшемся зимой 1166–1167 гг., в котором и погиб сандомирский князь Генрих, хронист рассказал в статье предыдущего 1168 г. – *Ред.*).

311 Владислав Лясконогий, князь познанский и гнезненский с 1203 г., ум. в 1231 г. (ср. примеч. 307. – *Ред.*).

312 (Изложение событий 1169 г., в том числе и знаменитого разграбления Киева суздальцами, по своду, близкому к Лаврентьевской летописи, где рассказ о них помещен в статье 1168 и в начале статьи 1169 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354–355). Отличия рассказа Длугоша от летописного: хронист снова неосновательно настаивает на том, что Ростислав Мстиславич не умер, а был вытеснен из Киева братом Владимиром; Мстислав Изяславич терпит осаду в Киеве "много дней" (по летописи – всего лишь три дня) и уходит, "не стерпев голода" (о чем летопись, понятно, не говорит); число князей-участников похода на Киев, организованного Андреем Юрьевичем Боголюбским, с летописного "11" переправлено на "9", но это исправление предпринято Длугошем явно сознательно. Дело в том, что в его распоряжении была летопись, сходная с Радзиви-

ловской и Академической, где, во-первых, читалось исправное "Дмитрок Гургевич" (т. е. юный Всеволод-Димитрий Юрьевич, будущий Всеволод Большое Гнездо), а не испорченное "Дмитр и Гюрги", как в Лаврентьевской, и, во-вторых, отсутствовало упоминание о Мстиславе (Мстиславе Ростиславиче, внуке покойного Юрия Долгорукого). Таким образом, хронист насчитал только девять имен вместо заявленных одиннадцати. При этом непривычное имя "Рюрик" (Рюрик Ростиславич, сын покойного смоленского князя Ростислава, князь овручский) он воспринял как ошибку вместо "Юрий", а имя "Мстиславец" (Мстислав Ростиславич Храбрый, тогда сидевший в Белгороде) в его русском источнике, вероятно, было испорчено – откуда под пером Длугоша и появилось ошибочное чтение "родные братья Георгий и Славец" "Олег и Григорий" – это Олег и Игорь (будущий герой Слова о полку Игореве), сыновья покойного черниговского князя Святослава Ольговича. Остальные князья названы правильно: Мстислав Андреевич, сын владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского; Глеб Юрьевич – сидевший в Переяславле младший брат Андрея; Роман – сын Ростислава Мстиславича; Давыд – другой сын Ростислава, тогда сидевший в Вышгороде; Владимир Андреевич – сын Андрея Владимировича, внук Владимира Мономаха, еще в 1157 г. посаженный Юрием Долгоруким в Дорогобуже. – *Ред.*).

313 (Парафраз летописного повествования под 1171 г. (события зимы 1170–1171 гг.) по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362–363). Михалко Юрьевич, один из младших сыновей Юрия Долгорукого от второго брака, тогда, вероятно, располагавший каким-то уделом на Киевщине от старшего брата киевского князя Глеба – быть может, Поросьем. Невразумительную фразу "dum predam ad societatem usque raptam reducerent" переводим по догадке "когда награбленную добычу довезли до са́мой орды", учитывая слова летописи, что дружина Михалка настигла половцев уже "за рекою Бо[го]мь" – *Ред.*).

314 (События 1171 г., изложенные по своду, близкому к Лаврентьевской летописи, где они датированы ультрамартовским 1172 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 363–365), причем известия о происшествиях на северо-востоке Руси Длугош, по обыкновению, опустил. Глеб Юрьевич умер 20 января 1171 г. Известия о захвате Киева луцким князем Ярославом Изяславичем, младшим братом умершего в августе 1170 г. Мстислава Изяславича, в Лаврентьевской нет, и оно не соответствует действительности, так как после Романа Киев неоднократано переходил из рук в руки: от Романа – к Михалку и Всеволоду Юрьевичам, от них – к Рюрику Ростиславичу и только от Рюрика осенью 1173 г. – к Ярославу. Всех этих перипетий не знает Лаврентьевская летопись, так же как не знает она того, что в промежутке между княжениями Глеба и Романа в Киеве в тече-

ние почти трех месяцев снова сидел Владимир Мстиславич. Соответственно не знает обо всем этом и Длугош. Найдя первое после вокняжения Романа известие о судьбе киевского стола в летописной статье 1175 г. ("Седящу Ярославу князю Изяславичю в Кыеве": ПСРЛ. Т. 1. Стб. 366), он, как и в других случаях (см. то же в статьях 1164 и 1167 гг.), посчитал Ярослава непосредственным преемником Романа. – *Ред.*).

315 (Краков и принципат перешли в руки Казимира II в 1177 г., тогда как за Мéшком Старым осталась Великая Польша с Гнезном и Поморье. Зятьями Мéшка были, по впечатляющему перечислению у Кадлубка (IV, 2) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 92, 105), чешский князь Собеслав, саксонский герцог Бернхард III, лотарингский герцог Фридрих II, поморский князь Богислав I. О верной русской помощи Казимиру Длугош пишет, надо полагать, в связи со своим сообщением, что Казимир был женат на русской княжне (примеч. 310). – *Ред.*).

316 (Изложены события зимы 1173–1174 гг. и 1174 г. по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 366–367; под ультрамартовским 1175 г.), которая, впрочем, здесь довольно схожа с Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578–579). Редактируя летопись, хронист допускает ряд ошибок. Ярослав Изяславич к моменту наезда черниговского князя Святослава Всеволодовича сидел в Киеве не "несколько лет" (см. предыдущее примеч.), а всего лишь месяц. Ярослав вернулся в Киев не с войском союзников и с Ростиславичами, а один; о Ростиславичах в Лаврентьевской сказано по недоразумению (Киев стоит "пограблен Ростиславичи") вместо Ольговичей, как правильно в Ипатьевской; понимая нелепость текста, Длугош предпринял неудачную правку, сделав Ростиславичей союзниками Ярослава. Известие о продаже киевлян в рабство появилось из-за того, что Длугош не понял древнерусского термина "попрода", который в данном случае употреблен в смысле "обложил налогом" (СРЯ XI–XVII вв. 1991. Т. 17. С. 100). Рассказ Длугоша содержит также некоторые добавления, происхождение которых неясно. Во-первых, Святослав вступает в Киев, так как Ярослав считает его "другом и братом"; существование договора между этими князьями подтверждает Ипатьевская летопись. Во-вторых, и по Лаврентьевской, и по Ипатьевской летописям, Святослав восстанавливает мир с Ярославом, так как собирается воевать с двоюродным братом Олегом Святославичем, а не потому, что осада Чернигова Ярославом была безуспешна. *Ред.*).

317 (Длугош опирается на польские источники, в данном случае не вполне внятные. Недатированное сообщение о взятии Берестья польским князем Казимиром II есть у Кадлубка (IV, 14) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники.

С. 92, 105). В Великопольской хронике (гл. 39) этот эпизод имеет точную дату – 1182 г. (ВПХ. С. 122). В других источниках победа Казимира отнесена к 1181 г., хотя и не сказано, что речь идет именно о Берестье (МРН. 1872. Т. 2. Р. 834). – *Ред.*). В русских источниках никаких сведений об этом конфликте из-за Берестья нет. Лишь у В. Н. Татищева приводятся летописные выдержки полоцкого происхождения о вмешательстве поляков в 1177 г. в борьбу дрогичинского князя Василька Ярополчича (сына Ярополка Изяславича, младшего сына волынского и киевского князя Изяслава Мстиславича. – *Ред.*) с минским князем Владимирком Володаревичем за Берестье; Василько обращается за помощью к "брату своей жены" Лешку (т. е. юному сыну Болеслава IV Кудрявого), который ниже ошибочно назван тестем, а не шурином Василька (*Татищев В. Н.* История. Т. 3. С. 127–128) (и сам В. Н. Татищев сопоставил эти данные с упомянутыми свидетельствами польских источников: там же. С. 251. Примеч. 530. – *Ред.*). На этом основании в польской науке распространено представление о Васильке Володаревиче как о зяте Болеслава IV (*Balzer O.* Genealogia. S. 188–190; *Włodarski B.* Sąsiedstwo. S. 11; *Cabań W* Polityka. S. 200). Но родственные связи могли быть и иными: есть гипотеза, что отец Василька, минский князь Володарь Глебович, в 1130-е гг. женился на дочери Болеслава III Риксе и, следовательно, сестре Болеслава IV и Казимира II (*Gallén J.* Vem var Valdemar. S. 273–288; *Щавелева Н. И.* Польки. С. 56); таким образом, Владимирко Володаревич и Лешек приходились бы друг другу двоюродными братьями. Это соответствовало бы показанию Кадлубка, что Казимир, который после смерти в 1173 г. брата Болеслава IV стал опекуном Лешка, хотел вернуть Берестье "первородному сыну своей сестры" Другими племянниками Казимира были сыновья Мстислава Изяславича и Агнешки (см. примеч. 297). Поэтому было высказано также мнение, что Казимир восстанавливал в Берестье Святослава Мстиславича, который якобы владел Берестьем после смерти на берестейском столе ок. 1170 г. его не известного по имени брата (Владимира?) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562) (*Balzer O.* Genealogia. S. 170–173; *Kürbis B.* [Комментарий]. S. 215. Przyp. 157). (Эта точка зрения больше согласуется с известием Кадлубка, что после смерти посаженного Казимиром в Берестье родственника, польский князь отдал город брату покойного Роману Мстиславичу. – *Ред.*).

318 (Пространный рассказ о походе Казимира II на Галич развивает тему, обозначенную уже в Великопольской хронике (гл. 39), что после взятия Берестья польский князь обратился к Галичу, причем мотив похода ("восстановление на Галицком королевстве" незаконнорожденного "сына своей сестры"), который Кадлубек приводит применительно к берестейской экспедиции, перенесен

на галицкую (ВПХ. С. 122). Длугош добавляет и имя мифического родственника – "Мстислав" Возможно, эта история с незаконнорожденным Мстиславом является отголоском реальных потрясений внутри галицкого княжеского дома, связанных с желанием Ярослава Осмомысла передать Галич не законному сыну Владимиру (которого Длугош видит "родным братом" Мстислава), а сыну от наложницы Олегу, по позвищу "Настасьич" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656–657). Родственником сыну Осмомысла в представлении Длугоша Казимир мог оказаться еще и потому, что, согласно хронисту, польский князь был женат на дочери некоего перемышльского князя Ростислава (см. примеч. 304–305). Ситуация может быть представлена следующим образом. Не понимая о каком "сыне сестры" Казимира идет речь в Великопольской хронике и не имея из своего русского источника типа Лаврентьевской летописи внятных сведений о Ярославе Владимировиче Осмомысле, Длугош назвал Мстислава просто "родственником" Казимира, а Ростислава, который у него занимает место Ярослава Осмомысла, сделал тестем Казимира, чтобы объяснить это родство, сведения о котором он обнаружил в Великопольской хронике. Всеволод Белзский – Всеволод Мстиславич, сын волынского и киевского князя Мстислава Изяславича, фигурирует как противник Казимира уже в Великопольской хронике, где рядом с ним назван анонимный "владимирский князь", т. е. Роман Мстиславич. – *Ред.*).

319 Бегство Владимира Ярославича из Галича в Венгрию относится к 1188 г. и произошло совершенно по другой причине. Нарушив завещание Ярослава Осмомысла, галицкая знать в 1187 г. согнала с галицкого стола Олега "Настасьича" и пригласила на него сидевшего в Перемышле Владимира. Но уже в следующем году история повторилась и, по проискам волынского князя Романа Мстиславича, изгнан был уже Владимир (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659–662). Бела – венгерский король Бела III (1172/73–1196).

320 (Речь идет о событиях 1176 – начала 1177 г. во Владимиро-Суздальской Руси, записанных в Лаврентьевской и Новгородской IV летописях под ультрамартовским 1177 г., а в Софийской I – правильно под мартовским 1176 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379–386; Т. 4. Ч. 1. С. 167–169; Т. 6. Вып. 1. Стб. 241–244): о конфликте младших сыновей Юрия Долгорукого Михалка и Всеволода Большое Гнездо со своими старшими племянниками Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, сыновьями покойного к тому времени Ростислава, старшего из Юрьевичей. Вмешательство в него рязанского князя Глеба Ростиславича объясняется тем, что он был женат на сестре Ростиславичей. В рассказе Длугоша есть неточности. Смерть Михалка имела место не 14, а 20 июля. Финальная фраза "остальных отпустил" объясняется неверным пониманием летописного "Мстислава и Ярополка слепиша, а Глеб ту умре, а тех от-

пустиша в Русь", т. е. отпущены были ослепленные и потому уже безопасные Мстислав и Ярополк. Сокращая летописный рассказ, хронист не заметил, что Мстислав Ростиславич, союзник Глеба и противник Всеволода, тождествен Мстиславу, брату Ярополка и племяннику Всеволода, а не Глеба, как ошибочно пишет Длугош. – *Ред.*). По мнению Ю. А. Лимонова, Длугош опирается на текст, близкий к Московскому своду 1479 г., так как в Лаврентьевской конец статьи 1177 г. отсутствует и потому в ней нет сведений об ослеплении Мстислава и Ярополка (*Лимонов Ю. А.* Культурные связи. С. 77–78). (По хронологическим соображениям надо было бы, конечно, вести речь не о Своде 1479 г. или близкой к нему в части до 1417 г. Ермолинской летописи, а об их своде-предшественнике, т. е. так или иначе Своде 1423 (1448) г. Действительно, и в Новгородской IV, и в Софийской I летописях текст об ослеплении Ростиславичей и смерти Глеба тождествен тексту Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи. Однако в Новгородской IV и Софийской I нет даты смерти Михалка, хотя нет оснований настаивать, что она должна была отсутствовать в том изводе Свода 1423 г., который был под рукой Длугоша; так, например, эта дата присутствует в Новгородской Карамзинской летописи (ПСРЛ. Т. 42. С. 105). Главная трудность для изложенной гипотезы – в другом. В Своде 1423 г. не было сведений о союзниках Всеволода Юрьевича против Глеба – Олеге и Владимире Святославичах, сыновьях черниговского, а затем киевского князя Святослава Всеволодовича; такие сведения есть только в Лаврентьевской летописи. В этой связи следует обратить внимание и на начало статьи 1184 г. у Длугоша. Хронист, разумеется, ошибся, связав вокняжение Святослава Всеволодовича в Киеве со смертью Ярослава Изяславича: последняя случилась позже, после того как Ярослава летом 1174 г. вытеснил из Киева его племянник смоленский князь Роман Ростиславич; и только в августе 1176 г. в столице Руси надолго, до 1194 г. (с небольшим перерывом в 1180–1181 гг.), утвердился Святослав. Дело, однако, в том, что ни в Лаврентьевской, ни в Своде 1423 г. сведений о вокняжении Святослава нет. Откуда же взял их Длугош? Остается думать, что русский источник Длугоша соединял в данном случае сведения Лаврентьевской с данными Свода 1423 г. или, что вероятнее, представлял собой летопись типа Лаврентьевской, но с исправным завершением статьи 1177 г. При этом при упоминании о Святославе Всеволодовиче как союзнике Всеволода в нем при имени Святослава было определение "князь киевский", каковым Святослав зимой 1176–1177 гг. и в самом деле уже являлся. – *Ред.*).

321 (У Кадлубка (IV, 15) Казимир II, отдав Роману Мстиславичу Берестье, потом дает ему и Галич, свергнув сидевшего там Владимира (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источ-

ники. С. 93, 106). Эту линию модифицирует автор Великопольской хроники (гл. 39–40): Владимир, брат отравленного в Галиче ставленника Казимира, наследует Галич, но прогоняется Казимиром, который сажает вместо него Романа; последний также является якобы братом Владимира, который бежит в Венгрию, но там схвачен королем Белой; Бела забирает Галич себе (ВПХ. С. 123–124). Таким образом, Длугош всего лишь несколько варьирует рассказ Великопольской хроники. В Ипатьевской летописи под 1188 г. также говорится о бегстве Владимира в Венгрию, его аресте, приходе венгров в Галич и о польской поддержке Роману (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661–662), но рассказ Длугоша построен только на польских источниках. Андрей, сын Белы III, будущий венгерский король Андрей II, занимал Галич с 1188 по 1190 г. – *Ред*.).

322 (Согласно комментарию к варшавскому изданию (*Pieradzka C.* [Комментарий]. Т. 3. P. 346. Not. 5 ad a. 1186), сведения о затмении и море взяты из Чешской хроники Пулкавы (втор. пол. XIV в.) (Cron. *Pulc*. P. 113). Несомненно, то же затмение отмечено и древнерусскими источниками под 1 мая 1185 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396; Т. 2. Стб. 638; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 172; Т. 6. Вып. 1. Стб. 246), что, вероятно, и дало Длугошу возможность экстраполировать на "русские земли" также и сведения о "смертельной заразе". – *Ред*.).

323 Длугош продолжает пересказ хроники Кадлубка и Великопольской хроники (распространяя его домыслами. Он "уточняет", что Владимир разорил Перемышльский край, который был тогда якобы под властью Польши; что Владимир везет пленников на продажу в Киев; что палатин Николай совершает поход против Владимира в "Киевскую область", и проч. Все эти подробности не заслуживают никакого доверия. – *Ред*.).

324 (О первых сведениях в латинской Европе о татарах, как правило, связанных с легендой о пресвитере Иоанне, якобы могучем христианском государе на Востоке, см.: *Bezzola G. A.* Die Mongolen; *Klopprogge A.* Ursprung. – *Ред*.).

325 Финал разбитого у Длугоша на три части сюжета о Владимире и Казимире из Великопольской хроники (гл. 40–41) (ВПХ. С. 123–124). На самом деле, согласно Ипатьевской летописи, Владимир в 1190 г. бежал из Венгрии к германскому императору Фридриху I Барбароссе, который принял его благосклонно и велел Казимиру II вернуть Владимира в Галич, что тот и сделал, послав с Владимиром войско во главе с "мужем своим Миколаем" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666), т. е. с тем "краковским палатином Николаем", о котором пишет и Длугош.

326 (Рассказ о взаимных нападениях венгров и поляков представляет собой, вероятно, вольную интерпретацию Длугошем не вполне ясного повествования Кадлубка (IV, 16) и хроники Дежвы (MPH. 1872. T. 2. P. 414). – *Ред*.).

[327] Видимо, парафраз гл. IV, 18 Кадлубка и последнего абзаца гл. 42 Великопольской хроники о желательности для Польши мира с Венгрией (ВПХ. С. 126). Здесь видят домысел Длугоша под влиянием польско-венгерского сотрудничества в галицких делах в XIII в. (см. об этом у Длугоша под 1208 г.: примеч. 349) (*Semkowicz A*. Krytyczny rozbiór. S. 196 ff.).

[328] Статья основана на сведениях Кадлубка (V, 16) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93–94, 109–110) и гл. 42 Великопольской хроники (ВПХ. С. 125–126). Одним из главных противников политики Казимира II, сочетавшей подчинение германскому императору на западе с военно-политической активностью на востоке, был сторонник григорианских реформ будущий гнезненский архиепископ (а тогда краковский каштелян. – *Ред.*) Генрих Кетлич (ум. в 1219 г.), по инициативе которого и при поддержке краковской оппозиции во главе с палатином Николаем и краковским епископом Фульконом (1186–1207) (к слову, одним из информаторов Кадлубка) великопольский князь Мешко III и вступил в Краков. Временно возобновилась борьба братьев за принципат. В польских рочниках эти события датируются 1191/92 г. О помощи Казимиру со стороны его племянников волынского князя Романа Мстиславича и белзского князя Всеволода Мстиславича пишет уже Кадлубек, но сведения о том, что в момент мятежа Казимир пребывал на Руси, улаживая спор между Романом и Всеволодом, добавлены Длугошем.

[329] Польско-венгерский договор, урегулировавший конфликт из-за Галича, обычно относят к 1192 г. (*Włodarski B*. Polska. S. 12 ff.; *Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 162; и др.).

[330] (Изложены события 1184 г. по своду, близкому к Лаврентьевской летописи, где о них значительно более пространно рассказано в ультрамартовской статье 1185 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 394–396). Однако в Лаврентьевской не сказано, что князья собрались в Киеве (или, как еще можно понять "apud Kyoviam", под Киевом), что произошло это, "как только настало лето" Последнее является, вероятнее всего, домыслом Длугоша, исходя из его датировки битвы с половцами – 20 июня, которая неверна; правильную дату находим в Ипатьевской летописи – 30 июля, "в понедельник, на святаго Ивана Воиника" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 632; *Бережков Н. Г* Хронология. С. 82; в Лаврентьевской дата испорчена). Неудачным добавлением является и мысль, будто галицкие, волынские и луцкие полки были присланы владимирским князем Романом (в Галиче тогда еще княжил Ярослав Владимирович). Имена князей в Лаврентьевской летописи и у Длугоша совпадают, хотя Владимир Глебович обозначен хронистом на пятом, а не на третьем месте. Рюрик Ростиславич был тогда соправителем Святослава в Киевской земле (Святослав владел Киевом, Рюрик – остальной "Русской землей"); Глеб Святославич – один из младших сыновей

Святослава Всеволодовича; Глеб Юрьевич – сын туровского князя Юрия Ярославича; Владимир Глебович – сын переяславского и киевского князя Глеба Юрьевича, тогда князь переяславский; Мстислав Романович – сын смоленского князя Романа Ростиславича; Изяслав Давыдович – сын смоленского князя Давыда Ростиславича; Всеволод Мстиславич – уже не раз упоминавшийся белзский князь, сын Мстислава Изяславича. – *Ред.*).

331 Сокращенный пересказ Лаврентьевской летописи (вернее, близкой к ней, где эти события 1185 г. – известный неудачный поход новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев – поданы в ультрамартовской статье 1186 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 397–399), хотя у Длугоша они объединены под одним годом с походом 1184 г. – *Ред.*) (*Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór. S. 199). Трубчевский князь Всеволод Святославич, брат Игоря, по ошибке назван у Длугоша Ольговичем – очевидно, вследствие некоторой невнятности летописного текста: "ис Трубеча Всеволод брат его Ольгович Святослав из Рыльска" (отчество "Ольгович" хронист отнес ко Всеволоду, а не к Святославу Ольговичу, князю рыльскому, племяннику Игоря и Всеволода). – *Ред.*).

332 (Сильно расширенный рассказ на основе хроники Кадлубка (IV, 23) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 95, 109–110) и Великопольской хроники (гл. 47: ВПХ. С. 131–134) о битве при Мозгаве в 1195 г. После того как в 1194 г. умер Казимир II, его старший брат Мешко III Старый возобновил претензии на польский принципат, т. е. на Краков, где сидел малолетний сын Казимира Лешек (Лестек), выделив брату Конраду Мазовию. В древнерусских источниках нет сведений о помощи, оказанной юным Казимировичам волынским князем Романом Мстиславичем, но эти сведения Кадлубка, Великопольской хроники и Длугоша не вызывают сомнений, так как Казимировичи были двоюродными братьями Романа по матери. Андреевский монастырь, первый цистерцианский монастырь в Польше, был основан в 1140-х гг. и дал название городу Енджеюв на Ниде, левом притоке верхней Вислы. – *Ред.*).

333 Длугош основывает своей рассказ на гл. 48 Великопольской хроники (ВПХ. С. 134–137), которая, в свою очередь, использует Кадлубка (IV, 24) (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 95–97, 110–112). Точная дата смерти галицкого князя Владимира Ярославича по русским источникам не известна; вероятно, это случилось ок. 1199 г. Не знают древнерусские источники и обстоятельств вокняжения в Галиче Романа Мстиславича. Тем большее значение приобретают сведения польских хронистов. Длугош заметно изменил текст своих предшественников, выпустив все слова о "верности и постоянстве" Романа Мстиславича по отношению к полякам, о нем как "наивернейшем помощнике" Польского государства "и даже как бы его наставни-

ке" Нет оснований сомневаться в данных о польской помощи Роману (см., например: *Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 164), но признавать реальность сюзеренитета тринадцатилетнего Лешка Белого над Романом решаются лишь единицы (*Włodarski B*. Polska. S. 21). (Длугош ошибочно считает Романа "родным племянником" Владимира Галицкого, т. е. в его представлении непонятный брат Владимира Мстислав, правивший в Галиче с польской помощью до Владимира (см. о нем под 1182 и 1185 гг.), был, видимо, отцом Романа. – *Ред*.).

334 (События 1194 г., изложенные по своду, близкому к Лаврентьевской летописи, где о них говорится в ультрамартовской статье 1195 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412). Характерно, что Длугош опустил указание летописи на роль владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в посажении Рюрика Ростиславича. Молчит хронист и о том, что Рюрик был согнан с киевского стола Романом Галицким, как о том прямо говорится в летописи (там же. Стб. 417–418; под 1202 г.), что представляется довольно странным ввиду постоянного акцентирования Длугошем злодейств Романа. Сведений о том, что Рюрик бежал к половцам, в Лаврентьевской нет, но хронист мог сделать такой вывод на основании последующих событий (см. статью 1202 г.). – *Ред*.).

335 Парафраз окончания гл. IV, 24 хроники Кадлубка (*Щавелева Н. И*. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 97, 112) и гл. 49 Великопольской хроники (ВПХ. С. 137). О расправе Романа с галичанами в русских источниках сведений нет. Полагаем, что эти данные достоверны. "Гнусную", по выражению Н. М. Карамзина, поговорку Романа "не погнетши пчел, меду не едать" сохранила и Галицко-Волынская летопись, в которой, правда, ее употребляет во время боярской смуты сотник Микула, обращаясь к сыну Романа Даниилу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763).

336 Завоевание Константинополя крестоносцами IV крестового похода произошло в два этапа: первый раз 17 июля 1203 г., когда в город вошел император Алексей IV Ангел (1203–1204), вытеснив своего дядю Алексея III Ангела (1195–1203), и окончательно – 13 апреля 1204 г., когда был свергнут Алексей V Мурчуфл. В данном случае события 1203 и 1204 гг., похоже, контаминированы. Кто такой "Аскарий"? Возможно, Длугош или его источник допускает анахронизм, имея в виду первого императора Никейской империи Феодора I Ласкаря (1204–1222). В одном из списков (Падуанском) Церковной истории Птолемея (Варфоломея) из Лукки (ум. в 1327 г.), также под 1200 г., есть подобное сообщение об "Аскарии", его уходе в Херсонес ("Терсону" Длугоша), а оттуда – в Галицкое княжество (*Ptol. Luc*. Col. 1119; *Semkowicz A*. Krytyczny rozbiór. S. 203). Считается, что из польской хронистики сообщение о бегстве византийского императора к Роману Мстиславичу попало в позднюю Густынскую летопись XVII в. (статья 1201 г.) (*Лимо-*

нов Ю. А. Культурные связи. С. 81; *Grala H.* Tradycja. S. 639–661) (хотя в Густынской летописи император назван не “Аскарием”, а своим настоящим именем (“Алексей Анъгел”: имеется в виду Алексей III), нет речи и о Херсонесе (ПСРЛ. Т. 40. С. 108). – *Ред.*). Комментатор варшавского издания Анналов полагает, что эпизод с Галицким княжеством вымышлен Длугошем (*Pieradzka Ch.* [Комментарий]. Т. 3. P. 357. Not. 9 ad a. 1200). Мотивом для возникновения такой легенды могли служить весьма тесные связи Юго-Западной Руси с Византией. Есть гипотеза о втором браке Романа Мстиславича с гречанкой, родственницей дома Ангелов (*Grala H.* Drugie małżeństwo. S. 115–127; *idem.* Rola Rusi. S. 125–129).

337 (Болеслав Высокий, сын польского князя Владислава II Изгнанника, был изгнан вместе с отцом в 1146 г., затем вернулся при поддержке Германии, получил Вроцлав и стал основателем силезской линии Пястов; ум. в 1201 г. Его старший сын Ярослав в 1173 г. получил от отца Ополе; затем, в 1199 г., он стал епископом вроцлавским; ум. в 1201 г. Восьмые иды декабря – 6 декабря. Цистерцианское аббатство Любёнж (по-немецки Leubus) на средней Одре, несколько выше Вроцлава, было основано Болеславом Высоким; сохранилась его учредительная грамота, датированная 1175 г. Первой женой Болеслава была не Вячеслава, как считает Длугош, а Звенислава, дочь киевского князя Всеволода Ольговича; брак состоялся в 1142 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313). Распространенное в науке мнение о втором браке Болеслава Высокого с Адельхайдой Зульцбахской, сестрой жены германского короля Конрада III – которого Длугош считает II-м, так как Конрад I (ум. в 919 г.) не был императором – оспорено К. Ясиньским, согласно которому второй супругой князя была некая Христина (*Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. Т. 1. S. 45–49). Сын Болеслава Высокого Болеслав ум. ок. 1201 г.; даты жизни дочери Альги неизвестны. Генрих Бородатый, родился ок. 1167/74 г., ум. в 1238 г., князь силезский, краковский, великопольский. Конрад был монахом в Любёнже, год смерти неизвестен; Иоанн ум. в 1163 г. Мужем Адельхайды был моравский князь Дипольд III, конфликтовавший с чешскими князьями Фридрихом и Пржемыслом-Оттокаром I. – *Ред.*).

338 (События января 1203 г., изложенные по своду, близкому к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418–419). Этот свод был более исправен, чем Лаврентьевская, в которой отсутствует окончание статьи под 1203 г. и статьи 1204–1205 гг. Конец статьи Длугош не понял: не Мстислав и Ростислав попали в плен к половцам, а дорогобужский князь Мстислав Владимирович был пленен сновским князем Ростиславом Ярославичем, внуком киевского князя Всеволода Ольговича, одним из Ольговичей, которые пришли на помощь Рюрику. Поэтому Ольговичи, о которых ведет речь летопись, – это не “сыновья Олега”, как привычно переводит Длугош, а общее родовое название князей черниговского дома. – *Ред.*).

339 (Под “отказом от Краковского княжества” Длугош имеет в виду события 1202 г. после смерти дяди Лешка Белого, великопольского князя Ме́шка III Старого, который с 1198 по 1202 г. был князем-принцепсом и занимал краковский стол. В результате отказа Лешка вернуться в Краков последним на короткое время овладел сын Ме́шка Владислав Лясконогий, но уже в том же 1202 г. Краков оказывается в руках Лешка, который владеет им до конца жизни (до 1227 г.). Поэтому мотивы действий Романа Мстиславича, как они изложены Длугошем, для 1204 г. являются анахронизмом. В одном из источников Длугоша – Великопольской хронике – конфликт Романа с Лешком и Конрадом правильно отнесен к периоду краковского правления Лешка. О враждебных действиях Романа по отношению к Лешку Белому до 1205 г. и мести Лешка сведений в других источниках нет. – *Ред.*).

340 Источниками Длугоша при описании битвы у Завихоста между галицко-волынским князем Романом Мстиславичем и польскими князьями Лешком Белым и Конрадом в 1205 г. служили Рочники краковского капитула (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148–149), гл. 55 Великопольской хроники (ВПХ. С. 145), хроника Дежвы, продолжавшая хронику Кадлубка (МРН. 1872. Т. 2. S. 46. – *Ред.*) (*Banaszkiewicz J.* Kronika Dzierzwy. S. 105–106); вероятно, также и другое, впоследствии утраченное, продолжение Кадлубка, созданное в Краковском доминиканском монастыре (его использование Длугошем прослеживается за период с 1182 по 1260 г.) (*Labuda G.* Zaginiona kronika. Особенно S. 31–36) (по мнению Г Лябуды, именно из этого источника хронист почерпнул такие уникальные сведения, как историю с владимирским епископом, данные о величине выкупа за тело Романа, о вкладах в Краковскую церковь и воздвижении в ней престола в честь свв. Гервазия и Протасия; и т. п. – *Ред.*); наконец, те самые народные песни, об исполнении которых “в театрах” еще в его время пишет сам Длугош (*Щавелева Н. И.* Князь Роман Галицкий. С. 27–38). Говоря о “сражении в Суходоле”, хронист явно путает битву при Мозгаве между Ме́шком III и сыновьями Казимира II, в которой последним помогал Роман Мстиславич (см. у Длугоша об этом под 1195 г.), с битвой в Суходоле 1243 г. между Конрадом, братом Лешка Белого, и сыном Лешка Болеславом Стыдливым. Ошибается Длугош и относительно погребения Романа во Владимире; князь был захоронен в Успенском соборе в Галиче (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425). Причину ссоры между Романом и родственными ему Казимировичами Длугош видит в неумеренном властолюбии галицко-волынского князя, в отказе поляков удовлетворить его неосновательные притязания. Согласно утвердившейся в историографии точке зрения, столкновение стало следствием далеко идущих внешнеполитических планов Романа; князь, имея свои интересы в Поморье и в Германии, намеревался вме-

шаться в борьбу, которую вели за императорскую корону Штауфен Филипп Швабский и Вельф Оттон IV, вероятно, на стороне первого (*Пашуто В. Т* Внешняя политика. С. 165–166, 221; ср.: *Włodarski B*. Polityka ruska. S. 259–260). Но судя по свидетельствам уже самых ранних польских источников (Рочников краковского капитула), что Роман замышлял "погибель Польши", судя по тому, что Роман занял какие-то польские города (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425), у галицко-волынского князя были какие-то цели и в Польше.

341 (Изложены события зимы 1203–1204 гг. Русский источник Длугоша в данном случае ближе к Радзивиловской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420; Т. 39. С. 161–162; в Лаврентьевской здесь пропуск), чем к Троицкой (восстанавливаемой здесь по Симеоновской и Воскресенской летописям) (Тр. л. С. 286), если, конечно, полагаться на хронологию: в Радзивиловской поход на половцев помещен в статье 1205 г., как и у Длугоша, тогда как по более исправной хронологии Троицкой – в статье 1203 г. Среди участников похода Длугош, в отличие от летописей, называет еще и некого Ростислава Мстиславича – очевидно, по ошибке вместо Ростислава Рюриковича, о котором идет речь в конце статьи. Вместо одной дочери Рюрика хронист говорит о "дочерях"; дочь Рюрика Ростиславича, бывшая жена Романа Мстиславича, была пострижена вместе с родителями, а не "оставлена на свободе", как пишет Длугош – снова по ошибке: хронист не понял летописного выражения "юже бе пустил", т. е. "с которой ранее развелся" Роман. Хронист, странным образом, не замечает, что главным действующим лицом является князь, о смерти которого он уже сообщил выше. Ни в одной из летописей нет предложенного Длугошем объяснения конфликта между Романом и Рюриком: якобы Роман и другие князья гневались на Рюрика за разграбление Киева половцами в январе 1203 г. Ярослав Переяславский – сын Всеволода Большое Гнездо, с 1201 г. сидевший в Перяславле Русском; в 1238–1246 гг. великий князь владимирский. Ростислав Рюрикович был в то время князем белгородским; Владимир Рюрикович – впоследствии, в 1223–1235 гг., князь киевский; какой стол он занимал в 1204 г. – неизвестно. – *Ред*.).

342 (Чрезвычайно краткое сообщение об этом событии находим в Радзивиловской и Троицкой летописях: "Тое же зимы (т. е., вероятно, 1203–1204 гг. – *Ред*.) бишася Ольговичи с Литвою" (ПСРЛ. Т. 39. С. 162; Тр. л. С. 286–287). – *Ред*.). Полагают, что подробности могли быть заимствованы Длугошем из польско-литовских летописей (*Radziszewska S*. Przejątki. S. 38).

343 Откуда Длугош взял сведения о княжении в Киеве некоего "Святослава Мстиславича", неясно. В то время на Руси известен только один князь с таким именем – сын смоленского князя Мстислава Романовича; но первые сведения о нем появляются только в

1218 г., когда отец сажает его в Новгороде. (Ср. о нем же в статье 1211 г. – *Ред.*). В древнерусских источниках посажение Романом в Киеве Ростислава Рюриковича объясняется иначе – вмешательством владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича, которому Ростислав приходился зятем (ПСРЛ. Т. 39. С. 162; Тр. л. С. 287).

344 (Длугош продолжает развивать свою неверную хронологию, согласно которой вокняжение Лешка Белого в Кракове случилось после гибели Романа Мстиславича (см. примеч. 339). Она связана, очевидно, с тем, что хронист по каким-то причинам датировал смерть краковского палатина Николая 1206 г. (так значится в его выписках из польских рочников: MPH. 1884. T. 4. P. 9). Женой Конрада Мазовецкого, младшего брата Лешка Белого, была Агафия, дочь Святослава Игоревича, князя перемышльского из князей черниговского дома (MPH. 1878. T. 3. P. 353; *Balzer O.* Genealogia. S. 268–275; *Baumgarten N.* Généalogies. Table IV N 62). Вряд ли подлежит сомнению, что говоря о пленении Святослава, отца Агафии, и еще "четырех знатных русских воинов" и последующей их казни, Длугош ошибочно ведет речь о событиях 1210 г. (в Ипатьевской летописи освещенных под 1208 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–727), о которых сообщает также ниже, под 1211 г. (см. примеч. 351). Попытку источниковедчески разрешить эту загадку см.: *Labuda G.* Zaginiona kronika. S. 37–47; исследователь усматривает здесь неудачное препарирование Длугошем пропавшей доминиканской хроники (см. примеч. 340), которая отразилась и в одном из каталогов краковских епископов, где также идет речь о пленении и казни князя Святослава сандомирским каштеляном Сулиславом (Cat. epp. Crac. P. 90). Очевидно, имеется в виду тот поход Лешка и Конрада на Владимир (где сидел Святослав Игоревич), который был спровоцирован белзским князем Александром Всеволодовичем и который Ипатьевская летопись ошибочно помещает под 1204 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720). Именно в результате этого похода Святослав попал в польский плен, и его освобождение как раз и было связано с женитьбой Конрада на Агафии. Как возмездие за казнь Святослава Длугош рассматривает убийство Лешка, случившееся в 1227 г. во время княжеского съезда против великопольского князя Владислава Одоновича. – *Ред.*).

345 (Под 1206 г. Длугош не на месте повествует об известной битве на Липице 1216 г. Его источником в данном случае была летопись, близкая к Своду 1423 (1448) г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 186–197; Т. 6. Вып. 1. С. 263–274), отразившемуся и в Московской Академической летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 492–502), а не более сокращенный рассказ, который находим в Московском своде 1479 г. и Ермолинской летописи (ПСРЛ. Т. 23. С. 65–66; Т. 25. С. 111–116). В самом деле, только в Софийской I, Новгородской IV и Московской Академической обнаруживаются детали, которые имеются в весьма сжатом пересказе Длугоша: что "множество народу" было

"потоплено в волнах"; что число погибших составляло около десяти тысяч (в летописях 9233, у Длугоша – "более десяти тысяч"). В то же время слова Длугоша, что князья вступают в битву, "обратя меч в собственную плоть", находят некоторое соответствие, напротив, только в Своде 1479 г. и Ермолинской, где летописец сетует: "Поидоша дети на отци, а отци на сыны, братья на братью" "Георгий Владимирский" – князь Юрий Всеволодович, получивший Владимир в 1212 г. по завещанию отца, Всеволода Большое Гнездо, но вынужденный уступить его в 1216 г. старшему брату Константину, которого Длугош ошибочно считает братом новгородского князя Мстислава Мстиславича и его брата Владимира Мстиславича, князя псковского, которые поддержали Константина Всеволодовича в борьбе с младшими братьями. – *Ред.*).

346 (Летописного источника этого сообщения не отыскивается, хотя почти все названные в нем лица поддаются идентификации. Владимир Рюрикович – в 1215–1223 гг. князь смоленский; до этого сидел на юге Руси и потому возглавлять смоленские дружины вряд ли мог; его характеристика Длугошем как князя киевского – анахронизм (киевский стол он занимал много позже, в 1223–1235 гг.). О Романе Борисовиче древнерусские источники умалчивают, но, вероятнее всего, речь идет о сыне смоленского князя Мстислава-Бориса Романовича, брат которого, Всеволод Борисович в 1214–1219 гг. княжил во Пскове, а в 1219–1221 гг. – в Новгороде (*Пашуто В. Т* Очерки. С. 27). Константин Давыдович – сын смоленского князя Давыда Ростиславича; упоминание о нем как об участнике похода, как и упоминание о Владимире Рюриковиче, позволяет приблизительно датировать последний временем незадолго до 1218 г., когда Константин умер (ПСРЛ. Т. 7. С. 125). Брат Константина Мстислав, родившийся только в 1193 г., ум. в 1230 г. князем смоленским. Ростислав Давыдович по русским источникам не известен (он упоминается Длугошем и ниже; см. примеч. 349); ввиду наличия в древнерусском источнике Длугоша специфических смоленских известий усматривать здесь простое недоразумение едва ли стоит, хотя и нельзя вполне исключить путаницу с Ростиславом Рюриковичем, сидевшим где-то в Смоленской земле после своего изгнания из Галича в 1210 г. – *Ред.*).

347 (Речь идет об избиении рязанских князей в Исадах в 1217 г. пронским князем Глебом Владимировичем. При всей своей лапидарности рассказ Длугоша не может восходить к Своду 1423 (1448) г., где находим совсем краткое сообщение "Князь Глеб изби в Рязани братью свою, учинив лесть" (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 197; Т. 6. Вып. 1. С. 274; то же читается в Московской Академической летописи: ПСРЛ Т. 1. Стб. 502). Известие Длугоша о том, что Глебом были убиты именно шесть князей, находит себе соответствие только в пространном повествовании о резне в Исадах, которое находим в Лаврентьевской и Троицкой летописях (ПСРЛ. Т. 1.

Стб. 440–441; Тр. л. С. 302–303), и в ином, более сжатом, рассказе Московского свода 1479 г. и Ермолинской (Т. 23. С. 66; Т. 25. С. 115). О характерной для Длугоша "этнонимической" форме топонима "Рязань" см. примеч. 218. – *Ред.*).

348 (Длугош повествует о событиях 1214–1219 гг. (*Пашуто В.Т* Очерки. С. 198–202). Посаженный венграми в Галиче в 1211 г. малолетний Даниил Романович там не удержался и бежал обратно к венгерскому королю Андрею II (1205–1235) (см. о нем также примеч. 321). В Галиче на короткое время в 1212 г. укрепился пересопницкий князь Мстислав Ярославич, сын луцкого князя Ярослава Изяславича; быть может, именно его Длугош путает с Мстиславом Мстиславичем Удатным, который стал главным противником венгров позже, с 1219 г. Коронация Коломана произошла в кон. 1214 – перв. полов. 1215 г., и церемонию проводил эстергомский архиепископ, а не польские архиереи. Но участие последних в коронации вполне вероятно и свидетельствует о том, что она происходила уже после заключения польско-венгерского договора 1214 г. в Спише о разделе сфер влияния на юго-западе Руси. Краковский епископ Винцентий – не кто иной как хронист Винцентий Кадлубек, занимавший краковскую кафедру в 1208–1218 гг.; Ивон – канцлер Лешка Белого, упоминаемый в этом качестве в 1207–1217 гг., преемник Винцентия на кафедре. Другим следствием спишского договора стал брак Коломана и Саломеи, дочери (а не сестры, как пишет Длугош) Лешка Белого (см. примеч. 363). Опасения галичан, что коронация "поведет к погибели их обряда", были не беспочвенны, как свидетельствуют древнерусские источники: "Король угорский посади сына своего в Галичи, а епископа и попы изгна из церкве, а свои попы приведе латыньския на службу" (ПСРЛ. Т. 7. С. 119; Т. 24. С. 87). Мстислав Мстиславич Удатный (или Удалой) занял Галич в 1219 г. (*Грушевський М.* Хронольогія. С. 16–17; *Котляр М. Ф.* [Комментарий]. С. 185). Источник Длугоша в данном случае неясен; Г. Лябуда (*Labuda G.* Zaginiona kronika. S. 48–56) видит его в гипотетической краковской доминиканской хронике (см. о ней примеч. 340). – *Ред.*).

349 (Речь идет о поражении венгров и поляков, которое они потерпели при вторичном захвате Галича Мстиславом Мстиславичем в 1221 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737–738), причем Длугош ничего не говорит собственно об отвоевании венграми Галича, после которого и состоялась битва. Венгерский воевода Аттила (Тила) Фильня упомянут и в Галицко-Волынской летописи как "прегордый Филя" Упоминание о краковском палатине Николае – явный анахронизм Длугоша; в то время таковым был Марек. По русским источникам в качестве союзника Мстислава Мстиславича известен только смоленский князь Владимир Рюрикович (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 502); Длугош называет еще и других смоленских князей: Ростислава Давыдовича (ср. примеч. 346) и Ростислава Мстиславича,

сына Мстислава Романовича, тогда князя киевского. О половецкой подмоге знает и Ипатьевская летопись (Мстислав был женат на половчанке: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747). Находят себе соответствие в Галицко-Волынской летописи и некоторые другие детали рассказа Длугоша: укрепление Богородичного собора в Галиче (ср. летописное: Филя-"Фильня" "созда град на церкви Пречистое Владычицы нашея"), в котором помещается Коломан с женой; осада этого укрепления Мстиславом и его сдача "жажею водною"; пленение воеводы Фили. Не вызывает сомнений известие об отправлении Мсиславом плененного Коломана в Торческ, куда в 1227 г. ушел и сам князь (см. примеч. 356). В то время Андрей II состоял уже во втором браке (с Иолантой, дочерью императора Латинской империи Петра Куртенэ), поэтому сведения Длугоша об усиленных мольбах венгерской королевы "за сына" (Коломан был сыном от первой супруги Андрея Гертруды) не выглядят правдоподобными. Мстислав Романович, сын смоленского князя Романа Ростиславича – киевский князь в 1214–1223 гг. – *Ред.*).

350 (Сведения Длугоша неточны. Коломан освобождался ценой признания Галича за Мстиславом, после смерти которого он должен был перейти не к Коломану, а к его младшему брату Андрею; договор скреплялся обручением Андрея (не Белы, как у Длугоша) и Мстиславны (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 748). Договор был заключен в 1221/22 г., если принимать датировку 1222 г. папской буллы, которая освобождала короля Андрея II от обязательств относительно передачи Галича от Коломана к Андрею (VMH. Т. 1. N 65). – *Ред.*).

351 (Едва ли подлежит сомнению, что Длугош под 1211 г. дублирует уже рассказанное под 1206 г. (см. примеч. 344). Чуть ранее, под 1205 г., упомянут и апокрифический киевский князь Святослав Мстиславич (см. примеч. 343); видимо, вымышлены также имена остальных князей – Георгия, Ярослава, Владимира и Константина, которые не поддаются разумной идентификации. По логике вещей, речь должна идти о черниговских Игоревичах (Святославе, Владимире и Романе), приглашенных на столы в Галицкой земле после гибели Романа Мстиславича в 1205 г.; именно Святослав и Роман были казнены галицкими боярами в 1211 г., и отголоски этого неординарного события слышатся в смутном рассказе Длугоша 1206 г. – *Ред.*).

352 (Вероятно, в русском источнике Длугоша было сообщение о "звезде" с "лучами не в зрак человеком", которое находим в Троицкой летописи (восстанавливаемой здесь по Симеоновской) сразу же после рассказа о поражении на Калке (Тр. л. С. 308). – *Ред.*).

353 (Рассказ Длугоша о битве 1223 г. на Калке по ряду характерных примет оказывается ближе всего к специфической форме летописной повести об этом событии, которую находим в Софийской I, Московской Академической и Тверской летописях (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 275–282; Т. 1. Стб. 503–509; Т. 15. Стб. 335–343),

т. е. в летописях, отражающих владимиро-суздальское летописание первой трети XIII в., но более всего – к Софийской I. Именно здесь, как и в Ипатьевской, находим, например, уточнение, что русские полки, пройдя пороги, стали "на протолъчии" (так и у Длугоша; этого уточнения нет в Тверском сборнике); только здесь имеется добавление о бегстве галицкого князя Мстислава Мстиславича, который, переправившись через Днепр, велел уничтожить корабли, опасаясь погони; тождествен с Длугошем и перечень князей перед поражением татарской сторожи: Мстислав Киевский, Мстислав Галицкий и Владимир Рюрикович (последний не упомянут ни в одной из других редакций летописной Повести на Калке). В то же время только у Длугоша находим датировку битвы не 16 июня, как в Ипатьевской, Софийской I и Академической (в Тверской летописи, как и в Новгородской I, стоит 30 мая), а 17 числом (указание на месяц не вписано); только Длугош сообщает, что от "протолчи" до Калки русское войско добралось за "двенадцать переходов"; только Длугош описывает избиение русских беглецов половцами. – *Ред.*).

354 (В Софийской I, Академической и Тверской летописях это сообщение читается под 1225 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 283; Т. 1. Стб. 510; Т. 15. Стб. 345–346); речь идет о событиях зимы 1225–1226 гг. (НПЛ. С. 64). "Ярослав Всеволодович" – сын Всеволода Большое Гнездо, бывший в 1225–1229 гг. князем новгородским; "Давыд Торопецкий" – сын Мстислава Мстиславича, ставший князем торопецким не позднее 1214 г. – *Ред.*).

355 (Сведений об этой победе над литовцами, которую, видимо, надо отнести также к 1225–1226 гг., в сохранившихся русских источниках нет; Мстислав Давыдович был тогда князем смоленским. *Ред.*).

356 (Речь идет о событиях 1227 г., когда Мстислав Мстиславич был вынужден уступить Галич венгерскому королевичу Андрею (не Коломану!), но не в силу договора, как излагает дело Длугош, а под давлением галицкого боярства, оставив себе, однако, галицкое Понизье (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750; *Пашуто В. Т* Очерки. С. 206), которое В. Т. Пашуто, думаем, напрасно отождествил с Торческой волостью. Из Понизья Мстислав вскоре, в 1228 г. (т. е., действительно, "в следующем году"), ушел в Торческ, но по дороге скончался (ПСРЛ. Т. 7. С. 134; Т. 15. Стб. 347; Т. 25. С. 122; Т. 1. Стб. 450; Тр. л. С. 310) – аргумент в пользу аутентичности источника Длугоша, так как в названных русских летописях (кроме Галицко-Волынской, которой хронист не знал) указания на Торческ нет, а Мстислав идет "Кыеву" Сведений о погребении Мстислава в Киеве в русских источниках нет, так же как и о существовании в столице Руси "церкви Святого Креста" (Воздвижения Честного Креста?). Ср. призыв Мстислава положиться "на силу Святого Креста" перед битвой под Галичем в статье 1209 г. – *Ред.*).

357 (Источник этого сообщения Длугоша неизвестен. Поход на Каменец в 1229 г. (*Грушевський М*. Хронольогія. С. 22) был организован черниговским князем Михаилом Всеволодовичем и киевским князем Владимиром Рюриковичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752); то было начало длительной борьбы волынских Романовичей с Черниговом за преобладание на юго-западе Руси. Об участии смоленского князя Мстислава Давыдовича (именно его следует, очевидно, видеть в "Мстиславе" Длугоша) сохранившиеся русские источники молчат, но оно вполне вероятно, учитывая помощь Смоленска Чернигову против Волыни позже, в 1234–1235 гг. (*Пашуто В. Т* Очерки. С. 215–216; см. также примеч. 364). Однако, согласно Галицко-Волынской летописи, Каменец устоял, тогда как, по Длугошу, он пал. – *Ред*.).

358 (О браке Лешка и Гремиславы сообщает также в гл. 54 Великопольская хроника (ВПХ. С. 144); он относится ко времени ок. 1207 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720; анахронично в статье 1205 г.) и связан с вмешательством Лешка и Конрада в волынские дела на стороне белзского князя Александра Всеволодовича, о чем Длугош уже писал, "раздваивая" одни те же события, под 1206 и 1211 гг. Указание Длугоша на возраст Лешка к моменту брака – 28 лет – примерно соответствует действительности, но если считать от реальной даты женитьбы, а не от приведенной хронистом: Лешек родился ок. 1186/87 г. Отцом Гремиславы был не некий "князь Ярослав", как считает Длугош, а Ингварь, сын луцкого князя Ярослава Изяславича, двоюродный брат галицко-волынского князя Романа Мстиславича, который и посадил его на отцовском столе в Луцке.– *Ред*.). О Гремиславе см.: *Balzer O*. Genealogia. S. 265; *Szymczakowa A*. Księżniczki ruskie. S. 26–31.

359 (Даниил Романович, старший сын покойного Романа Мстиславича, к тому времени закрепившийся на Волыни, занял Галич в 1230 г., причем венгерский королевич был отпущен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758–759; *Пашуто В. Т* Очерки. С. 211). – *Ред*.).

360 (Болеслав V Стыдливый, в будущем князь краковский и сандомирский; на самом деле родился в 1226 г. (см. примеч. 365), ум. в 1279 г. 11-е календы июля – 21 июня. – *Ред*.).

361 (Об этом походе Белы, будущего венгерского короля Белы IV (1235–1270), старшего сына Андрея II, Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 760–761) повествует сразу же после рассказа об отвоевании Галича Даниилом (см. примеч. 359); в летописном рассказе присутствует и болезнь, постигшая венгерское войско, и избиение венгров "гражанами" Следовательно, под рукой Длугоша был какой-то достаточно достоверный источник, хотя и отличный от Галицко-Волынской летописи. – *Ред*.).

362 (Этот поход относится, вероятно, к 1232 г., и возглавлял его не Коломан, а сам венгерский король Андрей II с сыновьями Белой

и Андреем; последний и был снова посажен в Галиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 764–766). – *Ред.*).

[363] (В действительности Саломея родилась ок. 1211/12 г., вскоре после брака отца с Гремиславой (см. примеч. 358), так как уже в 1214 г. она была обручена с венгерским королевичем Коломаном в возрасте трех лет, как отмечено в ее житии (MPH. 1884. Т. 4. Р. 777; *Balzer O.* Genealogia. S. 275; *Włodarski B.* Polska. S. 63). Длугош "раздваивает" Саломею, делая из нее и сестру, и дочь Лешка Белого; женой Коломана он считает первую (см. примеч. 348). – *Ред.*).

[364] (Имеются в виду события 1234–1235 гг., когда после смерти в Галиче венгерского королевича Андрея (не Коломана, как постоянно пишет Длугош) Даниил Романович занял Галич, но столкнулся с противодействием черниговского князя Михаила Всеволодовича и его союзника смоленского князя Изяслава Мстиславича (иногда его идентифицируют как Изяслава Владимировича, одного из черниговских князей, сына Владимира Игоревича, князя галицкого); на стороне Даниила был киевский князь Владимир Рюрикович, попавший в плен к половцам в сражении под Звенигородом. В Галиче Михаил Всеволодович посадил сына Ростислава (*Пашуто В. Т* Очерки. С. 215–217; *Włodarski B.* Polska. S. 107–108). *Ред.*).

[365] (Длугош дублирует собственное известие о рождении Болеслава V (см. примеч. 360), на этот раз под правильной датой (Ann. cap. Crac. P. 74). – *Ред.*).

[366] (Установить, из какого русского источника мог почерпнуть Длугош свои сведения о татарском разорении Рязанской и Владимиро-Суздальской земель в 1237–1238 гг., не удается, так как рассказ хрониста слишком сжат. "Князь Григорий" – это, конечно, великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Но вот известие о ростовском князе Владимире и сожжении Ростова представляются недоразумением; Владимир Константинович сидел не в Ростове, а в Угличе. – *Ред.*).

[367] (Источник Длугоша в данном случае неясен; ср., впрочем, наблюдения Б. М. Клосса (наст. изд. С. 50–51. Надо, однако, отметить, что в сохранившихся летописях сведений о нашествии татаро-монголов на Смоленщину нет. – *Ред.*).

[368] (Сообщение Длугоша об изгнании киевским князем Владимиром Рюриковичем "братьев-проповедников", т.е. монахов доминиканского ордена, из Киева уникально, но заслуживает доверия, так как хронист и в других случаях использовал источник доминиканского происхождения (*Labuda G.* Zaginiona kronika); предполагать в данном случае какой-то древнерусский источник (*Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór. S. 231) вряд ли уместно. Существование в Киеве доминиканского монастыря Пресв. Богоматери подтверждается и

Житием св. Яцека (Гиацинта), в котором сообщается об основании такого монастыря Яцеком в 1222 г. (MPH. 1184. Т. 4. Р. 857). Эта дата в науке оспорена; так, исследователь Жития Я. Воронецкий считал, что русская миссия польских доминиканцев началась в 1228 г. (*Woroniecki J.* Św. Jacek. S. 93 ff.). Такой вывод бросает некоторую тень и на дату Длугоша, ведь согласно Житию, Яцек покинул Киев через четыре года, оставив монастырь на одного из своих сподвижников Година, которого должен был успеть сменить Мартин из Сандомира (последнего, по известию Длугоша под 1237 г., через несколько лет застаем в Кракове). Надо отметить, что Длугош, хотя несомненно знал Житие св. Яцека, игнорировал его сведения о деятельности Яцека на Руси и, перечисляя под 1257 г. основанные Яцеком монастыри, киевского не называет. Видимо, у Длугоша речь идет о том же киевском монастыре Пресв. Девы Марии, который в 1241 г. находился в руках бенедиктинцев (*Матузова В. И.* Английские средневековые источники. С. 129, 155–156; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи. С. 272–274). О миссионерской деятельности доминиканцев на Руси в 20–30-е гг. XIII в. в целом см.: *Altaner B.* Die Dominikanermissionen. S. 214–225. – *Ред.*)

369 (Едва ли подлежит сомнению, что это сообщение происходит из того же доминиканского источника Длугоша, что и известие 1233 г. (см. предыд. примеч.). Датировка основания доминиканского монастыря в Галиче 1238 г. вызывает сомнения; логично было бы отнести его ко времени правления в Галиче венгерского королевича Андрея (*Labuda G.* Zaginiona kronika. S. 132–133.). Сведений об этом в других источниках нет. – *Ред.*).

БИБЛИОГРАФИЯ*

ИСТОЧНИКИ

ВПХ – "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Перев. Л. М. Поповой; вступ. статья и коммент. Н. И. Щавелевой; под ред. В. Л. Янина. М., 1987.

Галл – Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., перев. и коммент. Л. М. Поповой. М., 1961 (ПСИ).

ГВЛ – Галицько-Волинський літопис: Дослідження, текст, коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002.

Герберштейн С. Записки о Московии / Перев. с лат. и средневерхненем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. статья А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Лев Диакон. История / Перев. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; под ред. Г Г Литаврина. М., 1988 (ПИМ).

Ливий – Тит Ливий. История Рима от основания города / Ред. перев. М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин; ред. коммент. В. М. Смирин; отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993. Т. 1–3 (ПИМ).

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста, перев. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. Изд. 2-е (ЛП).

ПСРЛ – Полной собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. 1. Изд. 2-е: Лаврентьевская летопись; СПб., 1908. Т. 2. Изд. 2-е: Ипатьевская летопись; Пгр., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Изд. 2-е: Новгородская Четвертая летопись; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Изд. 2-е: Софийская Первая летопись старшего извода; СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку; СПб., 1863. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью; СПб., 1910. Т. 23: Ермолинская летопись; Пгр., 1921. Т. 24: Типографская летопись; М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.; Л., 1989. Т. 38: Радзиловская летопись; СПб., 2003. Т. 40: Густынская летопись; СПб, 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1985. Изд. 3-е (ЛП).

Тр. л. – *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. Изд. 2-е.

---

* В список включена только та литература, на которую даны ссылки во вводной статье и комментариях.

Adam Brem. – *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte / Hg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917 (MGH SS rer. Germ.).

Ann. cap. Crac. – Rocznik Kapituły krakowskiej / Ed. Z. Kozłowska-Budkowa // MPH NS. Warszawa, 1978. T. 5.

Ann. Magdeb. – Annalista Magdeburgenses / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. 1859. T. 16.

Ann. Saxo – Annalista Saxo / Ed. G. Waitz // MGH SS. 1844. T. 6.

AQDGM – Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Freiherr von Stein-Gedächtnisausgabe.

Brun. vita Adalb. – Św. Wojciecha biskupa i męczennika żywot drugi napisany przez *Brunona z Kwerfurtu* / Wyd. J. Karwasińska // MPH NS. Warszawa, 1962. T. 4. Zesz. 1.

Calendarium Pegavense // Scriptores rerum Germanicarum. Lipsiae, 1728. T. 2.

Cat. epp. Crac. – Catalogi episcoporum Cracoviensium / Rec. J. Szymański // MPH NS. Warszawa, 1974. T. 10. Fasc. 2.

ChPM – Chronicon Poloniae Maioris / Rec. B. Kürbis // MPH NS. Warszawa, 1970. T. 8.

Const. De adm. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г Г Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989 (ДИ).

Cosm. – Die Chronik der Böhmen des *Cosmas von Prag* / Unter Mitarb. von W. Weinberger hg. von B. Bretholz. Berlin, 1923 (MGH SS rer. Germ. NS. T. 2).

Cron. *Pulk.* – Cronica *Przibiconis de Tradenina dicti Pulkaua* / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1893. T. 5.

Descriptio Europe orientalis / Ed. O. Górka. Kraków, 1926.

DHA – Diplomata Hungariae antiquissima: Accedunt epistolae et acta ad historiam Hungariae pertinentia / Ed. Gy. Györffy et al. Budapest, 1992. Vol. 1.

Dlug. 1–3 – *Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1964. [T. 1:] Libb. I–II / Ed. cur. et introd. scripsit I. Dąbrowski; textum rec. atque praef. instr. V Semkova-Zaremba; comment. confec. C. Pieradzka, B. Modelska-Strzelecka; 1970–1973. [T. 2:] Libb. III–IV – [T. 3:] Libb. V–VI / Textum rec. D. Turkowska, adiutr. M. Kowalczyk; moder. M. Plezia; comment. confec. C. Pieradzka.

Gall. – *Anonymi Galli* Chronicae et gesta ducum sive principum Polonorum / Ed. K. Maleczyński. Kraków, 1952 (MPH NS. T. 2).

Gotifr. Viterb. Panth. – *Gotifredi Viterbiensis* Pantheon / Ed. G. Waitz // MGH SS. 1872. T. 22.

HRM – Historica Russiae Monumenta: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841. T. 1.

Isid. – *Isidori Hispalensis episcopi* Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. W. M. Lindsay. Oxford, 1911.

Iust. – *M. Iuniani Iustini* Epitome historiarum Philippicarum Pompei Trogi / Ex rec. F. Rühl. Lipsiae, 1886.

Kadl. – *Magistri Vincentii* Chronica Polonorum / Ed. M. Plezia // MPH NS. Kraków, 1994. T. 11.

KDKK – Kodeks dyplomatyczny katedry krakowskiej św. Wacława. Kraków, 1874. T. 1 / Wyd. F. Piekosiński.

KDMP – Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Kraków, 1886. T. 2 / Wyd. F. Piekosiński.

Manuscriptum Gertrudae filiae Meseconis II regis Poloniae / Ed. W. Meysztowicz // Antemurale: Dissertationes in X Intern. congressu scienciarum historicarum Romae

a. MCMLV a sociis Societatis historicae Polonorum in exteris praesentatae. Roma, 1955. T. 2.
MGH – Monumenta Germaniae Historica.
MGH AA – MGH. Auctores Antiquissimi.
MGH Epp. sel. – MGH. Epistolae selectae.
MGH SS – MGH. Scriptores (in folio). Hannover.
MGH SS rer. Germ. – MGH. Scriptores rerum Germanicarum.
MGH SS rer. Germ. NS – MGH SS rer. Germ. Nova series.
MPH – Monumenta Poloniae Historica. Lwów.
MPH NS – MPH. Nova series.
Ott. Fris. Gesta – *Bischof Otto von Freising und Rahewin.* Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Hg. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1965 (AQDGM. Bd. 17).
Plin. – *C. Plini Secundi* Naturalis historiae libri XXXVII / Ed. L. Ian, C. Mayhoff. Leipzig, 1892–1909. T. 1–6.
Potthast A. Regesta pontificum Romanorum inde ab a. 1198 ad a. 1304. Berlin, 1874–1875.
Ptol. Luc. – Historia ecclesiastica *Ptolomaei Lucensis* / Ed. L. A. Muratori // Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani, 1727. T. 11.
Reg. Greg. VII – Das Register Gregors VII. / Hg. E. Kaspar. Berlin, 1920. Bd. 1 (MGH Epp. sel. T. 2/1).
Solin. – *C. Iulii Solini* Collectanea rerum memorabilium / Rec. Th. Mommsen. Berlin, 1895.
SRA – Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. operi praef. E. Szentpétery. Budapest, 1937–1938. T. 1–2.
Thietm. Die Chronik des Bischofs *Thietmar von Merseburg* und ihre Korveier Überarbeitung / Hg. R. Holtzmann. Berlin, 1935 (MGH SS rer. Germ. NS. T. 9).
VMH – Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. Roma, 1859. T. 1 / Ed. A. Theiner.
VMPL – Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia. Roma, 1860–1861. T. 1–2 / Ed. A. Theiner.

ЛИТЕРАТУРА

Баумгартен Н. А. Первая ветвь князей галицких: потомство Владимира Ярославича // Летопись Историко-родословного общества. М., 1908. Год 8. Вып. 4 (16).
Бережков Н. Г Хронология русского летописания. М., 1963.
Ведюшкина И. В. Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. Вып. 1.
Гейштор А. Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи.
Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988.
Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1904. Т. I/2.
Грушевський М. Хронольогія подій Галицько-Волинськой літописи // Зап. Наукового товариства ім. Т. Шевченка у Львові. 1901. Т. 41.
Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4. Вид. 2-е.
Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси по археологическим данным // КСИА. 1974. Вып. 138.
Иванова О. В., Литаврин Г Г Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985.

Исаевич Я. Д. Грады Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX – начало XI в.) // Исследования по истории славян и балканских народов: Киевская Русь и ее соседи. М., 1972.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3 / Подг. текста: В. Ю. Афиани, В. М. Живов, В. П. Козлов; автор предисл. М. Б. Свердлов; коммент. к "Примечаниям" Н. М. Карамзина: М. И. Афанасьева и др.; отв. ред. А. Н. Сахаров.

Клосс Б. М. Избранные труды. М. 1998. Т. 1.

Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2.

Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.

Котляр М. Ф. [Комментарий] // ГВЛ.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984.

Культурные связи России и Польши XI–XX вв.: Związki kulturalne między Polską a Rosią XI–XX w. M., 1998.

Кучкин В. А. "С тоя же Каялы Святоплъкъ..." // RM. 1995. T. VIII/1.

Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л., 1978.

Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Т. 1.

Литаврин Г Г Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. 1978.

Марр Н. Я. Книжные легенды об основании Кыара в Армении и Киева на Руси // Изв. Российской Академии истории материальной культуры. Л., 1925. Т. 3.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979 (ДИ).

Назаренко А. В. О датировке Любечской битвы // ЛХ, 1984 г. М., 1984.

Назаренко А. В. По поводу одной гипотезы о происхождении названия "Киев" // ДГ, 1984 год. М., 1985.

Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е годы X века // RM. 1987. T. VI/1.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Текст, перевод, комментарий. М., 1993 (ДИ).

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1.

Назаренко А. В. Черниговская земля в период киевского княжения Святослава Ярославича (1073–1076 гг.) // *А се его сребро*: Зб. праць на пошану чл.-корр. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002.

Назаренко А. В. Новый труд известного слависта: к выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. 2002. № 2.

Назаренко А. В. Владимиро-Волынская епископия // ПЭ. 2004. Т. 8.

Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. М. 1961. Вып. 9.
Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
Пашуто В. Т Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Пашуто В. Т Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
Перхавко В. Б. Распространение пломб дрогичинского типа // ДГ, 1994 год. М., 1996.
Поппе А. Деякі питання заселення польско-руського рубежа в раньшему середньовіччі // УІЖ. 1960. № 6.
Поппэ А. В. Родословная Мстиши Свенельдича // ЛХ, 1973 год: Сб. статей памяти А. Н. Насонова. М., 1974.
ПЭ – Православная Энциклопедия. М.
Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982 (Археология СССР; Свод археологических источников. Е1–47).
Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности (XIII–XVI вв.) // Польша и Русь. М., 1974.
Свердлов М. Б. Дополнения // ПВЛ.
Синайский А. Отношение древнерусской церкви и общества к латинскому западу (католичеству) X–XV вв. СПб., 1899.
СРЯ XI–XVIII вв. – Словарь русского языка XI–XVIII вв. М.
Татищев В. Н. История Российская / Подгот. к печ. М. П. Ирошникова, З. Н. Савельевой; под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова. М.; Л., 1963–1964. Т. 2–3.
Тихомиров М. Н. Русские летописи в "Истории Польши" Яна Длугоша // *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. Изд. 2-е.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е. М., 1986–1987. Т. 1–4.
Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. Т. 1.
Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М. 1992.
Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментаий. М., 1999 (ДИ).
Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904.
Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. статей, посвященных акад. и заслуж. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его научной деятельности. СПб., 1908.
Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.
Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4.
Шрамм Г Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Пер. с полностью перераб. изд. А. В. Назаренко. М. 1997.
Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях в древней Польше // ДГ, 1985 год. М., 1986.

Щавелева Н. И. [Комментарий] // ВПХ.
Щавелева Н. И. Польки – жены русских князей // ДГ, 1987 год. М., 1989.
Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековын источники: Текст, перевод, комментарий. М., 1990 (ДИ).
Щавелева Н. И. Молитвы русской княгини как памятник древнерусской истории XI в. // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.): Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). Warszawa, 1997.
Щавелева Н. И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998.
Щавелева Н. И. Князь Роман Галицкий в культурно-исторической традиции Польши и России // Культурные связи.
Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. 4.
Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1.

Altaner B. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts: Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mohammedaner- und Heidenmission des Mittelalters. Habelschwerdt, 1924.
Bak J. M. Stephan II. // LMA. 1997. Bd. 8.
Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.
Banaszkiewicz J. Kronika Dzierzwy: XIV-wieczne kompendium historii ojczystej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1979.
Banaszkiewicz J. "Origo et religia" wersja słowiańska (O sposobach budowania tożsamości wspólnotowej w spolecznościach wcześniejszego średniowiecza "wzorcotworcze pamiątki" i opowieści o nich // Kultura piśmenno-średniowieczna i czasów nowożytnych. Problemy konteksty badawcze. Lublin, 1998 (Res Historica. N 3).
Banaszkiewicz J. Polski dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998.
Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927 (OChr. Vol. 9. N 35).
Baumgarten N. Le dernier mariage de saint Vladimir // OChr. 1930. Vol. 18/2. N 61.
Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern, 1974.
Bieniak J. Państwo Miesława. Warszawa, 1965.
Bogucki A. Komes w polskich źródłach średniowiecznych. Toruń, 1972.
Buczek K. Jeszcze o testamente Bolesława Krzywoustego // PH. 1969. T. 60. Zesz. 4.
Budka W Papiernie w Polsce XIV wieku. Wrocław, 1971.
Cabań W Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego w latach 1177–1192 // Rocznik Białostocki. Warszawa, 1974. T. 12.
Cetwiński M. Piotr Włostowicz czy Piotr Rusin? // Sobótka. Wrocław, 1974. T. 4.
Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.
David P Recherches sur l'annalistique polonaise du XIe au XVIe siécle // Revue des Questions Historiques. 1932. N 116.
Dlugossiana: Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. Warszawa, 1980. [Cz. 1]; Kraków, 1980. Cz. 2 (Zeszyty naukowe Uniwesytetu Jagełłonskiego. N 561, 702; Prace historyczne. Zesz. 65, 76).
Friedberg M. Ród Łabędzów w wiekach średnich // Rocznik Towarzystwa heraldycznego we Lwowie. Kraków, 1926. R. 7 (1924–1925).

Gallén J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? // Historisk Tidsskrift för Finland. Helsingfors, 1976. Årg. 31. N 4.
Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mścisławowicza // Slavia Orientalis. Warszawa, 1982. R. 31. Zesz. 3–4.
Grala H. Rola Rusi w wojnach bizantyjsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. Balcanica Posnaniensia. Poznań, 1985. T. 2.
Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // KH. 1986. T. 93.
Gruba J. Problematyka "Grodów Czerweńskich" // Rocznik Tomaszewski. Lublin, 1983. T. 1.
Grudziński T Ze studiów nad kroniką Galla: Rozbiór krytyczny pierwszej księgi // Zapiski Towarzystwa naukowego w Toruniu. 1951. N 17.
Grudziński T Bolesław Śmiały-Szczodry i biskup Stanisław: Dzieje konfliktu. Toruń, 1982.
Gumowski M. Szczerbiec – polski miecz koronacyiny // Małopolskie Studia Historyczne. Kraków, 1959. T. 2.
Hertel J. Imiennictwo dynastii piastowskiej we wcześniejszym średniowieczu. Warszawa, 1980
Jasiński K. Wierchosława, corka Wsewołoda // SSS. 1977. T. 6.
Jasiński K. Rodowód Piastów śliąskich. Wrocław, 1973. T. 1.
Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].
Kętrzyński S. Kazimirz Odnowiciel // RAUHF. 1899. T. 38.
Kętrzyński S. Na marginiesie "Genealogii Piastów" // PH. 1930–1931. T. 29.
Kętrzyński S. Zarys nauki o dokumencie polskim wieków średnich. Warszawa, 1934. T. 1.
Kętrzyński S. Polska w X–XI w. Warszawa, 1961.
Kętrzyński S. O rocznikach polskich // RAUHF. 1896. T. 34.
Kijas A. Wołodar // SSS. 1977. T. 6.
Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. 1993.
Kościelak L. Narodziny polskiej myśli o pokoju w Kronice Galla Anonima // Życie i Myśl. Warszawa, 1985. N 1–2.
Kowalenko W Kazimierz Odnowiciel // SSS. 1964. T. 2.
Kozłowska-Budkowa Z. W sprawie relacji Mistrza Wincentego: "Chronica Polonorum", księga II, c. 18, 20 // Mente et Litteris.
Kuczyński S. O polskim mieczu koronacyjnym: Na marginiesie artykułu M. Gumowskiego // PH. 1961. T. 52. Zesz. 3.
Kuczyński S. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // *Kuczyński S.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965.
Kürbis B. [Вводная статья] // ChPM.
Kürbis B. [Комментарий] // *Mistrz Wincenty (tzw. Kadłubek).* Kronika Polska / Przeł. i oprac. B. Kürbis. Wyd. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1996.
Kürbisówna B. Inskripcje w Polsce // SSS. 1964. T. 2.
Labuda G. Testament Bolesława Krzywoustego // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959.
Labuda G. Zabiegi o utrzymanie jedności Państwa polskiego w latach 1138–1148 // KH. 1959. T. 66. Zesz. 4.
Labuda G. Uzupełnienie do genealogii Piastów w szczegolności śląskich // Sobótka. 1966. T. 17. Zesz. 1.
Labuda G. Głównie linie rozwoju rocznikarstwa polskiego w wiekach średnich // KH. 1971. T. 78. Zesz. 4.

Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach królewstwa Polskiego Jana Długosza: Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983 (UMP. N 106).
Labuda G. Tajemnice Ostrowa Lednickiego // Mente et Litteris (= *Labuda G.* Studia nad początkami Państwa Polskiego. Poznań, 1988. T. 2 [UMP. N 140]).
Labuda G. Mieszko II król Polski (1025–1034). Kraków, 1992
Labuda G. Kasimir II. der Gerechte // LMA. 1991. Bd. 5.
Lehr-Spławiński T Najstarsze nazwy plemion polskich w obcych źródłach // Język polski. Kraków, 1961. N 41.
LMA – Lexikon des Mittelalters. München; Zürich.
Lübke Ch. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Berlin, 1987. T. 4 (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I; Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 152).
Mączewska-Pilch K. Tympanon fundacyjny z Olbina na tle przedstawień o charakterze donacyjnym // Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozprawy Komisji historii sztuki. Wrocław, 1973. T. 9. Rozd. 2.
Maschke E. Der Peterspfennig in Polen und dem deutschen Osten. Leipzig, 1933.
Mente et Litteris: O kulturze i spoleczeństwe wieków średnich. Poznań, 1984 (UMP. N 117).
Musianowicz K. Drohiczyn od VI do XIII wieku. Białystok, 1982.
Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neu bearb. von G. Wissowa. Stuttgart.
Perfeckij E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. Praha, 1932 (Práce Slovanského Ústavu v Praze. Sv. 7).
Perlbach M. Die Anfänge der polnischen Annalistik // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1899. Bd. 24.
Perzanowska A. Wiadomości źródłowe o życiu i dzialności Jana Długosza // Dlugossiana. [Cz. 1].
Pfister F Die Historia de preliis und das Alexanderepos des Quilichinus // Münchener Museum. München, 1911. Bd. 1.
Pieradzka C. [Комментарий]. T. 2–3 // *Dlug.* 2–3.
Pieradzka C., Modelska-Strzelecka B. [Комментарий] // *Dlug.* 1.
Plezia M. Od Aristotelesa do Złotej Legendy. Warszawa, 1959.
Plezia M. Pisarstwo Jana Długosza // Dlugossiana. Cz. 2.
Polek K. Kraków i Małopolska w czasie najazdu Brzetisława I na Polską // SH. 1980. Zesz. 4.
Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968 (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego. N 26).
Poppe A. Drohičin // LMA. 1986. Bd. 3.
Poppe A. Der Kampf um die Kiever Thronfolge nach dem 15. Juli 1015 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin; Wiesbaden, 1995. Bd. 51 (Beiträge zur 7. Intern. Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches).
Powierski J. O pochodzeniu imienia Władysław w dynastii Piastowskej: Przyczynek stosunków polsko-ruskich w X–XII w. // Zeszyty naukowe Wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Historia. 1984. N 14.
Prelog J. Nennius // LMA. 1993. Bd. 6.
Radziszewska J. Przejątki Długosza z "Litewskiego latopisu" // Dlugossiana. Cz. 2.
Radziszewska J. W sprawie korzystania przez Długosza z "Powieści minionych lat" // Ziemia Częstochowska. 1984. T. 14.
RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neu bearb. von G. Wissowa. Stuttgart.

Reiche F Die Herkunft des Peter Wlast // Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens. Breslau, 1926. Bd. 60.
Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. Wrocław; Warszawa, 1966. T. 26. Cz. 1.
Rutkowska-Plachcińska A. Comes w źródłach polskich wczesnejszego średniowieczu i niektórych innych słowianskich // AU Sprawozdania. Toruń, 1972. T. 51. N 10.
Sawicki W. Studia nad wpływem praw obcych w dawniej Polsce. Warszawa, 1971.
Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów Polski Jana Długosza. Kraków, 1887.
Semkowicz-Zarembina W Powstanie i dzieje autografu Annalium Jana Długosza. Kraków, 1952.
Semkowicz-Zarembina W Przedmowa // *Jana Długosza* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1962. T. 1.
Sielicki F. Jan Długosz i latopisy ruskie // Opuscula Polonica et Russica. Warszawa, 1997. T. 5.
Śląski K. Wątki historyczne w podaniach o początkach Polski. Poznań, 1968.
SSS – Słownik Starożytnosci Słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Stadnicki K. Przyczynek do heraldyki polskiej w średnich wiekach. Lwów, 1879.
Strzelczyk J. Kaschuben // LMA. 1991. Bd. 5.
Strzelczyk J. Stanisław // LMA. 1997. Bd. 8.
Strzelczyk J. Mity, podania i wierzenia dawnych słowian. Poznań, 1998.
Szelińska J. Chorografia Regni Poloniae Jana Długosza // Dlugossiana. Cz. 2.
Szymczakowa A. Księżniczki ruskie w Polsce XIII w. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Ser. 1. 1978. Zesz. 29.
Thoma G. Namensänderungen in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Kallmünz OPf., 1985 (Münchener Historische Studien; Abt. Mittelalterliche Geschichte. Bd. 3).
Trunte H. Kyj – ein altrussischer Staatsgründer? Zur Entmythologisierung der slavischen Frühgeschichte // Die Welt der Slaven. 1988. N 33 (NF 12). T. 1.
Ulewicz T Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI wieku. Kraków, 1950.
Urbańczyk S. Miecław (Masław) // Slavia Antiqua. Poznań, 1954. T. 4.
Urbańczyk S., Bieniak J. Miecław // SSS. 1967. T. 3.
Wasilewski T Helena księżniczka znojemska, żona Kazimierza Sprawiedliwego // PH. 1978. T. 69. Zesz. 1.
Wasilewski T Piotr Włostowić // SSS. 1970. T. 4.
Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925.
Włodarski B. Sąsiedstwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // PH. 1964. T. 60. Zesz. 1.
Włodarski B. Ruś w planach politycznych Boliesława Krzywoustego (1102–1138) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu M. Kopernika. Nauki human.-społeczne. Historia II. Toruń, 1966. Zesz. 20.
Włodarski B. Polska i Ruś, 1194–1340. Warszawa, 1966.
Wojciechowski T. O rocznikach polskich X–XV wieku // RAUHF. 1880. T. 4.
Woroniecki J. Św. Jaciek Odrowąż. Katowice, 1947.
Zakrzewski S. Okres od schyłku XII wieku // Historia polityczna Polski. Kraków, 1920 (Encyklopedia Polska. T. 5. Cz. 1).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования).

ДИ – Древнейшие источники по истории Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие источники по истории народов на территории СССР).

КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.

ЛП – Литературные памятники.

ЛХ – Летописи и хроники.

ПИМ – Памятники исторической мысли.

ПСИ – Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского Дома). СПб.

УІЖ – Український Історичний Журнал. Київ.

KH – Kwartalnik Historyczny. Warszawa.

OChr. – Orientalia Christiana. Roma.

PH – Przegląd Historyczny. Warszawa.

RAUHF – Rozprawy Akademii Umiejętnosci. Wydzał Historyczno-filozoficzny. Kraków.

RM – Russia Mediaevalis. München.

SH – Studia Historyczne. Kraków.

Sobótka – Sląski kwartalnik historyczny Sobótka. Wrocław.

UMP – Uniwersytet im. Adama Mickiewicza [w Poznaniu]. Ser. Historia.

* Только сокращения названий периодических и серийных изданий; прочие сокращения см. в Библиографии.

УКАЗАТЕЛИ*

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И АНОНИМНЫЕ СОЧИНЕНИЯ**

* Латинский оригинал Анналов Длугоша в указателях не учтен; содержащиеся в нем упоминания имен и названий читатель при необходимости легко обнаружит, пользуясь соответствующей частью русского перевода.

** Условные сокращения: архиеп. – архиепископ, б. – брат, библ. – библейский (персонаж), герц. – герцог, гр. – граф, д. – дочь, еп. – епископ, ж. – жена, имп. – император, кн. – князь, княг. – княгиня, кор. – король, лет. – летопись, мгр. – маркграф, митр. митрополит, миф. – мифологическое (имя), патр. – патриарх, пгр. – пфальцграф, с. – сын.

16 — 11212

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ И ЭТНОНИМЫ*

* Условные сокращения: архиеп-я – архиепископия, библ. – библейское (название), г. – город, д. – деревня, еп-я – епархия, з. – земля, зал. – залив, имп-я – империя, кн-во – княжество, креп. – крепость, м. – море, м-рь – монастырь, назв. – название, обл. – область, оз. – озеро, ок. – океан, прол. – пролив, р. – река, с. – село, соврем. – современный.

Научное издание

ЩАВЕЛЕВА Наталия Ивановна

Древняя Русь
в "Польской истории" Яна Длугоша
(книги I–VI)
Текст, перевод, комментарий

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 14.10.2004. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 32,3. Печ. л. 31,0
Тираж 800 экз. Заказ № 11212.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6